

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Sozonovich, I. P.

КЪ ВОПРОСУ

О

ЗАПАДНОМЪ ВЛІЯНІИ
НА СЛАВЯНСКУЮ И РУССКУЮ ПОЭЗІЮ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

И. СОЗОНОВИЧА

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

В А Р Ш А В А.

ТИПОГРАФІА ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

БРАКОВСКОЕ-ПРЕДМѢСТІЕ № 3.

1898.

PG 510
S69

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго
Университета.

Ректоръ Проф. Г. Э. Земель.

ПАМЯТИ

незабвеннаго учителя

профессора Ореста Федоровича Миллера

ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе. xv—xix

I.

Поэтическій мотивъ о женихѣ-мертвецѣ и о братѣ-мертвецѣ.

- Глава 1.** Бюргеръ и его Ленора. Отраженіе Леноры въ русской литературѣ; впечатлѣніе, произведенное ею на представителей нѣмецкой поэзіи; вниманіе къ ней писателей почти всѣхъ европейскихъ странъ 3—12
- Глава 2.** Литература о Ленорѣ и сходныхъ съ нею сюжетахъ. Сужденіе англійской критики о сюжетѣ Леноры; споръ между нѣмцами и англійскими учеными по этому вопросу; указаніе Ляхъ-Ширмы на славянскія и Форіала на ново-греческія параллели къ сказанію о Ленорѣ; изслѣдованія по этому вопросу Ваккернагеля, Прёле, Вольнера, Политиса; взглядъ на этотъ вопросъ Психариса, Бигельейзена, Веселовскаго, Дестуниса, Крумбахера, Эр. Шмита, Мори, Крека и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. 13—22
- Глава 3.** Вѣра въ возвращеніе мертвыхъ. Слѣды такого вѣрованія на умершихъ въ памятникахъ санскритской литературы; культъ предковъ въ Индіи и соотвѣтственные древне-персидскія представленія о fravashis; культъ предковъ въ древней Греціи; взглядъ древнихъ грековъ на

посмертное существованіе души; литературныя произведенія, вытекающія изъ такого воззрѣнія: разсказъ Гомера о сношеніяхъ Одиссея съ душами умершихъ; разсказъ Геродота о Мелиссѣ, женѣ Періандра; разсказъ Флегонта о Филиннѣ и Лукіана о возвращеніи жены Евкрата; переходъ такихъ разсказовъ въ связи съ такими же вѣрованіями къ римлянамъ: разсказъ Плінія Младшаго о появленіи призрака, требующаго себѣ погребенія; усвоеніе такихъ воззрѣній и основанныхъ на нихъ разсказовъ новыми европейскими народами; слѣды такихъ вѣрованій у средневѣковыхъ и новѣйшихъ писателей; разсказъ провансальскаго поэта Мистрала; свидѣтельства Меланхтона и Лютера; отраженіе такихъ воззрѣній о посмертномъ существованіи души въ современныхъ представленіяхъ простаго класса всѣхъ европейскихъ народовъ и основанные на такихъ представленіяхъ разсказы, встрѣчающіеся во всѣхъ европейскихъ литературахъ 23—76

Глава 4. Слезы и неутѣшная скорбь тревожатъ покой мертвыхъ. Запрещеніе оплакивать покойниковъ въ памятникахъ персидской и индійской литературъ; соотвѣтственныя представленія объ этомъ у грековъ и римлянъ; свидѣтельства древнихъ писателей о скинахъ; слѣды такого вѣрованія у современныхъ европейскихъ народовъ. Слезы родныхъ пропитываютъ смертныя покровы покойника и причиняютъ ему страданіе; сказанія, основанныя на такомъ представленіи: разсказъ изъ XIII стол. Оомы изъ Шампрэ; разсказъ изъ хроники Гельмольда и изъ *Legenda Aurea*; народныя сказанія того же содержанія 77—97

Глава 5. Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ.

I. Версія древне-классическія. Сказаніе о Протеѣ и Лаодаміи; слѣды этого сказанія у нѣкоторыхъ писателей; возможный переходъ его въ средневѣковую европейскую письменность . 99—104

II. Вариантъ древне-скандинавскій. Сказаніе Стар-

- шей Эдды про Гельги и Сигруну; сходство его съ классическимъ разсказомъ о Протезилаѣ и Лаодаміи; вѣроятность вліянія послѣдняго на скандинавскую сагу о Гельги. 104—111
- III. Варіантъ шведскій. Народная шведская пѣсня „Macht des Kummers“; связь ея со скандинавской сагой о Гельги не только по идеѣ, но и по разработкѣ подробностей 111—113
- IV. Варіантъ датскій. Баллада „Der Ritter Aage und Jungfrau Else“; совпаденіе ея своими подробностями со скандинавской сагой о Гельги 113—114
- V. Варіанты англійскіе. Баллада „Sweet William's Ghost“; отдаленное сходство ея съ указанными варіантами шведскимъ и датскимъ; баллада „The suffolk miracle“ и соотвѣтствующій ей разсказъ изъ прошлаго столѣтія о „Франко и Нанси“; сходство ихъ съ сюжетомъ Леноры 114—119
- VI. Варіантъ венгерско-цыганскій. Сходство его со скандинавской сагой про Гельги. 119—121
- VII. Варіантъ кельтскій. Сходство его съ англійскими балладами и съ разсказомъ о Франко и Нанси. 121—123
- VIII. Варіанты романскіе. Сказка изъ Бретани „Les deux fiancés“; родство ея съ одной стороны съ англійскимъ и кельтскимъ разсказами, съ другой съ голландскими и нѣмецкими. Корсиканская легенда „Malia“ 124—127
- IX. Варіантъ исландскій; связь его со сказаніями центральной Европы 127—129
- X. Варіанты голландскіе; близость ихъ къ нѣмецкимъ обработкамъ той же темы 129—131
- XI. Варіанты нѣмецкіе. Народная основа для Леноры Бюргера; вестфальское сказаніе; нѣмецкая пѣсня изъ Крайны; пѣсенка изъ Силезіи и изъ Тироля; шлезвигъ-гольштинская, мекленбургская и гессенская сказки; вѣроятность происхожденія всѣхъ такихъ разсказовъ отъ старо-нѣмецкой пѣсни, не дошедшей до насъ 132—142

- XII. Варіанти юго-западнихъ славянъ. Словинская пѣсня; сказки словинскія; хорватско-словинскія сказки; хорватскія сказки; сербская сказка изъ Босніи. 143—151
- XIII. Варіанти австрійско-нѣмецкіе. Нижне и Верхне-австрійскія сказки; отраженіе въ нихъ соответствующихъ славянскихъ сказаній. . . 151—154
- XIV. Варіантъ венгерско-нѣмецкій 154—156
- XV. Варіантъ венгерско-цыганскій 156—158
- XVI. Варіантъ венгерско-армянскій 158—159
- XVII. Варіанты мадьярскіе. Близость ихъ къ австрійско-славянскимъ изводамъ того же сказанія 159—162
- XVIII. Варіантъ моравско-нѣмецкій. 162—163
- XIX. Варіантъ сѣверо-западныхъ славянъ. Лужицко-сербскія сказки; чешская пѣсня; близость ихъ къ нѣмецкимъ источникамъ. Другія чешскія сказки, сближающіяся съ группой славянскихъ обработокъ того же сказанія; моравскія пѣсни; моравская сказка; словацкая сказка . 163—173
- XX. Варіанты восточно-прусскіе. Близость ихъ къ польскимъ разсказамъ. 173—175
- XXI. Варіанты литовскіе. Совпаденіе ихъ съ чешскими пересказами 175—178
- XXII. Варіанты польскіе. Сказка изъ Галиціи; мазовецкая сказка; сказки изъ окрестностей Бохніи; познанская сказка; сказка изъ окрестностей Прасныша; сказка изъ Кѣлецкой губерніи; пѣсня изъ Галиціи; польскія обработки Леноры Бюргера; баллада Мицкевича „Ucieiszka“ 178—191
- XXIII. Варіанты русскіе. Галицко-русская пѣсня; совпаденіе ея съ моравской пѣснью; малорусскій разсказъ; бѣлорусская сказка; великорусскія версіи изъ Псковской и Смоленской губерній, и изъ Пріамурской области. Родство ихъ со славянскими сказаніями и далѣе съ западно-европейскими обработками той же темы. 191—201

Глава 6. Пѣсни о братѣ-мертвецѣ	202—259
I. Варіанты сербско-хорватскіе. Глубокая связь ихъ съ духомъ и пріемами сербской поэзіи. Внѣшнее сходство и внутреннее различіе между ними и сказаніями о женихѣ-мертвецѣ	203—216
II. Варіанты болгарскіе. Вѣроятность происхожденія ихъ отъ сербскихъ пѣсень.	216—227
III. Варіанты албанскіе. Близость ихъ къ болгарскимъ пѣснямъ; тѣсныя культурныя связи между албанцами и южными славянами	227—234
IV. Варіанты ново-греческіе. Близость ихъ между собою; отраженіе въ нихъ чертъ южно-славянской поэзіи; родство ихъ съ болгарскими пѣснями. Вѣроятность возникновенія самаго сказанія о братѣ-мертвецѣ въ славянской средѣ по поводу какого-то народнаго бѣдствія въ родѣ чумы	234—259

II.

Поэтический мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены, собиравшейся выйти замужъ за другого.

Глава 1. Литература вопроса. Взглядъ Я. Гримма, Гёдеке, Вольфа, Мюллера. Отраженіе мифологической теоріи въ трудѣ О. Ө. Миллера. Работы Дашкевича, Халанскаго и Чайльда. Восточная теорія Вс. Миллера. Мой рефератъ на IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ. Взглядъ Сумцова и Халанскаго.	263—267
Глава 2. Возвращеніе Раймунда du Bousquet изъ плѣна. Воздѣйствіе на этотъ провансальскій разсказъ XI вѣка классическаго сказанія о возвращеніи Одиссея къ Пенелопѣ. Отраженіе нѣкоторыхъ другихъ античныхъ сюжетовъ въ средневѣковой поэзіи	268—281
Глава 3. Приключеніе Ричарда Безстрашнаго. Переходъ этого разсказа Васе'а изъ XII столѣтія въ число французскихъ народ-	

- ныхъ книгъ; обработка его въ XVI вѣкѣ въ видѣ нѣмецкой поэмы о Теделѣ Безстрашномъ 281—288
- Глава 4. Возвращеніе Карла изъ Венгріи. Хроника Эненкеля XIII ст.; связь ея съ французскими источниками; вѣроятность французскаго источника и для разсказа Эненкеля о Карлѣ. 288—292
- Глава 5. Возвращеніе графа Удальриха изъ Венгріи. Разсказъ Эккегарда о Бухгорнѣ изъ X ст.; черты сходства его съ Гомеровскимъ описаніемъ возвращенія Одиссея 292—293
- Глава 6. Возвращеніе Карла изъ Испаніи. Проникновеніе французскихъ эпическихъ сказаній въ итальянскую литературу. Итальянская стихотворная и прозаическая поэма „Spragna“; принадлежность стихотворной поэмы XIV вѣку; связь помѣщенного въ ней разсказа о возвращеніи Карла съ соответствующими обработками французскими 294—306
- Глава 7. Возвращеніе рыцаря Гергарда Голенбахскаго изъ Индіи по разсказу Цезарія Гайстербахскаго изъ XIII вѣка; дидактическій характеръ его; связь его съ французскими сказаніями; переходъ его въ сборники правоучительныхъ повѣствованій. 306—309
- Глава 8. „Добрый Гергардъ“ Рудольфа Эмסקаго — произведеніе XIII вѣка; связь его съ разсказомъ Цезарія Гайстербахскаго и близкое совпаденіе его съ однимъ еврейскимъ повѣствованіемъ 310—313
- Глава 9. Разсказъ раввина Ниссима. Составной характеръ этого произведенія; отсутствіе точной хронологической даты для него; близость его къ разсказу Рудольфа Эмסקаго. 313—318
- Глава 10. Сказанія о Горнѣ. Литература научной разработки сказаній о Горнѣ. Различные взгляды на ихъ происхожденіе. 1. Англійская поэма „King Horn“. 2. Французскій романъ „Horn et Rimenhild“. 3. Англійская поэма „Horn Child and maiden Rimnild“. 4. Англійскія бал-

лады о Гиндѣ Горнѣ. 5. Разсказъ англо-нормандской хроники XII вѣка „De gestis Herewardi Saxonis“. Вліяніе французскихъ обработокъ нашей темы на разработку сказаній о Горнѣ. 6. Скандинавскія баллады изъ XVI и XVII вв.; сходство ихъ съ англійскими балладами о Горнѣ. 319—338

Глава 11. Вліяніе крестовыхъ походовъ на распространеніе изучаемаго сюжета въ европейской поэзіи. Господство французскаго языка въ Европѣ въ XII и XIII столѣтіяхъ. Проникновеніе французскихъ романтическихъ сюжетовъ въ византійскую литературу; отраженіе ихъ въ письменности южно-славянской; вліяніе французской поэзіи на нѣмецкую. Популярность нѣкоторыхъ поэтическихъ мотивовъ въ европейской поэзіи въ періодъ крестовыхъ походовъ; связь мотива о внезапномъ возвращеніи мужа съ воспоминаніями о крестовыхъ походахъ . . . 339—349

Глава 12. Французскіе варіанты. Отраженіе нашей темы въ пѣснѣ Jehan de Lanson изъ XIII вѣка, въ поэмѣ Bueves d'Hanstone изъ конца XII или половины XIII в., въ романѣ „Gilles de Trasnignes“. Нормандское сказаніе о рыцарѣ de Baqueville и о рыцарѣ de Lomblon; пикардійскій романсъ „le Sire de Créqui“. Народныя французскія пѣсни; проникновеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ нѣмецкую среду; переходъ ихъ въ сѣверную Италію. Усвоеніе нашей темы романомъ du Renard 349—361

Глава 13. Итальянскіе варіанты. 1. Возвращеніе Торелло изъ плѣна у султана Саладина по новеллѣ Боккаччо. Сходство ея съ одной стороны съ разсказомъ Цезарія Гайстербахскаго, съ другой съ поэмой „Spagna“. Новелла Боккаччо о Тедальдо. 2. Сказаніе о Buono d'Antona. 3. Итальянскія народныя пѣсни: близость ихъ къ испанско-португальскимъ романсамъ и полное совпаденіе ихъ съ французскими пѣснями 351—378

- Глава 14. Испанско - португальскіе романсы. Отраженіе французскихъ эпическихъ темъ въ испанскихъ романахъ. Romance del Conde Dirlos; самостоятельность и архаичность его въ передачѣ темы о внезапномъ возвращеніи мужа съ удержаніемъ всѣхъ типичныхъ чертъ ея средневѣковой обработки. Romances da Bella-Infanta; близость ихъ съ одной стороны съ итальянскими пѣснями, съ другой съ французскими 379—389
- Глава 15. Англійскіе варианты. 1. Сказаніе о Hugh de Hatton'ѣ. Легенда о Жильбертѣ Беккетѣ и возможная связь ея съ балладами о Бейканѣ. 2. Баллады о „Young Beichan“; усвоеніе ими нѣкоторыхъ чертъ изъ сказаній о возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены. 3. Сѣверныя баллады изъ XVI—XVIII вв. 4. Итальянскія пѣсни о „Morgan d'Inghilterra“. 5. Испанскій романсъ „El conde Sol“; совпаденіе послѣднихъ итальянскихъ и испанскихъ произведеній съ балладами о Бейканѣ. 389—407
- Глава 16. Нѣмецкіе варианты. 1. Пѣсня о благородномъ Мѣрингерѣ. Популярность ея въ XIV вѣкѣ. 2. Пѣснь Виссенгере о рыцарѣ Брауншвейгскомъ изъ XV вѣка. 3. Разсказъ Бельгійской народной книги о герцогѣ Брауншвейгскомъ изъ XV вѣка. 4. Пѣснь неизвѣстнаго мейстерзенгера о Генрихѣ Львѣ. Провансальская средневѣковая сказка „La prouesse de Geoffroy de la Tour“: самостоятельность воспроизводимого ею разсказа о приключеніи со львомъ, осложняющаго нашу тему въ Брауншвейгскихъ сказаніяхъ. 5. Народная нѣмецкая книга о Генрихѣ Львѣ. 6. Поэма о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ изъ XIV вѣка. 7. Шведская баллада „Hertig Henrik“. 8. Датская баллада о герцогѣ Генрихѣ. 9. Поэма о королѣ Ротерѣ. 10. Позднѣйшія нѣмецкія сказанія и сказки: Der getheilte Trauring; Die Hahnkrähe bei Breslau; Der Ring ehelicher Treue; Das Hildebrandslied; Graf Hubert von

Calw; Das Nebelmännle. Слѣды воспоминаній о вѣстовыхъ походахъ во многихъ изъ разсмотрѣнныхъ произведеній 407—440

Глава 17. Западно-славянскіе варианты. Отраженіе западно-европейской эпикѣ въ чешской письменности XIV вѣка. 1. Чешское сказаніе о королѣ Брунцвикѣ. Мнѣніе Пыпина, Малоха и Файфалика о происхожденіи этого произведенія. Ближайшая связь его съ пѣснью Виссенгере и съ Бельгійской книгой о hertog van Bronswyk. 2. Пѣсни западныхъ славянъ: А. Моравская пѣсня „První milej“; связь ея съ романскими произведеніями. Б. Польскія пѣсни; распространенность ихъ; полное совпаденіе ихъ съ моравской пѣснью; польская гербовная повѣсть; устойчивость имени Домбровы въ польскихъ пѣсняхъ; черты сходства польскихъ пѣсенъ съ русскими былинами 440—463

Глава 18. Южно-славянскіе варианты. А. Сербскія пѣсни; близость ихъ къ западно-европейскимъ обработкамъ нашей темы. Б. Болгарскія пѣсни; почти полное совпаденіе ихъ съ сербскими пѣснями. а) Похищеніе жены Краевича Марка. Южно-славянскія пѣсни на эту тему. Французскія пѣсни соотвѣтствующаго содержанія; испанскія пѣсни; полное совпаденіе ихъ съ французскими; romances de Gai-feros; романсы о „Morgiana“; итальянскія пѣсни тождественнаго содержанія. б) Жена Марка въ его отсутствіе терпитъ притѣсненія отъ своей свекрови. Южно-славянскія пѣсни на эту тему. Французскія пѣсни соотвѣтствующаго содержанія; испанскія и итальянскія версіи тождественнаго содержанія; кельтская пѣсня; албанская и ново-греческія пѣсни. Тождество всей группы данныхъ произведеній поэзіи балканскихъ народовъ съ романскими первоисточниками 464—499

Глава 19. Пѣсни албанскія, ново-греческія и румынскія. Близость ихъ къ пѣснямъ юж-

	но-славянскимъ; родство ихъ съ романскими произведеніями; извѣстность греческихъ вариантовъ въ Малой Азіи	499—511
Глава 20.	Великорусскія былины. Былины про Добрыню и Алешу; обиліе архаическихъ подробностей въ ихъ содержаніи; первичность имени Добрыни въ былинахъ даннаго круга; вліяніе польскихъ пѣсень про Домброву на былины о Добрынь и Алешѣ; южно-русское происхожденіе послѣднихъ; принадлежность юго-западной Руси именъ такихъ былинныхъ героевъ, какъ Василій Казимировичъ, Иванъ Дубровичъ, Чурило Пленковичъ. Планъ, принятый въ основу былинъ про Добрыню и Алешу; связь этихъ былинъ ближайшимъ образомъ съ южно-славянскими пѣснями соответствующаго содержанія и въ болѣе отдаленной степени съ западными романтическими сказаніями, восходящими къ классическому разсказу о возвращеніи Одиссея въ Итаку, гдѣ ждала его вѣрная Пенелопа.	511—538
Глава 21.	Восточныя параллели. Монгольско-тибетское сказаніе о Гэсэръ-ханѣ; сирійскій разсказъ; отдаленность этихъ произведеній отъ традиціонной обработки нашей фабулы въ европейскихъ пересказахъ ея. Кавказская сказка объ Ашикъ-Керибѣ; невозможность считать ее за прототипъ для русскихъ былинъ; связь ея съ славяно-греческой группой соответствующихъ сказаній	538—547
Приложеніе.	Русскіе варианты сказки о женихѣ-мертвецѣ.	549—565
Дополненія.		566—567
Опечатки.		568

І.

ПОЭТИЧЕСКІЙ МОТИВЪ

О

женихъ-мертвецъ и братъ-мертвецъ.

1.

Бюргеръ и его Ленора.

Поэтический сюжетъ, изслѣдованіемъ котораго мы намѣрены заняться въ предстоящей работѣ, извѣстенъ въ нашей литературѣ уже давно. Въ первый разъ въ художественной обработкѣ онъ появился на страницахъ Вѣстника Европы за 1808 г.; журналъ, основанный Карамзинымъ, издавался тогда В. А. Жуковскимъ, и въ немъ самъ издатель помѣстилъ одну изъ интереснѣйшихъ своихъ балладъ „*Людмилу*“. Необыкновенной прелестью стиха и новизною своего романтического содержанія, якобы почерпнутаго изъ исторіи славянства, баллада эта произвела сильное впечатлѣніе на читающую публику, впечатлѣніе, сравниваемое Галаховымъ ¹⁾ съ тѣмъ, какое произвелъ Карамзинъ своею „*Бѣдной Лизой*“. Людмила, говоритъ поэтъ, поджидая возвращенія своего возлюбленнаго изъ далекой стороны,

На распутии вздыхала.
„Возвратится ль онъ—мечтала —
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратию славянъ?“... ²⁾

¹⁾ А. Галаховъ, Исторія русской словесности. Спб. 1880, т. II, стр. 223.

²⁾ Собраніе сочиненій В. Жуковскаго. Изд. 6, Спб. 1869, т. I, стр. 38.

Съ полнымъ правомъ поэтъ авторъ „*Людмила*“ могъ отправить героя баллады на войну со „славянской ратію“, не нарушая этимъ поэтической правды, т. е. рассказъ развиваетъ содержаніе обще-человѣческой жизни, захватываетъ отношенія повсюду одинаковыя, присущія всему человѣчеству, а не одной какой-либо народности. Между тѣмъ „*Людмила*“ оказывается не чѣмъ инымъ, какъ передѣлкой нѣмецкой баллады, именно той, которую нѣсколько позднѣе, въ 1829 г.¹⁾, Жуковскій перевелъ съ большимъ искусствомъ и притомъ близко въ подлиннику и издалъ подъ ея настоящимъ именемъ „*Ленора*“.

Въ журналѣ „Сынъ Отечества“ за 1816 годъ (ч. 30, стр. 186 — 192) и въ то же самое время въ „Вѣстникѣ Европы“ Катенинъ помѣстилъ свое стихотвореніе „*Ольга*“—вольный переводъ изъ Бюргера. Авторъ стихотворенія переноситъ дѣйствіе ко времени Петра Великаго, приурочивая его къ Полтавской битвѣ.

Въ слѣдующей части „Сына Отечества“ (ч. 31, стр. 3—22) появилась рѣзкая рецензія на стихотвореніе Катенина, при чемъ критикъ не сочувственно отозвался какъ о формѣ, такъ и о самомъ содержаніи „*Ольги*“, говоря: „однѣ красоты поэзіи могли до сихъ поръ извинить въ семъ родѣ сочиненій (въ балладахъ) странный выборъ предметовъ“.

Въ защиту „чудеснаго“ элемента въ поэзіи, а также съ цѣлю ослабить рѣзкости упомянутой рецензіи пишетъ свои замѣчанія какъ объ „*Ольгѣ*“ Катенина, такъ и о „*Людмилѣ*“ Жуковского безсмертный авторъ „*Гори отъ ума*“²⁾.

Подлинникомъ какъ для Катенина, такъ и для Жуковского послужила превосходная нѣмецкая баллада „*Lenore*“³⁾. Авторомъ этой знаменитой баллады былъ Готфридъ Августъ Бюргеръ, одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ писате-

¹⁾ Ibid., т. II, стр. 380.

²⁾ Грибоѣдовъ, О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Ленора. Сынъ Отечества, 1816, ч. 31, стр. 150—160.

³⁾ G. A. Bürger's Sämmtliche Schriften. Göttingen 1821, Bd. I, стр. 68.

лей, взявшись за обработку балладъ и романсовъ. Родился онъ въ горахъ Гарца, въ семьѣ деревенскаго пастора, росъ въ близкомъ соприкосновеніи съ природою и народною средою, чѣмъ отчасти и объясняется его раннее влеченіе къ сюжетамъ безыскусственной поэзіи.

Живое воображеніе мальчика съ ранняго періода находило богатую пищу въ мѣстныхъ романтическихъ связаніяхъ о рыцарскихъ замкахъ и чудныхъ преданіяхъ о горныхъ духахъ; на родинѣ онъ познакомился также съ живой народною пѣснью, которая на ряду съ библіей и старыми церковными гимнами уже рано подбѣствовала возбуждающимъ образомъ на воспріимчивую душу ребенка. Другимъ болѣе важнымъ условіемъ, давшимъ направленіе таланту Бюргера, было то обстоятельство, что поэтическое развитіе его совершалось въ то знаменательное время нѣмецкой жизни, которое обыкновенно называется „геніальнымъ“ періодомъ, или „періодомъ бурныхъ стремленій“ („Kraftgenialische“ или „Sturm-und Drang-Periode“).

Послѣ продолжительной и упорной работы многихъ труженниковъ, работы, направленной къ пробужденію самостоятельности и правдивости въ литературѣ, послѣ блестящей и въ высокой степени плодотворной дѣтельности такихъ корифеевъ, какъ Клопштокъ, Лессингъ и Виландъ, на литературное поприще выступаетъ цѣлый рядъ многочисленныхъ, хотя и мало извѣстныхъ писателей, подготовившихъ собою настоящую умственную революцію, охватившую нѣмецкое общество въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Подъ вліяніемъ популярнаго тогда въ Германіи идей Руссо, провозглашавшихъ свободу личности, поклоненіе природѣ и непосредственность чувства, нестѣсняемаго никакими формальностями и условностью, среди молодежи всѣхъ классовъ общества пробудилась страстная потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ и въ болѣе глубокомъ пониманіи жизни. Литература призвана была давать удовлетвореніе новымъ запросамъ жизни, разрушать старые предрасудки, бороться за свободу личнаго права, за широко понимаемое просвѣщеніе. Мало по малу но-

вые идеалы вытѣсняють старыя, просвѣщеніе широкой волной разливается по Германіи, въ литературѣ пріобрѣтаетъ полное гражданство свобода творчества и смѣлый полетъ воображенія, остающіеся съ тѣхъ поръ руководящими принципами для дальнѣйшаго развитія поэзіи.

Въ этомъ періодѣ, продолжавшемся не болѣе четверти столѣтія, слѣдуетъ искать зародыши будущихъ литературныхъ и общественныхъ направленій въ Германіи; подъ его вліяніемъ возникъ цѣлый рядъ великихъ произведеній и выработались такіе писатели, какъ Гердеръ и Фоссъ, Гёте и Шиллеръ, Шлегель и Бюргеръ и цѣлая плеяда второстепенныхъ литераторовъ, поэтовъ, критиковъ и мыслителей.

Самымъ законченнымъ и многостороннимъ выразителемъ этой знаменитой эпохи по своему универсальному уму, громаднымъ познаніямъ и по рѣдкой душевной отзывчивости былъ Гердеръ. Геніальный мыслитель и вдохновенный провозвѣстникъ идеаловъ будущаго, онъ близко подходилъ къ Руссо, но охватывалъ болѣе широкій кругъ интересовъ. Онъ искалъ и любилъ прекрасное во всѣхъ формахъ и видахъ проявленія жизни, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ религіяхъ, во всѣхъ искусствахъ и наукахъ; вся его жизнь была посвящена служенію идеаламъ и знанію.

При такомъ возвышенномъ взглядѣ на жизнь и при такомъ широкомъ умственномъ кругозорѣ произведенія его отличались отрывочностью и неполнотою, но вліяніе ихъ было полное и безусловное, особенно въ первый періодъ его дѣятельности.

Молодежь чутко прислушивалась къ новому ученію Гердера о народности и поэзіи; среди отзывчивыхъ на это ученіе молодыхъ людей былъ и Бюргеръ, уже съ дѣтства обладавшій рѣдкимъ поэтическимъ талантомъ.

Юношей, проходя университетскій курсъ въ Галле, а затѣмъ въ Гёттингенѣ, онъ увлекается тогдашней нѣмецкой лирикой въ духѣ Глейма и Гагедорна, превлоняется предъ Клоппштокомъ и съ увлеченіемъ изучаетъ Оссіана и Шекспира, которыми бредила вся тогдашняя бурная молодежь.

Въ кругу своихъ молодыхъ друзей, составлявшихъ союзъ такъ называемыхъ „бардовъ“—*Göttinger Hainbund*— онъ является соучастникомъ всѣхъ ихъ страстныхъ порывовъ и крайнихъ увлеченій, но все еще не успѣваетъ попасть на настоящій путь своего призванія.

Зачитываясь Шекспиромъ и Оссіаномъ, гениальнымъ истолкователемъ которыхъ былъ въ то время Гердеръ, Бюргеръ ищетъ сюжетовъ для себя въ безыскусственной поэзіи и попадаетъ на сборникъ англійскихъ балладъ *Регсу: „Reliques of Ancient english Poetry“* (1723). Сборникъ этотъ дѣлается для него настольной книгой, онъ тщательно изучаетъ его въ теченіе довольно продолжительнаго времени и подъ воздѣйствіемъ его переживаетъ новый важный моментъ въ развитіи своего поэтическаго таланта.

Въ послѣдствіи ему дѣлается извѣстнымъ и второй сборникъ англійскихъ балладъ—*„Old ballads, Evans edition“* (1777); изъ нихъ онъ почерпаетъ сюжеты для лучшихъ своихъ переводныхъ произведеній и на нихъ же воспитываетъ свой литературный вкусъ, съ такимъ изяществомъ отразившійся затѣмъ на его самостоятельныхъ балладахъ. Итакъ, усвоивъ уже съ дѣтства любовь къ народной поэзіи и воспитавъ затѣмъ свое предрасположеніе къ такого рода произведеніямъ чтеніемъ восторженныхъ статей Гердера о безыскусственномъ творествѣ, Бюргеръ подъ вліяніемъ англійскихъ балладъ съ большимъ успѣхомъ и самъ начинаетъ обрабатывать народные сюжеты и почти одновременно выпускаетъ въ свѣтъ двѣ баллады: *„Der Raubgraf“* и *„Lenore“*.

Послѣдняя баллада появилась въ томъ же году, когда Гёте напечаталъ свою драму *„Götz von Berlichingen“*, бывшую знаменіемъ времени, а Гердеръ свое изслѣдованіе *„Ueber Ossian und die Lieder alter Völker“*, явившееся страстнымъ, воодушевленнымъ диопирамбомъ безыскусственному творчеству¹⁾.

¹⁾ Гаймъ, Геддеръ, его жизнь и сочиненія. Москва, 1888, I, 482, 504.

Такимъ образомъ теоретическія требованія Гердера встрѣтились съ двумя замѣчательными произведеніями, одновременно отвѣтившими на новыя вѣянія, чувствовавшіяся въ литературѣ и поэзіи.

Прочитавъ статью Гердера, Бюргеръ пишетъ въ своему другу Бойе отъ 18 іюня 1773 г.: „О какое счастье! такой человѣкъ, какъ Гердеръ, учитъ о народной лирикѣ точно такъ же, какъ я давно уже въ глубинѣ души своей думалъ и чувствовалъ. Я думаю, что Ленора въ нѣкоторомъ отношеніи должна соответствовать ученію Гердера“¹⁾.

И дѣйствительно, эта баллада на ряду съ появившейся въ 1775 году другой балладой „*Der Wilde Jäger*“ служитъ высшимъ проявленіемъ таланта Бюргера; ни раньше, ни позже онъ не могъ уже достигнуть такого совершенства формы, такой реальности картинъ и такой силы выраженія, какія удалось ему представить въ названныхъ балладахъ. Обѣ баллады написаны въ духѣ народной поэзіи, и особенно первая доставила автору широкую европейскую популярность.

Свою Ленору написалъ Бюргеръ въ 1773 г. Появленіе ея было настолько новымъ и неожиданнымъ событіемъ въ нѣмецкой поэзіи, что она тотчасъ же привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Но не всѣ были ею довольны.

Отживавшіе свое время поклонники ложно-классическаго направленія въ литературѣ порицали ее за новизну формы и содержанія²⁾; представители религіозной тенденціи, нашедшей свое полное выраженіе въ „*Messias*“ Клопштока, были ею недовольны съ религіозной точки зрѣнія, усматривая въ ней легкомысленное отношеніе къ вопросамъ вѣры. Такъ проф. Рейнгардъ заявлялъ³⁾: „Не то удивительно, что находятся,

¹⁾ Ed. Grisebach, Die deutsche Litteratur seit 1770. Berlin, 1887, стр. 128.

²⁾ Erich Schmidt, Charakteristiken, стр. 243.

³⁾ Beiträge zu den Hamburgischen Nachrichten aus dem Reiche der Gelehrsamkeit, II, стр. 328.

способные писать такія вещи, а другіе восторгаться ими, но то, что цензура пропускает такія скандальныя пѣсни“.

Однако эти отдѣльные неодобрительные отзывы были заглушены всеобщимъ восторгомъ: балладу читали по всей Германіи, самъ Гёте любилъ декламировать ее, композиторы перекладывали ее на музыку, живописцы иллюстрировали ее, а два французскихъ художника выбрали моменты изъ Леноры для своихъ картинъ ¹⁾).

Въ теченіе короткаго времени Ленора дѣлается извѣстной во всей Европѣ: ее переводятъ, передѣлываютъ и подражаютъ ей.

Вскорѣ послѣ своего выхода она появилась въ переводѣ на датскій (1788), шведскій и голландскій языки. Въ теченіе немногихъ лѣтъ вышло семь англійскихъ переводовъ; одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ Вальтеръ Скоттомъ, который познакомилъ англичанъ также въ своемъ переводѣ и съ драмой Гёте: „*Götz von Berlichingen*“. Англійскіе переводчики поступали съ подлинной Ленорой весьма свободно и придавали разсказу мѣстный, національный характеръ.

Были также переводы Леноры на итальянскій ²⁾), португальскій, фламандскій и французскій языки; M-me de Staël помѣстила въ своей книгѣ „*De l'Allemagne*“ изложеніе баллады и эстетическій разборъ ея, исполненный лестныхъ отзывовъ о произведеніи Бюргера ³⁾).

На хорватскій языкъ она переведена Прерадовичемъ и Вукеличемъ ⁴⁾ имѣется также переводъ ея и на чешскій языкъ.

На латинскій языкъ перевелъ ее проф. Рейнсторфъ ⁵⁾).

На польскомъ языкѣ въ подражаніе Ленорѣ Бюргера

¹⁾ B. Maury, G. Bürger et les origines anglaises de la ballade littéraire en Allemagne. Paris, 1889, стр. 146.

²⁾ G. Zanella, Della letteratura italiana nell' ultimo secolo. Città di Castello, 1887, стр. 161.

³⁾ Erich Schmidt, Op. c., стр. 244.

⁴⁾ V. Jagić, Archiv f. slav. Ph. 1893, стр. 615.

⁵⁾ Festschrift zur Einweihung des Wilhelm-Gymnasiums in Hamburg. 1885.

Лихъ-Ширма пишетъ свою обширную балладу „*Kamilla i Leon*“, позднѣе Мицкевичъ, зная балладу Бюргера, избираетъ соотвѣтствующій сюжетъ изъ польской народной поэзіи для своей баллады „*Uciezka*“, а затѣмъ Одынецъ даетъ близкій переводъ ея ¹⁾.

Остается указать еще на переводъ малорусскій ²⁾, чтобы имѣть точное представленіе о широкой извѣстности Леноры, приобрѣтенной ею въ короткое время послѣ своего появленіи въ печати за предѣлами Германіи.

Но этимъ еще не исчерпывается литературное значеніе Леноры.

Въ Англіи она вызвала не только цѣлый рядъ переводовъ, но во весь періодъ увлеченія романтикой оказывала живое воздѣйствіе на художественное творчество: она послужила тамъ сюжетомъ для новыхъ балладъ, фабула ея влася въ основу романовъ и поэмъ, пластичность формъ и живость картинъ дѣйствовала на воображеніе такихъ поэтовъ, какъ Кольриджъ-Вордсвортъ, Шелли и другіе. Биографъ Шелли говоритъ, будто-бы Ленора Бюргера впервые пробудила поэтическую силу этого поэта ³⁾.

Такая популярность Леноры въ Англіи была подготовлена тамъ съ одной стороны Оссіановскою поэзіей, а съ другой старыми балладами на тему о привидѣніяхъ и мертвецахъ. Бюргеръ явился въ данномъ случаѣ только сильнымъ художникомъ формы, и эта сила привлекла къ нему всеобщее вниманіе.

По собственнымъ словамъ своимъ Бюргеръ получилъ первоначальную идею для своей баллады отъ народной сказки, случайно имъ слышанной; въ сказкѣ этой его особенно поразили стихи ⁴⁾:

¹⁾ Poezye Ant. Odyńca. Wilno, 1825, I, стр. 3.

²⁾ Вілєцкій-Носенко, Казки сліпого бандуриста. Кіивъ, 1872, стр. 115: „Івга“. Баллада з'Бюргера.

³⁾ A. Brandl, Lenore in England въ приложеніи къ статьѣ о Бюргерѣ Erich Schmidt'a, Charakteristiken, стр. 224.

⁴⁾ L. C. Althof, Einige Nachrichten von den vornehmsten Lebensumständen G. A. Bürger's. Göttingen, 1789, стр. 37; Büchmann, Geflügelte Worte. 1882, стр. 79.

„Der mond der scheint so helle,
die toten reiten schnelle“,

и потомъ слова разговора: „Graut liebchen auch vor toten? Wie sollte mir grauen? Ich bin ja bei dir“. Этого было достаточно, чтобы дать тему для поэта, остальное онъ создать самъ, удерживая однако ходъ дѣйствія народнаго разсказа, и притомъ такъ мастерски, что А. В. Шлегель нашелъ возможнымъ сказать: „Еслибы Бюргеръ ничего больше не написалъ, то и это обезпечило бы для него безсмертіе“¹⁾. Поэтому неудивительно, что Ленора въ скоромъ времени послѣ своего появленія въ печати приобрѣла, какъ мы видѣли, широкую популярность и сюжетъ, ея развиваемый, сдѣлался предметомъ научныхъ изысканій.

Ленора обратила на себя всеобщее вниманіе, не только благодаря оригинальности своего сюжета и высокаго поэтического совершенства, достигнутаго Бюргеромъ въ ея обработкѣ, но также и тому обстоятельству, что содержаніемъ своимъ она входила въ кругъ сказаній, распространенныхъ въ огромномъ количествѣ среди всѣхъ европейскихъ народовъ.

Содержаніе баллады настолько общезвѣстно, что приводить его здѣсь не представляется никакой надобности, и я ограничусь указаніемъ лишь важнѣйшихъ моментовъ разсказа, насколько это необходимо для пониманія далѣйшаго хода работы.

Возлюбленный Леноры ушелъ на войну, о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, „а самъ онъ къ ней не пишетъ“. Насталъ миръ, войска возвращаются назадъ, „всѣмъ радость, а Ленорѣ отчаянное горе“: нѣтъ ея возлюбленнаго, и ничего никто о немъ не знаетъ. Ленора тоскуетъ и плачетъ, и ропщетъ на Бога, не слушая увѣщаній матери. И вотъ разъ ночью, когда она терзалась, рвала волосы, раздался конскій топотъ; подъѣхалъ къ крыльцу всадникъ и постучалъ въ дверь. „Ждешь ли

¹⁾ A. W. von Schlegel, Charakteristiken und Kritiken. Königsberg, 1801, II, 44.

ты меня или уже забыла?", спрашивает гость; но медлить некогда: „путь нашъ далекъ, мало срока, сто миль намъ до ночлега, собирайся поскорѣе“. „А гдѣ-жъ твой домъ?“ говоритъ дѣвушка. „Онъ далеко... пять, шесть досокъ... прохладный тихій, темный“, отвѣчаетъ гость. Ленора вышла; вскочила на коня, прижалась къ своему возлюбленному, и они помчались. „Не страшно-ль тебѣ?“ спрашиваетъ онъ свою спутницу и продолжаетъ: „мѣсяцъ свѣтитъ намъ! Гладка дорога мертвецамъ“, а мимо нихъ мелькали окрестныя поля, холмы, ряды кустовъ. „Мой конь, несись быстрѣй, пѣтухъ кричитъ“, говоритъ мертвецъ, и вотъ они примчались къ воротамъ кладбища. Кругомъ однѣ могилы, конь прынулъ и исчезъ, а Ленора очутилась въ рукахъ скелета и полумертвая упала на землю.

Таково содержаніе баллады въ главныхъ чертахъ. По сравненію съ другими, чисто народными вариантами того же сюжета здѣсь оказывается недостаточно ясно очерченной причина, заставившая мертвеца встать изъ гроба и явиться за своей возлюбленной. Очевидно, слезы Леноры принудили его покинуть свою могилу, хотя конецъ баллады даетъ возможность видѣть въ этомъ, какъ бы кару Бога за ропотъ Леноры на Провидѣніе; но эта черта привнесена сюда поэтомъ и для сюжета она оказывается не важной, не существенной. Напротивъ того, если разложить самый рассказъ на составляющіе его основные мотивы, то таковыми окажутся, во-первыхъ, *въри въ возможность возвращенія мертвыхъ на землю въ прежнемъ своемъ видѣ*, во-вторыхъ, *убѣжденіе, что изъ этого побуждаетъ мертвыхъ неутѣшная скорбь ихъ близкихъ*. Вотъ эти общія идеи и обусловили возникновеніе самаго сюжета Леноры въ произведеніяхъ, предшествовавшихъ обработкѣ Бюргера; къ разбору ихъ мы и перейдемъ, остановившись предварительно на литературѣ вопроса о Ленорѣ.

2.

Литература о Ленорѣ и сходныхъ съ нею сюжетахъ.

~~~~~

Вскорѣ послѣ своего появленія „Ленора“ Бюргера обратила на себя вниманіе иноземныхъ критиковъ, изъ которыхъ первыми высказались англичане. Въ журналѣ *Critical Review* (Май-Августъ 1796 г.) отозвались съ похвалою о суровой и воодушевленной поэзіи Бюргера; въ другихъ органахъ, напротивъ того, порицали всеобщее увлеченіе „such Diablerie Tudesque“; называли балладу Бюргера плагиатомъ, произведеніемъ не оригинальнымъ и въ доказательство приводили даже письма, полученные изъ Германіи, въ которыхъ говорилось, что такіе мотивы совершенно не извѣстны въ нѣмецкой народной поэзіи. Въ журналѣ „*Monthly Magazine*“ за сентябрь 1796 г. (vol. II, p. 603) появилась замѣтка, въ которой указывалось, что въ англійской поэзіи, напротивъ того, существуетъ подобный разсказъ „the Suffolk mirakle, or a relation of a young man, who a month after his death appeared to his sweetheart and carried her on horse back behind him for forty miles in two hours, and was never seen after but in his grave“, т. е. чудесное происшествіе въ Суффолькѣ, или разсказъ о молодомъ человѣкѣ, который черезъ мѣсяцъ послѣ смерти явился къ своей возлюбленной и увезъ ее, посадивъ на лошадь позади себя; въ два часа онъ сдѣлалъ болѣе сорока миль и послѣ

того болѣе не появлялся изъ гроба, — и на основаніи этого факта англичане доказывали, будто Бюргеръ заимствовалъ сюжетъ для Леноры изъ англійской поэзіи. Этой замѣткой и начинается споръ о происхожденіи Леноры, споръ продолжающійся и до нашего времени, хотя за англійскій источникъ для нѣмецкой баллады теперь рѣдко кто уже стоитъ послѣ цѣлаго ряда основательныхъ разысканій источниковъ баллады. Въ числѣ такихъ сторонниковъ англійской теории упомянемъ Karl'a Bleibtreu¹⁾ все еще думающаго, будто въ основѣ Леноры лежитъ англійская баллада „Sweet Wiliam's ghost“.

Замѣтка „Monthly Magazine“ вызвала возраженіе неизвѣстнаго автора въ „Neue Berlinische Monatschrift“ за 1799 г. (II р. 389), который доказывалъ, что Бюргеръ взялъ сюжетъ для Леноры не изъ сборника англійскихъ балладъ „Collection of old Ballads“ (London, 1723), но изъ народныхъ нѣмецкихъ преданій, такъ какъ точно такой же сюжетъ распространенъ въ народѣ въ нижней Германіи, въ Мекленбургѣ и Ганноверѣ. За нѣмецкое происхожденіе баллады высказался и Вильгельмъ Гриммъ²⁾, указавъ при этомъ на подобный сюжетъ въ датской народной поэзіи, но всѣ эти доказательства не опирались пока на твердыя данныя, на матеріалы, собранные въ народѣ.

Интересно отмѣтить, что споръ между англійскими и нѣмецкими учеными изъ-за Леноры очень рано замѣченъ былъ въ славянскихъ земляхъ, гдѣ также оказался распространеннымъ въ народѣ сюжетъ, на которомъ построена баллада Бюргера. Именно, бывший нѣкогда профессоромъ Варшавскаго Университета Ляхъ-Ширма помѣстилъ въ Варшавскомъ научномъ журналѣ за 1819 годъ статью „Uwagi nad balladą Bürgera Leonora“³⁾, а нѣсколько раньше передъ

¹⁾ K. Bleibtreu, Geschichte der englischen Litteratur in der Renaissance und Klassicität. Leipzig, 1887, Bd. I, стр. 256.

²⁾ W. Grimm. Altdänische Heldenlieder, Balladen u. Märchen. Heidelberg, 1821, стр. 505.

³⁾ *Pamiętnik Naukowy, służący za ciąg dalszy Cwiczeń naukowych, oddział literatury.* W Warszawie 1819, т. II, стр. 275—282.

тѣмъ тотъ же Ляхъ-Ширма напечаталъ въ томъ же журналѣ (т. I, стр. 358—366) свою обширную балладу „*Kamilla i Leon*“, явившуюся подраженіемъ балладъ „Ленора“. Подражаніе вышло чрезчуръ растянутымъ и безцвѣтнымъ, но „*Uwagi*“ заслуживаютъ нашего вниманія, такъ какъ здѣсь впервые идетъ дѣло о славянскихъ вариантахъ сюжета Леноры. Указавъ на возникшій споръ между англійскими и нѣмецкими писателями о томъ, откуда Бюргеръ заимствовалъ сюжетъ для своей баллады, изъ старой-ли англійской повѣсти „*The Suffolk shigale*“, или же изъ собственнаго своего воображенія, работавшаго въ направленіи случайно слышанной народной сказки или пѣсни, Ляхъ-Ширма припоминаетъ, что въ дѣтствѣ ему приводилось слышать славянскія повѣствованія, сходныя по своему содержанію съ балладой Бюргера, а кромѣ того и другія лица, заслуживающія довѣрія, говорили ему, что и они въ дѣтствѣ слышали такіе же рассказы; однако никто изъ нихъ не могъ въ порядкѣ изложить содержанія слышанной въ дѣтствѣ повѣсти. „И только на дняхъ, говоритъ Ширма, мнѣ удалось услышать эту повѣсть въ полности въ окрестностяхъ Ярославля въ землѣ Перемышльской“. Сообщаемый далѣе Ширмой польскій вариантъ не былъ принятъ позднѣйшими изслѣдователями въ сравненію и долгое время оставался забытымъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1825 г. появился знаменитый сборникъ ново-греческихъ пѣсенъ, составленный Гауриелемъ¹⁾. Здѣсь ученый издатель въ коментаріахъ къ одной ново-греческой пѣснѣ припоминаетъ сюжетъ Леноры, и въ томъ же году нѣмецкій переводчикъ Форіалевскаго сборника Вильгельмъ Мюллеръ въ газетѣ „*Morgenblatt*“ (1825, №№ 125, 126) помѣстилъ статью: „*Bürger's Lenore und ein neugriechisches Volkslied*“, въ которой приводятся нѣкоторые англійскія баллады подходящаго содержанія и передается содержаніе ново-греческой пѣсни „*Π νοχτερὴν περπατοῦσα*“, причемъ высказывается возможность возникновенія схожихъ по своему со-

¹⁾ C. Fauriel, Chants populaires de la Grèce Moderne, Paris, 1825, t. II. стр. 405.

держанію произведеній въ разныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, благодаря общности народныхъ представленій.

Такъ медленно и понемногу собирается матеріалъ для изученія сюжета Леноры. Въ 1835 году появляется крупная и важная работа по занимающему насъ вопросу, это именно изслѣдованіе В. Ваккернагеля, напечатанное сперва въ Базелѣ, какъ „Einladungsschrift zur Promotionsfeier des Pädagogiums und zur Eröffnung des Jahreskursus 1835 in Basel“, затѣмъ перепечатанное въ „Altdeutsche Blätter (1836, Bd. I, стр. 174—202) съ дополненіемъ одного изъ издателей журнала, Гофманна фонъ-Фаллерслебенъ подъ заглавіемъ: „Zur Erklärung und Beurtheilung von Bürgers Lenore“. Въ полномъ своемъ объемѣ работа эта съ дополненіями Гофманна помѣщена въ сборникѣ мелкихъ статей Ваккернагеля ¹⁾. Здѣсь собрано значительное количество вариантовъ нашего сюжета, но матеріалъ далеко не былъ еще исчерпанъ, хотя изученіе вопроса было поставлено серьезно и вѣрно. Дополненіемъ къ собраннымъ Ваккернагелемъ матеріаламъ явилась работа Heinrich'a Pröhle, „Gottfried August Bürger. Sein Leben u. seine Dichtungen“. Leipzig, 1856, однако и здѣсь не все еще было собрано и указано, а славянскіе матеріалы и вовсе не были затронуты.

Въ 1859 году вышла книга Th. Vernaleken, „Mythen u. Bräuche des Volkes in Oesterreich“, гдѣ представлено пять вариантовъ того же разсказа, записанныхъ въ Нижней Австріи. Общую тему о Ленорѣ затрагиваетъ потомъ Vilmar въ своей „Handbüchlein für Freunde des deutschen Volksliedes“, вышедшей въ 1867 году и повторенной въ четвертомъ изданіи въ 1886 году.

Довольно продолжительное время послѣ Вильмара вопросъ оставался безъ движенія, о немъ какъ бы забыли, хотя онъ далеко не былъ разъясненъ, пока, наконецъ, появилась въ 1882 г. небольшая статья извѣстнаго знатока славянскихъ ли-

---

¹⁾ W. Wackernagel, Kleinere Schriften. Leipzig, 1873, Bd. II, стр. 399—427.

тературъ проф. Вольнера „Der Lenorenstoff in der slavischen Volksprosie“¹⁾). Небольшая по объему она дополняла пробѣлы въ изслѣдованіяхъ предшествовавшихъ писателей, указавъ на важнѣйшіе варианты сюжета Леноры въ поэзіи славянскихъ народовъ. Работѣ этой суждено было снова оживить забытый было вопросъ о Ленорѣ, и на этотъ разъ онъ разсматривается совершенно съ иной стороны: англо-нѣмецкій споръ оставляется теперь безъ вниманія, центръ тяжести переносится въ область славянскихъ и ново-греческихъ матеріаловъ, и вотъ установленіе взаимной связи между сербскими вариантами и ново-греческими и повело къ оживленному обмѣну мнѣній. Но тутъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ изслѣдованіи, появившемся въ это время независимо отъ поднятаго Вольнеромъ вопроса и преслѣдовавшемъ инныя цѣли. Я имѣю въ виду диссертацию Р. Holzhausen'a „Die Ballade und Romanze von ihren ersten Auftreten in der deutschen Kunstdichtung bis zu ihrer Ausbildung durch Bürger“, опубликованную въ 1883 году²⁾). Въ общемъ обзорѣ дѣятельности Бюргера авторъ вскользь затрогиваетъ и нашъ вопросъ, не прибавляя ничего новаго къ тому, что раньше было извѣстно, и не исчерпывая самого вопроса.

На статью Вольнера первый обратилъ вниманіе молодой греческій ученый, состоящій maître de conférences въ École des hautes Études въ Парижѣ, Психарисъ, напечатавъ въ 1884 году свой очеркъ „La ballade de Lénore en Grèce“³⁾). Думая поддержать взглядъ Вольнера, принявшаго сербскій вариантъ на основаніи мотива братней любви за прототипъ для ново-греческихъ изводовъ сюжета Леноры, Психарисъ выдвигаетъ на первый планъ такіа черты сказанія,—какъ *мотивъ о братней любви* и этическое число *девять*,—предпола-

¹⁾ Archiv für slav. Philologie 1882, Bd. VI. H. стр. 239—269.

²⁾ Zeischrift für deutsche Philogie. Halle, 1883, Bd. XV. Heft II (129—194) и Heft III (297—345).

³⁾ Revue de l'Histoire des Religions, t. IX, стр. 27 -- 64. Paris, 1884.

гал, что черты эти характерны именно для южно-славянской пѣсни, изъ которой онѣ и попали затѣмъ въ ново-греческую поэзію. Что же касается вообще первоисточника для южно-славянскихъ пѣсенъ разбираемаго круга, то его открываетъ Психарисъ въ малорусскихъ вариантахъ, какъ самыхъ несложныхъ и примитивныхъ.

Статьи Вольнера и Психариса вызвали энергичное возраженіе со стороны другого греческаго ученаго, Политиса, причемъ нападкаиъ подверглись въ особенности слабыя стороны въ работѣ Психариса. Свои взгляды Политисъ изложилъ въ статьѣ „Τὸ δημοτικὸν ᾠσμὰ περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ“, появившейся въ 1885 году въ одномъ изъ Аѳинскихъ журналовъ ¹⁾. Политисъ не захватываетъ всей области мотивовъ Леноры, а ограничивается лишь опроверженіемъ мнѣніи, будто ново-греческія пѣсни о мертвомъ-братѣ явились отраженіемъ такихъ же пѣсенъ сербскихъ. Нельзя сказать, чтобы доводы его отличались большою убѣдительностью, а въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ вводитъ пѣсни о мертвомъ-братѣ въ циклъ Акритовскій, они прямо фантастичны. Тѣмъ не менѣе работа Политиса весьма важна, такъ какъ въ ней собрано значительное количество ново-греческихъ вариантовъ.

Статья Вольнера вызвала появленіе популярнаго, но довольно полного очерка по вопросу о Ленорѣ на польскомъ языкѣ. Д-ръ Biegeleisen напечаталъ статью „*Τὸ ludowe ballady A. Mickiewicza p. t. „Ucieczka“*“, въ одномъ Варшавскомъ иллюстрированномъ журналѣ для дамъ за 1885 годъ ²⁾. Очеркъ живо написанъ, но научнаго интереса не представляетъ, такъ какъ преслѣдовалъ другія цѣли, будучи назначенъ для широкой публики.

Споръ, возникшій между Вольнеромъ и Психарисомъ съ одной стороны и Политисомъ съ другой, обра-

¹⁾ Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἀλλὰδος Ἐν Ἀθήναις т. II, стр. 1893—261.

²⁾ Świt. Pismo tygodniowo ilustrowane dla kobiet. Warszawa, 1885, т. II, № 10—16.

тилъ на себя вниманіе и русскихъ ученыхъ, изъ которыхъ отозвались на него А. Н. Веселовскій и Г. Дестунисъ. Первый далъ въ 1885 году краткій отчетъ о работахъ Психариса и Политиса въ замѣткѣ „*Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ*“¹⁾, причемъ съ осторожностью отпесся къ гипотезѣ Психариса и съ сомнѣніемъ къ выводамъ Политиса, требуя болѣе широкой постановки вопроса; второй, разбирая всѣ три работы, Вольнера, Психариса и Политиса, напечаталъ въ 1886 г. болѣе обширное разсужденіе подъ заглавіемъ: „*Сказаніе о брать-мъртвецѣхъ или женихъ-мъртвецѣхъ*“²⁾. Дестунисъ отрицаетъ сродство пѣсень о брать-мъртвецѣхъ съ поэмой о Дигенисѣ, но склоняется въ пользу исконной принадлежности этихъ пѣсень греческому народу. Самостоятельность и первобытность греческой быliny о брать-мъртвецѣхъ усматриваетъ онъ въ томъ, что всѣ ново-греческіе варианты (числомъ 17) сложились по одной программѣ и слились, такъ сказать, своимъ внутреннимъ складомъ со всей остальной народной ново-греческой поэзіей. Чужой сюжетъ, по его мнѣнію, не могъ бы до такой степени превратиться въ свой собственный.

Извѣстный византиистъ проф. Брумбахеръ также отозвался по поводу спора о пѣсняхъ южно-славянскихъ и ново-греческихъ въ статьѣ: „*Ein Problem der vergleichenden Sagenkunde und Litteraturgeschichte*“³⁾. Отмѣтивъ развитіе вопроса по изученію мотива о Ленорѣ со времени Ваккернагеля и коснувшись спора, возникшаго послѣ появленія статьи Вольнера, онъ ставитъ принципиальный вопросъ, находятся-ли южно-славянскія пѣсни въ такомъ тѣсномъ родствѣ съ сѣверно-славянскими и германскими сказаніями, какъ это до сихъ поръ принималось, и не слѣдуетъ-ли раздѣлить оба эти круга сказаній и смотрѣть на нихъ, какъ на самостоятельныя про-

---

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1885, Ноябрь, стр. 71—79.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1886, Мартъ, 76—100.

³⁾ Zeitschrift für Vergleichende Litteraturgeschichte. 1886, I, 414—220.

дукты творческой фантазіи. Подобно тому, какъ и проф. А. Н. Веселовскій, онъ указываетъ на необходимость болѣе широкой постановки вопроса, чѣмъ какъ это дѣлалось до сихъ поръ при изученіи литературной темы о Ленорѣ.

Романистъ W. Meyer (Deutsche Litteraturzeitung, 1886, стр. 1197 — 1199) применилъ въ мнѣнію Вольнера и Психариса о славянскомъ происхожденіи пѣсень о мертвомъ-братѣ; Jules Girard (Journal des savants, 1886, стр. 143 — 152) также высказался противъ взгляда Политиса о греческомъ происхожденіи данныхъ пѣсень, признавая, что въ основѣ ихъ лежитъ религіозная идея о нарушеніи спокойствія умершаго горькими слезами.

Литература по изученію пѣсень о мертвомъ-братѣ сообщена Крumbахеромъ въ „Geschichte der byzantinischen Litteratur“, München, 1891, стр. 417; 1897², стр. 834.

Въ 1886 г. въ сборникѣ „Charakteristiken“ (Berlin) появилась статья Erich Schmidt'a „Bürger's Lenore“ (199 — 248). Въ сжатомъ очеркѣ авторъ даетъ намъ картину поэтическаго развитія Бюргера, ставитъ его дѣятельность въ тѣсную и живую связь съ тогдашними литературными направленіями въ Германіи, настаиваетъ на томъ, что непосредственное вдохновеніе для Леноры получено авторомъ отъ народной нижнегерманской сказки-пѣсни и въ заключеніе даетъ весьма полный перечень работъ по изученію занимающаго насъ вопроса, хотя и не входитъ въ ближайшее изученіе его.

Въ 1887 г. напечатать свою статью Богумиль Крекъ¹⁾ „Ein neuer Beitrag zur Litteratur des Lenorenstoffes“. Ученый авторъ уже раньше нѣсколько разъ²⁾ затрогивалъ данный вопросъ, указывая на варианты юго-западныхъ славянъ; теперь онъ отмѣчаетъ необходимость монографическаго изученія вопроса и, имѣя въ виду главнымъ образомъ нѣмецкихъ ученыхъ,

---

¹⁾ *Magazin für die Litteratur des In-und Auslandes*. 1887, № 43 и 44.

²⁾ *Archiv für Slav. Philologie*, 1887, X, стр. 357—359; *Südsteirische Post*, 1885, № 93, VI Jahrg.

представляет въ нѣмецкомъ изложеніи нѣсколько славянскихъ вариантовъ изъ цикла нашихъ сказаній.

Съ большимъ вниманіемъ останавливается на разборѣ Леноры Бюргера и на опредѣленіи литературнаго значенія ея G. Bonet Maury въ своемъ сочиненіи: „*G. A. Bürger et les origines anglaises de la ballade littéraire en Allemagne*“ (Paris, 1889). Поставивъ главной своей задачей доказать вліяніе англійской драмы, лирики и въ частности баллады на нѣмецкое поэтическое творчество въ XVIII вѣкѣ, авторъ не упускаетъ случая отмѣтить и тѣ народные мотивы, которые родственны Ленорѣ по содержанію; но въ этомъ случаѣ онъ не заботится ни о полнотѣ указанныхъ параллелей, ни о возможныхъ выводахъ.

Такой краткой характеристикой указанныхъ работъ по изученію сюжета Леноры я ограничиваюсь здѣсь на томъ основаніи, что подробностей придется касаться въ послѣдствіи; но для полноты я долженъ указать еще на одну статью по нашему вопросу: Cadicamo „*La legenda di Garentina*“, появившуюся въ журналѣ „*L'adolescenza*“ за 1884 г., т. II, 65. Журналъ этотъ выходитъ въ Калабріи въ Корильяно, и, не смотря на всѣ усилія, мнѣ не удалось достать его.

Этимъ, насколько мнѣ извѣстно, исчерпывается главнѣйшая литература вопроса почти за сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ ведется изученіе сюжета Леноры. Литература, какъ видимъ, довольно богата, матеріаловъ собрано вполне достаточно, но самый вопросъ остается до сихъ поръ спорнымъ и неразъясненнымъ. Всѣ вышеуказанные изслѣдователи занимались разсмотрѣніемъ вопроса по частямъ, главнымъ образомъ они собирали матеріалы, до извѣстной степени группировали ихъ, и ни одинъ изъ нихъ не остановился на изученіи тѣхъ вѣрованій и понятій народныхъ, на почвѣ которыхъ возможно самое возникновеніе сюжета, легшаго въ основу баллады „*Ленора*“. Первую попытку въ этомъ направленіи можно замѣтить лишь у Ваккернагеля, но онъ располагалъ недостаточнымъ матеріаломъ по распространенію самаго сказанія; а

потому вопросъ остался не разъясненнымъ и требовалъ дальнѣйшаго изученія.

Въ настоящее время матеріала собрано такъ много, что въ немъ легко запутаться, если не внести сюда порядка и единства создавшей его мысли. Сырой матеріалъ народной поэзіи только тогда приметъ стройный видъ, только тогда сдѣлается для насъ понятнымъ, если мы оживимъ его тѣмъ духомъ, на почвѣ котораго онъ развился въ своихъ многоразличныхъ формахъ, если мы отъ фактовъ народнаго творчества отвлечемъ тѣ общія идеи, которыя заправляли народной мыслью при созданіи того или другого памятника. Конечно, нельзя упускать изъ виду и возможности международнаго литературнаго общенія, игравшаго видную роль въ области народнаго слова, но я, говоря вообще, не считаю возможнымъ приводить къ нему всѣ болѣе или менѣе схожія произведенія народнаго творчества, думая, что одинаковость міровоззрѣнія непременно обуславливаетъ созданіе близкихъ по основной идеѣ сюжетовъ, конечно, простыхъ и несложныхъ, гдѣ бы ни проявлялась творческая сила народа.

Поэтому въ своей работѣ я постараюсь опредѣлить прежде всего тѣ условія, при которыхъ мнѣ кажется возможнымъ возникновеніе самаго сюжета нашего, затѣмъ укажу разныя формы его обработки, причемъ будетъ обращено вниманіе на генетическую связь вариантовъ съ одной стороны и на возможность ихъ самостоятельнаго возникновенія съ другой.

3.

Вѣра въ возвращеніе мертвыхъ.

Широкое сравнительное изученіе обычаевъ и словесныхъ произведеній, а также и тѣхъ вѣрованій, которыми обуславливалась когда-то обрядовая сторона жизни низшихъ слоевъ современныхъ культурныхъ обществъ, дастъ множество интересныхъ фактовъ, служащихъ ключемъ къ уразумѣнію отдѣльныхъ явленій въ быту и поэзіи народной, не доступныхъ уже непосредственному пониманію современнаго человѣка. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ, между прочимъ, и вѣра въ возможность возвращенія мертвыхъ, вѣра, еще до сихъ поръ распространенная въ народѣ почти повсемѣстно въ Европѣ и выражающаяся въ разныхъ обычаяхъ, смыслъ которыхъ иной разъ не понятенъ уже и самому народу.

Подобное вѣрованіе стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о смерти и посмертномъ состояніи, во всѣ вѣка занимавшимъ мысль человѣческую, пытавшуюся такъ или иначе разрѣшить таинственную загадку о томъ, что будетъ послѣ смерти. И нѣтъ народа, на какой бы ступени развитія онъ ни стоялъ, который не выработалъ бы того или иного рѣшенія вопроса, неумолимо предлагаемаго смертью. Изъ огромнаго разнообразія частныхъ, характеризующихъ загробныя вѣрованія отдѣльныхъ народовъ, я останавлиюсь на одной общей чертѣ, отразившейся во всѣхъ вѣроученіяхъ: такой чертой оказывается мысль, что

смерть не отрѣшаетъ человѣка отъ окружавшей его при жизни природы, что она не разрываетъ вполне узъ, связывавшихъ покойника при жизни съ членами его семьи, что она не лишаетъ его возможности раздѣлять радость и горе оставшихся на землѣ родныхъ, заботиться объ ихъ имуществѣ, защищать ихъ въ опасности и мстить за ихъ обиды; живые же въ свою очередь обязаны всячески улаживать и почитать покойниковъ.

Подобный взглядъ на мертвыхъ, повидимому, былъ свойственъ всѣмъ индогерманскимъ племенамъ, насколько позволяютъ судить объ этомъ древнѣйшіе памятники письменности ¹⁾.

Санскритская литература ²⁾, начиная съ самаго древняго своего представителя, какъ Ригведа, даетъ обиліе примѣровъ въ доказательство того, что древніе индусы окружали своихъ усопшихъ величайшей заботливостью и память объ нихъ справляли множествомъ церемоній. Своихъ предковъ, т. наз. *pitaras*, имъ предписывалось умиловать жертвоприношеніемъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ. Существовалъ, между прочимъ, обрядъ возліянія воды на жертвенный огонь съ приглашеніемъ умершихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ очиститься. Когда жертвенное блюдо—обыкновенно рисовая каша—было готово, жрецъ дѣлилъ его на части и приглашалъ умершихъ отца, дѣда и прадѣда вкусить вѣщаго отъ своей доли. Потомъ жрецъ клалъ клочки шерсти, а если самъ былъ старше пятидесяти лѣтъ, то прядь своихъ волосъ, говоря: „Вотъ вамъ, *pitaras*, платье, не носите ничего другого, кромѣ этого“. Воздавъ имъ хвалу, онъ отпускалъ ихъ со словами: „Уходите, дорогие *pitaras*, древними таинственными путями, ниспошлите намъ богатство, счастье и много сыновей.“

Въ обыденной жизни, помимо указаннаго торжественнаго

---

¹⁾ W. Caland, Ueber Totenverehrung bei einigen der Indo-Germanischen Völker. Amsterdam, 1888.

²⁾ Max Müller, Indien in seiner weltgeschichtlichen Bedeutung, 191—209; Wurm, Geschichte der indischen Religionen. Basel, 1874; L. Schroeder, Indiens Literatur u. Cultur in historischer Entwicklung. Leipzig, 1887, стр. 44.

умиловленія *pitaras*, практиковалось предложеніе имъ воды, фруктовъ, молока и т. п., какъ объ этомъ часто упоминается въ эпическихъ санскритскихъ поэмахъ, напр. *Рамайянь* ¹⁾).

Душа умершаго, по вѣрованію древнихъ индусовъ, не сейчасъ же переходила въ жилище предковъ-*pitaras*, находя тамъ успокоеніе: нѣкоторое время она оставалась въ видѣ „духа“-*preta*, нуждаясь со стороны своихъ родныхъ въ совершеніи извѣстныхъ обрядовъ, возліаній и жертвоприношеній въ опредѣленные дни и опредѣленное время года. Всѣ такіе обряды обязавъ былъ исполнить прежде всего старшій сынъ; у кого не было сына, тому закрыть былъ доступъ на небо; вотъ почему въ молитвѣ, обращенной къ предкамъ, мы находимъ просьбу о дарованіи сыновей, долгомъ которыхъ была забота о благѣ предковъ въ трехъ восходящихъ поколѣніяхъ. Итакъ, мы видимъ, что по ученію индусовъ связь между живыми и мертвыми признавалась фактомъ несомнѣннымъ и въ высокой степени важнымъ: живые доставляли умершимъ вѣчный покой, обуславливая имъ доступъ въ царство *pitaras* чрезъ погребеніе умершаго и жертвоприношенія въ честь предковъ; эти послѣдніе очищались предлагаемой имъ водой, вкушали отъ приносимыхъ имъ яствъ и питій и посылали живымъ богатство, счастье и мужское потомство.

Лица, умершія безъ мужскаго потомства, лишались входа въ царство *pitaras*, они обречены были на мученія, какъ говорится въ *Магабгаратѣ* ²⁾). Можно думать, что души такихъ людей являлись въ видѣ привидѣній—*bhûtas*, о которыхъ уже Ману говоритъ, что въ этомъ видѣ представлялись души злыхъ людей ³⁾).

Культь предковъ пустилъ глубокіе корни въ Индію: отразившись въ самыхъ древнихъ памятникахъ санскрита, онъ особенно былъ разработанъ въ средневѣковыхъ индійскихъ памятникахъ и сохранился въ народѣ до самыхъ новѣйшихъ

---

¹⁾ Caland, Op. с. стр. 11.

²⁾ Ibid. стр. 2.

³⁾ Ibid. 22.

временъ, не смотря на развившееся въ послѣдствіи ученіе о переселеніи душъ, противорѣчившее культу предковъ.

Древне-индійскому представленію о *pitaras* соотвѣтствуетъ древне-персидское представленіе о *fravashis*. Послѣдніе, по ученію священныхъ книгъ персидскихъ, такъ наз. *Avesta*, оказываются духами всевозможныхъ предметовъ и между прочимъ душами предковъ. Какъ таковыя они принимаютъ непосредственное участіе въ дѣлахъ человѣческихъ и по преимуществу въ битвахъ. Если ихъ почитаютъ надлежащимъ образомъ, то они помогаютъ людямъ въ нуждѣ, излѣчиваютъ ихъ отъ болѣзней, защищаютъ отъ враговъ. Разъ въ году, въ определенное время они возвращаются къ своимъ роднымъ на землю въ чаяніи получить мясо въ пищу, платье для прикрытія и молитвы для искупленія грѣховъ. Такимъ временемъ считались послѣдніе десять дней въ году, что совпадало съ весеннимъ пробужденіемъ природы: въ эти дни мертвецы, по вѣрованію древнихъ парсовъ, могли возвращаться въ дома своихъ родныхъ, которые украшали и чистили свои жилища въ ожиданіи такихъ гостей, устраивали угощеніе, сами нигуда не выходили изъ домовъ, жрецъ совершалъ молитвы, за что получалъ въ награду новое платье ¹⁾.

Вѣра въ безсмертіе души и связанный съ нею культъ предковъ пользовались и въ древней Греціи всеобщимъ признаніемъ, заставлявшимъ оказывать усопшимъ величайшее почитеніе ²⁾. Души праведныхъ людей продолжали свое существованіе въ видѣ *daimones*, соотвѣтствуя своими качествами *pitaras* древнихъ индусовъ и *fravashis* парсовъ. Подобно послѣднимъ они отвращаютъ отъ своихъ близкихъ разныя несчастія, надѣляютъ ихъ богатствомъ, появляясь на землѣ въ видѣ туманныхъ образовъ. Обоготворенныя души предковъ породили

¹⁾ Fr. Spiegel, *Avesta, die heiligen Schriften der Parser*. Leipzig, 1859, II, стр. CI.

W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum*. Erlangen, 1882, стр. 287 и сл.

²⁾ Erwin Rohde, *Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube*. Freiburg i. B. 1890.

собою культъ θεοὶ πατῆρες—боговъ-покровителей отдѣльных родовъ и затѣмъ цѣлаго народа, но культъ этотъ не устранилъ почитанія каждаго отдѣльнаго умершаго, для котораго требовалось исполнить τὰ νομιζόμενα — все предписанное обычаемъ и вѣрованіемъ. Каждый умершій непременно долженъ былъ быть погребеннымъ или сожженнымъ, а затѣмъ ему приносились жертвы — въ видѣ ѣды и питья на могилу на третій — τὰ τρίτα, на девятый τὰ ἑνὰτα и на тридцатый день—αἱ τριακάδες, въ убѣжденіи, что умершій матеріально пользуется такими приношеніями.

Неисполненіе чего-либо изъ указанныхъ предписаній влечетъ за собою нарушеніе спокойствія умершаго, и духъ его является требовать удовлетворенія, какъ это находимъ уже въ Иліадѣ (23, 71 и сл.). Умершій, лишенный погребенія, въ видѣ привидѣнія появляется на землѣ, и гнѣвъ его обрушивается бѣдствіями для той страны, гдѣ ему нанесена такая обида. Вотъ почему самымъ страшнымъ наказаніемъ, какое постигало казненныхъ преступниковъ, измѣнниковъ отечества и святотатцевъ, было лишеніе погребенія, въ силу чего они и въ загробной жизни не могли найти успокоенія; вотъ почему, съ другой стороны, родные умершаго гдѣ-либо на чужбинѣ такъ часто хлопотали о томъ, чтобы перенести его останки или пепелъ на родину и предать его родной землѣ съ соблюденіемъ похоронныхъ предписаній.

Превосходной иллюстраціей для вышеизложенныхъ воззрѣній древнихъ грековъ можетъ служить содержаніе одиннадцатой книги Одиссеи. Здѣсь разсказывается про Одиссея, какъ онъ, прибывъ въ отдаленнымъ предѣламъ киммеріанъ, куда и солнце никогда не заглядываетъ, гдѣ, повидимому, долженъ былъ помѣщаться входъ въ подземное царство, вступаетъ въ сношенія съ душами умершихъ, приносить имъ жертвы, для чего, какъ говоритъ самъ Одиссей, „ископаль я

„Яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
Три совершилъ возліянія мертвымъ, мной призваннымъ вмѣстѣ:
Первое смѣсью медвяной, второе виномъ благовоннымъ,
Третье водой ...

Сдѣлавъ воззваніе къ мертвымъ,
Самъ я барана и овцу надъ ямой глубокой зарѣзать;
Черная кровь полилася въ нее и слетѣлись толпою
Души усопшихъ“...

чтобы пить эту кровь.

Первымъ является тутъ Эльпеноръ ¹⁾, „бѣдный еще не зарытый“ и просить о погребеніи, говоря, что въ противномъ случаѣ месть боговъ можетъ обрушиться на Одиссея. Потомъ приходитъ Тирезій, пьетъ кровь и предсказываетъ Одиссею возвращеніе на родину. Вотъ почему и Неоптолемъ, приносявшій на могилѣ отца своего Ахилла жертву усопшему, могъ обратиться къ нему со словами: „ἐλθὲ δ' ὡς πίης μέλαν χόρυς ἀχρηφύες αἶμα', ὃ σοι δωροῦμεθα“ (Eurip. Нес. 535 ff.).

Точно также тѣнь Патрокла является во снѣ Ахиллу ²⁾ и просить о погребеніи, ибо въ противномъ случаѣ онъ не можетъ войти въ царство тѣней.

Въ духѣ Гомера излагаетъ то же представленіе Виргилій; герой его Эней, спустившійся въ сопровожденіи Сивиллы въ царство тѣней, къ своему удивленію видитъ цѣлую толпу душъ, которыхъ Харонъ не принималъ въ свой челнъ. На вопросъ, что это значитъ, онъ получилъ отъ Сивиллы такой отвѣтъ ³⁾:

„Это, что видишь ты, вся толпа незарытыхъ, несчастныхъ.
Это паромщикъ Харонъ, а плывутъ по волнамъ, что въ могилахъ.
И не дано по волнамъ глухимъ и ужаснымъ на берегъ
Раньше ихъ перевести, чѣмъ почіютъ на мѣстѣ ихъ кости.
Бродятъ они сто лѣтъ и на берегъ этомъ кружатся;
Ихъ тогда наконецъ допустить къ желаннымъ болотамъ“.

(пер. А. Фета).

Но не только въ силу какихъ-либо исключительныхъ условій появлялись на землѣ тѣни умершихъ; они вообще вступали въ среду живыхъ въ извѣстные дни, посвященные ихъ памяти.

¹⁾ Одиссея, XI, 25 и сл. переводъ Жуковского.

²⁾ Илиад XXIII, 69 и сл.

³⁾ Аен. VI, 325 и сл.

Въ Аѳинахъ такимъ временемъ былъ весенній праздникъ анѳестерій: души получали въ домахъ свое угощеніе, а затѣмъ ихъ просили удалиться: „*θύραζε χῆρες, οὐκ ἔτ' Ἀνθεστῆρια*“, уходите вы, души, анѳестеріи уже кончились,—подобно тому какъ въ Римѣ говорили въ такихъ случаяхъ: „*manes exite paterni*“ (Ovid. Fast. 5).

Дни, принадлежавшіе мертвымъ считались „нечистыми“ — *μιαρὰ ἡμέρα* (Phot. lex.), *μιαρὰ ἡμέραι* (Hesych.); храмы боговъ оставались въ это время закрытыми, дѣла приостанавливались, а для предохраненія себя отъ невидимыхъ посѣтителей греки жевали при выходѣ изъ дому листья боярышника (*ῥάμνος*) и мазали дверь смолой, подобно тому какъ древніе индусы, по возвращеніи съ похоронъ, у дверей дома жевали листья лимба ¹⁾.

Очевидно, культъ мертвыхъ и въ Греціи основывался на вѣрѣ въ способность ихъ причинять людямъ какъ добро, такъ и зло, на убѣжденіи, что умершіе могутъ пользоваться матеріальными благами, страдать или радоваться и приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ живыми.

Если бы народъ не вѣрилъ въ могущество умершихъ, то почему бы онъ приносилъ имъ жертвы? Изъ-за чего бы живые лишали себя того огромнаго количества золота, драгоценностей, художественныхъ издѣлій, какія встрѣчаются въ могилахъ, если бы не было убѣжденія, что мертвые могутъ ими пользоваться или радоваться имъ? Люди были въ этомъ такъ крѣпко убѣждены, что вѣрили, будто мертвецъ непременно возвратится на землю, если любимыя имъ при жизни вещи удержаны живыми; въ зависимости отъ формы погребенія онъ или сжигались вмѣстѣ съ трупомъ, или же клались въ могилу.

Въ полномъ согласіи съ такимъ древне-греческимъ народнымъ представленіемъ о мертвыхъ находится рассказъ Геродота ²⁾ о „*Мелиссъ, жень Періандра*“.

¹⁾ W. Caland, Op. c. 71.

²⁾ Herodot, V, 92.

„Періандръ, тираннъ города Коринѳа, отправилъ пословъ въ Деспротію на рѣкѣ Ахеронѣ спросить оракула мертвыхъ о ихъ имуществѣ, довѣренномъ ему какимъ-то другомъ; появившаяся Мелисса отказалась указать или назвать мѣсто, гдѣ хранится довѣренное добро, потому что сама она не имѣетъ одежды и забнеть: то платье, которое онъ похоронилъ вмѣстѣ съ нею, оказалось для нея совершенно бесполезнымъ, такъ какъ оно не было сожжено. Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ она выразилась, что Періандръ положилъ хлѣбъ на холодную печь. Извѣщенный объ этомъ тираннъ,—доводъ призрака былъ для него убѣдителенъ, потому что онъ имѣлъ сообщеніе съ Мелиссой, уже умершей,—тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе черезъ глашатая, чтобы всѣ коринѳскія женщины явились въ храмъ Геры. Женщины отправились, какъ бы на празднество въ самыхъ нарядныхъ платьяхъ, а онъ велѣлъ поставленнымъ для этой цѣли тѣлохранителямъ раздѣть всѣхъ женщинъ безъ исключенія, какъ свободныхъ, такъ и служанокъ ихъ; все платье велѣлъ снести въ яму, посвятить Мелиссу и сжечь. Когда онъ сдѣлалъ это и вторично послалъ къ оракулу, призракъ Мелиссы указалъ то мѣсто, гдѣ было положено достояніе друга“ (пер. Ѳ. Мищенко).

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что подобные рассказы могли возникать среди грековъ, возрѣнія которыхъ, какъ мы видѣли, вполне способствовали этому; но съ другой стороны нельзя отрицать возможности передачи по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ востока, съ которымъ Греція во все время была въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ, а что и на востокѣ были такіа сказанія ¹⁾, доказательствомъ служить бы-

¹⁾ Случайно мнѣ встрѣтился рассказъ изъ дальняго востока; хотя ему и нельзя придавать значенія этнографическаго матеріала, тѣмъ не менѣе привести его для сравненія очень интересно.

Въ англійскомъ романѣ Крокера*) передается бирманскій рассказъ со словъ офицера, слышавшаго его на мѣстѣ въ Бирмѣ.

На берегу рѣки Сальвина въ живописной деревнѣ жилъ зажиточ-

*) Русскій Вѣстникъ. Октябрь. 1893. Приложение, стр. 7.

блійскій разсказъ о вызовѣ тѣни Самуила царемъ Сау-

вый торговецъ деревомъ со своей женой и съ красавицей дочерью, которая считалась красивѣйшей дѣвушкой въ той странѣ, и отъ поклонниковъ у ней не было отбоя. Но одинъ только полюбился ей, молодой лодочникъ Мунгъ-Ю. По бирманскому обычаю она передавала ему черезъ старую женщину, что онъ можетъ придти и поговорить съ нею. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Дома въ Бирмѣ строятъ на высокихъ 12-футовыхъ сваяхъ; дѣвушка сидитъ наверху, избранникъ же ея стоитъ внизу, причѣмъ дѣвушка не должна показываться или смотрѣть внизъ. Это считается не приличнымъ. Каждый вечеръ Мунгъ-Ю въ лучшемъ своемъ нарядѣ приходилъ къ дому, гдѣ его ждала Марь-Тай-Шау, накрашенная и обвѣшенная драгоценностями, и они вѣжно бесѣдовали. Зная, что у жениха много денегъ и лодокъ, родители дѣвушки охотно согласились на бракъ. Но Мунгъ-Ю долженъ былъ раньше доставить грузъ по рѣкѣ; и вотъ послѣ обрученія онъ разстался, скрѣпя сердце, съ невѣстой, которая утопала въ слезахъ. Вскорѣ послѣ его отъѣзда въ деревнѣ появилась эпидемія и въ числѣ первыхъ жертвъ была Марь-Тай-Шау. Мать ея помѣшалась съ горя и умерла тоже, отецъ заколотилъ домъ и покинулъ свою родину. Вскорѣ однако въ пустомъ домѣ поселилась чудной красоты дѣвушка, которая охотно принимала ухаживанія мѣстной молодежи, но всѣ ея поклонники погибали таинственной смертью. Ихъ находили мертвыми съ признаками задушенія на шеѣ и съ лицами искаженными отъ ужаса.

Вскорѣ вернулся и Мунгъ-Ю и узналъ печальное извѣстіе о смерти невѣсты. Въ отчаяніи бродилъ онъ и днемъ и ночью въ опустѣломъ саду, какъ вдругъ вечеромъ увидалъ возлѣ себя Марь-Тай-Шау. Онъ онѣмѣлъ отъ изумленія, и наконецъ воскликнулъ: „о Марь Тай-Шау, мнѣ сказали, что ты умерла, что же это значитъ?“ „Тебя обманули“, отвѣчала она, „я жду тебя уже нѣсколько мѣсяцевъ, но не говори никому, что ты видѣлъ меня, и завтра въ этотъ же часъ снова приходи сюда“. Она исчезла, а Мунгъ-Ю счастливый вернулся домой. На слѣдующій вечеръ онъ поспѣшилъ на свиданіе, но былъ возмущенъ, увидя, что его невѣста вышла на балконъ и перегнулась черезъ перила, однако онъ промолчалъ. На завтра она пригласила его на балконъ, но онъ рѣшительно отказался; уходя, онъ оглянулся и увидѣлъ, какъ лицо ея исказилось злобой и ненавистью. Все это разсказалъ онъ одному старому и ученому буддійскому духовному лицу по имени Пунги*). Тотъ

*) Отъ духовнаго лица я слышалъ описаніе приводимый разсказъ.

ломъ ¹⁾ и цѣлый рядъ китайскихъ преданій о появленіи умершихъ; эти послѣднія преданія связаны съ историческими лицами изъ глубокой старины, VIII и VII вв. до Р. Х. и попали въ литературные памятники XI—XII столѣтій по Р. Х. ²⁾.

Какъ бы то ни было, но такіе рассказы несомнѣнно жили и среди грековъ; объ устной передачѣ ихъ мы, конечно, ничего не знаемъ, но за то находимъ отраженіе ихъ въ произведеніяхъ писателей позднѣйшей греческой поры, какъ Флегонтъ ³⁾ и Лукіанъ.

Одинъ изъ такихъ рассказовъ Флегонта прошелъ затѣмъ въ средневѣковую литературу ⁴⁾, а въ новой послужилъ матеріаломъ для извѣстной баллады Гёте „*Die Braut von Korinth*“ ⁵⁾. Сущность его такова:

„Филиннія, дочь Демострата и Хариты, полюбила иностранца Махата. Такъ какъ родители ея были противъ этой любви, она умерла съ горя и, какъ всѣмъ было это извѣстно, была погребена. Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ смерти, когда Махатъ вернулся обратно въ домъ ея родителей, она пришла

приказалъ ему не входить въ домъ и не принимать пищи изъ рукъ дѣвушки. На слѣдующій день онъ засталъ дѣвушку внизу и они поссо-
рились, т. е. онъ отказался отъ всякаго угощенія. На слѣдующее утро старый Пунги созвалъ стариковъ всей деревни и велѣлъ откопать могилу Маръ-Тай-Шау, „потому что злой духъ иногда поселяется въ тѣлѣ покойника за грѣхи, имъ содѣянные въ давно минувшемъ состояніи“. Когда подняли крышку гроба, то увидели, что покойница лежитъ какъ живая, она открыла глаза и посмотрѣла на Пунги, но тотъ схватилъ острый колъ и пронзилъ ей сердце. Раздался ужасный крикъ, тѣло распалось и остались однѣ кости. Ихъ сожгли и пепель кинули въ Сальвинъ.

¹⁾ 1-ая кн. Царствъ, гл. 28.

²⁾ C. Arendt, Ein Kapitel aus dem Aber-und Geisterglauben der Chinesen. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin, 1892, стр. 258—271.

³⁾ Phlegontis Mirabilia. c. 1.

⁴⁾ Brn. Kornmannus, Opera Curiosa. Francofurti, MDCXCIV, cap. 53, p. 49 и сл.

⁵⁾ Goethe, Sämmtliche Werke. Stuttgart, 1869, I, стр. 33.

бѣ ему ночью, бесѣдовала съ нимъ, пила и ѣла, дала ему въ подарокъ золотое кольцо и шарфъ, а сама получила желѣзное кольцо и золоченый кубокъ. Старая ея кормилица, увидѣвъ свою питомицу въ комнатѣ чужестранца, чрезвычайно обрадовалась и сообщила объ этомъ родителямъ. На слѣдующую ночь, когда Филиннія въ обычный свой часъ пришла къ своему возлюбленному, тѣ бросились обнимать свою дочь, но она имъ сказала: „Ὁ μήτηρ καὶ πάτερ, ὡς ἀδίκως ἐφθονήσατέ μοι μετὰ τοῦ ξένου ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας γενέσθαι ἐν τῇ πατρὶα οἰκίᾳ λυποῦσαν οὐδέν <α>. τοιγαροῦν ὑμεῖς μὲν πενθήσετε ἐξ ἀρχῆς διὰ τὴν πολυπραγμοσύνην, ἐγὼ δὲ ἄπειμι πάλιν εἰς τὸν διατεταγμένον τόπον· οὐ γὰρ ἄνευ θείας βουλήσεως ἦλθον ἐνταῦθα“, т. е. мать и отецъ, какъ несправедливо поступили вы, не давъ мнѣ возможности пробыть съ чужестранцемъ три дня въ родительскомъ домѣ, никому не причиняя огорченія. Вы теперь по прежнему будете горевать, я же вернусь въ назначенное мнѣ мѣсто; сюда пришла я не безъ божьей воли. Сказавъ это, она тутъ же упала мертвой. Когда по желанію народа открыли ея прежнюю могилу, то она оказалась пустой; въ ней нашли лишь желѣзное кольцо и золоченый кубокъ, подаренные ей въ первую ночь Махатомъ. По совѣту авгура трупъ дѣвушки былъ на этотъ разъ брошенъ за городомъ“.

Исторію въ томъ же духѣ рассказываетъ и Лукіанъ, но самъ онъ уже не вѣрить такимъ рассказамъ; со свойственнымъ ему остроуміемъ онъ осмѣиваетъ ихъ, хотя по всему видно, что они крайне интересовали современное ему общество, и вотъ онъ приводитъ одинъ рассказъ съ чисто эллинской обстановкой *о возвращеніи жены Евкрата*¹⁾.

„Богатый и знатный человѣкъ, по имени Евкратъ, вѣрившій разнымъ сверхъестественнымъ явленіямъ, въ разговорѣ, зашедшемъ объ этомъ предметѣ, передаетъ объ одномъ случаѣ, бывшемъ съ нимъ лично. Онъ велъ бесѣду съ Тихіадомъ, когда вошли въ комнату два его сына, возвратившіеся изъ

¹⁾ Lucian, *Philopseudes* c. 27.

школы; поклонившись, они сѣли на постель возлѣ отца. Видѣ дѣтей какъ будто пробудилъ какое-то воспоминаніе въ мысляхъ Евкрата; онъ положилъ руки на головы дѣтей и сказалъ: „если бы я также увѣренъ былъ въ томъ, что дѣти мои доставятъ мнѣ счастье, какъ вѣрно то, что сейчасъ расскажу вамъ. Всѣмъ извѣстно, какъ я любилъ ихъ мать, мою жену. Я доказалъ ей это и при жизни и послѣ ея смерти: я сжегъ на ея кострѣ всѣ ея украшенія, всѣ ея платья, которыя она любила. Но вотъ на седьмой день послѣ этой печальной церемоніи въ то время, когда я, какъ и теперь, лежалъ на этой постели, читая, чтобы утѣшиться въ скорби, трактатъ Платона о безсмертіи души, Деменета сама входитъ, садится рядомъ со мною вотъ такъ, какъ теперь сидитъ Евкратидъ. Онъ указалъ на своего младшаго сына, который вздрогнулъ при этомъ и испуганно посмотрѣлъ на отца“.

„Увидѣвъ ее“, продолжалъ Евкратъ, „я со слезами и воплями обнялъ ее; но она прервала мои жалобы и начала упрекать меня за то, что я, принесъ ей въ жертву всѣ ея вещи, не сжегъ одной ея сандаліи, которая, по ея словамъ, завалилась за сундукъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не могли найти этой сандаліи и сожгли только одну. Рѣчь ея была прервана лаемъ собаки, лежавшей подъ кроватью, и жена моя исчезла. Сандалію же, шитую золотомъ, нашли за указаннымъ сундукомъ и назавтра сожгли ее“.

Если Лукіанъ, какъ упомянуто, иронически относился къ фантастическимъ рассказамъ о появленіи мертвыхъ, то этого нельзя сказать о близкомъ ему по времени римскомъ писателѣ, охотно трактовавшемъ о подобнаго рода явленіяхъ, Плиніи Младшемъ. Не смотря на свое образованіе, онъ, повидимому, вполне раздѣлялъ жившія тогда въ римскомъ обществѣ воззрѣнія на судьбу умершихъ, хотя и старался разъяснить себѣ вопросъ о томъ, возможно-ли возвращеніе послѣднихъ на землю.

По исконнымъ представленіямъ римлянъ и вообще италійскихъ народовъ души умершихъ и въ загробной жизни не разрывали связей съ земными интересами и приходили въ тѣ или нныя соприкосновенія съ живыми. Эта идея и обуслови-

ла собою весьма широкое развитіе у римлянъ культа предковъ, обставленнаго обрядами въ родѣ тѣхъ, какіе мы видѣли у парсовъ, индусовъ и грековъ.

Души умершихъ людей подраздѣлялись на нѣсколько категорій; для обозначенія ихъ существовали термины—*Dei parentum*, *manes*, *lemures*, *larvae* и *lares*, обозначавшіе хотя и родственныя понятія, но въ тоже время и различавшіяся между собою.

Изъ нихъ терминами *lemures* и *larvae* обозначались души, не получившія доступа въ царство тѣней или въ силу своихъ грѣховъ, или же въ слѣдствіе насильственной смерти человѣка, или же по причинѣ несоблюденія обряда погребенія, благодаря чему онѣ осуждены были на вѣчное блужданіе по землѣ. *Lares* напротивъ того были душами-покровителями своихъ семействъ, онѣ жили, оставаясь вблизи прежняго своего жилья; подобно индійскимъ *pitragas* имъ ежедневно ставили на очагъ въ маленькой посудѣ ѣду и питье; при каждомъ семейномъ событіи родные вспоминали своихъ *lares*, дѣлая ихъ такимъ образомъ участниками какъ своей радости, такъ и горя.

Понятіемъ *manes* обозначались вообще души умершихъ, перешедшія въ царство тѣней, а подъ *Dei parentum* — разумѣлись обоготворенныя души предковъ, хотя вообще трудно провести границу между различными терминами, обозначающими отдѣльныя категоріи душъ.

Въ честь каждаго умершаго въ день погребенія устраивались *feriae denicales*—тризна, совершавшаяся въ молчаніи, и жертвоприношеніе; праздникомъ всѣхъ умершихъ были дни такъ наз. *Lemuria* и *Feralia*, когда по народному представленію души умершихъ оставляли царство тѣней, навѣщали своихъ близкихъ и пользовались предлагаемыми имъ приношеніями.

Въ такіе дни, когда „*mundus patet*“,—чему соотвѣтствуетъ наше представленіе о двѣнадцати часахъ ночи, — *lemures* и *larvae* въ видѣ привидѣній могли беспокоить живыхъ, а потому каждый глава семейства старался убоготворить ихъ приношеніями въ своемъ домѣ.

Такимъ образомъ, подобно грекамъ, римляне и италійцы

полагали, что душа послѣ смерти человѣка могла въ извѣстныхъ случаяхъ появляться вблизи своего прежняго жилища и продолжала жить, не разставаясь со своими земными чувствами и потребностями ¹⁾).

Мертвый, по мнѣнію древнихъ римлянъ, и въ могилѣ способенъ чувствовать радость или страданіе, онъ сохраняетъ и тамъ свои прежнія привычки, потребности и связь съ міромъ живыхъ, отсюда—обычай класть въ могилу разныя вещи и приносить при погребеніи благопожеланія усопшему, какъ напр. „*sit tibi terra levis*“ „да не бременить тебя земля своимъ гнетомъ“. На этомъ вѣрованіи основанъ культъ предковъ, общій какъ всѣмъ арійскимъ племенамъ ²⁾, такъ и вообще первобытнымъ народамъ ³⁾, въ силу котораго умершіе предки могли приходить на помощь своимъ роднымъ и близкимъ и въ тоже время могли становиться къ нимъ и во враждебное положеніе.

Какъ мы видѣли, такую же воспріимчивостью къ совершающимся вокругъ нихъ событіямъ надѣлялись мертвые и по представленію древнихъ грековъ, что заставляло проходящихъ мимо гробницы обращаться къ покойнику съ привѣтствіемъ „*χαίρε*“ ⁴⁾; на нѣкоторыхъ надписяхъ вырѣзывался даже какъ бы отвѣтъ мертваго на такое привѣтствіе. Точно также и извѣстная латинская поговорка „*De mortuis nil nisi bene*“ первоначально, по всей вѣроятности, имѣла болѣе реальное значеніе, предупреждая о томъ, что мертвый можетъ обидѣться за оскорбительный отзывъ и, пожалуй, отомстить обидчику и лишь въ послѣдствіи получила содержаніе чисто нравственнаго характера, съ какимъ она теперь и употребляется.

Вотъ Почему Плиній Младшій, сообщая разсказъ,

¹⁾ Фюстель де-Куланжъ, Гражданская община античнаго міра. Москва 1867, стр. 10.

²⁾ A. Maury, Histoire des Religions de la Grèce antique. Paris, 1857, I. стр. 170.

³⁾ E. Tylor, La civilisation primitive. Traduit par Barbier. Paris, 1878, II. стр. 147 и сл.

⁴⁾ K. Hermann, Lehrbuch d. griechischen Privatalterthümer. Heidelberg, 1872, III, стр. 325.

пользующійся, какъ извѣстно, чрезвычайно широкой популярностью даже въ наше время, „о *появленіи призрака, требующаго себѣ погребенія*“, могъ серьезно интересоваться вопросомъ о томъ, насколько это возможно въ дѣйствительности. Разсказъ его вкратцѣ таковъ ¹⁾:

„Въ Аѳинахъ былъ прекрасный домъ, но не обитаемый; въ немъ по ночамъ слышалось бряцаніе цѣпами, звукъ шелъ издалека, приближался и, наконецъ, появлялось само привидѣніе въ образѣ худого, изможденнаго старика съ длинной бородой и всклокоченными волосами; руки и ноги его были закованы въ цѣпи, которыми онъ потрясалъ. Вотъ почему въ домѣ никто не хотѣлъ жить. Философъ Аѳенодоръ, воспитатель Августа, заинтересовался этой исторіей и пожелалъ остановиться въ этомъ домѣ. Подъ вечеръ онъ велѣлъ поставить свою постель въ передней, самъ принялся тутъ же за свои занятія, съ тѣмъ чтобы отвлечь мысль отъ ожидаемыхъ ужасовъ. Сперва все было тихо кругомъ, но вдругъ онъ услышалъ звукъ цѣпей и, оглянувшись, увидѣлъ привидѣніе въ томъ видѣ, какъ его описывали. Призракъ манилъ его рукой. Аѳенодоръ продолжалъ писать, дѣлая знакъ, чтобы тотъ подождалъ. Звукъ цѣпей не прекращался, философъ видѣлъ, что старикъ поцрежнему зоветъ его; тогда онъ беретъ свѣтильникъ и слѣдуетъ за нимъ. Призракъ медленно двинулся впередъ, какъ бы изнемогая подъ тяжестью цѣпей; придя во дворъ, онъ внезапно исчезъ изъ глазъ философа.

Аѳенодоръ замѣтилъ это мѣсто, назавтра раскопали землю и нашли здѣсь скелетъ, закованный въ цѣпи. Останки эти предали торжественному погребенію и послѣ того мертвецъ не нарушалъ спокойствія дома“ ²⁾.

Такихъ разсказовъ было въ древности не мало и многіе изъ нихъ сдѣлались достояніемъ позднѣйшихъ европейскихъ народовъ.

---

¹⁾ Plinii Secundi Epistolae VII, 27.

²⁾ Точно такая же исторія передается Лукіаномъ (Philopseud. с. 35) съ тою лишь разницей, что дѣйствіе происходитъ въ Коринѣ, привидѣніе въ видѣ оборотня показывается философу — пифагорейцу, Аригноту.

Если, какъ мы видѣли, возникновенію ихъ способствовали религіозныя представленія древнихъ культурныхъ народовъ, то распространенію и размноженію ихъ въ средніе и новыя вѣка благопріятствовали подобныя же воззрѣнія новыхъ европейскихъ народовъ, воззрѣнія, сохранившіяся въ сознаниі народ-ныхъ массъ до нашихъ дней въ обрывочномъ видѣ, въ формѣ обрядовыхъ переживаній или же отдѣльныхъ суевѣрій.

Вся разница между классическими разсказами о появле-ніи умершихъ на землѣ и средневѣковыми христіанскими ис-черпывается въ сущности мотивировкой подобныхъ явленій, за-имствованной для послѣднихъ изъ новыхъ религіозныхъ воз-зрѣній, привнесенныхъ христіанствомъ. Если прежде души умершихъ появлялись, требуя себѣ погребенія, то теперь воз-вращаются онѣ къ своимъ близкимъ, прося отъ нихъ молитвъ, которыя облегчили бы для нихъ переходъ изъ чистилища въ райскія обители. Подобное народное представленіе на почвѣ уже христіанской нашло свою поэтическую обработку во мно-жествѣ народныхъ произведеній и между прочимъ въ произве-деніи провансальскаго поэта Frederik'a Mistral'я (Mi-rcéio, 1859):

„Въ ночь подъ праздникъ св. Медарда, разсказывается въ стихотвореніи Мистрала, выходятъ изъ воды утопленники, погибшіе рыбаки, несчастныя дѣвушки, босые, покрытые иломъ, они карабкаются на скалистый берегъ; съ зажженнымъ свѣчами длинной вереницей ходятъ они взадъ и впередъ, озираясь по сторонамъ, разыскивая свои добрыя дѣла, которыя въ рукахъ нашедшаго превращаются въ цвѣты. Тотъ, кому удастся со-брать цѣлый букетъ такихъ цвѣтовъ, возносится на небо, остальные же на разсвѣтѣ вновь погружаются въ холодныя волны и ждутъ тамъ страшнаго суда“¹⁾.

По современному народному представленію въ Бретани²⁾

¹⁾ K. Pabst, Ueber Gespenster in Sage und Dichtung. Bern, 1867, стр. 20.

²⁾ Emile Souvestre, Le foyer breton, I, стр. 145.

въ ночь подъ праздникъ всѣхъ Святыхъ Господь позволяетъ душамъ, за которыхъ много молились, на короткое время возвратиться въ свои дома, которые въ эту ночь наполняются ими, подобно тому какъ осенью дороги усыпаются листьями. Поэтому благочестивые люди оставляютъ послѣ своего ужина столъ накрывшимъ и разводять огонь на очагѣ, чтобы мертвецы могли насытиться и согрѣть свои холодные члены.

Благодаря такимъ понятиямъ еще живущимъ въ народной психикѣ остаткамъ нѣкогда бывшаго культа мертвыхъ, всевозможные рассказы про мертвецовъ, про ихъ возвращеніе на землю и сношенія съ людьми встрѣчаются повсюду въ Европѣ, не исключая и самыхъ просвѣщенныхъ странъ, какъ напр. Франція ¹⁾, гдѣ они собраны Себилло ²⁾ въ огромномъ количествѣ—особенно въ Нормандіи и Бретани.

Въ средніе вѣка, когда стародавнія представленія о загробной участи человѣка были живѣе въ народномъ сознаниі, когда при томъ самые образованные люди способны были вѣрить самымъ невѣроятнымъ явленіямъ, рассказы про возвращеніе мертвецовъ пользовались всеобщимъ довѣріемъ и съ полнымъ основаніемъ можно думать, что весьма многія изъ распространенныхъ нынѣ въ народѣ сказокъ ³⁾, особенно демоническаго содержанія, обязаны своимъ возникновеніемъ суевѣрнымъ средневѣковымъ представленіямъ о мірѣ и міровыхъ явленіяхъ. Самые просвѣщенные люди въ XIV и XV столѣтіяхъ и даже позднѣе не были чужды всяческихъ предразсудковъ и часто съ ученою важною распространяли въ обще-

---

¹⁾ Revue des traditions populaires. 1887 t. II, стр. 267; Mé-lusine, III, стр. 75 (1886—87).

²⁾ Paul Sébillot, Traditions et Superstitions de la Haute-Bretagne. Paris 1882, стр. 221—272. Его-же, Littérature orale de la Haute-Bretagne. Paris 1881, I, стр. 190—202.

³⁾ Podbereski, Materyjaly do Demonologii Ludu ukraińskiego въ Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej. T. IV (1880) стр. 3—83; Н. Сумцовъ, Культурныя переживанія, Кіевская Старина, 1890, Январь стр. 60—90.

ствѣ разныя несообразности, противныя здравому смыслу¹⁾, сохранившіяся до нашихъ дней въ обиходѣ простаго народа, часто совершающаго подъ ихъ вліяніемъ уголовныя преступленія²⁾.

Что касается въ частности разсказовъ про мертвецовъ, то одинъ изъ таковыхъ встрѣчается уже въ XII в. у англійскаго писателя Мареса³⁾, сообщающаго, какъ одинъ крестьянинъ въ Валлисѣ, спустя четыре дни послѣ своей смерти, по ночамъ выходилъ изъ могилы, звалъ по имени своихъ односельчанъ, и тѣ умирали на третій день послѣ этого. Вѣра въ возможность возвращенія мертвецовъ проходитъ чрезъ всѣ средніе вѣка и была такъ прочно усвоена, что даже такія лица какъ Лютеръ и Меланхтонъ вполне раздѣляли ее. Меланхтонъ свидѣтельствуетъ, что слышалъ отъ людей достовѣрныхъ и правдивыхъ объ одной дѣвицѣ, которая жила въ Болоньи и тамъ умерла, но по смерти своей цѣлые два года пребывала въ обществѣ людей, бывала въ гостяхъ, только мало ѣла⁴⁾. Лютеръ въ своихъ „*Zastolnykhъ rѣchaxъ*“ приводитъ разсказъ о томъ, какъ умершая жена возвращается къ своему мужу и проситъ его не браниться по обыкновенію, въ противномъ случаѣ ей придется снова умереть⁵⁾. Вѣра подобнымъ явленіямъ, средневѣковые писатели и ученые объясняли ихъ вмѣшательствомъ нечистой силы, охотно передавали такіе разсказы,

¹⁾ Къ числу древнѣйшихъ и богатѣйшихъ источниковъ всевозможныхъ разсказовъ принадлежатъ сочиненія: Gervasius von Tilbury (XIII стол.), *Otia Imperialia*, Hannover 1856; Thomas Cantimprænsis (XIII ст.), *Bonum universale de apibus*, 1627; M. Del-Rio, *Disquisitiones Magicae*, Colon 1657; I. Sprenger, *Malleus maleficarum*, 1489 и много другихъ сочиненій позднѣйшихъ, огромный перечень которыхъ за XVII и XVIII столѣтія представленъ Wagner'омъ „*Neue Genspester*“. Berlin 1802, П, стр. XI—LXVI.

²⁾ А. Левенстимъ, Сувѣріе въ его отношеніи къ уголовному праву. Журналъ минист. юстиціи. 1897, I, стр. 157 и сл.

³⁾ F. Liebrecht, *Zur Volkskunde*, 1879, стр. 34.

⁴⁾ О. Буэлаевъ, Мои Досуги, М. 1886, II. стр. 31.

⁵⁾ F. Liebrecht, *Op. cit.* стр. 59.

осложняя ихъ разными классическими и странствующими сюжетами, затемняя первоначальную народную основу вѣры въ возможность прихода мертвыхъ. Вѣрованіе такое, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе нашло свое выраженіе повсемѣстно, вытекая изъ первобытнаго воззрѣнія на смерть и душу. Подобное воззрѣніе на мертвыхъ существовало и у славянъ и у германцевъ; хотя оно и видоизмѣнилось въ послѣдствіи подъ вліяніемъ христіанства ¹⁾, тѣмъ не менѣе слѣды его довольно ясно сказываются еще и теперь въ жизни названныхъ народовъ. Такъ въ восточной Пруссіи вѣрятъ еще и теперь, что душа умершаго остается въ домѣ до самаго погребенія; поэтому возлѣ трупа ставятъ стулъ, съ тѣмъ чтобы душа могла занять здѣсь мѣсто ²⁾. Она сознаетъ все, совершающееся возлѣ нея и поступаетъ на подобіе людей, продолжая жить, какъ бы невидимымъ человѣкомъ ³⁾. Такое вѣрованіе распространено по всей Германіи и оно же сохранилось среди чеховъ, поляковъ и литовцевъ, а также и у русскихъ ⁴⁾, являясь остаткомъ нѣкогда господствовавшего культа предковъ, души которыхъ по первоначальному представленію оставались жить у домашняго очага покровительствуя роду. Съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ господство нѣсколько иной взглядъ на посмертное пребываніе души среди живыхъ; оно оказывается нежелательнымъ и даже враждебнымъ для людей, въ виду чего изобрѣтаются разныя мѣры съ цѣлью воспрепятствовать душѣ оставаться въ прежнемъ своемъ домѣ или возвращаться въ него. Съ этою цѣлью въ сѣверной и средней Германіи въ слѣдъ за выносомъ покойника принято подметать избу ⁵⁾; въ Бранденбургѣ и Вест-

¹⁾ I. Lippert, Christenthum, Volksglaube und Volksbrauch. Berlin 1882, стр. 383 и сл.

²⁾ Töppen, Aberglaube aus Masuren 1867², стр. 111.

³⁾ Grohmann, Aberglaube u. Gebräuche aus Böhmen u. Mähren. 1864, I, стр. 193.

⁴⁾ В. Даль, Пословицы русскаго народа. М. 1879², II, стр. 566.

⁵⁾ Wuttke, Der deutsche Volksglaube der Gegenwart. Berl. 1864, I, § 725.

фалии за дверь въ слѣдъ за покойникомъ выливаютъ ушатъ воды ¹⁾, съ тѣмъ чтобы покойникъ не могъ перейти ее въ slu-чаѣ, если ему вздумается вернуться.

Обычай такой распространенъ повсемѣстно въ Германіи, и о существованіи его тамъ есть упоминаніе уже изъ XI ст. ²⁾. Тоже самое встрѣчаемъ почти во всѣхъ странахъ Европы, Азии и у первобытныхъ народовъ. Такъ, обрядъ погребенія въ Конго совершается такимъ образомъ: „*Les funérailles commencent par le sacrifice de quelques poules, du sang desquelles on arrose le dehors de la maison. Ensuite on jette le cadavre par dessus le toit, pour empêcher que l'âme du mort ne fasse le zombi, c'est à dire qu'elle ne revienne troubler les habitants par des apparitions, car on est persuadé que celui qui verrait l'âme d'un mort tomberait mort lui même sur le champ*“ ³⁾. Среди словаковъ существуетъ такое же повѣріе: если не желаешь, чтобы мертвый пугалъ тебя, то потяни его за палецъ правой ноги, когда онъ лежитъ еще дома; а чтобы онъ пересталъ ходить по дому, *облей домъ по угламъ отваромъ чернобылля*; покойнику положи въ гробъ то, что ему было самаго дорогаго въ жизни, чтобы онъ не пришелъ за этимъ по смерти ⁴⁾.

По словамъ П. Чубинскаго ⁵⁾ на югѣ Россіи народъ ерѣвно вѣритъ въ хожденіе мертвецовъ и для устраненія этихъ посѣщеній принимаются разные мѣры: могилу ходящаго по ночамъ мертвеца обсыпаютъ макомъ, думая, что вставшій мертвецъ прежде всего долженъ подобрать весь макъ до одного зернышка, а пока онъ успѣетъ это сдѣлать, то запоютъ нѣтухи, и мертвецъ долженъ уйти въ могилу; или же забиваютъ

¹⁾ Kuhn, Märkische Sagen стр. 267; Kuhn, Westphälische Sagen, II, стр. 49.

²⁾ I. Lippert, Op. с. стр. 387.

³⁾ Migne, Nouvelle Encyclop. Theol. vol. 37 col. 612; Liebrecht, Op. cit. стр. 372.

⁴⁾ P. Dobšinský, Prostonárodní obyčaje, poverý a hry sloven-ské. Turč. sv. Martin 1880, стр. 113.

⁵⁾ П. Чубинскій, Труды этнографическо-статической экспедиціи въ Западно-русскій край. Спб. 1877. т. IV, стр. 712.

въ могилу осиновый колъ. Последнее средство употребляется также при погребеніи повѣсившихся, которымъ иной разъ кладутъ въ ротъ желѣзный гвоздь изъ бороны; безъ этихъ предосторожностей погребенный могъ бы надѣлать много вреда, такъ какъ онъ обладаетъ силою, позволяющею ему вставать изъ гроба ¹⁾. Та же мысль скрывается и въ обычай, по которому всякій проѣзжающій и проходящій считаетъ неперемѣннымъ долгомъ бросить на могилу самоубійцы хотя что нибудь, что попадаетъ подъ руку: колокъ сѣна, вѣтку дерева, горсть земли и т. п. ²⁾; но самъ народъ уже не знаетъ, для чего это дѣлается, и отвѣчаетъ только: „такъ треба“. Между тѣмъ обычай этотъ оказывается распространеннымъ не только по всей Европѣ, но и за ея предѣлами, и во множествѣ собранные Либрехтомъ ³⁾ примѣры обнаруживаютъ, что въ основѣ его могло лежать двухъ родовъ побужденіе: съ одной стороны предметы, бросаемые на могилу самоубійцы служили какъ бы жертвой ему, съ тѣмъ чтобы мертвецъ или его духъ не причинилъ какого либо зла прохожему, съ другой они являлись какъ бы матеріальнымъ препятствіемъ для его выхода изъ могилы, на которой, благодаря такому обычаю, всегда образовывался цѣлый холмъ. Точно также Ускоки клали на голову и на ноги своихъ покойниковъ тяжелые камни, съ тѣмъ чтобы они не могли вернуться домой и безпокоить живыхъ. Обычай бросать камни на могилу самоубійцы, съ тѣмъ чтобы помѣшать его выходу изъ могилы, извѣстенъ и въ Швейцаріи ⁴⁾, и центральной Франціи ⁵⁾, и даже въ Сенегамбіи и въ южной Афри-

¹⁾ Ibid. т. I, стр. 209; II, стр. 413. 414.

²⁾ Караджичъ, Живот и обичаји народа Српскаго 1866, стр. 213—214; Кулишъ, Записки о южной Россіи, стр. 228; Барсовъ, Причитанія, стр. 307, 312; Кіевская Старина, 1890, Апрель, стр. 106.

³⁾ F. Liebrecht, Zur Volkskunde. Heilbronn, 1879, стр. 273 и сл.

⁴⁾ E. Rochholz, Schweizersagen aus dem Aargau. Aarau 1856, I, 70.

⁵⁾ Laisnel de la Salle, Croyances et Légendes du Centre de la France. Paris, 1875, II. 75.

кѣ¹⁾. Повѣріе, что самоубійцы не остаются въ покоѣ въ своей могилѣ, но выходятъ изъ нея, распространено по всей Германіи²⁾ и связывается здѣсь съ вѣрой вообще въ возможность появленія мертвыхъ въ своемъ прежнемъ видѣ. Тоже самое возрѣвіе встрѣчается и въ Англіи, гдѣ оно въ свое время раздѣлялось и высшимъ обществомъ и вызывало даже правительственныя распоряженія³⁾. Чтобы помѣшать самоубійцѣ возвращаться на землю и тревожить живыхъ людей, англійскій законъ долгое время поступалъ съ ними, какъ съ вампирами. Извѣстно, что вампирамъ забивали въ грудь осиновый колы и это, по народному повѣрію, мѣшало имъ выходить изъ могилы и высасывать кровь у людей; точно также поступали и съ самоубійцами, причемъ хоронили ихъ съ позоромъ на распутіи большой дороги, а имущество отбирали въ казну. Этотъ чисто варварскій обычай былъ отмѣненъ только закономъ 1824 года, но по всей вѣроятности продолжалъ практиковаться и позднѣе, такъ какъ закономъ 1882 года вторично запрещалось хоронить самоубійцъ на распутіи съ коломъ въ груди. Обычай прикрѣплять такимъ образомъ трупъ въ могилѣ не составляетъ особенности вѣрованій англійскаго народа, онъ былъ распространенъ повсюду въ Европѣ, и между прочимъ о такомъ же обычаѣ упоминается въ одной ирландской легендѣ: „Злой король Конхобаръ приказалъ похоронить порознь двухъ нѣжныхъ любовниковъ, чтобы разлучить ихъ даже послѣ смерти. Спустя нѣкоторое время открываютъ могилы, одна изъ нихъ пуста, за то въ другой находятъ оба трупа въ тѣсныхъ объятіяхъ; такимъ образомъ любовь оказалась сильнѣе смерти. Но ревнивый король приказываетъ снова похоронить любовниковъ порознь, а трупы ихъ пронзить осиновыми колами, чтобы они не могли вновь соединиться“.

По повѣрію турецкихъ сербовъ⁴⁾ злые, нехорошіе люди

¹⁾ Th. Waitz, Antropologie der Naturvölker, II, 195.

²⁾ A. Wuttke, Op. cit. II, стр. 444. 443.

³⁾ H. Gaidoz, Le Suicide въ Mélusine, 1888, т. IV, стр. 11.

⁴⁾ И. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. Спб. 1886, стр. 466.

и послѣ смерти не оставляютъ добрыхъ людей въ покоѣ: они ходятъ изъ дома въ домъ и дѣлаютъ всякому пакости. Объ этихъ людяхъ говорятъ, что они „*уиробничили*“, т. е. сдѣлались вампирами, блуждающими душами. Но такое ограниченіе возможности посмертнаго блужданія только кругомъ недобрыхъ людей принадлежитъ собственно позднѣйшему времени, тогда какъ раньше она, несомнѣнно, распространялась на всѣхъ, что доказывается между прочимъ слѣдующимъ обычаемъ тѣхъ же сербовъ: „въ случаѣ смерти грудного ребенка родные родители не оставляютъ ихъ спать дома въ ночь, слѣдующую за днемъ смерти ребенка. Вѣрятъ, что душа ребенка является домой, чтобы пососать грудь матери“¹⁾.

Точно также и среди другихъ славянскихъ народовъ подобное воззрѣніе на мертвыхъ до сихъ поръ крѣпко укоренено въ сознаніи массъ. Факты, свидѣтельствующіе объ этомъ, въ значительномъ количествѣ собраны Краусомъ²⁾ между южными славянами. Не только христіане, но и магометане увѣрены, что въ извѣстные дни умершіе возвращаются домой провѣдать своихъ близкихъ, и въ эти дни повсюду стараются быть веселыми и довольными, въ праздничномъ настроеніи, иначе печаль живыхъ передается и мертвымъ. Чтобы предохранить себя отъ подобныхъ гостей, принимаются разныя мѣры, направленные къ удовлетворенію мертвыхъ, появляющихся или съ добрыми, или злыми цѣлями.

Можно бы привести еще множество подобныхъ указаній, свидѣтельствующихъ, что желаніе удержать мертвыхъ отъ посѣщенія живыхъ создало у разныхъ народовъ много пріемовъ, иной разъ совпадающихъ у самыхъ отдаленныхъ племенъ и неопровержимо доказывающихъ, что вѣра въ возможность общенія между міромъ живыхъ и міромъ мертвыхъ идетъ изъ

¹⁾ И. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. Спб. 1886, стр. 463.

²⁾ Fr. Krauss, Powrót umarłych na świat. Wisła, 1890, IV, стр. 657—683.

глубокой древности, вытекая изъ міросозерцанія, обусловливаемого извѣстнымъ культурнымъ развитіемъ.

Но и приведенныхъ фактовъ достаточно для нашей цѣли, а теперь посмотримъ, какіе поэтическіе рассказы возникли въ разныхъ мѣстахъ на представленіи о возможности возвращенія мертвыхъ.

Такъ, обращаясь къ народамъ некультурнымъ, мы находимъ среди индѣйцевъ Сѣверной Америки знакомое уже намъ представленіе, что душа умершаго остается иной разъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ могилѣ, иной разъ отдѣльно отъ него въ прежнемъ жилищѣ покойнаго. Къ смерти индѣйцы относятся совершенно спокойно въ увѣренности, что съ нею они не теряютъ возможности возвращаться къ земной жизни и находиться въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ своимъ близкимъ. Въ виду этого у нихъ принято ставить на могилу пищу для души умершаго въ теченіе цѣлаго года ¹⁾. Тоже самое находимъ и среди обитателей Полинезіи ²⁾. По представленію жителей острова Тонга души вождей послѣ ихъ смерти въ большомъ и быстро несущемся челнокѣ переправляются къ богу Гивулео и тамъ продолжаютъ жить подобно тому, какъ жили на землѣ, сохраняя прежнія наклонности и прежній тѣлесный образъ, обладая, наравнѣ съ богами, способностью возвращаться на свой островъ и принимать участіе въ жизни, то помогая и предостерегая, то наказывая людей ³⁾. На островѣ Самоа живеть повѣріе, что въ царство мертвыхъ переходятъ лишь тѣ умершіе, надъ которыми былъ совершенъ обрядъ погребенія, другіе же бродятъ безъ пріюта и по ночамъ слышатся ихъ жалобные возгласы: „уфъ, какъ холодно, какъ холодно!“ Но и понавшіе въ царство мертвыхъ могутъ возвращаться на землю, движимые напр. чувствомъ состраданія къ

¹⁾ Th. Waitz, *Antropologie der Naturvölker*. Leipzig, 1862, III, 195.

²⁾ Waitz, *Op. cit.* V, 2 Abth., стр. 130.

³⁾ Watz, *Op. cit.* VI, стр. 302—305.

близкимъ, какъ та женщина ¹⁾, которая была послана обратно на землю, чтобы заботиться объ оставленномъ ею младенцѣ.

При такомъ распространенномъ среди первобытныхъ народовъ воззрѣніи на мертвыхъ насъ не можетъ удивить слѣдующій разсказъ, записанный среди Цавніанъ, одного изъ самыхъ значительныхъ индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки ²⁾. Разсказъ носить заглавіе „Жена-привидѣніе“.

„Мужъ потерялъ жену; горюя объ ней, онъ однажды ночью идетъ на ее могилу и засыпаетъ тамъ. Проснувшись, онъ видитъ рядомъ съ собой фигуру покойницы. Она предлагаетъ ему съ ребенкомъ послѣдовать за ней въ міръ, гдѣ нѣтъ печали, но мужъ отказывается и въ концѣ концовъ убѣждаетъ ее вернуться къ нему. Она соглашается съ условіемъ, что въ теченіе четырехъ ночей никто не снимаетъ одѣяла съ ея прежней постели и не посмотритъ на нее. По прошествіи этого срока одѣяло приподнимаютъ, и оттуда выходитъ ожившая женщина. Долго живутъ они счастливо, но вотъ мужъ приводитъ въ домъ вторую жену съ очень сварливымъ характеромъ. Во время ссоры эта послѣдняя говоритъ своей соперницѣ: „тебѣ не мѣсто здѣсь, ты вѣдь только тѣнь“. На слѣдующую ночь первая жена исчезла, а на утро нашли мертвыми въ постели ея мужа и сына“.

Приведемъ изъ того же источника второй разсказъ, своеобразно разрабатывающій мотивъ о возвращеніи умершей невесты къ своему жениху.

„Одна молодая дѣвушка умерла, ее похоронили въ отсутствіе ея жениха. По возвращеніи этотъ послѣдній находитъ свою невесту одну въ покинутой ихъ племенемъ деревнѣ. Они разговариваютъ, присутствуютъ при пляскѣ мертвецовъ и затѣмъ пускаются въ путь, чтобы нагнать свое племя. Приблизившись къ табору, она посылаетъ своего жениха приго-

---

¹⁾ Shortland, Traditions and superstitions of the New-Zealanders. Lond. 1854, стр. 128.

²⁾ George Bird Grinnel, Pawnee hero stories and Folk-tales. New-York: справ. Revue des Traditions populaires, 1890, V, стр. 313.

товить ей постель и прикрыть ее одѣяломъ; она должна пробыть подъ нимъ четыре дня и четыре ночи, въ продолженіе которыхъ женихъ не долженъ говорить объ ней, ни произносить ея имени. Но онъ нарушаетъ запретъ, молодая дѣвушка исчезаетъ, а самъ онъ умираетъ на слѣдующую ночь. Если бы онъ не произнесъ запрещенныхъ словъ, то она бы ожила“.

По повѣрьямъ вотяковъ покойникъ, если не будетъ отпѣтъ, въ землѣ не гніетъ и духъ его блуждаетъ по землѣ, не находя себѣ покоя. По временамъ духъ его входитъ въ тѣло и горютъ тамъ ¹⁾, по временамъ же онъ появляется среди живыхъ, беспокоитъ ихъ, требуя себѣ отпѣванія. На этомъ повѣрїи основываются соотвѣтствующіе рассказы о появленіи умершихъ. Среди подобныхъ мертвецовъ играетъ видную роль „убиръ“ или „кулэмъ-убиръ“ ²⁾, соотвѣтствующій общему понятію о вампирѣ, вынимающемъ изъ живыхъ людей кровь или сердце. По рассказамъ иныхъ вотяковъ такими качествами обладаютъ умершіе колдуны, вообще же души умершихъ, по повѣрїю инородцевъ, иной разъ присутствуютъ при полевыхъ изгородахъ и при полевыхъ воротахъ. Идя въ гости или на свадьбу, вотяки берутъ съ собой куски хлѣба и бросаютъ ихъ къ воротамъ или изгородямъ въ даръ умершимъ, чтобы они не сдѣлали чего вреднаго для людей и скота ³⁾.

Такимъ образомъ, и по повѣрїю вотяковъ появленіе умершихъ вполне возможно и оно опредѣляетъ собою возникновеніе рассказовъ, сообщаемыхъ Верещагинымъ ⁴⁾. Умершая дѣвушка появляется на землѣ въ прежнемъ своемъ видѣ, приглашаетъ къ себѣ въ гости живого человека, даритъ ему рубашку, обладающую тѣми же свойствами, что сказочная „шапка невидимка“.

¹⁾ Г. Верещагинъ, Вотяки Сосновскаго края. Сиб., 1886, стр. 83, Зап. Им. Рус. Геогр. Общ. XIV, вып. 2.

²⁾ Г. Верещагинъ, Вотяки Саранульскаго уѣзда Вятской губ. Сиб., 1889 стр. 86. Зап. Им. Рус. Геогр. Общ. XIV, вып. 3.

³⁾ Ibid. стр. 104.

⁴⁾ Ibid. стр. 118 и сл.

Интересно отмѣтить, что среди вотяковъ извѣстно повѣрье, распространенное и среди русскихъ, и среди юго-западныхъ славянъ, что печь недоступна нечистой силѣ ¹⁾. На этомъ повѣрїи основаны различные рассказы, касающіеся печи, на которой обыкновенно ищутъ спасенія люди, преслѣдуемые умершими, какъ это мы и находимъ въ цѣломъ рядѣ сказокъ о *женихѣ-мертвецѣ*.

По древнему и весьма распространенному вѣрованію души людей являются за пищей и имъ принадлежать крошки, падающія подѣ столъ. Древніе греки говорили, что крошки эти принадлежатъ героямъ ²⁾, древніе славяне предоставляли ихъ мертвымъ ³⁾, тоже самое наблюдается у первобытныхъ народовъ ⁴⁾ и отражается въ тирольской поговоркѣ, употребляемой при паденіи крошекъ: „Arme Seele rappet (raffet) — dass es der Tuifel nit dertappet“ ⁵⁾.

У грузинъ-ингилойцевъ принято со дня смерти до окончанія сорокового дня въ честь умершаго ежедневно ставить въ домѣ особую пищу и окуривать ее ладномъ. По ихъ повѣрїямъ въ это время усопшій невидимо присутствуетъ въ родномъ домѣ и питается запахомъ и самымъ видомъ освященной въ его память пищи ⁶⁾.

Всѣ такіе отдѣльные факты получаютъ свой смыслъ и объясненіе, если имѣть въ виду нѣкогда господствовавшій у всѣхъ европейскихъ народовъ культъ предковъ ⁷⁾. Въ Скандинавіи онъ обставлялся обрядами, близко подходившими къ

¹⁾ Верецагинъ, Вотяки Сосновскаго края, стр. 82.

²⁾ Diog. Laërt. VIII, § 34; Rohde, Psyche, стр. 218.

³⁾ J. Hanusch, Die Wissenschaft des slavischen Mythus. 1842, стр. 408.

⁴⁾ E. Tyrol, La civilisation primitive. Paris, 1878, II, 33—58, Trad. par Barbier.

⁵⁾ I. Zingerle, Sitten, Gebräuche und Meinungen des Tiroler Volkes. Innsbruck 1871², № 300.

⁶⁾ Сборникъ матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. 1893, XVII, стр. 161, отд. II.

⁷⁾ J. Grimm, Deutsche Mythologie. 1875⁴, стр. 761 и сл.

тѣмъ, какіе мы наблюдали у грековъ. Такъ въ *Kormak's Saga* (930—984) ¹⁾ говорится, что эльфамъ, обитающимъ въ холмѣ, для умиловленія ихъ слѣдуетъ принести въ жертву быка; кровью его обрызгать холмъ, а мясо оставить имъ въ пищу. Эти эльфы оказываются, по мнѣнію Вигфуссона ²⁾, душами предковъ, которымъ и приносили жертвы—„*alfa-blót*“ или „*disa-blót*“, смотря по тому, имѣлись ли въ виду мужскіе или женскіе представители рода. Духомъ-покровителемъ семьи былъ *dis* (pl. *dísir*), соотвѣствующій нашему „домовому“, до сихъ поръ сохранившему свое значеніе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, среди русскаго народа. Такъ *домовой* по представленію крестьянъ Калужской губ. близко связанъ съ домашнимъ очагомъ, съ хозяйствомъ мужика и до сихъ поръ остается для него однимъ изъ самыхъ близкихъ духовъ, сравнительно мало измѣненнымъ подъ вліяніемъ просвѣщенія. Домовой все еще остается духомъ-покровителемъ семьи, безъ его содѣйствія немислимо преуспѣяніе и обогащеніе крестьянскаго двора, онъ холитъ, либо губитъ домашній скотъ. Вотъ почему при переходѣ въ новую избу заываютъ съ собою и домового слѣдующей формулой: „домовой, звѣровой, хозяйнъ скотовой, пойдемъ съ нами на новую селибу ³⁾“.

Подобныя вѣрованія, какъ отраженіе древняго культа предковъ, весьма живы еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи. Такъ крестьяне Тамбовской губерніи имѣютъ такое представленіе о загробной жизни, что ихъ родные послѣ смерти, до истеченія шести недѣль, продолжаютъ невидимо пребывать въ томъ домѣ, гдѣ жили, и даже пользуются пищею. На основаніи такого убѣжденія на ночь въ домѣ всегда растла-

¹⁾ Fr. Horn, Geschichte der litteratur des Skandinavischen Nordens. Leipzig, 1880, стр. 49.

²⁾ Vigfusson, Corpus poeticum boreale. 1883, I, стр. 413 и сл.

³⁾ Этногр. Обзор., 1892, кн. 2—3, стр. 214.

ется бѣлая скатерть, на которой ставится кушаніє, поѣдаемое за ночь покойникомъ ¹⁾).

На томъ же общемъ вѣрованіи, прошедшемъ, конечно, черезъ христіанську среду, основанъ и слѣдующій превосходный рассказъ, записанный въ Черниговской губ. и помѣщенный въ сводѣ Драгоманова ²⁾), подъ заглавіємъ „*Мертвець на заговѣнахъ*“ такого содержания. „Росказовала тетушка: у нас на заговѣни у пост як повечеряють, дек уси ідуть у другу хату або до сусіди, и все те, що останеться од вечері, оставляють мертвим покойникам: вони до пітухів прийдуть і тож заговіють. Я була мала, дурна, і забула, що треба після вечері йти куди небудь; залізла на піч да там і заснула, а про мене, ідучи, забули, оставили. Проснулась я, дивлюсь: каганець горить, в хати тихо, і цвиркун не цвирєне; на столі вечеря стоить, — хто не доїв кусочка, дек такъ усе і лежить. Тримтить на міні все од страху, і не придумую, що міні робить. Утекти?—дак боюсь. Що як там у сінях хто небудь стоить?

Присіла вже я, дожидаю, що буде дальше. Коли такъ через скілько хвилин одчиняються двері: дід наш покойний входить (вин недавно й помер: тоді років три міні було, дек він мене на руках носив же), — сивий і бородою заріс. Сів він на покуті. Коли далі входить дядько покойний, — повів очима кругом і сів біля діда; а далі, дивлюсь, сунеться Эвдоким, злодюжка був на все село, дакъ богато на ёму навѣшано разної разниці, і гроші в руках: все то, що вин на сім світі накрвав. Тож сів мовчки біля. За ним Вакула Пархоменків, що торік повисився у клуні, пъяничка був, так з мотузкою на шиї і ввійшов. Багато, повна хата їх найшла; тільки після всіх, дивлюсь, щось товпнється, да въ дверяхъ ніяк не пройде. Придивлюсь, аж то Трохим; він нам і ро-

---

¹⁾ В. Бондаренко, Повѣрія крестьянъ Тамбовской губерніи. Живая Старина, 1890, I, стр. 121.

²⁾ М. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и рассказы. Кієвъ, 1876, стр. 66.

дич їще був, да въ нас соху колись и вкрав, — дакъ тепер, що не розгониться, та въ дверяхъ и застряне: з нею ніяк не пройде. Я дивилась, дивилась, не втерпіла (де ж, всі ідять, а ёму, може, нічого не останется), да як крикну: „боком“, кажу „Трохиме“! Тільки що я се промовила, як не знать, де й діолось все: от просто, як на каганецъ дмухнути да воно погасне, такъ і се, — як крузь землю прошло!

Так то вже міні тоді жаль було, що я їм і поістя не дала; лучше-б уже я була мовчала“!

Такихъ художественныхъ рассказовъ про мертвецовъ, какъ только что приведенный малорусскій, мнѣ не встрѣчалось нигдѣ больше, поэтому я и привелъ его цѣликомъ, но вообще мертвецы играютъ всюду весьма видную роль въ произведеніяхъ народной поэзіи, и рассказы про нихъ можно встрѣтить почти въ каждомъ сборникѣ народныхъ сказокъ. Такъ Веккенштетъ¹⁾ собралъ богатый матеріалъ среди литовцевъ, живущихъ въ Ковенской губ. и у него встрѣчается множество рассказовъ про мертвыхъ, то падающихъ голосъ изъ могилъ, то являющихся къ своимъ роднымъ по разнымъ поводамъ: такъ умершая жена по ночамъ приходитъ къ своему мужу, другая является требовать пеленки для своего ребенка, третья увлекаетъ въ могилу оставшагося въ живыхъ своего возлюбленнаго и т. п.; мертвецы то говорятъ изъ могилъ, то встають по ночамъ изъ гробовъ, одинъ приходитъ въ домъ къ женѣ, другой требуетъ рубашку, которую на кладбищѣ сняла съ него его-же вдова, желавшая похвастаться своею неустрашимостью. Такое множество рассказовъ о всевозможныхъ приключеніяхъ съ мертвыми свидѣтельствуетъ о глубоко вкоренившейся въ народѣ вѣрѣ въ возможность общенія живыхъ съ мертвыми, которые съ этой цѣлю и являются на землю въ прежнемъ своемъ видѣ.

Насколько живо еще подобное представленіе среди про-

---

¹⁾ Veckenstedt. Die Mythen, Sagen u. Legenden der Zamaiten (Litauer). Heidelberg, 1883, стр. 254—272.

стого народа, наглядно показываетъ случай грубаго суевѣрія, отмѣченный среди крестьянъ-литовцевъ и сообщенный недавно изъ м. Узянъ ¹⁾.

Если человѣкъ повѣсится, то нужно непременно отрубить ему голову, а то иначе мертвецъ будетъ ходить и никому изъ своихъ родственниковъ и сосѣдей не дастъ покою. Такой случай встрѣтился недавно въ Ковенской губерніи. Крестьянка дер. Семенишки, Ушпольской волости, Вилкомирскаго уѣзда, Гайгаласъ, которой уже было 60 лѣтъ, повѣсилась. На третій день она была найдена сыномъ и однимъ изъ сосѣдей невдалекѣ отъ деревни. Скоро явился становой приставъ, который, осмотрѣвъ трупъ, разрѣшилъ его предать землѣ. Говорятъ, возили повисѣвшуюся бабушку по кладбищамъ, но нигдѣ ее не принимали изъ боязни, что она послѣ принявшимъ ее не дастъ покою. Наконецъ, порѣшили похоронить на своемъ деревенскомъ кладбищѣ, но раньше чѣмъ предать ее землѣ, чтобы она ихъ не беспокоила, нужно было отрубить ей голову. Нашелся храбрый человѣкъ, старый солдатъ, и отрубилъ старухѣ голову.

Нѣсколько иначе выражается та же вѣра среди жителей восточной Помераніи ²⁾. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ нѣтъ своихъ кладбищъ, то покойниковъ хоронятъ на кладбищахъ другихъ деревень. И вотъ, возвращаясь съ похоронъ, на границѣ своей деревни кладутъ немного соломы, съ тѣмъ чтобы на ней могъ отдохнуть мертвецъ, если ему вздумается возвращаться въ свой прежній домъ.

Подобнаго рода возможность покоится на народномъ представленіи ³⁾, что душа не разлучается съ тѣломъ и послѣ смерти, но остается привязанной къ могилѣ до тѣхъ поръ по-

---

¹⁾ Ков. губ. Вѣд. 1892 г. Октябрь.

²⁾ O. Knoor, Volkssagen, Erzählungen, Aberglauben... aus dem östlichen Hinterpommern. Posen, 1885, стр. 164.

³⁾ Dr. Ulrich Jahn, Volkssagen aus Pommern u. Rügen. Berlin, 1891, стр. 388 и сл.

ка не ислѣютъ кости. Въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ и здѣсь находятся многочисленные рассказы о томъ, какъ мертвецы появляются беспокоить людей то въ видѣ какихъ либо чудовищъ, то въ видѣ оборотней, вампировъ, о томъ, какъ умершая мать приходитъ кормить грудью своего младенца, или умершій мужъ присутствуетъ въ прежнеемъ своемъ видѣ при новомъ вѣнчаніи своей вдовы или, наконецъ, умершій женихъ возвращается, чтобы взять въ свою холодную могилу невесту, связанную съ нимъ клятвой вѣрности.

У Лужицкихъ сербовъ также оказываются рассказы о томъ, какъ умершіе являлись своимъ близкимъ ¹⁾: такъ погибшій отъ раны гдѣ-то въ походѣ рыцарь показывается женьѣ, священникъ трижды приходитъ послѣ своей смерти къ сыну, требуя, чтобы тотъ исполнилъ прежнее свое обѣщаніе и не дѣлался въ приходѣ намѣстникомъ отца и т. п. То же самое находимъ и въ рассказахъ чешскихъ и моравскихъ: то является по ночамъ къ своей возлюбленной „Umrlec“ ²⁾, то спустя нѣкоторое время послѣ своей смерти дѣвушка начинаетъ по ночамъ навѣщать своего жениха, заставляетъ его сохннуть и преждевременно пизводить его въ могилу ³⁾, то, наконецъ, разобиженный мертвецъ преслѣдуетъ своихъ обидчиковъ ⁴⁾. Въ послѣднемъ рассказѣ, озаглавленномъ „S mrtvými není žádný žert“, говорится о томъ, какъ однажды мертвецъ всталъ изъ могилы, оставилъ свое одѣяніе лежать на кладбищѣ, а самъ отправился въ ближайшую деревню. Одинъ изъ двухъ церковныхъ сторожей взялъ это платье и припряталъ. Возвратившись, мертвецъ не нашелъ своего платья и началъ кричать глухимъ голосомъ: kdo ty šaty vzal, at' jich

¹⁾ K. Haupt, Sagenbuch der Lausitz. Leipz. 1862, I, стр. 199—200 и 206.

²⁾ Národní písně, pohádky, pověsti etc., изданныя Литератур. Обществомъ „Slavia“, II, 2. Прага, 1878.

³⁾ B. Kulda, Moravské národní pohádky, pověsti, obyčaje a pověry. Praha, 1875, II, стр. 237.

⁴⁾ B. Kulda Op. cit. I, стр. 305.

nese semó“. Не получивъ удовлетворенія, онъ бросился преслѣдовать сторожей, искавшихъ спасенія на колокольнѣ. Мертвецъ поднялся уже на третью лѣстницу, какъ вдругъ запылъ пѣтухъ, и онъ упалъ. На утро его снова предали землѣ.

На островѣ Корсикѣ, по словамъ Ортоли, чрезвычайно крѣпко укоренена въ народѣ вѣра въ возвращеніе мертвыхъ. Люди, не проявляющіе страха, когда на нихъ направлено дуло ружья, дрожать, когда имъ приходится проходить мимо кладбища. При такомъ общемъ вѣрованіи въ возвращеніе мертвыхъ не мудрено, что въ народѣ ходитъ множество разсказовъ про нихъ: мертвые появляются иногда цѣлыми братствами, — это т. н. *Squadra d'Arrozza* — и мстятъ людямъ за неисполненіе разныхъ обрядовъ, если напр. въ день поминовенія усопшихъ не приготовлена для нихъ вода, которую они пьютъ и которой умываются; иной разъ возвращаются и по одиночкѣ, требуютъ молитвъ за себя или исполненія какой-либо своей воли. Подъ заглавіемъ „*Le spectre de la fiancée*“¹⁾ Ортоли сообщаетъ слѣдующее интересное корсиканское сказаніе:

„Не такъ давно одинъ юноша, богачъ и красавецъ, полюбилъ молодую дѣвушку, по имени Маріучча. Она была бѣдна и долго противилась его ухаживаніямъ, но въ концѣ концовъ отдалась тому, кого успѣла полюбить больше самой жизни. Влюбленные поклялись другъ другу въ вѣчной любви, сама смерть не должна была раздѣлить ихъ. Не много спустя отецъ Карло, такъ звали юношу, говорить ему: „Карло, пора тебѣ жениться, тебѣ уже 30 лѣтъ, я нашелъ тебѣ невѣсту, богатую и красивую, и хочу, чтобы ты на ней женился“. „Отецъ, ты знаешь, что я клялся въ вѣрности Маріуччѣ“, отвѣчаетъ сынъ. Но отецъ осмѣялъ его и убѣдилъ измѣнить ей. Маріучча, узнавъ про измѣну своего возлюбленнаго, впала въ глубокое отчаяніе, стала медленно угасать и, наконецъ, умерла; ее схоронили, но даже креста не было на ея бѣдной могилѣ.

¹⁾ Ortolì, Les contes populaires de l'île de Corse. Paris, 1883, стр. 309.

Карло женился и съ молодой красавицей-женой вскорѣ собою забылъ Маріуччу. Однажды, когда супруги спали, въ полночь ихъ разбудила чья-то холодная рука. „Кто тамъ“, вскричали они, видя предъ собой привидѣніе въ бѣломъ саванѣ. „Это я“, раздался знакомый голосъ Маріуччи, и она, сбросивъ саванъ, легла между супругами, леденя ихъ прикосновеніемъ своихъ костей. „Я хочу своего супруга“, продолжала она, онъ клялся умереть вмѣстѣ со мной, но онъ забылъ придти ко мнѣ, и вотъ я пришла за нимъ“. Всю ночь прилежала такъ Маріучча и лишь съ пѣніемъ пѣтуховъ исчезла.

На вторую и на третью ночь являлось привидѣніе со словами: „пустите меня, мнѣ холодно“ и ложилось между супругами. На третью ночь Маріучча сжала Карло въ своихъ констативныхъ объятіяхъ, говоря: „наконецъ-то ты мой, мой на вѣки“. Карло не далъ отвѣта, онъ былъ мертвъ. Его похоронили въ могилѣ Маріуччи, и съ тѣхъ поръ привидѣніе болѣе не появлялось“.

Въ русскихъ народныхъ сказкахъ мертвецы также играютъ значительную роль; хотя по воззрѣніямъ нѣкоторыхъ крестьянъ, какъ напр. Калужской губ., *мертвецы* въ настоящее время уже не выходятъ изъ могилъ, такъ какъ на нихъ священникомъ налагается заклятіе, однако на ряду съ этимъ существуютъ рассказы, какъ молодой мужъ являлся послѣ смерти къ своей женѣ, или какъ дѣвушка, утаченная къ себѣ водянымъ, ежедневно являлась на берегъ и даже переписывалась съ родными ¹⁾. Нѣкоторые изъ такихъ сказокъ близко напоминаютъ варианты западно-европейскіе, другія же, напротивъ того, отличаются оригинальностью. Между прочимъ у Аонасьева ²⁾ встрѣчаемъ рассказъ о томъ, какъ дѣвушка

¹⁾ Къ вопросу о религіозныхъ воззрѣніяхъ крестьянъ Калужской губерніи, *Этногр. Обоз.*, 1892, кн. 2—3, стр. 213.

²⁾ А. Аонасьевъ, *Народныя русскія сказки*. Москва, 1861, вып. V, стр. 140—150; вып. VI, стр. 320—326; вып. VIII (М. 1863), стр. 392—396.

снимаетъ саванъ или рубашку съ мертвеца и какъ тотъ приходитъ ночью требовать свои вещи обратно, — точь въ точь, какъ это мы видѣли въ одной моравской сказкѣ; другой рассказъ русскій оказывается еще болѣе распространеннымъ ¹⁾, содержаніе его приблизительно такое: „Въ стародавніе годы жили-были въ одной деревнѣ два молодыхъ парня; жили они дружно, вмѣстѣ по бесѣдамъ ходили, другъ друга за родного брата почитали. Сдѣлали они между собой такой уговоръ: кто изъ нихъ станетъ впередъ жениться, тому звать своего товарища на свадьбу, живъ ли онъ будетъ, помретъ-ли, все равно. Черезъ годъ послѣ того заболѣлъ одинъ молодецъ и померъ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ задумалъ его товарищъ жениться. По дорогѣ къ невѣстѣ ему пришлось ѣхать мимо кладбища, онъ вспомнилъ объ уговорѣ съ другомъ, пошелъ на его могилу и сталъ звать пріятеля на свадьбу. Вдругъ могила растворилась, покойникъ всталъ и пригласилъ жениха къ себѣ выпить рюмку сладкаго вина. Женихъ спустился въ могилу, выпилъ рюмку — прошло сто лѣтъ, выпилъ другую — прошло двѣсти лѣтъ, выпилъ третью — прошло цѣлыхъ триста лѣтъ. Выйдя затѣмъ изъ могилы, онъ не нашелъ ни невѣсты, ни родныхъ, ни знакомыхъ; все кругомъ перемѣнилось, и лишь священникъ по церковнымъ книгамъ справился, что триста лѣтъ тому назадъ былъ такой случай: въ день свадьбы отправился женихъ на кладбище и пропалъ, а невѣста его вышла потомъ замужъ за другого”.

Подобное содержаніе развивается въ одной датской сказкѣ ²⁾; крестьянинъ на кладбищѣ находитъ черепъ, въ цыномъ видѣ осмѣиваетъ мертвеца, которому принадлежалъ черепъ, и шуткой приглашаетъ его къ себѣ въ гости въ вечеръ Рождества Христова. Мертвый на самомъ дѣлѣ является, дѣла-

¹⁾ Первая половина рассказа вполне соответствуетъ бретонской сказкѣ у Sébillot, *Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne*. I, стр. 242 „La Promesse“.

²⁾ Jens Kamp, *Danske folkeeventyr*. Kjob. 1879, N. XVI, стр. 170.

еть видъ, будто бы ѣсть, но въ дѣйствительности не трогаетъ предложенныхъ ему яствъ. Послѣ этого мертвецъ въ свою очередь приглашаетъ крестьянина къ себѣ въ гости и, когда тотъ явился, заставляетъ его считать, какъ часто мѣняетъ листья липа, растущая въ царствѣ мертвыхъ. Когда крестьянинъ насчиталъ 300 разъ, ему дается позволеніе вернуться назадъ, а между тѣмъ въ это время прошло цѣлыхъ триста лѣтъ ¹⁾. Такой же рассказъ извѣстенъ еще въ Босніи ²⁾, въ Венгріи ³⁾ и, по словамъ Р. Кёлера ⁴⁾, можно указать огромное количество сказокъ, въ которыхъ мертвецъ приходитъ въ гости къ живымъ или вслѣдствіе прежней дружбы, или же побуждаемый желаніемъ мстить за обиду.

По нѣскольکو иному мотиву приходитъ мертвецъ на званый вечеръ въ одной исландской легендѣ ⁵⁾: „*Der tote als gats*“. „Жилъ въ Англіи человѣкъ, говорится здѣсь, имѣвшій обыкновеніе каждый разъ въ день Рождества созывать къ себѣ на пиръ друзей своихъ и сосѣдей. Разъ, въ виду приближавшагося праздника послалъ онъ вѣстника передать, кому слѣдуетъ, приглашенія; на возвратномъ пути вѣстникъ прислалъ отдохнуть на кладбищѣ на какой-то могилѣ и, вставая, сказалъ: „какъ бы желалъ я, чтобы Господь по своей милости дозволилъ мертвому, который здѣсь покоится, получить на пиръ моего господина столько же радости и удовольствія, сколько я нашелъ на этой могилѣ“. Сказавъ это, онъ ушелъ домой. Въ началѣ пира, когда всѣ уже занимали свои мѣста, вошелъ въ залъ незнакомый, блѣдный человѣкъ и сѣлъ вмѣ-

¹⁾ Подъ видомъ трехъ дней цѣлыхъ 300 лѣтъ проводитъ рыцарь Гингаморъ въ замкѣ красавицы-феи, живущей въ таинственномъ лѣсу, откуда никто не возвращается, по разсказу одной старинной бретонской пѣсни: *Lay de Guingamor*, Romania 1879, стр. 51—59.

²⁾ Въ журн. „Am Urds-Brunnen“, 1888. VI, 146.

³⁾ Fr. Müller, Siebenbürgische Sagen. Kronstadt, 2 Aufl. №. 74.

⁴⁾ Въ журн. „Am Ur-Quell“, 1890. IV, 72.

⁵⁾ Hugo Gerig, Isländzk Aeventyri. Isländische Legenden, Novellen u. Märchen. Halle, 1884, II, стр. 97.

стѣ съ другими за столъ; но онъ не ѣлъ и не пилъ и не проявлялъ ни малѣйшаго признака радости въ противоположность другимъ гостямъ. Когда же обѣдъ кончился и начали произносить послѣобѣденную молитву, онъ сталъ веселѣе, но еще болѣе возросла его радость, когда запѣли „*de profundis*“. На вопросъ, кто онъ такой, онъ отвѣтилъ: „я тотъ мертвецъ, на могилѣ котораго отдыхалъ вѣстникъ господина, пожелавшій, чтобы я на пиру нашелъ столько же удовольствія, сколько онъ на моей могилѣ; но ни ѣда, ни напитки не доставили мнѣ радости, лишь, когда вы запѣли благочестивыя молитвы, возрадовался я, какъ радуются всѣ христіанскія души“.

Возвращаясь къ сборнику Аѳанасьева, слѣдуетъ указать на рассказъ ¹⁾, въ которомъ сюжетъ о возвратѣ мертвеца разработанъ болѣе самостоятельно, чѣмъ въ раньше приведенныхъ сказкахъ: въ немъ мертваго не принимаетъ земля, такъ какъ надъ нимъ тяготѣетъ материнское проклетіе, и вотъ онъ является испросить черезъ брата прощеніе. Такая мотивировка выхода мертвеца на землю напоминаетъ превосходную сербскую пѣсню, гдѣ „дѣвичьи клятвы“ дѣлаютъ тяжелой землю для покойника. Пѣснь эта, „Клетве девојачке“ ²⁾, такъ хорошо, что я приведу ее цѣликомъ:

„Умре Конда једини у мајке,
Жао мајци Конду законати,
Законати далеко од двора,
Већ га неси у зелену башчу,
Те га копа под жуту Дерапчу,
Свако га је јутно облазила:
„Сине Конда, јел' ти земља тешка?
Ил' су тешке даске јаворове?“
Проговора Конда изъ земљице:
„Није мени, мајко, земља тешка,
Нит' су тешке даске јаворове;

¹⁾ А. Аѳанасьевъ, Народныя русскія сказки М. 1861, вып. VI, стр. 324.

²⁾ Вук Караџић, Народне српске пјесме. 1824, I (женске пјесме), стр. 101, № 156.

Већ су тепке клетве ђевојачке:
Кад издишу, до Бога се чује;
Кад закуту, сва се земља тресе;
Кад заплачу, и Богу је жао“.

По смыслу этой сербской пѣсни для покойника тяжелы не только проклятія, но также и слезы оставшихся въ живыхъ, способныя разжалобить самого Бога, и мы увидимъ въ послѣдствіи, что эта послѣдняя черта нашла себѣ яркое выраженіе въ народной поэзіи, а теперь пока возвратимся нѣсколько назадъ.

Вѣра въ возвращеніе мертвыхъ, несомнѣнно, существовала у всѣхъ европейскихъ народовъ ¹⁾ и, вѣроятно, въ большей или меньшей степени удержалась еще и до нашего времени, доказательствомъ чему служатъ пѣсни и сказки, записанныя въ народѣ. Одной изъ причинъ, побуждающихъ мертвыхъ вставать по ночамъ изъ могилъ, служить между прочимъ причиняемая имъ или ихъ роднымъ какая либо неправда или обида. На этомъ мотивѣ основано очень много разсказовъ, изъ нихъ мы приведемъ слѣдующую датскую пѣсню, извѣстную также и въ Швеціи ²⁾:

— „Душъ Гедеби“.

„Разъ подъ вечеръ выѣхалъ я въ лѣсъ и пустилъ своего коня на траву, а самъ легъ на землю немного отдохнуть. Едва я началъ дремать, какъ явился ко мнѣ мертвецъ и сказалъ: „вотъ ты производишь изъ моего рода, а потому тебѣ слѣдуетъ вступить за меня и отомстить за причиненную мнѣ обиду. Иди въ Гедеби, тамъ живутъ десять моихъ кров-

¹⁾ M. Di Martino, Moribondi e Morti nelle credenze popolari svedesi. Archivio per le Tradizioni popolari, 1887, VI, стр. 495.

²⁾ Rosa Warrens, Dänische Volkslieder der Vorzeit. Hamburg, 1858, № XXVIII, стр. 176 и W Grimm, Altdänische Heldenlieder... Heidelb. 1811, стр. 296, № 73. Подлинникъ этой пѣсни у Svend Grundtvig'a, Danmarks Gamle Folkeviser. Kjöbenhavn 1853, № 91; подобная шведская пѣсня у Iwar Arvidsson, Svenska Fornsänger. Stockholm (1834—42), II, стр. 451.

ныхъ друзей; тамъ живетъ и Христель, моя красавица-жена, загубившая мою молодую жизнь. При помощи пяти своихъ женщинъ она задушила меня въ голубыхъ перинахъ; затѣмъ положили онѣ меня въ вязанку сѣна и вынесли на лугъ. Теперь мой любимый рабъ ѣздитъ на моемъ добромъ конѣ, ѣстъ моими серебряными ножами, цѣлуетъ мою красавицу-жену; онъ сидитъ за моимъ столомъ и бранными словами поноситъ моихъ дѣтей, даетъ имъ мало хлѣба и издѣвается надъ ними, зная, что отецъ ихъ мертвъ. Съ моими собаками ѣздитъ онъ въ лѣсъ и охотится тамъ за дивными звѣрями. И вотъ, гоняя ихъ взадъ и впередъ, онъ будитъ меня въ моей могилѣ, и горе этому человѣку, если я приду къ нему въ домъ“!

Таже самая причина заставляетъ встать изъ могилы и Мортена изъ Фогельзанга въ пѣснѣ, равнымъ образомъ распространенной въ былое время въ Даніи и Швеціи¹⁾ и извѣстной подъ заглавіемъ: „*Мортенъ изъ Фогельзанга*“.

„Вотъ выѣхалъ Мортенъ на зеленый лугъ и вдругъ около полудня почувалъ въ себѣ смертную болѣзнь. Отдалъ онъ въ церковь червое золото, а монастырю своего коня, и съ пышностью было предано землѣ тѣло Мортена. Но въ первую же ночь передъ полуночью сѣлъ онъ на коня и мертвымъ разѣзжалъ по Фогельзангу. Здѣсь встрѣтилъ онъ молодого Фольмерскаго стрѣлка и погнался за нимъ. „Послушай ты, молодой Фольмерскій стрѣлокъ, остановись и выслушай меня! Клянусь, что не причиню тебѣ никакого зла“. Черный астребъ сидѣлъ у Мортена, черный пестъ бѣжалъ за нимъ и черные слуги слѣдовали позади въ глубинѣ лѣса. „Послушай, Мортенъ, зачѣмъ ты ѣдишь взадъ и впередъ, когда мы лишь вчера только положили тебя въ гробъ“? „Я не могу лежать, я не смѣю покониться, прежде чѣмъ не приду въ Фогельзангъ и

---

¹⁾ Talvj, Versuch einer geschichtlichen Charakteristik der Volkslieder germanischer Nationen. Leipz. 1840, стр. 235; Rosa Warena, Op. cit. № XXXIX, стр. 179. Подлинная датская пѣсня у S. Grundtvig'a, Op. cit. № 92 и шведская у I. Arwidsson'a, Op. cit. стр. 106.

не исправлю причиненную моимъ дѣтямъ неправду. Скажи моей женѣ, Меттѣ, и скажи поскорѣе, пусть возвратитъ поле сиротамъ и тѣмъ успокоитъ мою душу. А чтобы она повѣрила тебѣ, скажи ей, пусть въ полночь пойдетъ въ мою комнату и тамъ она найдетъ мои ботинки, наполненные кровью“. „Поѣзжай, Мортенъ, пусть покоятся твои уставшія кости; влянись тебѣ, что поле будетъ возвращено сиротамъ“. Спасибо гордой Меттѣ, она была вѣрной женой, возвратила поле сиротамъ и успокоила душу Мортена“.

Огромной популярностью пользуется въ народной поэзіи мотивъ о томъ, какъ мать даже въ могилѣ слышитъ плачь своихъ сиротъ, обижаемыхъ мачехой¹⁾; желая защитить своихъ дѣтей, она встаетъ изъ гроба и является въ домъ грозной мстительницей, какъ это рисуется намъ пѣсня, извѣстная въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, — „Мать въ могилѣ“²⁾“.

„Свендъ Дирингъ высваталъ себѣ прекрасную Сильберладу; печальна, нерадостна шла она за него; прошло восемь лѣтъ и было у нихъ восьмеро дѣтей, какъ страну ихъ постигла смерть и похитила Сильберладу. Тогда Свендъ Дирингъ взялъ себѣ въ жены гордую Блиде, оказавшуюся злой мачехой. Когда привели ее въ домъ Диринга и дѣти вышли съ привѣтомъ къ ней на встрѣчу, она оттолкнула ихъ ногой.

---

¹⁾ Нѣмецкая пѣсня „Waislen's Klage“ въ сборникѣ Meinert'a, Alte deutsche Volkslieder. Wien 1817, стр. 89; лужицкая—Haupt a Smoler, Pjesnički hornych a delnych Lužiskich Serbow. Grymi, 1841, I, стр. 135; чешская—Erben, Písňe národní v Čechach, I, 1; польская—Żegota Pauli, Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. Lwów, 1840. I. стр. 75; малорусская ibid. II, 145; литовскія—Nesselmann, Littauische Volkslieder. Berl. 1853, №№ 69 — 72; эстонская—Neus № 42; хорватская въ сборникѣ—Hrvatske narodne pjesme. Matica Hrvatska. 1896, стр. 53.

²⁾ Talvj, Op. cit. стр. 237; Rosa Warrens, Op. cit. № XXX, стр. 183; W. Grimm, Op. cit. стр. 147. Датская пѣсня въ подлинникѣ у S. Grudtvig'a, Op. cit. № 89; шведская у Arwidsson, Op. cit. № 90; норвежская у M. Landstad, Norske Folkeviser, Christiania 1854, № 62.

Свендъ давалъ ей дорогіе подарки съ тѣмъ, чтобы она любила и кормила его дѣтей, а она клала ихъ на голую солому и морила голодомъ. Дѣтки плакали въ нуждѣ и горѣ, и это слышала гордая Сильберлада, хотя и была мертва. Одинъ плачетъ слезами, другой плачетъ кровью, а изъ могилы раздается голосъ матери: „въ полдень не могу придти къ вамъ, буду съ вами въ полночь“. Въ субботу вечеромъ, когда всѣ души должны покоиться, Сильберлада испросила у Христа позволеніе навѣстить дѣтей и подняла изъ могилы свои усталыя кости; треснули стѣны и плита, съ большимъ трудомъ поднялась она и взяла на спину свой гробъ. Въ страхѣ завывли собаки, когда она пришла въ свой домъ, за воротами стояла ея старшая дѣвочка. „Зачѣмъ ты стоишь здѣсь, мое дитя, какъ поживаютъ твои братья и сестры?“ „Развѣ ты моя матушка, спрашиваетъ дѣвочка, но отчего же у тебя такія поблекшія щеки?“ „Какъ-же мнѣ быть бѣлой, какъ же мнѣ быть розовой, когда я такъ долго лежала мертвой въ гробу?“ Войдя въ домъ, она нашла своихъ дѣтей въ слезахъ и горѣ; одному расчесываетъ вудри, другого беретъ на руки и нѣжно качаетъ, младшее дитя посадила себѣ на колѣни и жгучія слезы полились изъ глазъ. „Скажи мнѣ, моя старшая дочь, говоритъ она, гдѣ отецъ вашъ, Свендъ Дирингъ?“ „Онъ тамъ спитъ въ своей комнатѣ, онъ взялъ намъ недобрую мачеху“. Своимъ гробомъ стучить Сильберлада въ дверь и говорить: „вставай, Свендъ, ипусти меня, твоя Блуде обижаетъ моихъ дѣтей, горе ей, если еще разъ я вернусь сюда, злая участь постигнетъ твою Блуде. Если собаки боязливо визжатъ, знайте, что это я прихожу; а теперь поетъ пѣтухъ, мнѣ пора въ могилу“. Гордая Блуде образумилась послѣ этого и нѣжно ухаживала за дѣтьми“.

Въ пѣсняхъ провансальскихъ и французскихъ таже тема передается нѣсколько иначе: дѣти, терпя преслѣдованіе и дурное обращеніе со стороны мачехи, идутъ на кладбище искать свою погребенную мать. По дорогѣ имъ встрѣчается Иисусъ Христосъ, или св. Петръ, или св. Іоаннъ и совершаютъ чудо: умершая воскресаетъ и кормитъ своихъ дѣтей въ теченіе се-

ми лѣтъ, семи лѣтъ и одного дня или пятнадцать лѣтъ. По одному варианту она приходитъ кормить ихъ лишь по ночамъ ¹⁾. Въ итальянскихъ пѣсняхъ соотвѣтствующаго содержания дѣти также идутъ плакать на могилу матери, та встаетъ изъ могилы, кормить младшаго грудью, а старшему даетъ поѣсть ²⁾.

Какъ побудительная причина, заставляющая приходитъ на землю мертвыхъ, встрѣчается также заклинаніе, примѣненіе котораго находимъ уже въ *Снорровой Эдды* ³⁾, въ рассказѣ о *Гёгни* и *Гильда*.

„У короля Гёгни была дочь Гильда. Ее, въ отсутствіи отца, увезъ король Гединъ, сынъ Гіарранди. Узнавъ о похищеніи дочери, Гёгни со своей дружиной пустился преслѣдовать Гедина. Онъ гнался за нимъ до Орнейскихъ острововъ, гдѣ они встрѣтились. Гильда явилась къ отцу, предлагая ему въ знакъ примиренія драгоцѣнное ожерелье. Но отецъ грубо прогналъ дочь, и она, вернувшись къ Гедину, стала побуждать его къ битвѣ. Они вмѣстѣ высадились на островъ и приготовились къ битвѣ. Все таки Гединъ дѣлаетъ еще попытку къ примиренію, но Гёгни отвѣчаетъ, что теперь уже поздно; разъ онъ обнажилъ свой мечъ Даинслефъ, выкованный ему карликами, то этотъ мечъ требуетъ себѣ кровавой жертвы. Тогда началась битва, прозванная битвой Гединиговъ. Цѣлый день бились короли, а на ночь разошлись на свои корабли.

Между тѣмъ Гильда ночью идетъ на мѣсто сраженія и посредствомъ чаръ будить всѣхъ павшихъ воиновъ; когда на утро снова сошлись короли сражаться, то всѣ мертвецы приняли участіе въ битвѣ. Такъ продолжалось изо дня въ день; всѣ убитые и все ихъ вооруженіе съ сумерками превращались въ камни на полѣ битвы, а съ разсвѣтомъ поднимались всѣ мертвецы, брали свое оружіе и сражались.

¹⁾ D. Arband, Chans. pop. de Provence, I, 73; D. Rolland, Recueil de chansons pop. (1887) III, 5; Smith, Romania, IV, 108—9.

²⁾ Nigra, Canti pop. del Piemonte, стр. 212.

³⁾ L. Simrock, Die Edda. Stuttgart, 1882, стр. 319.

Въ пѣсняхъ говорится, что такъ будутъ драться Гіадинниги до свѣтопреставленія“.

Саксонъ Грамматикъ ¹⁾, передавая этотъ разсказъ въ своей хроникѣ, мотивируетъ такое явленіе необычайнымъ чувствомъ любви Гильды къ своему мужу: „Ferunt Hildam tanta mariti cupiditate flagrasse, ut noctu interfectorum manes redintegranti belli gratia carminibus excitasse credatur“.

Заклинаніемъ пользуется также мать въ одной шотландской балладѣ для вызова своихъ умершихъ сыновей ²⁾. Хотя баллада эта и носитъ черты литературной обработки и находитъ нѣкоторыми подробностями одно средневѣковое еврейское сказаніе ³⁾, тѣмъ не менѣе общая основа ея, близка къ произведеніямъ, извѣстнымъ намъ изъ народной поэзіи. Она носитъ названіе „*The Wife of Usher's Well*“ и содержаніе ея таково:

Въ Usher's Well жила женщина, она была богата и имѣла трехъ сыновей, статныхъ молодцовъ, которыхъ она отправила въ море. Не прошло еще и недѣли, какъ они покинули свою мать, едва одна только прошла недѣля, какъ вдругъ дошло до нея извѣстіе, что всѣ ея три сына погибли, и она ихъ никогда больше не увидитъ. „О, да не прекратится вѣтеръ, пусть не утихнетъ волненіе на водахъ до тѣхъ поръ, пока не вернутся ко мнѣ мои сыновья цѣлы и невредимы!“ Дѣло было около дня св. Мартина, когда ночи длинны и темны, и вотъ всѣ три сына женщины пришли домой. Шляпы ихъ были украшены цвѣтами, которыхъ нельзя найти нигдѣ на землѣ, они растутъ лишь у вратъ рая. „Разведите огонь, служанки, принесите воды изъ колодца, у меня въ домѣ сегодня ночью будетъ пиръ по случаю благополучнаго возвращенія моихъ сыновей“. Она приготовила для нихъ широкую постель, а сама,

---

¹⁾ Saxonis Grammatici Historia Danorum, V, стр. 232 (1839).

²⁾ Walter Scott, The poetical works. Minstrelsy, III, стр. 258 (1833 г.); J. Child, The English and scottish popular Ballads, III, стр. 238 (1885).

³⁾ Jewish Traditions, abridged from Buxtorf. London 1732, v. II, p. 19.

завернувшись въ свой плащъ, сѣла рядомъ... Но вотъ пропѣлъ красный пѣтухъ, ему вторить и сѣрый, тогда старшій братъ говоритъ младшимъ: „намъ пора уходить“. Едва успѣлъ пѣтухъ пропѣть одинъ разъ и взмахнуть крыльями, какъ младшій повторяетъ старшему: „братъ, намъ пора уходить! Уже поетъ пѣтухъ и занимается день; насъ могутъ хватиться и мы за это сильно поплатимся. Прощай, дорогая матушка, прощай нашъ родной домъ и дворъ, прощай и ты, добрая дѣвушка, которая разводишь огонь на очагѣ нашей матери“.

Вальтеръ Скоттъ предполагаетъ ¹⁾, что сказаніе, по которому души, попавшія въ рай, украшаются гирляндами цвѣтовъ, еврейскаго происхожденія и указываетъ на слѣдующій рассказъ изъ „*Maase book*“.

„Одинъ престарѣлый еврей по имени Понимъ, на обязанности котораго лежало погребеніе умершихъ, подходит однажды къ школѣ (синагогѣ), увидѣлъ мертвеца съ гирляндой цвѣтовъ на головѣ, стоявшаго въ дверяхъ. Раввинъ Понимъ испугался, думая, что это привидѣніе. Вдругъ мертвецъ обратился къ нему, говоря: „не бойся, подойди поближе, развѣ ты меня не знаешь?“ Тогда Понимъ спросилъ его: „не тотъ ли ты, кого я вчера похоронилъ?“ „Да, это я самый“, отвѣчалъ мертвецъ. „Зачѣмъ ты сюда пришелъ, какъ ты поживаешь на томъ свѣтѣ?“ снова спросилъ его Понимъ. „Мнѣ отлично живется, я пользуюсь высокимъ уваженіемъ въ раю“ сказалъ мертвецъ. „Однако среди насъ, возразилъ Понимъ, ты считался самымъ незначительнымъ евреемъ; за какія же заслуги тебѣ нынѣ оказываютъ почетъ?“ „Заслуга моя въ томъ, что я всегда усердно творилъ молитву, а если ты все еще сомнѣваешься, точно-ли это я, то смотри, вотъ дыра на моемъ рукавѣ, которую ты вчера сдѣлалъ, одѣвая меня въ смертный покровъ“. Тогда раввинъ Понимъ спросилъ, что означаетъ гирлянда цвѣтовъ на его головѣ. „Я ношу ее, сказалъ мертвецъ, чтобы земной вѣтеръ не касался меня; она состоитъ изъ дивныхъ райскихъ цвѣтовъ“. Послѣ этого Понимъ починилъ рукавъ

¹⁾ Op. cit. стр. 258.

мертвецу, и тотъ исчезъ, сказавъ, что не слѣдуетъ хоронить въ покровахъ съ какимъ либо изъяномъ“.

Вторая еврейская легенда выводитъ мертвеца, появляющагося съ тѣмъ, чтобы отблагодарить за совершенное ему погребеніе.

„Молодой человѣкъ, разсказывается здѣсь ¹⁾, заплатилъ долги казеннаго въ Константинополь банкира и предалъ его съ совершеніемъ обрядовъ погребенію, чего султанъ не разрѣшалъ исполнить, прежде чѣмъ всѣ претензіи къ казенному банкиру будутъ удовлетворены.

Спустя много времени послѣ этого молодой человѣкъ, потерпѣвъ кораблекрушеніе, былъ выброшенъ на обнаженную скалу. Онъ думалъ уже, что погибнетъ здѣсь голодной смертію, какъ появился предъ нимъ огромный бѣлый орелъ, доставившій его въ нѣсколько минутъ въ Іерусалимъ. Въ слѣдующую ночь явился молодому человѣку духъ нѣкогда выкупленного имъ и преданнаго погребенію оттоманскаго банкира и открылъ ему, что это онъ подъ видомъ бѣлаго орла перенесъ его черезъ море и обѣщалъ ему еще бѣольшую награду на томъ свѣтѣ“.

Среди *англійскихъ* балладъ можно найти еще нѣсколько, развивающихъ сюжетъ о возвращеніи мертвеца и служащихъ доказательствомъ, что въ обществѣ господствовало въ свое время убѣжденіе въ возможности появленія мертвыхъ или ихъ духа и что такое убѣжденіе находило свое выраженіе въ литературѣ. Всѣ вообще англійскія и шотландскія баллады носятъ на себѣ черты литературной обработки, но съ особенной яркостью сказывается это въ балладѣ „*Fair Margaret and Sweet William*“ ²⁾ и затѣмъ въ балладѣ „*Margaret's Ghost*“ ³⁾. По

---

¹⁾ M. Reischer, Schare Ieruschelaim (Врата Іерусалима). Варшава 1879; Landau, Die Quellen des Decameron, 1884, стр. 210.

²⁾ J. Child, The english and scottish popular ballads. Boston, 1885, III, стр. 199 и Th. Percy, Reliques of ancient english poetry. London, 1845, стр. 225.

³⁾ Percy, Op. cit. стр. 276.

словамъ Чайльда, въ послѣдней балладѣ мы имѣемъ дѣло со старинной пѣснью, цитуемой Флетчеромъ въ его „*Knight of the Burning Pestle*“ (1611); четверостишие, встрѣчающееся у Флетчера подало поводъ къ ея созданію и вотъ въ 1724 г. она вышла изъ подъ пера Давида Маллета съ такимъ содержаніемъ:

„Въ тихій часъ передъ разсвѣтомъ блѣдная тѣнь Маргариты явилась къ спящему Уильяму. Еще недавно она была молода, прекрасна и полна жизни, какъ весеннее утро, какъ распускающаяся роза. Но несчастная любовь подкосила ее и свела въ преждевременную могилу. „Проснись, сказала она, я пришла изъ своей могилы и теперь хотя изъ жалости выслушай ту, которую ты не пожелалъ спасти своею любовью. Въ этотъ мрачный и глухой часъ, когда открываются могилы и мертвые приходятъ нарушать покой измѣнниковъ, вспомни, Уильямъ, свои нарушенныя клятвы, возврати мнѣ мои обѣщанія и данный тебѣ залогъ моей любви. Зачѣмъ общался ты любить меня, зачѣмъ любовался моею красотой, зачѣмъ старался овладѣть моимъ сердцемъ? Все это погибло, о зачѣмъ я повѣрила тебѣ! Теперь голодный червь мой единственный товарищъ среди холодной, мрачной ночи, въ которой мы живемъ. Но, чу! поетъ пѣтухъ, я говорю тебѣ послѣднее прости; вставай измѣнникъ, посмотри, гдѣ поконится та, которая умерла изъ любви къ тебѣ“. Блѣдный, дрожащій всталъ Уильямъ и пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ была похоронена Маргарита. Онъ упалъ на ея могилу, рыдалъ и звалъ ее по имени, пока и его не постигла тутъ же смерть“.

Въ превосходной балладѣ „*Clerk Saunders*“¹⁾, многими чертами напоминающей средневѣковую рыцарскую поэзію, въ одномъ изъ ея вариантовъ конецъ разработанъ въ духѣ приведенныхъ рассказовъ: „братья находятъ свою сестру, спящей вмѣстѣ съ возлюбленнымъ, котораго и убиваютъ“.

„Дѣвушка безутѣшна, она оплакиваетъ своего милого цѣ-

¹⁾ Child. Op. cit. III, стр. 156—166.

лых двѣнадцать мѣсяцевъ. Однажды она слышитъ стукъ подъ окномъ и спрашиваетъ, кто нарушаетъ ея покой. Это Clerk Sandy, ея первая любовь, пришелъ еще разъ поговорить съ ней. Она не вѣритъ, но онъ описываетъ ей ихъ послѣднее свиданіе. Тогда она бросается къ нему, но призракъ исчезаетъ въ тѣни деревьевъ, а дѣвушка плачетъ еще сильнѣе прежняго.

„Но о чемъ же плакать, дорогая“, говоритъ тѣнь, явившись вторично, „вѣдь Clerk Sandy приходитъ сказать тебѣ, что черезъ девять ночей ты будешь вмѣстѣ съ нимъ въ раю“.

Въ такой литературной обработкѣ находимъ мы старыя разсказы о возвращеніи мертвецовъ. Позднѣйшее время, очевидно, наложило свою печать на подобныя повѣствованія и замѣнило приходъ мертвеца въ прежнемъ своемъ видѣ появленіемъ его духа. Въ болѣе примитивной формѣ та же тема разрабатывается въ *голландскихъ* сказкахъ, изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующія двѣ ¹⁾: „*Die wiederkehrende Geliebte*“ и „*Todte Frau verwahrt das Haus*“. Въ первой разсказывается про одну дѣвицу, имѣвшую при жизни двухъ любовниковъ. Послѣ смерти она снова явилась въ своемъ домѣ, привлекла прежнихъ своихъ друзей и, какъ бы испытывая ихъ любовь, заставила идти ночью на кладбище: одинъ изъ нихъ долженъ былъ лечь въ открытую могилу, другой, не знавшій объ этомъ, долженъ былъ стать на колѣни передъ могилой. Съ испугу послѣдній падаетъ въ могилу на перваго, а утромъ оказалось, что любовники лежали мертвыми въ могилѣ другъ на другѣ, а сверху надъ ними лежала мертвая дѣвушка и крѣпко держала ихъ въ своихъ рукахъ. Содержаніе втораго разсказа, записаннаго также по устной передачѣ, приблизительно таково:

„Былъ моръ, болѣли люди и домашній скотъ. У крестьянина-вдовца заболѣли дитя и корова. Желая сходить на по-

---

¹⁾ J. W. Wolf, *Niederländische Sagen*. Leipzig, 1843, стр. 510 и 273.

клоненіе образу Пресвятой Дѣвы Маріи, крестьянинъ находился въ затрудненіи: ребенка онъ могъ взять на руки съ собою, но не на кого было оставить корову. Ахъ, Боже, говорить крестьянинъ, если бы жива была моя жена, я легко могъ бы сходить помолиться Пресвятой Дѣвѣ“. И вотъ пришла его умершая жена и сказала, что Пресвятая Дѣва услышала его слова и позволила ей возвратиться, чтобы присматривать за ребенкомъ и коровой въ то время, пока онъ будетъ въ отсутствіи для исполненія своего обѣта. Послѣ этого событія благосостояніе крестьянина стало быстро расти и онъ сдѣлался богатымъ человекомъ“.

Приведу еще одну нѣмецкую сказку о появленіи мертвеца, входящую въ кругъ сказаній, крайне распространенныхъ, отразившихся и въ русскомъ былинномъ эпосѣ — въ мотивѣ о Добрынѣ и женѣ его, принуждаемой выйти замужъ за Алешу Поповича. Въ сказкѣ этой ¹⁾ „*Des Todten Dank*“ рассказывается, какъ одинъ молодой купеческій сынъ выкупаетъ изъ плѣна трупъ чернаго раба, а также попавшую въ рабство королевскую дочь, на которой онъ потомъ женится. Во время пути въ страну отца этой принцессы молодой человекъ два раза находится въ смертельной опасности и всякій разъ его спасаетъ во время появляющійся черный мертвецъ; затѣмъ онъ же переноситъ чудеснымъ образомъ молодого человека къ его женѣ, которую принуждали выйти замужъ за другого.

Возвращеніе на землю мертвеца служитъ темой не только сказки или пѣсни, но также и причитанія, вытекающаго непосредственно изъ сердца, пораженнаго тяжелой утратой. Въ нихъ отражается сердечное отношеніе къ умершимъ, называется искреннее желаніе видѣть возвратъ ихъ и до известной степени проскальзываетъ надежда на возможность этого. Таковы напр. великорусскія причитанія, сохранившія черты глубокой древности.

Оплакивая смерть сына, несчастная мать утѣшаетъ себя

---

¹⁾ J. W. Wolf, *Deutsche Hausmärchen*. Göttingen 1858; M. Landau, *Die Quellen des Dekameron*. 1884, стр. 204.

мыслью, что мертвый может еще вернуться, а потому она и приглашает его въ гости въ слѣдующемъ трогательномъ плачѣ ¹⁾):

„Ты послушай-ко рожено еще дитятко,
Ты приди въ гости къ кручинной головушкѣ;
Не утай, скажи, красное мое на золотѣ,
Мнѣ съ которой ждать тебя сторонушки?
На кою глядѣть путь широку дороженьку?
По утрышку-ль — во раздолье, во чисто поле?
Аль въ полдень мнѣ глядѣть на сине море?
Аль по вечеру побѣдной на зеленый лугъ?
Аль по закатъ глядѣть краснаго мнѣ солнушка,
Въ подѣ эту подвостѣчную сторонушку,
Аль ко этой Божьей церкви посвященной?
Приди появивсь сердечно мило дитятко,
Хоть къ крылечику приди добрымъ молодцомъ,
Хоть незнамой калекой перехожей,
Хоть купцомъ приди Московскимъ;
Не убоюсь — выду, тепла моя пазушка,
Отоиру бѣдна горюша дверь дубовую;
Тебя стричу на прогульной славной улицѣ,
Подхвачу тѣя подѣ правую подѣ рученьку,
Проведу тебя въ хоромное строеньицо,
Съ тобой сдѣю тутъ доброе здоровьицо,
Прижимать буду къ ретливому сердечушку,
Глядѣть впрямь буду во бѣлое твоѣ личушко,
Глядѣть вточь буду во ясны твои очюшки,
Посажу тебя въ чѣстной во большой уголь,
Я поддерну тебѣ столики дубовыи,
Угощу тебя сердечно мило дитятко.”

Точно такъ же дочь, оплакивая на „муравчатой могилушкѣ“ смерть матери, ласкаетъ себя надеждой пробудить ее отъ вѣчнаго сна, говоря ²⁾):

¹⁾ Е. Барсовъ, Причитанія сѣвернаго края. Москва, 1872. I, стр. 103 и сл.

²⁾ Ibid. стр. 70—73. Умершій отецъ говоритъ дочери изъ могилы, что онъ не можетъ придти къ ней между прочимъ потому, что „засыпаніе піскомъ очей“, и онъ не можетъ смотрѣть: Костомаровъ, Бесѣда V, стр. 83.

„Мнѣ припасть было, побѣднушкѣ,
Тутъ ко матушкѣ сырой землѣ.
Побудить да все покликати
Мнѣ родительско желаньице.
Ужъ повійте, вѣтры буйные,
Раскатите бѣлы камешки,
Разстучись-ко мать сыра земля,
Покажись бѣла колодушка,
Пораспейтесь бѣлы саваны”!

Дѣвушка просить, чтобы Ангелы-Архангелы налетѣли съ небесъ, смахнули туманъ со ясныхъ очей, вложили душу въ бѣлую грудь и оживили усопшую, которую дочь теперь и приглашаетъ къ себѣ въ гости:

„Ты пожалуй, моя матушка,
Къ горегорькой сиротиночкѣ,
Ко позяблой сѣмьяниночкѣ
Во любимое гостибище“.

Невѣстой дѣвушка идетъ на могилу матери, просить тамъ ея честнаго благословенія и затѣмъ рисуется картину, что вотъ въ домъ приходитъ

„Изъ подъ матушки сырой земли¹⁾
Съ подъ гробницы сыродубовой
Съ честнымъ благословленьемъ,
Съ сердечнымъ надѣленьцемъ“...

ея родная мать, которую дѣвушка и благодарить.

По изображенію тѣхъ же причитаній покойникъ можетъ навѣщать родныхъ, принимая разные образы²⁾:

„Появись—приди надежная головошка,
Хотя съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,
Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой“...

---

¹⁾ Ibid. стр. 74—77.

²⁾ Ibid. стр. 174 и 218; С. Брайловскій, О смерти и посмертномъ существованіи по причитаніямъ сѣвернаго края. Въ Рус. Фил. В. 1885. № 2 стр. 227—265.

хотя потомъ надежда видѣть усопшаго и разрушается сомнѣніемъ:

„Видно, вѣкъ тоѣ въ свѣтъ не сбывается,
Што мертвый съ могилы ворочается”.

Такое разочарованіе навѣяно безутѣшной тоской и, служа выраженіемъ позднѣйшаго скептицизма, не подрываетъ вѣры въ общеніе между мертвыми и живыми, вѣры, лежащей въ основѣ самыхъ причитаній, рассчитанныхъ на то, что мертвый и въ могилѣ услышитъ призывъ, скорбный или радостный, оставшихся родныхъ и отзовется на него. На такомъ повсемѣстно распространенномъ взглядѣ построено множество поэтическихъ произведеній, изъ которыхъ мы выберемъ слѣдующую превосходную галицко-русскую думу ¹⁾:

„Летѣла зазуля та въ садъ коваючи;
Плакала дѣвчина за старого йдучи.
„Умри, старый, умри, за молодого пѣду,
Чей я собѣ та й за нимъ лѣпшу долю знайду! —”
Умеръ старый, умеръ, за молодого пошла.
И счастье стратила и долѣ не найшла.
Де въ полѣ могила зъ вѣтромъ говорила,
Тамъ молода старого изъ гробу будила:
„Встань, старый, встань, червона калино,
Вже менѣ съ тобою говорити мило!
Встань, старый, встань, червоная роже,
Пѣди собѣ вѣдъ мене, ты тяжкій вороже!
Встань, старый, встань, подивись на тѣло,
За тобою было бѣле, зъ молодымъ счорнѣло! —”
„Руто моя круто, зеленая руто,
Перше съ мене истроила, не дала съ ми жити,
А теперъ ми не дѣшъ, ще й въ гробъ лежати! —”

Таковы переживанія въ поэзіи вѣры въ то, что покойникъ и въ могилѣ продолжаетъ жить своею прежнею жизнью.

---

¹⁾ Я. Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Москва, 1878, I, стр. 190.

Взглядъ этотъ отражается еще и по настоящее время въ за-
прещеніи напр. сжигать щепу отъ гроба, чтобы мертвецу не
было жарко ¹⁾, и находить яркое свое выраженіе въ поэзії
ново-греческой, весьма близкой къ южно-славянской. На почвѣ
такого взгляда и покоится выражаемое въ народной поэзії
желаніе, чтобы могила была удобна и давала возможность
мертвецу исполнять свои прежнія привычки и быть въ обще-
ніи съ внѣшнимъ міромъ. Въ одной загорской пѣснѣ изъ Епи-
ра ²⁾ умирающій Константинъ приказываетъ похоронить себя
въ одной могилѣ съ только что умершей женой; съ правой
стороны должно быть окно въ могилѣ, куда свѣтило бы май-
ское солнце и августовскій мѣсяцъ; могила должна быть на
столько обширной, чтобы жена его могла стать и украшать
себя румянами, а самъ онъ могъ бы зажечь свою трубку съ
длиннымъ чубукомъ. Клефты часто передъ смертью просятъ
своихъ товарищей похоронить ихъ въ обширной могилѣ, такъ
чтобы въ ней можно было встать, сражаться и заряжать
ружья ³⁾:

„Καὶ φηιάστε μου τὸ μνήμα μου, νὰ πέρνη διὸ νομάτους,
Νὰ στὲκ' ὁρτός νὰ πολεμῶ καὶ δίπλα νὰ γεμίζω.
Κὶ ἀπ' τῇ δεξιᾷ μου τῇ μεριᾷ ἀφῆστε παραθύρι,
Νὰ μπαينوβγαίνουν τὰ πουλιὰ τῆς ἀνοιξίς τ' ἀηδόνια,
Νὰ φέρουν χαϊρετίσματα ἀπὸ τὸν Μπουκοβάλα“, т. е.

„и устройте мнѣ могилу, чтобы она вмѣщала двухъ человѣкъ,
чтобы я могъ встать, сражаться и заряжать свою двустволку.
Съ правой стороны сдѣлайте дверь, чтобы весной прилетали
ко мнѣ птички и соловьи и приносили привѣтъ отъ Буковала“.

Только тѣмъ же возврѣніемъ можно объяснить и тѣ пѣ-
сни, въ которыхъ разсказывается, что мертвецъ стонетъ и жа-
луется на причиненное ему оскорбленіе, если кто либо ста-

¹⁾ В. Даль, Пословицы русск. народа. М. 1879. стр. 566.

²⁾ Γ. Χασιώτου, Συλλογὴ τῶν κατὰ τὴν Ἑπειρὸν δημοτικῶν ᾠδῶν.
Ἀθῆναι. 1866, стр. 170.

³⁾ А. Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris. Lipsiae,
1860, №. 104, 105, 106, 119, 134.

нетъ на его могилу, какъ напр. въ слѣдующей пѣснѣ „Ἦ βοῇ τοῦ μνήματος“¹⁾:

„Мы пили всю субботу, все воскресенье пили мы, а въ понедѣльникъ у насъ не хватило вина, и капитанъ послалъ меня за нимъ“. Посланный былъ еще неопытнымъ клефтомъ, не зналъ дороги и случайно взомель на холмъ, гдѣ лежали паликары въ могилахъ:

„Δὲν εἶδα, καὶ τὸ πάτησα ἀπάνω 'ς τὸ κεφάλι.
 Βοῇν ἀκούω καὶ βροντῇ ἀπὸ τὸν κάτω κόσμον.
 „Τί ἔχεις, μνήμα, καὶ βογγᾷς, καὶ βαρυναστενάζεις;
 Μήνα τὸ χῶμα σοῦ βαρεῖ; μήνα ἡ μαύρη πλάκα;“
 „Οὐδὲ τὸ χῶμα μοῦ βαρεῖ, οὐδὲ ἡ μαύρη πλάκα,
 Μὲν τὸ 'χω μάραν κ' ἐντροπήν, κ' ἔβαν καὶ μὲν μεγάλον,
 Τὸ πῶς μὲ καταφρόνεςας, μ' ἐπάτησας 'ς τὸ κεφάλι“... т. о.

„Я не замѣтилъ, какъ наступилъ на голову мертвеца, и вдругъ услышалъ голосъ, подобный грому, изъ царства мертвыхъ. „Что съ тобою, могила, что ты жалуешься и стонешь такъ сильно? Тяжела-ли тебѣ земля или черный камень?“ „Ни земля не тяжела для меня, ни черный камень, но мнѣ обидно, тяжело и жалко, что ты такъ оскорбляешь меня и становишься мнѣ на голову“.

И такъ, обозрѣвая собранные факты, мы по необходимости должны придти къ заключенію, что по представленію, идущему, какъ мы видѣли, изъ глубокой древности, выразившемуся и въ жизни классическихъ народовъ, свойственному и первобытнымъ племенамъ, а также имѣющему еще мѣсто и понынѣ въ міросозерцаніи европейскихъ народовъ²⁾, міръ

¹⁾ C. Fauriel, Chants populaires de la Grèce Moderne. Paris, 1825, II, стр. 402; Passow, Op. cit. №№. 148 и 149; B. Schmidt Griechische Märchen, Sagen u. Volkslieder. L. 1877, стр. 168—172, №№. 29 и 30.

²⁾ Въ финскомъ народномъ эпосѣ мертвымъ приписывается обладаніе высшей мудростью, которую они могутъ передавать шаманамъ, способнымъ приходить съ ними въ сношенія: Domenico Compagetti, Der Kalewala oder die traditionelle Poesie der Finnen. Halle, 1892, стр. 174 и сл.

мертвыхъ не отдѣленъ непроходимой бездною отъ міра живыхъ, а напротивъ того находится въ нравственной и даже матеріальной связи съ нимъ. Въ силу такого вѣрованія мертвые способны воспринимать со стороны внѣшняго міра и радость, и горе, и даже вставать изъ могилъ и по разнымъ поводамъ являться въ среду людей ¹⁾. Одной изъ причинъ, заставляющихъ покойниковъ покидать могилу, служатъ слезы, проливаемые чрезъ мѣру ихъ родными; изученіемъ проявленія такого воззрѣнія въ жизни и въ поэзіи мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

---

¹⁾ А. Кирпичниковъ, Далеко ли ушли мы отъ мистическаго міросозерцанія. Въ журн. „Новъ“ за 1885, т. I, стр. 46—70.

4.

Слезы и неутишная скорбь тревожат покой мертвыхъ.

На почвѣ общаго вѣрованія, будто мертвые сохраняютъ способность духовнаго и матеріальнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ, народная фантазія, какъ мы видѣли, создала множество разнообразныхъ разсказовъ про мертвецовъ, становившихся въ то или другое отношеніе къ живымъ. Изъ такихъ разсказовъ можно выдѣлить цѣлую группу повѣствованій, развивающихъ ту мысль, что мертвые испытываютъ страданіе, если по нимъ долго и горько плачутъ. Подобная мысль могла явиться какъ бы объясненіемъ взгляда, въ силу котораго по мертвымъ не слѣдуетъ плакать, взгляда общаго, по мнѣнію А. Куна¹⁾, всѣмъ индогерманскимъ народамъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого вопроса во всемъ его объемѣ, я ограничусь лишь указаніемъ, что дѣйствительно можно собрать факты, свидѣтельствующіе о существованіи такого воззрѣнія, если не повсемѣстно, то по крайней мѣрѣ у отдѣльныхъ народовъ, отъ которыхъ оно могло перейти и въ другія страны.

---

¹⁾ А. Kuhn, Wolf's Zeitschrift für deutsche Mythologie u. Sittenkunde. I. (1853) стр. 62.

Такъ, изъ весьма многихъ мѣстъ позднѣйшихъ памятникъ персидскихъ съ достаточною ясностью можно видѣть, что у парсовъ было запрещено оплакивать покойниковъ ¹⁾. Между прочимъ въ *Ardai-Viraf-Nâme* по переводу I. Попа ²⁾ находимъ слѣдующее мѣсто. *Ardai-Viraf*, видя глубокую и зловонную рѣку, уносившую множество душъ человѣческихъ объятыхъ страхомъ потонуть, на вопросъ, чтобы это обозначало, получилъ такого рода отвѣтъ: „The river that you see before you is composed of the tears of mankind, tears shed, against the express command of the Almighty, for the departed; therefore, when you return again to the earth inculcate this to mankind, that to grieve immoderately is in the sight of God a most heinous sin; and the river is constantly increased by this folly, every tear making the poor wretches, who float on it more, distant from ease and relief...“ т. е. „рѣка, которую ты видишь передъ собою, состоитъ изъ людскихъ слезъ, пролитыхъ, противно Божьему повелѣнію, за усопшихъ. Поэтому, когда ты вернешься на землю, внуши людямъ, что чрезмѣрная скорбь есть тяжкій грѣхъ предъ Богомъ, а между тѣмъ люди по своему безумію постоянно увеличиваютъ эту рѣку, и каждая слеза отдаляетъ освобожденіе несчастныхъ душъ, несущихся по ней“

Въ другомъ мѣстѣ ³⁾ тому же воззрѣнію дается нѣсколько иное объясненіе: „Si quis ex hoc malo mundo discedit, nemo debet flere propter illum; quia omnis aqua quae ex ejus oculis fluit, ante portam *Tschînavar* erit obex ei“. *Tschînavar* — по ученію Авесты мостъ, перекнутый черезъ обширное пространство воды, отдѣляющее рай отъ земли; на этомъ мо-

¹⁾ Fr. Spiegel, *Avesta*, I, стр. 80—81, пр.

²⁾ *Ardai-Viraf-Nâme*, translated from the Persian by I. A. Poppe. London, 1816, стр. 53. Еще ярче выражена та же мысль въ текстѣ *Pahlavî*, *Arda-Vîrâf*, Haug and West, Bombay and London, 1872, гл. 16, стр. 365.

³⁾ *Sadder*, Porta XCVII, Hyde, *Veterum Persarum et Parthorum Religionis Historia*, стр. 486, ed. Oxford 1700.

сту произносится приговоръ надъ душами, одинъ изъ нихъ по мосту идутъ въ рай, другія низвергаются въ бездну ¹⁾). Такому представленію парсовъ соотвѣтствуетъ древне-греческое воззрѣніе, по которому души умершихъ переплываютъ Океанъ, или же въ челнокѣ Харона подземныя рѣки, а мостъ, служащій звеномъ между землей и загробнымъ пребываніемъ душъ, извѣстенъ и сѣверно-скандинавскимъ сказаніемъ Эдды ²⁾, встрѣчается въ мифологическихъ представленіяхъ славянскихъ народовъ ³⁾ и въ памятникахъ санскрита ⁴⁾).

На основаніи одного мѣста явайской поэмы „*Brata Yudha*“ можно думать, что подобное же представленіе извѣстно и обитателямъ острова Явы. Мѣсто это такого рода ⁵⁾: жена, обращающаяся къ трупу своего мужа, высказываетъ желаніе идти вслѣдъ за нимъ въ царство мертвыхъ и говоритъ при этомъ: „умоляю тебя, приди ко мнѣ на встрѣчу, чтобы перенести меня черезъ роковой мостъ (*ugal-adjil*); безъ твоей помощи, я, испуганная и дрожащая, не перейду этого страшнаго мѣста“.

Прибрежные жители западной Галліи думали, что ихъ мертвые на корабляхъ переправляются по морю въ туманную и мрачную Британію ⁶⁾).

Быть можетъ въ связи съ подобнымъ представленіемъ о загробной судьбѣ души находится и запрещеніе оплакивать умершихъ, какъ это мы видѣли у парсовъ, полагавшихъ, что слезы препятствуютъ душѣ перейти мостъ, ведущій въ рай, и увеличиваютъ собою рѣку, отдѣляющую землю отъ царства усопшихъ. Котляревскій ⁷⁾ предполагаетъ,

¹⁾ W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum*. Erlangen, 1882, стр. 277.

²⁾ I. Grimm, *Deutsche Mytholog.* Berlin 1876⁴, II, стр. 694—95.

³⁾ А. Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. М. 1868, стр. 203.

⁴⁾ H. Zimmer, *Altindisches Leben*. Berlin, 1879, стр. 409.

⁵⁾ *Revue des Traditions populaires*, VI (1891), стр. 439.

⁶⁾ Procopius, *De bello Gothico*, IV, 20.

⁷⁾ А. Котляревскій, *Op. cit.* стр. 214, пр.

что слезы въ этомъ случаѣ являются метафорой дождя: имъ обливается душа, витающая въ надземной сферѣ и терпящая отъ того страданія. Но такая мнѳологическая гипотеза врядъ-ли достигаетъ цѣли, благодаря своей искусственности и отсутствію указаній, что дождь считается по народному представленію силой, враждебной человѣку ¹⁾). Трудно сказать, каково было первоначальное основаніе этого вѣрованія, но съ нимъ мы встрѣчаемся у весьма многихъ народовъ, и оно отразилось въ погребальныхъ обычаяхъ съ одной стороны и въ народной поэзіи съ другой.

Въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ законодательной индійской литературы, относимомъ ко II вѣку по Р. Х., именно въ третьей книгѣ *Yājñavalkya* ²⁾), находится прямое запрещеніе плакать по умершему: „Weil der verstorbene wider willen den speichel und die thränen genießst, welche die verwandten vergiessen, so muss man nicht weinen, sondern die todenopfer nach vermögen vollziehen“. Въ индійской поэмѣ *Raghuvamça* изъ VI вѣка по Р. Х. ³⁾) ясно говорится, что слезы жгутъ умершаго:

„Denn der Angehörigen stetes Weinen
Brennt den Hingeschiedenen, also lehrt man ⁴⁾“.

У грековъ встрѣчается подобное же представленіе о томъ, что слезы нарушаютъ покой мертвыхъ, но непосредственно народное истолкованіе этого представленія намъ не извѣстно. У Софокла въ Трахиніанкахъ Гераклъ запрещаетъ всякій

¹⁾ Костомаровъ — Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества (Бесѣда, 1872, IV, 57)—говоритъ, что „дождь вообще въ народной поэзіи имѣетъ доброе значеніе“ и сравниваетъ его со счастьемъ любви.

²⁾ A. Stenzler, *Yājñavalkya's Gesetzbuch. Sanskrit u. deutsch.* Berlin 1849, стр. 89.

³⁾ L. v. Schroeder, *Indiens Literatur u. Cultur.* Leipz. 1887, стр. 514.

⁴⁾ Пер. Fr. Rückert, кн. VIII. (1833).

плачь о своей νέος θάνατος, которая для него не кажется уничтоженіемъ, но жизнью ¹⁾; у Лукіана въ соч. „Περὶ πένθους“ ²⁾ тѣнь сына, умершаго въ юности, въ слѣдующихъ словахъ упрекаетъ неутѣшнаго отца: „ὦ κακόδαιμον ἄνθρωπε, τί κέκραγας; τί δέ μοι παρέχεις πράγματα“.

Такое запрещеніе плакать по умершемъ основывалось, очевидно, на вѣрѣ въ продолженіе существованія послѣ смерти; на томъ же основаніи и похороны у многихъ народовъ окружены были праздничной обстановкой. Такъ, Валерій Максимъ ³⁾ о еракійскихъ народахъ говоритъ: „exsequias cum hilaritate celebrant“, а Помпоній Мела ⁴⁾ о нихъ же сообщаетъ: „funera festa sunt, et veluti sacra cantu lusuque celebrantur“. Гераклидъ Понтійскій ⁵⁾ пишетъ о локрійскихъ народахъ: „παρ' αὐτοῖς ὀδύρεσθαι οὐκ ἔστιν ἐπὶ τοῖς τελευτήσασιν, ἀλλ' ἐπειδὴν ἐκκομίσωσιν, εὐχοῦνται“; тоже самое рассказываетъ Геродотъ ⁶⁾ про гетовъ и Лувіанъ ⁷⁾ про скифовъ, говоря, что тибаренцы, скифское племя, вѣрили въ „ἀθανατίζειν“, т. е. безсмертіе, и вѣру эту онъ считаетъ „ἐπιχώριον τοῖς Σκύθαις“. Гораздо позднѣе въ сочиненіи Ἰωνία (Violarium), приписывавшемся византійской писательницѣ Евдокии, рассказывается про гетовъ ⁸⁾ „ὁ γὰρ ἀποθνῆσκειν, ἀλλὰ μετακίεσθαι νομίζοντες ἐτοιμότερον θνήσκουσιν ἢ τὰς ἀποδημίας ὑπομένουσιν. ἔστι δὲ καὶ νόμος Γετικὸς, ἐπισφάζεσθαι τὴν γυκαῖκα τῷ ἀνδρὶ θανόντι καὶ καθαρίζειν, ὅταν ἐπικηρυκεύωνται“, т. е. смотря на смерть, какъ на переселеніе, они спокойноѣе умирають, чѣмъ пускаются въ путешествіе.

¹⁾ Sophocl. Trach. v. 1199—1204; 1276.

²⁾ Lucian, De luctu, c. 16.

³⁾ Valer. Max. 2, 6, 12.

⁴⁾ Mela 2, 2.

⁵⁾ Heraclid. Pontic. Pol. fr. 30.

⁶⁾ Herod. 5. 4.

⁷⁾ Lucian, Scythia c. 1.

⁸⁾ Eudocia Viol. p. 304 ed. Flach. (p. 194. ed. pr.); Krumbacher, Gesch. der byzant. Litt., стр. 275 (1891).

У готовъ есть даже законъ, чтобы жена убивала себя по смерти мужа подъ звуки музыки по данному указанію.

Смерть была, конечно, всегда, по крайней мѣрѣ для остающихся въ живыхъ, синонимомъ горя и лишеній, а потому плачи и причитанія по усопшему, несомнѣнно, восходятъ къ глубокой древности, но тутъ потребность плача, вытекающая изъ чувства любви и нравственной привязанности, встрѣчается съ народнымъ вѣрованіемъ, идущимъ также изъ незапамятныхъ временъ, по которому *мертвыхъ не слѣдуетъ чрезмерно оплакивать*.

Такъ, запрещеніе царапать себѣ щеки и чрезмерно вѣть на похоронахъ встрѣчается въ законодательствѣ Солона (Plut. Sol. 21, 6), откуда оно, по свидѣтельству Цицерона (de leg. 2, 23, 59 coll. 25, 64), перешло въ XII таблицъ (ср. Tusc. 2, 23, 55).

Представленіе о томъ, что слезы нарушаютъ покой усопшихъ, замѣчается у Горация: „Tu semper urges flectibus modis Mysten ademptum“ (с. 2, 9, 9); у Тибулла: „Tu Manes ne laele meos, sed parce solutis | Crinibus et teneris, Delia, parce genis“ (1, 1, 67); у Проперція: „Desine, Paule, meum lacrimis urgere sepulcrum“ (4, 11, 1); у Стація: „Quid coram crucias tam saevis luctibus umbram?“ (Silv. 2, 6, 96)¹⁾.

Переходя ко времени болѣе близкому къ намъ, мы встрѣчаемъ историческое свидѣтельство о подобныхъ же взглядахъ на смерть у славянъ. Мекленбургскій историкъ Николай Маршалкъ Турій (1470—1525) сообщаетъ намъ, что славянское населеніе Мекленбурга въ XV и XVI вв. держалось еще слѣдующихъ погребальныхъ обычаевъ:²⁾ „пока тѣло усопшаго не погребено, ночью въ домъ его идетъ попойка въ честь покойника, никто не предается печали, цѣлую ночь

¹⁾ Последними указаніями я обязанъ уважаемому товарищу Г. Э. Зенгеру.

²⁾ Monumenta inedita rerum Germanicarum precipue Cimbricarum. L. 1734—40, I, стр. 574; А. Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. М. 1868, стр. 138—139.

пьютъ и ведутъ бесѣду; жена умершаго одѣвалась въ подвѣчное платье и провожала его до могилы; жители Гавельгейды, также славяне по языку, торжественно, съ пѣснями и плясками несли мертвеца въ мѣсту погребенія и тамъ воздавали ему послѣднюю честь, они предлагали ему чашу напитка, которую и проливали въ могилу, орошая имущество, вещи, какими снабжили усопшаго“.

Такое же воззрѣніе существовало, повидимому, и у другихъ славянъ, воспоминаніе о немъ сохранилось еще и до нынѣ у малороссовъ ¹⁾ и у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народностей.

Такъ, въ горахъ *хорватскихъ* и кое-гдѣ въ другихъ мѣстахъ славянскаго юга думаютъ, что покойникъ будетъ часто возвращаться домой, если кто либо изъ близкихъ, идя за гробомъ, горько плачетъ и оборачивается назадъ. Всюду же на югѣ господствуетъ убѣжденіе, что душа покойника, о которомъ плачутъ, не можетъ войти въ рай, но долгое время принуждена бываетъ блуждать въ мокрыхъ одеждахъ ²⁾. Точно также среди *лужицкихъ сербовъ* держится еще представленіе, что умершій не найдетъ покоя въ гробу, если близкіе чрезмерно оплакиваютъ потерю его ³⁾. Въ *Верхней Австріи* встрѣчаемся точно съ такимъ же вѣрованіемъ, въ силу котораго слѣдуетъ удерживаться отъ чрезмерной печали по усопшемъ ⁴⁾.

Слезы родныхъ тревожатъ покой мертваго, онѣ пропитываютъ его смертные покровы и дѣлаютъ ихъ невыносимыми, онѣ жгутъ мертвеца, что объясняетъ, быть можетъ, постоянный

---

¹⁾ Хр. Яшуржинскій, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи. Киевская Старина, 1890, январь, стр. 130.

²⁾ Fr. Krauss, Powrót umarłych na świat. Wisła, 1890, IV, стр. 660.

³⁾ E. Kühn, Der Spreewald und seine Bewohner. 1889; Wisła, III, 982.

⁴⁾ Amand Baumgarten, Aus der volkmässigen Ueberlieferung der Heimat. Linz, 1864, стр. 135—137.

эпитетъ слезъ въ славянской народной поэзіи „*жичія, жито-чія слезы*“. Поэтому у словаковъ родные не плачутъ, чтобы не заплакать умирающаго ¹⁾, и чехи послѣ плача по усопшемъ сожигаютъ на огнѣ масло для облегченія души покойнаго ²⁾. Возрѣніе, будто умершіе лишаются спокойствія, если послѣ ихъ смерти о нихъ долго и сильно плачутъ, распространено повсюду въ Германіи ³⁾: слезы жгутъ мертваго подобно огню (Баварія и Богемія), или же заставляютъ его снова являться на землю (Тюрингія). или же, переходя въ гробъ, готовятъ скорую смерть самому плачущему (Вост. Пруссія, Познань, Мекленбургъ, Баварія, Франконія, Тюрингія); сколько слезъ проливается по мертвому, столько капель масла подбавляется въ огонь чистилища (Богемія), подобно тому, какъ, по ученію Авесты, слезы увеличиваютъ рѣку, черезъ которую умершіе должны перебираться, идя въ царство мертвыхъ.

По словамъ Вальтеръ Скотта, по всей Шотландіи ⁴⁾ было распространено вѣрованіе, что чрезмѣрная печаль объ усопшихъ нарушаетъ ихъ загробный покой. Есть свидѣтельства, что и въ Англіи также сохранилось до позднѣйшаго времени (1868 г.) подобное представленіе, и въ Ирландіи полагали, что горькія слезы могли сдѣлать дыру въ покойникъ. Общее понятіе о вредѣ слезъ таково, что онѣ промачиваютъ одежду покойника. Одинъ шотландецъ принужденъ былъ явиться своей родственницѣ и сказать ей, что слезы ея совершенно промочили его рубашку, а другая исторія рассказывается такого содержанія ⁵⁾: Сестра потеряла своего единственнаго бра-

¹⁾ P. Dobřinský, Prostonárodní obyčaje. Turč. sv. Martin, 1880, стр. 113.

²⁾ S. Grohmann, Aberglauben aus Böhmen. Prg. 1864, стр. 192; Časopis Českého Mus. 1856, III, 63; 1859, 507.

³⁾ A. Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart. B. 1869, стр. 431.

⁴⁾ J. Child, Op. cit. III, стр. 234.

⁵⁾ Grant of Laggan, Essays on the Superstitions of the Highlanders of Scotland. New-York, 1813, p. 95.

та и вотъ каждую ночь она проводила въ горькихъ слезахъ и жалобахъ, призывая его по имени. Наконецъ, братъ явился къ пей, одѣяніе его было мокро, и онъ дрожалъ отъ холода. „Зачѣмъ ты тревожишь меня своимъ безразсуднымъ горемъ“, сказалъ онъ; „пока ты не смиришься передъ волей Провидѣнія, до тѣхъ поръ каждая твоя слеза падаетъ на мой смертный покровъ и не высохаетъ, а ты еще болѣе прибавляешь мнѣ страданій все новыми слезами“.

На почвѣ такого представленія неизбѣжнымъ образомъ должны были развиваться разнообразныя разсказы; нѣкоторые изъ нихъ подвергались затѣмъ художественной обработкѣ, какъ напр. баллада „*The unquiet Grave*“¹⁾, содержаніемъ своимъ примыкающая къ цѣлому ряду однородныхъ произведеній, встрѣчающихся почти у всѣхъ народовъ Европы. Содержаніе баллады приблизительно таково:

„Воетъ вѣтеръ, дождь идетъ, моя милая, которую я любилъ одну на свѣтѣ, лежитъ въ холодной могилѣ. Я докажу ей мою любовь, какъ рѣдко кто сможетъ это сдѣлать, я пойду и сяду на ея могилу, буду горевать тамъ двѣнадцать мѣсяцевъ и еще одинъ день. Прошелъ этотъ срокъ, и покойница заговорила: „Кто плачетъ на моей могилѣ и мѣшаетъ мнѣ лежать въ ней?“ „Это я сижу на твоей могилѣ, моя дорогая, и не даю тебѣ покоя, пока не дождусь отъ тебя поцѣлуя“. „Зачѣмъ ты добиваешься его? Мое дыханіе пахнетъ землею, моя губы холодны, я тотъ, кого онѣ поцѣлуютъ, самъ скоро умереть“.

И въ другихъ странахъ Европы извѣстно воззрѣніе, что по мертвымъ не слѣдуетъ плакать безъ мѣры, и оно рано попало въ памятники европейской литературы. Съ нимъ между прочимъ мы встрѣчаемся въ книгѣ *Θομης* изъ Шампрэ²⁾ „*Bonum universale de apibus*“, составленной между 1263 и 1269 годомъ. Въ этомъ сочиненіи, пользовавшемся въ средніе

---

¹⁾ J. Child, Ibid.

²⁾ Thomae Cantimpratensis, Bonum universale de apibus. 1627, стр. 500.

вѣка широкой популярностью, собрано множество разныхъ разсказовъ съ цѣлію назиданія. Разсуждая о возможности ходайства за умершихъ, авторъ указываетъ на семь способовъ такихъ прошеній, обобщая ихъ формулой: „Fle, pete, jejuna, vigila, da, redde, celebra“. Разъясняя первый способъ, слѣдовательно допуская слезы, онъ говоритъ: „Lacrimae enim temperant calorem ignis purgatorii. Si autem lacrimas alias immoderatas pro mortuo flevieris, inanes sunt, et nullum refrigerium praestant“. Последнее свое положеніе онъ опираетъ на извѣстное намъ повѣріе, которое и сообщаетъ въ видѣ разсказа, озаглавивъ его:

„*Visio aviae auctoris, quae filium inutiliter lamentabatur*“.

Сообщая случай изъ жизни своей бабушки, Тома изъ Шампрé замѣчаетъ, что слышалъ разсказъ о немъ отъ своей матери. Содержаніе разсказа таково: бабушка автора безутѣшно оплакивала смерть своего перваго сына, хотя у нея были и другія дѣти. Вотъ разъ, когда она плакала, ей показалось, что она видитъ цѣлую толпу юношей, съ большимъ веселіемъ шедшихъ по дорогѣ; между ними не было ея сына, о которомъ она плакала, но вотъ она замѣчаетъ, что тотъ идетъ позади всѣхъ медленнымъ шагомъ. „Что съ тобою, сынъ мой, закричала мать, почему ты отстаешь отъ другихъ и идешь одинъ?“ Указывая на свое мокрое платье, юноша сказалъ: „это твои, матушка, слезы, напрасно пролитыя изъ-за меня, тяжесть ихъ заставляеть меня отставать отъ другихъ. Проливай слезы предъ Господомъ и св. Тѣломъ Христовымъ и раздавай за меня милостыню бѣднымъ съ покорнымъ и чистымъ сердцемъ, и я буду свободенъ отъ затрудненія, въ которомъ ты теперь видишь меня“. Въ славянской хроникѣ Гельмольда оказывается записаннымъ подобный же разсказъ изъ XII вѣка ¹⁾. Разсказывая подъ 1154 годомъ о смерти епископа Вицелина, Гельмольдъ приводитъ преданія о явленіи

---

¹⁾ Helmoldi Presbyteri Chronica Slavorum. Ed. Pertz, 1868, стр. 150, гл. 78.

этого духовнаго сановника послѣ своей смерти разнымъ лицамъ своей бывшей паствы и между прочимъ по слѣдующему поводу. Одинъ изъ монашеской братіи, *vir clarissimus* Еппо, весьма близко стоявшій къ покойному епископу при его жизни, безутѣшно оплакивалъ его смерть. Много времени прошло уже со дня смерти епископа, а Энпо все плакалъ; тогда покойный епископъ явился во снѣ одному чистому и смиренному юношѣ и сказалъ ему: „*Dic fratri nostro Epponi, quatinus cesset flere, quia bene sum, et fletibus ejus condoleo, ecce enim lacrimas ejus in vestibus meis porto*“. Сказавъ это, онъ указалъ юношѣ на свое бѣлоснѣжное одѣяніе, сплошь залитое слезами.

Въ сборникѣ разныхъ повѣствованій, пользовавшемся также большою извѣстностью въ средніе вѣка, въ так. наз. *Legenda Aurea* ¹⁾, разсказывается слѣдующій случай изъ жизни св. Іоанна, патріарха Александрійскаго, прозваннаго Милостивымъ. „Не задолго до его смерти явилась къ нему женщина, имѣвшая на душѣ страшный грѣхъ, который она не рѣшилась открыть даже на исповѣди. Тогда Іоаннъ убѣдилъ ее изложить на бумагѣ все то, что ее тяготитъ и, запечатавъ пакетъ, передать его ему на храненіе. Такъ она и сдѣлала, а немного спустя патріархъ скончался. Женщина пришла въ отчаяніе, думая, что ея бумага будетъ вскрыта и грѣхъ ея сдѣлается общезвѣстнымъ. Она пошла на могилу Іоанна, рыдала и была тамъ, умоляя святого открыть ей, гдѣ спрятана ея бумага. Пока она такъ плакала, Іоаннъ вышелъ изъ своей могилы въ епископскихъ одеждахъ, сопровождаемый двумя своими епископами, и сказалъ женщинѣ: „зачѣмъ тревожишь ты насъ, смотри, наши одежды промочены твоими слезами“. Потомъ онъ передалъ ей ея пакетъ со словами: „печать твоя цѣла, вскрой ее и прочти свое писаніе“.

Все прежде написанное оказалось изглаженнымъ и на бумагѣ стояли лишь слова: „грѣхъ твой искупленъ заслугами

¹⁾ Jacobi a Voragine Legenda Aurea vulgo historia lombardica (XIII ст.). Herausg. v. Grässe L. 1850², стр. 132, гл. 27, § 12; 1890², стр. 126 и сл.

раба моего Іоанна“. Женщина воздала хвалу Богу, а Іоаннъ со своими епископами вернулся въ свою могилу. Это было въ 605 г. по Р. Х. въ царствованіе императора Фоки“.

На тему о томъ, что слезы тяготятъ умершихъ, можно прочитать цѣлую проповѣдь у Гейлера¹⁾, находившагося, какъ извѣстно, подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго проповѣдника Gerson'a, отъ котораго, быть можетъ, былъ заимствованъ и самый сюжетъ.

Таковы отраженія древнихъ народныхъ представленій о скорби по умершимъ въ средневѣковой литературѣ, откуда они безъ сомнѣнія въ видѣ готовыхъ уже поэтическихъ фивцій переходили въ народную среду, передавались изъ поколѣнія въ поколеніе и сохранились до нашихъ дней въ устной народной традиціи. Основная идея ихъ, быть можетъ, безсознательно отразилась въ словахъ умирающаго нибелунга, Вольфгарта, съ которыми онъ обращается къ Гильдебранду²⁾:

„Когда мои родные начнутъ по мнѣ рыдать,
Вы отъ меня ближайшимъ моимъ должны сказать,
Чтобъ слезъ по мнѣ не лили, въ томъ нѣтъ нужды: меня
Сразилъ король своею рукой, погибъ со славой я“.

Что же касается самихъ народныхъ разсказовъ, развивающихъ ту же мысль, то въ настоящее время собрано ихъ огромное количество; изъ нихъ мы приведемъ лишь нѣкоторые. Такъ въ Тюрингіи записанъ слѣдующій разсказъ³⁾:

„У одной молодой женщины умеръ единственный ребенокъ, она плакала объ немъ безъ мѣры и была безутѣшна; каждую ночь она выходила на могилу дитяти и предавалась такому горю, что даже камни могли бы растрогаться. Въ ночь

¹⁾ J. Geiler von Kaisersberg, Trostspiegel. Strassburg, 1511. См. Н. Kurz, Geschichte der deutschen Literatur. Leipzig, 1864*, стр. 794*.

²⁾ Пѣснь о Нибелунгахъ. Переводъ М. И. Кудряшева, С.-Пб., 1890, стр. 427, строфа 2302.

³⁾ W. Börner, Volkssagen aus dem Orlagan. Altenburg 1838, стр. 142.

наканунѣ Крещенія, плача по обыкновенію на могилѣ своего ребенка, молодая женщина замѣтила, что вблизи проходитъ Perchta (= Берта)¹⁾ съ толпой дѣтей; позади всѣхъ другихъ шелъ маленькій ребенокъ, одѣтый въ совершенно мокрую рубашку, и несъ въ рукѣ кружку съ водой; онъ казался уставшимъ отъ своей тяжелой ноши и не могъ поспѣвать за другими; боязливо остановился онъ предъ заборомъ, черезъ который перешла Perchta и чрезъ который перелѣзли другія дѣти. Въ этотъ моментъ мать узнала въ этомъ ребенкѣ свое дитя, поспѣшила къ нему и пересадила его черезъ заборъ. Когда она держала его въ своихъ рукахъ, ребенокъ сказалъ: „ахъ, какъ теплы твои руки, матушка! но не плачь такъ сильно, ты уже и безъ того сдѣлала мою кружку тяжелой, наполнивъ ее своими слезами, да и рубашка моя залита ими“. Съ той поры, какъ рассказываютъ въ Вильгельмсдорфѣ, мать перестала плакать“.

Въ другомъ разсказѣ, записанномъ Бёрнеромъ въ Бодельвицѣ (*ibid.* 152), ребенокъ, прося мать не плакать, прибавляетъ: „каждую слезу, что ты проливаешь, я долженъ собрать въ мою кружечку“.

Такая кружечка по мнѣнію Я. Гримма²⁾, быть можетъ, имѣетъ связь съ тѣмъ сосудомъ для слезъ, который часто попадается въ древнихъ могилахъ и который нашелъ въ поэзіи своеобразное объясненіе; появивъ въ разсказы, построенные на представленіи о силѣ слезъ, способныхъ будить такъ или иначе мертвецовъ, онъ подъ видомъ „кружечки“ на ряду съ мокрой отъ слезъ рубашкой мертвеца получилъ широкое распространеніе какъ въ сказкахъ, такъ и въ пѣсняхъ³⁾.

---

¹⁾ J. Grimm, *Deutsche Mythologie*. Berlin 1876⁴, стр. 777 сближаетъ эту Берту (Perchta) съ Berchthold, привидѣніемъ, стоящимъ, по пивабскимъ разсказамъ, во главѣ полчищъ дикаго охотника. Perchta является иной разъ окруженной толпой плачущихъ дѣтей, умершихъ некрещенными.

²⁾ J. Grimm, *Op. cit.* стр. 778.

³⁾ Jac. u. W. Grimm, *Kinder u. Hausmärchen*, № 109; Reusch, *Sagen. d. preuss. Samlandes* (1838), № 32; Erk, *Neue Sammlung*, III, 1,

Въ одной неаполитанской сказкѣ говорится о принцѣ, погибшемъ отъ злой феи, что онъ можетъ быть возвращенъ къ жизни, если найдется женщина, которая въ три дня наполнитъ своими слезами кружечку, повѣшенную на его могилѣ. Условіе это выполнено было королевской дочерью, и принцъ ожилъ, какъ только слезы стали въ уровень съ краями кружечки ¹⁾).

Въ одной хорватской пѣснѣ „*Žalost za sinom*“ ²⁾ мать такъ горько оплакиваетъ своего умершаго ребенка, что разжалобила Бога и Онъ приказалъ ангеламъ вырыть усопшаго, оживить его и доставить матери. Мать удивлена, что на сынѣ мокра рубашка, и получила отъ него такое объясненіе:

„Za Bogom ti, moja stara majko!
Ne čudi se mojoj košuljici!

№ 35 = Wunderhorn, IV, 95, Liederhort, p. 8, № 3, Mittler, № 557; Hofmann u. Richter, p. 341 № 290; Müllenhoff № 195 и 196; Meinert, p. 13 = Erk's Wunderhorn, IV, 96, Erk's Liederhort, p. 160, № 46^a, Hofmann in Deutsches Museum, 1852, II 181 = Wunderhorn, IV, 97, Liederhort, p. 158, № 46, Mittler, № 556; Maurer, Isländische Volkssagen, p. 312, № 9; Blaas въ Germania XXV, 429, № 34; Grimm, Deutsche Mythologie, III, 447, № 397; Wunderhorn, IV, 94; Wolf, Beiträge zur deutschen Mythologie, I, 215, № 149; Wolf, Wuotan I (1853), p. 63 — 70; Bechstein, Märchenbuch, 1845, p. 109; 1879, p. 110; Wucke, Sagen der mittleren Werra, 1846, I, 133; II, 31; Krainz, Mythen u. Sagen aus dem steirischen Hochlande, p. 405, № 309 и Sagen aus Steiermark p. 50, № 44. Jäcklin, Volkstümliches aus Graubünden, Chur 1878, p. 18; Friedrich Müller, Siebenbürgische Sagen, 1857, p. 47, № 64 и Wien, 1885, № 87; Schulenburg, Wendische Volkssagen, p. 238; Krauss, Sagen u. Märchen der Südslaven, II, 307, № 132; J. W. Wolf, Deutsche Märchen u. Sagen, p. 162, № 42, p. 595; Schambach u. Müller, Niedersächsische Sagen, № 233, p. 220, p. 364; Lütolf, Sagen aus Lucern, p. 515; Estacio da Veiga, Romanceiro do Algarve, p. 178; Hardung, Romanceiro Portuguez, II, 151, Jacobs, Anthologia Graeca, II, 799; Appendix Epigrammatum, 125, ed. 1814: Gaspé, Les anciens Canadiens, Quebec, 1877, I, 220, цитируется Sébillot, Annuaire des Traditions populaires, 1887, p. 88. Cp. Child, Op. cit. III, стр. 235—236; IV, стр. 512—513; VI, стр. 513.

¹⁾ Il Pentamerone во введеніи къ первому дню.

²⁾ Hrvatske narodne pjesme. Изд. Matica Hrvatska, 1896, I, стр. 46 и сл.

Što na meni mokra košuljici:
To su tvoje suze pomokrile”.

Подобное представление о силѣ слезъ, по всей вѣроятности, должно было быть разработано и въ итальянскомъ сказаніи, послужившемъ матеріаломъ для одной изъ лучшихъ новеллъ Боккаччо ¹⁾, сюжетъ которой таковъ: братья Елизаветы тайнымъ образомъ убиваютъ ея возлюбленнаго, Лоренцо; съ предчувствіемъ чего-то недобраго ждетъ она его возвращенія и по ночамъ, проливая горючія слезы, жалуется на его долгое отсутствіе. Наконецъ, „Lorenzo l'apparve nel sonno, pallido e tutto rabbuffato, e con panni tutti stracciati e fraciditi, e parvele che egli dicesse: O Lisabetta, tu non mi fai altro che chiamare, e della mia lunga dimora t'attristi, e me con le tue lagrime fieramente accusi; e per ciò sappi che io non posso più ritornarci, per ciò che l'ultimo dì che tu mi vedesti i tuoi fratelli m'uccisero“.

Въ современной народной итальянской поэзіи хотя и въ видѣ риторическаго приема замѣтны еще слѣды этого древняго представленія о силѣ слезъ и любви. Такъ, въ одной пьемонтской пѣснѣ, находящей соотвѣтствующія себѣ произведенія въ поэзіи романскихъ народовъ ²⁾, молодой человѣкъ горюя надъ умершей своей супругой, просить ея проговорить хоть одно слово, дать ему хоть одинъ поцѣлуй. „Oh! come mai volete che vi parli, e che vi dia un bacio d'amore? La mia bocca morta ha odor di terra, che era viva, di rose e fiori“, отвѣчаетъ умершая.

Въ одной ниже-бретонской пѣснѣ ³⁾ дѣвушка, желая увидѣть умершую мать, три ночи молится и плачетъ на ея могилѣ. Въ первую ночь мертвая является въ видѣ черной тѣни

¹⁾ Boccaccio, Il Decameron. Firenze, 1880, Gior. IV, Nov. V. M. Landau, Die Quellen des Dekameron. Stuttgart, 1884 обходитъ полнымъ молчаніемъ эту новеллу.

²⁾ C. Nigra, Canti popolari del Piemonte. Torino, 1888, стр. 120: „La sposa morta“.

³⁾ Luzel Chants populaires de la Basse-Bretagne. Lorient, 1868, стр. 61: „La jeune fille et l'âme de sa mère“.

и разрываетъ въ куски передникъ, парочито взятый дѣвушкой; во вторую ночь она показывается въ видѣ сѣрой тѣни и тоже разрываетъ второй передникъ; въ третью ночь умершая появляется бѣлой тѣнью, разрываетъ и третій передникъ на части, а потомъ обращается къ дочери съ такими словами:

„Tu as eu du bonheur
Que je ne t'aie mise toi-même en morceaux!
Que je ne t'aie mise en pièces, toute vivante,
Comme je le faisais à mes tabliers!
*Tu augmentais mes peines, chaque jour,
Par la douleur que tu me témoignais!*
Tu as tenu un enfant (sur les fonts baptismaux),
Et tu lui as donné mon nom:
Tu lui as donné mon nom,
Et c'est ce qui m'a sauvée!
Je vais maintenant voir Dieu,
Et toi, tu viendras aussi sans tarder!

Есть еще рядъ поэтическихъ произведеній, основанныхъ также на народномъ вѣрованіи, существующемъ до сихъ поръ, что смертная рубашка не дастъ покоя мертвецу, если она сшита не сразу, т. е. съ перерывомъ. Такое повѣріе существуетъ у чеховъ, лужицанъ и у пѣмцевъ, и выраженіемъ его служатъ напр. лужицкая пѣсня „*Kitel*“¹⁾, начинающаяся такъ:

„Štó tu khodži po mojim rowi,
Zibuje trawu zelenu“... т. е.

„Кто ходитъ по моей могилѣ и топчетъ зеленую траву“? Ходитъ молодой владѣлецъ замка, говорится дальше въ пѣснѣ, и топчетъ зеленую траву. „Скажи своей молодой женѣ, пусть сошьетъ мнѣ другую рубашку; въ прежней я не могу лежать, въ ней я не могу сгнить, въ четвергъ ночью пусть ее начнетъ и въ субботу ночью пусть ее кончитъ“. Печальнымъ вернулся владѣлецъ замка домой, изъ окна увидѣла его жена: „что

¹⁾ Pjesnički horných a delných Lužických serbow, Hawpta a Smolerja. 1841, I, № LVIII; чешская пѣсня—Čelakowsky I, 5.

съ тобою, мой другъ, не болить-ли у тебя голова”? „Ничего у меня не болить, но ты должна своему покойному мужу сшить другую смертную рубашку; въ четвергъ ночью начини и въ субботу ночью кончи ее“. „Кто ходить по моей могилѣ и топчетъ зеленую траву“? раздается голосъ изъ могилы. „Я принесла тебѣ другую рубашку“, говоритъ молодая госпожа изъ замка. При этихъ словахъ могила раскрылась. „Спускайся сюда ко мнѣ, говоритъ мертвецъ, оставь передъ могилой ключи“. Съ горькими слезами сходить въ могилу молодая женщина. „Скажи мнѣ, чего ты плачешь: или тебѣ жаль покинуть свой новый замокъ, или молодого супруга, или малыхъ дѣтей“? „Мнѣ не жаль ни замка, ни мужа, ни дѣтей, мнѣ тяжело разстаться съ маленькимъ сыномъ; онъ спитъ въ своей, колыбелькѣ, и маленькая Катя качаетъ его. Боюсь, что этихъ малыхъ сиротокъ будутъ обижать послѣ меня“. „Кто ихъ обидитъ, тому навѣрно не избѣжать злой участи“.

Такое представление о смертной рубашкѣ связывается среди нѣмцевъ съ другимъ повѣріемъ: она не даетъ покоя мертвецу, если орошена слезами; поэтому еще до сихъ поръ въ нѣмецкомъ народѣ тщательнo избѣгаютъ, какъ бы слеза не упала на какую либо вещь, идущую въ могилу съ мертвецомъ. Такая мысль развивается въ слѣдующей пѣснѣ „*Der Vorwilt*“¹⁾.

„Хозяинъ, женившійся на вдовѣ, посетъ ночью своихъ лошадей на запущенномъ кладбищѣ. Когда лошади взошли на могилу своего прежняго хозяина, то раздался голосъ мертвеца:

„War hit't mai Grob, war knet't mai Grob?
 War hit't mer oll mai Graslen ô?
 War schläft ao bay ma'm jounge Waiv?
 War schwecht ihr denn da' stoulze Laiv?“

---

¹⁾ J. Meinert, Alte Deutsche Volkslieder in der Mundart des Kuhländchens. Wien 1817, 13; = Mittler, Deutsche Volkslieder. Frankf. *./ 1866, стр. 437. № 555; силезская пѣсня — Prutz, Deutsches Museum 1858, № 15, 162 u Anton Peter, Volksthümliches aus Oesterreich Schlesien. Troppau 1865, стр. 200.

„Это—я”, отвѣчаетъ новый хозяинъ. „Тогда скажи своей женѣ, поручаетъ мертвецъ, чтобы она принесла мнѣ сухую рубашку, такъ какъ моя мокра отъ слезъ, которыя она по мнѣ проливаетъ“. Новый хозяинъ исполняетъ порученіе мертвеца и съ раздраженіемъ спрашиваетъ жену: „Wos waent se inde? Wos thut se dos“? Молодая женщина готова немедленно шить бѣлую шелковую рубашку для дорогого покойника, но раньше желаетъ удостовѣриться въ томъ, правду-ли сказалъ ей мужъ. И вотъ она идетъ на кладбище, стучитъ въ могилу и приказываетъ ей раскрыться, съ тѣмъ чтобы она могла спуститься къ мертвому. Мертвецъ предупреждаетъ ее:

„Wos wiest denn du do hounde thun?
Do hounde houst du jo kae Ruh;
Do hounde thorst du nischt backe,
Do hounde thorst du ni wosche.
Do hounde heärst du kan Glouckeklang,
Do hounde heärst du kan Vogelgesang” и т. д.

Въ это время раздается пѣніе перваго пѣтуха, всѣ гробы раскрываются, и молодая женщина спускается въ могилу. Вторично поетъ пѣтухъ:

„De Gravlen theten sich olle zu;
De Schiene musst ounde verblaive“.

Очень можетъ быть, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ отдаленнымъ отзвукомъ нѣкогда господствовавшего обычая погребать живыхъ женъ вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ, какъ это и усматривается въ нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ ¹⁾, но, конечно, доказать это крайне трудно, такъ какъ эта архаическая черта покрыта цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ наслоеній, пройдя чрезъ множество переработокъ въ памятникахъ народнаго творчества, способныхъ сливать въ одно цѣлое самые разнообразные мотивы. Что касается сюжета о

¹⁾ F. Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 380 и 508.

томъ, что слезы тревожатъ покой умершаго и даже вызываютъ его изъ гроба, то для полноты слѣдуетъ указать еще отраженіе его въ малорусской поэзіи. Такъ у Кулиша ¹⁾ сообщенъ извѣстный уже намъ рассказъ, какъ дитя должно собирать слезы матери въ сосудъ, а у Драгоманова ²⁾ находимъ слѣдующую повѣсть: „*Не плачь по мертвому: мертвецъ въ гости у жены*”.

„У одной женщины умеръ мужъ: долго плакала жена, цѣлые три года. Вотъ разъ въ живую поѣхала она съ сыномъ и невѣсткой косить хлѣбъ: сынъ косить, а мать съ невѣсткой выжуть снопы. Вдругъ мать замѣчаетъ, что къ ней подходитъ кто-то. „Посмотри-ка, сыночекъ, говоритъ она, не отецъ-ли въ намъ идетъ, какъ разъ онъ“. „Богъ знаетъ, что ты выдумываешь, матушка, ты выплакала очи по немъ, такъ тебѣ и кажется, что это онъ“, отвѣчаетъ сынъ. Между тѣмъ подошелъ, дѣйствительно, умершій отецъ. Поздоровавшись, онъ и говоритъ: „ну что-же, старая, дождалась меня? до тѣхъ поръ плакала, пока заставила меня встать изъ могилы, а теперь я пришелъ помочь тебѣ хлѣбъ собирать“. Онъ взялъ косу и давай косить: какъ махнетъ косою, такъ весь хлѣбъ сразу и покосилъ, и повязалъ, и въ копны склалъ. Жену послалъ онъ впередъ въ деревню и приказалъ готовить ужинъ; отъ нея узнали сосѣди объ его приходѣ и, собравшись въ его избу, стали спрашивать, откуда и какъ онъ пришелъ. „Шелъ я, говорилъ мертвецъ, двѣнадцать дней землею и двѣнадцать дней бѣлымъ свѣтомъ, да и пришелъ къ своей старой“. Потомъ онъ началъ уговаривать людей не плакать по мертвымъ, ибо это великій грѣхъ; лучше помянуть ихъ царствомъ небеснымъ, то и душѣ будетъ легче. Много и другого чего онъ имъ рассказывалъ, пока наконецъ смерклось, люди разошлись по домамъ, сынъ съ невѣсткой легли спать на

---

¹⁾ Кулишъ, Записки о южной Руси, II, стр. 42—44.

²⁾ Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и рассказы. Кіевъ, 1876. стр. 391.

дворѣ, а старая осталась съ мужемъ въ хатѣ, приказавъ сыну
времени отъ времени посматривать въ окно, чтобы чего-либо не
случилось. Легъ сынъ и уснулъ первымъ сномъ, проснулся
и посмотрѣлъ въ окно: видитъ, сидятъ отецъ и мать за сто-
ломъ, онъ оперся щекой на руку и о чемъ-то разсказываетъ.
Легъ сынъ опять и опять уснулъ, проснулся и вторично уви-
дѣлъ тоже самое; но когда проснулся онъ въ третій разъ и
посмотрѣлъ въ окно, то увидѣлъ страшную картину: мать ле-
жить на полу, а отецъ распоролъ ей грудь и животъ и вытя-
гиваетъ изъ нея внутренности. Сынъ бросился скликать со-
сѣдей; пока они собрались, зашѣлъ пѣтухъ и мертвецъ исчезъ.
Тогда схоронили мать, а бабы дали зарокъ не плакать по
мужьямъ“.

Въ шведской пѣснѣ „*Macht des Kammers*“¹⁾ вставшій
изъ могилы мертвецъ говорить своей возлюбленной:

„Denn jegliche Zäbre, die deinem Aug' entquillt,
Macht, das sich mein Herz mit Blut anfüllt;
Doch jegliches Glück, dass dein Herz bewegt,
Den Sarg voll duftiger Rosen mir legt“.

Приведенныхъ литературныхъ указаній, мнѣ кажется, до-
статочно, чтобы придти къ убѣжденію, что несомнѣнно поль-
зовалось широкой популярностью представленіе, будто умер-
шіе лишаются спокойствія, если по нимъ долго и горько пла-
чутъ. Слезы живыхъ падаютъ на умершаго или свѣжей кровью,
или жгутъ его грудь палящимъ огнемъ, или дѣлаютъ мокрыми
его смертные покровы, или же мѣшаютъ ему попасть въ рай.
Такое убѣжденіе распространено какъ между христіанскими,
такъ и между иновѣрными народами и имъ, повидимому, объ-
ясняется обычай прежняго времени устраивать по усопшемъ
веселыя тризны, сопровождавшіяся пѣніемъ и танцами. Общность

¹⁾ Mohnike, Volkslieder der Schweden. Berlin 1830, I, стр. 39;
оригиналь—Geiger och Afzelius, Svenska Folkvisor, I, 29 — 30,
другой текстъ III, 204—206.

этого убѣжденія различнымъ народамъ, объясняющаяся первобытнымъ взглядомъ на посмертное существованіе, сказалась, какъ мы видѣли, во множествѣ разнообразныхъ повѣствованій, разрабатывающихъ въ разныхъ формахъ основную идею, что по мертвымъ не слѣдуетъ плакать,—это тревожить ихъ покой и вызываетъ ихъ самихъ изъ могилъ. Такая мысль развивается и въ слѣдующихъ поэтическихъ произведеніяхъ, къ разбору которыхъ мы и переходимъ.

Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ разсказовъ про мертвецовъ выдѣляется одинъ, въ которомъ первенствующую роль играетъ чувство любви. Жена или, по большей части, невѣста оплакиваетъ завѣдомо умершаго или безъ вѣсти пропавшаго мужа, или жениха; слезы тревожатъ покой мертвеца, онъ встаетъ изъ могилы и является къ плачущей въ прежнемъ своемъ видѣ. Вотъ основа разсказа, примыкающаго къ цѣлому ряду выше указанныхъ повѣствованій, развившихся на почвѣ общаго вѣрованія въ возможность возвращенія мертвецовъ, обусловленнаго неутѣшной скорбью близкихъ людей. Такой разсказъ самымъ естественнымъ образомъ могъ-бы возникнуть въ любомъ уголкѣ средневѣковой Европы, гдѣ имѣлись-бы для того благопріятныя литературныя условія; но разъ сюжетъ облеченъ былъ въ художественную форму, ему легко уже было сдѣлаться популярнымъ повсемѣстно, такъ какъ всюду почва для него была приготовлена равномѣрно. И дѣйствительно, въ массѣ вариантовъ изучаемаго сюжета можно замѣтить нѣкоторое сходство литературной обработки, и вотъ только такое сходство формы и можетъ, по моему мнѣнію, указывать на заимствованіе разсказа однимъ народомъ отъ другого, тогда какъ основа самого сюжета могла зародиться въ разныхъ мѣстахъ самостоятельно и независимо, благодаря общности воззрѣній на мертвыхъ съ одной стороны и общечеловѣческой психики съ другой, немирящейся съ мыслью, что любимого человѣка мы теряемъ навсегда и безвозвратно.

I. Версія древне-классичесія.

Въ греческой мѣологіи нерѣдки случаи возвращенія умершихъ изъ царства тѣней въ силу вѣрной супружеской любви, переходящей границу смерти. Такъ Орфей получаетъ позволеніе отъ боговъ увести изъ Гадеса свою жену Евридику; Адметъ уводитъ оттуда же свою жену Альцесту; Іолай самъ возвращается изъ могилы на короткое время (Schol. Pind. P. IX 79 (137), а Протезилая побуждаетъ къ этому страстная любовь его молодой жены.

Въ поэзіи какъ древне-греческой, такъ и римской, мифъ о Протезилаѣ пользовался значительной популярностью и разрабатывался не только въ литературѣ, но и въ скульптурѣ.

Имя Протезилая въ первый разъ встрѣчается въ Иліадѣ¹⁾. Здѣсь при перечисленіи греческихъ дружинъ, шедшихъ на кораблихъ подъ Трою, разсказывается о немъ слѣдующее:

„Въ Филакѣ жившихъ мужей, населявшихъ Піразъ цвѣтущій,
Область Деметры любимую, мать овецъ Итонію,
Травами тучный Ителей и Антронъ, омываемый моремъ:
Сихъ ополченія Протезилай предводилъ бранноносный
Въ жизни своей; но его уже черная держитъ могила.
Въ Филакѣ онъ и супругу, съ душою растерзанной, бросилъ,
Бросилъ и домъ полуоконченный: палъ, пораженный Дарданцемъ,
Первый отъ всѣхъ Аргивянъ, съ корабля соскочившій на берегъ“.

Вотъ это все, что мы находимъ у Гомера о Протезилаѣ.

То, что было замѣчено Гомеромъ, нашло свое дальнѣйшее развитіе у эпическихъ поэтовъ гомеровской школы, такъ называемыхъ „οἱ κομῆχοι“, древнѣйшихъ мифографовъ, развивавшихъ мифъ, соприкасавшіеся съ Иліадою и Одиссеей.

Въ одномъ изъ такихъ произведеній, романтическомъ эпосѣ „Τὰ Κόπρια (ἔπη)“²⁾ поэта Стасина, намекъ Гомера получаетъ свою дальнѣйшую разработку. Здѣсь разсказывается, что

¹⁾ Homer. Ilias, II, 700, переводъ Гнѣдича.

²⁾ R. Nicolai, Griechische Literaturgeschichte. Magdeburg, 1873, I, стр. 74 и сл.

молодой герой Протезилай падаетъ отъ руки Гектора, а супруга его, называемая здѣсь Полидорой (Paus. IV, 2, 5), не желая пережить мужа, убиваетъ себя. Въ восстановленной Велькеромъ¹⁾ трагедіи Эврипида „*Protesilaus*“ рассказъ обставляется драматическими подробностями, осложняется новыми моментами дѣйствія, отношенія супруговъ обрисовываются чертами нѣжной и трогательной любви. Дальнѣйшій успѣхъ мѣла о Протезилаѣ былъ теперь обезпеченъ талантливой обработкой его въ трагедіи Эврипида, откуда почерпаютъ содержаніе для своихъ произведеній цѣлый рядъ позднѣйшихъ писателей, а также и скульпторовъ.

Разсказомъ Эврипида пользуются александрійскіе писатели, позднѣйшіе греческіе, какъ Лукіанъ, а затѣмъ и римскіе; изъ римскихъ писателей фабулу о Протезилаѣ затрогиваютъ Проперцій, Катуллъ, Овиди, Гигинъ, а затѣмъ позднѣйшіе схолиасты, какъ Евстаѣій, архіепископъ Θεσσαλονικѣ и Цецъ, вносявшіе въ свои комментаріи еще новыя подробности разсказа, повидимому, изъ другихъ источниковъ.

Въ обработкѣ мѣла подъ перомъ Эврипида рассказъ получаетъ такую форму: въ день своей свадьбы Протезилай уходитъ подъ Трою; юная жена его Лаодамія тоскуетъ по немъ, мучится зловѣщими предчувствіями и недобрыми снами. Узнавъ о смерти мужа, она проситъ боговъ возвратить его ей хотя бы на короткое время. Боги услышали ея просьбу, и Гермесъ выводитъ Протезилая изъ подземнаго царства, но спустя день, а по другимъ версіямъ всего три часа, молодые супруги должны разстаться, послѣ чего Лаодамія лишаетъ себя жизни.

Сцена возвращенія Протезилая изъ царства тѣней воспроизведена на двухъ саркофагахъ, неаполитанскомъ и ватиканскомъ, сохранившихся до нашего времени отъ періода позднѣйшаго римскаго искусства. Пластическая композиція передаетъ мѣло на основаніи поэтической переработки сюжета, быть мо-

---

¹⁾ F. G. Welcker, Die Griechischen Tragödien mit Rücksicht auf den epischen Cyclus. Bonn 1839, 2, II, стр. 494.

жетъ, въ трагедіи Эврипида ¹⁾, и представляетъ позади главнаго дѣйствія комнату, гдѣ Лаодамія мучилась зловѣщими снами, небольшою алтарь, на которомъ приносилась жертва и совершались заклинанія, заставившія умершаго явиться изъ Гадеса ²⁾. Но въ главномъ дѣйствіи на барельефѣ Лаодамія уже не занята всѣмъ этимъ: она представлена въ тотъ моментъ, когда появляется Протезилай, выводимый изъ Гадеса Гермесомъ, и она падаетъ подъ наплывомъ внезапныхъ чувствъ ужаса и радости на землю, поддерживаемая старой няней.

Болѣе поздніе комментаторы прибавляютъ къ этому сказанію новыя подробности, будто отецъ понуждалъ Лаодамію выйти вторично замужъ, и затѣмъ рисуютъ отношенія между Протезилаемъ, вернувшимся изъ царства мертвыхъ, и Лаодаміей чертами грубой реальной любви. Такъ, Евстаѳій ³⁾ передаетъ, что Лаодамія „ἐνοχτέρευε μετὰ τοῦ ἀνδρός, μᾶλλον αἰρουμένη τὴν πρὸς τὸν τεθνεῶτα, φασὶ, συνουσίαν ἢ τὴν πρὸς τοὺς ζῶντας ὁμιλίαν, καὶ ἐξέλιπεν ὅπ' ἐπιθυμίας“.

Такая же версія разсказа о возвращеніи Протезилая встрѣчается и въ другихъ редакціяхъ, какъ напр. у грамматика Сервія изъ IV-го столѣтія ⁴⁾. Онъ говоритъ: „Laodamia uxor Protesilai fuit: quae cum maritum in bello Trojano primum periisse cognovisset, optavit, ut ejus umbram videret: qua re concessa non deserens eum in amplexibus ejus periit“.

У Гигина находимъ новую подробность: „Laodamia, разсказываетъ онъ ⁵⁾, Acasti filia amisso conjugе cum tres horas consumpsisset, quas a diis petierat, fletum et dolorem pati non potuit. Itaque fecit simulacrum cereum (aereum Mic.) simile

¹⁾ M. Mayer, Der Protesilaos des Euripides въ Hermes. Zeitschrift für classische Philologie, XX (1885), стр. 101—143.

²⁾ A. Baumeister, Denkmäler des klassischen Altertums, III (1888), стр. 1422.

³⁾ Eustathii Archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem. Lipsiae, 1827, I, стр. 264.

⁴⁾ Servius, Aen. VI, 447 (Mythogr. Vat. I, 158; II, 215).

⁵⁾ Hygini. Fab. CIV.

Protesilai conjugis et in thalamis posuit sub simulatione sacrorum et eum colere coepit“. Отецъ, желая избавить дочь отъ напрасныхъ терзаній, бросаетъ изображеніе Протезилая въ огонь; на этомъ огнѣ погибаетъ и Лаодамія.

О подобномъ же изображеніи говоритъ и Овидій ¹⁾.

Каковъ смыслъ изображенія, которое дѣлаетъ для себя Лаодамія, съ опредѣленностью сказать трудно; но оно невольно напоминаетъ подобный же приѣмъ въ одной сербской народной пѣснѣ, гдѣ сестра, пять лѣтъ напрасно ожидавшая своихъ братьевъ, дѣлаетъ ихъ изображенія съ цѣлю заставить ихъ, явиться къ ней ²⁾:

„Ајај мени до Бога милога,
Ал' ти јесам Богу згријешила
Никог нема ни жива ни мртва“.
Она иде у топлу одају,
Па је девет лутак' направила,
Своје браће имена им дала;
Опет девет лутак' направила,
Имена им стричевић' надјела;
Постави имъ софру и трпезу,
На трпезу сваку ђаконију;
Редом им је вино додавала;
То се Богу врло ражалило“...

и Онъ посылаетъ ангела поднять изъ могилы старшаго брата Іову и отправить къ сестрѣ. Не имѣло-ли подобнаго же смысла и изображеніе Протезилая, приготовленное Лаодаміей?

Повидимому, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно, ибо чары при посредствѣ изображенія чловѣка, выдѣленнаго обыкновенно изъ воску, были извѣстны какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка, и употреблялись въ убѣжденіи, что лицо, на которое должны распространяться чары, испытываетъ то, чему подвергаютъ его изображеніе ³⁾.

¹⁾ Ovid. Heroid. XIII, 151 и сл.

²⁾ Давидовић, Српске народне пјесме из Босне. Панчево, 1884, стр. 11—12.

³⁾ J. Grimm, Deutsche Mythologie. Berlin, 1875*, стр. 913 и сл.

Такимъ образомъ развитіе мѣа о Протезилаѣ можетъ быть прослѣжено на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, начиная отъ Гомера вплоть до среднихъ вѣковъ, когда Евстафій Солунскій писалъ свои комментаріи къ Иліадѣ Гомера, касаясь въ нихъ и рассказовъ о Протезилаѣ, и когда Цець въ своемъ историческомъ трудѣ „Βίβλος ἱστορικὴ, или 469 Ἱστορίαι въ 13 Χιλιάδες“ оживлялъ воспоминаніе о томъ же предметѣ, говоря, что

„Λουκιανός, Φιλόστρατος, γράφει τὴν ἱστορίαν,
καὶ τινες ἄλλοι μέμνηται καὶ ποιηταὶ καὶ νέοι“.

Весьма возможно, что на ряду съ письменной разработкой сюжета о Протезилаѣ и Лаодаміи обращались въ обществѣ и устные рассказы про нихъ, но судить объ этомъ не возможно за неимѣніемъ современныхъ свидѣтельствъ. За то письменные источники даютъ возможность предположить съ полной вѣроятностью, что въ литературной обработкѣ фабула мѣа о Протезилаѣ и Лаодаміи прошла въ средніе вѣка европейской жизни, гдѣ и должна была вызвать такъ или иначе отзвукъ по себѣ. Схема этой фабулы, представляющая простѣйшую основу рассказа, извлеченная изъ приведенныхъ выше классическихъ версій, будетъ приблизительно такова:

- а) молодой герой погибаетъ на войнѣ;
- б) убитая горемъ жена страстно желаетъ его возвращенія, для чего прибѣгаетъ къ чарамъ;
- в) мертвый онъ возвращается, происходитъ почное свиданіе, и вскорѣ затѣмъ слѣдуетъ въ могилу и жена.

Сходство этой схемы съ основой древне-скандинавской саги про Гельги, убійцу Гундинга, и Сигруну, было отмѣчено уже неоднократно многими учеными; между ними и Эрвинъ Роде ¹⁾ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о греческомъ романѣ, мимоходомъ касаясь одной позднѣйшей версіи класси-

¹⁾ Erwin Rohde, Der griechische Roman und seine Vorläufer. Leipzig 1876, стр. 34.

ческой фабулы, указывает на близкое сходство ея съ сагой; такое, неполно обращающее на себя вниманіе сходство классическаго преданія со скандинавскимъ заставляетъ насъ рассмотреть его ближе и установить возможную связь между первымъ и вторымъ произведеніемъ.

II. Вариантъ древне-скандинавскій.

Чтобы указать первую литературную обработку нашего сюжета среди новыхъ народовъ Европы, смѣнившихъ міръ классическій, намъ придется перенестись мыслью въ глубокую старину, въ самую даль среднихъ вѣковъ, въ VIII—XI столѣтію нашей эры. Можно предполагать, что въ эту уже пору на далекомъ скандинавскомъ сѣверѣ былъ извѣстенъ рассказъ, попавшій въ собраніе Старшей Эдды, приписываемой Сэмунду, жившему въ половинѣ XI вѣка. Эдда,—что значитъ собственно „ирабабушка“—собрала въ себѣ живыя народныя преданія, и идѣсь между прочимъ мы находимъ пѣснь про любовь короля Гельги къ Сигрунѣ. Пѣснь эта является какъ бы апофеозомъ супружеской любви, любовь оказывается въ ней сильнѣе смерти, продолжаясь за гробомъ, и представляется настоящей, сильной и глубокой любовью, такой, съ какой намъ рѣдко придется встрѣчаться въ позднѣйшей романтической литературѣ. По эпической полнотѣ и чисто гомеровской силѣ выраженія въ описаніи нѣжной и глубокой любви между Гельги и Сигруной, пѣснь эта можетъ съ полнымъ правомъ считаться лучшей во всемъ собраніи Эдды. О Гельги, убійцѣ Гундинга, существуютъ собственно двѣ пѣсни, дополняющія одна другую, но одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей сѣверно-скандинавскаго эпоса Vigfusson ¹⁾ производитъ смѣлую перестановку строфъ въ этихъ пѣсняхъ про Гельги и, благодаря такому приему, изъ двухъ дѣлаетъ три пѣсни, отбѣняя при этомъ черту перерожденія, которому Гельги подвергается. Очень можетъ

¹⁾ Vigfusson, Corpus poeticum boreale. 1883, I, стр. 129 и сл.

быть, что въ этой чертѣ и сказалось кельтское вліяніе ¹⁾, какъ думаетъ Вигфуссонъ, но съ нашимъ сюжетомъ оно мало имѣетъ общаго, ибо полную разработку его мы уже видѣли и у классическихъ народовъ, которымъ была чужда вѣра въ перерожденіе и среди которыхъ во всякомъ случаѣ не это вѣрованіе обусловило возникновеніе самаго сюжета. Древне-скандинавская обработка нашего сюжета развивается въ общемъ слѣдующее содержаніе въ пѣсняхъ о Гельги, убійцѣ Гундинга.

Пѣснь о Гельги и Сигрунѣ ²⁾.

„Было это въ старину, когда вѣщіе орлы пѣли, когда священные воды падали съ небесныхъ горъ, тогда въ Бралундѣ у Боргильды родился могучій Гельги. Ночная тьма окутывала замокъ, когда пришли норны и назначили судьбу новорожденному, опредѣливъ быть ему славнѣйшимъ между князьями и лучшимъ между королями. Съ любовью глядятъ родители на своего сына, но я тревога наполняетъ ихъ сердце: Сигмундъ, отецъ Гельги, слышитъ разъ, какъ голодный воронъ, сидя на высокомъ деревѣ, говоритъ другому: „знаю я нѣчто; хотя сыну Сигмунда всего одинъ день отъ роду, онъ стоитъ уже въ латахъ, будетъ чему намъ порадоваться, взоръ его сверкаетъ, какъ у бойца, онъ будетъ другимъ волковъ“. Предчувствуя кровавыя битвы, вороны напередъ уже радуются. Гельги быстро возмужалъ, и когда ему исполнилось 15 зимъ, онъ убилъ Гундинга, долгое время державшаго въ порабощеніи его родину. Сыновья Гундинга поднялись мстить за смерть отца и напали на Гельги; при Логафіёллѣ произошла жаркая

---

¹⁾ D'Arbois de Jubainville, Le cycle mythologique irlandais et la mythologie celtique. 1884, стр. 344 и сл.

²⁾ K. Simrock, Die Edda, die ältere und jüngere. Stuttgart, 1882, стр. 142—159; A. Rassmann Die deutsche Heldensage u. ihre Heimat. 1863, I, стр. 72—89; W. Calaminus, Die Liebe des Königs Helgi u. der Walkyrie Sigrun въ Archiv für das Studium der neueren Sprachen u. Litteraturen, 1883, LXIX Band, стр. 37—63.

битва; волки Одина, бога войны, рыскали по странѣ, чуя кровавую добычу, и Гельги доказалъ, что вороны не даромъ называли его другомъ волковъ. Всѣ сыновья Гундинга пали въ бою отъ руки Гельги; за нимъ во все время битвы съ облаковъ слѣдила валькирія Сигруна, давно уже любившая молодого героя, не будучи ему извѣстной. И вотъ, когда послѣ битвы усталый Гельги съѣлъ отдохнуть подѣ скалой, она, окруженная толпой валькирій въ шлемахъ и латахъ, обрызганныхъ кровью, съ копьями, острия которыхъ сверкали огоньками, спустилась къ нему, прижала его руку къ сердцу и горячо его поцѣловала. Тутъ рассказала Сигруна свою исторію и причину, побудившую ее разыскивать Гельги. Она была дочь норвежскаго короля Гёгни и отецъ просваталъ ее за Гёдбротта, сына Гранмара. Но Сигруна не могла терпѣть Гёдбротта и, узнавъ, что тотъ будетъ добиваться ея руки силой, присоединилась къ валькиріямъ и, посясь съ ними по воздуху надъ моремъ, разыскивала Гельги. Король Гельги крѣпко полюбилъ прекрасную и смѣлую валькирію Сигруну и взялся защищать ее противъ ненавистнаго Гёдбротта, сына Гранмара, и противъ отца ея, Гёгни. Въ жестокой битвѣ пали всѣ сыновья Гранмара, погибъ и отецъ Сигруны, Гёгни, остался въ живыхъ лишь сынъ послѣдняго именемъ Дагъ. Такова предварительная судьба Гельги и Сигруны, и теперь собственно начинается разсказъ, наиболѣе насъ интересующій.

Гельги женился на Сигрунѣ, и у нихъ были сыновья. Гельги былъ еще не старъ, когда Дагъ, желая отомстить за смерть отца, принесъ Одну жертву и получилъ отъ него конь; разъ, встрѣтивъ Гельги, онъ поразилъ его этимъ коньемъ на смерть и отправился въ Севафіёлль сообщить сестрѣ своей, Сигрунѣ, о случившемся. „Тяжело мнѣ, сестра, оповѣстить тебя о твоёмъ горѣ, но я принужденъ былъ повергнуть тебя въ слезы: сегодня погибъ лучший въ мірѣ король, гроза воителей“. Въ отвѣтъ на эту печальную вѣсть Сигруна проклинаетъ брата: „пусть снѣдаютъ тебя и въ подземномъ царствѣ тѣ вѣтвы, что ты давалъ Гельги; пусть не двинется подѣ тобою корабль, хотя бы дулъ и попутный вѣтеръ; пусть стоитъ

всепаннымъ твой конь, когда придется тебѣ убѣгать предъ врагомъ; пусть не рубить твой мечъ, когда станешь ты носить имъ удары, но пусть онъ обрушится на твою голову. Тогда только смерть Гельги была-бы вполне отомщена, когда бы ты волкомъ сталъ рыскать по лѣсу, лишенный крова и всякой радости, и когда бы ты съ голоду сталъ глотать травы“. Только Одинъ виновенъ въ томъ, что поселилъ раздоръ среди родныхъ, отвѣчалъ Дагъ, а я предлагаю тебѣ въ видѣ пени золотыя кольца и полцарства“. „Не весело мнѣ въ Севафіёллѣ“, отвѣчала Сигруна; „ни днемъ, ни ночью не радуюсь я жизни, если не появится свѣтъ на могилѣ короля, если не побѣдить его конь въ золотыхъ удилахъ и если не удастся мнѣ обнять повелителя“. По обычаю предковъ надъ Гельги насыпанъ былъ курганъ; Сигруна неутѣшна, она плачетъ день и ночь и надѣется увидѣть еще короля. Съ этой цѣлью посылаетъ она каждый вечеръ служанку къ могилѣ Гельги, и вотъ разъ около полуночи служанка замѣтила, что погибшій герой, окруженный многочисленной дружиной, подѣзжаетъ къ холму. „Что это, привидѣніе“, спросила она, „или же настало свѣтопреставленіе“. „Я вижу, какъ мертвые мужи ѣдутъ, пришиоривая своихъ коней; или, быть можетъ, воителямъ дозволено возвращаться на землю?“ „Не привидѣніе это и не свѣтопреставленіе, отвѣчалъ Гельги, но намъ дѣйствительно разрушено посѣтить землю“. Побѣжала домой служанка и сказала: „выходи поскорѣе, Сигруна, если хочешь видѣть вождя народа; могила раскрылась и Гельги пришелъ; его раны сочатся кровью, и онъ проситъ тебя унять кровавыя капли“. Сигруна поспѣшила на холмъ къ Гельги, бросилась къ нему на шею и сказала: „я такъ рада нашей встрѣчѣ, какъ радуются жажущіе добычи вороны Одина, чуя свѣжую кровь или привѣтствуя восходящій день; я подѣлую тебя, не дожидаясь, пока ты сбросишь окровавленный панцырь. *Волосы твои, Гельги, покрыты инеемъ, ты весь залитъ кровью и руки твои холодны, какъ ледъ*“. „Одна ты Сигруна,—отвѣчалъ Гельги,—виновна въ томъ, что съ меня струится кровь; ты каждую ночь, засыпая, проливаешь по мнѣ горючія слезы, и каждая изъ нихъ кро-

вазою каплей падаетъ на мою грудь, влажнохолодную, зарытую въ землю, тоской удрученную; хотя и зѣваютъ на груди моей раны, но пусть никто не оплакиваетъ моей смерти“. Въ могильномъ холмѣ приготовила Сигруна постель и сказала: „здѣсь устроила я тебѣ, Гельги, покойное ложе и буду спать на твоей груди, подобно тому какъ это бывало при жизни“. „Отнынѣ ничего нѣтъ невѣроятнаго въ Севафіёллѣ, отвѣчалъ Гельги, съ тѣхъ поръ какъ ты, прекрасная дочь Гѣгни, спишь въ могильномъ холмѣ въ объятіяхъ мертвеца, а межъ тѣмъ сама ты, королевна, жива!“ Начинало уже свѣтать, и Гельги сказалъ: „пора возвращаться мнѣ по этимъ багрянымъ путямъ (= занимающаяся заря), пора направить чалаго коня на воздушный мостъ (= радуга); къ западу отъ него долженъ я находиться, прежде чѣмъ запоетъ въ Вальгаллѣ пѣтухъ“. Простился Гельги съ Сигруной и поѣхалъ съ дружиной въ Вальгаллу къ Одину, а Сигруна пошла домой. На слѣдующій вечеръ послала она опять къ могилѣ служанку посмотрѣть, не придетъ-ли Гельги, но его не было; при закатѣ солнца идетъ она сама къ холму и напрасно ждетъ милаго супруга; она тоскуетъ, но не плачетъ больше, чтобы не тревожить покоя мертваго и не нарушать его блаженной жизни въ Вальгаллѣ. Не долго жила послѣ этого Сигруна, она умерла отъ тоски и печали по мужѣ, съ которымъ соединилась въ свѣтлой Вальгаллѣ“.

Въ такомъ видѣ сохранился до нашего времени разсматриваемый литературный сюжетъ въ древнѣйшей изъ всѣхъ европейскихъ переработокъ его, именно скандинавской.

Какъ бы не былъ сжатъ и затемненъ древне-греческій мифъ о Протезилѣ и Лаодаміи, онъ невольно напоминаетъ собою только что изложенный сюжетъ скандинавской саги про Гельги и Сигруну, такъ что нѣтъ возможности отрицать единство ихъ не только демонсихологической, но и литературной основы, хотя возстановить ихъ генетическую связь съ полной точностью и опредѣленностью пока не представляется возможнымъ за отсутствіемъ посредствующихъ звеньевъ.

Позднѣйшія классическія версіи, какъ мы видѣли, совпа-

даютъ даже подробностями съ сѣверной сагой; таковъ напр. рассказъ у Евстафія о томъ, что Лаодамія „ἐνοχτέρευε μετὰ τῶν ἀνδρῶν“, подобно тому, какъ Сигруна съ Гельги; въ общемъ же композиція саги носитьъ уже черты средне-вѣковой поэзіи; здѣсь на сцену появляются герои, понимающіе языкъ птицъ и животныхъ, понятіе о свѣтопреставленіи, пѣтухъ, заставляющій умершихъ возвращаться въ царство тѣней.

Изъ этихъ чертъ понятіе о свѣтопреставленіи несомнѣнно указываетъ на отраженіе христіанскихъ идей въ сагѣ; таковое вліяніе на эсхатологическое ученіе Эдды подтверждается новѣйшими изслѣдователями, изъ которыхъ Бугге¹⁾ допускаетъ сверхъ того воздѣйствіе на сложеніе пѣсенъ Эдды и воспоминаній классическихъ. Такъ, по мнѣнію Бугге, поэма о Гельги Гундингсбани развилась на основѣ сказаній о Мелеагрѣ. О рожденіи Гельги говорится: ночная тѣма окутывала замокъ, когда пришли норны и назначили судьбу новорожденному, опредѣливъ быть ему славнѣйшимъ между князьями и лучшимъ между королями. О рожденіи Мелеагра рассказываетъ Гигинъ: парни явились въ королевскій дворецъ и объявили судьбу Мелеагра; Клото сказала, что онъ будетъ великодушнымъ, Лахезисъ надѣлила его храбростью.

Гельги полюбилъ валькирію Сигруну: въ панцырѣ, шлемѣ и съ копьемъ она выѣзжаетъ на битвы, слѣдуя за Гельги; возлюбленной Мелеагра была нимфа Діаны Аталанта: въ мужскомъ вооруженіи вмѣстѣ съ Мелеагромъ она принимала участіе въ битвахъ. Поэтому представляется весьма возможнымъ, что какая либо поздняя классическая версія рассказа о Протезилѣ и Лаодаміи и послужила на ряду со сказаніемъ о Мелеагрѣ основой для саги о Гельги и Сигрунѣ, при чемъ прежняя основная схема выдержана вполнѣ въ той части рассказа,

---

¹⁾ Sofus Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen. München, 1881—82, стр. 14; А. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ. Ж. М. Н. Пр. 1885, декабрь, стр. 196.

гдѣ говорится о посмертномъ возвращеніи Гельги въ оплакивавшей его Сигрунѣ:

- а) Гельги погибаетъ въ битвѣ;
- б) Сигруна тоскуетъ и желаетъ видѣть еще разъ своего мужа;
- в) онъ является на конѣ; происходитъ свиданіе и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ умираетъ и Сигруна.

Самое имя „Helgi“ Уландъ ¹⁾ ставитъ въ связь съ именемъ Helgo нѣкоторыхъ латинскихъ памятниковъ, какъ лѣтопись монастыря св. Троицы въ Руанѣ отъ половины XI ст., и съ именемъ Hellequinus, Helequin, Hellequin, употребляемымъ также съ XI столѣтія во франко-нормандскихъ и англійскихъ сказаніяхъ для обозначенія привидѣнія, появляющагося на конѣ по ночамъ во главѣ отряда, состоящаго изъ умершихъ воиновъ. Монахъ Ордерикъ въ своей нормандской церковной исторіи передаетъ про одного молодого священника, отъ котораго онъ и позаимствовалъ самый рассказъ, что тотъ въ 1091 году своими глазами видѣлъ подобный отрядъ рыцарей и среди нихъ своего незадолго передъ тѣмъ умершаго брата: въ полномъ вооруженіи на коняхъ они, повидимому, спѣшили на битву, при чемъ луна освѣщала имъ путь. *Luna quippe octava in signo arietis tunc clare micabat et gradientibus iter demonstrabat.* Сказаніе объ отрядѣ Helequin'a попадаетъ затѣмъ въ хроники и между прочимъ связывается съ именемъ популярнѣйшаго нормандскаго героя, герцога Ричарда Безстрашнаго, о чемъ будемъ имѣть случай говорить ниже.

Какъ сказаніе объ отрядѣ Hellequin'a прошло чрезъ среду людей книжныхъ, такъ и сага о Гельги, несомнѣнно, получила свою обработку подъ перомъ людей образованныхъ, а потому вліяніе на ея складъ классическихъ мотивовъ не можетъ представляться невѣроятнымъ.

Если имѣть еще въ виду, что сага о Гельги, какъ дума-

---

¹⁾ Uhland, Schriften, VIII, стр. 172 и сл.

еть Вигфуссонъ ¹⁾, возникла не въ Скандинавіи, а на западныхъ Британскихъ островахъ подъ воздѣйствіемъ кельтской народности, среди которой, какъ извѣстно, сперва римское, а затѣмъ и христіанское вліяніе распространилось раньше, чѣмъ у другихъ народовъ Запада Европы, то, при указанномъ полномъ совпаденіи схемъ и нѣкоторыхъ подробностей этой саги со сказаніемъ о Протозилаѣ и Лаодаміи, съ значительною вѣроятностью можно думать, что въ сагѣ мы имѣемъ отраженіе классическаго разсказа.

Такое перенесеніе сюжета изъ міра классическаго на далекій сѣверъ тѣмъ болѣе возможно, что вѣрованіе кельтовъ въ перерожденіе облегчало усвоеніе мысли о возвращеніи умершаго изъ царства тѣней, хотя въ самой сагѣ говорится, какъ и въ классическихъ разсказахъ, что возвращеніе было разрѣшено воинамъ самими богами.

Характерной особенностью скандинавской саги служить между прочимъ то обстоятельство, что Гельги проситъ жену не оплакивать его: слезы падаютъ на его грудь кровавыми каплями и, конечно, тревожатъ покой умершаго, какъ это мы видѣли уже раньше; вѣроятно, слезы и скорбь Сигруны и заставляютъ мертвеца возвратиться изъ царства тѣней, хотя черта эта и недостаточно ясно развита въ сагѣ.

III. Вариантъ шведскій.

Представленіе, что слезы служатъ побужденіемъ для возвращенія умершаго на землю, какъ мы видѣли, пользовалось широкой популярностью и разрабатывалось какъ въ книжной средневѣковой письменности, такъ и въ народной поэзіи. Поэтому такая мотивировка легко могла быть перенесена и въ сагу о Гельги, подобно тому какъ она нашла свое примѣненіе въ цѣломъ рядѣ другихъ позднѣйшихъ произведеній, представляющихъ ее съ гораздо большею опредѣленностью. Это мы

---

¹⁾ Vigfusson, Op. cit. I, стр. LXII и сл.

находимъ напр. въ слѣдующей шведской народной пѣснѣ — „*Macht des Kammers*“¹⁾).

„Heiss fielen klein Christel die Thränen herab,
Sie weint ihren Bräutigam aus dem Grab.“

Такъ начинается эта пѣсня. Женихъ стучится къ дѣвушкѣ въ дверь: „вставай, Кристель, ипусти меня“. „И ни съ кѣмъ не обручена и ночью ни кого къ себѣ не выпускаю“. „Вставай, Кристель, отодвинь засовы, я тотъ юноша, твой женихъ, котораго ты когда-то любила“. Дѣвушка встаетъ и поспѣшно открываетъ дверь, она сажаетъ его на золоченый стулъ и умываетъ ему ноги прозрачнымъ виномъ. Они ложатся въ постель и, пѣжно болтая, всю ночь проводятъ безъ сна. Но *ночь заплыла пелюгами, и мертвые должны возвратиться къ себѣ.*

„Und hörst du, mein Lieb, die Hähne krähen?
Die Todten müssen nun wieder gehen!“

Тотчасъ же встаетъ и дѣвушка, обувается и слѣдуетъ за своимъ возлюбленнымъ черезъ темный лѣсъ. Когда она подошла къ кладбищу, золотистые волосы юноши потускнѣли, и онъ исчезъ изъ глазъ дѣвушки, сказавъ: „смотри, моя милая, какъ чудно *свѣтитъ мѣсяцъ!*“

„Sieh, Kind, wie der Mond geht auf so hell“

Дѣвушка опустилась на его могилу, говоря: „здѣсь буду сидѣть я, пока Господь призоветъ меня къ себѣ“, а ей въ отвѣтъ проговорилъ мертвый: „*иди домой, маленькая Кристель, не тревожь меня; всякій разъ, что ты плачешь на моей могилѣ, мой гробъ наполняется кровью, а когда твое сердце радуется, моя могила усыпается розами*“.

Приведенная шведская пѣсня оказывается значительно затемненной и неразработанной; въ ней слышатся лишь намеки на подробности, съ которыми встрѣтимся въ другихъ вариан-

¹⁾ Mohnike, Op. cit. стр. 39; Geiger och Afzelius, Op. cit. стр. 29 и 30; R. Tenner, Volkslieder aus Dänemark und Schweden. Deutsches Museum, 1861, № 38, стр. 421.

тахъ разбираемаго сюжета: такъ, здѣсь выводится на сцену кладбище, мертвецъ указываетъ своей невѣстѣ на чудный свѣтъ мѣсяца, но эти моменты не разрабатываются, а вмѣсто того выдвигается на первый планъ мысль о томъ, что скорбь и слезы тревожатъ покой умершаго; ночная встрѣча молодыхъ людей хотя и напоминаетъ встрѣчу Гельги съ Сигруной, какъ со стороны основной идеи, что слезы живыхъ тревожатъ покой усопшихъ, такъ и той подробности, что слезы эти, превращаясь въ кровь, наполняютъ гробъ умершаго, но всѣмъ вообще своимъ содержаніемъ она сближается скорѣе съ позднѣйшими произведеніями на ту же тему, въ которыхъ дѣйствующими лицами является женихъ и невѣста, тогда какъ въ классическомъ сказаніи о Протозилаѣ и въ скандинавскомъ про Гельги рассказывалось про мужа и жену.

IV. Вариантъ датскій.

Подобная же баллада *датская* носить заглавіе „*Der Ritter Aage und Jungfrau Else*“ ¹⁾ и относится къ XVI столѣтію. Содержаніе ея таково:

„Рыцарь Ааге отправился на далекій островъ и высматывалъ себѣ прекрасную дѣвицу, Эльсу, а спустя мѣсяцъ, онъ лежалъ уже въ черной землѣ. *Сердце Эльсы разрывалось отъ печали, и это чувствовалъ рыцарь Ааге, лежа глубоко въ черной землѣ.* Онъ взялъ на спину свой гробъ и не твердой поступью направился къ ея комнатѣ, хотя это ему и было тяжело. Онъ стучитъ гробомъ въ ея дверь: „послушай, Эльса, отвори твоему жениху!“ „Я не открою тебѣ, отвѣчала она,

---

¹⁾ Grundvig, III, 872; Sandvig, Levninger af Mittelalderens Digtekunst. Копенгагенъ (1870). Баллада заимствована издателемъ изъ стараго кодекса, перепечатана затѣмъ у Rahbeck, Kjempe Visebog. Копенг. 1810, u. Udvalgte danske Viser af Nyerup, I, 210—217. Переводъ ея W. Grimm, Altdänische Heldenlieder. 1811, стр. 73; Uhland's Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage. 1868, VII, стр. 416.

пока ты не призовешь имени Христа, какъ это дѣлалъ ты прежде“.

Въ этомъ мѣстѣ въ датской балладѣ несомнѣнно является пропускъ, такъ какъ она не говоритъ ничего о томъ, какъ Эльса выпускаетъ къ себѣ своего мертвого жениха и какъ они затѣмъ проводятъ время вмѣстѣ; точно также и конецъ баллады скомканъ и умалчивается о ночномъ посѣщеніи дѣвушкой кладбища, на которомъ мертвецъ спускается въ свою могилу. Поэтому ходъ разсказа въ балладѣ не послѣдователенъ и крайне сжатъ. На выше приведенныя слова дѣвушки мертвецъ говорить:

Всякій разъ, какъ ты радуешься, мой гробъ наполняется розами, и когда ты горюешь, онъ бываетъ полонъ крови. Вотъ поетъ красный птенецъ, мнѣ пора въ могилу, а ты смотри на небо, какъ медленно будетъ исчезать ночь“. Мертвецъ скрылся въ могилѣ, а Эльса вернулась домой, ея сердце разрывалось отъ горя, и черезъ мѣсяцъ она лежала въ черной землѣ“.

И эта датская баллада, при всей своей запутанности и неполнотѣ, подобно вышеприведенной шведской пѣснѣ нѣкоторыми подробностями мною подчеркнутыми напоминаетъ древнюю сагу про Гельги и Сигруну, но общимъ своимъ складомъ примыкаетъ къ позднѣйшимъ сказаніямъ о женихѣ-мертвецѣ, возникшимъ подобно классическому разсказу и скандинавской сагѣ на вѣрованіи въ возможность возвращенія умершаго подѣ влияніемъ проливаемыхъ по немъ горькихъ слезъ. Если шведская и датская пѣсни, благодаря отсутствію посредствующихъ звеньевъ, и не могутъ быть поставлены въ непосредственную связь со скандинавской сагой про Гельги, то во всякомъ случаѣ онѣ отражаютъ одинаковое съ нею міровоззрѣніе и въ своей передачѣ сохраняютъ нѣкоторыя подробности обработки древняго скандинавскаго сказанія.

V. Варіанты англійскіе.

Существуетъ и англійская баллада подходящаго содержанія, но она въ такой мѣрѣ измѣнена уже въ новомъ духѣ,

что даетъ лишь слабый намекъ на первоначальную основу произведенія, которое, по всей вѣроятности, должно было совпадать съ пѣснями шведской и датской. Баллада эта „*Sweet William's Ghost*“¹⁾ развивается въ такомъ видѣ:

„Къ дверямъ Маргариты явился духъ и съ жалобнымъ стономъ хватался за замокъ. „Ты-ль это, отецъ мой Филиппъ, или братъ Джонъ, или это ты, Уилли, мой возлюбленный, вернулся домой изъ Шотландіи?“ „Я не отецъ твой и не братъ, а я въ самомъ дѣлѣ твой Уилли. Маргарита, моя дорогая, я пришелъ затѣмъ, чтобы ты возвратила мнѣ мое слово, данное тебѣ“. „Я никогда не возвращу тебѣ твоей свободы; войди лучше ко мнѣ и расцѣлуй меня“. „Еслибъ я вошелъ къ тебѣ и поцѣловалъ тебя въ твои розовыя уста, дни твои были бы сочтены, такъ какъ я уже не живой человѣкъ; освободи меня, Маргарита, отъ обѣщаній, которыми я клялся тебѣ“. Я не верну тебѣ твоего слова, я хочу, чтобы ты повелъ меня въ церковь и тамъ обвинчался со мною“. „Но, Маргарита, мои кости похоронены на кладбищѣ далеко за моремъ, и лишь мой духъ теперь бесѣдуетъ съ тобою“. Она протянула свои блѣдныя руки и сказала: „ты свободенъ, мой Уилли; да пошлетъ Господь полное успокоеніе твоей душѣ“. Маргарита одѣлась и въ темную зимнюю ночь послѣдовала за мертвецомъ. „Найдется ли, Уилли, мнѣ мѣсто возлѣ тебя, куда бы я могла лечь?“ „Нѣтъ, Маргарита, мой гробъ узокъ, въ немъ не найдется для тебя мѣста ни съ боку, ни въ головахъ, ни въ ногахъ“. *Вдругъ заплылъ красный пѣтухъ, ему вторитъ и сѣрый.* „Маргарита, время, время тебѣ уходитъ“. Это были послѣднія слова мертвеца къ Маргаритѣ, и съ жалобнымъ стономъ онъ скрылся въ туманѣ. „Останься со мной, мой милый, не покидай меня“, вскричала вѣрная Маргарита, но тутъ щеки ея поблѣднѣли, взоръ померкъ, и она упала мертвой“.

Въ послѣднее время Child²⁾ опубликовалъ содержаніе

---

¹⁾ J. Child, Op. cit. III, стр. 226; Vigfusson, Op. cit. I, стр. 417.

²⁾ Child, Op. cit. IX, 58.

и другой англійской баллады, извѣстной подъ заглавіемъ, „*The suffolk miracle*“, на основаніи которой, какъ было замѣчено выше, англійскіе критики конца прошлаго столѣтія высказывали предположеніе, будто Бюргеръ заимствовалъ сюжетъ для своей „*Леноры*“ изъ англійской поэзіи.

Содержаніе этой баллады слѣдующее:

„Какой-то юноша любитъ дочь фермера и взаимно любимъ ею, но отецъ дѣвушки противится ихъ свадьбѣ и отсылаетъ дочь къ своему брату за 40 миль. Молодой человѣкъ умираетъ отъ горя. Черезъ мѣсяцъ онъ является за дѣвушкой въ дому ея дади и такъ какъ онъ пріѣхалъ на конѣ ея отца и привезъ ей платье ея матери въ доказательство того, что онъ дѣйствительно посланъ за дѣвушкой ея родителями, то дядя охотно отпустилъ ее съ нимъ. Они помчались съ быстротою вѣтра, въ пути юноша жалуется на боль головы, дѣвушка повязываетъ ему голову своимъ платкомъ и при этомъ замѣчаетъ, что ея милый холоденъ, какъ трупъ. Въ два часа домчались они до ея родительскаго дома. Юноша идетъ, какъ онъ самъ говоритъ, поставить лошадь въ конюшню и болѣе не возвращается; дѣвушка между тѣмъ стучится въ дверь, отецъ открываетъ ей и крайне изумленъ при видѣ дочери, особенно послѣ разказа ея о ночной поѣздѣ съ юношей, который, какъ ему было извѣстно, умеръ. Отецъ дѣвушки идетъ въ конюшню и тамъ находитъ лишь взмыленную лошадь. Затѣмъ открыли могилу юноши и нашли, что голова уже полусгнившаго трупа обвязана платкомъ. Дѣвушка вскорѣ умерла послѣ этого происшествія“.

Баллада эта сама по себѣ, какъ говоритъ Чайльдъ, не заслуживала бы быть напечатанной въ его сборникѣ, но она важна тѣмъ, что въ своей запутанной и, очевидно, неполной передачѣ является отзвукомъ въ англійской народной поэзіи одной изъ наиболѣе выразительныхъ и интересныхъ балладъ, распространенныхъ на материкѣ. Родство приведенной нами англійской баллады съ соотвѣтствующими пѣснями и сказками другихъ странъ Европы подтверждается существованіемъ въ Корнвалисѣ прозаическаго разказа весьма близкаго по со-

держанію съ вариантами европейскими. Есть свидѣтельства, что разсказъ этотъ былъ весьма распространенъ въ окрестностяхъ Ливерпуля въ прошломъ столѣтіи какъ въ устной передачѣ, такъ и въ печатной формѣ. Содержаніе его таково ¹⁾:

„Много, много лѣтъ тому назадъ Франкъ, сынъ фермера, влюбился въ Нанси, прекрасную дѣвушку, бывшую въ услуженіи у его родителей. Чтобы помѣшать этой любви, родители Франка отослали дѣвушку къ ея матери, но такъ какъ молодые люди продолжали видаться и даже поцѣлывались другъ другу въ вѣчной вѣрности, то, чтобы окончательно разлучить влюбленныхъ, Франка отправили въ Индію. Онъ не могъ писать оттуда, и три года не было о немъ ни слуху, ни духу. Наканунѣ *All-Hallows-Eve* Нанси пошла съ двумя подругами сѣять *hemp-seed*. Нанси начала при этомъ обычную пѣсню:

„hemp-seed, I sow thee,
hemp-seed, grow thee!
And he who will my true-love be
Come after me
And shaw thee“ т. е.

я сѣю *hemp-seed*, ты вырасти, а тотъ, кого я люблю, придетъ, и скоситъ тебя. Когда она повторила эти слова три раза, то оглянулась и увидѣла за собой Франка, но видъ у него былъ такой гнѣвный, что она вскрикнула, и видѣніе исчезло.

Въ одну ноябрьскую ночь у береговъ разбилось судно, и Франкъ, умирающій, былъ выброшенъ на берегъ. Онъ требовалъ, чтобы его обвинчали передъ смертью съ Нанси, но желаніе его не было исполнено. Въ самый день похоронъ Франка, когда Нанси запирала на ночь дверь своего жилища, къ ней подѣхалъ всадникъ. Лицо его было покрыто смертельной блѣдностью, но Нанси тотчасъ же узнала въ немъ своего милого. Онъ сказалъ, что только что вернулся домой и поспѣшилъ за ней, чтобы увести ее и объявить своей невѣстой.

---

¹⁾ Robert Hunt, Popular Romances of the West of England. 1830, 265—72.

Нанси безъ колебанія вскочила на лошадь позади его, но когда стала держаться за Франка, рука ея сдѣлалась холодной, какъ ледъ. Лошадь мчалась съ бѣшеною быстротою и при яркомъ свѣтѣ мѣсяца дѣвушка замѣтила, что ея спутникъ былъ въ саванѣ. Она онѣмѣла отъ ужаса, однако, проѣзжая мимо кузницы, гдѣ работалъ еще кузнецъ, она сдѣлала усиліе и закричала: „спаси меня, спаси меня!“ На ея зовъ выбѣжалъ кузнецъ съ раскаленнымъ желѣзомъ въ рукѣ, ему удалось схватить дѣвушку за платье, но мертвецъ крѣпко держалъ ее и потащилъ за собой и дѣвушку, и кузнеца. Наконецъ, они достигли кладбища, конь остановился. Тутъ кузнецъ прожегъ своимъ желѣзомъ платье дѣвушки, за которое держался мертвецъ и такимъ образомъ освободилъ ее. Всадникъ же перескочилъ черезъ стѣну кладбища и скрылся въ могилѣ, гдѣ въ тотъ день похоронили Франка. На слѣдующее утро на могилѣ нашли кусокъ отъ платья Нанси, а сама она умерла еще предъ разсвѣтомъ.

Между прочимъ два товарища Франка, спасшіеся отъ кораблекрушенія, рассказывали, что въ *Halloween*, въ тотъ самый день, когда Нанси своей пѣсенкой вызвала его духъ, онъ походилъ на помѣшаннаго, послѣ страшнаго возбужденія впасть въ безпамятство и нѣсколько часовъ лежалъ, какъ мертвый. Придя въ себя, онъ сказалъ, что, если и женится когда либо на женщинѣ, вызвавшей чарами его духъ, то отомститъ ей за претерпѣнную муку“.

Только что изложенный англійскій рассказъ еще ближе, чѣмъ баллады „*The suffolk miralcle*“ и „*Sweet William's Ghost*“ подходит по своему содержанію къ тѣмъ рассказамъ о женихѣ-мертвецѣ, съ какими мы встрѣтимся въ поэзіи другихъ европейскихъ народовъ, и наряду съ этими балладами служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что мотивъ о женихѣ-мертвецѣ въ извѣстной литературной своей обработкѣ издавна вращался, какъ увидимъ, не только въ центральной Европѣ, но и на крайнихъ западныхъ и сѣверо-западныхъ ея предѣлахъ, какъ въ этомъ убѣдятъ насъ варіанты романскіе, кельтскій, исландскій и голландскій. Но прежде чѣмъ перейти къ раз-

смотрѣнію послѣднихъ, остановимся нѣсколько на вариантѣ венгерско-цыганскомъ, возбуждающемъ нѣкоторыя сомнѣнія въ силу своей особой близости къ древне-скандинавскому сказанію о Гельги.

VI. Вариантъ венгерско-цыганскій.

Среди седмиградскихъ и южно-венгерскихъ цыганъ распространена сказка, близко напоминающая древне-скандинавскую сагу о Гельги. Записана она Влислоцкимъ подъ заглавіемъ „*Der todte Geliebte*“¹⁾ и передаетъ такое содержаніе:

„Много лѣтъ тому назадъ во главѣ цыганскаго племени Чале стоялъ Кориндо, гордый какъ своимъ богатствомъ, такъ и прекрасной дочерью своей, Маріулой. Всѣмъ ея женихамъ онъ отказывалъ и, наконецъ, открыто заявилъ, что за цыгана онъ своей дочери не выдастъ. Такое рѣшеніе опечалило Маріулу и особенно юношу Ярکو, которые любили другъ друга. На слѣдующую ночь Маріула незамѣтно вышла изъ своего шатра и поспѣшила къ Ярکو, который пасъ лошадей табора у края лѣса. Старый Кориндо скоро хватился дочери и послалъ двухъ своихъ сыновей отыскивать ее. Они нашли сестру въ объятіяхъ Ярко, и когда Маріула вернулась въ свой шатеръ, они убили бѣднаго Ярко, закололи также одну лошадь и зарыли ихъ вмѣстѣ у края лѣса. Возвратившись въ шатеръ, они рассказали, будто Ярко убѣжалъ куда-то и врядъ ли когда либо вернется назадъ. Маріула горько плакала и безмѣрно тосковала; таборъ снялся и перешелъ на другое мѣсто, такъ прошло нѣкоторое время. Вотъ однажды Маріулѣ не спалось; поздно ночью вышла она изъ шатра и сѣла на берегу ручья. Она вспомнила своего Ярко и горько заплакала. Глубоко вздохнувъ, она прошептала: „о, еслибы мнѣ увидѣть его еще хоть разъ, живого или мертвого“. Вдругъ она услышала ло-

---

¹⁾ Dr. H. Wlislöcki, Volksdichtungen der siebenbürgischen u. südungarischen Zigeuner. Wien, 1890, стр. 283, № 43.

шадивый топотъ и не успѣла оглянуться, какъ предъ ней на бѣломъ конѣ предсталъ Ярко въ забрызганномъ кровью платьѣ и съ насквозь промоченными волосами. Обрадовавшись она вскакиваетъ къ нему въ сѣдло, цѣлуетъ его щеки, покрытыя инеемъ, и старается согрѣть его холодныя, какъ ледъ, руки въ своихъ рукахъ. Конь подобно вѣтру помчался въ даль, а Ярко говоритъ своей возлюбленной: *„иной, покрывающій мои волосы, это твои слезы, моя милая, которая такъ часто раскаленными углями жгли мое холодное сердце“*. Достигнувъ открытой могилы, ярко сошелъ съ коня вмѣстѣ съ своей возлюбленной и легъ съ ней на свое холодное ложе. И вотъ живая Маріула покоилась въ объятіяхъ своего мертвого возлюбленнаго, а въ ихъ ногахъ неподвижно лежалъ бѣлый конь. Когда начало свѣтать и птицы въ лѣсу защебетали, Ярко сказалъ: *„вставай, моя милая, иди къ своимъ шатрамъ; я же останусь лежать въ могилѣ, ибо твои братья пронзили мое сердце. Не плачь обо мнѣ, каждая твоя слеза падаетъ раскаленнымъ углемъ на мое сердце, а когда ты радуешься и веселишься, моя холодная могила наполняется благоуханіемъ розъ“*. Съ ужасомъ поднялась Маріула, и могила тотчасъ закрылась. Черезъ девять мѣсяцевъ Маріула родила камень; какъ вѣтеръ вылетѣлъ онъ изъ шатра, убилъ обоихъ братьевъ Маріулы и исчезъ, ее же нашли мертвой на постели“.

Въ такомъ видѣ передается содержаніе этой цыганской сказки. Какъ объяснить ея поразительное сходство съ разобранной выше сагой про Гельги? Мнѣ не представляется ничего болѣе вѣроятнаго, какъ допустить, что въ ней мы имѣемъ устную передачу древне-скандинавской переработки нашего сюжета, перешедшей затѣмъ въ центральную Европу и сохранившейся въ болѣе примитивной формѣ въ данной цыганской версіи. Эта послѣдняя сохранила свою старую редакцію, тогда какъ въ болѣе культурныхъ слояхъ европейскаго общества, ближайшимъ образомъ среди нѣмецкаго народа, находившагося въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ со скандинавскимъ сѣверомъ прежнее изложеніе разсказа было измѣнено въ направленіи, приближавшемъ къ тѣмъ сказкамъ, на

основѣ которыхъ возникла Ленора Бюргера. Въ нихъ нѣкоторыя черты старой редакціи были забыты, другіи измѣнены, а третьи — какъ намекъ на повѣзду убитого Ярво со своей невѣстой — разработаны съ особенной подробностью, опредѣляющей для насъ генетическую связь такихъ позднѣйшихъ изводовъ той же основной фабулы.

На такомъ однако своемъ предположеніи не нахожу, конечно, возможнымъ настаивать и считаю нужнымъ привести замѣчаніе почтеннаго моего рецензента г. Карловича ¹⁾, что сборникъ Влислоцкаго, откуда заимствована вышеизложенная цыганская сказка, оказывается весьма ненадежнымъ и что самая сказка могла явиться импровизаціей на старо-скандинавскій мотивъ.

VII. Варіантъ нельтскій.

Такова, какъ мы видѣли, одна группа пѣсенъ и сказокъ — варіанты шведскій, датскій, англійскіе и цыганскій — о возвращеніи мертвого жениха, вызываемаго изъ могилы горькой тоской оставшейся въ одиночествѣ невѣсты. Къ этой группѣ примыкаетъ цѣлый рядъ родственныхъ произведеній, отличающихся отъ первыхъ лишь тѣмъ, что здѣсь нѣкоторыя подробности получаютъ особое развитіе: въ нихъ видную роль играетъ обстановка, при которой мертвецъ везетъ къ себѣ свою живую невѣсту. Отзвуки такой обстановки на крайнемъ Западѣ Европы мы находимъ въ слѣдующей старой бретонской балладѣ „*Молочный братъ*“ — „*Ar breug mager*“ ²⁾:

„Юная Гвеннола во всей странѣ славилась своей красотой. Мать ея, двѣ сестры и отецъ умерли, осталась одна мачеха и молочный братъ, ушедшій въ море на своемъ кораблѣ. Юноша былъ ея единственнымъ утѣшеніемъ на землѣ: „гдѣ

¹⁾ Wisla, VII, стр. 607.

²⁾ De la Villemarqué, Barzaz-Breiz, Chants populaires de la Bretagne. Paris, 1845, I, p. 271. A. Elissen, Polygl. der europ. Poesie, стр. 61; H. Pröhle, G. A. Bürger. Lpz. 1856, стр. 83; M. Carrière, Zur Lenorensage въ Gegenwart, 1875, № 26, стр. 405.

же онъ теперь, что медлитъ своимъ возвращеніемъ?“ думаетъ дѣвушка и тщетно ищетъ своимъ взоромъ, не появится ли на морѣ корабль, ушедшій шесть лѣтъ тому назадъ. Разъ дѣвушка черпала воду изъ колодца, ночь была темна, волны мрачны, вдругъ на лошади появляется молодой рыцарь; онъ привѣтствуетъ дѣвушку, даетъ ей кольцо и говоритъ, что онъ раненъ въ битвѣ при Нантѣ, но черезъ три недѣли и три дня рана его закроется, и онъ явится за своей невѣстой. Разсмотрѣвъ дома кольцо, дѣвушка узнала въ немъ золотой перстень своего молочнаго брата. Прошли три недѣли, о рыцарѣ ничего не слышно, а между тѣмъ мачеха собирается отдать дѣвушку замужъ за конюха и черезъ три дня должна быть свадьба. Между тѣмъ распространяется вѣсть, что рыцарь, раненный при Нантѣ, умеръ и его хоронятъ въ могилѣ при бѣлой церкви. Съ похоронъ возвращается дѣвушка домой, она безутѣшна, ни одно сердце не остается безучастнымъ къ ея горю; священникъ и всѣ присутствующіе плачутъ и раздѣляютъ ея скорбь. Одна мачеха равнодушна и справляетъ свадьбу; но когда молодыхъ должны были оставить однихъ, дѣвушка бросила отъ себя вѣнчальное кольцо, разорвала свадебную вуаль, съ распущенными волосами выбѣжала изъ дома и скрылась, не извѣстно гдѣ. Въ домѣ погасли огни, всѣ уже спали, безъ сна сидѣла лишь бѣдная дѣвушка, какъ вдругъ раздался стукъ: „это я, Нола,пусти своего молочнаго брата!“ *Дѣвушка проворно вскочила на бѣлаго коня и, крѣпко обхвативъ правой рукой своего брата, быстро помчалась впередъ.* „Какъ быстро летимъ мы! уже сто миль осталось за нами; я такъ счастлива, какъ никогда мнѣ и не думалось! Далеко ли до твоей матери? Съ какой радостью явлюсь я къ ней!“ „Держись покрѣпче за меня, сестра; мы уже близки къ цѣли“. Совы съ крикомъ взлетали предъ ними въ ночной темнотѣ, и дикій звѣрь съ ужасомъ уступалъ имъ дорогу. „Какъ послушенъ твой конь, какъ сверкаетъ твое оружіе! Какъ похорошѣлъ ты самъ! А что, мы все еще не дома?“ „Держись покрѣпче за меня, сестра; мы уже близки къ цѣли“. „*Какъ холодно твое сердце, какъ влажны твои волосы! рука твоя оцѣпенѣла, не замерзаетъ-ли*

ты, братецъ?“ „Держись покрѣпче за меня, сестра, мы уже дома; слышишь радостные крики свадьбы, пѣніе и музыку?“ Онъ не успѣлъ еще кончить своей рѣчи, какъ конь остановился подъ нимъ и громко заржалъ. Они были на прелестномъ островѣ, много юношей и дѣвушекъ водили веселые хороводы, тѣнистыя деревья стояли увѣшанныя розовыми яблоками, вдали надъ горными вершинами поднималось солнце; прозрачный ручеекъ, журча, пробивался впередъ, и всѣ души наслаждались здѣсь свѣжестью жизни. Гвенолла увидѣла здѣсь свою мать и сестеръ, крики радости и пѣсни наполняли воздухъ“.

Таковъ варіантъ кельтскій, отразившій въ себѣ, повидимому, народныя представленія о загробной жизни въ духѣ древнихъ вѣрованій¹⁾; обработка сюжета носить черты литературной отдѣлки, хотя самая основа, несомнѣнно, та же самая, которую мы видѣли въ вышеприведенныхъ варіантахъ и отзвуки которой слышатся какъ въ англійской балладѣ „*The Suffolk miracle*“, такъ и въ англійскомъ прозаическомъ разсказѣ о Франко и Нанси.

Такимъ образомъ, какъ среди кельтской народности въ Бретани, такъ и въ Англій, очевидно, вращался въ народѣ разсказъ о томъ, какъ мертвый женихъ мчитъ на конѣ тосковавшую невѣсту къ своей могилѣ, но сюжетъ этотъ переработанъ здѣсь и осложненъ новыми подробностями, какъ это мы видѣли въ кельтской балладѣ. Тѣмъ не менѣе для насъ интересно наблюдать, что и въ забытомъ сюжетѣ удержалась черта, характеризующая всю группу нашихъ разсказовъ, именно та, какъ мертвецъ везетъ на конѣ свою невѣсту и они обмѣниваются вопросами и отвѣтами, чѣмъ кельтскій варіантъ сближается съ варіантами центральной Европы.

---

¹⁾ D'Arbois de Jubainville, Cours de littérature celtique. Paris, 1892; „Mag-Mell“ или кельтскій рай.

VIII. Варианты романские.

По словам Себилло ¹⁾ въ Бретани распространено въ народѣ безчисленное множество разсказовъ о возвращеніи мертвецовъ по разнымъ побудительнымъ причинамъ; народъ крѣпко вѣритъ этимъ разсказамъ, представляющимъ поразительно близкія параллели къ подобнымъ разсказамъ другихъ европейскихъ народовъ, и среди нихъ мы находимъ между прочимъ и нашъ сюжетъ въ сказкѣ „*Les deux fiancés*“ ²⁾.

„Парень съ дѣвушкой давно любили, они рѣшили пожениться и поклялись другъ другу въ вѣрности даже послѣ смерти.

Спустя немного времени молодой человѣкъ ушелъ въ плаваніе и вскорѣ умеръ, но никто не сообщилъ объ этомъ невѣстѣ. Разъ ночью мертвецъ вышелъ изъ своей могилы, взялъ въ конюшнѣ родителей своей невѣсты бѣлую кобылу, осѣдлалъ ее и отправился за дѣвушкой, жившей не подалеку оттуда на одной фермѣ. Онъ подъѣхалъ къ ея дому и постучался; дѣвушка узнала его голосъ и спросила: „Это мать моя прислала тебя?“ „Да, отвѣчалъ мертвецъ, завтра будетъ наше обрученіе“.

Дѣвушка сѣла позади его на кобылу, и они поехали. Въ время пути женихъ говоритъ ей:

„*La lune t'éclaire; la mort t'accompagne; n'as tu pas peur?*“

„Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, съ тобой мнѣ не страшно“.

Потомъ она жалуется на боль головы, и она даетъ ему свой платокъ повязать голову. Приѣхавъ домой, она постучалась, и на вопросъ, „это тамъ?“ говоритъ: „ваша дочь, меня привезъ мой женихъ, вѣдь вы посылали его за мной; онъ, вѣрно, теперь въ конюшнѣ снимаетъ узду съ нашей бѣлой кобылы“.

¹⁾ P. Sébillot, *Littérature orale de la Haute-Bretagne*. Paris, 1881, стр. 190 и сл.

²⁾ Ibid. стр. 197.

Но въ конюшнѣ жениха не было, лишь кобыла стояла взмыленная; дѣвушка догадалась, что это былъ мертвецъ и сама упала мертвой. Ее рѣшили похоронить въ одной могилѣ съ женихомъ, и когда для этого открыли его могилу, то голова его оказалась повязанной платкомъ молодой дѣвушей“.

Въ одномъ старомъ народномъ стихѣ ¹⁾, извѣстномъ въ Арденнахъ и Ионскомъ департаментѣ, встрѣчаемъ слѣдующее интересное сплетѣніе, повидимому, двухъ поэтическихъ сюжетовъ. Стихъ этотъ озаглавленъ „*Le cavalier des Ardennes*“.

„По прошествіи семи лѣтъ рыцарь возвращается на родину какъ разъ въ тотъ день, когда его невѣста должна была выйти замужъ. Онъ такъ измѣнился, что его никто не узнаетъ; его приглашаютъ за ужиномъ. При послѣднемъ кушаньи онъ проситъ подать карты и предлагаетъ взять дѣвушку тому, кто выиграетъ:

„A gagné la partie,
Chacun en frémissait,
Alors ôte son casque

Et tous l'ont reconnu.
Mais les yeux étaient creux,
Cependant flamboyaient!“

Онъ требуетъ отъ невѣсты вернуть ему кольца и брильянты, которые онъ далъ ей когда-то, и вотъ она ведетъ его въ свою комнату; они долго не возвращаются оттуда и когда пошли ихъ разыскивать, то нашли лишь одинъ холодный саванъ мертвеца“.

Отдаленный отзвукъ нашей фавулы можно усматривать въ корсиканской легендѣ, сообщенной Ортоли, подъ заглавіемъ „*Malia*“ ²⁾. Содержаніе ея таково:

---

¹⁾ Р. Tarbé, *Romancero de Champagne*, 1863—64, vol. 5. Обстановка для этого французскаго разсказа взята изъ другого, весьма распространеннаго цикла сказаній о возвращеніи мужа къ жевѣ въ тотъ моментъ, когда она должна была выйти замужъ за другого: *Pu y maigre*, *Chants populaires recueillis dans le pays messin*. Paris, 1865 стр. 20.

²⁾ Ortolì, *Contes populaires de l'île de Corse*. Paris, 1883. стр. 373.

„Какъ солнце была хороша юная Малія. Вся окрестная молодежь засматривалась на нее; но Малія пренебрегала всѣми поклонниками, такъ какъ ей клялся въ вѣчной любви сынъ владѣльца замка. Между тѣмъ отцы молодыхъ людей враждовали между собой; но какое дѣло красавицъ до отчаянія и позора отца! Однажды въ полночь Малія, стоя у окна, поджидала своего возлюбленного, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ. Вотъ онъ подъѣхалъ, наконецъ, на горячемъ конѣ; плащъ его развѣвался по вѣтру. „Малія, Малія, спускайся, поѣдемъ со мной“, говоритъ онъ. „Сейчасъ, мой дорогой, я тебя уже ждалась“, отвѣчаетъ она. „Скорѣй, скорѣй, торопись онъ, завтра ты будешь госпожей della Bocca“.

Тихо спустилась Малія; ее не остановила мысль ни объ отцѣ съ матерью, ни о братьяхъ, которые скоро погибнуть, мстя за ея позоръ. Внизу ждалъ ее всадникъ. „Вотъ и я, Маттео, говоритъ она, я вся дрожу, но сердце мое полно радостью“. „Скорѣе садись позади меня, уже близко разсвѣтъ“, отвѣчаетъ онъ. Вотъ они ѣдутъ, бѣшено мчится конь, мелькаютъ равнины, горы, села, кладбища; сатана хитеръ, онъ обманулъ красавицу. „Маттео, мнѣ холодно, мнѣ страшно“, говоритъ она; но вмѣсто отвѣта онъ все дальше и дальше мчится. Малія падаетъ бездыханной на землю, сатана схватываетъ ее за ея длинные волосы и продолжаетъ свой дикій бѣгъ. Вотъ конь погружается въ море, акулы разрываютъ трупъ красавицы, у сатаны остается одна лишь ея голова. Пламя пышетъ изъ ноздрей коня, у всадника показались рога; впередъ, впередъ, уже близко разсвѣтъ! Вотъ они переплыли море, съ трескомъ отворяются передъ ними ворота ада, и пропускаютъ коня, всадника и Малію“.

Въ этой корсиканской легендѣ всѣ звенья нашей фабулы на лицо; первая половина какъ будто бы локализована, приписана къ какому-то мѣстному событію, а вторая половина фантастична, отдаетъ церковнымъ характеромъ, приданнымъ сказанію для устрашенія и поученія неразумныхъ красавицъ. Тѣмъ не менѣе, во всемъ сказаніи нельзя не признать отдаленнаго отраженія нашей фабулы.

Такимъ образомъ, какъ въ кельтской и англійской балладахъ, такъ и во французскихъ разсказахъ, особенно въ сказкѣ изъ Бретани, мы имѣемъ несомнѣнныя черты, хотя и затемненныя, нашего сюжета о томъ, какъ метрвый женихъ увозитъ свою невѣсту, какъ въ дорогѣ они ведутъ бесѣду; при этомъ въ слабыхъ намекахъ обрисовывается содержание того *gegrain'a*, который послужитъ главнымъ признакомъ литературнаго единства всѣхъ изводовъ разбираемой фабулы. Во французскомъ разсказѣ онъ удержался еще въ видѣ вопроса: „*La lune t'éclaire; la mort t'accompagne; n'as tu pas peur*“? и это даетъ намъ право думать, что французскій вариантъ нашей фабулы стоитъ въ генетической связи съ соответствующими разсказами другихъ народовъ, гдѣ отмѣченный вопросъ получаетъ болѣе подробную разработку.

То обстоятельство, что во французскомъ разсказѣ, въ самомъ характерномъ его мѣстѣ, въ діалогѣ, ведущемся между дѣвушкой и увозящимъ ее всадникомъ, вмѣсто умершаго выводится сама смерть (*la mort*) и то, что женихъ оставляетъ лошадь въ конюшнѣ, а самъ исчезаетъ, даетъ намъ нѣкоторое право думать, что сѣверная Франція данной редакціей связывается съ Голландіей, гдѣ какъ разъ эти подробности встрѣчаются на ряду съ чертами, роднящими ближе голландскіе варианты съ нѣмецкими, представляющимися мнѣ ядромъ, отъ котораго пошли съ одной стороны западные, съ другой восточные варианты.

IX. Вариантъ исландскій.

Въ болѣе цѣльномъ видѣ разсказъ о женихѣ-мертвецѣ сохранился въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, тамъ, гдѣ жизнь течетъ медленнѣе, гдѣ старина устойчивѣе и гдѣ народное творчество не такъ сильно уступаетъ подъ напоромъ искусственной поэзіи, какъ въ странахъ передовыхъ.

Вотъ поэтому мы и находимъ нашъ разсказъ въ болѣе примитивной формѣ въ отдаленной Исландіи¹⁾.

„Молодой человѣкъ общалъ своей возлюбленной прѣхать за нею въ вечеръ наканунѣ Пасхи съ тѣмъ, чтобы сопровождать ее въ церковь въ Свѣтлой заутренѣ. Когда пришло время, онъ и пустился въ путь; въ дорогѣ ему пришлось переѣзжать черезъ сильно вздувшійся ручей, и вотъ лошадь его испугалась при видѣ мимо мчавшихся глыбъ и упала; спасая себя и своего коня, юноша былъ раненъ въ затылокъ острой ледяной глыбой и тотчасъ же умеръ. Долго ждетъ дѣвушка своего возлюбленного, наконецъ, поздно ночью является всадникъ, сажаетъ позади себя на лошадь дѣвушку и ѣдетъ съ нею къ церкви. По дорогѣ онъ обращается къ ней и говоритъ: *„Япсницъ плыветъ, мертвый ѣдетъ; развѣ ты не видишь благо пятна на моемъ затылкѣ, Гарунъ, Гарунъ“*? Дѣвушка становится страшно, но она ѣдетъ далѣе до самой церкви. Здѣсь останавливается ѣздокъ и говоритъ: *„обожди меня здѣсь, Гарунъ, пока я выведу коня, Гахі, за заборъ“*. При этихъ словахъ дѣвушка падаетъ въ безчувственномъ состояніи; къ счастью могила, у которой она стояла, находилась у самыхъ входныхъ воротъ, на которыхъ обыкновенно висятъ колокола; и вотъ дѣвушка, падая, схватилась за веревку, привязанную къ колоколу, потянула ее и зазвонила; отъ колокольнаго звона мертвецъ исчезъ, и дѣвушка, благодаря этому, спаслась“.

Такимъ образомъ, разсказъ о мертвомъ женихѣ разработанъ въ Исландіи по своему и поставленъ въ обстановку чисто мѣстныхъ условій, какъ поѣздка поздней ночью въ отдаленную церковь къ обѣднѣ, трудная переправа черезъ бурный потокъ, мчавшій ледяныя глыбы, кладбищенскія ворота

---

¹⁾ K. Maurer, Isländische Volksagen der Gegenwart. Leipzig 1860, стр. 73; Grundvig, III, 873; Arnason, Íslenzkar Thjóðsögur og Aefintýri, I, 280; Lehmann-Filhés, Isländische Volkssagen. Berlin, 1889, стр. 1291—32.

съ висящими на нихъ колоколами, имя дѣвушки Гарунъ (Гудрунъ) и только стихи, сохранившееся въ разсказѣ:

„Mánnin lidr, daudinn ríðr;
Sér þú ekki hvítan blett i hnakka mínum? Garú, Garúnn“!

т. е. мѣсяцъ скользитъ, мертвецъ ѣдетъ, развѣ ты не видишь бѣлаго пятна на моемъ затылкѣ, Гарунъ, Гарунъ? указываютъ на то, что въ основѣ этого разсказа лежитъ, быть можетъ, древняя пѣснь, забытая уже въ Исландіи, распространенная когда-то въ центральной Европѣ и удержавшаяся еще среди нѣмцевъ и словинцевъ въ уединенныхъ горныхъ долинахъ Крайны, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ пѣснь эта разложилась въ сказку. Rahbeck ¹⁾ припоминаетъ, что существовала и датская пѣснь, въ которой было троестіише, попавшее въ свое время и въ историческую трагедію Адама Öhlenschläger'a, озаглавленную „Palnatoke“ ²⁾:

„Maanen skiuner,   = „Mondlicht blinzet!
Dödmand griner,   = Todter grinzet!
Voude du ikke råd“? = Wird dir's da nicht bang“?

Х. Варіанты голландскіе.

Въ Голландіи по словамъ *Pol de Mont'a* ³⁾, разсказъ о женихѣ-мертвецѣ извѣстенъ повсюду въ разныхъ версіяхъ, изъ коихъ онъ сообщаетъ четыре. Первая изъ нихъ такого содержания:

„Какой то юноша крѣпко любилъ молодую дѣвушку. После своей смерти онъ постоянно приходилъ къ ней по ночамъ. Но разъ ночью онъ попросилъ ее пойти съ нимъ вмѣстѣ. Она пошла и по дорогѣ говорить: „Wel, wat schijnt de

¹⁾ Rahbeck, Kjempe Visebog. Копенгагенъ 1810: W. Grimm, *Altdänische Heldenlieder*..., стр. 506.

²⁾ Grimm, *Kleinere Schriften*. Berlin, 1881, I. стр. 253.

³⁾ *Volkskunde*. Tijdschrift voor Nederlandsche Folklore. Gent, 1889, II, стр. 129—135: „De sage van Lenore“.

maan toch klaar!“ „Ja! отвѣчаетъ онъ. Maar wat dragen de geesten zwaar!“ Когда они пришли на кладбище, могила раскрылась предъ ними. Онъ поставилъ дѣвушку передъ собой, толкнулъ ее въ могилу, и она скрыла ихъ обоихъ“.

Этотъ вариантъ записанъ въ окрестностяхъ Esschen'a, другой изъ Breda передаетъ почти дословно тоже самое; третій изъ мѣстностей вблизи Антверпена прибавляетъ новыя подробности:

„Одинъ юноша умеръ. Ночью прѣхалъ онъ на лошади своего отца за своею возлюбленной и быстро увезъ ее. Пробѣжавъ нѣкоторое пространство, конь перескочилъ широкій каналъ, и юноша спросилъ тогда дѣвушку: „Wat schijnt de maan klaar! Zijt gij niet vervaerd?“ На это она отвѣчаетъ: „Als gij bij mij zijt, ben ik niet vervaerd!“ Къ утру онъ привезъ дѣвушку къ ея дому, лошадь поставилъ въ конюшню, а самъ вернулся... откуда пришелъ. Но слѣды отъ коней лошади на берегу канала можно было хорошо рассмотреть.“

Четвертый вариантъ таковъ:

„Во время войнъ Наполеона I-го одинъ юноша пошелъ въ солдаты. Его возлюбленная оставалась ему вѣрной. Однажды ночью предъ окномъ ея комнаты остановился всадникъ и постучался къ ней. Дѣвушка отворила и узнала своего милаго. „Слѣдуй за мною“, сказалъ онъ; взялъ ее къ себѣ на лошадь, и они поѣхали. Потомъ дѣвушка говоритъ: „Wat schijnt de maan zoo klar!“ На это онъ отвѣчаетъ: „De geesten dragen zoo zwaar!“ Потомъ они прѣхали на кладбище и сошли съ коня; дѣвушка стало страшно... „Zijt gij bevreesd? спрашиваетъ всадникъ. „Nee“, отвѣчаетъ она, „als ik met u ben, hoef ik niets te duchten!“ Подъ ихъ ногами раскрылась земля и скрыла ихъ на вѣки“.

Приведенные голландскіе варианты передаютъ рассказъ въ сжатомъ и затемненномъ видѣ; діалогъ между дѣвушкой и ея возлюбленнымъ едва замѣчается; онъ, очевидно, забытъ здѣсь, ибо въ другихъ голландскихъ сказкахъ онъ удержался почти въ своемъ стихотворномъ складѣ.

Изъ такихъ сказокъ, сохранившихъ еще слѣды прежняго

пѣсеннаго склада, я укажу прежде всего на сказку фрисландскую, записанную Винклеромъ въ Нидерландахъ ¹⁾, значительно отклоняющуюся отъ обыкновеннаго типа такого рода разсказовъ.

Содержаніе его таково:

„Жила-была дѣвушка; она любила рыцаря, но не знала ни его имени, ни откуда онъ. Разъ вечеромъ онъ пріѣхалъ къ ней на лошади и сказалъ, что повезетъ ее въ свой прекрасный замокъ, находящійся далеко, далеко. Онъ посадилъ ее къ себѣ, и они помчались темной ночью быстрее птицы. Вдругъ рыцарь запѣлъ:

„Dat maantsje dat skînt der so helder,
Dat peertsje dat loopt der so snelder,
Soet-liefke! soet-liefke! berout it dy niet?“

Наконецъ они пріѣхали въ замокъ, тамъ справили свадьбу, и дѣвушка больше не возвратилась уже къ отцу съ матерью. *Рыцарь былъ сама смерть.*

Затѣмъ, подобный же припѣвъ находится и въ голландской сказкѣ о „*Синей бороде*“; здѣсь смерть подъ видомъ рыцаря увозитъ трехъ дочерей бѣднаго саноженника; двѣ изъ нихъ пропадаютъ безслѣдно, а третья спасается и выходитъ замужъ за графа ²⁾.

Такого рода припѣвъ оказывается характернымъ признакомъ большинства вариантовъ разбираемаго круга и служитъ несомнѣнно признакомъ общей генетической связи всѣхъ подобныхъ разсказовъ. Всѣми отмѣченными подробностями голландскіе варианты роднятся съ одной стороны съ вышеуказанными французскими, съ другой — съ нѣмецкими, къ разбору которыхъ мы теперь и переходимъ.

---

¹⁾ Korrespondenzblatt des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung, 1883, № 6, стр. 82; E. Schmidt, Charakteristiken, стр. 238.

²⁾ J. u. W. Grimm, Kinder und Hausmärchen, III, 77; Gräter, Idunna u. Hermode. 1812, стр. 60.

XI. Варианты нѣмецкіе.

Въ письмѣ¹⁾ къ Бойе отъ 19 апрѣля 1773 года Бюргеръ пишетъ: „Ich habe eine herrliche Romanzengeschichte aus einer uralten Ballade ausgestöbert. Schade nur! dass ich an den Text der Ballade selbst nicht gelangen kann“. Такое заявленіе нашло свое подтвержденіе въ свидѣтельствѣ современниковъ²⁾, какъ Бойе, Альтгофъ, Фоссъ, Крамеръ, Шлегель, Гердеръ³⁾, которые поспѣшили засвидѣтельствовать въ виду обвиненія Бюргера со стороны англійскихъ критиковъ въ плагиатѣ, что каждому изъ нихъ приходилось такъ или иначе слышать по большей части въ дѣтствѣ, то пѣсню, то сказку подобнаго содержанія съ извѣстнымъ refrain'омъ. Въ первомъ нѣмецкомъ сборникѣ, посвященномъ специально народной поэзіи и посившемъ странное названіе „*Des Knaben Wunderhorn*“, (II, 19) Ахимъ Арнимъ помѣстилъ пѣсенку изъ Оденвальда, озаглавивъ ее „*Lenore*“ въ увѣренности, что ее именно слышалъ Бюргеръ и изъ нея заимствовалъ идею для своей баллады. Во второмъ изданіи помянутаго сборника⁴⁾ пѣсенка эта озаглавлена „*Die Toten reiten schnell*“ и начинается она строфой:

„Es stehn die Stern am Himmel,
Es scheint der Mond so hell,
Die Toten reiten schnell“,—

а далѣе развиваетъ такую мысль: убитый на войнѣ женихъ является подъ окно своей невѣсты, приглашая ее сѣсть съ нимъ на лошадь и ѣхать къ нему въ домъ; домъ его за двѣсти

¹⁾ Strodtmann, Briefe von und an Bürger, письмо 73 и 79 (отъ 10 мая).

²⁾ E. Schmidt, Op. cit. стр. 219.

³⁾ Herder, Schriften, Bd. 13, стр. 357—361. (1815, Cotta); Bd. 20, стр. 377—379 (Ausg. Suphan).

⁴⁾ Des Knaben Wunderhorn, II, 19; въ изд. 1876 г. Birlinger'a и Crecelius'a, стр. 263; Mittler, Deutsche Volkslieder, 1865, стр. 426, № 543.

милъ, въ Венгріи, имъ надо спѣшить, чтобы стать туда до пѣнія пѣтуховъ; но дѣвушка отказывается, говоря:

„Allein leg du dich nieder
Herzallerliebster, schlaf
Bis an den jüngsten Tag“.

Но, повидимому, не пѣсню въ родѣ приведенной слышалъ Бюргеръ, а одинъ изъ ея вариантовъ, болѣе совпадающихъ съ тѣми многочисленными рассказами, распространенность которыхъ по всей Германіи обнаружена позднѣйшими собирателями: рассказы эти ближе по содержанію къ балладѣ Бюргера, чѣмъ пѣсенка, сообщенная Арнимомъ.

Первымъ по времени былъ сообщенъ *Вестфальскій* вариантъ ¹⁾, записанный въ окрестностяхъ Мюнстера отъ 70-лѣтней старухи, слышавшей этотъ рассказъ еще въ дѣтствѣ; сущность его такова:

„Молодой человѣкъ идетъ солдатомъ на войну и тамъ погибаетъ, а затѣмъ ночью является къ дому своей милой и осторожно стучитъ въ дверь. Она спрашиваетъ, „кто тамъ“? „Dun Lēf is dāg“, отвѣчаетъ онъ. Дѣвушка выходитъ и садится позади своего возлюбленного на лошадь, и они мчатся быстрымъ галопомъ впередъ. Мертвецъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, говоритъ:

„De Mōnd de schynt so helle,
De Doden ryet so snelle.
Fyns Lēfken, gruwelt dy ôk“?

На это она отвѣчаетъ: „Wat schol my gruweln! du būst ja by my“! Наконецъ они пріѣзжаютъ на кладбище, могилы раскрываются, лошадь и всадникъ исчезаютъ въ могилѣ, а дѣвушка остается одна въ темнотѣ ночи“.

Существованіе такого рассказа въ народѣ въ нижней Германіи засвидѣтельствовано достовѣрными очевидцами изъ

---

¹⁾ Hoffmann von Fallersleben въ *Altdeutsche Blätter*, I (1835—1836), стр. 202—204; W. Wackernagel, *Kleinere Schriften*. Leipz. 1873, II, стр. 426.

періода, предшествовавшего появленію Леноры Бюргера, такъ .
что, несомнѣнно, заявленіе Бюргера, будто идею для своей
баллады онъ позаимствовалъ изъ ниже-нѣмецкой пѣсни, слу-
чайно имъ слышанной, имѣло въ виду нѣчто въ родѣ выше-
приведеннаго разсказа, весьма вѣроятно, что и въ нижней Гер-
маніи вращалась мѣстами въ народѣ пѣсня въ родѣ той, ка-
кую мы находимъ на противоположномъ концѣ германскаго
міра, въ Крайнѣ, въ окрестностяхъ Готтше ¹⁾).

Краинскій нѣмецкій варіантъ записанъ въ Готтше, ле-
жащемъ въ трудно доступныхъ горахъ южной Краины и пред-
ставляющемъ изъ себя нѣмецкій островокъ среди сплошного
словинскаго народонаселенія.

Жители Готтше оказываются потомками Маркоманновъ
и говорятъ языкомъ, похожимъ на восточно-баварскіе говоры
съ примѣсю однако элементовъ швабскихъ и франкскихъ.
Въ мѣстности Готтше, въ деревнѣ Миттердорфѣ, изъ устъ од-
ной старой женщины и была къ большому удивленію проф.
Шрѣера, записана студентомъ Икличемъ слѣдующая пѣсня на-
шего цикла. По наведеннымъ затѣмъ Шрѣеромъ справкамъ
оказалось, что пѣсня эта распространена повсюду въ Готтше,
и я привожу ее въ переводѣ съ мѣстнаго говора на нѣмецкій
литературный языкъ.

„*Die Todtenbraut*“.

„Es waren zwei Liebe.
Der Liebe wird in's Heer geschrieben (assentiert);
in's Heer muss er marschieren.
So spricht die Liebe:
„So komm mir, Lieber, zu sagen,
sei (st du auch) lebendig oder todt:
wie es dir im Kriege wird ergehn“.

---

¹⁾ Schröer, Ein Ausflug nach Gottschee. Beitrag zur Erforschung der Gottscheewer Mundart. В Sitzungsberichte der Phil.-Histor. Classe d. K. Akademie d. Wissenschaft. Bnd. 60 (1868) стр. 165—292.

Einmal klopft an der Liebe:
„So thust du, Liebe, nicht schlafen?
oder thust du, Liebe, wachen“.
„Ich thue, Lieber, nicht schlafen,
Ich thue, Lieber, wachen“.
„Komm heraus, Liebe mein“!
Und heraus kommt die Liebe.

Er nimmt sie bei schneeweisser Hand,
er hebt sie auf sein hohes Ross;
Sie reiten dahin an Wege (weg.)
„So thust du, Liebe, dich nicht fürchten?
oder thust du, Liebe, dich fürchten“?
„Wie werde ich, Lieber, mich fürchten,
Wenn du, Lieber, bist bei mir“?

Wie „edel“ da scheint der Mond,
wie leise da reiten die Todten!
Sie reiten dahin zum Kirchlein,
jawol dahin auf den grünen Friedhof.
So da spricht der Liebe:
„Rück dich, rück dich, Marmelstein,
spalte dich, spalte dich, kohlschwarze Erde.

So verschlinge, du Erde, die Todten,
so lass die lebenden bleiden“!
Als herum ist gekommen der Morgen,
keine sprache hat sie nicht verstanden,
Keinen Menschen hat sie nicht gekaunt.
Sie ist zurück gegangen sieben ganze Jahr,
sieben ganze Jahre und drei Tage“.

Вотъ въ такомъ приблизительно видѣ должна была быть разработанной та старая пѣсня, отъ которой пошли многочисленные прозаическіе пересказы, сохраняющіе лишь стихотворный refrain. Если вышеприведенныя шведская и датская баллады близко подходят по своей разработкѣ къ скандинавской

сагъ о Гельги и Сигрунѣ, то старая нѣмецкая пѣсня лишь незначительно должна была удалиться отъ нихъ какъ по своему складу, такъ и по содержанію, удерживая ихъ основу, на которой развивался весь рассказъ, не представлявшій ничего ужаснаго или невозможнаго съ средневѣковой народной точки зрѣнія. Но я говорю, что старая пѣсня лишь приблизительно должна была соотвѣтствовать только что приведенной: въ этой послѣдней не достаетъ основного звена всѣхъ нашихъ рассказовъ, существеннаго мотива, двигающаго дѣйствіемъ какъ въ скандинавской сагѣ, такъ и въ современныхъ сказкахъ про жениха-мертвеца, — это слезъ и печали молодой дѣвушки, заставляющихъ мертваго явиться къ ней.

Такой мотивъ, популярный, какъ мы видѣли, въ средневѣковой письменности и въ народныхъ рассказахъ, не могъ быть опущенъ въ старой пѣснѣ: его мы находимъ въ скандинавской сагѣ, въ балладахъ шведской, датской, кельтской, въ рассказѣ цыганскомъ, а затѣмъ во всѣхъ сказкахъ, примыкающихъ къ этой предполагаемой пѣснѣ черезъ посредство сохранившагося стихотворнаго refrain'a.

Какъ литературная связь такой пѣсни со скандинавской поэзіей, такъ и самое содержаніе ея, воспѣвающее преданную любовь молодой дѣвушки къ ушедшему на войну возлюбленному, даютъ нѣкоторое основаніе думать, что произведеніе, послужившее переходомъ отъ редакцій сѣверныхъ къ позднѣйшимъ сказочнымъ, возникло въ средѣ нѣмецкихъ миннезенгеровъ, подъ ихъ воздѣйствіемъ отлилось въ извѣстную литературную форму, при этомъ стихотворную, и затѣмъ уже, опустившись въ чисто народную среду, въ большинствѣ случаевъ разложилось въ сказку, удержавшую лишь слѣды прежняго пѣсеннаго склада.

Дошедшая до насъ чисто народная пѣсня съ разработкой сюжета, близкой къ Ленорѣ, сохранилась, какъ видимъ, въ глухомъ уголѣ германскаго міра; очень можетъ быть, что и на сѣверѣ Германіи вращалась подобная пѣсня, или забытая уже раньше, или же вытѣсненная сравнительно недавно изъ народной памяти художественной обработкой Бюргера. Въ бо-

болѣе измѣненномъ видѣ, чѣмъ вышеприведенная краинская, пѣсня эта встрѣчается чаще и распространение ея отмѣчено въ Силезіи, Тиролѣ и южной Германіи.

Такъ, извѣстная пѣсенка изъ австрійской Силезіи¹⁾ и Тироля²⁾ „*Der todte Bräutigam*“, начинающая стихами:

„Es gieng ein Knäblein spazieren,
Spazieren beim Fenster hinab“...

является лишь отдаленнымъ отзвукомъ разбираемаго сюжета, что не трудно замѣтить изъ ея содержанія. „Дома ли ты, моя милая, спрашиваетъ юноша, открой мнѣ окно“. „Нѣтъ, я не встану и не подойду къ окну, я не знаю, кто ты“. Подойди къ окну, быть можетъ, и узнаешь меня“. Она подошла и воскликнула³⁾: „великій Боже, я не знаю, всталъ-ли ты изъ земли, или же ты сама смерть!“ „Да, я всталъ изъ земли, такъ какъ давно въ ней лежу: вчера исполнилось уже восемь лѣтъ, что я умеръ. Разбуди поскорѣ отца и мать, разбуди въ домѣ людей, разбуди поскорѣ братьевъ и сестеръ, твой женихъ стоитъ уже готовымъ“. Они украсили невѣсту рутовымъ вѣнкомъ, перевитымъ зеленымъ шелкомъ, его она будетъ носить на небѣ. Когда зазвонили въ первый разъ, она приняла св. причастіе и когда зазвонили во второй разъ, она умерла. Такъ умерли оба, обнявши другъ друга, самъ Богъ соединилъ ихъ на вѣки“.

Такова же чисто народная пѣсня изъ Kuhländchen⁴⁾.

¹⁾ Anton Peter, Volkstümliches aus Oesterreich-Schlesien. Troppau 1865, стр. 199; R. Prutz, Deutsches Museum. 1862, № 15, стр. 162; F. Mittler, Deutsche Volkslieder. 1865, стр. 427.

²⁾ Zeitschrift für Volkskunde. 1890, II, стр. 147: „*Die Verlobten*“.

³⁾ Въ тирольской пѣснѣ дѣвушка говоритъ:

„Du stinkst ja laut von Erden,
Vielleicht bis du schon tod?“

„Какъ же мнѣ не пахнуть землею, отвѣчаетъ онъ, если уже прошло восемь лѣтъ, какъ я умеръ“.

⁴⁾ F. Mittler, Deutsche Volkslieder. 1865, стр. 426, NN. 544—

„Der tolle Freier“.

1. „Du gang a Knavle sochte
Wad onß des Fawsterlai:
Nehen Lade beist du deime?
Wie na onß ð noch ai.
2. „Du wad dir wad spraeche,
Du du noer ich dich ni,
Du wad meit sem versprouche,
Du waden noer ich ni.
3. „Wad Jann du beist versprouche,
Wad Lade! dar bien ich;
Wadch mir dai schniewaiss Handle
Vortrecht derkennst du mich.
4. „Du schmeckst mir ju noch Ade,
Vermaen, du beist dar Tuod.
Sol ich ni schmecke noch Ade,
Wenn ich hor dounde gelann?
5. Weck uof dai Voter onn Mutter
Weck uof de Frannde dain!
Grun Kranzle sost du troge
Woss ai dan Hiemmel nai“.

Очевидно, такія пѣсенки не могли вызвать собою возникновение цѣлаго ряда сказочныхъ версій, но, на ряду съ этими послѣдними, сами явились лишь отдаленнымъ отголоскомъ цѣкогда популярнаго произведенія, цѣльнаго, съ развитымъ содержаніемъ, съ художественной формой, давшаго затѣмъ дальнѣйшее распространеніе нашему сюжету въ видѣ народной сказки.

45; Wunderhorn IV, стр. 73; Erk, Liederhort, NN. 24--24^b; Hoffman v. F., Findlinge I, стр. 92; v. Ditzfurth, II, N. 2; Meier, Schwäbische Volkslieder, 1855, стр. 355; Meinert, Kubländchen, стр. 3; Schleicher, стр. 112; J. M. Wagner въ Deutsches Museum, 1862, стр. 802 и сл.; A. Müller, Volkslieder aus dem Erzgebirge, 1883, стр. 95.

Вотъ почему по большей части сюжетъ о женихѣ-мертвецѣ встрѣчается въ формѣ сказки, такъ какъ въ такомъ видѣ ему легче было переходить отъ народа къ народу, стоило лишь запомнить ходъ дѣйствія, и передача его готова, при чемъ лишь нѣкоторыми чертами напоминалось о прежней художественной обработкѣ содержанія.

Изъ такихъ сказокъ, сохранившихъ еще слѣды прежняго пѣсеннаго склада, кромѣ приведеннаго выше варіанта вестфальскаго, я укажу еще на сказку, записанную въ нижней Германіи подъ заглавіемъ „*De Doet de ritt so snell*“¹⁾. Этотъ *Шлезвиг-Гольштинскій* варіантъ развивается въ такомъ порядкѣ:

„Жила-была веселая молодая дѣвушка по имени Гретхенъ; у нея былъ женихъ Гансъ, и они крѣпко любили другъ друга. Но вотъ Гансъ заболѣлъ и умеръ, и его снесли на кладбище. Гретхенъ никакъ не могла утѣшиться, цѣлый длинный день она горевала, а когда наступилъ вечеръ, пошла и сѣла на могилу и проплакала всю ночь. Наконецъ, на третью ночь, когда она снова тамъ сидѣла, къ ней подѣхалъ всадникъ и спросилъ ее: „хочешь-ли ты со мною ѣхать?“ Гретхенъ подняла глаза и тотчасъ же узнала, что это былъ ея Гансъ. „Да, отвѣтила она, я поѣду съ тобою, куда ты хочешь“; при этомъ она сѣла къ нему на лошадь, и они помчались въ даль. Когда они отѣхали уже довольно далеко, Гансъ говоритъ:

De Maen de schynt so hell,
De Doet de ritt so snell:
Myn Greetjen, gruet dy ni’?”

„Нѣтъ, Гансъ; чего же мнѣ бояться? вѣдь я съ тобою“. Они помчались впередъ быстрѣе прежняго, Гретхенъ крѣпко держалась за своего спутника. Когда мертвый по прежнему

---

¹⁾ K. Müllenhoff, Sagen, Märchen u. Lieder der Herzogthümer Schleswig-Holstein u. Lauenburg. Kiel, 1845, стр. 134. Тотъ же рассказъ помѣщенъ въ книгѣ Leopold's Van de Schelde tot de Weichsel: Pol de Mont, Op. cit. стр. 131.

спросилъ ее, „не страшно-ли ей“, ей стало жутко, а въ третій разъ она отъ страху ничего не могла сказать. Въ этотъ моментъ конь вихремъ закружился на мѣстѣ, и все исчезло“. Разсказъ этотъ, очевидно, испорченъ, въ немъ не видно, отбуда появляется на конѣ умершій Гансъ, и куда онъ мчитъ свою возлюбленную, которая плакала на его могилѣ.

Еще запутаннѣе, чѣмъ въ вышеприведенномъ гольштинскомъ вариантѣ, передается ходъ дѣйствія въ разсказѣ, записанномъ въ Мекленбургѣ¹⁾, гдѣ извѣстные слова приписываются лошади. Разсказъ этотъ сообщенъ Барчемъ подъ заглавіемъ: „*Gespensstiges Pferd bei Penzlin*“.

Этотъ *Мекленбургскій* вариантъ такого содержанія:

„У одного парня въ Пенцлинѣ была невѣста въ сосѣдней деревнѣ; идя къ ней, ему приходилось проходить черезъ выгонъ, гдѣ паслись лошади. Однажды вечеромъ, проходя обычной дорогой, онъ увидѣлъ передъ собой вороного коня; не долго думая, вскочилъ онъ на него, желая скорѣе попасть къ невѣстѣ. Конь тоже не терялъ времени, и они повнеслись быстрѣе вѣтра. Вдругъ конь говорить:

„Der Mond der scheint so hell,
Die Todten reiten schnell
Mein Liebchen graut dir auch“.

Испуганный всадникъ осматривается и видитъ, что его конь отдѣлился отъ земли, и они несутся по воздуху. „Ну, подумалъ онъ, „лучше упасть, рискуя сломать шею, чѣмъ ѣхать такимъ образомъ“, соскочилъ съ лошади и благополучно продолжалъ свой путь пѣшкомъ. Лошади этой больше не видали“.

Вариантъ изъ средней Германіи, именно *Гессенскій* сообщенъ Бёккелемъ²⁾; содержаніе его таково: „Жили-были

¹⁾ K. Bartsch, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg. 1879, стр. 142.

²⁾ Otto Böckel, Zur Lenorensage. Germania, XXXI (1886), стр. 117.

двое влюбленных; скоро пришлось парню идти на войну, гдѣ онъ былъ убитъ. Не получая извѣстій о своемъ миломъ, дѣвушка была безутѣшна и оплакивала его и день, и ночь, говоря: „если онъ не живъ, то пусть духъ его явится мнѣ“. Вотъ однажды вечеромъ, передъ полночью, мертвецъ подѣхалъ верхомъ къ ея окну и постучалъ со словами: „выходи и садись ко мнѣ на коня“. Она повиновалась, и они поѣхали. Спустия немного, онъ говоритъ ей:

„Mein Haus hat zwei Blättchen
Und sechs Bretter:
Ei was scheint der Mond so hell
Und was reiten die Todten so schnell.
Fein's Liebchen, fürchtest du dich nicht?“
„Ei was soll ich mich denn fürchten,
Iu bist ja bei mir!“

Этотъ вопросъ мертвецъ повторяетъ неоднократно, и каждый разъ дѣвушка отвѣчаетъ ему тѣми же словами. Такъ доѣхали они до его могилы, гдѣ онъ исчезъ, а дѣвушка всю ночь просидѣла на кладбищѣ. Утромъ она пошла въ городъ и узнала, что находится на разстояніи нѣсколькихъ сотъ часовъ пути отъ своего жилища, и принуждена была сдѣлать пѣшкомъ весь далекій обратный путь“.

Такимъ образомъ, мы сдѣлали полный обзоръ сѣверно и западно-европейскихъ и центральныхъ нѣмецкихъ сказаній о женихѣ-мертвецѣ. Если изъ представленныхъ этими вариантами данныхъ реконструировать ту старо-нѣмецкую пѣсню, которая стоитъ съ одной стороны между скандинавской сагой съ ея отраженіями въ балладахъ шведской, датской, англійской и въ сказкѣ цыганской, а съ другой между указанными позднѣйшими пересказами этой пѣсни, отъ которой остался лишь стихотворный діалогъ, то содержаніе ея приблизительно должно было ограничиваться лишь слѣдующими моментами: *дѣвушка, проводивъ своего возлюбленного на войну, не можетъ дожидаться его; она не знаетъ, живъ онъ, или умеръ; она тоскуетъ и плачетъ. Онъ принуждаетъ къ ней на конѣ и увозитъ ее; въ пути они трижды обмѣниваются извѣстными вопросами*

и отъѣхалъ; наконецъ, они прѣзжаютъ на кладбище, конь и всадникъ исчезаютъ; дѣвушка возвращается домой, но тоже вскорѣ умираетъ.

Въ такомъ видѣ представляется мнѣ старо-нѣмецкая пѣсня, какъ родоначальница прозаическихъ изводовъ нашей фабулы; въ такой пѣснѣ не было тѣхъ ужасовъ, какіе накаплиются въ сказкахъ, къ которымъ мы перейдемъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ какъ разсмотрѣнные уже варианты, такъ и пѣсни, словинская, лужицко-сербская и галицко-русская, съ которыми намъ придется встрѣтиться ниже. Очевидно, только въ сказкахъ, и то удаленныхъ отъ центра возникновенія первоначальной пѣсни, сформировался конецъ повѣствованія, внесенный съ тою мыслью, чтобы въ слушателяхъ поддерживать интересъ, накопляя ужасъ за ужасомъ. Такой конецъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, нечего было и сочинять, онъ существовалъ въ видѣ самостоятельной сказки о томъ, какъ мертвецы преслѣдуютъ живыхъ людей, и рассказнику оставалось лишь притануть его къ фабулѣ о женихѣ-мертвецѣ.

Такъ какъ осложненные такой прибавкой рассказы нашего круга особенно распространены между славянскими народами Австріи, Германіи, а затѣмъ и въ Россіи, гдѣ къ тому же конецъ рассказа извѣстенъ подъ видомъ самостоятельныхъ сказокъ, то можно думать, что такое осложненіе произошло гдѣ-либо среди юго-западныхъ, или вообще западныхъ славянъ, постоянно находившихся въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами.

Займствовавъ отъ нихъ первоначальный рассказъ, славяне осложнили его прибавленіемъ страшнаго конца, и въ такомъ видѣ онъ пошелъ отъ народа къ народу, распространяясь главнымъ образомъ къ востоку. Ближайшее опредѣленіе мѣста, гдѣ возникъ этотъ осложненный рассказъ, не представляется, конечно, возможнымъ.

XII. Варіанти юго-западнихъ славянъ.

Среди славянскихъ народовъ сюжетъ о женихѣ-мертвецѣ нашелъ широкое распространеніе, такъ что поэтическую обработку его съ легкими измѣненіями можно встрѣтить въ поэзіи почти каждаго славянскаго племени.

Такъ, на крайнемъ юго-западѣ славянскихъ поселеній, среди словинцевъ, рассказъ нашъ пользуется значительною популярностью, при чемъ разработка его носитъ черты, свойственныя всѣмъ вообще славянскимъ версіямъ, встрѣчающіяся и въ нѣмецко-австрійскихъ вариантахъ, но отсутствующія въ рассказахъ средней и сѣверной Германіи.

Прежде, повидимому, сюжетъ о женихѣ-мертвецѣ былъ шире распространенъ среди словинцевъ и разработанъ былъ въ видѣ пѣсни. Такой выводъ можно сдѣлать изъ заявленія Rogatschnigg'a, одного изъ прежнихъ собирателей словинскихъ народныхъ пѣсень, который говоритъ, что еще въ 1844 году въ Коринтіи въ Škofice вблизи Vrba въ народѣ пѣлась пѣсня о женихѣ-мертвецѣ на словинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ ¹⁾.

Нѣсколько позднѣе на ту же тему записана пѣсня *словинскан*, которую слышалъ въ Крайнѣ Вальявецъ, сообщающій ее ²⁾:

„Дѣвушка составляетъ букетъ изъ розъ, розмариновъ и фіалокъ, свиваетъ его черной ниткой и поливаетъ слезами, вспоминая объ отсутствующемъ своемъ другѣ, Анзелѣ: живъ ли, мертвъ ли, пусть бы пришелъ взять этотъ букетъ. Около полуночи стучитъ Анзелъ въ окошечко: „мертвъ ли, живъ ли, я прихожу за моимъ букетомъ“. Дѣвушка открываетъ окно, об-

---

¹⁾ I Scheinigg, O národních pesních koruških Slovencev. Kres, 1885, V, стр. 33.

²⁾ M. L. Valjavec, Narodne pripovjedke skupio u i oko Varaždina, 1858, стр. IV (Predgowor). Таже пѣсня въ трехъ вариантахъ напечатана въ сборникѣ, изданномъ Матицей словинской: K. Štrekilj, Slovenske narodne pesmi. Ljubljana, 1895, 108, № 61—63.

нимасть своего милаго и, наскоро собравшись, садится еъ нему на лошадь, и они ѣдутъ. И вотъ, когда они были уже далеко, онъ спрашиваетъ дѣвушку среди широкаго поля: „мѣсяцъ свѣтитъ, мертвецъ ѣдетъ, не страшно ли тебѣ?“

Poglej poglej, deklesce ti,
In pa povej, al strah te ni:
Luna in zvezde svetijo,
Mrliči hitro jezdijo.
Kaj bo me strah, kak bo me strah?
Sej s'ti pri méa', moj Anzelj mlad,
Al pusti v miru mrtve spať...

Еще два раза спрашиваетъ Анзель свою спутницу, не страшно ли ей? Наконецъ, они достигаютъ кладбища, могила вскрывается, и Анзель ложится въ нее. Дѣвушка падаетъ на черную могилу и тутъ испускаетъ духъ“.

Въ этой словинской нѣснѣ слово въ слово передается содержаніе разсмотрѣнныхъ нами нѣмецкихъ варіантовъ; по то же самое содержаніе, передаваемое въ сказкахъ, осложняется бѣльшими подробностями, совершающимися на кладбищѣ. Подобныхъ сказокъ на словинскомъ языкѣ записано нѣсколько.

Содержаніе двухъ такихъ *словинскихъ сказокъ*, напечатанныхъ въ подлинникѣ въ словинскомъ журналѣ „Ljublanski Zvon“ и записанныхъ въ Горицкомъ графствѣ и въ Крайнѣ (1882, II, стр. 402 — 403; 609 — 610) передаетъ Крекъ¹⁾. По содержанію онѣ таковы:

Горицкій вариантъ. „Одному парню пришлось идти на войну; у него осталась невѣста, которой онъ общалъ вернута живымъ или мертвымъ, и она клялась не выходить замужъ до его возвращенія. Давно уже кончилась война, а его все нѣтъ; горюетъ и плачетъ дѣвушка по своему миомъ. Вотъ однажды ночью зазвенѣлъ у воротъ колокольчикъ, дѣ-

¹⁾ В. Krek, Ein Beitrag zur Literatur des Lenorenstoffes. Archiv f. Slav. Philol. 1887. X, 356—359; перепеч. изъ Südsteirischer Post, 1886, № 93.

вушка побѣжала открыть ворота,—передъ ней верхомъ на конѣ стоялъ ея милый. Онъ торопитъ ее собраться и ѣхать съ нимъ, такъ какъ еще сегодня ночью будетъ ихъ свадьба. Быстро собралась дѣвушка, онъ подхватилъ ее на коня, и они помчались съ неимоверною быстротой.

Во время пути онъ нѣсколько разъ спрашиваетъ ее: „смотри, какъ ясно свѣтитъ мѣсяцъ, какъ быстро ѣдутъ мертвецы, не страшно ли тебѣ“.

„Glej, kako lepo mesec sveti
In kako hitro mrtvi jašego!
Ali te ni nič strah“?

Она каждый разъ отвѣчаетъ, что съ нимъ ей не страшно, но не надо тревожить мертвыхъ. Наконецъ, они пріѣзжаютъ на кладбище, гдѣ могила жениха; онъ соскакиваетъ съ коня и тащитъ за собой въ могилу дѣвушку за передникъ. Она вырывается изъ его рукъ и спасается въ часовнѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, и тотъ защищаетъ ее отъ мертваго жениха, который прокричалъ ей на прощанье: если ты хочешь вернуться домой, то выходи на дорогу и смотри на звѣзды—

„Na cesto pej, na zvezde glej“.

Долго, долго шла она домой, и когда добралась, наконецъ, то все тамъ уже перемѣнилось, и никто ее не узналъ. Она пошла къ пастору, и онъ сказалъ ей, что много лѣтъ тому назадъ ночью исчезла дѣвушка изъ родительскаго дома“.

Краинскій вариантъ. „Крѣпко любили другъ друга парень съ дѣвушкой, и тяжела пришла къ нимъ разлука, какъ взяли его на войну. Прощаясь, онъ поклялся ей навѣстить ее ровно черезъ годъ, будь онъ живъ или мертвъ; назначили они и мѣсто для свиданія. Милый палъ въ битвѣ; прошелъ годъ, дѣвушка ждетъ его до самой ночи, но напрасно, тогда она связываетъ свои вещи въ узелокъ и идетъ на условленное мѣсто. Около полуночи появился ея милый верхомъ на бѣломъ конѣ. Онъ сажаетъ ее къ себѣ, и начинается бѣшеная свачка черезъ девять земель. Когда они уже были далеко, онъ спра-

шиваетъ ее, не страшно ли ей, но она отвѣчаетъ, что съ нимъ ей нечего бояться. Наконецъ, они на кладбищѣ, передъ открытой могилой; „вотъ мой домъ“, говоритъ онъ, „спускайся въ него“, но она бросила въ могилу свой узелокъ, а сама убѣжала и спряталась въ домики пономаря. Тамъ лежалъ покойникъ. Немного спустя мертвый женихъ стучитъ въ окошко и говоритъ: „Мертвый, подай мнѣ живую“. Три раза стучался онъ, наконецъ, покойникъ проговорилъ: „Оставь меня въ покоѣ“. Но тотъ не оставлялъ, тогда покойникъ всталъ, и мертвецы начали драться; въ это время запѣлъ пѣтухъ, покойникъ вернулся на свое ложе, а мертвый женихъ спрятался въ свою могилу. На утро пришли люди и нашли дѣвушку подъ печкой; она не понимала мѣстнаго языка, не знала также дороги домой и потому осталась въ услуженіи у пономаря и прожила тамъ 7 лѣтъ. Однажды рвала она траву на кладбищѣ и увидала на могилѣ своего жениха куриное яйцо; она хочетъ взять его, и вдругъ въ ея пальцу пристала кость и не отстаетъ. Она рассказала о случившемся пастору, и онъ пошелъ съ ней на могилу помолиться. Во время молитвы кость проговорила: „Я не отстану, пока вы не отошлете дѣвушку домой, за девять земель, откуда я ее сюда привезъ, до тѣхъ поръ я самъ не могу успокоиться“. Пасторъ отослалъ дѣвушку домой, и кость отвалилась. Дома всѣ спрашивали дѣвушку, гдѣ она пропала цѣлыхъ семь лѣтъ, но она мало отвѣчала и скоро умерла“.

На кайковскомъ говорѣ въ окрестностяхъ Вараждина записана сказка: „*Cura jaše z mrtvecom* ¹⁾“, напоминающая собою словацкій и нѣмецкій варианты изъ Венгріи.

„Одинъ юноша, идя въ солдаты, оставлялъ свою милую и говорилъ ей: „не выходи замужъ, пока я не вернусь изъ войска“. Получивъ обѣщаніе отъ дѣвушки, онъ ушелъ и назадъ не возвратился. Многіе сватались къ дѣвушкѣ, но она всѣмъ отказывала, поджидая милаго. Какая то старая

¹⁾ M. Valjavec, Op. c., стр. 239.

женщина указала дѣвушкѣ средство, какъ вызвать отсутствующаго. — „Иди на кладбище, сказала она, возьми мертвую голову и вари ее въ котлѣ; когда она будетъ кипѣть, то онъ придетъ“. Дѣвушка такъ и сдѣлала, и дѣйствительно мертвый ея женихъ явился на ворономъ конѣ и сказалъ: „иди со мною“! Она успѣла захватить съ собою только передникъ. И вотъ, когда они ѣхали, мѣсяцъ ярко свѣтилъ, а онъ спрашиваетъ: „*lepo mesec sveti, mrtev konja jaše, jeli te ka strach*“? Когда онъ повторилъ свой вопросъ въ третій разъ, она тутъ только догадалась, что ѣдетъ съ мертвецомъ. Приѣхавъ къ могилѣ, онъ вскочилъ въ нее и схватилъ дѣвушку за передникъ, думая и ее втянуть туда. Отъ страху дѣвушка бросилась бѣжать и скрылась въ избѣ, стоявшей на кладбищѣ. Въ избѣ лежалъ другой мертвецъ, еще не погребенный; мертвый женихъ вышелъ снова изъ могилы и началъ звать дѣвушку, но другой мертвецъ, лежавшій въ избѣ, приговорилъ: „мертвецъ, оставь живыхъ въ покоѣ“! „Счастье твое, сказалъ мертвый женихъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, что этотъ вступился за тебя, иначе съ тобою было бы тоже, что съ твоимъ передникомъ (онъ былъ въ клочки разорванъ). Послѣ этого дѣвушка цѣлыхъ семь лѣтъ шла домой, и никто не хотѣлъ потомъ на ней жениться“.

Отъ западныхъ окраинъ славянства, идя къ востоку, находимъ варианты, общіе сперва словинцамъ съ хорватами, а потомъ и чисто хорватскіе.

Хорватско-словинская сказка, „*Mrtvi muž i žena*“ ¹⁾ передаетъ слѣдующее: „Умеръ одинъ человекъ, и его похоронили, но не прошло еще недѣли послѣ его смерти, какъ онъ пришелъ домой. Какъ только онъ взошелъ, началъ свѣтить мѣсяцъ, а раньше было темно. Онъ говоритъ своей женѣ; „вотъ видишь, я приѣхалъ за тобой верхомъ на конѣ, я не умиралъ, какъ ты думала. Возьми съ собой твою собачку, собери свои

---

¹⁾ Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke u Vrbovcu sakupio R. F. Plohl Herdvgov. U Varaždinu 1868, стр. 127.

вещи и отправимся въ путь. Они пошли рядомъ съ лошадей, и вотъ мужъ спрашиваетъ жену: „слушай, жена, боишься ли ты смерти“. Она отвѣчаетъ: „я не боюсь, вѣдь свѣтитъ мѣсяцъ“. Они идутъ дальше. Мужъ повторяетъ свой вопросъ, жена отвѣчаетъ тѣми же словами. Они приходятъ къ его могилѣ, и онъ приказываетъ ей бросить туда сперва собачку и вещи, а потомъ спуститься самой. Но она говоритъ: „нѣтъ, пользай прежде ты, а я послѣдую за тобой“. Онъ легъ въ могилу, и она закрылась, жена же спаслась бѣгствомъ. Впослѣдствіи она вышла замужъ за вдовца, но ея первый мужъ продолжалъ по временамъ появляться“.

Окончаніе этой сказки запутано, и вообще весь рассказъ крайне затемненъ и скомканъ; всетаки онъ представляетъ основныя черты нашего сюжета, хотя въ немъ въ видѣ исключенія рѣчь идетъ о мужѣ и женѣ вмѣсто жениха и невесты.

Другая хорватско-словинская сказка „*Čura z mrtvecom ide*“¹⁾ такова: „Одна дѣвушка была помолвлена съ парнемъ, но онъ умеръ, невеста же все сѣтовала, отчего онъ такъ долго не является. Однажды вечеромъ она мыла въ кухнѣ посуду, вдругъ онъ подкатилъ въ каретѣ на четверкѣ лошадей. Она очень обрадовалась, мать связала ея вещи, она сѣла въ карету, и они помчались. Вотъ проѣзжаютъ мимо кладбища, онъ спрашиваетъ ее: „не страшно ли тебѣ, душа моя? Мѣсяцъ свѣтитъ, звѣзды мерцаютъ“. Она отвѣчаетъ: „чего же мнѣ бояться съ тобой“? Тоже самое повторяется еще у трехъ кладбищъ. Наконецъ, они пріѣзжаютъ на пятое кладбище, гдѣ открывается его могила. Тутъ она узнала, что онъ мертвецъ, бросилу въ могилу свой узелъ и убѣжала, парень же разорвалъ узелъ и погнался за ней. Она вбѣжала въ хижину, гдѣ лежалъ покойникъ, и спряталась на печи. Парень закричалъ покойнику: „мертвый, разорви ее“, но тутъ запѣлъ пѣтухъ, и парень исчезъ. Утромъ женщины пришли въ хи-

¹⁾ Plohl Herdovigov, Op. cit., стр. 129.

живу, напли тамъ дѣвушку безъ чувствъ, оттерли ее водой, и она рассказала имъ все происшествіе“.

Хорватская сказка ¹⁾ „*Kako je cura dozvala svoga mrtvega dragega*“ рассказываетъ слѣдующее: „Служили разъ парень съ дѣвушкой у одного господина и полюбили они другъ друга. Но скоро юношѣ пришлось идти на войну, и долго не было о немъ ни слуху, ни духу. Горько оплакивала его дѣвушка, и хотѣлось ей хотя бы узнать, живъ онъ или мертвъ. Однажды пошла она къ священнику за совѣтомъ, и тотъ сказалъ ей: „если ты думаешь, что твой милый умеръ, то пойдѣ на кладбище, собери тамъ человѣческихъ костей и поставь ихъ варить въ полночь; когда онѣ закипятъ, то приѣвай: „елокочите кости, явись мой возлюбленный“. Такъ она и сдѣлала. Какъ только произнесла заклинаніе, подскакалъ ея возлюбленный верхомъ на бѣломъ конѣ и говорить: „вотъ и я, собирайся скорѣй со мной въ дорогу“. Она хочетъ прежде собрать кое-какое платье, но онъ торопитъ ее ѣхать, и они помчались быстрѣ вихря.

Между тѣмъ юноша грустно поетъ: „*Misec sviti ko ro danu, mrtvi jašu polaganu! Ieli tebe, dušo, kaj strah*“? т. е.: мѣсяцъ свѣтитъ, свѣтло какъ днемъ, тихо ѣдутъ мертвецы! Не страшно ли тебѣ, душа моя“? Она отвѣчаетъ ему съ печалью: „чего же мнѣ бояться, когда я съ тобой, но за чѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь“? „Такъ, мнѣ что то показалось“, отвѣчаетъ онъ, но спустя немного поетъ тѣже слова: „*Misec sviti* и т. д.“. Она въ ужасѣ допрашиваетъ его, что означаютъ его слова и скоро ли они наконецъ доѣдутъ. „Теперь уже близко, смотри, вонъ тамъ видна бѣлая цѣрковь, за этой цѣрковью стоитъ мой домъ“. Дѣвушка обмерла отъ страха при видѣ церкви, вокругъ которой теперь уже ясно были видны могильные кресты; вотъ они посреди кладбища, и передъ ними раскрылась могила. Онъ спрыгнулъ съ коня,

---

¹⁾ R. Strohal, Hrvatskih narodnih pripoviedaka knjiga I. Narodne pripoviedke iz sela Stativa. Na Rieci 1886, стр. 114.

и обнажились его мертвые кости. Онъ понуждаетъ дѣвушку спуститься въ могилу, но она пускается въ бѣгство и спасается въ хижину, гдѣ лежитъ мертвый старикъ. Солдатъ гонится за ней и кричитъ мертвецу: „мертвецъ, отдай мертвому живую“. Уже старикъ началъ подниматься, чтобъ исполнить требованіе солдата, какъ вдругъ старая жена покойника схватила вѣнникъ и ударила имъ старика по головѣ приговаривая: „лежи тамъ, гдѣ тебя положили“. Когда женихъ дѣвушки увидалъ, что ему ее не достать, то онъ крикнулъ ей: „смотри, другой разъ не тревожь меня и не домогайся видѣть меня мертвымъ“, и затѣмъ удалился. Девять лѣтъ употребила дѣвушка на обратный путь къ себѣ домой; добравшись туда наконецъ, она заболѣла и умерла; ее похоронили рядомъ съ могилой ея милаго“.

Другая хорватская сказка ¹⁾ развиваетъ такое же содержаніе, какъ и первая, съ той только разницею, что мертвецъ, лежащій въ хижинѣ, куда спаслась дѣвушка, выдаетъ ее по требованію ея возлюбленнаго, и тотъ разрываетъ ее на части.

Сербскій вариантъ извѣстенъ намъ изъ Босніи, изъ мѣстностей, расположенныхъ по рѣкѣ Дринѣ, откуда онъ сообщается Краусомъ ²⁾.

„Одинъ юноша любилъ дѣвицу, и оба порѣшили пожениться между собою, какъ вдругъ онъ умеръ и сдѣлался оборотнемъ (povukodlači se). Разъ ночью онъ пришелъ къ дѣвушкѣ и сказалъ ей: „пойдемъ со мною, я хочу ожениться съ тобой“. Дѣвушка пошла за нимъ, онъ посадилъ ее на коня, самъ сѣлъ позади, и скоро они очутились въ горахъ. Онъ началъ пѣть: „*Mjesečina zja, mrtvac konja jaha, jo djevojko, je li tebe strah*“? Такъ они доѣхали до могилы. Мертвецъ слѣзъ съ коня и говоритъ: „иди со мною“. Дѣвушка посылаетъ его впередъ и даетъ ему нитку отъ клубка; онъ тянулъ ее,

¹⁾ Ibid. стр. 115.

²⁾ Fr. Krauss, Powrót umarłych na świat. Wisła, 1890, IV, стр. 667.

танулъ до самой зори, и дѣвушка осталась живой“. — Разсказъ этотъ, по словамъ Крауса, извѣстенъ у всѣхъ южныхъ славянъ, но мнѣ лично не извѣстны другіе ея варианты, ни сербскіе, ни болгарскіе; вмѣсто того здѣсь распространена пѣсня о *братъ-мертвецѣ*, вызываемомъ изъ могилы чарами сестры, или проклятіемъ матери.

Такимъ образомъ, сюжетъ о *женихъ-мертвецѣ* встрѣчается съ другимъ сюжетомъ о *братъ-мертвецѣ* на почвѣ южно-славянской; но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію послѣдняго пойдѣмъ за первымъ въ слѣдъ за его распространеніемъ къ сѣверо-востоку.

XIII. Варианты австрійско-нѣмецкіе.

Въ самой тѣсной связи съ вышензложенными вариантами юго-западныхъ славянъ стоятъ *Нижне-австрійскіе* варианты, собранные Верналекеномъ ¹⁾ въ количествѣ трехъ, незначительно разнящіеся между собою. Для характеристики ихъ достаточно привести одинъ; онъ передаетъ такое содержаніе: „У одной дѣвушки убили на войнѣ ея возлюбленнаго, и она неутихно плакала по немъ. Вотъ однажды ночью подѣхалъ къ ея окну всадникъ на бѣлоснѣжномъ конѣ. Это былъ ея женихъ, онъ постучалъ въ окно и говоритъ: „Анамирль, вставай и иди ко мнѣ“. Она тотчасъ же встала, вышла къ нему и сѣла на коня. Они мчатся, ярко свѣтитъ мѣсяцъ, вдругъ всадникъ говоритъ:

„Wie scheint der Mond so hell,
Wie reiten die Todten so schnell;
Anamirl fürchest dich nit“?

Она отвѣчаетъ:

„Was soll ich mich denn fürchten,
Bist du ja bei mir“.

Этотъ вопросъ повторяется три раза съ тѣмъ же отвѣ-

---

¹⁾ Th. Vernalecken, Op. cit. стр. 75 и сл.

томъ. Въ это время они проѣзжаютъ мимо дома школьнаго учителя, уже близко владбище. Внезапный ужасъ охватилъ дѣвушку, она соскочила и спряталась въ сарай, зная, что она въ безопасности подъ крышей. Мертвецъ закричалъ ей: „это твое счастье, что ты прыгнула съ коня и спряталась въ жильѣ, иначе я бы растерзалъ тебя на тысячу кусковъ. Берегись въ другой разъ нарушать покой мертвецовъ; уже я близокъ былъ къ полному успокоенію, а ты своими слезами заставила меня вернуться такъ далеко назадъ“.

Верхне-австрійскіе варианты собраны Баумгартеномъ ¹⁾ среди нѣмецкаго населенія, но въ нихъ нельзя не видѣть, какъ это думаетъ и Эрихъ Шмидтъ ²⁾, славянскихъ рассказовъ, уже намъ извѣстныхъ и здѣсь лишь нѣсколько сокращенныхъ. Варианты эти таковы:

(Изъ *Hausrückviertel*). „Двое влюбленныхъ поклялись другъ другу въ вѣчной вѣрности, но юноша скоро долженъ былъ идти на войну и палъ въ битвѣ. Долго, долго ничего не знала о его судьбѣ молодая дѣвушка и наконецъ ее стали убѣждать выйти замужъ за другого. Она отказывалась, вѣря, что первый вернется къ ней хотя бы мертвымъ. Мертвецъ дѣйствительно является въ глухую ночную пору и зоветъ ее на своего коня, и они мчатся съ быстротою вихря. Онъ говорить:

„O, wie scheint der Mond so hell,
Gelt, wie reiten die Todten so schnell,
Fürchtest du dir?“

Она отвѣчаетъ:

„Warum sollt ich fürchten mir?
Ich hab doch meinen Schatz bei mir“.

---

¹⁾ Amand Baumgarten, Aus der volksmässigen Ueberlieferung der Heimat. IX: Geburt, Heirat, Tod, mit einem Anhang. Linz. Museum, Jahresbericht 29, 1—159; E. Schmidt, Op. cit., стр. 241.

²⁾ E. Schmidt, Op. cit., стр. 228.

Отъ страшно быстрой ѣзды у ней захватываетъ духъ, и наконецъ она падаетъ съ лошади. Это случилось передъ однимъ домомъ, гдѣ лежалъ покойникъ, но дѣвушка не знала этого; охваченная внезапнымъ ужасомъ, вбѣжала она въ домъ и спряталась подъ ту самую скамейку, на которой лежалъ мертвецъ. Тогда всадникъ закричалъ въ окно:

„Todter, steh auf
Und gieb mir das Moodl heraus“.

Уже мертвецъ началъ подниматься, но въ эту минуту запылъ пѣтухъ, и дѣвушка была спасена. Она употребила цѣлыхъ два года на возвратный путь къ себѣ домой“.

(Изъ *Innviertel*). „Одинъ солдатъ палъ въ битвѣ. Его невѣста безутѣшно горюетъ по немъ. Ея слезы лишаютъ его покоя въ могилѣ, и вотъ однажды онъ подѣзжаетъ къ ея окошку верхомъ на оленѣ и зоветъ ее съ собой. Она соглашается, и они мчатся быстрѣе вѣтра. Всадникъ неоднократно спрашиваетъ ее:

„Wie scheint der Mond so helle,
Wie reiten die Todten so schnelle,
Fürchtest du dir?“

Она каждый разъ отвѣчаетъ:

„Warum sollt ich fürchten mir,
Bist du ja bei mir“.

Наконецъ они очутились среди маленькихъ холмиковъ передъ раскрытой могилой. Онъ спускается въ нее и тащить за собой дѣвушку, но она отбивается и могила сама собой закрылась за нимъ. На утро она увидѣла, что находится на кладбищѣ въ далекой чужой сторонѣ“.

(Изъ *Mühlviertel*). „Солдатъ и дѣвушка ерѣпео любили другъ друга. Они пожелали, что кто умретъ первымъ, тотъ еще разъ посѣтитъ оставшагося въ живыхъ. Солдатъ умираетъ первымъ, и, дѣйствительно, немного спустя онъ въ полночь является верхомъ къ ея оену и спрашиваетъ, согласна ли она

ѣхать съ нимъ. Дѣвушка согласилась, и они помчались на бѣлоснѣжномъ конѣ. Женихъ нѣсколько разъ спрашиваетъ ее:

„Es scheint der Mond so helle,
Es reiten die Todten so schnelle,
Jungfrau, fürchtest du dir“?

Она каждый разъ даетъ отрицательный отвѣтъ. Наконецъ, они приѣзжаютъ на кладбище, конь остановился передъ открытой могилой. Мертвецъ спускается въ могилу и тянетъ за собой дѣвушку за передникъ. Къ счастью передникъ обрывается, и она бѣжитъ въ сосѣдній домъ. Въ этомъ домѣ какъ разъ есть покойникъ, и ей приходится спрятаться въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ лежитъ. Вдругъ она слышитъ стукъ въ окно и узнаетъ голосъ своего жениха: „мертвый, подай мнѣ живую“. Уже мертвецъ началъ подниматься, но тутъ зазвонили въ церкву, и онъ опустился на прежнее мѣсто.

На слѣдующій день открытая могила на кладбищѣ уже снова закрылась“.

XIV. Варіантъ венгерско-нѣмецкій.

Среди разныхъ народностей Венгріи распространенъ рассказъ о женихѣ-мертвецѣ и отмѣченъ позднѣйшими собирателями. Одинъ изъ такихъ рассказовъ записанъ въ окрестностяхъ Офена школьнымъ учителемъ Стодолой и сообщенъ на мѣстномъ нѣмецкомъ говорѣ подъ заглавіемъ „*Wie reiten die Toten so schnell*“¹⁾).

„У одной дѣвушки былъ возлюбленный, за котораго она собиралась выйти замужъ, но вдругъ ему пришлось отлучиться, и вотъ, прощаясь, онъ обѣщалъ ей писать, а если будетъ возможно, то и навѣстить ее. Однако проходитъ годъ за годомъ, а онъ ни письма не шлетъ, ни самъ не является, и дѣвушка становилась все печальнѣе и печальнѣе. Однажды сидѣла она

---

¹⁾ Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn. Zeitschrift für die Volkskunde der Bewohner Ungarns und seiner Nebenländer. Herausg. v. Ant. Hermann. Budapest 1889, III. стр. 341—42.

и плакала; слезы ея увидала одна старуха и спросила, о чемъ она плачетъ. „Ахъ, оставь меня въ покоѣ, ты не можешь помочь мнѣ“, сказала дѣвушка. Но старуха не отставала отъ нея до тѣхъ поръ, пока не узнала причину ея горя. „Ну, если дѣло только въ этомъ, то ты еще сегодня увидишь своего милого. Пойди въ свою комнату и оставайся тамъ, пока я тебя не позову, онъ явится, хотя бы былъ мертвъ“. Между тѣмъ старуха ушла въ кухню и въ большемъ горшкѣ начала варить какое-то снадобье, а была она вѣдьма, и вотъ черезъ нѣкоторое время кто-то постучалъ въ окно и раздался голосъ: „здравъ ли ты, моя милая, выйди ко мнѣ“. Дѣвушка, сидѣвшая въ это время за печкой, спрашиваетъ старуху: „что, это уже онъ?“ Выйдя изъ дому, она увидѣла коня, а на немъ всадника въ бѣломъ одѣяніи. Въ немъ она узнала своего жениха, сѣла къ нему на лошадь, крѣпко схватилась за него, и конь помчался. Долго ѣхала она такъ, наконецъ сказала: „какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ“; „да“, отвѣчаетъ онъ, „и мертвые не имѣютъ покоя“. Тутъ только она замѣтила, какъ блѣденъ онъ былъ и холоденъ. „Какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ“, вторично говоритъ дѣвушка, „и какъ быстро ѣдутъ мертвые“, прибавляетъ ея спутникъ; „дита, не страшно-ли тебѣ?“ „Нѣтъ, такъ какъ Богъ и ты со мной“. Но тутъ дѣйствительно ей стало страшно, а онъ еще крѣпче прижалъ ее къ себѣ. Такимъ образомъ, они примчались къ высокой стѣнѣ; онъ слѣзъ съ лошади, приказалъ дѣвушкѣ немного обождать, а самъ вошелъ въ желѣзные ворота. Лошадь мгновенно исчезла, а дѣвушка увидѣла себя окруженной крестами; тутъ она догадалась, что женихъ ея на самомъ дѣлѣ мертвецъ и привезъ ее на кладбище, ею овладѣлъ ужасъ, и она бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ. Вдругъ она увидала огонекъ и направилась въ его сторону; это была маленькая хижина, въ которой жилъ отшельникъ. Она просила его ради Христа впустить ее и больше никого не принимать. Едва она успѣла спрятаться въ углу за печкой, какъ кто-то постучалъ въ окно: „ей старикъ, отвори скорѣе“; но тотъ не повиновался. „Если ты, старикъ, не хочешь впустить меня, то встань ты, мертвецъ, и отвори дверь мертвецу“. Въ самомъ

дѣлѣ, посрединѣ хижины лежалъ мертвецъ: это былъ бродяга, зашедшій сюда на ночь и здѣсь внезапно умершій. Дѣвушка не замѣтила его раньше. И вотъ мертвецъ сталъ медленно подниматься; онъ подошелъ уже къ двери, но въ эту минуту запѣлъ пѣтухъ, мертвый грохнулся на землю, а женихъ крикнулъ дѣвушкѣ: „твое счастье, а то бы ты узнала, что значить беспокоить мертвыхъ“. Съ этими словами онъ исчезъ, и дѣвушка такимъ образомъ спаслась“.

Сообщивъ эту сказку, Стодола замѣчаетъ, что среди швабовъ въ окрестностяхъ Офена распространена пѣсня, не имѣющая ничего общаго съ приведеннымъ содержаніемъ сказки и тѣмъ не менѣе усвоившая себѣ извѣстную строфу:

„Wia scheint tea Mond so höll,
Wia reitn t' Todn so schnöll!
Fiachst ti mein Schatz“?
„Was soll i mich fiachtn,
Pist ja tu pei mia“.

XV. Вариантъ венгерско-цыганскій.

Интересную и своеобразную переработку нашего сюжета находимъ въ одной балладѣ седмиградскихъ и южно-венгерскихъ цыганъ, сообщенной Влислодкѣмъ въ вышеуказанномъ сборникѣ (стр. 104, № 3) подъ заглавіемъ „*Der todte Gatte*“.

Въ этой пѣснѣ молодая вдова обращается къ матери и спрашиваетъ, что это значить, что по ночамъ передъ шатромъ она слышитъ голосъ, тихо произносящій:

„Wehe, wehe, Gattin süsse!
Muss allein im Grabe liegen!
Nicht bist du hinabgestiegen
Ach! zu mir in's Grab, das duncle!
Also muss ich dich besuchen;
Doch bald kann ich nimmer kommen
Wenn vermodert meine Füßel!
Pflanz ein Kreuz mir auf den Hügel,
Dass ich es als Pferd benütze“!

На это старая мать даетъ такой отвѣтъ: „слова эти говорятъ твой мужъ, одиноко лежащій въ могилѣ; поэтому исполни его волю и поставь крестъ на его холмѣ съ тѣмъ, чтобы онъ могъ пользоваться имъ въ качествѣ коня, пока не сгниетъ его голова, и онъ не перейдетъ въ царство мертвыхъ“.

Вдова такъ и сдѣлала.

„Превращайся ты, крестъ, въ коня, говоритъ мертвецъ, и быстрымъ вѣтромъ несишься къ моей женѣ, чтобы взять ее сюда, ибо по своей волѣ она не придетъ ко мнѣ въ могилу“. Прибывъ къ шатру, мертвецъ беретъ жену къ себѣ на коня и мчится съ нею обратно.

„Wehe, wehe, lieber Gatte!
Deine Beine sind vermodert“!

говоритъ жена.

„Да, отвѣчаетъ онъ; онѣ сгнили въ темной, сырой могилѣ!“

„Wehe, wehe, lieber Gatte!
Schon ergraut sind deine Haare“!

продолжаетъ она:

„Да, посѣдѣли мои волосы“, отвѣчаетъ онъ, „лишь теперь освѣщаетъ ихъ сіяніе мѣсяца“.

Спотенувшись, пала лошадь, быстро поглотила обонихъ могила, тесная и мрачная“.

Въ нѣснѣ этой нашло свое выраженіе распространенное среди цыганъ вѣрованіе ¹⁾, будто умершій лишь тогда переходитъ въ царство тѣней, когда сгниетъ его тѣло. На почвѣ такого вѣрованія получаетъ свое объясненіе и то проклятіе, каковымъ пользуется мать Константина въ пѣсняхъ ново-греческихъ, когда она говоритъ:

„Πέτρα νά γίνῃ ὁ Κωνσταντῆς, λιθάρι νά μὴ λειώσῃ“ ²⁾,

---

¹⁾ Wlislöck, Gebräuche der transilvanischen Zeltzigeuner bei Geburt, Taufe u. Leichenbestattung, Globus 1887, № 16—17.

²⁾ Πολίτου, Τὸ δημοτικὸν ᾄσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ. 1885, стр. 43.

или

„Νὰ μὴ σὲ κόψ᾽ ἢ πλάκα. νὰ μὴ σὲ φάγῃ τὸ χῶμα“ ¹⁾

т. е. „окаменѣй, Константинъ, превратись въ камень, чтобы тебѣ не сгнить въ землѣ; или, чтобы тебѣ не было гробовой покрывки, чтобы тебя не съѣла земля“.

XVI. Вариантъ венгерско-армянскій

Среди буковинскихъ и седмиградскихъ армянъ записанъ Влислоцкимъ слѣдующій интересный разсказъ, представляющій совсѣмъ своеобразную переработку нашего сюжета. Разсказъ озаглавленъ: „*Die todte Geliebte*“ ²⁾ и развиваетъ такое содержаніе.

„Одинъ парень, занимавшійся мастерствомъ, собрался отправиться на чужбину. Онъ простился со своей возлюбленной и хотѣлъ пуститься въ путь, какъ та сунула ему въ руку золотую монету, говоря: „возьми это золото и знай, что оно покроется ржавчиной, если я умру. Монета эта будетъ твоимъ талисманомъ во время странствованій и лишь въ величайшей нуждѣ можешь ты съ ней разстаться“. Прошелъ годъ. Терпя лишенія, молодой человѣкъ долженъ былъ заложить свой талисманъ, и съ тѣхъ поръ счастье совсѣмъ оставило его. Онъ принужденъ былъ питаться милостыней. Тогда онъ, рассказывая, что разстался съ талисманомъ, собралъ съ величайшимъ трудомъ необходимую сумму и выкупилъ золото, но оно, въ его ужасу, почти совсѣмъ было покрыто ржавчиной. Тутъ онъ вспомнилъ про свою возлюбленную, хотѣлъ вернуться на родину, но, не имѣя денегъ, не могъ этого исполнить. Спустя немного времени, онъ получилъ письмо съ извѣстіемъ, что его возлюбленная умерла. Горе юноши было безпредѣльно, но время исцѣлило рану его сердца, онъ принялся за работу,

¹⁾ Ibid. стр. 67.

²⁾ Wlislöcki, Märchen u. Sagen der bukowinaer u. siebenbürger Armenier. Hamburg, 1892, стр. 146.

счастье повезло ему и вскорѣ онъ сталъ обладателемъ цѣлой мастерской. Ему понадобилась хозяйка, онъ высваталъ себѣ дочь богатого мастера, и свадьба была назначена. Вдругъ поздно ночью, наканунѣ свадьбы, кто то постучался въ окно къ молодому человѣку и назвалъ его по имени. Голосъ показался ему знакомымъ, но онъ не могъ припомнить, гдѣ слышалъ его раньше. Выйдя изъ дома, онъ увидѣлъ передъ воротами черную карету, запряженную четверкой вороныхъ коней, которыми правилъ кучеръ въ черномъ одѣяніи. Въ каретѣ, одѣтая въ подвѣчное платье, сидѣла его умершая невѣста.

„Не удивляйся“, сказала она, привѣтливо улыбаясь ему; „я слышала, что ты завтра справляешь свою свадьбу и явилась, чтобы видѣть тебя еще разъ, такъ какъ сегодня хочу справить и свою свадьбу. Садись ко мнѣ, проѣдемъ немного вмѣстѣ“. Преодолевая свой ужасъ, юноша сѣлъ въ карету, и лошади понеслись бѣшенымъ галопомъ. Онъ дотронулся до своей возлюбленной, но съ ужасомъ отстранился: она была холодна, какъ ледъ. „Твой кучеръ слишкомъ быстро мчится“, сказалъ онъ, „съ нами можетъ случиться несчастье“. „Да, мой милый, смерть быстро ѣдетъ“, отвѣчала она. Въ этотъ мигъ кучеръ повернулъ свое лицо къ сѣдокамъ, и, къ ужасу молодого мастера, показалъ свой черепъ мертвеца. „Вотъ мы и на мѣстѣ“, сказала дѣвушка, когда ворота раскрылись и юноша узналъ кладбище на своей родинѣ, „теперь я поцѣлую тебя поцѣлуемъ невѣсты, ты мой, а я твоя“. Въ этотъ мигъ все исчезло, а на слѣдующій день молодой мастеръ былъ найденъ мертвымъ на могилѣ своей возлюбленной“.

XVII. Варіанты мадьярскіе.

Среди мадьяръ записаны до сихъ поръ двѣ сказки ¹⁾ разбираемаго круга, близкія другъ къ другу по своему содержа-

---

¹⁾ Julius Pap, *Palóc népköltemények*, 1865; Ladislaus Arany и Paul Gyulai, *Magyar népköltési gyűjtemény*. Pest, 1872, I. стр. 207. 569 и сл.

нію и сообщенныя въ нѣмецкомъ переводѣ Aigner'омъ ¹⁾ подъ заглавіемъ: „*Der todte Bräutigam*“. Содержаніе ихъ вератцѣ таково:

„Жила-была гдѣ то за моремъ дѣвушка сирота, ее полюбилъ добрый молодецъ, самый красивый паренъ во всей деревнѣ. Жили они другъ съ другомъ, какъ нѣжные голубки и порѣшили невдолгѣ сыграть и свадьбу. Уже всего черезъ недѣлю должны были ихъ перевѣнчать, какъ вдругъ въ странѣ вспыхнула война и вся цвѣтущая молодежь поспѣшила подъ знамена короля. Также и нашъ Гансъ долженъ былъ разстаться съ невѣстой. Прощаясь онъ сказалъ ей: „черезъ три года я вернусь, до тѣхъ поръ жди меня“. Дѣвушка клялась ему, что она не поидетъ за другого, хотя бы ей пришлось цѣлыхъ десять лѣтъ ждать своего милаго.

Два года длилась война, наконецъ заключили миръ, и крѣпко радовалась дѣвушка въ увѣренности, что теперь вернется и ея женихъ.

Десятки разъ выходила она къ нему на встрѣчу, но, увы, прошло три, прошло четыре года, а о Гансѣ все не было ни слуху ни духу.

Въ горести пошла дѣвушка за совѣтомъ къ своей крестной матери, которая, къ слову сказать, была колдунья.

Старуха сказала дѣвушкѣ: „завтра полнолуніе, вотъ сходи на кладбище къ могильщику и попроси у него черепъ. Придя домой, положи черепъ въ большой горшокъ и кипяти его на огнѣ. Будь увѣрена, что ты узнаешь, живъ или мертвъ твой женихъ, и, вѣроятно, даже увидишь его“.

Дѣвушка исполнила все, какъ ей было сказано и поставила вариться мертвую голову въ горшкѣ. Скоро съ шумомъ и трескомъ закипѣло зловѣщее варево, раздался какъ бы ружейный выстрѣлъ, и голова проговорила: „теперь онъ пускается въ путь“. Спустя немного голова говорить: „теперь онъ

---

¹⁾ Ludwig Aigner, Die ungarische Volkspoesie in der „*Gegenwart*“. *Gegenwart*, 1875, № 12, стр. 188—190.

уже на поль-пути“. Наконецъ трижды затрещало въ горшкѣ, и голова говоритъ: „вотъ онъ уже на дворѣ“. Дѣвушка побѣжала на дворъ—передъ ней стоялъ ея женихъ, весь въ бѣломъ, на бѣломъ конѣ. Гансъ говоритъ дѣвушкѣ: „пойдешь-ли ты со мной въ то царство, гдѣ я живу“. „Милый, отвѣчаетъ она, съ тобой я пойду и на край свѣта“. Она садится къ нему на коня, и они цѣлуются. „Далеко ли до твоего дома“, спрашиваетъ она. „Да, моя голубка, но мы скоро туда дойдемъ“.

Они ѣдутъ, а передъ ними несутся юноши всѣ въ бѣломъ, на бѣлыхъ коняхъ, число ихъ все прибываетъ, и при свѣтѣ луны можно ясно разглядѣть необычныхъ всадниковъ. Вдругъ Гансъ говоритъ:

„Ach wie schön scheint der Mond, das Mondenlicht.

Ach wie schön marschiren die Todten.

Fürchtest du nicht Iudi, meine Seele“?

„Ich fürchte mich nicht so lange ich dich sehe, Hans“.

Они мчатся дальше, а передъ ними цѣлыми вереницами, стройно, какъ солдаты, несутся таинственные всадники.

Гансъ три раза спрашиваетъ дѣвушку, не страшно ли ей, и получаетъ отъ нея тотъ же отвѣтъ.

Наконецъ, они подъѣзжаютъ къ кладбищу, посреди его открытая могила и въ ней открытый гробъ. „Вотъ мой домъ, говоритъ Гансъ дѣвушкѣ, спускайся въ него“. Она убѣждаетъ его сойти первымъ, а сама пускается бѣжать. Она прибѣгаетъ къ замку, стучится во всѣ двери, но никто ей не открываетъ, и она принуждена укрыться въ часовнѣ, гдѣ стоитъ въ богатомъ гробу покойникъ; здѣсь она прячется за печку. Скоро прибѣгаетъ къ дверямъ ея убѣжища Гансъ; покойникъ встаетъ, выпускаетъ своего собрата, указываетъ ему, гдѣ спряталась дѣвушка, и они вмѣстѣ собираются разорвать ее на части, но тутъ зашѣлъ пѣтухъ, и они оба упали и превратились въ сажу.

Въ это самое время въ часовню вошелъ молодой человекъ, по богатству одежды онъ походилъ на самого короля.

Онъ подошелъ къ дѣвушкѣ и началъ ее цѣловать. „Дорогая моя, сказалъ онъ, ты избавила меня отъ большой бѣды: этотъ покойникъ, котораго ты нашла здѣсь въ гробу, былъ мой братъ; уже триста шестьдесятъ разъ хоронилъ я его со всякой пышностью и каждый разъ онъ возвращался назадъ; будь же моею, мое сокровище, на жизнь и на смерть. Дѣвушка согласилась и вскорѣ сыграли они веселую свадьбу“.

Вторая мадьярская сказка мало чѣмъ разнится отъ вышеприведенной: въ ней разговоръ между женихомъ и невѣстой удержалъ еще свой стихотворный размѣръ и въ концѣ не говорится, что дѣвушка выходитъ замужъ, она лишь спасается отъ смерти, какъ это встрѣчаемъ почти во всѣхъ сказкахъ.

Такимъ образомъ, мадьярскіе варианты по своему складу близки къ австрійско-славянскимъ изводамъ нашего разсказа, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ народной фабулой, хотя разработка первой ея половины какъ будто напоминаетъ черты Бюргеровской Леноры, именно въ тѣхъ подробностяхъ, когда описывается поѣздка жениха съ невѣстой въ сопровожденіи цѣлой толпы таинственныхъ всадниковъ. Очень можетъ быть, что эта черта внесена въ мадьярскую передачу разсказа изъ литературы, но самый разсказъ, повидимому, попалъ къ мадьярамъ отъ ихъ ближайшихъ сосѣдей, австрійскихъ славянъ.

XVIII. Вариантъ моравско-нѣмецкій.

У Верналекена ¹⁾ находимъ еще *моравско-нѣмецкій разсказъ* съ такимъ содержаніемъ:

„Жили однажды мужъ и жена тихо и мирно, но началась война, и Филиппъ, такъ звали мужа, тоже ушелъ съ войскомъ. Долго ничего не знала о немъ жена, она ежедневно ходила въ церковь и молилась, чтобы ей хотя во снѣ узнать судьбу Филиппа. Но этого не случилось; наконецъ, ей посоветовала одна старуха взять на владбищѣ голову мертвеца, кипятить ее

¹⁾ Th. Vernalecken, Op. cit. стр. 80.

въ водѣ и замѣтить, произнесетъ ли голова имя ея мужа; если да, то онъ явится живой или мертвый. Она все сдѣлала по указанію, и мертвая голова трижды произнесла имя ея мужа. Въ эту самую минуту кто то постучался въ дверь. Она открыла, и мужъ ея вошелъ въ комнату. Она въ радости закидываетъ его вопросами, но онъ говоритъ: „у меня времени лишь полчаса, у дверей стоятъ два бѣлыхъ коня, поѣзжай со мной, и я все расскажу тебѣ“. Начинается бѣшеная скачка, во время которой мужъ говоритъ: „*Der Mond scheint so hell, der Lebendige reitet mit dem Todten; meine Liebe, fürchtest du dich*“? „*Warum soll ich mich fürchten, du bist ja bei mir*“. Тутъ они пріѣхали на кладбище, и женщина догадалась, что ея спутникъ мертвецъ; она соскочила съ коня и вбѣжала въ кладбищенскую часовню; тамъ лежалъ покойникъ въ открытомъ гробу. Она забилась въ отверстіе въ стѣнѣ. Въ это время мертвецъ закричалъ въ окно: „мертвый, подай мнѣ живую“. Уже покойникъ началъ подниматься, но запѣлъ пѣтухъ, онъ опустился, и мужъ женщины скрылся въ могилу. На разсвѣтѣ она пошла въ ближайшую деревню и узнала, что находится далеко-далеко отъ своей родины“.

XIX. Варіанты сѣверо-западныхъ славянъ.

Среди *Лужичскихъ сербовъ*, ближайшихъ сосѣдей нѣмцевъ, рассказъ о женихѣ-мертвецѣ извѣстенъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Одну изъ нихъ приводитъ Шуленбургъ подъ заглавіемъ: „*Der Liebste ohne Kopf*“¹⁾.

„Одинъ изъ владѣтелей замка имѣлъ возлюбленную, и, когда онъ умеръ, она горько оплакивала его. Вотъ однажды ночью онъ явился къ ней на бѣломъ конѣ; какъ конь, такъ и всадникъ были безъ головы. Дѣвушка отправилась съ мертвецомъ, онъ ѣхалъ, она шла. Проѣхавъ нѣкоторое простран-

---

¹⁾ W. v. Schulenburg, *Vendische Volkssagen u. Gebräuche aus dem Spreewald*. Leipzig, 1880, стр. 137.

ство, онъ спрашиваетъ ее: „Lubka, njej' si tŕach?“—„Милая, не страшно ли тебѣ?“ Спросивъ ее такъ во второй и въ третій разъ, онъ сказалъ:

„Konik stupa wótrę,
Mjasec swęsi bytrę.
Lubka, njej' si tŕach“? т. е.

„лошадь идетъ быстро, мѣсяцъ свѣтитъ ясно; милая, не страшно ли тебѣ?“ Въ отвѣтъ на это она говоритъ: „чего-же мнѣ бояться, если ты, мой милый, со мною?“

„Co ga dej' mi tŕach byś,
Aż ty, mój luby, pŕi mnjo sy“?

Послѣ этого мертвецъ, прощаясь съ дѣвушкой, взялъ ее за руку, и рука ее въ томъ мѣстѣ почернѣла“.

Въ примѣчаніи къ этой сказкѣ Шуленбургъ говоритъ, что еще лѣтъ сорокъ тому назадъ шпильманъ иѣлъ нѣкоторыя строфы изъ этого разсказа, какъ разъ тѣ, которыми воспользовался Бургеръ для своей *Леноры*; вся же старая нѣсеня, повидимому, забыта въ народѣ.

Но другимъ лужицко-сербскимъ вариантамъ, повѣствованіе передается иначе. Такъ, въ разсказѣ „*Der Liebste als Todter*“¹⁾ ходъ дѣйствія таковъ:

„Одна дѣвушка имѣла своего возлюбленнаго. Онъ былъ солдатъ и когда умеръ, она горько оплакивала его. Тогда онъ трижды по ночамъ приходилъ къ ней, приглашалъ ее съ собою. Когда онъ въ третій разъ пришелъ къ ней, она посадила его за столъ и начала угощать, но онъ не ѣлъ, а только крошилъ подъ столомъ предложенное ему угощеніе. Послѣ этого они отправились въ путь, а мѣсяцъ ярко свѣтилъ. Мертвецъ привелъ дѣвушку на кладбище, тамъ была раскрытая могила, въ которую онъ хотѣлъ втянуть съ собою и дѣвушку, но она бросилась бѣжать и скрылась на церковной паперти, куда мертвецъ не могъ проникнуть“.

¹⁾ Schulenburg, Op. cit. стр. 138.

По другимъ версіамъ, дѣвушка уѣзжаетъ на конѣ со своимъ возлюбленнымъ, спасается въ избушкѣ, гдѣ лежатъ другой мертвецъ, а гнавшійся за нею ея женихъ говоритъ: „я добылъ бы тебя, если бы тамъ не было мертвеца“. На слѣдующее утро оказывается, что дѣвушка очутилась за много миль отъ дому.

Точно также и *Чешскіе варианты* записаны въ нѣсколькихъ редакціяхъ, разработанныхъ подробнѣе, чѣмъ лужицко-сербскіе, но сохранившихъ тѣмъ не менѣе основныя черты разсказа.

Одинъ изъ нихъ въ видѣ пѣсни, до извѣстной степени уже обработанной, записанъ Эрбеномъ, подъ заглавіемъ „*Ženich—umrlec*“ ¹⁾ въ слѣдующемъ видѣ: „Послушайте, дѣвицы и юноши, что случилось въ городѣ Каменцѣ. Былъ тамъ кожевникъ и имѣлъ сына. Юноша этотъ влюбился въ мельникову дочь, но мать дѣвушки была противъ брака и говорила: „лучше я тебя утоплю, чѣмъ отдамъ за него“. Тогда юноша рѣшился идти въ свѣтъ и взялъ съ дѣвушки слово, что она будетъ ждать его одинъ годъ и одинъ день. Между тѣмъ мать дѣвушки послала молодому человѣку письмо, въ которомъ сообщила, что дочь свою она уже выдала замужъ. Узнавъ объ этомъ, юноша расхворался и на третій день умеръ. Не дождавшись своего милаго, дѣвушка вышла на открытое мѣсто и начала заклинять его:

„Kdybysi ty byl
v pekle zavřený,
ty tu musíš být
v tom okamženi“!

Мать совѣтуетъ дочери идти въ домъ и помолиться, но дѣвушка отвергаетъ это, говоря, что молитва напрасна. И вотъ, прежде чѣмъ вошли звѣзды, передъ домомъ раздался лошадинъ топотъ и голость:

---

¹⁾ K. J. Erben, Prostenárodní české písně a říkadla. 1864. стр. 471.

„Jedu, má milá
jedu pro tebe:
bez tebe nemám
v hrobě pokoje,

Vstávej, ma milá!
s lože bílého,
musíš opustit
manžela svého“.

„У меня нѣтъ никакого мужа, отвѣчаетъ дѣвушка, я все въ горѣ тебя жду, мой милый!“ „Я пріѣхалъ за тобою, и такъ спѣши, моя милая, у меня нѣтъ времени ждать, мой быстрый конь, подобно стрѣлѣ, перенесетъ насъ за сто миль до утра“. Когда они выѣхали изъ города за ворота, тамъ ждали ихъ свадебные гости; а когда пріѣхали къ владѣицу (женихъ закричалъ): „раскрывайтесь ворота гробовыя, я везу невѣсту и свадьба готова“. Черныя двери тотчасъ же раскрылись и милый съ милой исчезли въ могилѣ. Если при жизни они не могли принадлежать другъ другу, то послѣ смерти снать неразлучно“.

Пѣсня эта по своему складу примыкаетъ къ выше разобраннѣмъ нѣмецкимъ вариантамъ, напоминая отчасти своей обработкой подлинную Ленору Бюргера ¹⁾; напротивъ того, къ славянскимъ изводамъ приближается другая чешская редакція, сообщенная Кролемъ усомъ ²⁾ подъ заглавіемъ „*Umrlec se stal tunečnjkem na Kaučimsku při strogenj šediwku*“, такого содержания:

„Разъ сошлись на посидѣлки молодая дѣвушка и парни. Покончивъ прядево, они устроили угощеніе, пѣсни и танцы. Каждая изъ дѣвушекъ имѣла своего парня, съ которымъ танцевала, только у одной не было пары, и она скакала: „ахъ, если бы мнѣ имѣть танцора, пусть бы онъ былъ даже мертвецъ“. И вотъ, вслѣдъ за этимъ въ помещеніе, гдѣ веселилась молодежь, вошелъ черноволосый человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и угасшими очами, высохшій, какъ скелетъ. Онъ подошелъ къ дѣвушкѣ, взялъ ее и танцевалъ съ ней все время. Когда забавы кончились, онъ вызвался провожать дѣвушку до-

¹⁾ Ленору Бюргера перевелъ на чешскій яз. въ 1806 г. Йосифъ Юнгманъ.

²⁾ W. S. Sumlork (Krolmus), *Staročeské powěsti, zpěwy*. Praha, 1845, I, стр. 608.

мой, и они отправились вѣстѣ. „*Měsječek svjtil, mrtví z hrobu gdu, má milá, bojšši se?*“ спрашиваетъ дѣвушку ея спутникъ. „*Чего же мнѣ бояться, если я иду съ вами*“, отвѣчала дѣвушка. Тутъ они подошли къ кладбищу, мертвецъ повторилъ свой вопросъ и получилъ тотъ же отвѣтъ. *Пойдешь ли со мной на кладбище*“, спрашиваетъ онъ далѣе дѣвушку. „Отчего же и не пойти, только полѣзайте первымъ черезъ заборъ, чтобы пересадить меня на ту сторону“. Тутъ дѣвушка бросилась бѣжать и спряталась въ какой то избушкѣ за печкою, въ избѣ этой лежалъ покойникъ. И вотъ раздается стукъ въ окно, и слышится гнусливый голосъ: „*мертвецъ, встань, подай мнѣ ту живую съ печи!*“ Покойникъ спустилъ лѣвую руку, и тутъ послышался во второй разъ уже сильнѣе голосъ: „мертвецъ, подай мнѣ съ печи ту живую“. Такъ кричалъ съ кладбища мертвецъ, не могшій войти въ избу, такъ какъ дверь была заперта. Покойникъ спустилъ правую руку, а когда въ третій разъ раздалось еще болѣе грозное приказаніе, онъ, спустивъ обѣ ноги, всталъ изъ гроба, сѣлъ и дико озирался. Въ этотъ моментъ зашѣлъ первый пѣтухъ, покойникъ опять повалился въ гробъ, а мертвецъ исчезъ. Непуганная дѣвушка была такимъ образомъ спасена, но поплатилась болѣзнью“.

Въ основу стихотворенія Эрбена „*Svatební cošile*“¹⁾ положена также народная сказка, нѣсколько отклоняющаяся отъ только что приведенныхъ чешскихъ варіантовъ. Сущность разсказа въ ней такова:

„Дѣвушка молится передъ полночью ко Пресвятой Дѣвѣ. Всѣ ея родные умерли, а милый не возвращается съ чужбины. Уходя, онъ сказалъ ей ждать его три года: въ первый годъ посѣять льну и напрясть его; во второй — выбѣлить полотно; на третій — сшить себѣ рубашки и свить къ свадьбѣ рутовый вѣнокъ. Но вотъ все уже готово, а о миломъ ни слуху, ни духу. Въ эту минуту изображеніе Богоматери колеблется и передъ нимъ гаснетъ лампада, раздаются снаружи шаги и стукъ

¹⁾ Kytice z básni Karla Jaromira Erbena. V Praze, 1874, стр. 23

въ окно. „Спишь ты, моя милая, или ждешь меня? Помнишь ли ты еще меня, или уже полюбила другого?“ Она отвѣчаетъ, что только-что молилась за него. „Ахъ, оставь молитвы и слѣдуй за мной! Мѣсяцъ свѣтитъ, я пришелъ за своей невѣстой!“ Она пытается задержать его до утра, но нѣтъ, она должна стать его женой еще до пѣнія пѣтуховъ. Въ дорогѣ онъ говоритъ: „ночь свѣтла и прекрасна, въ этотъ часъ встаютъ изъ могилъ мертвецы. Милая моя, не страшно ли тебѣ?“ „Чего же мнѣ бояться, я съ тобой, а Богъ надъ нами“. Онъ все торопитъ ее впередъ, впередъ, бросаетъ, какъ лишнюю обузу, ея четки, молитвенникъ и крестъ, и при этомъ однимъ прыжкомъ подвигается впередъ на десятки миль. Вотъ они передъ кладбищемъ, онъ перебрасываетъ туда ея узелокъ и понуждаетъ ее первой перепрыгнуть ограду, но она проситъ его показать ей дорогу, а сама пускается въ бѣгство и укрывается въ хижинѣ, гдѣ лежитъ покойникъ. Мертвецъ преслѣдуетъ ее, стучится въ дверь ея убѣжища и приказываетъ мертвецу открыть ему дверь. Тотъ начинаетъ подниматься, но дѣвушка горячо молится, и онъ опускается на свое мѣсто.

Такъ повторяется три раза, но каждый разъ молитва спасаетъ дѣвушку; наконецъ, поетъ пѣтухъ, покойникъ падаетъ на полъ и снаружи все утихаетъ. На утро пришли люди и нашли дѣвушку въ покойницѣй, а на кладбищѣ одна могила была потревожена и кругомъ были разбросаны клочки новой рубашки, сшитой молодой дѣвушкой. Счастье ея, что она усердно молилась, иначе и ее постигла бы такая же участь“.

Съ этимъ чешскимъ вариантомъ по нѣкоторымъ подробностямъ можно сблизить два литовскихъ, гдѣ также на сцену выдвигается исторія со льномъ, хотя и примѣняется она совершенно иначе; тѣмъ не менѣе и такія мелкія черты иной разъ могутъ указывать путь движенія народныхъ разсказовъ. Въ данномъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, онѣ, кажется, вполне достигаютъ этой цѣли.

Моравскіе варианты представлены двумя пѣснями, сооб-

щаемыми Сушиломъ ¹⁾). Одна изъ нихъ, напечатанная подъ заглавіемъ „*Umrlec*“, передаетъ разсказъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Янко отпралялся на войну и приказывалъ своей возлюбленной не выходить замужъ, а ждать его два года. Прошло уже шесть лѣтъ, на седьмой дѣвушка прибѣгла къ колдовству, „такъ что земля трескалась“. И вотъ возвращается Яношекъ съ войны, ѣдетъ къ своей милой и стучитъ въ окошечко: „открой мнѣ, моя Катенька!“ Дѣвушка тотчасъ же услышала голосъ милаго и протянула ему лѣвую руку. Она спрашиваетъ, не приготовить ли ему ужинъ, не разбудить ли служанку. „Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, на то Богъ дастъ ночь, чтобы челядь спала, а ты проводи меня въ чистое поле къ небольшимъ черешнямъ. Поищи мнѣ, моя милая, въ головѣ (*Pohled' mně mila do hlavy*), у меня голова что то болитъ“. „Отчего же болить твоя голова, мой дорогой Яношекъ?“ „Какъ же ей не болѣть, если она шесть лѣтъ гнила въ землѣ, а на седьмой должна была встать: ты такъ страшно меня колдовала, что трескалась даже земля“. Тогда дѣвушка бросилась бѣжать домой и разсказала матери, что Янко убитъ и лежитъ погребеннымъ подъ черешней. Мать даетъ дочери деньги, съ тѣмъ чтобы она заказала отслужить за него обѣдню; когда священникъ доканчивалъ обѣдню, пришелъ Янко поблагодарить неvěсту: „благодарю тебя, моя милая, что ты освободила меня изъ ада“.

Вторая моравская пѣсня ²⁾ выводитъ на сцену молодого слесаря, отправляющагося въ свѣтъ на заработки. Возлюбленная его, по имени Марьянка, не дождавшись возвращенія своего милаго, говоритъ:

„Vrať se Janičku můj mily,
Jsili mrtvy lebo živy“.

Въ четвергъ ночью онъ возвращается, стучится въ окошко своей милой, беретъ ее къ себѣ на телѣгу и увозитъ за нѣ-

¹⁾ F. Sušil, Moravské národní písně. V Brně, 1860, стр. 111, № 112.

²⁾ Ibid., стр. 791.

сколько сотъ миль на кладбище, гдѣ была его могила: самъ онъ ложится въ свой гробъ, а она возлѣ могилы. Утромъ на-
шелъ ее священникъ и повѣнчалъ съ мертвецомъ:

„Němohli jich rozvazati,
Museli jim slubu dati,
Ona venku a un v hrobě,
J po smrti přali sobě“.

Такъ кончается пѣсня, передающая, повидимому, старую
схему разсказа о женихѣ-мертвецѣ и случайно сближающаяся
одной подробностью съ южно-славянскими и греческими пѣ-
снями о братѣ-мертвецѣ.

Когда Марьянка отъѣхала со своимъ милымъ нѣкоторое
пространство отъ дома, вдругъ изъ облаковъ раздался голосъ:
„что ты сдѣлала Марьянка, ты уѣхала съ мертвецомъ?“

„Dy ujeli drahy malo
S oblaků na ňu volalo:
Co's Marjanko učinila,
Žes s umrlym pojechala“?

Роль этого мистическаго голоса въ сербскихъ, болгар-
скихъ, албанскихъ и греческихъ пѣсняхъ исполняютъ птички,
предупреждая сестру, что братъ ея мертвый.

Однако такое совпаденіе, повидимому, совершенно виѣш-
няго и случайнаго характера и при отсутствіи другихъ дан-
ныхъ не можетъ служить основаніемъ для сближенія назван-
ныхъ пѣсень.

Третьимъ *моравскимъ* варіантомъ оказывается сказка, не-
давно напечатанная Зибертомъ подъ заглавіемъ: „*Nevolaj
z hrobu mrtvého*“¹⁾). Въ ней весьма подробно передается на-
ша тема. „Дѣвушка, не дождавшись возвращенія съ войны
своего милаго, постоянно плачетъ и тоскуетъ объ немъ. По
совѣту какаго-то старика она идетъ на кладбище, беретъ тамъ
человѣческую голову и варитъ ее въ котлѣ. Когда вода на-

чала кнѣтъ, мертвая голова, высунувшися изъ воды, трижды предупреждала дѣвушку объ ожидающей ее бѣдѣ. Затѣмъ является всадникъ на бѣломъ конѣ, въ немъ дѣвушка узнаетъ своего милаго, собираетъ свои вещи, садится къ нему на коня, и они мчатся съ быстротой вѣтра, преслѣдуемые стаей кар-кающихъ вороновъ. На вопросъ дѣвушки, что это за стая, мертвецъ замѣчаетъ, что это наши гости, которые будутъ угощаться нашимъ тѣломъ. На кладбищѣ конь исчезъ въ видѣ тумана, въ могилѣ горѣла свѣча. Когда мертвецъ по предложенію дѣвушки первымъ легъ на свое мѣсто, она бросаетъ свои вещи въ могилу и быстро убѣгаетъ. Увидѣвъ огонекъ, она скрывается въ избушкѣ, гдѣ находитъ другого мертвеца и въ страхъ прячется на печь. Подъ окномъ появляется ея мертвый женихъ и требуетъ, чтобы мертвецъ выбросилъ изъ избушки живую, но тутъ зашѣлъ пѣтухъ, и дѣвушка спасена. Послѣ этого она шла домой цѣлыхъ два года и скоро умерла“.

Такимъ образомъ, какъ въ нѣкоторыхъ лужицко-сербскихъ, такъ и въ моравскихъ вариантахъ мы не находимъ нѣкоторыхъ существенныхъ подробностей, присущихъ большинству славянскихъ изводовъ нашего разсказа, — какъ напр. извѣстнаго діалога между женихомъ и невестой, страшной сцены на кладбищѣ, которая принимаетъ здѣсь иной, нѣсколько сентиментальный характеръ въ духѣ нѣмецкихъ пѣсенъ. Очевидно, въ этомъ уголкѣ сѣверо-западныхъ славянъ вращались въ устной передачѣ сказанія о женихѣ-мертвецѣ въ двухъ версіяхъ, болѣе краткой, прежняго нѣмецкаго склада, и болѣе разработанной, позднѣйшаго славянскаго. Какъ здѣсь находимъ версіи нѣмецкія среди славянъ, такъ въ восточной Пруссіи оказываются изводы, приближающіеся къ общему славянскому типу ихъ, что вполне и понятно въ виду давнишнихъ взаимныхъ вліяній, какъ разъ въ этихъ мѣстахъ, между нѣмцами и славянами.

Среди *словаковъ* разсказъ о женихѣ-мертвецѣ записанъ былъ въ разныхъ мѣстахъ; сводный текстъ его напечатанъ въ

сборникъ Добшинскаго ¹⁾ подъ заглавіемъ „*Mrtvý Frajer*“ съ слѣдующимъ содержаніемъ:

„Янко уходитъ на войну и просить свою невѣсту ждать его семь лѣтъ и семь недѣль. Но вотъ кончилась война, а его все нѣтъ; въ глубокой печали дѣвушка идетъ къ одной старухѣ за совѣтомъ, какъ узнать ей судьбу своего милаго? Та учитъ ее пойти на кладбище, взять тамъ человѣческое ребро и варить въ полночь кашу съ пескомъ, помѣшивая ее ребромъ, послѣ чего женихъ непременно явится, хотя бы онъ лежалъ подъ землею. Вотъ, въ полночь дѣвушка мѣшаетъ варево, каша кипитъ, и слышится звукъ: „rod', rod', rod'!“ А ея возлюбленный, погребенный въ далекой странѣ, услышалъ призывъ, сѣлъ на бѣлаго коня и помчался къ ней. Онъ стучитъ въ ней въ окно: „открой, милая, своему милому“. Та бѣжитъ къ нему на встрѣчу и зоветъ его въ домъ. Вѣтеръ бушуетъ, ставни стучатъ. Онъ говоритъ дѣвушкѣ: „милая, собирай скорѣе свои вещи, намъ предстоитъ далекій путь“. Она проситъ его обождать до утра, но онъ спѣшитъ еще къ полуночи догнать свой полкъ, и они пускаются въ путь. Вихремъ мчится бѣлый конь по долинамъ и холмамъ, всадникъ говоритъ дѣвушкѣ:

„Mesiac svieti — smutno swieti,
Duša leti;
Hviezdy sa jasajú — smutno sa jasajú,
Už dušu volajú
Hanka, či sa neboíš“? ²⁾.

„Ахъ! Яникъ, чего же мнѣ бояться, вѣдь ты со мной“, отвѣчаетъ она, но дрожь пробирается ея. Они мчатся все даль-

¹⁾ Pavol Dobšinský, Prostonárodné slovenské povesti. Sošit 6. Turč. Sv. Martin, 1882, стр. 23—30.

²⁾ По редакціи, записанной въ Лубтовѣ, припѣвъ гласитъ такъ:
„Hoj miesiačok svieti,
Hviezdičky sa träsú,
A mrtvý so živým
Na koni sa nesú“.

ше, дальше, конь не знаетъ преградъ, она крѣпче цѣпляется за своего спутника, который повторяетъ свой вопросъ трижды, наконецъ они на кладбищѣ, бѣлый конь исчезъ въ туманѣ, передъ ними раскрытая могила. Онъ торопитъ дѣвушку, говоря:

„Už sme doma, moja milá;
Ľagni teraz do postele.
Z ktorej ti ma zobudila“.

„Я лягу, отвѣчаетъ она, только раньше ложись ты“. Затѣмъ она бросаетъ ему узелъ съ вещами и спасается бѣгствомъ. Въ страхѣ слышитъ она за собой погоню верхомъ, видитъ огонь въ лѣсной хижинѣ и прячется туда, но, о ужасъ! тамъ лежитъ мертвый чародѣй, она забила на печь. Женихъ подъѣзжаетъ къ хижинѣ и кричитъ: „мертвый, подай мнѣ живую“. Покойникъ начинаетъ медленно подыматься, уже идетъ къ двери, но въ это время раздается гнѣіе гнѣтуха, и женихъ падаетъ на землю; но и Ганка не пережила испытанныхъ ужасовъ, на утро ее нашли мертвой и похоронили въ одной могилѣ съ женихомъ“.

XX. Варіанты восточно-прусскіе.

Въ Помераніи въ 1862 году былъ записанъ проф. Куномъ и напечатанъ недавно Яномъ рассказъ подъ заглавіемъ: „*Der Treuschwur auf Tod und Leben*“¹⁾ слѣдующаго содержания:

„Двое возлюбленныхъ поклялись другъ другу, что они никогда не разстанутся и даже послѣ смерти будутъ принадлежать одинъ другому. Вслѣдъ затѣмъ женихъ долженъ былъ пойти въ солдаты и вскорѣ умеръ. Разъ вечеромъ, когда дѣвушка доила коровъ, солдатъ остановился предъ воротами на прекрасномъ ворономъ конѣ, говоря, что онъ пріѣхалъ взять свою невѣсту. Дѣвушка съ радостью согласилась, сѣла къ не-

---

¹⁾ Dr. Ulrich Jahn, Volkssagen aus Pommern und Rügen. Berlin, 1890, стр. 404, № 515.

му на коня, и такъ они проѣхали много миль при свѣтѣ луны. По временамъ женихъ спрашивалъ:

„Der Mond, der scheint so hell.
Der Tod, der reit't so schnell,
Feinsliebchen, grant dir nicht“?

а дѣвушка отвѣчала:

„Wie sollte mir denn grauen,
Da ich bei meinem Feinsliebchen bin“?

Приѣхавъ на кладбище, солдатъ сошелъ съ коня, отдалъ поводья дѣвушкѣ и сталъ открывать одну изъ могилъ. Тутъ дѣвушка догадывается, что ея женихъ мертвецъ, бросаетъ поводья, бѣжитъ въ ужасѣ въ домикъ, стоявшій вблизи и запираетъ дверь изнутри. Въ домикѣ лежалъ повойникъ.

Спусти немного времени приѣхалъ къ домику солдатъ и, обращаясь къ мертвецу, закричалъ: „братъ, открой мнѣ дверь!“ „Не могу, слышался въ отвѣтъ голосъ умершаго, „метла стоитъ къ верху головою“. „Четверговая пряха, открой мнѣ“, говоритъ снова солдатъ. „Не могу, я еще не со всемъ намотана“, отвѣчаетъ та. Точно также отказывается открыть дверь крюкъ, не соглашается сдѣлать это и клубокъ. Онъ, разматываясь, заставляетъ дѣвушку приближаться къ двери, но бывшіе въ домѣ люди снова наматываютъ его. Тогда солдатъ говоритъ дѣвушкѣ: „подай мнѣ кольцо“. Она надѣла кольцо на палку и подала его мертвецу. Онъ схватилъ его и исчезъ, а палка оказалась на половину обутливейшей“.

Второй померанскій рассказъ, сообщаемый Яномъ¹⁾, развиваетъ такое содержаніе: „Двое влюбленныхъ поклялись въ вѣрности на жизнь и смерть. Но вотъ началась война, и юноша долженъ былъ идти солдатомъ противъ враговъ. Уходя, онъ возобновилъ свою клятву Вильгельмѣ, обѣщая навѣстить ее, даже если бы ему пришлось пасть въ битвѣ. Послѣ ухода Вильгельма на войну дѣвушка ни днемъ, ни ночью не имѣла покоя: только объ немъ и думала, только

¹⁾ Ibid. 406.

одного его она видѣла во снѣ. Много недѣль прошло со времени ихъ разлуки, дѣвушка почти увѣрена была, что ее возлюбленный погибъ въ битвѣ, какъ вдругъ разъ ночью, между одиннадцатю и двѣнадцатю часами въ ея окно постучался всадникъ на ворономъ конѣ. Она узнала своего Вильгельма, но съ ужасомъ замѣтила, что онъ одѣтъ не въ военные доспѣхи, а въ бѣлый саванъ мертвеца; горячій конь его не былъ похожъ на обыкновеннаго коня изъ мяса и костей. „Мой дорогой Вильгельмъ, ты ли это?“ сказала дѣвушка. „Да, это я“, отвѣчалъ всадникъ; „иди, садись ко мнѣ на коня, намъ надо сегодня еще ѣхать далеко-далеко, туда, гдѣ вырыта моя могила“. Подобно птицѣ понесся конь по воздуху, и черезъ нѣсколько часовъ они были уже на уединенномъ кладбищѣ; конь исчезъ, а они остались на могилѣ. „Что мнѣ дѣлать съ тобою, моя милая, сказалъ мертвецъ; клятву надо исполнить, и ты должна умереть, какъ умеръ я“. Дѣвушка хотѣла бѣжать, но было уже поздно. Онъ прижалъ ее къ своей груди такъ, что она тутъ же потеряла зрѣніе и слухъ, затѣмъ онъ растерзалъ ея тѣло и переломалъ всѣ кости“.

Сказаніе оканчивается нравоученіемъ, что не слѣдуетъ клясться въ любви на жизнь и смерть, и особенно не слѣдуетъ дѣлать этого съ солдатами, жизнь которыхъ въ постоянной опасности во время войны.

Восточно-прусскіе варианты выдѣлены мною въ особую группу на томъ основаніи, что, отличаясь обѣ обще-нѣмецкихъ сказаній, они приближаются къ славянскимъ редакціямъ, ближайшимъ образомъ къ одной польской, съ которой по всей вѣроятности, какъ либо связаны органически; во всякомъ случаѣ они ближе подходятъ къ славянскимъ версіямъ, чѣмъ къ нѣмецкимъ, выше нами разсмотрѣннымъ.

XXI. Варианты литовскіе.

Литовскіе варианты извѣстны намъ въ видѣ двухъ сказокъ; одна изъ нихъ сообщена Шлейхеромъ, другая помѣще-

на въ изданіи литовскихъ пѣсенъ и сказокъ Лескина и Бругмана. Первая записана въ восточной Пруссіи ¹⁾; она близко подходитъ къ чешской редакціи, сообщенной Крольмусомъ, и напечатана подъ заглавіемъ: *Vom Mädchen und ihrem Freier* ²⁾.

„У одной дѣвушки былъ женихъ и умеръ. Погоревавъ объ немъ нѣсколько недѣль, дѣвушка отправилась на танцы съ подругой своей, у которой тоже умеръ женихъ. По дороге имъ пришлось идти возлѣ кладбища; подойдя къ нему, онѣ сказали: „вставайте, братья, иначе кто же будетъ танцевать съ нами“! И вотъ въ избу, гдѣ танцевали, вслѣдъ за дѣвушками вошли оба мертвеца и начали танцевать. Во время танцевъ дѣвушки наступили на ногу своимъ кавалерамъ, замѣтили, что сапоги ихъ пусты внутри и догадались, что танцуютъ съ мертвецами. Мертвые кавалеры закружили дѣвушекъ до полусмерти, такъ что тѣ принуждены были выйти подышать свѣжимъ воздухомъ, обѣщая кавалерамъ вернуться назадъ. Однако, выйдя изъ избы, онѣ бросились бѣжать и скрылись въ банѣ за печкой. Въ это время въ банѣ старая женщина сушила ленъ, и ее то просили дѣвушки никого не впускать въ баню, гдѣ онѣ скрылись. Мертвецы, долго и понапрасну прождавъ возвращенія дѣвушекъ, бросились ихъ преслѣдовать и по слѣдамъ пришли къ банѣ. Чтобы занять мертвецовъ, старуха начинаетъ рассказывать имъ о мукахъ льна: какъ его сѣютъ, полюютъ, мнутъ, прядутъ, теутъ, бѣлятъ, шьютъ, носятъ, чинятъ и какъ, наконецъ, изъ тряпья готовятъ бумагу. Мертвецы сидѣли и слушали ее, а когда она пришла уже къ концу своего рассказа, запѣлъ пѣтухъ, и они должны были удалиться. Уходя, они сказали: „ну, счастье дѣвушекъ, что старуха своимъ рассказомъ удержала насъ отъ преслѣдованія“. Съ этими словами они исчезли, а дѣвушки такимъ образомъ спаслись“.

---

¹⁾ Aug. Schleicher, *Litauische Grammatik*. Prag, 1856. См. Einleitung.

²⁾ Aug. Schleicher, *Litauische Märchen, Sprichworte...* Weimar, 1857, стр. 34.

Второй литовскій вариантъ записанъ Бругманомъ ¹⁾ въ предѣлахъ Россіи, въ Сувалкской губ.; съ одной стороны онъ напоминаетъ вышеприведенной литовскій рассказъ, съ другой сближается нѣкоторыми подробностями вообще со славянскими версіями. Напечатанъ онъ подъ заглавіемъ: „*Von des Flaches Qual*“.

„У одного хозяина жили въ услуженіи парень съ дѣвушкой, они любили другъ друга и рѣшили пожениться. Но парень умеръ, и дѣвушка долго оплакивала его. Вотъ однажды ночью она видитъ его во снѣ, и онъ ей говоритъ: „жди меня въ субботу вечеромъ, я за тобой приѣду верхомъ на конѣ. Нарядись хорошенько, свяжи свои вещи въ узелъ и жди меня у открытаго окна“. Такъ и случилось, онъ подъѣхалъ на бѣломъ конѣ и взялъ ее съ собой. Они ѣдутъ мимо кладбища, и голосъ съ кладбища говоритъ: „*мѣсяцъ свѣтитъ, свѣтло, какъ день; ѣдетъ парень со своей невестой. Не страшно ли тебѣ, живая дѣвушка, ѣхать съ мертвецомъ*“? „*Чего же мнѣ бояться, когда я со своимъ милымъ*“. Тоже самое повторяется у трехъ кладбищъ. Наконецъ, они подъѣзжаютъ къ аду. Онъ говоритъ ей: „сойди съ коня и посиди здѣсь, я пойду закурю свою трубку“; потомъ онъ кричитъ въ адъ: „идите, братцы, окружимъ дѣвушку, которую я привезъ съ собой“! Они всѣ собрались преслѣдовать ее, но уже дѣвушка догадалась, куда она попала, и бросилась бѣжать. Вотъ женихъ-мертвецъ сталъ нагонять ее; тогда она бросаетъ ему книгу, которую тотъ раздираетъ; потомъ она бросаетъ ему свой узелокъ, а сама спасается въ хижину и заматываетъ свои четки вокругъ дверного замка. Въ хижинѣ лежитъ покойникъ, а рядомъ съ нимъ мертвый пѣтухъ; она беретъ пѣтуха въ руки. Между тѣмъ женихъ уже стучитъ въ дверь и приказываетъ покойнику выпустить его; тотъ спрашиваетъ дѣвушку, за что ее преслѣдуютъ. Она отвѣчаетъ:

¹⁾ А. Leskien und K. Brugmann, *Litauische Volkslieder und Märchen*. Strassburg, 1882, стр. 497.

„погоди, я прежде расскажу тебѣ про всѣ муки льна“. Она рассказываетъ покойнику, какъ сѣютъ ленъ, какъ онъ растетъ и зрѣетъ, какъ его собираютъ, сушатъ, разстилаютъ, мнутъ, треплютъ, потомъ прядутъ, ткутъ, бѣлятъ, наконецъ кроютъ, и шьютъ. Въ это время въ ея рукахъ заплѣлѣ нѣтухъ, и она увидала, что сидитъ не на стулѣ въ хижинѣ, а на пни посреди болота, и оба мертвеца стоятъ, гдѣ и прежде, но превращенные въ два засохшихъ ствола“.

И такъ, оба литовскихъ варіанта, какъ общимъ своимъ складомъ, такъ и нѣкоторыми частностями въ родѣ того, что мертвецы танцуютъ съ дѣвушками, или что они повѣствованіемъ о мукахъ льна задерживаются до пѣнія нѣтуха, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о своемъ происхожденіи отъ рассмотрѣнныхъ выше рассказовъ чешскихъ, которые, по всей вѣроятности, и были съ извѣстными видоизмѣненіями перенесены въ среду литовской народности.

XXII. Варіанты польскіе.

Польскихъ варіантовъ записано нѣсколько; къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ перешли въ печать въ замѣтно подправленномъ видѣ, хотя народная основа и сохранена въ нихъ. Таковъ рассказъ, записанный возлѣ *Ярослава Перемышльскаго въ Галиціи* и появившій въ печать уже въ началѣ нашего столѣтія, но до послѣдняго времени не обратившій на себя вниманія изслѣдователей; сообщенъ онъ *Ляхъ-Ширмой*¹⁾ въ слѣдующемъ видѣ:

„Въ одномъ помѣстьи, не извѣстно гдѣ, жили двое влюбленныхъ. Молодой человѣкъ отправился на войну, но передъ тѣмъ онъ поклялся въ вѣрности своей милой, а она ему взаимно. Между тѣмъ походъ кончился, всѣ возвратились съ войны, только его не было: не извѣстно, палъ ли онъ въ битвѣ

¹⁾ *Pamiętnik Naukowy, służący za ciąg dalszy ćwiczeń naukowych; oddział literatury. Warszawa, 1819, I, стр. 358—366.*

гдѣ либо, или же попалъ въ неволю. Между боязнью и надеждой, въ тоскѣ и съ неизмѣннымъ постоянствомъ поджидаетъ его невѣста. Нѣсколько молодыхъ людей домогались ея руки, мать и родные желали этого, но напрасно: помня первую любовь и клятву, она всѣмъ отказывала. Минуло четыре года, а о судьбѣ возлюбленнаго не получалось ни малѣйшаго извѣстія. Съ теченіемъ времени тоска дѣвушки все усиливалась, съ каждымъ днемъ она болѣе погружалась въ печаль: ночи проводить безъ сна, а если уснетъ иногда, тяжкій сонъ тревожитъ ее.

Вслѣдствіе этого она очень исхудала и силы ея упали. Совѣты матери не имѣютъ успѣха, утѣшенія пріятельницъ не приносятъ облегченія. Своего жениха она подозрѣваетъ въ измѣнѣ и это еще болѣе повергаетъ ее въ отчаяніе. Дни и ночи проводить она въ сѣтованіяхъ. Однажды вечеромъ по обыкновенію сидѣла она у окна, опершись на руку, обливалась слезами и жаловалась на невѣрность возлюбленнаго. Въ такомъ положеніи просидѣла она до глубокой ночи, и вотъ при свѣтѣ луны она видитъ, какъ кто-то подъѣзжаетъ на лошади и останавливается предъ ея окнами; въ ѣздокѣ она узнаетъ своего милаго и привѣтствуетъ его. Онъ говоритъ, что пріѣхалъ за нею и проситъ немедленно сѣсть съ нимъ на коня. Дѣвушка наскоро собираетъ свои вещи и драгоценности и исполняетъ его желаніе. Сѣвъ на лошадь и проѣхавъ нѣкоторое пространство, дѣвушка спрашиваетъ своего спутника: „много-ли мы проѣхали и далеко-ли намъ еще до дома?“ „Мы сдѣлали уже полдороги, отвѣчаетъ онъ, проѣхали сто миль, а сто еще остается“. Отвѣтъ этотъ удивилъ дѣвушку, прибавилъ въ ея сердцѣ тревоги, но она молчитъ, не смѣя спрашивать его далѣе. Наконецъ, пріѣзжаютъ они въ деревню, гдѣ была церковь. Женихъ везетъ дѣвушку прямо на кладбище возлѣ церкви. Пріѣхавъ туда, она въ тревогѣ вторично спрашиваетъ его о домѣ. „Мы именно предъ нимъ стоимъ теперь“, отвѣчаетъ онъ, и въ это мгновеніе конь, на которомъ они ѣхали, исчезаетъ, гробъ открывается. Тутъ только дѣвушка догадывается, что ея возлюбленный мертвецъ, въ испугѣ она

бросается бѣжать съ кладбища, а онъ за нею. Не зная, гдѣ скрыться, она замѣчаетъ слабый огонекъ въ ближайшемъ домикѣ, вбѣгаетъ туда и закрываетъ на задвижку дверь. Но тутъ новый ужасъ: она видитъ, въ гробу лежитъ трупъ, предъ нимъ горитъ лампадка,—на свѣтъ ея она и бѣжала, ища спасенія. Не зная, что дѣлать, она спряталась за печь. Мертвый женихъ, прибѣжавъ къ домику и найдя дверь закрытой, началъ стучать и три раза прокричалъ, обращаясь къ трупу: „братъ, братъ, братъ, открой мнѣ“. Трупъ поднимается, встаетъ изъ гроба и открываетъ дверь. Въ тотъ самый моментъ, когда мертвецъ хочетъ войти въ домикъ, бьетъ двѣнадцать часовъ, и поетъ пѣтухъ. Оба трупа падаютъ, одинъ по одну сторону, другой по другую сторону порога, и такъ остаются всю ночь. Утромъ для погребенія умершаго приходитъ священникъ и множество крестьянъ. Каково-же было ихъ удивленіе, когда вмѣсто одного они нашли два трупа, а еще болѣе были они поражены, найдя въ домикѣ блѣдную и дрожащую дѣвушку, лишь тогда только осмѣлившуюся выйти изъ-за печки и показаться людямъ. Дѣвушка начала говорить, но никто не понималъ ея рѣчи,—она была изъ чужой земли; съ трудомъ только удалось ей объяснить, какъ все это случилось, и ея положеніе возбудило всеобщее состраданіе. Здоровье дѣвушки было такъ подорвано пережитымъ страхомъ, что, не смотря на заботливый уходъ со стороны священника и другихъ лицъ, она чрезъ нѣсколько дней умерла“.

Ляхъ-Ширма увѣряетъ, что повѣсть въ такомъ видѣ, какъ она изложена, рассказывается не только на Червоной Руси, но также и въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. на Украинѣ, въ окрестностяхъ Варшавы и Августова. Рассказывалась она въ этихъ мѣстахъ раньше, чѣмъ Бюргеръ написалъ свою Ленору, т. е. до 1773 года, и при томъ въ такихъ захолустьяхъ, куда навѣрно чуждыя литературныя вліянія не легко проникали. Указанное Ширмой распространеніе сюжета въ этихъ мѣстахъ подтверждено позднѣйшими собирателями.

Второй польскій варіантъ, мазовецкая сказка въ записи

Замарскаго ¹⁾ въ значительной степени потеряла свой чисто народный оттѣнокъ; издатель самъ сознается, что народная рѣчь казалась ему не изящной, поэтому онъ ее подправлялъ, тѣмъ не менѣе основа разсказа остается народной. Она такова; „Охотникъ Стахъ идетъ на войну и не возвращается. Мачеха понуждаетъ его невѣсту выходить за другого; та въ отчаяніи, глухой ночью зоветъ своего Стаха придти ей на помощь живымъ или мертвымъ. Вдругъ завyli собаки. Верховъ на сѣромъ конѣ, закутанный въ сѣрый плащъ, является Стахъ къ дверямъ Казы. Она бѣжитъ въ нему на встрѣчу; онъ беретъ ее къ себѣ на коня, и они несутся быстрѣ вихря. Всадникъ говоритъ: „*о, о, люди спятъ, пѣтухи поютъ (?), а мертвецы встаютъ по свѣту съ живыми*“. Въ ужасѣ дѣвушка спрашиваетъ о цѣли ихъ бѣшеной скачки, но уже они пріѣхали. Это — деревня съ высокой церковью, возлѣ церкви стоитъ домикъ и въ немъ тускло свѣтитъ огонекъ. Конь дѣлаетъ еще одинъ бѣшенный прыжокъ, и вотъ они на кладбищѣ передъ открытой могилой. Всадникъ вмѣстѣ съ Казей спрыгиваетъ съ коня, тотъ превращается въ скелетъ и разсыпается.

„Вотъ мой домъ, вотъ моя постель, говоритъ Стахъ, здѣсь должна ты на вѣки заснуть со мной за то, что такъ тревожила меня своими слезами“. Тщетно молить она не погребать ее заживо, а подождать ея близкой уже смерти. Но онъ стоитъ на своемъ. Тогда дѣвушка подаетъ ему свой головной платокъ, разостлатъ его въ могилѣ, и пока мертвецъ этимъ занятъ, она бѣжитъ въ домикъ возлѣ церкви; тамъ въ открытомъ гробу лежитъ покойникъ. Дѣвушка колеблется, оставаться ли ей тамъ или нѣтъ, какъ вдругъ снаружи раздается стукъ. „Братъ, мертвецъ, открой мнѣ“, слышится голосъ Стаха. Покойникъ начинаетъ подниматься, а снаружи мертвецъ все торопитъ его: „скорѣй, скорѣй“. Дѣвушка въ отчаяніи взываетъ о помощи ко Пресвятой Дѣвѣ, разрываетъ

---

¹⁾ R. Zamarski, Podania i Baśni Ludu w Mazowszu. 1852, стр. 121—132 „Ucieczka“.

свои четки и бросаетъ одно зернышко въ поднявшагося уже покойника, тотъ со стономъ падаетъ назадъ въ гробъ. Каждый разъ, какъ женихъ стучится въ дверь, покойникъ поднимается, но зерна четокъ, бросаемыя дѣвушкой, оглушаютъ его; когда запѣлъ пѣтухъ, все успокоилось. На слѣдующее утро дѣвушка рассказала о случившемся съ ней людямъ, пришедшимъ хоронить покойника. Среди могилъ воиновъ, навшихъ въ послѣдней битвѣ, одна могила оказалась потревоженной и въ ней рядомъ съ трупомъ солдата нашли желтый платокъ дѣвушки. Всѣ сожалѣли ее, но никто не зналъ ея родины; она осталась на чужбинѣ и до самой смерти ежедневно молилась на могилѣ Стаха. Умирая, она просила похоронить ее въ одной могилѣ съ нимъ, но это не исполнили, и вотъ по ночамъ двѣ тѣни бродили по кладбищу. Наконецъ, добрые люди сжалились надъ несчастными, зарыли ихъ въ одной могилѣ, и съ тѣхъ поръ они болѣе не появлялись“.

Въ окрестностяхъ Бохніи записаны два варианта ¹⁾, одинъ совпадаетъ съ только что приведеннымъ, другой отличается тѣмъ, что въ немъ появленіе жениха вызывается заклинаніями. Содержаніе этого второго варианта таково: „Жили-были Ясь и Казя, оба они были молоды, красивы и крѣпко любили другъ друга, но не долго длилось ихъ счастье. Началась война, и Яся взяли въ солдаты. Неутѣшно плачетъ Казя по своему милому и сохнетъ отъ тоски. Вотъ однажды, когда она такъ плачетъ, появляется старая колдунья и спрашиваетъ, о чемъ ея слезы. „Какъ же мнѣ не плакать, говоритъ дѣвушка, давно уже ушелъ Ясь, а объ немъ ни слуху, ни духу“. „Не горюй, отвѣчала старуха, у меня есть средство, которое вызоветъ его, будь онъ живъ или мертвъ. Послушай, что я тебѣ скажу: если у тебя есть что либо изъ одежды твоего жениха, то въ полночь положи это въ горшокъ, въ кипящую воду,

¹⁾ S. Grudziński, „Lenore in Polen“. Sprawozdanie Dyrekcji C. K. Gimnazyum w Bochni. 1890, стр 14—17. Еще польскій вариантъ: Ciszewski, Krakowiacy. Monografia. Kraków, № 123.

прибавь дикаго тмина (macierzanki), вербичника (dziewanna) и незабудокъ; когда эта смѣсь хорошо перекипятить, то ты услышишь изъ горшка голосъ, возвѣщающій тебѣ появленіе Яся. Еще не забудь взять съ собой клубокъ пряжи, если твой женихъ захочетъ увезти тебя съ собой; одинъ конецъ нитки привяжи къ двери твоей комнаты, а клубокъ держи въ рукѣ“. Казя все сдѣлала по указанію старухи, и вотъ изъ горшка раздался голосъ: „rójdź, rójdź“, въ то же время подь окномъ слышатся слова: „открой, открой“. Дѣвушка открыла дверь, передъ ней стоялъ ея Ясь, блѣдный и страшный. „Торопись, Казя, проговорилъ онъ, наконецъ, глухимъ голосомъ, поѣдемъ въ мой домъ“. Вотъ они мчатся, искры сыплются изъ подъ копытъ коня, горы, долины, рѣки и лѣса мелькаютъ съ быстротою молніи. Тихо все въ природѣ,—молчатъ и влюбленные. Наконецъ, онъ говоритъ: „ночь звѣздна, люди спятъ, а жертвецы подутъ съ живыми. Не страшно ли тебѣ, Казя?“ „Чего же мнѣ бояться, вѣдь ты со мной“. Они пріѣзжаютъ на кладбище, гдѣ много свѣжихъ могилъ воиновъ, навшихъ въ послѣдней битвѣ; тутъ Ясь вмѣстѣ съ Казей сошелъ съ коня, подь ними разверзлась земли и скрыла ихъ обоихъ. Утромъ замѣтили на одной изъ могилъ женское платье, вытащили оттуда полумертвую дѣвушку. Никто не понималъ ее на чужбинѣ, но клубокъ нитокъ помогъ ей найти свой обратный путь, и она счастливо добралась домой послѣ трехъ лѣтъ, трехъ мѣсяцевъ и трехъ дней пути“.

Съ удержаніемъ народной рѣчи и народнаго склада записана *познанская сказка* Кольбергомъ ¹⁾. Весьма близко къ ней подходитъ рассказъ „*Eine polnische Lenorensage*“, напечатанный Веккенштедтомъ ²⁾ безъ указанія однако мѣста, гдѣ рассказъ записанъ. Оставляя въ сторонѣ этотъ послѣдній, я приведу содержаніе сказки Кольберга. Оно таково:

„У одной дѣвушки былъ женихъ, да умеръ. Она его опла-

¹⁾ Kolberg, Lud, XIV, стр. 181.

²⁾ Zeitschrift für Volkskunde. 1890, II, стр. 144.

живала и день и ночь. Пошла она разъ вечеромъ на вечеринку, но не весело ей тамъ было, и все думалось: ахъ, еслибы былъ здѣсь мой милый. Пошла она домой и опять плачетъ. Вдругъ онъ ѣдетъ (тотъ мертвецъ) и говоритъ ей: „это ты, Казя, садись ко мнѣ скорѣй“. Они и поѣхали, тутъ пробило полночь, и онъ ей говоритъ: „*ludzie spia, kury spia, a umarli ze żuwemi po świecie jeżdżą*“. Она отвѣчаетъ: „*cicho ty, niechaj ci zaśpiewają, co rogowe ryski mają*“ (пѣтухи). Вотъ приѣхали на кладбище, гдѣ его могила. Тамъ была богадѣльня и лежалъ тамъ одинъ умершій дѣдъ, при немъ сидѣли два живыхъ дѣда. Къ нимъ убѣжала Казя и приперла дверь метлой, да платье себѣ и прищемила. Ясь прибѣжалъ туда, оборвалъ ей платье и кричитъ покойнику: „дверь открой“. Но живой дѣдъ ударилъ мертваго по головѣ палкой и говоритъ: „лежи смирно“, такъ тотъ и не двинулся. Тогда Ясь обращается къ четверговой пряхѣ: „пряха, открой мнѣ“. Но дѣдъ крикнулъ на пряху: „виси, гдѣ тебя повѣсили“. Тутъ запѣлъ пѣтухъ, и Ясь пошелъ къ себѣ, платье же дѣвушки порвалъ на кусочки, разложилъ по могиламъ и говоритъ: „не она глупа, а я глупъ, что сразу не разорвалъ ее на куски“.

Весьма близко подходитъ къ вышеприведенному нѣмецкому варианту, записанному въ Помераніи, польскій рассказъ, отмѣченный Хелховскимъ изъ окрестностей Прасныша¹⁾ „*O jedną pannię i jej kawalirze*“.

„Полюбились юноша съ дѣвушкой; онъ пошелъ въ солдаты и умеръ тамъ, а она, не зная объ этомъ, все плакала объ немъ. Слезы эти пошли ему не въ пользу, но во вредъ: ему надобно это въ гробу, ибо плачу и жалобъ было ужъ слишкомъ. Разъ ночью онъ вышелъ изъ могилы, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ дому дѣвушки. Связавъ свои вещи въ узелокъ, дѣвушка взяла съ собой четки, молитвенникъ и *skarłigz*, сѣла на коня къ своему милому, и они поѣхали. Въ деревнѣ со-

¹⁾ S. Helchowski, Powieści i Opowiadania ludowe z okolic Przasnysza. Wazsawa, 1890, II, стр. 40—42, № 59.

баки съ остервененіемъ кидались на нихъ: „что это значить“, спрашиваетъ она. „Nie wis co?“ отвѣчаетъ онъ. „Uno wej umarłŷ potrafi zuwugo wiźć“. Приѣхавъ къ его могилѣ, она не хочетъ первой лѣзть въ нее, но посылаетъ его. Когда онъ туда вошелъ, она бросаетъ ему свой узелокъ съ бѣльемъ, а сама убѣгаетъ и прячется въ избушкѣ, гдѣ лежало двое мертвецовъ. Одному изъ нихъ она кладетъ на ноги четки, другому молитвенникъ, а *škarlirze* повѣсила на дверь. Прибѣгаетъ ея женихъ и проситъ мертвецовъ открыть ему дверь, но тѣ не могутъ встать: одинъ говоритъ, что у него на ногахъ лежатъ цѣпи, другой — желѣза. Тогда онъ кричитъ: „праща, намотанная въ четвергъ послѣ ужина, открой мнѣ“. При этихъ словахъ дѣвушка схватила топоръ и перерубила пряжу, а сама спряталась на печь. Когда зашѣлъ пѣтухъ, мертвый ея женихъ исчезъ; на слѣдующее утро дѣвушку нашли, но на третій день она умерла“.

Въ этой польской сказкѣ, повидимому, забытъ извѣстный стихотворный припѣвъ, но прежде онъ былъ, несомнѣнно, и въ польскихъ сказкахъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ одинъ изъ прежнихъ собирателей польскаго народнаго творчества, Голембiovскій¹⁾, говоря, что есть народная стихотворная повѣсть о вампирахъ, при чемъ и приводитъ извѣстный refrain:

„*Xiężyc świeci
Martwiec leci,
Sukieneczka szach, szach,
Panienecko czy nie strach*“?

Въ Кѣлецкой губ., возлѣ Корчина, записана Сялковскимъ сказка²⁾, передающая довольно точно сущность разсказа о мертвомъ женихѣ, вызванномъ дѣвушкой при по-

¹⁾ L. Gołębiowski, *Lud polski, jego zwyczaje i zabobony*. Warszawa, 1830, стр. 171.

²⁾ Ks. Siarkowski, *Materyały do etnografji ludu polskiego z okolic Kielec*. *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*. Kraków, 1879, III, 3, стр. 21.

средствъ чаръ — въ жарко натоленной печи она сжигаетъ кота — и увозящемъ ее затѣмъ съ собой. Но тутъ дальнѣйшій ходъ дѣйствія забыть; дѣвушку предупреждаютъ объ опасности таинственные кони, везшіе ее съ женихомъ; они ей совѣтуютъ соскочить съ повозки и лечь крестомъ на полѣ, засѣянномъ льномъ; такое поле недоступно нечистой силѣ. Дѣвушка такъ и сдѣлала, а потомъ вернулась къ родителямъ. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ чисто народной редакціей, усвоившей лишь сущность разсказа, примѣненнаго своеобразно для подтвержденія на примѣрѣ того вѣрованія, что льнице спасаетъ отъ нечистой силы. Такое примѣненіе свѣдѣтельствуешь и стародавности самого разсказа, основная идея котораго, хотя и забыта уже, но за то ходъ дѣйствія слить съ иными, живущими въ народѣ представленіями.

Въ польской народной поэзіи, кромѣ сказокъ о женихѣ-мертвецѣ, въ самое послѣднее время найдена пѣсня съ тѣмъ же содержаніемъ, выдаваемая за народную. Записалъ ее Грудзинскій¹⁾ отъ дѣвушки изъ Радимно въ Галиціи, и по наведеннымъ справкамъ оказалось, что пѣсня эта вообще извѣстна въ окрестностяхъ Радимно, Ярославля и Перемысля, гдѣ ее распѣвають дѣвушки и молодые парни. Тѣмъ не менѣе складъ пѣсни показываетъ, что она сложилась не въ народной средѣ; героемъ ея является рыцарь, а литературная обработка, повидимому, стоитъ въ зависимости отъ Леноры Бюргера. Такъ какъ напечатана она въ мало распространенномъ изданіи, то я приведу ее цѣликомъ:

1.

„Czy spisz Heleno, czy czuwasz jeszcze?
Ach otwórz, otwórz me lube życie!
Twém czulém sercem niech się popieszcze,
Nim zorza poranna zaświeci”.

¹⁾ S. Grudziński, Op. cit., стр. 25: „Helene“. Eine polnische volkstümliche Lenorenballade.

2.

A skąd ty, Jasiu, o tak późnej dobie?
Jam już myślała, żeś ty poległ w grobie,
Mnie tu męka bez przerwy i ból srogi!
Skąd ty powracasz, kochanku mój drogi“?

3.

„Ja tu powracam z daleka,
Wolno mi tylko o północy.
Jeśli mię kochasz i masz tyle mocy,
Chodź ze mną, rumak na nas czeka”.

4.

I jak się czuje przy nocnej odzieży,
Czém prędkiej wstaje, na konia bieży;
Rączkami drżącemi go się trzyma,
Główkę na ramieniu Jasia spiera.

5.

Gdy wojak młody krzyknie hop, hura!
Koń czarny pod nimi spieniony cały,
Na nic nie zważa, czy to dół czy góra,
Gdzie wciął kopytem, tam iskry leciały.

6.

„Widzisz, Heleno, jak księżyc prześwieca;
A zmarli gonią, kieby błyskawica?
Może się boisz, tych co leżą w grobie“?
„O daj im spokój, niechaj leżą sobie“.

7.

„Słuchaj, karoszu, jutrzny wietrzyk wieje,
Leć prędzej, karoszu, nim kogut zapieje“.
Karosz się też zwija, nogami dociąga,
Że niemal brzuchem ziemi nie dosiaga,

8.

Gdy przyjechali pod cmentarne wrota,
Te się otwały z wielkim łoskotem.

Tam się pokazał im widok niemiły:
Groby, grobowce, krzyże, mogiły.

9.

Przy grobie otwartym był pomnik wspaniały.
Herb i pancerz jego ozdabiał.
Złote litery później wyrzyto:
Helenę i Jasia tu wspólnie przykryto“.

Издатель думаетъ, будто приведенная баллада очень стара, относится чуть ли не ко временамъ норманновъ, занесшихъ ее въ Польшу; между тѣмъ, не говоря уже объ языкѣ, весьма далекомъ отъ народнаго, достаточно сравнить строфы 4, 5, 6, 7 и 8 съ подходящими мѣстами Бюргеровской баллады, чтобы убѣдиться, что польская пѣсня оказывается сокращеніемъ нѣмецкаго оригинала. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что увлеченіе польской молодежи Ленорой Бюргера было весьма сильно, какъ это извѣстно и самому Грудзинскому.

Когда въ Вильнѣ ¹⁾ въ кружкѣ молодыхъ любителей поэзіи студентъ Чернявскій прочелъ Ленору въ переработкѣ Жуковскаго, то уже на слѣдующій день Тома Занъ, членъ этого кружка, написалъ балладу подъ названіемъ: „*Neryna*“, которая представляла собою не что иное, какъ передѣлку Людмилы ²⁾; въ то же время Ляхъ-Ширма пишетъ свое подраженіе Ленорѣ подъ заглавіемъ: „*Leon i Camilla*“, Нѣмцевичъ перерабатываетъ англійскую балладу подходящаго сюжета въ своей поэмѣ „*Alonzo i Helena*“, и немного позднѣе появляется баллада Мицкевича „*Ucieczka*“, для созданія которой, судя по его словамъ, онъ пользовался какою то польскою пѣснью, услышанной имъ на Литвѣ.

Въ виду такихъ фактовъ литературное происхожденіе

---

¹⁾ P. Chmielowski, Adam Mickiewicz. *Zarys biograficzno-literacki*. Kraków i Warszawa, 1886, I, стр. 157 и сл.

²⁾ Ближайшее сопоставленіе Нерины съ Людмилой сдѣлано проф. Р. Брандтомъ: Ленора, Людмила и Нерина — Рус. фил. Вѣст. 1896, II, 171—181.

опубликованной Грудзинским польской пѣсни изъ Галиціи представляется несомнѣннымъ. Тѣмъ не менѣе есть основаніе предполагать, что какая либо подобнаго рода пѣсня народная могла быть извѣстной среди польскаго общества: объ этомъ упоминаетъ, какъ мы видѣли выше, Голембiovскій, а затѣмъ Мицкевичъ самъ заявляетъ ¹⁾, что идею для своей баллады „*Ucieczka*“ онъ заимствовалъ изъ слышанной имъ на Литвѣ пѣсни; основу и ходъ дѣйствія ея онъ удержалъ въ своей обработкѣ, а немногіе стихи народной пѣсни, сохранившіеся въ его памяти, служили образцомъ для стиля его баллады. Хотя Мицкевичу была извѣстна и „Ленора“, Бюргера, и передѣлка Жуковскаго „Людмила“, но его произведеніе оказывается совершенно оригинальнымъ, построеннымъ на матеріалѣ, извѣстномъ въ славянскихъ вариантахъ сказки о женихѣ-мертвецѣ; замыселъ и тонъ народнаго произведенія, въ соединеніи съ замѣчательнымъ совершенствомъ формы, въ обработкѣ Мицкевича производятъ цѣльное и глубокое впечатлѣніе. Съ точки зрѣнія народно-психологической баллада Мицкевича выше Бюргерской; послѣдняя впадаетъ въ фальшивый тонъ, ставя Ленору въ конфликтъ съ Провидѣніемъ, которое въ наказаніе посылаетъ къ ней ея умершаго друга, тогда какъ Мицкевичъ, согласно съ духомъ народной поэзіи, заставляетъ свою героиню прибѣгнуть къ чарамъ и тѣмъ вызвать своего возлюбленнаго ²⁾.

Въ этомъ случаѣ Мицкевичъ невольно, чрезъ посредство одного изъ славянскихъ изводовъ пѣсни о женихѣ-мертвецѣ

¹⁾ Poezye Adama Mickiewicza. Warszawa, 1833, III, стр. 215.

²⁾ О. Третьякъ въ своей брошюркѣ „*Про вплив Мицкевича на поезію Шевченка*“ (Краків, 1892, стр. 14) доказываетъ что Шевченко написалъ свое стихотвореніе „*Тополя*“ подъ влияніемъ „*Ucieczki*“ Мицкевича. Между тѣмъ и другимъ произведеніемъ общаго лишь то, что оба написаны на народную тему; для того, чтобы найти такіе мотивы, какъ сватаніе богача, отчаяніе дѣвушки по этому поводу и обращеніе за помощью къ чаровницѣ, Шевченко нечего было заимствовать у Мицкевича, ему надо было лишь любить и знать народную поэзію, гдѣ онъ въ изобиліи могъ найти подобные мотивы.

приблизился къ классическимъ версіямъ мѣта о Протезилаѣ, по которымъ Лаодамія пользуется чарами для вызова Протези-лая изъ царства мертвыхъ.

Баллада Мицкевича „*Ucieczka*“, начинается стихами:

„On wojuje—rok upłynął,
On niewraca—może zginął,
Panno, szkoda młodych lat,
Od Xiążęcia jedzie swat“.

Уже дѣлаются приготовления къ свадьбѣ, дѣвушка въ отчаяніи не знаетъ, какъ быть; на помощь ей приходитъ старая вѣдьма, и онѣ прибѣгаютъ къ чарамъ:

„Włosy jego w węża splącz,
Dwie obrączki razem złącz,
Z lewój ręki krwi usącz,
A na węża będziem kłać,
W dwie obrączki będziem dąć,
Musi przyiść i ciebie wziąć“.

Такъ и случилось; около полуночи въ бѣломъ одѣяніи умершій женихъ появляется у ея постели, затѣмъ они ѣдутъ:

„*Mieściąc świeci — jeździec leci*
Po zarosłach i po krzacz,
Panno, Panno, czy nie strach“?

Ей становится страшно отъ этой бѣшеной скачки, она проситъ ѣхать потише, но онъ вмѣсто того убѣждаетъ ее бросить имѣвшіеся съ нею священные предметы — молитвенникъ, четки и, наконецъ, крестъ, материнское благословеніе; послѣ этого конь еще легче мчится впередъ, и вотъ они на кладбищѣ; всадникъ закутываетъ ее своимъ плащомъ, раздается зло-вѣщій хохотъ коня, бьетъ полночь, поетъ цѣтухъ, конь, всадникъ и дѣвушка исчезаютъ въ могилѣ. На утро только одна могила безъ креста со свѣже взрытой землей свидѣтельство-вала о происшествіи“.

Движеніе нашего сюжета на востокъ не останавливается въ Польшѣ; оно идетъ далѣе, захватывая главнымъ образомъ

сѣверо-западные и юго-западные губерніи Россіи и лишь спорадически проникая на восточныя ея окраины; распространение его въ русскомъ народѣ такимъ образомъ ограничивается по преимуществу мѣстностями, приходившими въ наибольшее частыя сношенія съ западными сосѣдями, поляками и галицкими русскими.

XXIII. Варіанты русскіе.

До послѣдняго времени русскихъ варіантовъ было опубликовано немного, да и тѣ, что были напечатаны, относились исключительно къ малорусскимъ рассказамъ. Таковы галицкая пѣсня, сообщенная Головацкимъ, и малорусскія сказки, напечатанныя Драгомановымъ и Чубинскимъ.

Въ 1891 г. появился въ печати „Смоленскій Этнографическій Сборникъ“, составленный В. Н. Добровольскимъ (С.-Пб. 1891)¹⁾. Въ этомъ богатомъ этнографическими матеріалами собраніи находимъ сказку (стр. 126, № 58): „Якъ женихъ изъ мертвыхъ, съ тѣю свѣта, за нявѣстѣй прїѣхау, нявѣсту съ сабой увѣзъ и лѣдва ни стрѣтилъ, да, болозе, покойная хрѣстная матка пардила дѣўки, якъ збавица атъ чорта“, довольно полно передающую нашъ сюжетъ на бѣлорусскомъ нарѣчїи.

Сверхъ того мнѣ удалось добыть двѣнадцать русскихъ варіантовъ сказки о женихѣ-мертвецѣ, которые я и помѣщаю въ приложеніи. Восемь изъ нихъ записаны отъ солдатъ, стоящихъ въ Варшавѣ, но уроженцевъ разныхъ губерній; два записаны въ Варшавской губ. отъ бывшихъ прусскихъ старообрядцевъ, одинъ на мѣстѣ въ Сѣдлецкой губ., и одинъ отъ дѣвушки, прїѣхавшей изъ Пріамурской области. Тринадцатый варіантъ изъ Оренбургской губ. лишь отдаленнымъ образомъ относится къ нашему сюжету; онъ является самостоятельной сказкой изъ круга тѣхъ, которыя, повидимому, оказали свое вѣдѣйствіе на славянскія редакціи рассказовъ о женихѣ-мертвецѣ.

¹⁾ Записки Императорскаго Русск. Географ. Общества по отдѣлу Этнографіи, XX.

приблизился къ классическимъ версіямъ мѣра
по которымъ Лаодамія пользуется чарами для
лая изъ царства мертвыхъ.

Баллада Мицкевича „*Ucieczka*“, начинается.

„On wojuje—rok upłynął,
On niewraca—może zginął,
Panno, szkoda młodych lat,
Od Xiążęcia jedzie swat“.

Уже дѣлаются приготовленія къ свадьбѣ;
чаянія не знаетъ, какъ быть; на помощь ей
вѣдьма, и онѣ прибѣгаютъ къ чарамъ:

„Włosy jego w węża spleć
Dwie obrączki razem złącz
Z lewój ręki krwi usącz,
A na węża będziem kłać.
W dwie obrączki będziem
Musz przyić i ciebie wz

Такъ и случилось; около полуночи
умершій женихъ появляется у ея по-

„*Miesiąc świeci — jeździec leci*
Po zaroślach i po krzacz,
Panno, Panno, czy nie strach

Ей становится страшно отъ
просить вѣшать потише, но онѣ
сильно имѣвшіеся съ нею священны
четки и, наконецъ, крестъ, въ
этого боя еще легче мнится
нѣтъ: — — — — —

опу?

паче давъ,

объ с,

блн,

лн"?—

остававъ,

на мя падавъ,

тнѣли,

бли.

полю,

дунаю,

тому,

мному"!—

робила,

спроводила,

тихому,

ко Темному.—

а, щось зробила,

дѣдка спроводила"?—

то такъ улякла,

блн предъ нимъ клякла:

яже жъ мбѣ, що'мъ зробила,

дѣдка спроводила";—

Такимъ образомъ мною добыты варианты изъ губерній: Псковской, Смоленской, Гродненской, Волынской, Полтавской, Киевской, Варшавской, Сѣдлецкой, Курской, Оренбургской и Пріамурской области.

Изъ приведеннаго перечня ихъ легко видѣть, что сюжетъ сказки о женихѣ-мѣртвецѣ извѣстенъ главнымъ образомъ въ предѣлахъ западной Руси, въ областяхъ говора малорусскаго и затѣмъ бѣлорусскаго; на дальній востокъ онъ попалъ очевидно случайно, измѣнивъ лишь нѣсколько свое содержаніе, при чемъ характерныя особенности разсказа все таки упорно удержались.

Присматриваясь къ внутреннему складу русскихъ вариантовъ, нельзя не замѣтить ихъ тѣсной связи со всѣми вообще славянскими версіями нашего разсказа и ближайшимъ образомъ съ разсказами западныхъ славянъ, какъ словаки и поляки. Какъ выше было указано, варианты чешскіе и одинъ польскій сливаются съ восточно-прусскими и литовскими, а сербско-лужицкіе съ сѣверно-германскими, образуя такимъ образомъ цѣпь преемственной передачи нашего мотива съ запада на востокъ.

Разсмотримъ ближайшимъ образомъ русскіе варианты. Вотъ пѣсня, сообщаемая изъ Галицкой Руси Головацкимъ ¹⁾:

„Коли милый на войну ишовъ,
Своей милѣй наказовавъ:
„Кедь не прійду за рѣкъ, за два,
Не чекай мя, мила, нигда“!
Безъ два рочка го чекала,
На третимъ го счаровала,
Ажъ ся подъ нимъ земля пукала.
Въ четверъ вечеръ по вечера
Сидитъ Ганця на постели,
Трима'тъ ножки у купеле;
Бѣлый Явчикъ вѣзля дверей:
„Ганця, Ганця, що ты робишьъ,
Чомъ ми дверка не отворишьъ,

¹⁾ Я. Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. 1878, I, стр. 83. № 40.

Ой ци ты спишъ, ци ты чуешъ,
Чи на мене очекуешъ“?
„Ой я не сплю, ино чую,
И на тебе очекую“.
Лѣвовъ ручковъ отверяла,
Правовъ ручковъ го витала:
„Витай, витай, голубойку.
Щось ми прійшовъ до домойку?
Милый, милый, що робити,
Ци вечеру готовити,
Ци челядку й обудити“?—
„Ни вечеру готовити,
Ни челядку й обудити:
На то панъ Бѣгъ темну нѣчь давъ,
Жебы челядь спочивала,
Бо ся въ поли укопала,
Мила, мила, урѣжь волю,
Поискай ми главку мою“!
Мила волю урѣдила,
Главку ему искала.
„Милый, милый, що тобѣ е,
Же ти власки побутнѣли,
Бѣлы личка почорнѣли“?—
„Я на войнѣ зъ краю стававъ,
Дробный дожджикъ на мя падавъ,
Же ми власки побутнѣли,
Бѣлы личка почорнѣли.
Мила, мила, урѣжь волю,
Выпровадь мя ко дунаю,
Ко дунау, ко тихому,
Ко лѣсови ко темному“!—
„Мила волю урѣдила,
Ко дунаю спровадила,
Ко дунаю ко тихому,
Ко лѣсови, ко темному.—
„Мила, мила, щось зрѣдила,
Же'сь си дѣдка спровадила“?—
Мила ся го такъ улякла,
На колѣна предъ нимъ клякла:
„Ой Боже жъ мѣй, що'мъ зрѣдила,
Та я дѣдка спровадила“;—

„Мила, мила, вратъся назадъ!
 Бо я южъ не е твой милый,
 Лемъ я дѣдько справедливый!“—
 Скоро в'на ся повернула,
 На порохъ ся разсыпала“.

Приведенная галицко-русская пѣсня совпадаетъ дословно съ разобранной выше моравской пѣснью: какъ тамъ, такъ и здѣсь ходъ дѣйствія развивается совершенно одинаково и описывается тождественными выраженіями; молодой человѣкъ носить даже одно и тоже имя, Янко-Янчикъ; дѣвушка чаруетъ такъ, „Až sa černa zem pukala“; отворивъ ему дверь, она „Leví ruku mu podala, a pěkňě ho přívítala“; затѣмъ далѣе повторяется дословно вопросъ дѣвушки, не надо-ли готовить „вечерю и будить челядку“, и отвѣтъ жениха „Na to ráni Bůh posí dávná, nech čeládka odpočívá“. Въ моравской пѣснѣ молодой человѣкъ жалуется на головную боль, указывая на то, что онъ уже семь лѣтъ гниль въ землѣ; эту же самую черту мы видѣли и въ англійскомъ варіантѣ и во французскомъ изъ Бретани, гдѣ кромѣ того дѣвушка даетъ своему спутнику платокъ повязать голову; въ галицко-русской пѣснѣ онъ проситъ лишь свою милую поискать ему въ головѣ. Въ этомъ мѣстѣ галицко-русская пѣсня отклоняется отъ моравской и одной подробностью сближается съ сербскими, болгарскими и новогреческими пѣснями о братѣ-мертвецѣ. Въ ней дѣвушка спрашиваетъ: „що тобѣ е, же ти власки побутнѣли, бѣлы личка почорнѣли?“ „На войнѣ, отвѣчаетъ милый, стоялъ я съ краю, мелкій дождикъ надалъ на меня, оттого мои волосы отсырѣли и бѣлое лицо почернѣло“.

Въ сербской пѣснѣ сестра спрашиваетъ брата:

„Што си тако, брате, потавнео,
 Баш кан'да си подъ землицомъ био“?

т. е. отчего ты, братецъ, такъ почернѣлъ, какъ будто-бы ты былъ подъ землею?“

Тоже самое повторяется въ болгарскихъ и ново-греческихъ пѣсняхъ.

Внеся эту подробность, галицко-русская пѣсня совершенно умалчиваетъ о поѣздѣ мертвеца съ невѣстой въ лунную ночь и о сценѣ на кладбищѣ. Первая подробность, повидимому, забыта ею и замѣнена проводами жениха „ко дунаю, ко тихому“; вторая вовсе не привлечена къ разсказу, изъ чего можно заключить, что галицкая пѣсня, удерживая стихотворную форму, черезъ посредство моравской передаетъ фэбулу стараго типа въ ея болѣе краткомъ видѣ, извѣстномъ намъ по западнымъ вариантамъ, которымъ чуждъ страшный конецъ, принятый въ славянскихъ версіяхъ.

По мѣрѣ движенія разсказа нашего на востокъ, изложеніе фэбулы теряетъ свою опредѣленность и полноту; передается онъ исключительно въ формѣ связки, удерживающей лишь главнѣйшіе моменты дѣйствія; пѣсня уже не встрѣчается; по всему замѣтно, что сказаніе удаляется отъ центра своего возникновенія, постепенно блѣднѣя и запутываясь, теряя прежнія подробности и принося по временамъ новыя.

Таковъ напр. слѣдующій малорусскій разсказъ „*Мертвый любовникъ*“¹⁾.

„У одной дѣвушки былъ возлюбленный, они крѣпко любили другъ друга и уже хотѣли пожениться, какъ вдругъ парубокъ захворалъ и умеръ. Дѣвушка начала горевать по немъ, и день и ночь плачетъ. Вотъ разъ легла она спать и плачетъ, вдругъ слышитъ, кто то идетъ и спрашиваетъ: „зачѣмъ ты по мнѣ такъ горюешь?“ По голосу она тотчасъ же узнала, что это ея возлюбленный, обрадовалась да и говоритъ: „какъ же мнѣ не горевать, если мнѣ очень жаль тебя“. „Поди въ избу, возьми все твое приданое и пойдемъ со мною“, сказалъ мертвецъ дѣвушкѣ. Она вбѣжала въ избу, забрала все, что было у нея въ сундукѣ, и передала ему, а онъ все это положилъ на бѣлаго коня, да и говоритъ: „иди за мною“. Онъ привелъ дѣвушку на кладбище, влѣзъ въ могилу, потянулъ

---

¹⁾ М. Драгомановъ, Малорусскіе народныя преданія и разсказы. Кіевъ, 1876, стр. 392.

туда за собою шубу и давай рвать ее въ куски; изорвавъ шубу, онъ схватилъ платки, рветъ ихъ въ куски, а самъ зубами скрежещетъ. Уже мало оставалось вещей въ цѣлости, когда дѣвушка въ испугѣ бросилась бѣжать домой, а мертвецъ за ней. Онъ начиналъ уже настигать ее, но она сбросила съ себя сперва юбку, а потомъ и сорочку и, пока мертвецъ рвалъ и эти вещи, успѣла скрыться въ избѣ. Подбѣжавъ къ окну, мертвый закричалъ: „ну, счастье твое, что убѣжала; знала бы, какъ плакать по мертвецу“. Съ тѣхъ поръ дѣвушка перестала плакать“.

Точно также запутанъ и не выдержанъ рассказъ въ тѣхъ малороссійскихъ сказкахъ, которыя сообщены Чубинскимъ изъ Полтавской и Екатеринославской губерній ¹⁾). Незмѣнной чертой и здѣсь однако остается причина появленія мертвеца, вызываемаго изъ могилы слезами дѣвушки; но парень не идетъ на войну; онъ уходитъ въ дорогу или же умираетъ дома, затѣмъ увозитъ дѣвушку или въ телѣгѣ, а то въ каретѣ шестеркой, или же — что указываетъ на полную запутанность рассказа — выходитъ изъ своей могилы, на которой плачетъ дѣвушка, и увозитъ ее на какую то другую свою могилу.

Второй постоянной чертой рассказа, сохраняющейся и въ малороссійскихъ версіяхъ, оказывается разговоръ между парнемъ и дѣвушкой въ формѣ діалога про мѣсяцъ и звѣзды, про ясную ночь и поѣздку мертвеца съ живой; діалогъ этотъ теряетъ уже здѣсь свой стихотворный складъ, тогда какъ во всѣхъ западныхъ изводахъ нашего рассказа refrain этотъ служитъ характернымъ ихъ признакомъ, уцѣлѣвшимъ отъ прежней стихотворной обработки всей фабулы.

Припѣвъ этотъ удержался впрочемъ и въ одной малороссійской версіи, записанной однако гораздо дальше къ западу, — это въ вариантѣ, отмѣченномъ W. Bugiel'emъ вблизи Коломы

---

¹⁾ П. Чубинскій, Труды этнографическо-статической экспедиціи въ западно-русскій край. Спб. 1878, II, стр. 411—416, № 119, 120, 121.

въ Галичинѣ и недавно напечатанномъ ¹⁾ подъ заглавіемъ:
„*Eine kleinrussische Version der Lenorensage*“. Въ немъ, какъ
и въ нашихъ сказкахъ, рассказывается, какъ дѣвушка опла-
киваетъ своего умершаго возлюбленнаго, какъ слезы ея нару-
шаютъ покой мертвеца, и вотъ онъ является къ ней, она со-
бираетъ свои вещи и идетъ съ нимъ. Ночь ясная мертвецъ
и говорить:

„свѣтитъ місяць јасно
јіде опір кр́асно
ци не бојіш ся дівчино“?

Она отвѣчаетъ:

„ја сі не боју
бо ја с тобою“.

Онъ приводитъ ее на кладбище къ могилѣ своей, она
бросаетъ ему туда разные свои вещи, затѣмъ убѣгаетъ, спа-
сается на печи въ избушкѣ вампира, тутъ запѣлъ пѣтухъ,
мертвецы исчезли, а дѣвушка отъ страха умерла.

Въ *бѣлорусскомъ варіантѣ*, записанномъ Добровольскимъ
въ Смоленской губ., отклоненіе рассказа отъ общаго типа
идетъ еще дальше. Парень увозитъ свою невѣсту не на клад-
бище, какъ это мы обыкновенно наблюдали, но въ церковь,
яко освѣщенную, наполненную мертвымъ народомъ. Среди
другихъ дѣвушка узнаетъ свою крестную мать, давно умершую.
Эта послѣдняя совѣтуетъ дѣвущкѣ какъ можно скорѣе убѣгать;
женихъ ее преслѣдуетъ, рветъ ея одежду, но сама она спа-
сается въ избѣ, гдѣ возлѣ умершаго старика сидѣла мать.
Въ этомъ случаѣ бѣлорусскій варіантъ спланиваетъ въ одно
цѣлое два рассказа: извѣстную уже намъ сказку про жениха-
мертвеца и существующую независимо отъ первой сказку, ко-
торой придается характеръ бывальщины, были, созданной въ
подтвержденіе народнаго представленія о томъ, что крестная
мать на томъ свѣтѣ лучше родной.

---

¹⁾ Archiv. f. Slav. Philol., XIV (1891), стр. 146.

„У одной дѣвушки, говорится въ такой бывальщинѣ, приводимой Чубинскимъ ¹⁾ умерла мать; дѣвушка долго и безутѣшно оплакиваетъ ее, пока, наконецъ, по совѣту одной бабы рѣшается остаться въ церкви послѣ вечерни, когда всѣ уже вышли, съ тѣмъ чтобы увидѣть свою мать. Около полуночи умершіе священникъ и дьячекъ начинаютъ службу, храмъ наполняется мертвецами, среди нихъ были знакомые дѣвушки, въ томъ числѣ и ея крестная мать. Замѣтивъ дѣвушку, эта послѣдняя совѣтуетъ ей убѣгать; тутъ подходитъ родная мать дѣвушки и говоритъ: *„ажъ тобі дамъ! Не будешъ ти більше по мені плакати, бо въ мене и такъ уже повна труна и повна има твоїхъ слізъ. Гірко мені въ нихъ купатися“*. Послѣ этого дѣвушка спасается бѣгствомъ, мать преслѣдуетъ ее, разрываятъ въ клочки бросаемаы дочерью вещи, пока та вскакиваетъ въ сѣни какой то избы, а тутъ поетъ пѣтухъ. Вернувшись домой, дѣвушка заболѣла и вскорѣ умерла“.

Нѣсколько иного содержанія, но съ тою же обстановкой передается и слѣдующій словацкій рассказъ ²⁾.

„У одного оборотня было девять дочерей, и онъ задумалъ всѣхъ ихъ сжить со свѣту. Онъ приказалъ имъ приносить ему по очереди ѣду въ лѣсъ, и тамъ зарывалъ ихъ въ яму. Когда дошла очередь до самой младшей и она должна была раздѣться, чтобы потомъ быть сброшенной въ яму, то она попросила отца отвернуться, такъ какъ ей стыдно раздѣваться при немъ, быстро спихнула его самого въ яму и бросилась бѣжать. Отецъ погнался за ней, она бросила ему свой платокъ со словами: *„прежде чѣмъ догнать меня, разорви этотъ платокъ на куски, разбери ихъ по ниткамъ, напряди изъ оборывковъ пряжи и сотки новый платокъ“*. Оборотень все такъ и сдѣлалъ и снова погнался за дочерью. Она побросала ему всю свою одежду, и, наконецъ, совсѣмъ голая спряталась на

¹⁾ П. Чубинскій, Op. cit. II, стр. 416, № 122.

²⁾ Mannhart's Zeitschr. f. deutsche Mythologie u. Sittenkunde, 1859, Bd. IV, стр. 224—228; Božena Němcová, Slovenské pohádky a pověsti. V Praze 1857, стр. 112—124.

лугу за маленькую коню сѣна. Отецъ прибѣжалъ на лугъ, перерылъ всѣ большія конны, а за маленькой не догадался посмотреть. Такой только хитростью спаслась дѣвушка“.

Наряду съ приведенной малорусской бывальщиной и словацкимъ разсказомъ слѣдуетъ поставить сказку-быль изъ Оренбургской губерніи ¹⁾, сказку изъ Симбирска ²⁾ и бѣлорусскую сказку, напечатанную въ указанномъ сборникѣ В. Н. Добровольскаго (стр. 128, № 50) подъ заглавіемъ: „*Якъ мартвецъ знаўся за войтымъ, а другой мартвецъ заступіўся за войта*“, а также польскую ³⁾ и мы будемъ имѣть полное основаніе думать, что подобнаго рода разсказъ, существовавшій самостоятельно, самъ по себѣ, могъ повліять на изложеніе повѣсти о женихѣ-мертвецѣ прежде, чѣмъ она распространилась между славянскими народами въ предѣлахъ Австріи и Россіи.

Чтобы покончить съ изучаемымъ вопросомъ, мнѣ остается еще воснудиться въ немногихъ словахъ русскихъ варіантовъ нашего сюжета.

Къ *великорусскимъ версіямъ* нашего разсказа можно отнести варіанты изъ *Исковской, Смоленской губерній и Примурской* области. Сами по себѣ они не представляютъ чего либо оригинальнаго и характернаго, но интересны, какъ доказательство устойчивости, съ какою передается въ народной памяти разъ сложившееся произведеніе, облеченное въ извѣстныя формы, выработанныя часто въ иной средѣ, въ отдаленныхъ краяхъ.

Наше произведеніе и въ мѣстахъ своего крайняго распространенія на востокъ упорно сохранило свою основу, отчасти лишь поколебленную и забытую. Восстанавливая ее по разнымъ версіямъ русскихъ разсказовъ, мы придемъ къ тому, что схемой для нихъ послужили слѣдующія звенья:

¹⁾ См. Прил. № 13.

²⁾ Д. Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края. Спб., 1884, стр. 238.

³⁾ Польская сказка о покойникѣ, гонящемся за живымъ у Kolberg'a Lud, XXI 2, стр. 156.

1) молодой человекъ идетъ въ военную службу и тамъ умираетъ;

2) молодая дѣвушка, его возлюбленная, плачетъ по немъ и слезами заставляетъ его подняться изъ могилы;

3) онъ увозитъ ее на кладбище, дѣвушка спасается бѣгствомъ и по большей части вскорѣ умираетъ.

Въ этой схемѣ русскихъ разсказовъ, какъ крайняго восточнаго отраженія подобныхъ же сказаній западныхъ, въ частности нѣмецкихъ, прошедшихъ чрезъ западно-славянскую среду, мы не можемъ не признать повторенія той же основы, которая извлечена была нами изъ скандинавской саги про любовь Гельги и Сигруны и еще далѣе изъ классическихъ версій про любовь Протезилая и Лаодамиа.

Рядъ поэтическихъ произведеній, построенныхъ на этой основѣ, разобранныхъ нами выше, служить, какъ мнѣ кажется, нагляднымъ доказательствомъ той преемственности, съ какой классическая фабула, измѣняясь соотвѣтственно средѣ, куда ей приходилось попадать, переходила отъ народа къ народу, пока наконецъ, почти заглухнувъ и одичавъ, потерялась среди необозримаго сказочнаго матеріала, къ которому ей поневолѣ пришлось примѣняться.

И такъ, подводя итогъ всѣмъ сдѣланнымъ наблюденіямъ, мы не можемъ не замѣтить, что всѣ собранные варианты пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ располагаются по характеру своей обработки на двѣ большія группы сказаній, на группу германскую, къ которой примыкаютъ также романскіе варианты, и славянскую. Все разнообразіе вариантовъ обѣихъ этихъ группъ должно быть возведено на основаніи чертъ литературной обработки къ какому-то неизвѣстному намъ средневѣковому, повидимому, нѣмецкому поэтическому источнику, находившемуся въ свою очередь въ тѣсной генетической преемственности съ сѣверными балладами въ родѣ датской „*Der Ritter Aage und Jungfrau Else*“ и шведской „*Macht des Kummers*“. Эти послѣднія со своей стороны связываются по замыслу и отчасти по исполненію со скандинавской сагой про

Гелли и Сигруну, переработавшей, какъ можно думать на основаніи вышеприведенныхъ наблюденій, своеобразно одну изъ классическихъ версій о возвращеніи *Протезилая* изъ царства тѣней къ тоскующей своей молодой женѣ, *Лаодаміи*. Такимъ образомъ, при самомъ широкомъ обобщеніи во главѣ всего обширнаго цикла сказаній о женихѣ-мертвецѣ слѣдуетъ, по видимому, поставить, классическій миѳъ о Протезилаѣ, а въ концѣ тѣхъ, уже ослабѣвшіе отголоски его, съ какими мы встрѣчаемся въ русскихъ вариантахъ, какъ изложенныхъ выше, такъ и сообщаемыхъ мною въ приложеніи къ этому изслѣдованію, и въ общемъ своемъ развитіи представляющихъ намъ одинъ изъ многихъ случаевъ проникновенія въ нашу народную поэзію образцовъ западно-европейскаго поэтическаго творчества.

6.

Пѣсни о братѣ-мертвецѣ.

Мы уже видѣли раньше, что разобранный нами поэтический сюжетъ о *юенихъ-мертвецѣ* встрѣчается среди сербской народности въ Босніи ¹⁾ съ другимъ поэтическимъ сюжетомъ о *братѣ-мертвецѣ*, разработанномъ въ высоко-художественныхъ и трогательныхъ пѣсняхъ сербскихъ, болгарскихъ, албанскихъ и ново-греческихъ.

Въ то время, какъ въ первомъ сюжетѣ основой сказанія служить вѣрная любовь между женихомъ и невѣстой, замѣнившая собою первоначальную любовь между мужемъ и женой, во второмъ главную роль играетъ любовь родственная, кровная, тѣсно связывающая брата съ сестрой. Это чувство, глубоко лежащее въ народной южно-славянской психикѣ, вызвавшее множество превосходныхъ поэтическихъ произведеній въ устной поэзіи сербской, служить главнымъ движущимъ мотивомъ въ рассказѣ о братѣ-мертвецѣ.

То обстоятельство, что здѣсь, какъ и въ вышеразобранныхъ рассказахъ, дѣйствующимъ лицомъ является мертвецъ, вызванный изъ могилы или слезами, или чарами, или проклятіемъ, что онъ пріѣзжаетъ за сестрой и увозитъ ее, подобно

---

¹⁾ Fr. Krauss, Powrót umarłych na świat. Wisła, 1890, IV, стр. 667.

тому, какъ мертвый женихъ свою невѣсту, подало мысль большинству ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, ставить въ связь сказанія о женихѣ-мертвецѣ съ пѣснями о братѣ-мертвецѣ, отыскивая ихъ внутреннее родство.

Мнѣ кажется, что такое сходство двухъ цикловъ нашихъ сказаній не простирается глубже случайнаго, чисто внѣшняго совпаденія хода дѣйствія въ нихъ. Такое внѣшнее сходство между двумя разными рассказами могло легко оказаться среди той массы всевозможныхъ сказаній про мертвецовъ, съ которыми мы встрѣтились въ устныхъ преданіяхъ всѣхъ европейскихъ народовъ. Припомнимъ напр. такой оригинальный малороссійскій рассказъ, какъ „Мертвецы на заговѣнахъ“ (стр. 51), или какъ моравскій — „*S mrtvými není žádný žert*“ (стр. 54), или исландскій — „*Der tote als gast*“ (стр. 58), или шведская пѣсня „*Духъ Гедеби*“ (стр. 60) и датско-норвежская „*Мать въ могилѣ*“ (стр. 62), или, наконецъ, малороссійскій рассказъ „*Не плачь по мертвому: мертвецъ въ юстяхъ у жены*“ (стр. 95), возникшіе, повидимому, самостоятельно при наличии лишь общей идеи и вѣры въ возможность возвращенія умершихъ на землю.

Если-бы отмѣченное внѣшнее сходство между цикломъ сказаній о женихѣ-мертвецѣ и пѣснями о братѣ-мертвецѣ простиралось и на внутренній ихъ складъ, на разработку подробностей, тогда нельзя было-бы отрицать ихъ генетической зависимости; но такъ какъ на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, этого нѣтъ, то ставить послѣднія въ связь съ первыми не представляется никакой фактической необходимости.

Наивысшаго своего художественнаго и при томъ послѣдовательнаго развитія сюжетъ о братѣ мертвецѣ достигаетъ въ пѣсняхъ сербскихъ, давно уже обратившихъ на себя вниманіе изслѣдователей; въ рассмотрѣнію ихъ мы теперь и перейдемъ.

1. Варианты сербно-хорватскіе.

Первый сербскій вариантъ пѣсни о братѣ-мертвецѣ былъ опубликованъ Вукомъ Караджичемъ и озаглавленъ имъ

„Браћа и сестра“¹⁾. Пјесня эта, передающая нашъ сюжетъ въ законченной и прекрасной обработкѣ, начинается картиной семейнаго быта:

„Рани мајка девет мили сина
И десету шћерцу мљезивицу;
Ранила их док их одранила,
Докле были сини на женидбу,
А ђевоика была на удају“, т. е.

„Выростила мать девять милыхъ сыновей, а десятую младшую дочку, Елицу; пришло время женить сыновей, а дочку замужъ выдавать“.

„И вотъ, рассказывается дальше въ пјеснѣ, много жениховъ сватають ее: одинъ банъ, другой генераль, третій староста изъ села. Мать хочетъ отдать дочь за старосту, а братья за бана изъ-за моря, и говорятъ сестрѣ: „дорогая сестра наша, не бойся выходить за море, мы часто будемъ навѣщать тебя, въ годъ каждый мѣсяцъ, въ мѣсяцъ каждую недѣлю. Послушалась сестра братьевъ и пошла за заморскаго бана, а тутъ случился моръ, умерли всѣ ея девять милыхъ братьевъ, осталась одна старая мать. Такъ прошло цѣлыхъ три года; горько плачетъ сестра Елица, плачетъ утромъ и вечеромъ, жалунсь, что братья забыли ее. Слезы ея разжалобили Господа Бога, и Онъ послалъ двухъ своихъ ангеловъ на могилу младшаго брата Іована, сказавъ имъ: „подите вы, мои ангелы, къ бѣлому гробу Іованову, дохните на него своимъ духомъ, изъ гроба сдѣлайте ему коня, замѣсити изъ земли пироги, изъ покрововъ вырѣжьте подарки, снарядите его въ дорогу къ сестрѣ“. Издалека замѣтила сестра приближеніе брата и вышла къ нему на встрѣчу; со слезами обняла его, расцѣловала и сказала: „помнишь ли братецъ, какъ часто вы обѣщали навѣщать меня, а потомъ забыли? Чтбъ это случилось, съ тобою, братецъ, что ты такъ почернѣлъ, какъ будто бы лежалъ подъ землею?“ Замолчи, сестра, отвѣчалъ Іованъ, у ме-

¹⁾ Вук Караџић, Српске народне пјесме. 1875, II, стр. 38—42. Въ изд. 1824 года, кн. I, стр. 300.

на было много дѣлъ, пока я оженилъ восемь братьевъ и пока мы отстроили девять бѣлыхъ дворовъ; отъ этого я и почернѣлъ“. Три дня прогостилъ Іованъ у сестры, началъ собираться въ обратный путь, какъ сестра заявила ему, чтобъ онъ взялъ и ее домой. „*Не ѣзди, сестрица, теперь, пока братья не вернутся изъ похода*“, но Іелица стояла на своемъ, и они пустились въ путь. Когда они подъѣзжали уже къ дому и были у церкви, братъ сказалъ сестрѣ: „обожди меня здѣсь, сестрица, я пойду за бѣлую церковь, хочу поискать золотой перстень, который я потерялъ, когда мы женили среднего брата“. Напрасно ждетъ Іелица брата, онъ не возвращается и тутъ только она замѣчаетъ возлѣ церкви много свѣжихъ могилъ и догадывается, что братья ея померли. *Сизою кукушкой заплакала Іелица* и бросилась въ дому отыскивать старую мать. Стучить она въ ворота и кричить: „бѣдная матушка моя, открой мнѣ ворота!“ „Иди отсюда, ниспосланная Богомъ смерть, ты похитила уже у меня девять сыновей, а теперь хочешь взять и меня старую“, раздался изъ дому ея голосъ. „Несчастливая матушка, открой мнѣ ворота, повторяетъ Іелица, я не смерть, я твоя дочь, Іелица“. Ворота раскрылись, кукушкой зарыдала старуха, бѣлыми руками обнялись мать съ дочерью, и обѣ тутъ же упали мертвыми на землю“.

Второй сербскій вариантъ записанъ Давидовичемъ ¹⁾ въ Босніи. Онъ любопытенъ нѣкоторыми подробностями и, начинаясь стихами:

„Просци просе, Марију дјевојку,
Просили је, са четири стране,
Мајка ј' даде Илији Приморцу,
Браћа дају код сињег мора“

вводитъ насъ прямо in medias res разсказа.

¹⁾ С. Давидовић, Српске народне пјесме изъ Босне. Панчево, 1884, стр. 10—14. Пѣсня эта въ латинской транскрипціи приведена у Крауса: Wisla, 1890, IV, стр. 668.

„Девять братьевъ, девять племянниковъ, всѣ говорили юной Марѣ: „если пойдешь замужъ по нашему желанію, то мы будемъ часто навѣщать тебя, въ году каждый мѣсяцъ, въ мѣсяцъ каждую недѣлю; если же сдѣлаешь, какъ мать хочетъ, никто изъ насъ къ тебѣ приходить не будетъ“. Дѣвушка послушалась братьевъ; но вотъ проходитъ годъ, никто изъ родныхъ не навѣстилъ ее; проходитъ цѣлыхъ пять лѣтъ, а о братьяхъ ни слуху, ни духу; свекровь и свекоръ, девери и золовки, наконецъ и молодые невѣстки, всѣ укоряють Мару, говоря:

„Наша снао, сам те Бог убио,
Како си то роду мила била?
Па ти нико од рода не дође“.

Горько плачетъ Мара, жалуясь Богу на свое несчастье; наконецъ, идетъ къ себѣ въ комнату,

„Па је девет лутак' направила,
Своје браће имена им дала
Опет девет лутак' направила,
Имена им стричевић' надјела;
Постави им софру и трпезу,
На трпезу сваку ђаконију;
Редом им је вино додавала“.

Это разжалобило Господа Бога; такъ какъ братья Мары всѣ умерли, то Онъ шлетъ ангела на могилу ея *старшаго* брата, Іована. Ангелъ ударилъ жезломъ по гробницѣ и она открылась; изъ доски онъ дѣлаетъ коня, изъ покрововъ платье и посылаетъ Іована къ сестрѣ. Всѣ родные вышли къ нему на встрѣчу, принимаютъ и угощаютъ его, но

„Мртво т'јело не пије, не једе,
Казује им да је оболио“.

Когда братъ собрался въ обратный путь, сестра просить взять и ее съ собой; въ дорогѣ

„Кад су били кроз гору зелену,
Све пјевају тице кусовице,
Боже мили на дару ти вала
Како мртав по земљице ода“.

„Слышишь, братецъ, что́ поють птицы“, говоритъ сестра. „Не говори глупостей, отвѣчаетъ онъ; пускай ихъ поють, такъ и Богъ имъ велѣлъ“. Подъѣхавъ въ дому, она замѣчаетъ, что дворъ заросъ мхомъ и строенія почернѣли. Случилось это, по словамъ брата, отъ проклятаго пороку и олова, когда они женились. У зеленаго кладбища Іово оставляетъ сестру, чтобы напиться холодной воды; вмѣсто того, онъ бѣжитъ на свою могилу, влѣзаетъ въ свой гробъ, и могила закрывается. Тутъ только Мара замѣчаетъ восемнадцать свѣжихъ могилъ; съ воплемъ бросается она въ дому и стучится въ ворота. Изъ дому раздается голосъ матери:

„Иди од'тле куго и бетего,
Све си моје младо поморила,
Само мене јадну оставила“.

„Я не чума и не болѣзнь, отвѣчаетъ дочь, но твоя Мара“. Разобравъ эти рѣчи, мать открыла ворота:

„Како су се тужне загрлиле,
Обе мртве на земљу падоше“!

Таковы сербскія пѣсни о братѣ-мертвецѣ, но есть и хорватскія въ количествѣ пяти вариантовъ, записанныхъ въ Далмации и Герцеговинѣ¹⁾. Въ своемъ развитіи извѣстнаго уже намъ содержанія хорватскіе варианты не уклоняются отъ редакціи сербской пѣсни по записи Караджича, приписывали лишь инныя имена дѣйствующимъ лицамъ. Такъ сестра именуется Марой, Миличицей, Гелиной, Андей и оказывается дочерью короля Милутина или Драгутина или просто Тодоровича Янка; младшій братъ носитъ имя Тратора, Павла, Косты; въ одномъ вариантѣ не одинъ младшій братъ, поднятый ангелами изъ могилы, идетъ за сестрой, но всѣ девять. Чудесное появленіе изъ могилы младшаго брата, ѣдущаго за сестрой, совершается по повелѣнію Господа, посылающаго ангеловъ или святыхъ Петра и Николая поднять умершаго изъ

---

¹⁾ Hrvatske narodne pjesme. Skupila i izdala Matica Hrvatska. Zagreb, 1896, стр. 56—63; 514—517.

жалости къ слезамъ сестры или матери, иной разъ проклинающей младшаго сына за то, что по его настоянію дочь ея отдава на чужбину, обыкновенно „за море“ или въ Индію. Главное же дѣйствіе разсказа совершается по преимуществу въ Босніи.

Разсматривая складъ всѣхъ этихъ сербско-хорватскихъ пѣсенъ, необходимо отмѣтить, что запѣвъ ихъ весьма обыкновененъ въ сербской поэзіи. Точно такой же картиной семейнаго быта, какую мы видѣли въ первомъ изъ разобранныхъ вариантовъ, начинаются пѣсни „Неблагодарни син“ и „Неблагодарни синовѣ“:¹⁾

„Роди мајка девет пособаца,
Изродила, пак обудовила,
Све и мајка удова ранила,
На преслицу и десницу руку,
Одравила, осам иженила“... или
„Рани мајка девет мили сина
Све с преслице и деснице руке“...

при чемъ не только повторяется эпическое число *девятъ*, встрѣчающееся и въ вариантахъ о братѣ-мертвецѣ, но сохраняются даже выраженія и самая обстановка воспитанія сыновей вдовою-матерью.

Затѣмъ, второй моментъ сербско-хорватскаго разсказа о братѣ-мертвецѣ, именно тотъ, когда братья выдають сестру замужъ, обѣщаясь часто навѣщать ее на чужбинѣ, не остается изолированнымъ, но повторяется совершенно самостоятельно въ пѣсняхъ иного содержанія, обнаруживая этимъ свою тѣсную связь съ бытомъ народа. Такова, напр., хорватская пѣсня изъ Промонтюра „*Zla svecrva*“, начинающаяся слѣдующими стихами:²⁾

¹⁾ Вук Караѣић, Српске народне пјесме, I (1841). стр. 123—126; I (1891 г.), стр. 129—130. Такая же пѣсня изъ Герцеговины съ измѣненнымъ концомъ записана Голечкомъ: *Holeček*, Herceg. pisnē. 114.

²⁾ Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju po Istri i Kvarnerskih otocih, iz „*Naše sloge*“ Trst, 1879, стр. 22.

„Dva su brajna umiljeno resla
I med njima sele Mandalina.
Prose im je na dvoje na troje,
Još je braća nikom nedavase.
Prosi im je Vuin u primorje;
Braća su je njemu obećala.
„Mandalina, naša mila seje,
Udaj nam se doli u spridmorje
Za Vuina bogom pobratima.
Hoćemo te pooditi često:
U godini svaki misec dana,
U misecu svacu nediljicu“.

И лишь, когда „svršilo se devet godin dana“, братья вспомнили о своемъ общаніи, отправились къ сестрѣ, пролившей „grozne suze“ о томъ, что братья забыли ее. Повѣривъ своей матери, будто въ свѣтлицѣ у Мандалины находятся два незнакомыхъ воина, Вуйнъ убиваетъ своихъ побратимовъ, а вслѣдъ затѣмъ Мандалина и самъ онъ налагаютъ на себя руку.

Точно также и характерная для разбираемаго круга пѣсенъ черта братской любви между сестрой и братьями оказывается глубоко вкоренившейся въ сознаніи сербскаго народа, выразившаго эту идею во множествѣ превосходныхъ произведеній своей поэзіи. Въ этихъ памятникахъ народнаго творчества положеніе сестеръ безъ братьевъ рисуется крайне печальнымъ; сестра, даже замужняя, для брата готова пожертвовать самымъ дорогимъ, что у нея есть ¹⁾, какъ это рисуется въ слѣдующей пѣснѣ „*Nažveћа je жалост за братом*“ ²⁾

„Сунце зађе за Невен за гору,
Јунаци се изъ мора извозе,
Бројила ихъ млада Ђурђевица,
Све јунаке на број набројила,
До три њена добра не наброји:

¹⁾ F. Krauss, Sitte und Brauch der Südslaven. Wien. 1895, стр. 618 и сл.

²⁾ Вук Караџић, Српске народне пјесме, I (1891), стр. 232.

Прво добро Ђурђа господара,
Друго добро ручнога ђевера,
Треће добро брата рођенога.
За Ђурђем је косу одрезала,
За ђеверем лице изгрдила,
А за братом очи извадила.
Косу реже, коса опет расте;
Лице грди, а лице израста;
Али очи не могу израсти,
Нити срце за братом рођеним“, т. е.

„Солнце скривалось за горой Невентъ; юнаки возвращались съ моря; ихъ пересчитываетъ молодая жена Георгія и не находитъ трехъ, дорогихъ ей лицъ. Перваго — своего мужа, второго — деверя, третьяго — своего родного брата. Съ горя по мужѣ она отрѣзаетъ свою косу; по деверю — царапаетъ себѣ лицо, по брату — выкалываетъ себѣ глаза. Однако отрѣзанная коса отрастетъ, заживутъ на лицѣ и царапины, но не вернутъ ей глазъ, какъ сердцу не забыть родного брата“¹⁾.

Если у сестеръ нѣтъ братьевъ, то онѣ прибѣгаютъ въ чарамъ, чтобы сдѣлать ихъ себѣ, или же обращаются къ Богу и духамъ съ просьбой даровать имъ таковыхъ.

Въ пѣснѣ „Сестре безъ брата“²⁾ рисуется какъ разъ такого рода способъ приобрѣтенія брата, притомъ въ чертахъ, съ какими мы встрѣтились въ выше разобранный пѣснѣ о братѣ-мертвецѣ:

„Двије сеје брата не имале,
Па га вију од бијеле свиле,
Од бијеле и још од црвене:
Струк му међу дрво шимширово,
Црне очи два драга камена,
Обрвице морске пијавице,
Ситне зубе два низа бисера;
Залажу га медом и шећером:
То вам једи, на нам пробесједи“, т. е.

---

¹⁾ Точно такая же хорватская пѣсня: *Hrvatske pjesme...*, *Op. cit.*, стр. 55.

²⁾ Вук Караџић; *Op. cit.*, стр. 234.

„У двухъ сестеръ не было брата. Онъ свиваютъ его изъ бѣлаго и краснаго шелку, тѣло дѣлаютъ ему изъ буковаго дерева, черные глаза изъ двухъ брилліантовъ, брови изъ морскихъ плавовъ, мелкіе зубы изъ двухъ рядовъ жемчуга, кормятъ его медомъ и сахаромъ: „сѣвши это и проговори слово“.

Въ пѣснѣ, записанной Ястребовымъ¹⁾ среди турецкихъ сербовъ, подобнымъ же образомъ сестры дѣлаютъ себѣ брата; но онъ не можетъ говорить; тогда Господь посылаетъ ангела, и тотъ даетъ ему душу и жизнь.

Потеря брата для сестры является величайшимъ горемъ.

Въ одномъ сербскомъ разсказѣ сестра такъ сильно горюетъ о братѣ, погибшемъ въ битвѣ съ турками, что Господь изъ жалости къ ней превращаетъ ее въ кукушку²⁾; въ другомъ — такое превращеніе совершается въ наказаніе ей за чрезмѣрную скорбь о братѣ. Въ русскомъ разсказѣ братъ встаетъ изъ могилы, закліатиемъ превращаетъ сестру въ кукушку, такъ какъ она своими слезами причинила ему страданія въ могилѣ³⁾, а въ болгарской пѣснѣ⁴⁾ „Яна Кукавица“ сама сестра проситъ Бога превратить ее въ кукушку, съ тѣмъ чтобы перелетѣть къ больному брату. Вообще въ поэзіи всѣхъ славянскихъ народовъ кукушка является символомъ горюющей женщины, вотъ почему и пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ“ не могъ ближе подойти къ духу народнаго творчества, какъ сравнивъ плачь Ярославны съ заунывной пѣснью кукушки:

„Ярославнынъ гласъ слышитъ,
Зегзицею незнаемъ, рано кычетъ:
Полечу, рече, зегзицею по Дунаеву;
Омочу бербинъ рукавъ въ Каялъ рѣцъ,
Утру князю кровавыя его раны
На жестоцѣмъ его тѣлѣ“.

¹⁾ И. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. Спб., 1889, стр. 81—82.

²⁾ Čeněk Zíbrt, Kukačka v národním podání slovanském. Časopis Musea Kr. Českého, 1887, LXI, стр. 194.

³⁾ Żegota Pauli, Pieśni ludu ruskiego w Galicyi, 1839, I, 44.

⁴⁾ Миладиновци, Български народни пѣсни. 1861, стр. 19.

Точно также и въ разбираемыхъ сербскихъ пѣсняхъ о братѣ-мертвецѣ сестра, горюя по родной семьѣ, „бука, кано кукавица“, а затѣмъ дочь и мать, увидѣвшись послѣ долгой разлуки, оплакивая одна смерть своихъ братьевъ, другая—своихъ сыновей:

„Закукаше, кано кукавице,
Рукама се б'јелим загрише,
Обје мртве на земљу падоше“.

Наконецъ, и побудительная причина, въ силу которой Господь поднимаетъ умершаго изъ могилы, — изъ жалости-ли къ слезамъ сестры, или къ горю и проклятіямъ матери, — и самая обстановка, при которой совершается воскрешеніе умершаго, не являются въ сербской поэзіи достояніемъ лишь данныхъ пѣсень, но примѣняются также при разработкѣ популярнаго и въ западно-европейской поэзіи поэтическаго мотива о томъ, (стр. 89) какъ мать, горько оплакивавшая своего видить его, наконецъ, въ рубашечкѣ, насквозь пропитанной ея ребенкомъ, слезами, какъ это мы наблюдаемъ въ хорватскихъ пѣсняхъ „*Žalost za sinom*“¹⁾).

Такимъ образомъ оказывается, что всѣ отдѣльныя звенья, входящія въ составъ сербскихъ пѣсень о братѣ-мертвецѣ, всѣ образы и сравненія, образующіе общую картину художественнаго цѣлаго, всѣ внутренніе мотивы, заправляющіе ходомъ дѣйствія, вытекаютъ изъ обычаевъ и условій жизни самого народа, заимствованы изъ повседневной дѣйствительности, отчего и самыя произведенія полны жизненной правды и естественнаго реализма. Вотъ этими внутренними своими качествами сербскія пѣсни о братѣ-мертвецѣ глубоко разнятся отъ сказаній о женихѣ-мертвецѣ; въ этомъ отношеніи обѣ группы сказаній прямо противоположны, чего не было-бы въ такой рѣзкой степени, если-бы онѣ пошли отъ одной общей вѣтви разсказовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая основная идея лежала во всемъ

---

¹⁾ Hrvatske n. pjesme. Изд. Матицы Хорватской. 1896, стр. 46 и 512.

разнообразіи вариантовъ сказки о женихѣ-мертвецѣ? Это—мысль, что плакать по мертвымъ не слѣдуетъ; но дѣвушка плачетъ, или чаруетъ, умершій является, и затѣмъ развивается картина, рассчитанная на то, чтобы чувство ужаса шло сгес-сепдо: мертвецъ пріѣзжаетъ ночью; увозя невѣсту, онъ трижды повторяетъ свой вопросъ, наводящій ужасъ: „не страшно-ли живой ѣхать съ мертвецомъ?“ Потомъ слѣдуетъ еще болѣе страшная сцена на кладбищѣ, когда онъ заставляетъ живую дѣвушку влѣзть въ могилу; наконецъ, преслѣдованіе дѣвушки мертвецомъ и ея безвыходное положеніе, когда она, очутившись среди двухъ мертвецовъ, слышитъ трижды повторяемое приказаніе: „мертвецъ, открой дверь мертвецу“.

Во всемъ этомъ разсказѣ позднѣйшихъ переработокъ чувствуется преднамѣренное накопленіе ужаса, особенно рельефно выступающее какъ разъ въ славянскихъ редакціяхъ.

Не то находимъ въ сербскихъ пѣсняхъ о братѣ-мертвецѣ: здѣсь братья выдаютъ сестру замужъ на чужбину, общаясь навѣщать ее; но проходятъ годы, никто къ ней не пріѣзжаетъ; родные мужа упрекаютъ молодую женщину въ томъ, что она безъ роду и племени; та тоскуетъ и желаетъ, чтобы старшій, а иной разъ младшій братъ навѣстилъ ее; самъ Господь, тронутый ея слезами, поднимаетъ мертвеца изъ могилы и посылаетъ къ сестрѣ. Братъ ѣдетъ къ ней, везетъ ей подарки, гоститъ у сестры нѣкоторое время, никто и не предполагаетъ, что онъ мертвый; онъ лишь не ѣстъ и не пьетъ, ссылаясь на нездоровье. Онъ и не думаетъ увозить сестру, но та сама проситъ его взять ее къ матери; свое путешествіе совершаютъ они нормальнымъ порядкомъ, днемъ; въ дорогѣ, когда птички выражаютъ свое удивленіе, что мертвый везетъ живую, онъ успокаиваетъ сестру; подѣхавъ къ своей могилѣ, онъ тоже, чтобы не испугать сестру, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ оставляетъ ее, а самъ скрывается въ могилѣ. Только тутъ сестра догадывается о постигшемъ ихъ семью несчастіи, происходитъ встрѣча съ матерью, и обѣ несчастныя женщины умираютъ.

Трудно найти во всемъ необозримомъ богатствѣ народ-

ныхъ сказаній второй сюжетъ, столь художественный въ самой своей простотѣ и столь трогательный въ своей психологической правдивости, какъ эти сербскія пѣсни. Въ противоположность идеѣ, положенной въ основу сказокъ о женихѣ-мертвецѣ, здѣсь разработано чисто народное представленіе о той глубокой привязанности, какал связываетъ женщину, выданную замужъ на чужбину, съ ея родной семьей и главнымъ образомъ съ родными братьями, представленіе, нашедшее широкое художественное воспроизведеніе въ сербской поэзіи.

Схема этихъ пѣсень:

- a) Сестра выдана замужъ на чужбину и тоскуетъ тамъ по родной своей семьѣ, не зная о постигшемъ ее несчастіи;
- b) Братъ встаетъ изъ могилы и ѣдетъ навѣстить сестру;
- c) По ея просьбѣ онъ везетъ ее домой къ матери;

совершенно не похожа на ту, что была извлечена нами изъ пѣсень и сказокъ о женихѣ-мертвецѣ; разработка ея тоже иная, оригинальная, нисколько не напоминающая ни въ общихъ чертахъ, ни въ частности ту, что мы наблюдали въ сказкахъ о женихѣ-мертвецѣ, а потому не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ сербскихъ пѣсняхъ о братѣ-мертвецѣ мы имѣемъ особый, самостоятельный кругъ сказаній, отличный отъ сказаній о женихѣ-мертвецѣ. Оба этихъ круга сказаній настолько рѣзко очерчены и настолько представляются законченными, что не смѣшиваются одинъ съ другимъ, но существуютъ бокъ-о-бокъ, какъ это мы видѣли въ Сербіи, независимо другъ отъ друга. Единственными пунктами соприкосновенія между ними могутъ быть пѣсни, моравская и галицко-русская, въ которыхъ отмѣчено нами, повидимому, случайное совпаденіе двухъ подробностей: въ первой изъ нихъ таинственный голосъ изъ облаковъ спрашиваетъ:

„Co's Marjanko učinila:
Žeš s umrlym pojechala?“

какъ бы соотвѣтствуя разговору птичекъ, дивившихся тому, что мертвецъ ѣдетъ съ живой; во второй дѣвушка спрашиваетъ своего жениха:

„Милый, милый, що тобѣ е,
Же ти власки побутнѣли,
Бѣлы личка почорнѣли?“

подобно тому, какъ въ сербской сестра спрашиваетъ брата:

„Што си тако, брате, потавъео,
Баш кан'да си под земљицом био?“

Если подобнаго рода совпаденія и не случайнаго характера, хотя они естественнымъ образомъ могли вытекать изъ аналогичнаго положенія дѣйствующихъ лицъ, то во всякомъ случаѣ они весьма незначительны, и притомъ скорѣе всего попали изъ цикла пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ въ моравскую и галицко-русскую о женихѣ-мертвецѣ, ибо въ первыхъ черты эти постоянны, а въ послѣднихъ онѣ случайны.

То, что есть общаго между обоими циклами сказаній, входитъ въ область вѣрованій, распространенныхъ, какъ мы видѣли, повсюду и допускавшихъ возможность возвращенія умершимъ на землю. Но осуществленіе такой возможности различно понимается въ томъ и другомъ изъ нихъ: въ одномъ это обуславливается слезами и тоской, въ другомъ — вмѣшательствомъ небесныхъ силъ, самого Господа Бога и Его ангеловъ. Очевидно, такого рода мотивировка навѣяна уже новѣйшими христіанскими понятіями, тогда какъ представленіе о слезахъ, какъ о силѣ, угнетающей умершихъ, восходитъ къ отдаленнымъ вѣкамъ поры языческой, откуда ведутъ, какъ показано, свое происхожденіе и самыя сказанія о женихѣ-мертвецѣ, не имѣющія никакой традиціонной связи съ сербско-хорватскими пѣснями о братѣ-мертвецѣ.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ основаній, мнѣ представляется возможнымъ признать, хотя и нельзя доказать этого съ несомнѣнной очевидностью, что пѣсни о братѣ-мертвецѣ возникли среди сербской народности и притомъ путемъ, совершенно независимымъ отъ обширнаго цикла сказаній о женихѣ-мертвецѣ, созданныхъ на иныхъ основаніяхъ и среди иной обстановки.

Разъ пѣсни о братѣ-мертвецѣ появились среди сербовъ,

то въ силу географическихъ и культурныхъ условій онѣ должны были найти свой откликъ въ поэзіи ближайшихъ сосѣдей сербскаго племени, именно болгаръ. Къ разсмотрѣнію болгарскихъ пѣсенъ этого круга мы теперь и перейдемъ.

II. Варіанты болгарскіе.

Тѣ же самыя пѣсни о братѣ-мертвецѣ, которыя указаны среди сербской народности, извѣстны и у болгаръ¹⁾ съ тѣмъ лишь отличіемъ, что здѣсь онѣ значительно разнятся отъ первыхъ по своей обработкѣ, несоблюдающей строгой логической послѣдовательности дѣйствія и единства замысла.

Первые болгарскіе варіанты пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ записаны братьями Миладиновыми; у нихъ находимъ двѣ пѣсни, изъ коихъ одна озаглавленная „Лазаръ и Петкана“²⁾, развивается въ такой послѣдовательности:

„Дѣ сж е чуло, видело,
Три пжти жена да близни,
Три пжти по три момчета!“

И стало девять мальчиковъ, да одна дочка Петкана. Когда она выросла, пришли сваты изъ-за девяти далекихъ селъ; мать и восемь братьевъ не желали отдавать ее такъ далеко, но девятый братъ, Лазаръ, отдавалъ и приговаривалъ: „отдадимъ, матушка, Петкану

„Вовъ тота пусто Загори,
Чи сж Загорци боярци,

---

¹⁾ Д. Шишмановъ, Пѣсенъта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи. Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, XII, 1896, указываетъ рядъ другихъ болгарскихъ варіантовъ, недоступныхъ мнѣ, такъ какъ они разбросаны въ разныхъ провинціальныхъ болгарскихъ изданіяхъ.

²⁾ Бр. Миладиновци, Български народни пѣсни. Загребъ, 1861, стр. 145, № 100.

Ни сми братья девятина,
П' едношъ ще тя заведеми,
И девять пѣти ща стани“.

Когда отдали Петкану за девять селъ въ десятое, черная чума посѣтила страну, и умерли всѣ девять братьевъ Петканы, осталась въ живыхъ лишь мать; каждый день, каждую недѣлю ходить она на сыновнія могилы, поливаетъ ихъ и раздаетъ милостыни за души умершихъ; только не поливаетъ могилы Лазаря и не раздаетъ милостыни за его душу, но проклинаетъ его. Лазарь молитъ Бога сдѣлать ему изъ креста желтый кувшинъ, замѣняющій, повидимому, подарки, о которыхъ говорилось въ сербской пѣснѣ, а изъ ложа коня. Приѣхавъ къ сестрѣ, онъ вызываетъ ее изъ дому; та цѣлуетъ у него руку и говоритъ:

„Лазарчо, брайно Лазарчо!
Тѣ що на тешко мирипишъ
На пржсъ, брайно ле, помухленъ?“

Не отвѣчая сестрѣ на вопросъ, отчего онъ пахнетъ землею, Лазарь говоритъ, что они построили девять домовъ и просятъ ее къ себѣ въ гости. Миновавъ зеленую гору и выйдя на широкое поле, они подошли къ высокому дереву; съ дерева раздался голосъ птицы:

„Дѣ сж е чуло, видело,
Жива сжсъ мжртва да ходи,
Като Петкана съ Лазаря!“

И въ этотъ разъ на вопросъ сестры, „слышишь ли, что птицы поютъ?“ Лазарь не даетъ никакого отвѣта, но побуждаетъ ее идти впередъ. Затѣмъ она спрашиваетъ его: „отчего у всѣхъ луга покосены, а ваши не косены?“ и далѣе: „отчего у всѣхъ виноградники вскопаны, а у васъ нѣтъ?“ На оба вопроса братъ отвѣчаетъ, что онъ былъ боленъ и не могъ исполнить этой работы. Подойдя къ церкви, братъ передаетъ сестрѣ перстень и гуденишки (?), съ тѣмъ чтобы она показала ихъ матери, если та не повѣритъ, что Петкану привелъ Лазарь.

Онъ скрылся въ своей могилѣ, а Петкана увидѣла мать, стоящую въ воротахъ“...

Тутъ обрывается болгарская пѣсня, забывшая, очевидно, конецъ разсказа; ходъ дѣйствія вообще передается въ ней не съ должной полнотой и послѣдовательностью.

Такой же самый вариантъ, но съ значительной полнотой, записанъ въ восточной Болгаріи на ловчанскомъ говорѣ¹⁾; здѣсь, какъ и въ вышеприведенномъ, сестра называется Петканой, а братъ Лазаремъ. Убѣждая мать отдать сестру за мужъ, онъ говорить:

„Чи ниі сми дѣвит братиѣ
Пу виннѣш дѣ тѣ зъвидѣм
Дѣвит штиш лѣти дѣ йдиш
Систра Питканѣ дѣ видиш“.

Итакъ, онъ общается не сестру навѣщать, но сопровождать мать къ сестрѣ, хотя въ концѣ разсказа онъ всетаки приводитъ домой сестру, какъ это естественно вытекало изъ хода дѣйствія въ сербскихъ пѣсняхъ. Всѣ остальные подробности въ этомъ болгарскомъ вариантѣ намъ извѣстны; нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ обыкновеннаго типа оказывается лишь слѣдующее обстоятельство: проклятія матери Лазарь слышалъ въ могилѣ и самъ просить Бога,

„Бѣже-ле вишни Господи!
Стурі мѣ, боже, жуѣ-умрал
Дѣ станѣ, бѣже, дѣ йдѣ
Дѣ дувѣм систра Питканѣ“;

тогда какъ въ сербскихъ пѣсняхъ Господь принимаетъ участіе изъ жалости къ сестрѣ, а въ другихъ болгарскихъ вариантахъ изъ жалости къ матери, или по ихъ просьбѣ. Приведя сестру къ матери, онъ возвращается въ могилу и благодарить Бога, что тотъ далъ ему возможность освободиться отъ материнскихъ проклятій.

---

¹⁾ Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1891, IV, стр. 517—520.

Хотя и не выдержана до конца сербская редакція, но тѣмъ не менѣе съ поразительною точностью передается она въ болгарской свадебной пѣснѣ, записанной возлѣ Самоково въ юго-западной Болгаріи ¹⁾. Начинается пѣсня эта такъ:

„Мѣкѣ Іана на далѣко дава.
Іана плаче та неке да ѣде,
А браќѣ ѣ по тѣо говорат:
—Иди Іано, ѣди, наша сѣстро,
Нѣе сме ти дѣвет мѣли брата
Чѣсто ке ти на гѣскѣ ѣдеме,
Сѣки пѣток и сака сабота,
Сѣки мѣсец и сака недѣља,
У годѣна сѣте деветѣна“.

Іана послушалась братьевъ, вышла замужъ въ далекій край; она не вошла еще во дворъ, она не слѣзла еще съ коня, какъ начала хвалиться своимъ родомъ, говоря, что у нея большая родня, девять милыхъ братьевъ, которые часто будутъ ее навѣщать. Но вотъ проходитъ пятница и суббота, проходитъ недѣля и мѣсяцъ, миновалъ годъ и другой, прошло уже цѣлыхъ девять лѣтъ, никто ее не навѣщаетъ. Золовки смѣются надъ ней; въ горѣ уходитъ она въ свой высокій теремъ, плачетъ тамъ три дня и три ночи, и вотъ приходятъ ея братья; она ихъ встрѣчаетъ, цѣлуетъ руку у перваго, хватается за коня другою, возлѣ третьяго падаетъ Іана и умираетъ. Приведенная свадебная пѣсня забывается и путается извѣстный намъ ходъ разсказа, но, несомнѣнно, въ уцѣлѣвшемъ своемъ содержаніи передаетъ сербскій оригиналъ, одну подробность котораго, смерть братьевъ отъ чумы, воспроизводитъ еще особая македонская пѣсня ²⁾:

„Пуѣта долна зѣмѣа, долна Руманліѣа,
Што ѣ хлебѣорѣдна, пак ѣ помѣрліѣа.
Чумѣ, пуѣта чумѣ, пуѣто неверниѣа,
С дѣвет брата доѣдох, биз адѣн останѣжх“.

¹⁾ Сборникъ за народни умотворения VI (1891), стр. 35.

²⁾ Ibid. IV, стр. 62—63.

Въ ней неясно очерчено положеніе дѣйствующихъ лицъ, но, повидимому, и здѣсь имѣлось въ виду, что сестра была выдана замужъ на чужбину, откуда, узнавъ о смерти братьевъ, она возвращается къ матери и погребаетъ умершихъ.

Другую подробность нашихъ пѣсенъ, — смерть матери и дочери при встрѣчѣ послѣ разлуки, — находимъ въ болгарской пѣснѣ такого содержанія ¹⁾: „Рѣка Дримъ уноситъ Іовану въ чужую страну, гдѣ ее беретъ въ свой домъ молодой Іованъ. Черезъ три года сверковъ говоритъ ей:

„Да идеш на Дрим на вода,
Да донесеш прѣсна вода,
Да месиш девет колака,
Ке идеш на ваѣа зема“.

Іана обращается тогда къ рѣкѣ Дриму съ просьбой:

„Дримчице, стѹдна водице,
Ти си ме тѹка донела,
Ти ке ме отнесеш отъ тука“.

Когда она вернулась назадъ, то

„Кѹга тамо ѳтидоа,
Кѹга виѣ неѣна маѣа,
Живи са се пригжрнали,
Мржтви са ги растаѣили“.

Въ довольно полномъ видѣ, но не съ достаточной логической постепенностью развивается разсказъ и въ вариантѣ, записанномъ Качановскимъ ²⁾ подъ несоотвѣтствующимъ заглавіемъ „*Хожденіе жертвеца по бѣлому свѣту*“. Начинаясь дословно той же картиной, что и сербскія пѣсни:

„Чувала мала — мача, гледала
Доръ деветъ сѣна рѣдѣны
На гурка и на маѣалко;
И така ги учувала;
Станали маѣи работны“ —

---

¹⁾ Ibid. VI, стр. 43—44.

²⁾ В. Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества. Спб., 1882, стр. 120, № 48.

вариантъ этотъ вовсе забываетъ упомянуть про сестру и про выдачу ея замужъ, говоря вмѣсто того о женибѣхъ девяти сыновей, ненужной для хода разсказа. Лишь когда умерли отъ чумы сыновья и невѣстки, и осталось девять маленькихъ внучать, старая мать, проклиная Лазаря словами:

„Господь ти душу не прибра!
Низъ глава трѣвъ изникне,
Косты ти земня изѣрли“!

объясняетъ, что это онъ отдалъ ея дочь въ село Меново, и теперь

„Нема вода кой ми донесѣ
И лѣвъ да ми умесѣ,
И ѳгивъ да ми накладѣ“.

Говоря это, она плакала и „кукала“, и Господь сжалился надъ матерью, воскресилъ Лазаря и послалъ его въ село Меново,

„Сестра Іована да си доведѣ“.

Та въ это время была за селомъ, води хороводы; завидѣвъ брата, она бросилась къ нему на встрѣчу со словами: „девять лѣтъ, что я замужемъ, никто изъ васъ ко мнѣ не приходилъ; зачѣмъ ты теперь пришелъ?“ Очевидно, она не ожидала такого посѣщенія. Братъ ведетъ сестру къ матери, въ дорогѣ они слышатъ извѣстныя слова, приписываемыя здѣсь соловью; сестра спрашиваетъ, отчего отъ брата пахнетъ бузиной (базе); у кладбища онъ оставляетъ ее подъ предлогомъ посмотреть коня и скрывается въ своей могилѣ; Іована же подходитъ къ дому и слышитъ, какъ мать плачетъ и проклинаетъ Лазаря. Поздоровавшись, обѣ женщины упали мертвыми“.

Слѣдующій болгарскій вариантъ „Елинъ Дойка“¹⁾, отличающаяся до извѣстной степени полнотою, также не свободна отъ тѣхъ недостатковъ, какіе отмѣчены въ только что разобранныхъ пѣсняхъ. Онъ вводитъ насъ непосредственно in medias res разсказа, начинаясь подобно сербской пѣснѣ изъ Босніи:

---

¹⁾ Бр. Миладиновци, Ор. cit. стр. 317, № 200.

„Попитале Елинъ Дойка
Горна долна Румѣнліа
Три години на далеку“.

Мать не желала выдавать дочери такъ далеко, а братья отдали, за что мать проклиняетъ ихъ, говоря:

„Кога Дойка к' извадите,
Да внесите цѣрна чума
Цѣрна чума и панукла,
И дробна-на сипаинца,
'Семъ да деветъ пособерить,
Со 'се ваши луди деца“.

Какъ проявляла мать, такъ и случилось; умерли всѣ девять сыновей со всѣми своими малыми дѣтьми, осталась одна мать; покинутой кукушкой кукуетъ (плачетъ) она и день и ночь. Елинъ Дойка три года ждала пріѣзда своихъ братьевъ; недождавшись ихъ, какъ и въ сербскихъ редакціяхъ, она начала жалобно плавать, говоря, что всѣ ее забыли и особенно младшій братъ Константинъ, который клялся навѣщать ее. Слезы ея разжалобили Бога; Онъ посылаетъ ангела поднять Константина, и тотъ идетъ къ сестрѣ. Встрѣтивъ брата, она спрашиваетъ: „что это съ тобою, ты весь покрытъ оспой? прежде ты былъ красивѣе всѣхъ братьевъ“. „Какъ же мнѣ быть красивымъ, отвѣчаетъ тотъ, если я три года лежалъ въ постели больнымъ?“ Сестра беретъ съ собой маленькаго сына, садится на коня, и они пускаются въ путь. Возлѣ церкви съ дерева раздается голосъ птички:

„Мори желна Елинъ Дойке!
По кого си кинисала,
По мѣртвего Костадина“!

Елинъ Дойка изумилась и подумала: „вѣрно, птичка смѣется, что мой братъ былъ боленъ и сильно покрытъ оспой“. У церкви братъ исчезаетъ; сестра одна приближается къ дому и видитъ, ворота заперты, дворъ заросъ полынью и во дворѣ мать плачетъ сизою кукушкой. Завидѣвъ дочь, она обняла ее, и отъ жалости и плача опѣ задушили другъ друга въ своихъ

объятіяхъ; маленькій сынъ Дойки былъ растоптанъ подъ ногами“.

Изложенная болгарская пѣсня заканчивается стихомъ:

„Таква била лоша клятва“!

показывающимъ, очевидно, что извѣстный уже намъ сербскій сюжетъ примѣненъ въ данномъ случаѣ для проведенія иной тенденціи, именно для доказательства силы материнскаго проклятія. Оно является здѣсь движущимъ мотивомъ дѣйствія, причемъ оно введено въ первоначально чуждую ему схему разсказа довольно грубо и неискусно, не сглаживая изначальной послѣдовательности, но въ тоже время и не выдерживая ее въ строгомъ порядкѣ, опуская важные моменты, какъ напр. участіе Константина въ выдаѣ сестры замужъ, и простирая силу проклятія на ни въ чемъ неповинныхъ, дочь и ея сына. Черезъ такое новое наслоеніе всетаки ясно просвѣчиваетъ сербская основа, развивавшаяся у себя такъ естественно и логично, а здѣсь нарушенная и затемненная пѣвцами, забывшими существенную мысль всего сказанія, ставившаго на первый планъ дочь съ ея слезами и жалобами, въ которой здѣсь прибавляется еще мать съ проклятіями, въ виду чего получается ненужное накопленіе движущихъ мотивовъ для достиженія одной цѣли, именно для вызова умершаго изъ могилы.

То, что забыто и спутано въ приведенномъ вариантѣ, живѣе чувствуется въ другомъ, въ сожалѣнію записанномъ не въ полномъ видѣ Н. Поповымъ въ южной Болгаріи возлѣ Панагюрище подъ заглавіемъ „Елин-Дойна“¹⁾.

„Начали сватать Елин-Дойну изъ-за двухъ-трехъ черныхъ горъ, изъ-за четырехъ округовъ; мать и девять братьевъ не соглашались отдать ее, согласился лишь десятый братъ, царь Константинъ, говоря, что они, десять братьевъ, могутъ часто павѣщать сестру, по два, по три раза въ мѣсяцъ, по сту разъ

---

¹⁾ Периодическо списание на бѣгарското книжовно дружество въ Сръдецъ. 1882, II, стр. 162,

въ году. Едва отдали сестру, какъ появилась черная чума,
и умерли всѣ десять братьевъ.

„Се ги майка преливала,
Преливала и плакала,
И темѣнец прекаждала,
И свежѣца припала“;

только не поливала (виномъ могилы) царя Константина, не
кадила на ней ѳиміамомъ, не зажигала свѣчи и не плакала
по немъ. Господь смилвался надъ несчастнымъ и послалъ
двухъ ангеловъ-архангеловъ и тѣ

„Костадину дѹша дѣле,
Дѣските му кон сторице,
Покривката—синѹ седло,
Жѣлти свѣщи—злати юзди“.

Онъ прѣзжаетъ къ сестрѣ, та выходитъ и спрашиваетъ,
увидѣвъ брата:

„Що ти ѳчи потънале,
Що ти зѣби почернѣле“...?

На этомъ вопросѣ обрывается сообщаемый Поповымъ от-
рывокъ; изложенное содержаніе его наглядно свидѣтельствуєтъ
о близости этой болгарской редакціи съ сербскими пѣснями
съ одной стороны и съ албанской, какъ увидимъ ниже, съ
другой. Не знаю, насколько основательно, но во всякомъ слу-
чаѣ интересно предположеніе издателя, будто подъ именами
„Елин-Дойна“ и „царь Константинъ“ разумѣются здѣсь
историческія личности. *Дойна* — это дочь царя Срацимира Ви-
динскаго, *Доротен*, вышедшая замужъ за боснійскаго бана,
а послѣ короля *Тврдко* († 1391); царь же Константинъ былъ
ея братъ. Такое перенесеніе историческихъ именъ въ народ-
ную поэзію, конечно, вполне возможно, но для этого должна
быть какая либо аналогія между судьбой историческихъ лицъ
и содержаніемъ народнаго произведенія, куда имена ихъ при-
вносятся, что можетъ до известной степени служить хроноло-
гическимъ критеріемъ для произведенія, не обуславливая впро-
чемъ самого его возникновенія.

Въ данномъ случаѣ имя „Дойна“ въ связи съ характеромъ болгарскихъ пѣсенъ важно для насъ лишь какъ показатель передачи именно этихъ редакцій въ Албанію, но прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, я останавлиюсь на разборѣ послѣдняго болгарскаго варіанта, сообщеннаго Дозономъ подъ заглавіемъ „*Le voyage du mort*“¹⁾).

„Было у матери девять сыновей и одна дочь, Векія. Когда она выросла, пришли сватать ее изъ-за девяти селъ въ десятое; мать не отдавала ее, но отдалъ братъ Дмитрій, обѣщаясь съ братьями привозить сестру въ гости и назадъ сопровождать по одному разѹ въ годъ. Спустилась затѣмъ черная мгла въ домъ Дмитрія, и умерли всѣ братья и ихъ жены, остались лишь девять младенцевъ и старая мать. Она качаетъ люльки, зажигаетъ свѣчи на могилахъ и поливаетъ ихъ виномъ, только не ходитъ на могилу Дмитрія, не зажигаетъ на ней свѣчи и не поливаетъ ее виномъ, но проклинаятъ его. Господь сжа-лился надъ нимъ, поднялъ его изъ могилы и послалъ къ сестрѣ. Векія встрѣтила брата, поцѣловала у него руку и спросила:

„Що ти рука-та мириса
на бѣзу на пупарѣну,
на цѣрвѣна прстица“?

„Мы строили новые дома, отвѣчаетъ тотъ, оттого рука моя пахнетъ сженой бузиной и красной землей“. Въ дорогѣ съ дерева птичка поетъ:

„Дѣ са с чулу видѣлу,
живу съ мѣртву да ходи,
какоту Димитаръ и Векія“?

На вопросъ сестры, что́ это значить, Дмитрій говоритъ, что птичка лжетъ. Приблизившись къ дому, онъ оставляетъ сестру подъ предлогомъ напоить коня и скрывается въ моги-

¹⁾ Aug. Dozon, Български народни пѣсни. Paris, 1875, стр. 130, №. 7.

лѣ. Векія идетъ одна къ дому и стучить въ ворота. Выходитъ мать, здоровается съ дочерью и узнаетъ, что ее привелъ Дмитрій; живыми онѣ обнялись и мертвыми упали“.

Изъ представленнаго обзора болгарскихъ варіантовъ можно съ полнымъ правомъ сдѣлать выводъ, что въ нихъ мы имѣемъ довольно запутанную передачу основной сербской темы; первенствующая въ этой послѣдней роль сестры, которая своей тоской по родной семьѣ обусловливаетъ все дальнѣйшее теченіе разсказа, дѣлится въ болгарской редакціи между нею и матерью, выступающею довольно неумѣстно со своимъ проклятіемъ, совершенно ненужнымъ для того, чтобы дѣйствіе шло впередъ, разъ участіе сестры въ призывѣ брата не устранено. Очевидно, болгарскій пѣвецъ зналъ сербскій текстъ, но плачь сестры о братьяхъ не казался ему уже достаточнымъ мотивомъ, чтобы разжалобить Бога и вызвать умершаго изъ могилы, и вотъ онъ выдвигаетъ на сцену болѣе сильную, по его мнѣнію, причину для этого, проклятіе матери, принимающее иной разъ такое чудовищное развитіе, что отъ него гибнетъ вся семья и притомъ лица, ни въ чемъ неповинныя. Такого рода наслоенія доказываютъ, что болгарскія редакціи не могутъ считаться первичными; въ нихъ нѣтъ единства замысла, цѣльности плана, логической послѣдовательности въ развитіи дѣйствій, общими своими чертами совпадающаго съ цѣльными и стройными сербскими пѣснями. Очевидно, болгарамъ пришлось перенять этотъ сюжетъ отъ кого-либо изъ своихъ сосѣдей, либо отъ сербовъ, либо отъ ново-грековъ, какъ это послѣднее доказывается Политисомъ ¹⁾ и Дестунисомъ ²⁾. Если бы передача шла отъ грековъ, еслибы болгарскія пѣсни сложились „по конспекту греческихъ“, то болгарамъ не для чего было-бы вносить еще черты сербскихъ изводовъ въ законченныя греческія редакціи, тѣ черты, наличность которыхъ въ болгарскихъ переработкахъ признаетъ и г. Дестунисъ ³⁾.

¹⁾ Πολίτης, Op. cit. стр. 26 и сл.

²⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1886, Мартъ, стр. 97—98.

³⁾ Ibid., стр. 93.

Мало того, въ противность словамъ нашего почтеннаго ученаго, будто во всемъ разнообразіи греческихъ варіантовъ нѣтъ даже намековъ на знакомство съ сербскими пѣснями, можно указать цѣлый рядъ чертъ, обнаруживающихъ несомнѣнную сербскую струю, прошедшую въ ново-греческія пѣсни или чрезъ болгарскія редакціи, или, быть можетъ, какими либо иными путями. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что если бы болгары усвоили себѣ греческій оригиналъ, то какимъ-бы образомъ болгарская переработка совпадала съ албанской, особенно если имѣть въ виду, что албанцы, сохранившіе нашъ сюжетъ въ южной Италіи, по мнѣнію Политиса, переселились туда изъ Морен. Въ этомъ случаѣ пришлось бы допустить крайне невѣроятное совпаденіе, въ силу котораго какъ албанцы, такъ и болгары усвоили себѣ изъ числа весьма многихъ греческихъ версій одну и ту же, именно записанную въ Элидѣ; только въ одной этой версіи и находится черта, общая и болгарскимъ варіантамъ и албанской пѣснѣ, — зажиганіе свѣчей на могилахъ и окуриваніе ихъ ладономъ, — причѣмъ остаются еще необъясненными подробности, встрѣчающіяся лишь въ болгарскихъ изводахъ и въ албанской пѣснѣ.

Проще и вѣроятнѣе допустить, что болгары переняли пѣсни о братѣ-мертвецѣ отъ сербовъ. Заимствовавъ отъ этихъ послѣднихъ весь рассказъ полностью, болгарскіе пѣвцы лишь мѣстами забыли подробности, въ нѣкоторыхъ своихъ изводахъ на первый планъ выдвинули роль матери, вмѣсто старшаго брата поставили младшаго, выступающаго впрочемъ на сцену и въ одной сербской пѣснѣ, хотя онъ, конечно, не могъ имѣть въ семьѣ того значенія, какъ первый; заставили мать на могилахъ старшихъ сыновей зажигать свѣчи, проливать вино и курить онімѣамъ и въ то же время проклинать младшаго; закрѣпили за главными дѣйствующими лицами кромѣ другихъ именъ также имена: „Елин-Дойка“ или „Елин-Дойна“ и „Константинъ“ и вотъ съ такого рода болгарскими наслоеніями сербскій пѣсенный сюжетъ передается въ иную среду, въ народность албанскую.

III. Варіанты албанскіе.

Всѣ албанскіе варианты пѣсни о братѣ-мѣртвецѣ извѣстны намъ, къ сожалѣнію, въ переводахъ, сглаживающихъ характерныя черты подлинника, упускающихъ иной разъ подробности, неважныя для переводчика, но существенныя для изслѣдователя. Первый изъ такихъ переводовъ былъ опубликованъ въ статьѣ: „*La nationalité albanaise*“, принадлежащей извѣстной писательницѣ Dora d'Istria ¹⁾ (Елена Гика). Сообщая албанскую пѣсню во французскомъ переводѣ, она замѣчаетъ, что у нея въ рукахъ была копія этой пѣсни со старой калабрійской рукописи. Текстъ этотъ она сравнила съ чтеніемъ въ изданіи Girolamo de Rada ²⁾, на основаніи котораго былъ сдѣланъ второй французскій переводъ Дозономъ ³⁾ и затѣмъ нѣсколько болѣе точный переводъ нѣмецкій, представленный Каденомъ ⁴⁾. Такимъ образомъ мы имѣемъ собственно лишь одну албанскую пѣсню ⁵⁾, содержаніе которой таково:

„У одной благородной матери было девять прекрасныхъ сыновей и десятая дочь, по имени Гарентина (Dòjin Garantîn, Thóyin Garantîn). Много бояръ (у Кадена, „болгарь“, у Доры д'Истріа „bouliars“, въ текстѣ Дозона „boulyâr“ ⁶⁾) и много знатныхъ людей приходили въ страну, чтобы сватать ее; съ тою же цѣлью пришелъ, наконецъ, одинъ юноша изъ да-

¹⁾ Revue des deux Mondes, 1866, т. 73, стр. 407.

²⁾ G. de Rada, Rapsodie di un poeta albanese. Firenze, 1866, I, № 17, стр. 29—33.

³⁾ Aug. Dozon, Български народни пѣсни. Paris, 1875, стр. 327.

⁴⁾ W. Kaden, Eine süditalische „Lenore“. Gegenwart, 1875, VII, № 23, стр. 364—366.

⁵⁾ Албанскій текстъ ея перепечатанъ еще у A. Dozon'a, Manuel de la langue chkipe ou albanaise. Paris, 1879, стр. 136.

⁶⁾ G. Meyer, Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache (1891): „bul'ár“ gr. cal. bujár — Vornheimer, Edler = serb. boljar, asl. boljarinъ.

лекой земли; мать и братья не желали отдавать ее въ далекій край, согласился лишь братъ Константинъ, говоря, что въ случаѣ радостнаго или печальнаго событія онъ приведетъ ее домой. Насталъ тяжелый годъ, пали въ битвѣ всѣ девять сыновей; мать надѣваетъ трауръ, завѣшиваетъ окна въ домѣ, въ день поминаенія усопшихъ идетъ къ церкви на могилы сыновей, зажигаетъ на каждой могилѣ по свѣчѣ и произноситъ по одному причитанію; на могилѣ Константина она зажигаетъ двѣ свѣчи и произноситъ два причитанія. „Гдѣ же твое обѣщаніе, Константинъ, говоритъ она, привести сестру Гарентину? Твое слово погребено“!

Когда стемнѣло и заперли церковь, Константинъ встаетъ изъ могилы, плита превращается въ бѣшенаго коня, покрытаго черной попоной, кольцо отъ плиты — въ серебряныя удила; рано утромъ онъ уже былъ передъ домомъ сестры; игравнія здѣсь ея дѣти узнали своего дядю и сказали, что мать ихъ въ городѣ водить хороводы. Константинъ находитъ сестру во второмъ хороводѣ и приглашаетъ ее ѣхать съ собой. „Скажи, братъ Константинъ, если случилось что печальное, я надѣну черное платье, если радостное,—нарядное одѣяніе“. Иди такъ, какъ ты теперь“, отвѣчаетъ онъ; съ этими словами беретъ ее на лошадь, и они пускаются въ путь. Отѣхавъ уже далеко, Гарентина спрашиваетъ: „отчего это у тебя, братецъ, сгнили твои широкія плечи“? Это закоптилъ насъ пороховой дымъ“, отвѣчаетъ тотъ. „Но отчего истлѣли твои вудри“, продолжаетъ она. „Ахъ! сестрица, это твои глаза плохо видятъ, занесенные дорожною пылью“, возражаетъ онъ. „Почему же насъ не встрѣчаютъ родные и двоюродные братья мои“, продолжаетъ она. „Они, вѣроятно, заняты игрою въ дискъ и не ждутъ насъ такъ поздно“, отвѣчаетъ онъ. „Отчего окна нашего дома закрыты и поросли травой“, допытывается она. „Закрыты они, отвѣчаетъ онъ, отъ сѣвернаго вѣтра“. Тутъ подѣхали они къ церкви. Я хочу помолиться, говоритъ онъ, а ты иди одна къ матери“. Гарентина одна поднимается по лѣстницѣ и стучитъ, говоря: „открой мнѣ ворота (дверь), матушка, я пришла, твоя Гарен-

тина“. „Иди отсюда ты, ненасытная смерть, похитившая моих сыновей и теперь пришедшая съ голосомъ моей дочери, чтобы взять и меня“. Нѣтъ, матушка, это я, Гарентина“. „Кто-же тебя привелъ“. „Братъ, Константинъ; онъ пошелъ къ церкви помолиться“. Тогда открылась дверь и мать со словами: „Константинъ умеръ“, бросилась на шею дочери, и онѣ обѣ тутъ же испустили духъ“.

Въ такомъ видѣ передаетъ извѣстное намъ содержаніе албанская пѣсни. Какъ видимъ, она лишь въ незначительной степени придаетъ разсказу мѣстный албанскій оттѣнокъ, дѣйствию переноситъ въ обстановку знатной семьи, довольно строго выдерживая послѣдовательность и даже частности болгарскихъ редакцій той же пѣсни. Какъ въ болгарскихъ пѣсняхъ, такъ и здѣсь не сестра, но мать требуетъ отъ умершаго исполненія даннаго обѣщанія съ тою лишь разницею, что въ болгарскихъ редакціяхъ мать зажигала по свѣчѣ на каждой могилѣ восьми сыновей, проклиная девятого, а здѣсь на могилѣ послѣдняго она зажигаетъ двѣ свѣчи и произноситъ два причитанія, тогда какъ первымъ восьми достается по одной свѣчѣ и по одному плачу. Такого рода подробность не встрѣчается ни въ сербскихъ, ни въ греческихъ пѣсняхъ, за исключеніемъ одного варіанта изъ Элиды, подвергшейся, какъ извѣстно, албанской колонизаціи ¹⁾, а только въ болгарскихъ и албанской.

Въ двухъ болгарскихъ пѣсняхъ дѣвушка носитъ имя „Ели-Дойка“ или „Елин-Дойна“, въ албанской „Dòjin Garantìn“ или *Thòjin Garantìn*, причемъ изъ двойного имени ея одна часть оказывается тождественной: *Дойка-Дойна-Dòjin-Thòjin*. Какъ разъ въ этихъ же болгарскихъ редакціяхъ братъ называется *Константинъ*, и это имя остается за нимъ также и въ албанской пѣснѣ. Не лишено значенія также и то обстоятельство, что по албанскому разсказу за дѣвушку

¹⁾ Miklosich, Albanische Forschungen. Denkschriften d. K. Akad. d. Wissenschaften. Ph..H. C. 1870, XIX, стр. 338.

приходятъ свататься зпатные люди и „*боляри*“ какъ и въ болгарской пѣснѣ. Конецъ албанской пѣсни нѣкоторою непоследовательностью обнаруживаетъ, какъ будто бы она составлена изъ разныхъ редакцій, причемъ заключительная редакція, отклоняясь отъ болгарскихъ, приближается къ сербскимъ, именно въ томъ мѣстѣ, когда мать, повидимому, забываетъ, что ея сыновья погибли на войнѣ и появленіе Гарентины вызываетъ въ ея памяти призракъ страшной чумы, которая, какъ ей казалось, говоря съ нею голосомъ ея дочери, пришла съ цѣлью погубить и ее.

Второй албанскій вариантъ записанъ Дозономъ ¹⁾ въ формѣ сказки, передающей въ Албаніи, какъ онъ говоритъ, „*de la façon la plus sèche et la plus sommaire*“. При этомъ онъ замѣчаетъ, что „*toute une classe de contes (албанскихъ) ne sont manifestement que la maigre analyse, le squelette, non pas de contes, mais de chants bulgares*“. Приводимый имъ албанскій рассказъ изъ нашего круга носить заглавіе „*Constantin le mort voyageur*“ и развивается въ такомъ порядкѣ:

„У одной старухи было девять сыновей и одна дочь. Братья выдали сестру замужъ далеко, въ чужую сторону противъ воли матери. Больше всѣхъ настаивалъ на этой свадьбѣ Константинъ. Черезъ нѣсколько времени началась война, и всѣ сыновья старухи были убиты. Несчастная мать неутѣшно горюетъ, тѣмъ болѣе что и дочери ея пѣтъ съ нею. Она плачетъ на могилахъ своихъ сыновей, особенно на могилѣ Константина, и вызываетъ къ нему: „Константинъ, мой сынъ, гдѣ же твое обѣщаніе? Приводи мнѣ мою дочь, ты выдалъ ее въ чужую сторону, а теперь сердце мое разрывается и нѣтъ ея, чтобы раздѣлить мое горе! Увы, ты мертвъ, и не услышишь меня“. Но Константинъ услышалъ непрестающія причитанія матери, онъ вышелъ изъ своей могилы, отправился къ сестрѣ и повелъ ее къ матери. Въ дорогѣ, видя идущаго Константина съ сестрой, вороны каркали: „вотъ живая идетъ

¹⁾ Aug. Dozon, Contes albanais. Paris. 1881, стр. 251—253.

съ мертвецомъ“. Тогда сестра спрашиваетъ: „Константинъ, что это говорятъ вороны“? „Ничего, сестра, отвѣчаетъ онъ, надо же имъ каркать“. Они идутъ дальше, и вотъ воробьи чирикаютъ: „смотрите, живая идетъ съ мертвецомъ“. Снова сестра допрашиваетъ брата, и онъ даетъ ей тотъ же отвѣтъ. Они продолжаютъ свой путь и уже недалеко отъ дома пѣтухи запѣли: „вотъ живую ведетъ мертвецъ“. Тутъ братъ обманулъ сестру: „иди вперёдъ говорить онъ, а я пойду за тобой“, самъ же вернулся въ свою могилу.

Сестра подошла къ дому и постучалась въ дверь. Мать спрашиваетъ, кто тамъ? „Это я, твоя дочь,пусти меня“. Мать не вѣритъ и не хочетъ впустить ее, наконецъ, заставляетъ дочь вложить мизинецъ въ замочную скважину, чтобы удостовѣриться. Какъ только та это сдѣлала, и мать увидела ея палецъ, обѣ онѣ упали мертвыми, одна въ домѣ, другая за дверь“.

Въ такомъ видѣ рассказывается эта сказка въ Албаніи, обнаруживая какъ свое сродство съ пѣснею, записанной въ южной Италіи среди албанцевъ, такъ и съ болгарской версіей, записанной Качановскимъ: съ первой она сходится въ томъ, что мать не проклинаетъ сына, Константина, но усиленно плачетъ на его могилѣ, со второй въ томъ, что братъ ведетъ сестру къ матери, а не везетъ ее, какъ это обыкновенно повѣствуется въ другихъ вариантахъ.

Все эти подробности, вмѣстѣ взятая, при условіи вѣковыхъ тѣсныхъ сношеній, существовавшихъ между болгарами и сербами съ одной стороны и албанцами съ другой, даютъ, достаточное основаніе предполагать, что пѣсня о братѣ-мертвецѣ перешла отъ болгаръ къ албанцамъ, сохранивъ среди нихъ съ замѣтной устойчивостью свой первоначальный сербско-болгарскій типъ.

Историческія условія жизни южныхъ славянъ и ихъ сношенія съ албанцами давали полную возможность такого рода передачи пѣсеннаго матеріала отъ болгаръ къ албанцамъ. Въ то время какъ сѣверная Албанія до XV столѣтія составляла

нераздѣльную часть сербскаго царства ¹⁾, южная ея половина почти сто лѣтъ находилась подъ властью болгаръ, не говоря уже о томъ, что тѣсныя культурныя отношенія должны были существовать издавна, начиная съ IX ст., приведя къ сильному отложенію славянскихъ элементовъ въ говорахъ албанскихъ.

Годфридъ Малатерра, описывавшій подвиги норманскихъ князей, Роберта Гвискарда и Боэмунда, въ Албаніи въ XI вѣкѣ, называетъ Албанію не иначе, какъ Болгарією, а албанцевъ—болгарами.

Въ языкѣ албанцевъ, въ названіяхъ мѣстностей и въ именахъ историческихъ дѣятелей, въ ихъ средневѣковыхъ законахъ, въ ихъ нравахъ и обычаяхъ, наконецъ, въ ихъ пѣсняхъ сохранились, по словамъ Макушева, слѣды преимущественно славянскаго господства. Значительное число славянскихъ словъ принято не только въ языкѣ албанцевъ, живущихъ на мѣстахъ прежней своей родины, но также расселившихся въ Греціи и перебравшихся въ Италію, а это показываетъ, что такое усвоеніе произошло до XV столѣтія. По мнѣнію Мейера ²⁾, первые албанскіе переселенцы могли попасть въ Италію вмѣстѣ со Скандербегомъ, когда онъ въ 1461 г. предпринималъ походъ въ Апулію на помощь Фердинанду Арагонскому; но наибольшій наплывъ ихъ туда совершился уже послѣ смерти Скандербега (1468), когда албанцы искали въ Италиіи убѣжища отъ турецкаго разгрома и образовали албанскія деревни въ Калабріи, Капитанатѣ, Базиликатѣ и въ Terra' d'Otranto съ населеніемъ до ста тысячъ душъ. По своему языку итальянскіе албанцы ближе подходятъ къ жителямъ южной Албаніи, чѣмъ сѣверной, и если, какъ указываетъ Политисъ ³⁾, среди нихъ распространена пѣсенка:

¹⁾ В. Макушевъ, Историческія разысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка. Варшава 1871, стр. 2—3.

²⁾ G. Meyer Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde. Berlin 1885, стр. 66 и сл.

³⁾ Πολίτης, Op. cit., стр. 17. Удерживаю правописаніе, при-

„Μωριά, ώραίε μευ Μωριά, δὲν θὰ σὲ ἴδω πλέον.
Ἐκεῖ ἔχω τὴν μάνα μου, ἐκεῖ τὸν ἀδελφὸ μου,
ἐκεῖ καὶ τὸν πατέρα μου ἔς τὴ μαύρη γῆ χρομένον“,

то она можетъ служить лишь основаніемъ для предположенія, что къ общему движенію изъ Албаніи могло присоединиться частное изъ Греціи, привнесшее въ албанскій говоръ въ Италіи лишь отдѣльныя греческія слова, тогда какъ славянскіе элементы, и притомъ болгарскаго происхожденія, весьма въ немъ замѣтны. Эти факты со стороны исторіи и языка поддерживаютъ мой выводъ, вытекающій изъ подробнаго разбора варіантовъ, что какъ албанская пѣсня о братѣ-мертвецѣ, такъ и сказка, по своему происхожденію, стоятъ въ зависимости отъ болгарскихъ версій того же сюжета. Такой выводъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что, кромѣ указанныхъ уже чертъ, пѣсни болгарскія и албанскія имѣютъ такую общую подробность — зажиганіе свѣчей на могилахъ умершихъ сыновей, — которая встрѣчается лишь въ одномъ греческомъ варіантѣ изъ Элиды, передающемъ рассказъ не въ полномъ видѣ и не съ достаточной послѣдовательностью: въ немъ начало и конецъ, очевидно, забыты и спутаны, многія подробности при описаніи встрѣчи сестры съ братомъ и ихъ поѣздки совершенно отсутствуютъ, такъ что трудно объяснить, какимъ путемъ болгарскія пѣсни и пѣсня албанская восполнили бы пробѣлы греческаго первоисточника, если бы онѣ отъ него вели свое происхожденіе.

IV. Варіанты ново-греческіе.

Многоразличныя вѣковыя сношенія между южными славянами и ново-греками, одинаковыя внѣшнія условія ихъ жизни сказались въ поразительномъ сходствѣ ихъ поэзіи, распространяющемся даже на частности эпической техники, не говоря уже про общность сюжетовъ, разрабатываемыхъ той и другой поэзіей. Къ числу такихъ сюжетовъ, въ одинаковой мѣрѣ по-

нятое г. Политисомъ, опускаая подстрочный знакъ краткости ∪ за немѣненіемъ подходящаго шрифта.

пулярныхъ какъ у грековъ, такъ и у сербовъ съ болгарями, принадлежать между прочимъ и пѣсни о *братъ-мертвецѣ*.

Въ первый разъ ново-греческая пѣсня о братъ-мертвецѣ была опубликована въ извѣстномъ сборникѣ Форіэля¹⁾, откуда вскорѣ затѣмъ то въ подлинникѣ, то въ переводахъ перешла во многія другія изданія, какъ греческія, такъ и иностранныя. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ послѣ этого идетъ постепенное накопленіе вариантовъ, сгруппированныхъ въ книгѣ Политиса²⁾ въ числѣ семнадцати. Они собраны почти со всѣхъ концовъ греческой осѣдности: есть вариантъ Трапезундскій³⁾, съ острова Керкиры⁴⁾, два съ острова Крита⁵⁾ по одному съ Ионическихъ острововъ⁶⁾, съ Закиноа⁷⁾, изъ Элады⁸⁾, Пелопонниса⁹⁾, изъ Элиды¹⁰⁾, изъ окрестностей Олим-

¹⁾ C. Faugiel, Chants populaires de la Grèce Moderne. Paris, 1825, II, стр. 405. Въ нѣмечкомъ переводѣ: Müller, Neugriechische Volkslieder. Leipzig, 1825.

²⁾ Ν. Πολιτου, Τὸ δημοτικὸν ᾠσμὰ περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ, Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς Ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος. II, 2885.

³⁾ Σαβ. Ἰωαννίδου, Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος καὶ τῆς περὶ ταύτην χώρας ὡς καὶ τὰ περὶ τῆς ἐνταῦθα ἐθνικῆς γλώσσης. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870. стр. 283—284, № 15.

⁴⁾ Α. Μανοῦσου, Τραγούδια ἐθνικὰ κτλ. Κέρκυρα, 1850, II, стр. 71—76. Франц. переводъ: C. Sathas et E. Legrand, Les Exploits de Digénis Akritas, épopée byzantine du dixième siècle, publiée pour la première fois d'après le manuscrit unique de Trébizonde. 1875, стр. 4 и сл.

⁵⁾ Anton Jeannarakis, Kretas Volkslieder nebst Distichen u. Sprichwörtern. Leipzig, 1876. стр. 229 — 231, № 293. Κρητικὴ μέλισσα. Ἐν Ἀθ. 1873, стр. 20—22.

⁶⁾ N. Tomaseo, Canti popolari toscani, corsi, illirici, greci. Venezia, 1842, т. III, стр. 347—348; Arnoldus Passow, Τραγούδια Ρωμαϊκά. Popularia carmina Graeciae recentioris. Lipsia. 1869, стр. 347—348. № 518.

⁷⁾ Tommaseo, Op. cit. III, стр. 348 — 350; Passow, Op. cit. № 519,

⁸⁾ Α. Ἰατρείδου, Συλλογὴ δημοτ. ᾠμάτων. Ἀθήναι, 1859, 87—88.

⁹⁾ Μ. Λελέκου, Δημοτικὴ Ἀνθολογία. Ἀθήναι, 1868, стр. 203—207.

¹⁰⁾ Πανδώρα, 1862, II, стр. 367—368.

па ¹⁾, съ острова Пароса ²⁾, два записаны въ Аѳинахъ ³⁾, два въ Варнѣ ⁴⁾, одинъ изъ Мадита ⁵⁾ возлѣ Дарданеллъ, одинъ отмѣченъ изъ Каппадокіи ⁶⁾ и одинъ съ Хиоса, помѣщенный у Форіада. Наконецъ, слѣдуетъ указать еще вариантъ изъ Малой Азіи, собственно изъ Каппадокіи, позднѣе опубликованный Лагардомъ ⁷⁾, но уже раньше сообщенный Политису въ прозаической передачѣ Пападопуло-Керамевсомъ.

Всѣ варианты чрезвычайно близки между собою, такъ что достаточно остановиться съ нѣкоторой подробностью на одномъ, чтобы имѣть точное представленіе обо всѣхъ другихъ. Вариантъ записанный въ Аѳинахъ и въ первый разъ напечатанный у Политиса подъ номеромъ А', развиваетъ свое содержаніе въ такомъ порядкѣ:

- 1 — „Μάννα μὲ τοὺς ἐννιά σου γυιοὺς καὶ μὲ τὴν μίαν σου κόρη...
πραγματευτὴς τὴν γόρρεψε πραγματευτὴς τὴν θέλει
ὑποῦχε πύργους τὸ φλωρί καὶ μύδια τὸ λογάρι.
Τὴν Ἀρετὴν ἐγόρρεψε, γυναῖκα γιὰ νὰ παρῇ“...

У матери девять сыновей и одна дочь *), Арета. Богатый купецъ сватается въ ней, желая имѣть ее женой. „Но какъ мнѣ отдать ее на чужбину, говоритъ мать: сыновья мои арматы, уйдутъ на войну и, въ случаѣ горя или радости, кто привезетъ ее ко мнѣ?“ Тогда вскакиваетъ ея младшій сынъ, Константинъ и говоритъ:

¹⁾ Πολιτης, Op. cit. стр. 40. Страницы указаны отд. оттиска.

²⁾ Ibid. стр. 41.

³⁾ Ibid. стр. 37. 43.

⁴⁾ Ibid. стр. 45. 46.

⁵⁾ Ibid. стр. 47.

⁶⁾ Ibid. стр. 67.

⁷⁾ Paul de Lagarde, Neugriechisches aus Klein-Asien. Aus dem dreißigsten Bande der Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. 1886, № 25.

*) Въ пѣснѣ изъ Каппадокіи (№ 25) у матери три сына и одна дочь; въ трапезунтскомъ вариантѣ (Π') восемь сыновей и одна дочь; въ аѳинскомъ вар. (Δ') десять сыновей и одна дочь.

10 — „Δός τηνε, μάννα, δός τηνε τὴν Ἀρετὴν ὡς τὰ ξένα.
 κί' ἂν τύχη λύπη ἢ χαρὰ καὶ τὴν ἀναζητήσης
 νεκρὸς ἂν ἦμαι ἢ ζωντανὸς θὰ πάω νὰ σοῦ τὴν φέρω“:

„отдай, матушка, Арету на чужбину и, если случится горе или радость, а ты пожелаешь ее видѣть, то я, мертвъ-ли, живъ-ли буду, пойду и приведу ее къ тебѣ“. Мать такъ и дѣлаетъ: готовятъ приданое, справляютъ свадьбу и Арета уѣзжаетъ на чуждадьную сторонушку. Но приходитъ несчастный годъ, царь объявляетъ войну и всѣ сыновья погибають. Мать желаетъ видѣть свою дочь: „гдѣ ты, Константинъ мой, приведи ко мнѣ Арету,

25 — „καὶ τώρα τὴν ἀναζητῶ τὰ ῥάτια μου νὰ κλείσω“—

я желаю ее видѣть теперь, чтобы она закрыла мои очи“.

Константинъ встрепенулся подъ землею, пустился въ путь къ дому сестры и постучался къ ней, говоря: „вставай, Арета, одѣвайся, мать желаетъ тебя видѣть“. „Скажи мнѣ, радость-ли тамъ, тогда я надѣну шитое золотомъ платье, или горе, тогда я облачусь въ черное“. „Иди, Арета, ѣдемъ въ томъ видѣ, какъ ты теперь“. Въ дорогѣ они слышать, какъ птички говорятъ человѣческимъ языкомъ: „кто видѣлъ такое чудо, кто видѣлъ такое диво, живые ѣдутъ съ мертвецами“:

40 — „Ποῦς εἶδε τέτοιον θάμνασμα, ποῦς εἶδε τέτοιον θάμμα,
 νὰ περπατοῦνε ζωντανοὶ μὲ τοὺς νεκροὺς ἀντάμα“;

„послушай, Константинъ, что говорятъ птички“, заявляетъ сестра. „Онѣ вѣдь птицы, пускай ихъ поють, пускай ихъ говорятъ“, отвѣчаетъ онъ. „Но почему отъ тебя пахнетъ землей?“ „Въ пути меня засталъ дождь, смочилъ мое платье и вотъ я пахну землей“. „А почему отъ тебя несетъ ладономъ?“ „Въ пути, чтобы высушить свое платье, я зашелъ въ уединенную церковь, потому и пахнетъ отъ меня ладономъ?“ Такъ они прибыли къ несчастному дому матери, у воротъ онъ оставляетъ Арету. Она проходитъ весь дворъ, никого не встрѣчая, и у двери слышитъ, какъ мать со вздохомъ говорить:

55 — „Ἄχ! ποῦ εἶσαι, ποῦ εἶσαι Ἀρετὴ τὰ ῥάτια μου νὰ κλείσης“;

„Ахъ! гдѣ ты, гдѣ ты, Арета? приходи, чтобы закрыть мои очи“. „Я здѣсь, матушка“, раздается голосъ дочери. „Хорошо, что ты пришла, но кто привелъ тебя?...“ „Меня привелъ нашъ Константинъ“. „Нѣтъ, это былъ не Константинъ, а кто либо другой: Константинъ нашъ убитъ, вотъ уже сорокъ дней тому назадъ“. Мать и дочь сдавили другъ друга въ объятіяхъ и, издавъ одинъ общій стонъ, испустили духъ“.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе ново-греческой пѣсни о братѣ-мъртвецѣ, воспроизводимое всѣми вариантами съ тѣми, или иными отступленіями; различаются они между собою языкомъ, большей или меньшей полнотою и нѣкоторыми подробностями, не лишенными впрочемъ значенія.

Такъ, въ вариантѣ Δ', записанномъ въ Аѳинахъ, въ военномъ госпиталѣ, Константинъ, убѣждая мать отдать Арету замужъ на чужбину, говоритъ, что въ случаѣ пужды

12 — „Εὖν παγαίνω κ' ἔρχομαι δέκα φοαῖς τὸ χρόνο,
Ἰαγαίνω δὴ τὴν ἀνοιξί καὶ τρεῖς τὸ καλοκαίρι,
καὶ δύο τὸ φθινόπωρο καὶ πέντε τὸ χειμῶνα“,

онъ будетъ навѣщать ее десять разъ въ году: дважды весною, трижды лѣтомъ, два раза осенью и пять разъ зимою, забывая при этомъ, что дѣло идетъ не о посѣщеніи сестры, о которомъ повѣствуютъ, какъ мы видѣли, сербскія пѣсни, но о приводѣ ея къ матери на случай смерти этой послѣдней, что видно изъ ея же собственныхъ словъ, когда она спрашиваетъ сына:

11 — „Κῶστα μ', ἂν μ' εὖρη θάνατος, ποῖος θὰ 'θελε τὴ φέρη“;

Подробность эту въ такомъ же противорѣчій къ разсказу находимъ еще въ вариантахъ Γ', Π', ΙΔ', ΙΖ', причемъ иногда въ подтвержденіе своего обѣщанія Константинъ

14 — „Τὸ Θὸ τῆς βάζει ἐγγυτή, καὶ τοὺς ἀγίους μαρτύρους“, (Γ')

„беретъ въ свидѣтели Бога и святыхъ угодниковъ“ (Θ', Γ'), а въ трапезундскомъ вариантѣ (Η')

11 — „Ὁ Κωνσταντῖνον ὤμοσεν 'ς 'σ' αἶα καὶ βαγγέλια“.

Судя по вышеизложенному варианту Α', можно думать,

что всѣ девять братьевъ погибають на войнѣ, тогда какъ во многихъ другихъ вариантахъ говорится лишь, что они умерли, согласно тому, какъ это рассказывается въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ:

11 — „Нѣде каирѣс ἀδούστευτος κι' ἀδούστευταις ἡμέραις,
'πεθαίνουον τὰ ὕχτῳ 'δερφιά, 'πεθαίνει κι' ἡ Κωνσταντίνος“ (В'), —

„насталъ несчастный годъ, несчастные дни, умерли восемь братьевъ, умеръ и Константинъ“.

Лишь въ нѣкоторыхъ вариантахъ (Θ', Ι') подробнѣе указывается на причину смерти братьевъ, когда говорится:

19 — „Κ' ἐμπήκε χρόνος δίσεφτος καὶ μήνας ὀργισμένος,
κι' ἔπεσε τὸ θανατικόν, κι' οἱ ἐννιά ἀδερφοὶ 'πεθάναν,
'βρέθηκε ἡ μάνα μοναχή, 'σαν καλαμὶὰ 'ς τὸν κάμπο“ (Θ') —

„пришелъ несчастный годъ и злой мѣсяцъ, насталъ моръ, и умерли девять братьевъ, осталась мать, одна-одинешенька, какъ былинка въ полѣ“.

Въ вариантѣ изъ Аоинъ (D') берется сравненіе для изображенія осиротѣвшей матери еще ближе къ духу славянской поэзіи, когда говорится:

16 — „Κ' ἡ μάνα τοὺς ἀπέμαυνε 'ς τὸ σπῖτι κουχουβάγια“,

сравненіе вполне соответствующее тому, какое находимъ въ сербской пѣснѣ:

„Ал' у двору кука кукавица;
То не била сиња кукавица
Веће џина остарила мајка“.

и которое, какъ мы видѣли, пользуется широкой популярностью въ славянской народной поэзіи, причемъ слово „κουχουβάγια“, означающее, собственно, „сова“, безсознательно, лишь по созвучію, замѣнило собою сербско-болгарское слово „кукавица“, какъ въ этомъ убѣдимся нѣсколько ниже.

Въ вариантѣ IZ' говорится, что у Ареты было девять братьевъ и восемнадцать племянниковъ:

3 — „εἶχε τοὺς ἐννιά ἀδερφοὺς, τὰ δεκάοχτὼ 'ξαδέρφια“.

и когда пришло несчастное время, то всѣ они умерли,

15 — „Πλάταν τὰ χρόνια δόστωχα καὶ οἱ μῆνες ποντιασμένοι
πεθάναν καὶ οἱ ἐννιά ἀδερφοί, τὰ δεκαοχτὼ ῥαδέρφια“,

подобно тому какъ и въ болгарской пѣснѣ ¹⁾, гдѣ смерть поражааетъ не только девять братьевъ, но и ихъ ни въ чемъ не повинныхъ дѣтей:

“Си те девет 'и пособра
Со 'се нивни луди деца“.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ для насъ неясно, за что погибаютъ невинные; между тѣмъ въ сербскомъ изводѣ ²⁾, производящемъ впечатлѣніе первичности замысла и исполненія, повѣствуется:

„Девет браће, девет стричевића,
Сви су Мари млади говорили:
„Ако одеш, куд' је нама драго,
Ми ћемо ти често долазити“,

будто всѣ они принимали участіе въ выдачѣ сестры на чужбину, а потому здѣсь всѣ они, и братья и племянники, до извѣстной степени оказываются виновными предъ матерью и предъ сестрой, и смерть ихъ понятна; между тѣмъ болгарскія и ново-греческія пѣсни забываютъ объ этомъ и представляютъ виновниками выдачи сестры замужъ то всѣхъ братьевъ, то одного лишь Константина, а потому въ нихъ оказывается непонятнымъ, за что подвергаются общей участи, какъ братья, такъ и племянники.

По варианту А' мать не знаетъ, что случилось собственно съ Константиномъ и она тревожитъ его въ могилѣ не проклятіями, но лишь сѣтованіями своими о разлукѣ съ дочерью; въ большинствѣ же другихъ пѣсенъ она прямо проклинаетъ его, причемъ въ вариантѣ В' птичка, прилетѣвшая на могилу умершаго, сообщаетъ ему объ этомъ, а въ другихъ — мать сама

¹⁾ Миладиновци, Ор. cit. стр. 317.

²⁾ Давидовић, Ор. cit. стр. 10.

плачетъ и причитаеъ на могилахъ своихъ сыновей и, горя, проклинаеъ Константина:

23 — „Ἀνάθεμά σε, Κωνσταντή, καὶ μωριανάθεμά σε,
ὁπῶδ' ὤσες τὴν Ἀρετὴ πολλὸ μακροῦ 'ς τὰ ξένα,
'ς τὰ ξένα καὶ 'ς τὴν ξενητείᾳ, μέσα 'ς τὴ Βαβυλῶνα“!

„будь проклять, Константинъ, тысячу разъ будь проклять за то, что ты выдалъ Арету на чуждадьную сторонущку, на чужбину, въ самый Вавилонъ“ (Е' изъ Варны).

Или такими словами:

18 — „Πέτρα νὰ γίνῃ ὁ Κωνσταντής, λιθάρι νὰ μὴ λειώσῃ“,

„окаменѣй, Константинъ, превратись въ камень, не разлагайся въ землѣ“ (Δ'), чему соотвѣтствуетъ въ каппадокійской пѣснѣ ¹⁾:

10 — „νὰ μὴ σὲ κόψ᾽ ἡ πλάκα νὰ μὴ σὲ φάγῃ τὸ χώμα“.

Послѣднее проклятіе выражаетъ вѣрованіе, встрѣтившееся уже намъ при разборѣ венгерско-цыганскаго варіанта о женихѣ-мертвецѣ, будто умершій лишь тогда переходитъ въ царство тѣней, когда сгниетъ его тѣло.

Въ Критскомъ варіантѣ (IB') мать

10 — „x' εἰς τῶν ὀχτῶ τὰ μνήματα φύτευσε κωпарίσσια,
x' εἰς τοῦ καιμένου Κωνσταντὴ στράταις καὶ μονοπάδια“,

„могилы восьмерыхъ сыновей обсадила кипарисами (въ варіантѣ (IA') βιόλαις καὶ ματζιόραναις—фіалками и душицой), а черезъ могилу бѣднаго Константина проложила дороги и тропинки“; хотя о плачѣ ея и проелятіяхъ умалчивается здѣсь, тѣмъ не менѣе они подразумѣваются, ибо далѣе говорится:

13 — „Κι' ὁ Κωνσταντής τὴν ἄκουσεν ἀπὸ τὸν ἸΑῖδ' ἕως.
— „Σιώπασε, μάνα, σιώπασε! μὰ γὰρ θὰ σοῦ τὴν φέρο“ —

и Константинъ услышалъ ее изъ могилы: „замолчи, матушка, замолчи, говоритъ онъ, я тебѣ ее (Арету) доставлю“.

¹⁾ P. de Lagarde, Op. cit. стр. 28.

Такимъ образомъ, или подъ вліяніемъ слезъ матери, или подъ давленіемъ ея проклятій, встаетъ изъ могилы Константинъ, дѣлаетъ изъ гроба коня, а изъ досокъ сѣдло и отправляется за Аретой:

21 — „Βάνει τὸ μνήμα τ' ἄλογο καὶ τὰ σάνιδια σέλλα“ (Δ),

или:

28 — „Κάνει τὸ κιβούρι τοῦ ἄλογο, τὸ σάβανό τοῦ σέλλα“ (Ε').

Лишь въ двухъ вариантахъ, съ острова Пароса и съ Ионическихъ острововъ, подобно тому какъ въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ, Господь принимаетъ участіе въ горѣ матери:

19 — „Τὸ Θιὸ ἐπαρεκάλεσε τὸ μέγα ἅγιο Γιώργη.

Ἦ πλάκα γένηκε ἄλογο κι' ἀτός τοῦ καβαλλάρη“ (Γ') или

16 — „Ἀπὸ τὴν κλάφα τὴ πολλὴ ὁ Θεὸς τὴ συνακούει,

κι' ἐγίν' ἡ πλάκα ἄλογο, τὸ χῶμα ἐγίνη σέλλα,

καὶ τὸ σκολίμι ὁ Κωσταντής νὰ 'πῇ νὰ τήνε φέρῃ“ (ΠΓ) —

„Господь внялъ ея горькимъ слезамъ, и камень могильный превратился въ коня, земля въ сѣдло, а червь въ Константина, съ тѣмъ чтобы онъ отправился и привелъ ее (сестру)“.

Въ вариантѣ IZ', подобно тому какъ пѣсняхъ болгарскихъ и албанской, мать зажигаетъ свѣчи на могилахъ сыновей и кадитъ ладономъ, проклиная лишь Константина:

17 — „Σ ἔλους τοὺς γιοὺς βάνει κερί 'ς ἔλους τοὺς γιοὺς λιβάνι,

τὸν Κώστα καταριότανε, βαρεῖα κατάρα λέει·

„Ὅλοι μου οἱ γιοὶ νὰ λειώσουνε, κι' ὁ Κώστας νὰ μὴ λειώσῃ“.

Поднявшись изъ могилы, онъ приѣзжаетъ къ сестрѣ и находитъ ее, подобно тому какъ это говорится и въ пѣсняхъ болгарскихъ и въ албанской, въ хороводѣ,

25 — „βλέπει καὶ τὴν Ἀρέτω τοῦ 'ς τάλωνια ποὺ χορεύει“ (Δ', ср. Ε', ΙΑ', ΙΒ'),

или въ тотъ моментъ, когда она расчесываетъ свои волосы при лунномъ свѣтѣ:

31 — „βρέσκει τὴν κι' ἐχτενίζουνταν ὕψου 'ς τὸ φεγγαράκι (Θ').

Иной разъ сестра не узнаетъ брата и на зовъ его отвѣчаетъ:

32 — „Ποιὸς ξένος εἶν' αὐτὸς ἐδῶ, ποῦ ἔερεαι τ' ὄνομά μου“; (E')

или:

27 — „Γιὰ διὰς τῆς σκόλας τὸν ὄγιν, ποῦ ἔερεαι τὸνομά μου. (ζ', ср. Z')

Въ дорогѣ, спросивъ брата, какъ разъ тѣми же словами, какія встрѣчались намъ въ цѣломъ рядѣ славянскихъ пѣсенъ, отчего онъ почервѣлъ, или отчего пахнетъ онъ ладономъ, сестра спрашиваетъ его еще иной разъ въ другихъ вариантахъ, отчего онъ потерялъ свои русые волосы и свои большіе усы:

67 — „Ποῦ εἶν' τὰ ξανθὰ σου τὰ μαλλιά, τὸ πηγὸρὸ μουστάκι“; (I')

Братъ отвѣчаетъ:

68 — „Μεγάλη ἀρρώστια μ' εὔρηκε, καὶ μ' ἔρρηξε θανάτου, ἐφόγαν τὰ ξανθὰ μαλλιά, τὸ πηγὸρὸ μουστάκι“ —

„жестокая болѣзнь постигла меня, и я едва вырвался изъ рукъ смерти; оттого выльзли у меня русые волосы и большіе усы“.

Въ концѣ разсказа большинство греческихъ вариантовъ не достаточно полно развиваютъ ходъ дѣйствій. Приведа сестру къ дому матери, братъ оставляетъ ее, или мотивируя свой уходъ неясно, какъ это можно наблюдать въ вариантахъ В', ІЕ', или же безъ всякаго объясненія въ вариантахъ Г', Е'.

Въ вариантахъ Z', ІА' въ этомъ случаѣ оказывается нарушеннымъ общій тонъ, строго выдерживаемый всѣми извѣстными намъ пѣснями, въ силу котораго братъ во всю дорогу щадить сестру и старательно скрываетъ отъ нея истину; здѣсь же онъ прямо заявляетъ:

43 — „Αἶντε Ἀρετή, ἔς τῇ μάννα σου, τὴν πολυαγαπημένη, (Z')
νὰ πάω κ' ἐγὼ ἔς τὸ μνημῆμά μου, τὸ κατараχνιασμένο“ —

„иди, Арета, къ своей дорогой матушкѣ, а я пойду въ свою непривѣтливую могилу“. Варианты Θ', ІZ' вовсе умалчиваютъ объ исчезновеніи брата.

Подобно тому какъ въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ мать, услышавъ стукъ въ дверь, предполагаетъ, что это за нею пришла „морија“, „куга“, „бетегга“ или „панукла“—олицетвореніе моровой язвы,—такъ въ нѣкоторыхъ греческихъ вариан-

тахъ (Г', Θ', ΙΑ') она думаетъ, что это Харонъ или „ἀέρας“, „θανατικός“ или „πανοῦχλα“ и говоритъ:

64 — „Ἄν εἶσαι Χάρος, διάβαινε, κί' ἄλλα παιδιά δὲν ἔχω“, (Θ)
„если ты Харонъ, уходи, другихъ дѣтей у меня нѣтъ“; или:

63 — „Ἄν εἶς ἀέρας πῆγαινε κί' ἂν εἶς ὁ Χάρος διάβα, (ΙΑ')
ἂν εἶς ὁ πρικοχάροντας δὲν ἔχω μπλιὸ παιδάκια“ —

„если ты повѣтріе, иди прочь; если ты Харонъ, проходи; если ты мрачный Харонъ, то у меня нѣтъ больше дѣтей“.

Въ вариантѣ (Δ'), записанномъ въ Аѳинахъ, младшій братъ Константинъ, противъ всеобщаго желанія, совѣтуетъ матери выдать Арету на чужбину, прибавляя:

9 — „ποῦ εἶμαι κ' ἐγὼ πρᾶγματευτής, ποῦ εἶμαι καὶ πεζοδρόμος,
νὰ τρώῃ τᾶλογο τὰή, νὰ τρώω κ' ἐγὼ μαντάτα“ —

„тамъ бываю я то торговцемъ, то посланцомъ, и мой конь получить тамъ кормъ, а я новости“. На это мать говоритъ:

11 — „Κώστα μ', ἂν μ' εὖρη θάνατος, ποῖος θὰ 'θέλε τῇ φέρῃ;

„а если я умру, Константинъ, кто приведетъ ее?“ на что онъ отвѣчаетъ въ такомъ духѣ, какъ если бы онъ имѣлъ въ виду не возможную смерть матери, но то общаніе, которое дается въ сербскихъ пѣсняхъ братьями навѣщать сестру по возможности часто:

12 — „Ἐγὼ παγαίνω κ' ἔρχομαι δέκα φοραῖς τὸ χρόνο.
'Παγαίνω δὸς τὴν ἄνοιξι καὶ τρεῖς τὸ καλοκαίρι,
καὶ δύο τὸ φθινόπωρο καὶ πέντε τὸ χειμῶνα“ —

„я пойду и приду десять разъ въ году. Пойду два раза весною и три раза лѣтомъ, два раза осенью и пять разъ зимою“.

Когда Арета выдана была на чужбину, а братья ея умерли, то про мать говорится:

16 — „κ' ἡ μάνα τοὺς ἀπέμεινε 'ς τὸ σπῖτι κοροκορβ ἄ γ ι α“,

а въ концѣ тотъ же вариантъ рисуетъ картину скорбящей се-

стры въ духѣ сербско-болгарскихъ пѣсень вообще, представляющихъ сестру въ такой роли. Арета, узнавъ отъ матери о смерти братьевъ, обращается къ Богу съ такой просьбой:

49 — „Θέ μου γιά κάνе με πουλί, κάνе με κουκουβάγια,
νὰ πάρω δίπλα τὰ βουνὰ καὶ δίπλα τὰ λαγκάδια,
νὰ κλαίω τὸς ἐννι' ἀδερφοὺς, τὸν Κωσταντῖνο δέκα“!
„Κι' ἀμέσως ἔγινε πουλί, ἔγινε κουκουβάγια“.
Ἵ τὴν ἐκκλησιὰν ἐπέταξε, Ἵ τοῦ Κωνσταντῆ τὸ μνήμα,

54 — κι' ἄρχισε νὰ μοιρολόῃ, κι' ἄρχισε καὶ νὰ κλαίῃ.
„Εγὼ εἶμαι ἡ στρίγγλα ἡ Ἀρετὴ, κ' ἡ στρίγγλα ἡ Ἀρετοῦσα,
Ἵ ποῦ εἶχα τοὺς ἐννι' ἀδερφοὺς, τὸν Κωνσταντῖνο δέκα.
Σήκω, καιμένε Κωσταντῆ, σήκω νὰ φιληθοῦμε“!

„Боже мой, сдѣлай меня птичкой, преврати меня въ сову(?)⁽¹⁾, такъ чтобы я могла летать по горамъ и по доламъ, оплакивая девять своихъ братьевъ, а десятого Константина“. И тотчасъ же она превратилась въ птичку, сдѣлалась совой. Полетѣла она къ церкви на могилу Константина и начала причитать, и начала плакать: „и злая вѣдьма, Арета, я злая вѣдьма, Аретуса, у которой было девять братьевъ, а десятый Константинъ. Встань мой бѣдный Константинъ, встань, подѣлুষься“.

Внутреннее противорѣчiе этого мѣста, его несоотвѣтствiе общему ходу разсказа въ разбираемыхъ пѣсняхъ, невольно бросается въ глаза, и рѣшительно не понятно, какъ г. Политисъ²⁾ могъ считать такого рода развязку первоначальной для нашего сюжета, развязку, когда сестра сама просить Бога превратить ее въ сову, птицу зловѣщую, являющуюся у всѣхъ народовъ, начиная отъ древнихъ индѣйцевъ, образомъ разоренiя, запустѣнiя и грядущей смерти³⁾. Мало того, сама Арета, называя себя „στρίγγλα“, совершенно некстати приписываетъ себѣ образъ, подъ которымъ въ народно-греческомъ представленiи, пользующемся значительной распространенно-

¹⁾ Du Cange, κουκουβάγια = κοκοβάια = γλαῦξ сова.

²⁾ Πολίτης, Op. cit. 26.

³⁾ A. de Gubernatis, Die Thiere in der indogermanischen Mythologie. Leipzig, 1874, стр. 526. и сл.

стью, разумѣются старыя, изможденные, несчастныя женщины, или женщины-дѣтоубійцы, вообще образъ настолько отталкивающий, что имъ пользуются въ видѣ проклятiя, направленнаго противъ женщинъ, къ которымъ чувствуютъ ненависть ¹⁾: „να στριγιάς καὶ να φάγῃ τὰ πηδιά τ'ς καὶ τὸν ἄντρα τ'ο!“—превратись въ стриглу и пожри дѣтей своихъ и мужа своего. Смыслъ такого проклятiя восходитъ къ древнему греко-римскому представлению о стригахъ,—злыхъ вѣдьмахъ, которыя по ночамъ въ образѣ птицы прилетали къ колыбелькамъ дѣтей и высасывали ихъ кровь. Отсюда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи еще донынѣ особый видъ ночной совы, какъ предвѣстницы несчастiя, называется στριγγοπούλι ²⁾, зловѣщiя качества которой безсознательно и вполне неумѣстно перенесены въ нашей пѣснѣ на образъ „χοχοῦβάγια“, очевидно неясно представляемый въ данномъ мѣстѣ греческимъ народомъ.

Такое непониманіе термина „χοχοῦβάγια“, надѣленіе его противорѣчивыми качествами,—скорбящая сестра—въ образѣ вѣдьмы, зловѣщая сова—подъ видомъ нѣжной сестры, оплакивающей смерть братьевъ и вызывающей Константина изъ могилы, чтобы поцѣловаться съ нимъ, — произошло очевидно, оттого, что греческое слово „χοχοῦβάγια“ по внѣшнему созвучію внесено, какъ увидимъ сейчасъ, въ цѣльный текстъ болгарской пѣсни и замѣнило собою болгарское слово „кукавица“, что значитъ кукушка, образъ которой, разработанный въ славянской поэзіи, и опредѣлялъ собою первоначальное возникновеніе вышеприведенной картины. Вставленный въ нее греческій терминъ „χοχοῦβάγια“ (=сова), сближенный по внутреннему своему значенію съ другимъ „στριγγοπούλι“ (= тоже сова), внесъ противорѣчіе и нарушеніе поэтической правды въ первоначально ясное и логическое изображеніе тоскующей о смерти братьевъ сестры.

¹⁾ Bernhard Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum. Leipzig, 1871, стр. 136—138.

²⁾ Ibid., стр. 136.

Такую высоко художественную и по своей внутренней связи съ народными представленіями вполне вѣрную картину подходящаго содержанія находимъ въ болгарской пѣснѣ „*Яна Кукавица*“¹⁾, рассказывающей намъ слѣдующее:

„Разболѣлся молодой Стоянъ, лежитъ онъ больнымъ и просить сестру принести ему студеной воды изъ бѣлаго Дуная. Сестра идетъ, но, чтобы не заблудиться, надрѣзываетъ палецъ на рукѣ, и капли ея алой крови должны были указывать ей обратный путь. Но пока она ходила за водой къ Дунаю, пала „ситна роса“ и изгладила капли ея алой крови; сестра заблудилась, три дня и три ночи скиталась она въ горахъ и не могла найти выхода и вернуться къ больному брату, Стояну. Тогда бѣдная Яна начала молить Бога:

„Варай Боже, мили Боже!
Чин' ме, Боже, малко пилю
Сино пилю *кукавица*,
Да си летамъ по буки-те.
Да си бѣркамъ моя брата,
Моя брата боленъ Стоянъ“!
И Господъ ми ѣ послуша,
Та ѣ чини сино пилю,
Сино пилю *кукавица*,
Що си кукать и денеска“.

„Боже! сдѣлай меня малой птицей, сизой кукушкой, такъ чтобы я могла перелетать по буковымъ деревьямъ и искать больного брата, Стояна! И Господъ услышалъ ее, превратилъ ее въ сивую птицу, кукушку, которая и до сихъ поръ кукуетъ“.

Вотъ эта болгарская картина цѣликомъ и присоединена въ концѣ греческаго варіанта о братѣ-мертвецѣ, повторяющаго ее слово въ слово, причемъ греческій пѣвецъ, не понимавшій настоящаго внутренняго значенія положенныхъ въ ея основу идей и замѣнившій слово „*кукавица*“ созвучнымъ, но

---

¹⁾ Миладиновци, Ор. cit. стр. 19.

разнозначущимъ терминомъ „κουκουβάγια“, вызвавшимъ въ его умѣ дальнѣйшее представленіе о „στριγγλοπόδι“, произвелъ то невозможное и противорѣчивое смѣшеніе понятій, которое сразу бьетъ въ глаза при чтеніи греческой пѣсни.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что и въ только-что разобранной подробности греческаго варіанта Δ' мы имѣемъ несомнѣнное повтореніе болгарскаго отрывка, примыкающаго по своему духу и по своимъ художественнымъ образамъ къ поэзіи славянскихъ народовъ вообще и сербовъ въ частности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ лишь припомнить, что представленіе о сестрѣ въ образѣ кукушки, оплакивающей брата, еще донинѣ такъ сильно укоренено въ сознаніи сербскихъ женщинъ, что каждая изъ нихъ, потерявшая брата, услыша кукованіе кукушки, горько заплачетъ, живо представляя себѣ свою собственную утрату, и что въ силу того же представленія на могилѣ умершаго, у котораго остались сестры, принято ставить на крестѣ изображеніе кукушки, вырѣзанное изъ дерева ¹⁾).

Точно также подробность въ варіантѣ (Γ') съ острова Пароса, въ силу которой братъ подъ давленіемъ материнскихъ проклятій самъ проситъ Господа Бога и св. Георгія поднять его изъ могилы:

18 — „Κι' ὁ Κωνσταντῆς τ' ἀνάθεμα πόλὸ τὸ ἐφοβαίτο.
τὸ Θιὸ ἐπαρεκάλεσε τὸ μέγα ἅγιο Γιώργη“,

соотвѣтствуетъ вполне тому, что мы видѣли въ болгарской пѣснѣ изъ восточной Болгаріи ²⁾), совпадающей при этомъ во всемъ своимъ дальнѣйшемъ ходѣ и въ подробностяхъ съ названнымъ греческимъ варіантомъ, значительно лишь сокращеннымъ сравнительно со своимъ болгарскимъ образцомъ: въ первомъ 49 стиховъ, въ послѣднемъ 148.

¹⁾ Č. Zibrt, Op. cit., стр. 194; F. Krauss, Der Tod in Sitte, Brauch u. Glauben der Südslaven. Zeitschrift des Vereins f. Volkskunde, II (1892), стр. 181—182.

²⁾ Сборникъ за народни умотворения, IV, (1891), стр. 517—520.

Въ трапезунтскомъ вариантѣ (Н'), подобно тому какъ въ сербскихъ пѣсняхъ, братъ даетъ обѣщаніе не матери, но сестрѣ въ томъ, что онъ сообщитъ ей, если мать умретъ:

13 — „*ἄν ἀποθάν' ἡ μάνα μου, ἐγὼ ἐσὲν λαλῶ σε*“.

Въ критскомъ вариантѣ (IA') подобно тому, какъ въ албанской сказкѣ, мать, чтобы признать дочь, говоритъ ей:

67 — „*Δεῖξ τὸν ἀρραβῶνα σου ἀπὸ τῆ κλειδωνιάστρα*“ —

„покажи свое обручальное кольцо въ замочную скважину“, если ты Арета, я тебя узнаю.

Въ вариантѣ съ острова Хиоса (Θ') повѣствуется въ противоположность всѣмъ извѣстнымъ намъ пѣснямъ, что братъ прѣзжаетъ къ сестрѣ ночью:

31 — „*βρίσκει τὴν κ' ἐχτενίζουσαν ὄξω 'ς τὸ φεγγαράκι*“ —

„находитъ ее чешущейся внѣ дома при свѣтѣ мѣсяца“, изъ чего видно, что редакция эта путаетъ ходъ дѣйствія, прибавляя затѣмъ подробность, несомнѣстимую съ ночной обстановкой, будто братъ

32 — „*Ἀπὸ μακρὰ τὴν χαιρετᾷ, κ' ἀπὸ μακρὰ τῆς λέγει*“ —

„издали привѣтствуетъ ее, издали говоритъ ей“, что было умѣстно въ сербской пѣснѣ, гдѣ братъ прѣзжаетъ днемъ, и вотъ

„Далеко га сеја угледала,
Мало ближе предъ нег' ишетала,
Од жалости врло заплакала“.

Точно также противорѣчитъ ночной поѣздкѣ брата съ сестрой, поѣздкѣ, описываемой въ этомъ же вариантѣ, указаніе на то, что въ дорогѣ они

39 — „*ἀκοῦν ποῦλιά καὶ κελαιοῦν, ἀκοῦν ποῦλιά καὶ λένε*“ —

„слышать, какъ поютъ птички, какъ птички говорить“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что подробности разсказа, извѣстныя намъ изъ сербскихъ, болгарскихъ и албанскихъ пѣсенъ, встрѣчаются разрозненными въ отдѣльныхъ греческихъ

вариантахъ; къ этимъ чертамъ прибавляются новыя подробности, не существеннаго впрочемъ характера, заимствованныя уже изъ собственно греческаго пѣсеннаго обихода, какъ напр. запѣвы въ вариантахъ Δ', ΙΖ', одинъ печальный, другой напротивъ того радостный, или какъ картина воспитанія дочери въ вариантѣ ΙΔ', повторяющаяся также въ Ε', ζ', Ζ', Θ', ΙΑ', ΙΒ' ΙΓ', которую Политисъ ставить въ связь съ византійской поэмой о Дигенисѣ Акритѣ ¹⁾, а г. Дестунисъ ²⁾ вполне основательно возводитъ къ книжнымъ источникамъ, рисовавшимъ сцены затворнической жизни:

3 — „Εμάρανε καὶ μιὰ ξανθή, μιὰς χήρας θυγατέρα, (ΙΔ')
ποῦ ἦτανε δώδεκα χρονῶ καὶ ἥλιος δὲν τὴν εἶδε·
'ς τὰ σκοτεινὰ τὴν ἔλουζε, 'ς τὸ φέγγος τὴ χτενίζει,
'ς τᾶστρη καὶ 'ς τὸν αἰμερινό τ'ς ἐπλεγε ὀργυῶν πλεξίδα“ —

„увидала тоже блѣлая дочь одной вдовы, ей было двѣнадцать лѣтъ и солнце не видѣло ея; мать умывала ее впотьмахъ, при лунѣ чесала ее, а при звѣздахъ и на разсвѣтѣ заплетала ей косы“.

Въ подтвержденіе обычности такихъ сценъ въ средневѣковой литературѣ такую обстановку воспитанія дѣвушки, между прочимъ, можно указать въ нѣмецкой поэмѣ „Кудруна“ ³⁾, гдѣ говорится про Гильду:

„Dô hiez der wilde Hagene ziehen sô daz kint,
ez beschein diu sunne selten, noch daz ez der wint“ —

что отецъ ея, дикій Гагенъ, велѣлъ такъ воспитывать дочь, чтобы солнце рѣдко освѣщало ее и чтобы вѣтеръ не касался ея, и вотъ „inner zwelf jâren“ она дѣлается красавицей.

Привнесеніе такихъ подробностей какъ изъ книжныхъ источниковъ, такъ и изъ области народно-греческаго пѣсенства, вполне соответствуетъ общему развитію народной поэзіи

¹⁾ Πολιτης, Op. cit., стр. 33.

²⁾ Дестунисъ, Op. cit., стр. 96.

³⁾ L. Ettmüller, Gûdrûnlîeder. Leipzig, 1857, I, строфа 84—85.

всѣхъ народовъ и нисколько не противорѣчитъ предположенію, что самый сюжетъ нашъ зашелъ въ Грецію извнѣ, отъ ближайшихъ сосѣдей, наложившихъ на его обработку свои характерныя черты, не изгладившіяся еще въ извѣстной степени и доннѣ, не смотря на то, что само произведеніе подверглось многоразличнымъ сокращеніямъ, измѣненіямъ и приспособленіямъ къ новой обстановкѣ въ устахъ греческихъ пѣвцовъ. Къ числу такихъ второстепенныхъ измѣненій принадлежитъ напр. приуроченіе страны, куда выходитъ замужъ сестра, то къ Вавилону (вар. E', ζ', Z', Θ' IG'), то къ Салоникамъ (IA' IB'), то къ Романіи вообще (H'), то къ инымъ, болѣе или менѣе неопредѣленнымъ мѣстамъ. Такое перенесеніе дѣйствія изъ одной страны въ другую такъ же легко можетъ мѣняться соотвѣтственно взглядамъ пѣвца, что онъ считаетъ далекой страной, какъ легко могутъ варьироваться и имена дѣйствующихъ лицъ, получая въ каждомъ народѣ свои излюбленныя прозванія, хотя въ данномъ случаѣ имя Константинъ довольно устойчиво удерживается какъ въ болгарскихъ и албанской, такъ и въ греческихъ пѣсняхъ. Гораздо большею устойчивостью отличаются внѣшніе поэтическіе формы и образы, мною отмѣченные, и внутренніе бытовые признаки, къ числу которыхъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отнести указанное еще Вольнеромъ ¹⁾ чувство братской любви, послужившее однимъ изъ основныхъ мотивовъ для созданія всего разбираемаго цикла пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ. Хотя Политисъ ²⁾ и пытается привести доказательства, что то же чувство нашло свое выраженіе и въ пѣсняхъ новогреческихъ, и хотя проф. Веселовскій ³⁾ поддерживаетъ его мысль упоминаніемъ о византійской „ἀδελφοποιία“ (=adoptio in locum fratris ⁴⁾), но всѣмъ этимъ еще не обнаружено, что новогреческая поэзія на этой бытовой основѣ создала произведенія, близкія къ разбираемому кругу пѣсенъ, произведенія въ

¹⁾ Archiv. für Sl. Phil. VI (1882), стр. 267.

²⁾ Op. cit., стр. 23.

³⁾ Жур. М. Нр. Пр. 1885, Ноябрь, стр. 73.

⁴⁾ Du Cange, Glossarium, см. ἀδελφοποιία.

родѣ тѣхъ, какія отмѣчены нами въ сербской и болгарской поэзіи.

Мало того, даже та пѣсенка, которую Политисъ приводитъ, какъ доказательство, что и среди грековъ есть произведенія, посвященныя поэтическому изображенію указаннаго бытового явленія, говоритъ вовсе не то, что онъ утверждаетъ. Пѣсенка эта, записанная первоначально Ross'омъ (Inselreis. III, 182) и перепечатанная Пассовымъ (Op. cit. стр. 349), носитъ заглавіе „Н ἄπιστος γυναικα“ и рассказываетъ о кровавой распрѣ двухъ братьевъ, происшедшей изъ-за жены одного изъ нихъ. Къ этому содержанію присоединены въ началѣ три стиха:

„Τρία πράγματα μ'ἀρέσασιν εἰς τὸν ἀπάνω κόσμον,
Τὸ κάτεργον ποῦ περπατεῖ καὶ τ' ἄλογον ποῦ τρέχει,
Τὰ δο' ἀδελφάνια τὰ καλὰ σὰ ν εἶν' ἀγαπημένα“ —

„Три вещи нравятся мнѣ въ этомъ мірѣ: корабль-ходокоъ, конь-скакуноъ, да два хорошихъ брата, если они любятъ другъ друга“.

Про сестру здѣсь нѣтъ и рѣчи, между тѣмъ вотъ подходящая по сочетанію понятій къ этимъ тремъ стихамъ сербская пѣсня,—„Рѣба и дјевојка“¹⁾.

„Дјевојка сједи крај мора,
Пако̑ сама себи говори:
„Ахъ, мили Боже и драги!
„Има л' што шире од мора?
„Има л' што дуже од поља?
„Има л' што брже од коња?
„Има л' што слађе од меда?
Има л' што драже од брата“?

Что же касается въ частности явленія, опредѣляемаго терминами: ἀδελφοποιία=ἀδελφοποίησις, fraternitas, fostbraed-

¹⁾ Вук Караџић, Op. cit. I (1891), стр. 204; другая такая же пѣсня тамъ же на 205 стр. Въ иномъ духѣ, чѣмъ въ греческой пѣснѣ, очерчивается распра двухъ братьевъ тоже изъ-за жены въ хорватской пѣснѣ „Dobra braća“: Naša sloga, I, стр. 50.

hralag¹⁾ (сканд.), то оно совпадаетъ съ извѣстнымъ и практиковавшимся въ средніе вѣка у всѣхъ европейскихъ народовъ обычаемъ побратимства, имѣвшимъ мѣсто и въ византійскій періодъ греческой жизни, куда, какъ предполагаетъ Zachariä von Lingenthal²⁾, онъ, повидимому, пошелъ съ востока, причемъ ученый византологъ не даетъ ближайшаго опредѣленія, какъ понимать выраженіе „восточный“. Между тѣмъ уже Du Cange³⁾, которому принадлежитъ первое изслѣдованіе о „*adoptio in fratrem*“, усматриваетъ источникъ этого бытового явленія „*parmi les princes barbares et septentrionaux*“. Дѣйствительно, на западѣ Европы явленіе это стало извѣстнымъ со времени распространенія тамъ германскихъ народовъ и долго держалось въ Скандинавіи, Даніи, Германіи, Англіи, Франціи и южной Италіи, тогда какъ на востокѣ Европы и въ Византіи оно проявляется со времени выступленія на историческое поприще славянскихъ народовъ. Одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей этого вопроса, Tamassia⁴⁾, послѣ внимательнаго изученія источниковъ, приходитъ къ такому обобщенію: „L'affratellamento svolge di preferenza durante i pericoli delle guerre nella forma di fraternità militare, e trovasi così presso tutte le nazioni dell ceppo indo-europeo. Esso poi da questa prima forma passa ad un'altra, che modellandosi più nettamente su un rapporto di parentela, tende a tramutarsi in un vero isti-

¹⁾ Vigfusson, Corpus poetium boreale, I, стр. 423.

²⁾ Geschichte des griechisch - römischen Rechts. Berlin, 1877, стр. 96—97; ср. Pantschatantra, Benfey, II, 286.

³⁾ Du Cange, Histoire de S. Louis IX, écrite par I. Sire de Joinville. Paris, 1668, diss. XXI, стр. 260.

⁴⁾ Giovanni Tamassia, L'Affratellamento (ἀδελφοποιία). Studio storico-giuridico. Torino, 1886, стр. 77. Ср. А. Веселовскій, Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальской обрядности. Ж. М. Н. Пр. ч. ССХСІ, Февраль (1894), стр. 287—318; также: Этнографическое Обозрѣніе, 1896, № 2—3, стр. 273. О побратимствѣ у малороссовъ см. статью Маріи Ганенко Семейно-имущественныя отношенія крестьянскаго населенія въ Елисаветградскомъ уѣздѣ. Стенъ. Херсонскій беллетристичный сборникъ. Сиб. 1886, стр. 146.

tuto giuridico, da porsi vicino, ma non da confondersi, coll'adozione".

„Il diritto nordico germanico ci presenta sotto tale aspetto i *fostbrodhir*, da cui sono originati i fratelli d'arme de' paesi latini, mentre il *diritto slavo* diffonde il *pobratimstvo* presso i Graeco-Romani, ove questo mostrasi sotto il nome di ἀδελφοποιτα“.

Говоря о побратимствѣ у славянъ, авторъ прибавляетъ ¹⁾: „Non si deve poi passare sotto silenzio, che l'affetto fraterno presso gli Slavi è più tenero, più sacro che non sia appo gli Occidentali, è perciò il vincolo che nnisce gli affratellati come fratelli naturali, dal paragone del legame della vera fraternità, acquista un' importanza che l'Occidente ignora“.

Во всякомъ случаѣ явленіе это не имѣетъ прямого отношенія къ тому семейно-бытовому факту, который лежитъ въ основѣ нашихъ пѣсенъ и который свидѣтельствуетъ о преимущественномъ значеніи для сестры братьевъ, объ ихъ главной роли въ семьѣ, обусловливаемой, по всей вѣроятности, древнеродовыми отношеніями, существовавшими среди южныхъ славянъ.

Точно также выдвинутая Психарисомъ ²⁾ внѣшняя эпическая черта, число *девять*, служащая характернымъ признакомъ произведеній южно-славянскихъ, недостаточно опровергнута со стороны Политиса указаніемъ, что число это также популярно и въ ново-греческой поэзіи, ибо, насколько мнѣ извѣстно, въ древне-греческой символикѣ число *девять* не играло никакой роли въ ряду напр. чиселъ три, пять, семь, двѣнадцать и т. д. ³⁾, тогда какъ у ново-европейскихъ народовъ, именно въ эпической поэзіи кельтской ⁴⁾ и особенно славянской, оно

¹⁾ Ibid., стр. 71.

²⁾ Revue de l'Histoire des Religions, IX (1884, стр. 48).

³⁾ Bachofen, Das Mutterrecht. Stuttgart, 1861; см. Register подъ словомъ „zahlen“.

⁴⁾ D'Arbois de Jubainville, Cours de littérature celtique. Paris, 1892; см. Index подъ сл. „neuf“.

распространено въ высшей степени. Поэтому не слѣдуетъ ли искать источникъ такой популярности числа девять для новогреческой поэзіи въ новыхъ эпическихъ элементахъ, привнесенныхъ южными славянами, у которыхъ сочетанія дѣвет години, дѣвет мѣсяца, *девет сина и едина дщеря* (Dozon, Op. cit. 30, 23—24), *девет рани* (раны) *крошумени Десетата с нож боднѣта*, Прѣз дѣвет гори зелени, Прѣз дѣвет води студени, *Прѣз дѣвет села и десето*, дѣвет шегѣри, дѣвет млади девери, дѣвет калини и т. п. встрѣчаются, какъ самыя излюбленныя реченія, доказательствомъ чему можетъ напр. служить подборъ такихъ выраженій у Дювернуа¹⁾. Отъ себя я прибавлю лишь указанія на сочетанія, тождественныя съ тѣмъ, какое повторяется въ разобранныхъ выше пѣсняхъ о братѣ-мѣртвецѣ, гдѣ было девять братьевъ и десятая дочь. Тотъ же порядокъ счета соблюдается въ цѣломъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ болгарскихъ произведеній; изъ нихъ мы выберемъ слѣдующія выраженія: „Една Іана между дѣвет бра, Между дѣвет брата“; „Разсипани дѣвет бѣчви вино, Разсипана десета ракиа“²⁾; „Тѣа има дѣвет синове, Десети Богданъ наі малак“ (Ibid. стр. 73); „дѣвѣт девере, дѣвет стрѣви, сѣс дѣвет дѣаца“ (Ibid. V, стр. 23); „Ел си нѣма сиракъ Иванъ Нѣто маіка, нѣто татко, Лѣу си има дѣвет сѣсри, Дѣвет сѣсри в дѣветъ града, Десѣтата Бѣала Рада; Тѣа бѣше книжовница, та испіса дѣвет книги, Распѣснѣ ги в дѣвет града“ (Ibid. стр. 66); „Измѣзла е дѣвет крави Десѣта крава Белана“ (Ibid. стр. 68); „Штото кѣра дѣвет конѣа, Десетио Јааница“ (Ibid. стр. 69); „Заплакала је Јанинка На Стоіанова гробнина:—Ја стани, либе Стоіане, Да видишъ Јанка вдовица Сѣс дѣвет деца сираци А десетото на сѣрце“ (Ibid. IV, стр. 81); „Имѣла маіка, Мариіка, Една на маіка на баштѣа, На тѣкмо на дѣвет брѣтѣа“ (Ibid. VI, стр. 48).

Точно также и въ сербско-хорватской поэзіи подобныя вы-

¹⁾ Словарь болгарскаго языка, I (1885) подъ словомъ „братъ“ и „девятъ“.

²⁾ Сборникъ за народни умотворения, II, стр. 58.

раженія обычны и встрѣчаются въ изобиліи. Не думая указать всѣ случаи ихъ употребленія, я ограничусь лишь приведеніемъ примѣровъ, имѣющихся у меня подъ руками: „Zahvali se Dunčiću Ivane, Da on ima do devet sinova A desetu hćerku Romaniju“ (изъ „Naše sloge“, стр. 45); „Zibala Jane—Pavla ditića, Zibala ge je—celich devet let, Deseto leto—mito pitala“ (Ibid. II, стр. 49); „Умрла је Ковчића госпођа, Остаде јој девет сиротица, И десета Фата мјезимица“ (Давидовић, стр. 29); „Знаш ли ћери, да си испрошена, Да ти имаш девет дјеверова, И десету за'ву неудану, Да ти треба девет бошчала И десетој за'ви неуданој?“ (Ibid., стр. 46); „У Богдана девет винограда, И десета винова лозица, Свију и је у вину попио, И десету винову лозицу“ (Ibid., стр. 48); „Мајка Мару кроз три горе звала, Мара јој се кроз девет одзвала“ (Ibid., стр. 50); „Под горицом двори позлаћени, У том' двору девет нејестица И десета Анђа заовица“ (Ibid., стр. 94), „Родила си сина Мијаила, Још родила девет мили ђери!“ (Вук, I [1891], стр. 575); „Боже мили, чуда великога! Роди мајка девет ђевојака, И десету носи под појасом“ (Ibid.); „Лена ти је сјајна месечина, Још је лепша Јела удовица; Залуду јој сва лепота њена, Кад остави девет мили сина, И десетог Јову нејакога У повоју и у пеленама“ (Ibid., стр. 590); „Те робовах и тамницу трпех И зачамах за девет година, Девет прође, а стиже десета“ (Вук, II [1875], стр. 274); „Мили Боже, чуда великога! Кад се слеже на Косово војска, У тој војсци девет Југовића И десети стар Јуже Богдане“ (Ibid., стр. 304); „Ој Бога ми, моја стара мајко! Прошао сам девет краљевина, И десету Турску царевину“ (Ibid. 330); всѣхъ вводитъ съ собою на Косовскую битву Јанко од Сибиња, „Оста њему девет сестреница И десета остарила мајка“ (Ibid., стр. 509).

Приведенныхъ примѣровъ, какъ мнѣ кажется, вполне достаточно, чтобы убѣдиться, что въ данномъ сочетаніи мы имѣемъ дѣло съ излюбленнымъ выраженіемъ южныхъ славянъ, что оно является въ полномъ и широкомъ смыслѣ *locus communis* ихъ поэзіи и до извѣстной, конечно, степени можетъ

быть принято во вниманіе при рѣшеніи вопроса о мѣстѣ возникновенія разбираемыхъ пѣсенъ.

Чтобы исчерпать всѣ доводы, выставленные Политисомъ въ пользу греческаго происхожденія разбираемыхъ пѣсенъ, мнѣ остается лишь отмѣтить то сближеніе, какое онъ дѣлаетъ между пѣснями о братѣ-мертвецѣ и извѣстной романтической византійской поэмой о Дигенисѣ-Акритѣ¹⁾, въ которой онъ усматриваетъ источникъ нашихъ пѣсенъ. Такого рода сближеніе въ силу отсутствія достаточныхъ основаній для него вызвало, какъ извѣстно, единодушное возраженіе всѣхъ критиковъ, писавшихъ по этому поводу, и для меня лично представляется настолько произвольнымъ, что я считаю себя въ правѣ не входить въ ближайшее разсмотрѣніе акритовскаго цикла сказаній, не имѣющихъ ровно ничего общаго съ разобранными пѣснями о братѣ-мертвецѣ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ греческіе варианты даннаго сюжета, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Нѣкоторые изъ ново-греческихъ вариантовъ оказываются неполными: Е', ζ', ІА', Θ', ІΖ';

2) Многіе изъ нихъ содержатъ въ себѣ противорѣчія и передаютъ ходъ дѣйствія непоследовательно: Δ', Γ', ІГ' ІА', ІΖ', Ζ', ІА', ζ';

3) Почти всѣ они тѣми или иными подробностями напоминаютъ собою то пѣсни болгарскія Γ', Δ', ІА', ІГ', ІΖ', ζ', то пѣсни сербскія, причемъ строй этихъ послѣднихъ съ особой наглядностью даетъ себя чувствовать въ вариантахъ: Δ', Γ' ІА', ІА', Н';

4) Общей своей обработкой приближаются къ эпической техники южно-славянской народной поэзіи.

Въ силу того обстоятельства, что разныя греческія редакціи отдѣльными своими чертами напоминаютъ намъ то то, то другой юго-славянскій изводъ даннаго сюжета, можно ду-

¹⁾ Литература по этому вопросу собрана мною въ очеркѣ: „Изученіе ново-греческой народной поэзіи“. Варшава, 1888.

мать, что болгарскія пѣсни проникли въ Грецію разновременно и разными путями, то въ обработкѣ, болѣе близкой къ сербскому своему первотипу, то въ болѣе отдаленной, то непосредственно отъ болгаръ, то чрезъ среду албанскую. При такой передачѣ становятся понятными указанная выше отклоненія между греческими вариантами, число которыхъ легко могло возрастать на своей уже почвѣ, благодаря оживленнымъ торговымъ сношеніямъ среди обитателей отдѣльных мѣстностей сравнительно небольшой греческой территоріи. Поэтому въ нѣсколькихъ вариантахъ то женихъ, сватающій дѣвушку, то братъ ея оказывается купцомъ, иной разъ мореходомъ — *πραγματευτής, ταξιδευμένος* (A', Γ', Δ' E', IE', IZ' IZ'), что свидѣтельствуешь о той средѣ, при посредствѣ которой распространялся нашъ сюжетъ между греками, представившими его въ значительномъ числѣ вариантовъ.

Но, припоминая себѣ вышераскрытыя свойства этихъ вариантовъ, въ виду неполноты, непоследовательности и противорѣчій нѣкоторыхъ изъ нихъ, на основаніи отраженія въ большинствѣ ихъ ближайшимъ образомъ основъ болгарскихъ и болѣе отдаленнымъ образомъ сербскихъ элементовъ, наконецъ, въ виду указаннаго несомнѣннаго усвоенія ими славянской эпической техники, мы не можемъ не признать, что все разнообразіе греческихъ вариантовъ ведетъ свое начало отъ болгарскихъ редакцій пѣсни о братѣ-мертвецѣ, стоящихъ, повидимому, въ зависимости отъ сербскаго первотипа, отличающагося чертами цѣльности, логичности, законченности и полного соответствія духу народной поэзіи и основамъ народной жизни.

Если бы понадобилось отвѣтить на вопросъ, что послужило ближайшимъ поводомъ для возникновенія такого рода пѣсенъ, то, судя по содержанію, съ значительной устойчивостью проводимому во всемъ разнообразіи вариантовъ, можно думать, что первоначально ядромъ ихъ было повѣствованіе о какомъ-либо страшномъ народномъ бѣдствіи, въ родѣ чумы или опустошительной моровой язвы, похитившей у матери всѣхъ ея сыновей, погубившей затѣмъ и ее вмѣстѣ съ дочерью, когда эта послѣдняя является навѣстить свою мать. Народное вооб-

раженіе, пораженное величіемъ бѣдствія, сгруппировало отдѣльные моменты такого несчастья въ одну общую картину, сокративъ промежутки времени между дѣйствіями драмы, и создало поэтическое произведеніе, исполненное художественной красоты и глубокой жизненной правды, невольно поражающихъ насъ въ сербскихъ обработкахъ сюжета. Такимъ образомъ, обобщая результаты второй половины своего изслѣдованія, я, подъ давленіемъ добытыхъ выводовъ, по необходимости долженъ придти къ заключенію во первыхъ, что пѣсни о братѣ-мертвецѣ составляютъ особый, замкнутый въ себѣ циклъ сказаній, не имѣющій ни внутренней, ни внѣшней генетической связи съ раньше разобраннымъ кругомъ повѣствованій о женихѣ-мертвецѣ; во вторыхъ, что пѣсни эти своимъ возникновеніемъ обязаны сербскому народу, воспѣвшему въ нихъ какое-то народное бѣдствіе и передавшему затѣмъ свои произведенія ближайшимъ своимъ сосѣдямъ, болгарамъ, албанцамъ и новогрекамъ.

Такого рода выводы представляются мнѣ наиболѣе вѣроятными, но доказать ихъ съ наглядною несомнѣнностью, достижимой при разборѣ литературныхъ произведеній, закрѣпленныхъ письменностью, въ данномъ случаѣ невозможно по характеру самого матеріала, составляющаго содержаніе народной поэзіи.

II.

ПОЭТИЧЕСКІЙ МОТИВЪ

О

внезапномъ возвращеніи мужа ко
времени свадьбы своей жены, соби-
равшейся выйти замужъ за другого.

1.

Литература вопроса.

Приступая къ изученію литературной судьбы поэтическаго мотива о внезапномъ возвращеніи мужа послѣ долгаго отсутствія какъ разъ ко времени, когда жена его собиралась выйти замужъ за другого, мотива, нашедшаго между прочимъ мѣсто и въ составѣ русскихъ былинъ, мнѣ представляется умѣстнымъ прежде всего указать на главнѣйшія работы общаго характера, касавшіяся даннаго вопроса.

Починъ въ дѣлѣ изученія сказаній, основанныхъ на указанномъ поэтическомъ мотивѣ, принадлежитъ Якову Гримму. Въ своемъ колоссальномъ трудѣ „*Deutsche Mythologie*“ (Göttingen, 1835¹, стр. 980; 1875⁴, стр. 859) отмѣтивъ нѣсколько изъ извѣстныхъ намъ сказаній, онъ преимущественное вниманіе удѣляетъ тому моменту дѣйствія, когда герой чудеснымъ образомъ возвращается на родину при помощи дьявола или ангела, и выводитъ заключеніе, что первоначально роль послѣднихъ исполнялъ никто иной, какъ самъ Wotan или Одинъ, высшій представитель сѣверно-германскаго Олимпа. Послѣ Гримма К. G ö d e k e, „*Reinfrit von Braunschweig*“ (Archiv des historischen Vereins für Niedersachsen. 1849, стр. 179—281) въ первый разъ собралъ значительное количество нѣмецкихъ сказаній, относящихся къ нашей темѣ, и сдѣлалъ попытку установить между ними историко-литературную связь. Трудомъ его пользуются затѣмъ мифологи. Такъ, на основаніи собраннаго имъ матеріала точку зрѣнія *Я. Гримма* поддерживаетъ и развиваетъ J. W o l f, „*Beiträge zur deutschen Mythologie*“ (Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde.

1852, I, 63—69) и W. Müller, „Die Fahrt in den Osten“ (Niedersächsische Sagen u. Märchen. 1855, стр. 389—419). Последний ученый придает особенную важность тому моменту въ рассказѣ, когда герой возвращается на родину въ неузнаваемомъ видѣ и, поддерживая взглядъ своихъ предшественниковъ, приходитъ къ выводу, что въ основѣ соотвѣствующихъ рассказовъ лежитъ древній мифъ о похожденияхъ Одина, объ его пребываніи въ подземномъ царствѣ и возвращеніи оттуда къ женѣ своей Фриггѣ. Этотъ древній языческій мифъ въ христіанскій періодъ жизни нѣмецкаго народа отвлекается отъ личности божества и приурочивается къ разнымъ историческимъ личностямъ, въ силу чего первоначальный мифъ какъ бы распадается на рядъ полуисторическихъ сказаній, служа основой какъ для поэтическихъ произведеній на тему о вѣрной женѣ, такъ и на тему о невѣрной женѣ.

Большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія данныхъ сказаній была работа О. Θ. Миллера, „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское.“ 1869, 472—546. Собравъ большой сравнительный матеріалъ и отстранивъ азіатскій изводъ, выставленный В. Стасовымъ (О происхожденіи рус. былинь. Вѣстн. Евр. 1868, стр. 652) въ видѣ первотина для русскихъ былинь даннаго круга сказаній, онъ нашелъ возможнымъ сдѣлать наблюденіе, что „возвращающійся Добрыня своимъ положеніемъ вполне соотвѣтствуетъ возвращающемуся Одиссею“ и что русскія сказанія, какъ и греческое, какъ славянскія, германскія, романскія и кельтское, являются отпрысками европейскаго, а не азіатскаго извода. Въ дальнѣйшемъ своемъ обобщеніи О. Θ. Миллеръ примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія своихъ нѣмецкихъ вышеупомянутыхъ предшественниковъ и полагаетъ, что всѣ европейскія сказанія о возвращающемся мужѣ явились результатомъ дифференціаціи единаго первоначальнаго мифа про Одина и Фриггу. Сходство сказаній даннаго круга вытекаетъ такимъ образомъ по мнѣнію О. Миллера изъ единства арійскаго происхожденія европейскихъ народовъ.

Послѣ работы О. Миллера долгое время не было попытокъ по изученію интересующаго насъ вопроса. Проф. Н.

Дашкевичъ, „Былины объ Алешѣ Поповичѣ“. Кіевъ, 1883, стр. 43—52 представилъ нѣсколько новыхъ указаній по соотвѣтствующему матеріалу изъ западныхъ литературъ, а нѣсколькими годами раньше проф. W. Wollner, „Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen.“ Leipzig, 1879, стр. 66—70 высказался противъ мифологической основы, принятой для нашихъ сказаній W. Müller'омъ и примѣненной при изученіи рус. былинъ О. Θ. Миллеромъ; соотвѣтствующее приключеніе Добрыни, разработанное въ русскихъ былинахъ, Вольнеръ не рѣшился признать національно-русскимъ сказаніемъ.

Вопросъ по отношенію происхожденія былинъ, входящихъ въ кругъ нашего мотива, оставался такимъ образомъ открытымъ, а потому проф. М. Халанскій, „Великорусскія былины Кіевского цикла“. Варшава, 1885, стр. 37—42; 227—228, пересмотрѣвъ, что было сдѣлано до него, пришелъ къ выводу, будто въ основѣ былиннаго мотива про отъѣздъ Добрыни и про его жену, обманомъ принуждаемую къ выходу замужъ за Алешу Поповича, лежитъ старый рассказъ про невѣрность жены, являющійся въ жизни постоянно новымъ.

Между тѣмъ постепенно, благодаря частичной работѣ отдѣльных ученыхъ, накоплялся сравнительный матеріалъ въ западно-европейской научной литературѣ для изученія нашего мотива и въ обильномъ количествѣ былъ собранъ въ монументальномъ изданіи англійскихъ и шотландскихъ балладъ: J. Child, „The english and scottish popular ballads“. Boston, 1882—1892, I, 187—208; II, 459, 502—503; IV, 501; VIII, 450, при чемъ собиратель пользовался содѣйствіемъ многихъ иноземныхъ ученыхъ и не бралъ на себя задачу уяснить генезисъ сведеннаго матеріала.

Съ такою попыткой по отношенію къ русскимъ былинамъ выступилъ проф. В. Миллеръ въ книгѣ: „Экскурсы въ область рус. народнаго эпоса“. Москва, 1892. Изучая былинный мотивъ, входящій въ кругъ нашихъ сказаній, подводя итогъ всему тому, что было сдѣлано въ русской наукѣ по его изслѣдованію, онъ дополнилъ наши свѣдѣнія разборомъ одной восточной параллели къ нему, именно турецкой сказкѣ объ

Ашикъ Керибѣ, записанной на Кавказѣ. Въ результатѣ авторъ приходитъ къ выводу, будто въ общемъ отношеніе между кавказской сказкой объ Ашикъ Керибѣ и былинной про отъѣздъ Добрыни таково, какъ между оригиналомъ и копией, (прил., стр. 23) и что непосредственный оригиналъ былинны, „конечно, проникъ въ нашъ эпосъ не съ запада, а съ востока“.

На IX-мъ археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Вильнѣ въ 1893 году, въ засѣданіи VI-го отдѣленія по памятникамъ языка и письма, 9-го августа прочитанъ былъ мною докладъ, вратѣ напечатанный въ Извѣстіяхъ IX археол. съѣзда въ № 9-мъ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ“. Въ болѣе подробномъ изложеніи онъ напечатанъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1894, II, подъ заглавіемъ „Добрыня въ отъѣздѣ“. Въ своемъ докладѣ я не счелъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ г. Халанскаго, будто въ основѣ извѣстныхъ былинъ про Добрыню лежитъ рассказъ про невѣрность жены, и не раздѣлилъ взгляда г. Миллера, будто первотипомъ ихъ оказывается восточный оригиналъ, но, приведя извѣстную мнѣ литературу вопроса, выставилъ положеніе, что въ основѣ всѣхъ соответствующихъ сказаній лежитъ классическій сюжетъ, прошедшій чрезъ западно-европейскія литературы, отразившійся въ народной поэзіи почти всѣхъ народовъ Европы и чрезъ посредство европейской же среды нашедшій свое выраженіе въ русскѣмъ былинномъ эпосѣ.

Проф. Н. Сумцовъ, „Мужъ на свадьбѣ своей жены“. Этнограф. Обзорѣніе, XIX, 1894, стр. 1—25; 151, сопоставивъ значительное количество западныхъ версій даннаго рассказа, высказываетъ мнѣніе, что основной мотивъ ихъ возникъ въ рыцарскую эпоху на романской почвѣ и проникъ въ Россію при посредствѣ сѣверныхъ версій (английскихъ, скандинавскихъ).

Наконецъ, того же вопроса снова касается проф. М. Халанскій, „Южно-славянскія сказанія о Кралевицѣ Маркѣ“. Варшава, 1895, III, стр. 636—642. Изучивъ разработку нашего мотива въ поэзіи южно-славянской, онъ приходитъ къ выводу (стр. 641), что какъ южно-славянскія версіи сюжета о мужѣ на свадьбѣ своей жены, такъ и великорусскія былинны

соотвѣтствующаго содержанія возникли независимо другъ отъ друга подъ вліяніемъ аналогичныхъ произведеній западно-европейскаго рыцарскаго эпоса. Относительно перехода этого мотива въ русскій героическій эпосъ авторъ, повидимому, раздѣляетъ взглядъ проф. Н. Сумцова, а что касается исторіи означеннаго мотива въ обще-европейскомъ эпосѣ, то въ общихъ чертахъ, по мнѣнію автора, она вѣрно опредѣлена мною въ вышеуказанной статьѣ.

Въ такомъ видѣ представляется научное развитіе взгляда на историко-литературную судьбу поэтическаго мотива о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены съ другимъ. Вопросъ, какъ видимъ, изучался по частямъ; по мѣрѣ накопленія матеріала для сравненія взгляды ученыхъ мѣнялись, при чемъ затрогивались основные вопросы о происхожденіи извѣстнаго круга русскихъ былинъ съ востока или запада. Если западное происхожденіе данныхъ былинъ находить среди ученыхъ больше сторонниковъ ¹⁾, чѣмъ восточное, то остается еще открытымъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ западный оригиналъ проникъ съ одной стороны въ южно-славянскую поэзію, съ другой въ русскій героическій эпосъ. Но не только этотъ вопросъ представляется нерѣшеннымъ въ литературной судьбѣ нашего мотива: взаимное отношеніе многочисленныхъ западно-европейскихъ версій даннаго сюжета до сихъ поръ остается еще не выясненнымъ; ихъ литературный первотипъ, если таковой представляется возможнымъ, еще не опредѣленъ; условія, способствовавшія необычайной популярности изучаемаго мотива во всѣхъ европейскихъ литературахъ, пока не выяснены, а потому, какъ мнѣ кажется, необходимо подвергнуть весь этотъ вопросъ изученію характера монографическаго, ведя изслѣдованіе въ широкихъ рамкахъ, опредѣляемыхъ накопившимся до сихъ поръ обильнымъ сравнительнымъ матеріаломъ. Посильному разъясненію всѣхъ указанныхъ вопросовъ въ предѣлахъ избраннаго поэтическаго мотива и посвящена настоящая моя работа.

---

¹⁾ Н. Дашкевичъ, Зап. Имп. Ак. Н. VIII сер. по Ист. фил. отд. I, № 2 (1895), стр. 71—112.

2.

Возвращение Раймунда du Bousquet из плѣна.

Обращаясь къ литературнымъ явленіямъ, возникшимъ среди новыхъ европейскихъ народовъ, мы прежде всего встрѣчаемся съ южно-французской или провансальской поэзіей. Она развивалась, какъ извѣстно, на одномъ изъ французскихъ нарѣчій, на такъ наз. *langue d'oc*, распространенномъ въ Провансѣ, Лангедокѣ, Лимузенѣ, Пуату, Керси и Оверни. Среди европейскихъ литературъ ей принадлежитъ первое мѣсто не только по времени возникновенія, но также и по силѣ вліянія на поэзію сосѣднихъ странъ. Здѣсь художественная поэзія достигаетъ уже значительной степени совершенства въ то время, когда національный языкъ у другихъ народовъ не успѣваетъ еще подняться на степень литературнаго. Поэтому въ моменты зарожденія национальныхъ литературъ во Франціи, Испаніи и Италіи отсюда заимствуются не только виды поэтическихъ произведеній, не только метрическія схемы, слова и выраженія, но часто и цѣлыя произведенія, дѣлающіяся потомъ достояніемъ многихъ другихъ литературъ.

Раннему пробужденію литературной дѣятельности на югѣ Франціи способствовали такіе факторы, какъ прекрасный климатъ юга, богатство страны, обезпеченность и относительное спокойствіе жизни, а затѣмъ, и, быть можетъ, главнымъ образомъ близкія и тѣсныя связи съ античной культурой, какъ римской, такъ и греческой.

Вліяніе этой послѣдней издавна было весьма значительно

по всему южному побережью Галліи; оно сохранялось здѣсь довольно поздно въ такихъ центрахъ, какъ Марсель; чрезъ посредство литературы, школы и особенно монастырей не прекращалось оно до VII столѣтія, распространяясь отсюда и на Британскіе острова. Въ V-мъ и VI-мъ столѣтіяхъ можно еще указать прекрасныхъ знатоковъ греческаго языка, какъ Павлинъ изъ Пеллы, читавшій въ подлинникѣ Гомера, какъ Боэцій, переводившій греческихъ философовъ и ученыхъ, какъ Кассіодоръ, дѣлавшій по нимъ конспекты ¹⁾, какъ Павелъ Діаконъ, привлекавшій всеобщее вниманіе при дворѣ Карла Великаго обширностью своихъ познаній, простиравшихся и на греческій языкъ, или какъ нѣкоторые представители западной церкви, упоминаемые Жиделемъ ²⁾.

Что же касается римскаго просвѣщенія, поэзіи и краснорѣчія, то они процвѣтали на югѣ Галліи въ V и VI столѣтіяхъ съ большимъ блескомъ, чѣмъ въ Италіи и Испаніи. Здѣсь было много извѣстныхъ поэтовъ, ученыхъ, философовъ; много было школъ, въ которыхъ читались и комментировались латинскіе памятники, позднѣе нашедшіе убѣжище въ стѣнахъ монастырей и доставшіеся послѣ цѣлаго ряда столѣтій умственного мрака въ наслѣдіе средневѣковымъ писателямъ.

Кромѣ элементовъ римской и греческой поэзіи на проявленіе поэтической дѣятельности въ южной Франціи оказали свое воздѣйствіе испанскіе мавры, совершавшіе набѣги на южныя провинціи; борьба съ ними дала содержаніе для нѣкоторыхъ пѣсенъ и повѣствованій, сохранившихъ до нашего времени отголоски этихъ историческихъ событій.

Въ связи съ историческими воспоминаніями о борьбѣ съ испанскими маврами съ одной стороны, и съ литературно-поэтическими преданіями античнаго міра съ другой, стоитъ одинъ

---

¹⁾ Ebert, Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande. Leipzig, 1874, I.

²⁾ Ch. Gidel, Nouvelles études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1878, 90 и сл.

провансальскій памятникъ начала XI вѣка. Фориель называетъ его романомъ и передаетъ, что онъ былъ записанъ руководителемъ епископальной школы въ Анжерѣ, священникомъ Бернардомъ изъ устъ какого то слѣпного жонглера ¹⁾).

Содержаніе этого интереснаго памятника, озаглавленнаго нами „Возвращеніе Раймунда du Bousquet изъ плѣна“, въ самомъ сжатомъ видѣ таково:

„Раймундъ, богатый и знатный владѣтель замка Bousquet въ окрестностяхъ Тулузы, предпринимаетъ паломничество въ Іерусалимъ. Онъ направляется черезъ Италію; въ городѣ Lunі, въ Лигуріи, разрушенномъ венграми около 924 года и, какъ надо полагать, существовавшемъ въ пору предпринятаго Раймундомъ путешествія, онъ садится на корабль и пускается въ море. Въ скоромъ времени поднимается буря, корабль разбитъ, все гибнетъ за исключеніемъ Раймунда и его слуги. Этотъ послѣдній былъ выброшенъ волнами на итальянскій берегъ, возвратился въ Тулузу и сообщилъ своей госпожѣ о смерти Раймунда, погибшаго, какъ онъ думалъ, въ морѣ.

Жена Раймунда не была огорчена этимъ извѣстіемъ. Она окружила себя поклонниками, изъ нихъ выбрала одного, который ей особенно нравился, и передала ему всѣ богатства и владѣнія мужа.

Между тѣмъ Раймундъ не погибъ; онъ ухватился за доску отъ разбитаго корабля и, вызывая непрерывно о помощи къ св. Вѣрѣ (sainte Foi), которой онъ особенно былъ преданъ, носился по волнамъ цѣлыхъ три дня. У береговъ Африки его встрѣчаютъ и берутъ къ себѣ пираты de Turlande; они сперва заставляють его обрабатывать поля, а потомъ, узнавъ объ его умѣнии владѣть оружіемъ, берутъ его съ собою въ походы. Во время одного изъ таковыхъ онъ попадаетъ въ руки Barbarins (берберы по мнѣнію Фориеля), отъ

---

¹⁾ Fauriel, Histoire de la poesie provençale. Paris, 1846, I, 435 и сл.

этихъ переходить во власть арабовъ испанскихъ, съ которыми ведетъ борьбу донъ Санхо Кастильскій. Сдѣлавшись, наконецъ, плѣнникомъ христіанскаго государя, Раймундъ открываетъ свое имя, получаетъ свободу и думаетъ о возвращеніи на родину.

Тутъ въ сновидѣніи ему является св. Вѣра и говоритъ: „отправляйся и будь покоенъ, ты получишь обратно свои владѣнія“. Не зная, что бы это обозначало, Раймундъ направляется на родину. Прибывъ къ Bousquet, онъ узнаетъ, что жена взяла себѣ другого мужа и живетъ съ нимъ въ замкѣ. Не рѣшаясь явиться къ ней, онъ счелъ за лучшее ждать указаній св. Вѣры, а пока нашелъ пріютъ въ хижинѣ одного изъ своихъ крестьянъ, который не узналъ его, такъ какъ пятнадцать лѣтъ отсутствія и лишеній измѣнили его, къ тому же одѣтъ онъ былъ пилигримомъ. Спустя нѣкоторое время одна женщина, бывшая когда-то его возлюбленной, прислуживая ему въ то время, когда онъ бралъ ванну, узнала его по нѣкоторымъ знакамъ на тѣлѣ. Она побѣжала въ замокъ и сообщила о возвращеніи Раймунда женѣ его.

Св. Вѣра снова является ему въ сновидѣніи и предупреждаетъ объ опасности, грозящей ему со стороны жены, которой было непріятно его возвращеніе. Онъ ищетъ тогда защиты у своего друга, сосѣдняго владѣтеля, по имени Escafred. Съ его помощью онъ изгоняетъ своего соперника изъ замка Bousquet, а что касается жены, то онъ простилъ бы ей второе замужество, но не могъ простить желанія погубить его, когда онъ вернулся; за это онъ изгоняетъ ее изъ замка“.

Этотъ разсказъ дополняется еще прибавленіемъ, служащимъ какъ бы вставкой одной подробности о томъ, какъ пираты de Turlande, найдя Раймунда въ морѣ и открывъ затѣмъ его искусство въ военномъ дѣлѣ, даютъ ему пить какой то растительный сокъ такой чудесной силы, что выпившій его забываетъ свой домъ и свою семью.

Разсматривая составъ этого древнѣйшаго памятника провансальской литературы въ его частностяхъ, можно замѣтить,

что нѣкоторыя подробности, какъ участіе святыхъ въ судьбѣ героя, очевидно, вытекаютъ изъ духа того времени; другія, какъ борьба африканскихъ арабовъ между собою, или съ испанскими маврами, или этихъ послѣднихъ съ графомъ Кастильскимъ служатъ отзвукомъ историческихъ событій; третьи, наконецъ, оказываются заимствованными изъ Одиссеи, какъ это и признаетъ Форіель. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ этого романа, очевидно, изъ подражанія Гомеру, заставляетъ Раймунда, ухватившагося за доску разбитаго корабля, носиться по волнамъ цѣлыхъ три дня и непрерывно взывать о помощи къ св. Вѣрѣ, подобно Улиссу, взывавшему къ Минервѣ; арабы-пираты даютъ ему напитокъ, заставляющій его забыть свой домъ и семью, подобно тому, какъ лотофаги съ тою же цѣлью даютъ спутникамъ Улисса отвѣдать свой чудодѣйствующій лотосъ. Возвращаясь домой, Раймундъ находитъ свой замокъ въ рукахъ своего соперника и скрывается въ хижинѣ одного изъ своихъ крестьянъ, подобно тому, какъ Улиссъ находитъ убѣжище у своего пастуха Евмея. Оба эти героя возвращаются домой переодѣтыми, какъ чужеземцы, призваніе обоихъ происходитъ аналогичнымъ образомъ; тому и другому приходится восстанавливать свои права силой, но тутъ, въ развязкѣ, замѣчается отклоненіе отъ гомеровскаго разсказа, вызванное, быть можетъ, тѣмъ, что уже въ началѣ разсказа личность жены Раймунда обрисовывается чертами совершенно противоположными характеру Пенелопы, казавшемуся страннымъ тому времени, когда едва только начиналась идеализація женщины, получившая дальнѣйшее развитіе въ романтикѣ.

Какимъ путемъ могло сказаться воздѣйствіе Гомера на этотъ ранній памятникъ средневѣковой литературы, ближайшимъ образомъ опредѣлить невозможно. Можно лишь указать, что и другой гомеровскій разсказъ о встрѣчѣ Улисса съ циклопами довольно рано дѣлается популярнымъ въ средневѣковыхъ сказаніяхъ. Въ видѣ сказки онъ былъ извѣстенъ въ XII вѣкѣ и попалъ въ сборникъ Іоанна de Alta Silva, появившійся около 1184 года подъ заглавіемъ „Dolopathos sive

de rege et septem sapientibus“¹⁾, а въ послѣднее время отмѣченъ въ устной поэзіи почти всѣхъ европейскихъ народовъ и многихъ азіатскихъ.

Слѣды сказаній о Полифемѣ (Одиссея IX) были открыты В. Гриммомъ въ пѣсняхъ и сказкахъ нѣмецкихъ, романскихъ, сербскихъ, а также финскихъ, татарскихъ и арабскихъ. Позднѣ Ниропъ и Крекъ²⁾ пополнили и расширили границы гриммовской работы, и оказалось, что этотъ разсказъ усвоенъ у славянъ кромѣ сербовъ еще поэзіей болгаръ, великоруссовъ, малоруссовъ, чеховъ и поляковъ, а изъ другихъ народовъ поэзіей кельтовъ, румынъ, мадьяръ, албанцевъ, новогрековъ, турокъ и басковъ. Все это огромное количество вариантовъ, удержавшихъ не въ одинаковой мѣрѣ первоначальныя характерныя черты эллинской традиціи, сложнымъ, разнообразнымъ, а часто и косвеннымъ путемъ явилось отраженіемъ гомеровскаго разсказа, при чемъ римскіе писатели, грамматики, комментаторы, а затѣмъ средневѣковые сборники въ родѣ „Dolopathos“ часто играли роль посредниковъ, предоставляя нѣкоторое участіе въ дѣлѣ дальнѣйшаго распространенія даннаго сюжета и для устной традиціи.

Интересно отмѣтить, не входя впрочемъ въ сущность вопроса, что этотъ же гомеровскій сюжетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, отразился на одномъ произведеніи, являющемся какъ бы монашеской Одиссеей, разсказывающей о путешествіи въ страну мертвыхъ. На ряду съ видѣніемъ св. Павла, видѣніемъ Тундаля, чистищемъ св. Патрікія и многими другими сказаніями³⁾, произведеніе это привлекается къ сравненію при разсмотрѣніи источниковъ для „Divina Come-

---

¹⁾ Н. Oesterley, Iohannis de Alta Silva Dolopathos... Strassburg, 1873.

²⁾ G. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Graz, 1887², стр. 665 и сл.

³⁾ C. Fritzsche, Die lateinischen Visionen des Mittelalters. Halle, 1885.

dia“ Данте ¹⁾. Я имѣю въ виду путешествіе св. Брандана— „*Navigatio sancti Brendani*“ ²⁾,—составленное въ десятомъ столѣтіи, а, быть можетъ, и раньше, на латинскомъ языкѣ.

Этотъ Бранданъ былъ ирландскимъ аббатомъ VII-го стол. и попалъ въ легенду, рассказывающую о томъ, какъ ему пришла мысль пуститься въ морское плаваніе съ цѣлью отыскать земной рай—*terram repromissionis sanctorum*. Въ XII стол. англо-нормандскій поэтъ Benedeit передѣлываетъ эту легенду на французскомъ языкѣ, посвящаетъ ее королевѣ Адельгейдѣ, находи затѣмъ многочисленныхъ подражателей ³⁾ въ Англіи, Голландіи и Германіи.

Съ семнадцатью спутниками, по этой легендѣ, пускается св. Бранданъ въ море. Имъ приходится пережить цѣлый рядъ самыхъ удивительныхъ приключеній, подвергаться крайнимъ опасностямъ, изъ которыхъ исторгаетъ ихъ рука Божія; имъ удается взглянуть мимоходомъ на ужасы ада, на скалы среди моря они находятъ Іуду предателя, наконецъ, болѣе чѣмъ черезъ семь лѣтъ блужденій они отыскиваютъ рай и получаютъ возможность видѣть часть райскихъ чудесъ. Въ числѣ описанныхъ здѣсь приключеній одно, повидимому, напоминаетъ рассказъ Одиссеи объ островѣ циклоповъ, о Полифемѣ и о скалѣ, брошенной этимъ послѣднимъ на суда Улисса ⁴⁾.

Такимъ образомъ древнѣйшіе памятники средневѣковой поэзіи, какъ путешествіе св. Брандана, такъ и романъ о Раймундѣ du Bousquet, одинъ болѣе, другой менѣе, отражаютъ на себѣ вліяніе гомеровской поэмы, герой которой Улиссъ

---

¹⁾ А. Веселовскій, Данте и символическая поэзія католичества. Вѣст. Евр. 1866, IV, 132—209; D'Ancona, I Precursori di Dante. Firenze 1874.

²⁾ La légende de S. Brandaine, ed. Achille Jubinal. Paris 1836; Schröder, St. Brandan. Erlangen, 1871; Fr. Michel, St. Brandan. Légende en vers du XII siècle. Paris, 1878.

³⁾ B. ten Brink, Geschichte der englischen Litteratur. Berlin, 1877, I, 172.

⁴⁾ Ozanam, La Civilisation chrétienne chez les Francs, II. 477; Gidel, Op. c. 97.

быть настолько популяренъ въ Ирландіи, родинѣ св. Брандана, что графство Ulster, что значитъ Ulyssis terra, получило свое наименованіе оттого, что въ берегамъ его когда-то присталъ греческій герой.

Такое смѣшеніе элементовъ классическихъ и христіанскихъ, библійскихъ и заимствованныхъ изъ исторіи и древне-языческой легенды представляется характернымъ для всей средне-вѣковой латинской поэзіи, при чемъ сравненія берутся и изъ троянской войны, какъ это наблюдаемъ напр. въ описаніи завоеванія Балеарскихъ острововъ пизанцами, изложенномъ въ XII столѣтіи ¹⁾ въ стихахъ Лаврентіемъ изъ Верны въ Тоскани. Прослѣдить, какимъ путемъ классическое преданіе проникло въ то или другое средневѣковое произведеніе, представляется не всегда возможнымъ.

Какимъ бы путемъ ни отразилось вліяніе Одиссеи на романъ о Раймундѣ du Bousquet, мы въ немъ встрѣчаемъ въ первый разъ на почвѣ средневѣковой поэзіи гомеровскую тему, которой суждено было сдѣлаться одной изъ самыхъ популярныхъ въ европейской литературѣ. Тема эта, какъ видѣли въ романѣ о Раймундѣ, состоитъ изъ слѣдующихъ звеньевъ:

- а) рыцарь отправляется на поклоненіе гробу Господню;
- б) считая его погибшимъ, жена выходитъ замужъ за другого;
- в) послѣ долгихъ скитаній онъ возвращается домой, получивъ въ то-же время въ сновидѣніи указаніе объ ожидающемъ его какомъ то несчастіи;
- г) онъ возвращается на родину переодѣтый пилигримомъ;
- д) по знакамъ на тѣлѣ его узнаетъ бывшая его возлюбленная;
- е) силой онъ возвращаетъ себѣ свои владѣнія и прогоняетъ своего соперника;

---

¹⁾ А. Гаспарі, Исторія итальянской литературы. Москва, 1895, I, стр. 25.

ж) жена, какъ невѣрная, несетъ наказаніе, — изгнаніе.

Не одинъ этотъ античный мотивъ сдѣлался достояніемъ средневѣковой французской поэзіи: въ нее перешелъ цѣлый и при томъ длинный рядъ рассказовъ, воспоминаній, картинъ, именъ, почерпнутыхъ изъ классической древности. Классические сюжеты обрабатывались то въ формѣ пѣсень, то въ формѣ поэмъ и пользовались популярностью на ряду съ *chansons de geste* и романами изъ цикла бретонскаго. Интересное свидѣтельство о знакомствѣ французскихъ поэтовъ съ классическими преданіями имѣемъ въ романѣ „*Flamenca*“ отъ половины XIII-го ст., написанномъ въ стихотворной формѣ на провансальскомъ языкѣ¹⁾. На свадьбу своей героини авторъ романа собираетъ до ста пятидесяти жонглеровъ и перечисляетъ, какія темы были предметомъ ихъ пѣсень. И вотъ оказывается, что на ряду съ національными *chansons de geste* и съ бретонскими рассказами о Кругломъ Столѣ, они пѣли про Пріама и Пирама, про Елену и Париса, о приключеніяхъ Улисса и подвигахъ Ахилла и Гектора, про Энея и Дидону, про Плутона и Орфея, про Аполлонія Тирскаго, Александра Македонскаго, про Геро и Леандра, про Кадма, Язона и Дракона, про Геркулеса, Филлиду, про Нарцисса, Юлія Цезаря, Дедала и Икара, про Этеокла и Полиника, про Пелопса и Тантала.

И въ самомъ дѣлѣ позднѣйшимъ научнымъ разысканіямъ удалось обнаружить пѣсни и поэмы, обоснованныя на многихъ изъ упомянутыхъ авторомъ *Flamenca* классическихъ сюжетахъ, какъ пѣсня о Дедалѣ и Икарѣ, поэма о Пирамѣ и Физбѣ, пѣсни о Нарциссѣ²⁾ и Орфеѣ³⁾, о Геро и Леандрѣ, какъ исторія Аполлонія Тирскаго, нашедшая отголосокъ въ пьесѣ

¹⁾ P. Meyer, Le roman de Flamenca, publ. d'après le ms. unique de Carcassone. Paris 1863, 20, v. 613 и сл.; Julleville, 171.

²⁾ Méon, Contes et Fabliaux, t. IV, p. 143 и 326.

³⁾ Ed. du Mériel, Floire et Blanceflor. Introd. CCIII.

Pericles, приписываемой Шекспиру ¹⁾, какъ романы о Троѣ, объ Александрѣ и т. д. ²⁾).

Источниками для всѣхъ этихъ памятниковъ средневѣковой поэзіи, а равнымъ образомъ и для множества другихъ ³⁾, такъ или иначе связанныхъ съ традиціями древности, служили по преимуществу писатели, философы, комментаторы римскіе, затѣмъ сочиненія, приписываемыя Псевдо-Каллисѣну, Даресу и Диктису, рано переведенныя съ греческаго на латинскій ⁴⁾ и, наконецъ, византійскія произведенія, перешедшія въ значительномъ количествѣ съ востока на западъ въ періодъ крестовыхъ походовъ. Благодаря современнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, обнаруживается, что участіе древности въ развитіи средневѣковаго творчества было весьма значительнымъ; она вліяла на средневѣковое міровоззрѣніе чрезъ посредство главнымъ образомъ позднѣйшихъ латинскихъ писателей, а затѣмъ позднѣе чрезъ византійскую письменность, откуда идетъ цѣлый рядъ романовъ, апокрифовъ, легендъ, житій святыхъ и отдѣльныхъ разсказовъ и откуда заимствуется не только содержаніе многихъ средневѣковыхъ произведеній, но и самая ихъ техника, приемы, разработка подробностей, особенно сильно отразившіеся на французской романтической поэзіи. Уже у греческихъ романистовъ, какъ Геліодоръ, около половины III в. ⁵⁾ мы встрѣчаемся съ приемомъ накопленія всевозможныхъ приключеній, находимъ всякаго рода неожиданности, какъ похищенія, затѣмъ встрѣчи и признанія — *recognitiones*, *ἀναγνωρισμοί*, — какъ отдаленныя странствованія героевъ, какъ вѣщія сновидѣнія, какъ разсказы о разныхъ диковинкахъ, какъ

¹⁾ Le Violier des histoires romaines, ch. CXXX.

²⁾ Birch-Hirschfeld, Ueber die den provenzalischen troubadours des XII und XIII Jahrhunderts bekannten epischen Stoffe. Leipzig, 1878.

³⁾ G. Paris, La littérature française au Moyen âge. Paris, 1888, стр. 73—86.

⁴⁾ Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen litteratur. München, 1897, 844 и сл.

⁵⁾ Er. Rohde, Der griechische Roman. 1876, стр. 521 и сл.

драконы, змѣи, заколдованные замки, какъ чародѣи и вѣдьмы и, наконецъ, какъ основной элементъ романовъ, чувство любви, связывающее главныхъ героевъ и героинь. Всѣ эти элементы, получившіе свое дальнѣйшее развитіе въ византійскомъ романѣ, въ легендахъ, апокрифахъ, всею своею совокупностью оказываютъ вліяніе на средневѣковую французскую романтику, связанную общими рыцарскими понятіями, вкусами и идеалами съ романтикой всѣхъ другихъ европейскихъ странъ.

Въ XII ст. центромъ умственной и художественной жизни въ Европѣ на ряду съ Парижемъ былъ дворъ Генриха II Плантагенета, короля англійскаго, и жены его Элеоноры, выросшей въ кругу провансальскихъ трубадуровъ и любившей ихъ поэзію. Здѣсь господствовалъ языкъ французскій наравнѣ съ латинскимъ, здѣсь можно было встрѣтить представителей разныхъ расъ, какъ кельтская, англо-саксонская и французская, здѣсь были желанными гостями какъ южно-французскіе трубадуры, такъ и сѣверно-французскіе труверы, находившіе поощреніе и одобреніе со стороны просвѣщенныхъ повелителей. Для Генриха II пишетъ свои произведенія *Wace*, ему посвящаетъ свою хронику *Benoît*, поэтъ *Iscanus* свою латинскую поэму „Разрушеніе Трои“; самъ Генрихъ собираетъ старыя кельтскія легенды объ Артурѣ, а Элеонора главнымъ образомъ покровительствуетъ трубадурамъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны *Bertran de Born* и *Bernard de Ventadour*, бывавшіе при ея дворѣ.

Здѣсь такимъ образомъ самые разнородные элементы, какъ латинская поэзія и наука, южно и сѣверно-французская поэзія, кельтскія и англо-саксонскія преданія, приходили въ соприкосновеніе и взаимодѣйствіе.

Изъ поэтовъ, вращавшихся при дворѣ Генриха II и Элеоноры Аквитанской, ближе другихъ въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ *Wace*. Родился онъ въ самомъ началѣ XII ст. (около 1100 г.)¹⁾ на островѣ Джерсеѣ, учился въ Каэнѣ и

¹⁾ E. du Mériel, La vie et les ouvrages de Wace; Hermann Normell, Untersuchung über die Chronique ascendante und ihren Ver-

Парижѣ и сдѣлался впослѣдствіи духовникомъ Генриха II-го. Въ честь своихъ могущественныхъ патроновъ онъ составляетъ свои поэмы-хроники, въ которыхъ по латинскимъ источникамъ и народнымъ преданіямъ описывается исторія Бретани и Нормандіи и прославляются то герои бретонскіе, то принцы нормандскіе. Первая поэма объ исторіи Бретани, носитъ названіе „*Brut*“, она появилась въ 1155 г. и была поднесена Элеонорѣ; вторая объ исторіи Нормандіи, называемая *Rou* или *Rol-lon*, относится къ 1160—1174 г. и рассказываетъ о приключеніяхъ и подвигахъ принцевъ, какъ Вильгельмъ Longue-Epée и Ричардъ Безстрашный. Содержаніемъ для этой поэмы послужили съ одной стороны латинскія хроники такихъ писателей, какъ Dudon de Saint-Quentin, Guillaume de Jumièges и Oldéric Vital, съ другой рассказы или пѣсни жонглеровъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ самого Wace'a.

A jugléors oï en m'enfance chanter
Ke Willame jadis fit Osmont essorber...

Wace по своей манерѣ писать, по способу изображенія событій и по характеристикѣ лицъ принадлежалъ къ школѣ старыхъ труверовъ; онъ съ особымъ увлеченіемъ описываетъ кровавыя стычки, битвы, рисуется вкусы и нравы среды болѣе простой и болѣе грубой, чѣмъ та, которой былъ окруженъ блестящій и утонченный дворъ Генриха II. Вотъ почему этотъ послѣдній предпочелъ Wace'у другого поэта, болѣе утонченнаго, болѣе ученаго и болѣе свышшагося съ придворной галантностью, какъ она понималась теперь въ рыцарской средѣ, гдѣ дамы успѣли уже завоевать себѣ извѣстное право на уваженіе и поклоненіе. Такимъ поэтомъ былъ Benoit de Sainte-More, написавшій въ тогдашнемъ модномъ вкусѣ ро-

---

fasser. Marburg, Elwert, 1880; справ. G. Paris, Romania X, 258; Ero-же, Sur un épisode D'Aimeri de Narbonne. Romania IX, 514 и сл.; H. Andresén, Maître Wace's Roman Rou et des ducs de Normandie. Heilbronn, 1877—1879.

манъ о Троѣ—roman de Troie—въ 1160 г. въ 30000 стиховъ, легкимъ языкомъ, въ отдѣльныхъ частяхъ съ неподдѣльнымъ талантомъ. Въ своемъ романѣ онъ слѣдуетъ не Иліадѣ, неизвѣстной среднимъ вѣкамъ, но сочиненіямъ, приписываемымъ Даресу и Диктису, которые издавна переведены были съ греческаго на латинскій и пользовались особой симпатіей въ средніе вѣка въ виду того, что тогдашніе хроникеры выводили происхожденіе какъ бретонцевъ, такъ и франковъ отъ троянцевъ. Въ концѣ романа есть воспоминанія и изъ Одиссеи, когда рассказывается о возвращеніи Улисса въ Итаку, гдѣ ждала его Пенелопа.

Объ этомъ здѣсь говорится такъ:

Улиссъ, потерявъ свой флотъ и избѣжавъ засадъ, устроенныхъ ему Навпіемъ и людьми Аякса, сына Теламона, прибываетъ въ Критъ на двухъ наемныхъ корабляхъ и рассказываетъ Идоменею свои приключенія: какъ онъ былъ въ Сициліи ограбленъ и посаженъ въ тюрьму, какъ погибли многіе изъ его спутниковъ подъ ударами Антифата и Полифема, сыновей царя Лестригона и Циклопа, двоюродныхъ братьевъ, за то, что онъ похитилъ дочь Лестригона Арету, для одного изъ своихъ рыцарей Эльпенора, котораго та любила; описываетъ свое пребываніе у Цирцеи, которую онъ оставилъ беременной, и у Калипсо. Онъ передаетъ Идоменею, какъ онъ узналъ отъ одного оракула судьбу душъ умершихъ, какъ онъ избѣжалъ Сирень, и какъ былъ ограбленъ финикійскими пиратами. Идоменей даетъ ему два корабля и отправляетъ его къ Алкиною, который сообщаетъ ему, что тридцать жениховъ Пенелопы расхищаютъ его собственность. Улиссъ вмѣстѣ съ Алкиноемъ возвращается въ Итаку, убиваетъ всѣхъ жениховъ въ то время, когда они, опьянѣвъ на пиру, спали крѣпкимъ сномъ. Сына своего Телемаха, онъ женитъ затѣмъ на Навсикаѣ.

Всѣ эти обстоятельства, связанныя съ возвращеніемъ Улисса въ Итаку, рассказаны Benoît не по Одиссеѣ, а по какому-то посредствующему источнику, быть можетъ, по тому же Диктису и отсюда же, повидимому, вошли и въ другія переработки давняго сказанія.

Кромѣ романа о Троѣ и романа объ Энеѣ на основаніи Энеиды Виргилія этотъ же самый Benoit de Sainte-More составляетъ и нормандскую хронику, пользуясь тѣми же источниками, которые послужили основой для романа Wace'a „Rou“ или „Rollon“, и самимъ Wace'омъ. Нѣкоторые отдѣльные эпизоды, внесенные Wace'омъ въ свой романъ, здѣсь опущены; изъ такихъ эпизодовъ, выпущенныхъ Benoit, одинъ интересуетъ насъ особенно, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ старѣйшую переработку той темы, съ какой встрѣтились въ провансальскомъ романѣ о „Раймундѣ du Bousquet“: эпизодъ этотъ связанъ съ именемъ Ричарда Безстрашнаго.

3.

Приключеніе Ричарда Безстрашнаго.

Эпизодъ въ изложеніи Wace'a ¹⁾, обозначенный въ Нормандской хроникѣ — *Comme Charles le Quint, jadis roy de France, et ses gens avec luy, s'apparurent après leur mort au duc Richard-sans-Paour*, передаетъ слѣдующее содержаніе: „Находясь въ своемъ замкѣ Moulineaux на Сенѣ, Ричардъ однажды послѣ ужина пошелъ въ лѣсъ. Здѣсь онъ и его люди услышали шумъ, происходившій какъ бы отъ большого сборища людей; такъ какъ шумъ этотъ все приближался, то Ричардъ спрятался со своими людьми за дерево, и вотъ одинъ изъ конюховъ герцога высмотрѣлъ, что невѣдомые люди остановились подъ деревомъ; присмотрѣвшись въ нимъ, онъ увидалъ, что это какой то король, окруженный большой свитой; въ просторѣчьи это называлось *la mesnie Hennequin*, но это собственно

---

¹⁾ Chronique des Ducs de Normandie par Benoit, trouvé anglonormand du XII siècle, publiée pour la première fois d'après le manuscrit du Musée britannique par Francisque Michel. Paris, 1838, t. II, p. 336; Le Roman de Rou et des ducs de Normandie, par Robert Wace, poète normand du 12 siècle, publié pour la première fois par Fréd. Pluquet. 2 vol. Rouen 1827, I, 278 ff.

была la mesgnie Карла V, бывшего короля французскаго. Когда король со своей свитой удалился, конюхъ разсказалъ Ричарду все, что онъ видѣлъ. Явленіе это повторялось въ лѣсу по три раза въ недѣлю. Тогда Ричардъ рѣшился узнать, что это за люди, собиравшіеся на его землѣ безъ его разрѣшенія. Собравъ самыхъ храбрыхъ рыцарей со всей Нормандіи числомъ 126 человекъ, онъ приказалъ имъ вооружиться и сопровождать его; тѣ отвѣтили, что готовы сопровождать его на жизнь и на смерть. Прибывъ въ лѣсъ въ сумерки, они услышали ужасный шумъ, увидѣли двухъ человекъ, разстилавшихъ коверъ, а въ слѣдъ за тѣмъ и короля, явившагоси въ сопровожденіи множества людей; спутники Ричарда въ ужасѣ разбѣжались и оставили его одного. Ричардъ Безстрашный ступилъ на коверъ и именемъ Бога заклиналъ короля сказать, кто онъ такой и зачѣмъ приходитъ на его землю со своей свитой. „Я Карлъ V-ый, бывший король Франціи и прихожу на землю искупать свои грѣхи, а это души моихъ рыцарей; мы идемъ сражаться съ невѣрными сарацинами, всю ночь будемъ мы биться, а на разсвѣтъ вернемся“. Ричардъ хочетъ сопровождать ихъ. „Хорошо“, говоритъ король, „только не выпускай изъ рукъ этого ковра, что бы ты ни увидѣлъ“. Они отправились, и вотъ въ полночь Ричардъ слышитъ звонъ колокола; оказывается, что это звонятъ въ церкви св. Еватерины на горѣ Синаѣ. Ричардъ идетъ въ церковь. Король напоминаетъ ему снова, чтобы онъ не выпускалъ изъ рукъ ковра и обѣщаетъ ему вернуться за нимъ на разсвѣтъ. Въ церкви Ричардъ находитъ своего родственника, рыцаря, попавшаго въ плѣнъ къ сарацинамъ *семь лѣтъ* тому назадъ. Ричардъ сообщаетъ ему, что жена его черезъ три дня выходитъ замужъ и что онъ собирается быть на этой свадьбѣ. „Скажите ей, говоритъ рыцарь, что я еще живъ, и вотъ въ доказательство половина обручальнаго кольца; уѣзжая на войну, я разломилъ его на двѣ части; одну взялъ съ собой, а другая осталась у нея“. На разсвѣтъ вернулся король со своей свитой, и всѣ они съ быстротой вихря понесли по воздуху на коврѣ. Ричардъ пропнулся въ своемъ лѣсу подъ тѣмъ деревомъ, гдѣ первый разъ

увидѣлъ короля Карла. Тутъ онъ собралъ разбѣжавшихся рыцарей и отправился съ ними въ Руанъ, гдѣ черезъ день должна была состояться свадьба жены плѣннаго рыцаря. Ричардъ сообщаетъ ей, что мужъ ея живъ. Она не вѣритъ и говоритъ, что онъ умеръ и похороненъ уже семь лѣтъ тому назадъ. Ричардъ рассказываетъ ей о своей встрѣчѣ съ ея мужемъ, находящимся въ плѣну и показываетъ половину кольца, прося принести вторую. Потомъ онъ беретъ обѣ половины, складываетъ ихъ и говоритъ: „великій Боже, если я говорю правду, что рыцарь еще живъ, то пусть эти двѣ половины срастутся“. Такъ и случилось. Тогда жена рыцаря въ великой радости говоритъ, что будетъ ждать возвращенія мужа. Въ ознаменованіе этого событія Ричардъ дѣлаетъ вклады въ церковь, служить заупокойную мессу по королѣ Карлѣ V и въ обмѣнъ за плѣннаго рыцаря посылаетъ сарацинскаго адмирала, бывшаго у него въ плѣну. Рыцарь возвращается изъ сарацинскаго плѣна въ Нормандію къ своей женѣ, которая ждала его семь лѣтъ и готова уже была выйти замужъ за другого, когда узнала, что первый ея мужъ живъ; тогда она оставила своего новаго мужа или жениха, дождалась своего настоящаго супруга и долгіе годы жила съ нимъ счастливо“.

Таковъ одинъ изъ многихъ фантастическихъ рассказовъ, связанныхъ въ хроникѣ Wace'a съ именемъ Ричарда I, герцога Нормандскаго, сына Вильгельма Longue-Epee и внука Роллона, изъ второй половины X-го столѣтія.

Разсказъ этотъ внесенъ Wace'омъ въ хронику съ цѣлью показать неустрашимость Ричарда, рѣшившагося въ обществѣ мертвыхъ совершить свой чудесный переѣздъ въ св. землю. Для достиженія своей цѣли авторъ осложняетъ нашъ сюжетъ присоединеніемъ къ нему другого, тоже весьма популярнаго въ средневѣковой письменности, о войсѣхъ мертвыхъ, извѣстномъ въ нѣмецкихъ сказаніяхъ подѣ именемъ „Das wüthende Heer“, или „Das wilde Heer“, во франко-нормандскихъ и англійскихъ подѣ наименованіемъ „maisnie“, „milites Helliqini“, или „familia Helliqinii“, а въ современныхъ фран-

цувскихъ подъ терминомъ „chasse Helliquin“, „chasse Hennequin“¹⁾).

Самое представленіе о войскѣ мертвыхъ стоитъ въ связи съ представленіемъ о „дикомъ охотникѣ“ и восходитъ въ очень древнимъ вѣрованіямъ германскимъ. Мы встрѣчаемся съ нимъ въ Эддѣ въ рассказѣ о Гельги, у Саксона грамматика, въ *Chronicon Urspergense* подъ 1123 годомъ, въ анналахъ монаха Готфрида Кельнскаго подъ 1197 годомъ (*Freherus, Germanicarum rerum Scriptores*, I, 262) и въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ произведеній.

Оттѣнивъ этимъ рассказомъ неустрашимость Ричарда, Васе вводитъ его затѣмъ въ качествѣ дѣйствующаго лица въ нашъ сюжетъ, въ разработкѣ котораго выдвигаются уже многія изъ тѣхъ типичныхъ чертъ, съ которыми мы встрѣтимся во всѣхъ позднѣйшихъ воспроизведеніяхъ этой темы.

Такъ, здѣсь имѣются слѣдующія подробности, отсутствующія въ романѣ о Раймундѣ du Bousquet: уходя на войну, рыцарь дѣлитъ свое кольцо на двѣ части, одну оставляетъ женѣ, другую беретъ съ собой; онъ попадаетъ въ плѣнъ, гдѣ остается цѣлыхъ семь лѣтъ; жена считаетъ его умершимъ и собирается выйти замужъ за другого; третье лицо, въ данномъ случаѣ Ричардъ, чудеснымъ образомъ попадаетъ на востокъ, сообщаетъ мужу о предстоящемъ событіи, получаетъ отъ него половину кольца, за день до свадьбы возвращается на родину, доказываетъ женѣ рыцаря, что мужъ ея живъ, и та оставляетъ своего новаго жениха и дожидается возвращенія мужа.

Такимъ образомъ, если въ романѣ о Раймундѣ du Bousquet мы встрѣтили нашу тему въ общихъ очертаніяхъ, то здѣсь имѣемъ ее съ разработкой характерныхъ подробностей, присутствіе которыхъ въ позднѣйшихъ передѣлкахъ той же

---

¹⁾ *Ublands Schriften*, VII, стр. 604 и сл.; VIII, 172 и сл.; А. Веселовскій, *Разысканія въ области рус. дух. стиха: Дополненія и поправки къ V выпуску (215—227)*, *Сборникъ Отд. рус. яз. и сл.* LIII (1891).

самой темы будетъ служить доказательствомъ ихъ взаимной генетической зависимости.

Разсказъ Wace'a о Ричардѣ Безстрашномъ послужилъ темой для романа „*de Richard sans peur*“¹⁾, напечатаннаго въ первый разъ въ XV вѣкѣ; но рукописи его въ стихотворной формѣ восходятъ въ XIV и даже XIII вѣку. Романъ этотъ неоднократно передѣлывался, перепечатывался и перешелъ затѣмъ въ разрядъ народныхъ книгъ. Въ этомъ своемъ послѣднемъ видѣ онъ напечатанъ въ 1837 году подъ заглавіемъ: „*Histoire de Richard sans peur, duc de Normandie, fils de Robert le Diable*“. И въ такой позднѣйшей передѣлкѣ сохранились еще нѣкоторыя древнія черты разсказа, напр., чудесное перенесеніе Ричарда изъ св. земли въ Англію: дьяволъ *Burgifer* переноситъ его на родину, и онъ при всеобщей радости, не встрѣчая никакого сопротивленія, возлагаетъ на себя корону.

Фантастическіе разсказы о приключеніяхъ Ричарда I, герцога нормандскаго, какъ они передаются въ хроникѣ Wace'a, находятъ соотвѣтствующія себѣ нѣмецкія сказанія въ сборникѣ Кирхгофа „*Wend-Unmuth*“ изъ XVI-го столѣтія²⁾, гдѣ они приписываются Юнкеру Рехенбергеру. Въ качествѣ солдата Кирхгофу пришлось исходить сѣверную Германію и Франконію, причѣмъ онъ собралъ обильный повѣствовательный матеріалъ, обработанный имъ въ формѣ новеллъ³⁾. Сборникъ его пользовался большимъ успѣхомъ, и здѣсь среди множества другихъ разсказовъ оказываются тѣ же самые, что въ свое время Wace'омъ приписывались Ричарду Безстрашному. Надо думать, что къ этому времени они получили уже извѣстность въ народной средѣ.

Черезъ посредство такихъ народныхъ разсказовъ, а быть можетъ и нижнихъ источниковъ, стоитъ въ связи съ фран-

---

1) Ch Nisard, Histoire des livres populaires. Paris, 1854, II, стр. 485.

2) Uhland, Schriften, VII, 662,

3) Kurz, Geschichte d. deutschen literatur, II, 150.

цусскими разсказами про Ричарда Безстрашнаго нѣмецкая поэма изъ XVI-го столѣтія, написанная ученикомъ Меланхтона, Георгіемъ Тимомъ (Thym, ум. 1561 г.):

„*Des Edlen und Streitbaren heldes Thedel Unvorferden von Walmoden manliche und ritterliche Thaten*“,

примыкающая къ сказаніямъ про Генриха Льва, съ которыми мы встрѣтимся позднѣе. Вотъ ея содержаніе:

„Однажды безстрашный Тедель (Дитрихъ) фонъ Вальмоденъ отправляется на охоту со своимъ писцомъ и встрѣчаетъ толпу вооруженныхъ людей; въ нихъ онъ узнаетъ умершихъ своихъ земляковъ. Впереди ѣхалъ черный человѣкъ на ворономъ конѣ, это былъ самъ дьяволъ. Одинъ изъ всадниковъ приглашаетъ Теделя ѣхать съ ними ко св. гробу; призвавъ имя Божіе, Тедель садится позади всадника, они мчатся черезъ море и скоро достигаютъ св. земли. Тамъ въ соборѣ онъ встрѣчаетъ Генриха со львомъ и привѣтствуетъ его. Генрихъ изумленъ; онъ спрашиваетъ: „не ты-ли Тедель фонъ Вальмоденъ? какъ ты попалъ сюда? вотъ уже два года, какъ я никого не видѣлъ изъ нѣмецкой земли“. Тедель разсказываетъ, какъ онъ вчера вечеромъ отправился изъ Люттера и какъ попалъ сюда. Удивляясь быстротѣ его коня, Генрихъ спрашиваетъ, какъ поживаютъ его жена и дѣти, какъ ведется домъ и управляется страна въ его отсутствіе? Тедель сообщаетъ ему, что всѣ здоровы, что въ землѣ его все спокойно, но что прошелъ слухъ, будто корабль его погибъ, а самъ онъ утонулъ въ морѣ и что княгиня собирается замужъ за пфальцграфа и выйдетъ за него, если Генрихъ не вернется домой предъ днемъ св. Михаила. Генрихъ уводитъ съ собой безстрашнаго Теделя, приказываетъ написать письма къ княгинѣ и даетъ указанія, какъ онъ долженъ исполнить порученіе. Получивъ отъ княжескаго канцлера запечатанные письма, Тедель садится на своего вороного коня и вечеромъ очутился предъ Анпельгорномъ на зеленомъ лугу, откуда онъ отправился въ путь. Утромъ пошелъ онъ въ Брауншвейгъ, подошелъ къ замку, постучался и потребовалъ, чтобы его допустили къ княгинѣ. Ему гово-

рять, что сюда никого не пускают, но, видя его настойчивость, проводят его къ княгинѣ. Онъ сообщаетъ ей, что Генрихъ еще живъ и здоровъ, что попрежнему любитъ ее и посылаетъ ей столько добрыхъ пожеланій, сколько бываетъ въ году улыбокъ на розовыхъ устахъ, сколько песчинокъ въ морѣ и сколько травинокъ по пути изъ Іерусалима въ Брауншвейгъ; говоритъ, что онъ позавчера видѣлъ его у св. гроба. Княгиня не вѣритъ и требуетъ доказательства. Тогда Тедель передаетъ ей письма. Она цѣлуетъ ихъ, читая, плачетъ и благодаритъ Бога, что онъ сохранилъ жизнь ея мужа въ такомъ далекомъ и опасномъ пути. Отпуская Теделя, она даритъ ему новое платье и золотую цѣпь венгерскаго золота. Когда затѣмъ Господь далъ возможность Генриху вернуться на родину вмѣстѣ со своимъ львомъ, онъ нашелъ въ странѣ миръ и спокойствіе“.

Въ своей передачѣ нашей темы Тимъ, очевидно, слѣдуетъ какому либо французскому пересказу того эпизода, который былъ внесенъ Уасе'омъ въ его нормандскую хронику. Вмѣсто Ричарда Безстрашнаго здѣсь фигурируетъ Тедель, именуемый „der Unvorferdene“ или „der Unverzagte“ — безстрашный, чудеснымъ образомъ попадающій въ Іерусалимъ, гдѣ вмѣсто безыменнаго рыцаря нормандской хроники онъ встрѣчаетъ героя нѣмецкихъ сказаній Генриха въ сопровожденіи льва; встрѣча эта, какъ и въ хроникѣ, происходитъ въ церкви; вмѣсто кольца Генрихъ посылаетъ женѣ письма, удостовѣряющія, что онъ еще живъ, а потому княгиня и должна была отказаться отъ вторичнаго замужества, хотя въ поэмѣ Тима и не говорится и приготовленіи къ свадьбѣ и о самой свадьбѣ, какъ это имѣло мѣсто у Уасе'а.

Такимъ образомъ разработка нашего сюжета въ томъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается у Уасе'а, передается во французскомъ романѣ и въ народной французской книгѣ о Ричардѣ Безстрашномъ и попадаетъ также въ нѣмецкую литературу въ поэмѣ Тима о Теделѣ Безстрашномъ. Дальнѣйшаго распространенія она, повидимому, не получила, ибо многочисленныя переработки нашей темы, съ какими намъ придется встрѣтиться, хотя и передаютъ всѣ типичныя черты разсказа

Wace'a, но развиваются въ предѣлахъ того общаго очертанія, какое придано разсказу въ провансальскомъ романѣ о Раймундѣ du Bousquet безъ привлеченія къ участію въ дѣйствіе третьяго лица.

Съ такой передачей нашей темы мы встрѣчаемся въ нѣмецкой исторической литературѣ отъ конца XII или начала XIII столѣтія, къ которой теперь и обратимся.

4.

Возвращеніе Карла изъ Венгріи.

Содержаніе провансальскаго романа о Раймундѣ du Bousquet и содержаніе вышеприведеннаго эпизода изъ нормандской хроники Wace'a находятъ соотвѣтственный себѣ разсказъ въ Мировой хроникѣ Іоанна Эненкеля. Этотъ Johann или Jans Enenkel былъ родомъ изъ Вѣны, по мнѣнію Доцена (Altd. Museum I, 154) жилъ, повидимому, между 1190 и 1150 годомъ. Онъ написалъ *Weltchronik* или *Wibel*, состоявшую изъ 28260 приемованныхъ стиховъ. Въ основу своей переработки онъ положилъ существовавшую уже *Kaiserchronik*, которую пополнилъ заимствованіями изъ другихъ хроникеровъ, а также устными разсказами лицъ духовныхъ. Въ этой *Weltchronik*, Эненкеля оказывается вставленнымъ знакомый уже намъ повѣствовательный мотивъ, примѣненный здѣсь къ личности Карла Великаго ¹⁾ и жены его Гильдегарды.

„Король Карлъ, направляясь въ Венгрію и Валахію обращать невѣрныхъ, обѣщаетъ своей женѣ вернуться черезъ десять лѣтъ, если же онъ не вернется по прошествіи этого времени, то она должна считать его умершимъ. Еслибы онъ прислалъ ей свое золотое колечко черезъ вѣстника, то она можетъ исполнѣ положить на его сообщеніе. Король отсут-

¹⁾ Ferd. Massmann, *Kaiserchronik*, III, стр. 1033—1038—
Brüder Grimm, *Deutsche Sagen*. Berlin, 1865, II, стр. 96, № 444.

ствуешь уже *девять* лѣтъ; въ это время поднялись въ Ахенѣ и по всему Рейну разбои; тогда всѣ рыцари идутъ къ королевѣ и просятъ ее, чтобы она выбрала себѣ другого супруга, который могъ бы защитить государство. Королева отвѣчаетъ: „какъ могу я согрѣшить противъ короля Карла, какъ могу я нарушить вѣрность ему, вѣдь онъ еще не прислалъ мнѣ обѣщаннаго знака“. Однако рыцари такъ долго убѣждаютъ ее, выставляя на видъ бѣдственное положеніе страны, что она, наконецъ, соглашается исполнить ихъ требованіе. Послѣ этого начинаются приготовленія къ свадебному пиру и черезъ три дня назначена самая свадьба королевы съ богатымъ королемъ. Но Господь, не желая допустить этого, послалъ своего ангела въ Венгрію, гдѣ находился Карлъ со своимъ войскомъ.

Когда Карлъ услышалъ принесенную ему вѣсть, то сказалъ: „какъ могу я въ три дня возвратиться домой, когда дорога туда требуетъ сорокъ перегоновъ и еще пятнадцать въ придачу“. Ангелъ отвѣчалъ: „развѣ ты не знаешь, какъ всемогущъ Господь, въ Его волѣ сдѣлать возможнымъ, что онъ захочетъ. Иди къ своему писцу, у него есть хорошая, крѣпкая лошадь, которую ты долженъ приобрѣсти; этотъ конь перенесетъ тебя черезъ болота и степи до города на Раабѣ, — это будетъ твой первый переѣздъ. На другое утро выѣзжай рано вверхъ по Дунаю до Пассау, — это будетъ твой второй переѣздъ. Въ Пассау оставь своего коня и купи у хозяина гостинницы, гдѣ будешь ночевать, его жеребенка; этотъ жеребенокъ на третій день доставитъ тебя въ твою страну“. Король исполнилъ все, что ему было приказано. Купилъ у своего писца лошадь и въ одинъ день проскакалъ изъ Болгаріи на Раабъ; отдохнувъ ночь, онъ на второй день до захода солнца прибылъ въ Пассау, гдѣ хозяинъ гостинницы отвелъ ему хорошую комнату. Вечеромъ, когда возвращалось домой стадо, Карлъ увидѣлъ жеребенка, схватилъ его за гриву и говоритъ: „хозяинъ, продай мнѣ этого коня, я хочу на немъ завтра скакать дальше“. „Нѣтъ, отвѣчаетъ тотъ, это еще жеребенокъ, онъ не ходитъ подъ верхомъ“, но въ концѣ концовъ уступаетъ его Карлу. Король безъ остановки мчится до Ахе-

на и останавливается въ гостинницѣ у городскихъ воротъ. Онъ слышитъ, по всему городу раздаются пѣсни и клики, и спрашиваетъ, что тому за причина. Хозяинъ отвѣчаетъ: „сегодня у насъ справляется свадьба королевы съ богатымъ королемъ, и всѣмъ, молодымъ и старымъ, богатымъ и бѣднымъ, будетъ угощеніе и вдоволь корма для лошадей“. „Угощеніе въ городѣ меня мало интересуеъ, замѣчаетъ Карлъ, вотъ тебѣ золото, позаботься объ обильномъ и вкусномъ ужинѣ, а также найми мнѣ сторожа, который разбудилъ бы меня, когда начнутъ звонить въ соборѣ“. Сторожу Карлъ обѣщаетъ дать въ награду золотое кольцо. Когда зазвонили въ колокола, сторожъ разбудилъ Карла. Онъ одѣлся въ богатые одѣяніи и вмѣстѣ съ хозяиномъ пошелъ въ городъ. Ворота были еще заперты, они подлѣзли подъ ворота и направились въ соборъ. Хозяинъ остался у собора, а Карлъ вошелъ внутрь, сѣлъ на королевское мѣсто и положилъ себѣ на колѣни обнаженный мечъ. Пономарь первый увидѣлъ старика, сидѣвшаго на королевскомъ стулѣ, и сообщилъ объ этомъ священникамъ собора; одинъ изъ нихъ съ зажженной свѣчей подошелъ къ означенному мѣсту, но, увидавъ старца, уронилъ свѣчу и побѣжалъ къ епископу. Тотъ въ сопровожденіи двухъ слугъ съ зажженными свѣчами пошелъ въ соборъ и робко обратился къ сидящему: „скажи мнѣ, кто ты, добрый или злой духъ, и кто смутилъ твой покой, что ты явился?“ Ему отвѣтилъ король: „я былъ хорошо извѣстенъ, когда назывался королемъ Карломъ, и никто не превышалъ меня властью“. Съ этими словами онъ подошелъ къ епископу, съ тѣмъ чтобы тотъ могъ рассмотреть его. Тогда епископъ, воскликнувъ: „да здравствуетъ, дорогой государь!“ повелъ его въ свой домъ и велѣлъ звонить во всѣ колокола. Свадебные гости спрашивали, что это значитъ, и, узнавъ о томъ, что король Карлъ возвратился, разбѣжались въ разные стороны, ища спасенія въ бѣгствѣ. Епископъ просилъ Карла не преслѣдовать ихъ и быть милостивымъ къ королевѣ, ибо это случилось не по ея винѣ. Просьбу его Карлъ исполнялъ..

Тотъ же рассказъ по другой рукописи (Weihenstefaner Handschriften, Massmann, Op. cit. 1033) передается съ нѣко-

торыми отклоненіями: въ Венгріи Карлъ остается всего „vier jâr“, послѣ чего королева посылаетъ туда двухъ гонцевъ, но ни одинъ изъ нихъ не возвращается назадъ. Отъѣзжая на родину, Карлъ поручаетъ войско „Genelûn und dem erzebischove Turpin“. Хозяинъ гостинницы, гдѣ останавливается Карлъ, сообщаетъ ему, что королева собирается за „den künic von Engellant, des hânt sie in herren genôt, wan sie sprachen, ez sî künic Karl vor siben jâren tât“.

Послѣднія слова показываютъ, что и въ нѣмецкой легендѣ изъ XIII-го ст. сохранилось воспоминаніе о той мотивировкѣ, какая давалась въ провансальскомъ романѣ и въ нормандской хроникѣ Wace'a рѣшенію жены выйти замужъ вторично: она рѣшается на этотъ шагъ въ убѣжденіи, что мужъ ея умеръ.

Гдѣ источникъ для сложившейся въ Германіи легенды о королевѣ Гильдегардѣ, женѣ Карла? На этотъ вопросъ въ свое время Парисъ отвѣчалъ вопросомъ: „Cette source était-elle française?“ ¹⁾. Утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ онъ не рѣшился дать въ виду того, что ему не были извѣстны слѣды этой легенды во Франціи; теперь же мы знаемъ о существованіи соотвѣтствующаго провансальскаго романа изъ XI и нормандскаго разсказа изъ XII столѣтія. Если извѣстно, что источники для Kaiserchronik, которыми пользовался Эненкель, перешли въ Германію изъ Франціи, то въ виду указанныхъ фактовъ врядъ-ли можно еще сомнѣваться, что и нѣмецкая легенда о королевѣ Гильдегардѣ основана на какомъ либо французскомъ разсказѣ соотвѣтствующаго содержанія. Такое заключеніе тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что эпизодъ о возвращеніи Карла изъ Венгріи, разсказанный Эненкелемъ въ XIII ст., встрѣчается въ итальянскихъ рыцарскихъ поэмахъ, основанныхъ на французскихъ источникахъ, какъ поэма Николая Падуанскаго „l'Entrée en Espagne“ изъ XIV вѣка и многочисленныя редакціи „Spagna“, рассказы ко-

---

¹⁾ Paris, Hist. poét. de Charl, стр. 396.

торыхъ о внезапномъ возвращеніи Карла изъ Испаніи настолько близки къ редакціи Эненкеля, что о случайномъ совпадении въ передачѣ нашего сюжета всѣми этими произведеніями не можетъ быть и рѣчи, но необходимо допустить существованіе для нихъ одного общаго источника французскаго происхожденія.

5.

Возвращеніе графа Удальриха изъ Венгріи.

Если Эненкель приурочиваетъ вышеприведенное сказаніе о Карлѣ Великомъ къ его походу въ Венгрію, то не произошло-ли это оттого, что въ историческихъ памятникахъ знаменитаго монастыря св. Галла онъ могъ найти соотвѣтствующій по идеѣ рассказъ, построенный на воспоминаніяхъ о борьбѣ именно съ венграми. Рассказъ этотъ, передаваемый Экегардомъ (*Monumenta Germaniae* 2, 119 f.), связанъ съ историческимъ лицомъ, *Ulrich von Buchhorn*, не однократно упоминаемымъ въ историческихъ актахъ. Сложившееся о немъ въ монастырской средѣ въ Швабіи сказаніе передано намъ изъ первой четверти X-го столѣтія въ такомъ видѣ: ¹⁾

„Графъ Удальрихъ, изъ рода Карла, находясь въ своемъ владѣніи, Бухгорнѣ, получаетъ извѣстіе, что венгры вторглись въ Баварію, гдѣ у него тоже были земли. Онъ устремляется противъ враговъ, но побѣжденъ ими и въ качествѣ плѣнника отведенъ въ Венгрію. Когда прошелъ слухъ, что графъ умеръ, къ женѣ его, Вендильгардѣ, внучкѣ короля Генриха I, сватаются многіе, но она всѣмъ отказываетъ, уходитъ въ Санъ-Галленскій монастырь, монастырской братіи и бѣднымъ даетъ большіе дары за упокой души своего, какъ она думала,

---

¹⁾ Uhland, Schriften, VIII, 396 и сл.

умершаго мужа, и наконецъ, постригается въ монахини. Въ четвертую годовщину поминовѣнія своего мужа она приходитъ въ Бухгорнъ и, по обыкновенію, раздаетъ милостыню. Въ числѣ другихъ нищихъ ниѣмъ не узанный былъ здѣсь и Удальрихъ, бѣжавшій изъ плѣна. Обращаясь къ графинѣ, онъ проситъ дать ему одѣяніе. Принимая отъ нея платье, онъ схватываетъ ее за руку, притягиваетъ къ себѣ и цѣлуетъ. Затѣмъ онъ откидываетъ свои длинные волосы и говоритъ бросившимся на него людямъ: „погодите бить меня, я довольно настрадался, лучше признайте во мнѣ Удальриха, вашего господина“. Слуги тотчасъ же признали его, но жена въ испугѣ ничего не видитъ и только восклицаетъ: „вотъ теперь чувствую я, что умеръ мой Удальрихльрихъ, такъ какъ некому защитить меня отъ насилія“. Тогда Удальрихъ показываетъ ей хорошо извѣстный ей рубецъ на рукѣ, и она признаетъ его“.

Въ этомъ разсказѣ изъ X ст. мы находимъ двѣ черты поразительно сходныя съ описаніемъ въ Одиссееѣ возвращенія Улисса: возвращеніе мужа въ видѣ нищаго, которому дается платье или женой, или же по ея приказанію, и признаніе его женой или няней при видѣ рубца; совпаденіе трудно объяснимое случайностью. Очень можетъ быть, что это монастырское сказаніе является частичнымъ воспроизведеніемъ классическаго преданія о возвращеніи Улисса, подобно тому какъ оно же въ болѣе широкихъ размѣрахъ послужило основой для провансальскаго романа о Раймундѣ du Bousquet. Въ обоихъ этихъ воспроизведеніяхъ классическаго преданія лишь намѣчаются тѣ подробности, которыя встрѣчаются затѣмъ въ позднѣйшихъ романтическихъ переработкахъ его, и вотъ когда одна изъ послѣднихъ, связанная уже съ личностью Карла, дошла до Эненкеля, онъ по аналогіи съ нею могъ вспомнить и вышеприведенный разсказъ про Удальриха, побудившій его перенести дѣятельность Карла въ Венгрію вмѣсто Испаніи, служившей, какъ извѣстно, главнымъ мѣстомъ его приключеній.

6.

Возвращеніе Карла изъ Испаніи.

Подобно тому какъ южно-французская лирика приобрѣла популярность въ сѣверной Италіи, такъ нѣсколько позднѣе тамъ же сдѣлалась модной, какъ провансальская, такъ и сѣверно-французская эпическая поэзія. Первое точное указаніе объ этомъ имѣемъ отъ 1131 г. Рыцари и представители города Нері въ панской области, составивъ союзъ, клянутся во взаимной вѣрности, говоря, что если кто нарушитъ клятву, то пусть того постигнетъ участь Іуды или позорная смерть Ганелона. Судьба послѣдняго имъ могла быть извѣстной лишь на основаніи *Chanson de Roland*, лучшаго памятника французской эпической поэзіи. Данте зналъ зналъ не только эту поэму, но и *Chansons de geste* изъ цикла „*Guillaume au court Nez*“; героевъ французскаго эпоса, какъ *Guillaume* и *Renouard*, какъ Карлъ и Роландъ, онъ помѣщаетъ въ сферѣ Юпитера (Par. XVIII, 43), а звукъ адской трубы онъ уподобляетъ звуку Роландова рога:

Dopo la dolorosa rotta, quando
Carlo Magno perdì la santa gesta,
Non sonò sì terribilmente Orlando (Inf. XXXI, 16).

Жонглёры по улицамъ и на площадяхъ пѣли про Роланда и Оливье, какъ объ этомъ свидѣтельствуемъ *Francesco Puti* въ своемъ комментаріи къ *Divina Comedia*, составленномъ въ 1385 году, говоря про *Gano* (Inf. XXXII 122): „*Questi fu tedesco della casa di Maganza, e tradì la santa gesta de' Paladini, come si leggìe in quelli cantari e nelle croniche de' Franceschi*“. Затѣмъ (С°. XVIII, 43 и сл. Parad.) о Карлѣ: *Questi fu re di Francia e poi imperadore dei Romani e combattette per la fede di Cristo, come si leggìe e cantasi per le cantatori in su le piazze*“. Любители поэзіи переписывали французскія поэмы, болѣе или менѣе измѣняя ихъ, результа-

томъ чего оказывается цѣлый рядъ рукописей, писанныхъ въ Италіи и хранящихся нынѣ по большей части въ Венеціи. На основѣ французскихъ поэмъ пишутся затѣмъ здѣсь же рыцарскіе романы сперва на французскомъ языкѣ, лишь позднѣе уступающемъ мѣсто итальянскому. Въ числѣ такихъ памятниковъ, возникшихъ на почвѣ французскихъ эпическихъ поэмъ, видное мѣсто занимаетъ поэма, именуемая „*La Spagna*“.

Итальянскій ученый Р. Рајна въ своемъ изслѣдованіи *Rotta di Roncisvalle*¹⁾ описалъ три манускрипта стихотворной *Spagna*: одна рукопись находится во Флоренціи (*Biblioth. Laurent XC inf., cod. 39*) — она передаетъ текстъ въ томъ видѣ, какъ его представляютъ старыя изданія „Испаніи“; другая рукопись находится въ общественной библіотекѣ Феррары, — она передаетъ текстъ измѣненный, которому придано Раиной наименование „*Rotta di Roncisvalle*“; третья рукопись находится во Флоренціи (*Biblioth. Riccard. № 2802*); текстъ ея въ первой своей половинѣ согласенъ съ текстомъ Феррарской рукописи, а во второй своей половинѣ совпадаетъ съ текстомъ Лаврентьевской рукописи.

Въ національной Парижской библіотекѣ *Ant Thomas* въ 1883 году нашелъ еще двѣ рукописи поэмы „Испанія“. Рукописи эти въ 1835 г. были описаны д-ромъ Marsand, *I manoscritti italiani della regia biblioteca parigina* подъ №№ 125 и 397. Въ настоящее время онѣ обозначаются другими нумерами: первая находится подъ № 395, а вторая подъ № 567. Текстъ первой изъ этихъ рукописей, по словамъ Thomas'а, совпадаетъ съ текстомъ Риккардійской и текстъ второй — съ текстомъ Феррарской рукописей²⁾. Въ первой рукописи поэма распадается на 41 пѣсню, во второй на 40 пѣсенъ; по своему происхожденію первая рукопись принадлежитъ южной Ита-

---

¹⁾ Pio Rajna, *Rotta di Roncisvalle nella letteratura cavalleresca italiana*. Propugnatore, 1871, I, p. 337.; III, parte II (1870), 386.

²⁾ Ant. Thomas, *Notice sur deux manuscrits de la Spagna en vers de la Bibliothèque Nationale de Paris*, Romania, XIV (1885), p. 207—221.

ли, вторая, повидимому, Флоренции; по времени написанія обѣ рукописи относятся въ XV-му столѣтію.

Кромѣ стихотворной „Испанія“, извѣстна еще прозаическая „Испанія“. Эта послѣдняя была найдена въ 1830 году знаменитымъ Ранке въ Римѣ въ библіотекѣ Альбани въ рукописи XVI-го столѣтія, въ которой кромѣ шести книгъ, составляющихъ извѣстный сборникъ „I Reali di Francia“, находились еще прозаическіе романы: *Aspramonte, la Spagna и la seconda Spagna* (Ranke, Abhandl. der königl. Akad. der Wissenschaften, Berlin 1835): Въ 1849 году по порученію французскаго ученаго Michelant кодексъ этотъ былъ списанъ, а затѣмъ, когда библіотека Альбани была разсѣяна, рукопись эта пропала, и не извѣстно, гдѣ теперь находится.

Значительно позднѣе Раина нашелъ рукописный экземпляръ прозаической „Испанія“ конца XV-го ст. (Cod. Med. Palat. CI (1)). На рукописи сдѣлана надпись другой рукой съ датой 4 сент. 1517 года такого рода: *Questo libro si chiama la Spagna vera e non bugiarda co e quella in stanze copiata dalla origine di quella che scripse larciveschovo turpino tradutta di lingham francese in lingham taliana per uno valente homo el nome del quale per adesso si cela ede di giovanni vochato Stradino*“ etc.

Нѣсколько позднѣе Черути по рукописи XV-го ст., найденной въ Павіи, издалъ прозаическую „Испанію“ подъ заглавіемъ: *Il Viaggio di Carlo Magno in Ispagna per conquistare il cammino di S. Giacomo* (Bologna, Romagnoli, 1871).

Такимъ образомъ въ итальянской средневѣковой поэзіи вращались какъ стихотворная, такъ и прозаическая „Испанія“.

G. Paris ¹⁾ считаетъ прозаическую „Испанію“ старше стихотворной и полагаетъ, что она входила въ составъ сборника „I Reali di Francia“, но не попала въ печатныя изданія его, изъ которыхъ первое было исполнено въ Моденѣ въ 1491 г. Источникомъ для этой прозаической „Испанія“, по мнѣнію

¹⁾ G. Paris, *Histoire poétique de Charlemagne*, 159 и сл.; L. Gautier, *Les Epopees françaises*. 1880, III, 404.

Париса, была поэма Николая Падуанскаго „L' Entrée en Espagne“, составленная въ первые года XIV-го ст. и сохранившаяся до нашего времени въ единственной рукописи, находящейся нынѣ въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи подъ № XXI. Въ рукописи этой есть два пропуска: первый начинается на 268 листѣ, — ему соотвѣтствуютъ 83—124 главы „Испаніи“; второй пропускъ покрывается 131—142 главами „Испаніи“. Въ послѣднихъ главахъ содержится замѣчательный эпизодъ о Масаге или Масагіо, примыкающій къ циклу интересующихъ насъ сказаній.

Хотя полного согласія въ текстахъ прозаической „Испаніи“ и поэмы Николая Падуанскаго и не наблюдается, тѣмъ не менѣе Парисъ приходитъ въ выводу, что „le livre des Reali appelé la Spagna repose sur le poème de Nicolas de Padoue, qui lui a sans doute aussi fourni son titre“.

Въ общемъ развитіе итальянской поэзіи изъ цикла преданій о Карлѣ представляется Парису въ такомъ видѣ, что прозаическіе романы, въ родѣ прозаической „Испаніи“, существеннымъ образомъ основаны на поэмахъ, писанныхъ итальянцами въ родѣ Николая Падуанскаго на испорченномъ французскомъ языкѣ. Слѣдующей стадіей развитія въ исторіи итальянской эпической поэзіи ему представляется тотъ періодъ, когда прозаическіе романы передѣлываются въ стихотворныя поэмы, при чемъ Ломбардія уступаетъ мѣсто Тоскани. Въ числѣ такихъ поэмъ первенство по времени принадлежитъ поэмѣ „Buovo d'Antono“ (1-е изд. 1480 г., Болонья), а затѣмъ стихотворной „Испаніи“ флорентинца Sostegno di Zanobi изъ XIV ст. (1-е изд. 1487, Болонья).

Раина въ своемъ изслѣдованіи ¹⁾ приходитъ къ другимъ выводамъ. По его мнѣнію, какъ прозаическая, такъ и стихотворная „Испаніи“ восходятъ непосредственно къ поэмѣ Николая Падуанскаго, при чемъ стихотворная „Испаніи“ старше прозаической; авторъ послѣдней неоднократно цитуетъ первую, увѣряя въ то же время, что она наполнена ложью, при чемъ

¹⁾ Rajna, Il Propugnatore, vol. IV, parte II (1871), p. 53.

ссылаются на авторитетъ *Turpino francioso*, имѣя въ виду, повидимому, Николая Падуанскаго. Рассказывая о неожиданномъ возвращеніи Карла въ Парижъ, прозаикъ называетъ виновникомъ возникшей тамъ смуты „*Macario*“, какъ это принято въ стихотворной „Испаніи“, забывая, что у Николая Падуанскаго въ началѣ поэмы онъ названъ „*Aseis de Pontieu*“, что въ своемъ мѣстѣ и поставлено было на видъ прозаикомъ, упрекавшимъ стихотворца въ неточности.

Въ виду сдѣланныхъ Райной наблюденій приходится согласиться, что стихотворная „Испанія“ старѣе прозаической, что авторомъ ея былъ не *Sostegno di Zanobi*, имя котораго отсутствуетъ въ рукописяхъ и въ первомъ изданіи (1487 г.), а какой то тосканскій поэтъ, близко стоявшій въ народной средѣ, какъ это видно изъ характера языка и формы самой поэмы. Судя по внутреннимъ признакамъ поэмы, время ея возникновенія опредѣляется годами 1350 и 1360. Источникомъ для нея, повидимому, послужили главнымъ образомъ „*l'Entrée en Espagne*“ Николая Падуанскаго и „*Chanson de Roland*“ въ томъ ея видѣ, въ какомъ она находится въ манускриптѣ библиотеки св. Марка.

Стихотворная „Испанія“ была прототиномъ эпической формы въ Италіи. Она пользовалась огромнымъ успѣхомъ и получила распространеніе какъ въ рукописяхъ, такъ и въ печати. Въ первый разъ она была напечатана въ Болоньи въ 1487 году, затѣмъ неоднократно въ Венеціи: въ 1488, 1514, 1534, 1557, 1564, 1568, 1610 и въ Миланѣ: въ 1512 и 1519. Въ этихъ изданіяхъ, а равнымъ образомъ и въ другихъ, какъ падуанское изданіе, которымъ я пользовался, поэма носитъ вообще наименование: *Libro chiamiato La Spagna | Nel quale si tratta gli gran fatti, e le mirabil Battaglia*, *Che fece Rè Carlo Magno nelle parti della Spagna (In Padova, Per il Sardi)*. Годъ изданія не обозначенъ. Иной разъ она называется „*la Spagna Historiata*“, какъ это усвоено прежними историками литературы ¹⁾.

¹⁾ P. L. Ginguené, *Histoire littéraire d'Italie*. Paris 1812, IV,

Разсказъ въ поэмѣ „Испанія“ начинается съ того момента, когда Карлъ побѣждаетъ всѣхъ своихъ соперниковъ, одолеваетъ невѣрныхъ и дѣлается повелителемъ всего христіанскаго міра. Тогда созрѣваетъ у него мысль завоевать Испанію (Canto I), находившуюся во власти сарацинъ. Онъ созываетъ своихъ бароновъ, напоминаетъ имъ о томъ, что, выдавая прекрасную Альду замужъ за Роланда, онъ обѣщалъ возложить на него корону Испаніи, и заявляетъ имъ, что теперь какъ разъ время исполнить это обѣщаніе. Бароны согласны съ нимъ, клянутся слѣдовать за нимъ въ Испанію, чтобы добыть для Роланда корону.

Ходъ войны и главные ея эпизоды описываются здѣсь такъ же, какъ и въ *l'Entrée en Espagne* Николая Падуанскаго, у котораго однако Карлъ начинаетъ войну по иному поводу. Здѣсь апостолъ Яковъ является однажды ночью Карлу и побуждаетъ его идти противъ сарацинъ, которые разрушили гробницу святого въ Галиціи. Карлъ долженъ возстановить гробницу, у которой совершаются чудеса, и построить тамъ церковь. Единственно въ силу такого побужденія Карлъ начинаетъ войну.

Если начало войны въ „Испаніи“ мотивируется иначе, то это, быть можетъ, вызвано было требованіемъ циклизациі, ибо въ рукописяхъ, гдѣ „Spragna“ слѣдуетъ за романомъ „Aspramonte“, послѣдній кончается заявленіемъ бароновъ, что имъ остается еще пріобрѣсти корону Испаніи для Роланда¹⁾.

Вышеописанные пропуски въ рукописи Николая Падуанскаго заполнены въ „Испаніи“, какъ упомянуто, двумя эпизодами. Въ первомъ разсказывается, какъ Роландъ приходитъ въ ярость, хочетъ убить Карла, но удержанный отъ этого друзьями покидаетъ лагерь. Онъ отправляется на востокъ, завоевы-

---

стр. 185; G. Ferrario, *Storia ed analisi degli antichi romanzi di cavalleria e dei poemi romanzeschi d'Italia etc.* Milano, 1828, v. III, стр. 17—21.

¹⁾ Zambrini, *L'Aspramonte*. Imola 1879, III, c. 125, 153—7; D'Ancona, *Manuale della letteratura italiana*, 1895, I, 621.

Палестину и землю Ламеха, побѣждаетъ царства, обращаетъ въ христіанство цѣлые народы и, успокоившись отъ войны, возвращается для примиренія съ дядей. Въ отъѣздъ Роланда, другъ его Оливье, облекшись въ его доспѣхи, наноситъ ужасъ на сарацинъ подобно тому, какъ Патроклъ въ вооруженіи Ахилла производилъ опустошенія въ рядахъ троянцевъ (Пис, XVI, 288 и сл.).

Какъ этотъ эпизодъ навѣявъ, очевидно, классическими воспоминаніями, такъ и слѣдующій, заполняющій второй прологъ въ рукописи Николая Падуанскаго, приуроченный къ тому моменту, когда Роландъ возвращается изъ своихъ скитаній по востоку, основанъ на давно уже усвоенномъ французско-итальянскомъ классическомъ разсказѣ о возвращеніи Улисса. Въ итальянскомъ пересказѣ онъ излагается съ обычнымъ средневековымъ писателямъ многословіемъ и составляетъ содержаніе XX—XXIII главы поэмы „Spagna“.

„Возвратившись съ востока,

Dice Orlando a Carlo signor caro
che fa in Francia il nobil regimento
colui che vi lasciasti per vicario
come il paese di lui, e ben contento
e pur ancora il nostro Macario
che è de la Regina e de la mia Dama
di ver che di saperlo ne hò brama.

Карль отвѣчаетъ, что за время отсутствія Роланда онъ не получалъ никакихъ извѣстій изъ Франціи, что королева не сообщала ему никакихъ новостей, хотя неоднократно онъ посылалъ туда гонцевъ, но тѣ не возвращались, „non so se sia tutto il camin sicuro“.

Роландъ поселяетъ въ душѣ императора тревогу относительно положенія царства, оставленнаго подъ управленіемъ Макарія, племянника Гано, герцога Маганцскаго. Родъ этотъ особенно возвысился съ тѣхъ поръ, какъ Ганс женился на Вертѣ и сдѣлался такимъ образомъ деверемъ императора. Чтобы узнать о томъ, что дѣлается во Франціи, Роландъ прибѣгаетъ къ помощи чернокнижій. Одинъ султанъ, крещеный Ро-

ландомъ въ Азіи, подарилъ ему книгу магіи. По этой книгѣ онъ вызываетъ теперь демоновъ, они цѣлой толпой являются къ его услугамъ, но онъ оставляетъ лишь одного, и тотъ рассказываетъ ему, что Макаріи увѣрили королеву и весь народъ, будто Карлъ погибъ въ Испаніи со всѣмъ своимъ войскомъ:

„Macario a la Regina lettere mostra
che Carlo e morto, e tutta gente vostra“,

и что завтра будетъ свадьба Макаріи съ королевой:

„Anche e la verità che' domattina
quel malvagio Macario traditore
per moglie die sposare la regina
e poscia incoronarsi imperatore“.

Времени мало, надо сѣшить, и вотъ дьяволъ превращается въ вороного коня, Карлъ снимаетъ съ себя всѣ вещи, на которыхъ былъ изображенъ крестъ, и садится на демона,

„vestito a modo d'un ver pellegrino“.

Въ одну ночь дьяволъ переноситъ Карла въ Парижъ, но тутъ съ императоромъ едва не приключилась бѣда у самаго входа во дворецъ. Отъ радости онъ забываетъ, что сидитъ на спинѣ у дьявола, и осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ; дьяволъ мгновенно исчезаетъ, а Карлъ падаетъ на ступеньки лѣстницы.

(Canto XXI). Въ одеждѣ пилигрима онъ идетъ въ кухню дворца и проситъ поѣсть, но повара встрѣчаютъ его недружелюбно, дѣло доходитъ до ссоры и драки. Наконецъ, онъ встрѣчаетъ молодого прислужника, говоритъ ему, что принесъ изъ Испаніи извѣстіе о войскѣ и объ императорѣ; тогда юноша ведетъ его къ королевѣ. У королевы была собачка, которую очень любилъ императоръ; собачка эта ни къ кому не ласкалась кромѣ короля и королевы: Увидѣвъ теперь пилигрима, она бросилась къ нему, начала лизать у него ноги и лицо, всячески выражая свою радость. Королева, удивленная этимъ, спрашиваетъ пилигрима, не бывалъ ли онъ раньше во двор-

цѣ, или не служилъ ли онъ у императора. Получивъ отрицательный отвѣтъ, она осматриваетъ его съ ногъ до головы и хотя не можетъ признать его, такъ онъ измѣнился: „vedendol fortemente sfigurato“, тѣмъ не менѣе ей приходитъ на мысль, что это ея мужъ, и она, подобно Пенелонѣ, требуетъ доказательствъ, что это, именно онъ:

„Disse la Dama mostrami l'anello
ch'io ti donai quando mi sposasti“.

Онъ подаетъ ей кольцо, а затѣмъ, по ея требованію, показываетъ крестъ на правомъ плечѣ, послѣ чего она признаетъ Карла, и супруги предаются радости встрѣчи.

Между тѣмъ приближается часъ свадьбы, и какъ разъ въ моментъ этой церемоніи Карлъ, поддержанный кучкой друзей, которыхъ онъ нашелъ при дворѣ, убиваетъ узурпатора, возвращаетъ себѣ королеву и царство и истребляетъ родъ герцога Магандскаго¹⁾.

Со значительными отклоненіями передается этотъ рассказъ прозаической „Испаніей“, до сихъ поръ еще не изданной (Cod. mediceo-palatino 101, t. III): ¹⁾ чудесный элементъ здѣсь почти сглаженъ, сохранилось лишь вызваніе духовъ. Карлъ, получивъ письма отъ жены, возвращается въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ паладиновъ, переѣздъ совершаетъ въ десять дней, и это казалось на столько невозможнымъ, что нѣкоторые говорили, будто Карлъ былъ перенесенъ дьяволомъ,—какъ это написано въ риёмованной „Испаніи“, замѣчаетъ авторъ. Карлъ возвращается лишь усмирить бароновъ; о готовящемся замужествѣ его жены здѣсь не упоминается.

Какъ бы ни отклонялись одна отъ другой отдѣльныя редакціи итальянскихъ пересказовъ о возвращеніи Карла изъ Испаніи, въ нихъ нельзя не замѣтить слѣдовъ той композиціи, какую бы въ первый разъ наблюдали въ провансальскомъ романѣ о Раймундѣ du Bousquet и въ рассказѣ нормандской хроники, при чемъ какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ

¹⁾ Rajna, Romania VI (1877), 359—368.

сказывается вліяніе гомеровскаго разсказа о возвращеніи Улисса въ Итаку. Если бы эти двѣ группы сказаній пошли самостоятельно отъ гомеровскаго преданія, то онѣ врядъ ли сблизились бы въ подробностяхъ настолько, какъ это наблюдается на самомъ дѣлѣ. Поэтому надо допустить какое-либо посредствующее звено между провансальскимъ романомъ и разсказомъ Васе'а съ одной стороны и итальянскими поэмами съ другой.

Въ виду этого Ландау ¹⁾ высказываетъ предположеніе, что изучаемый мотивъ съ типичными чертами своей ранней обработки могъ быть перенесенъ на личность Карла въ какой-либо французской редакціи популярнаго въ свое время сказанія о поѣздкѣ Карла на востокъ.

Такія сказанія восходятъ къ довольно отдаленному времени ²⁾. Древнѣйшее упоминаніе о подобной поѣздкѣ находится въ хроникѣ, писанной около 960 г. монахомъ Бенедиктомъ изъ монастыря св. Андрея на горѣ Сорактѣ (въ Италіи). Составитель ея даетъ полный маршрутъ такого похода. Участники его собираются на корабляхъ у Traversus'a въ Италіи; черезъ море были построены мосты, по нимъ переходятъ въ Палестину. На обратномъ пути Карлъ посѣтилъ Александрію и Константинополь и вывезъ оттуда часть мощей св. Андрея, а также много одеждъ, приностей и драгоценностей.

Затѣмъ въ теченіе цѣлаго столѣтія источники не даютъ никакихъ упоминаній о такомъ паломничествѣ Карла и лишь во второй половинѣ XI-го ст. и особенно въ началѣ XII-го подобныя сообщенія умножаются, указывая тѣмъ на распространеніе сказанія подъ вліяніемъ усилившихся сношеній съ востокомъ во время крестовыхъ походовъ. Такъ Петръ Тудебодъ (Tutebodus), очевидецъ подвиговъ Готфрида Бульонскаго, и монахъ Робертъ Реймскій, описывавшіе первый крестовый

¹⁾ Landau, Quellen des Decameron, стр. 200.

²⁾ Gerhard Rauschen, Die Legende Karls des Grossen im XI und XII Jahrhundert. Leipzig 1890, 142 и сл.

походъ, согласно свидѣтельствуя, что крестоносцы шли тою дорогою, которою когда-то проходилъ со своимъ войскомъ Карлъ.

Между прочимъ тоже самое сказаніе попадаетъ и въ старый французскій эпосъ, получивъ обработку въ формѣ поэмы, „Voyage de Charlemagne à Jerusalem et à Constantinople“, возникшей въ концѣ XI-го вѣка. Здѣсь, какъ и въ другомъ памятникѣ того же времени „Descriptio qualiter Karolus Magnus clavum et coronam Domini a Constantinopoli Aquisgrani detulerit...“ императоръ Карлъ предпринимаетъ свой походъ на востокъ подъ вліяніемъ сновидѣнія, подобно тому какъ и въ позднѣйшей поэмѣ, „l'Entrée en Espagne“ Николая Падуанскаго, онъ по тому же побужденію направляется въ Испанію.

Самое возникновеніе такихъ сказаній о поѣздѣ Карла на востокъ объясняется съ одной стороны тѣмъ обстоятельствомъ, что въ раннюю пору среднихъ вѣковъ Испанія отождествлялась съ Сиріей, какъ съ землей сарацинской, съ другой тѣмъ, что торжественныя походы Карла въ Римъ, гдѣ находилось и Іерусалимское подворье и храмъ Св. Креста въ Іерусалимѣ (Santa Croce in Gerusalemme), могли подать поводъ къ представленію объ его поѣздѣ въ самый Іерусалимъ, находя для этого подтвержденіе въ воспоминаніяхъ о томъ вліяніи, какое оказалъ въ свое время Карлъ на положеніе восточныхъ христіанъ, благодаря своимъ дружественнымъ сношеніямъ съ Калифомъ, Гарунъ Аль-Рашидомъ ¹⁾,

Въ возникшей, благодаря такому смѣшенію Испаніи съ Сиріей и Рима съ Іерусалимомъ, легендѣ о поѣздѣ Карла на востокъ и получившей затѣмъ свое дальнѣйшее развитіе въ формѣ эпической поэмы могъ находиться и эпизодъ о незапномъ возвращеніи Карла на родину, встрѣчающійся у Эвенкеля въ разсказѣ о походѣ Карла въ Венгрію и въ итальянскихъ поэмахъ въ разсказѣ о походѣ Карла въ Испанію.

---

¹⁾ См. В. Kugler, Geschichte der Kreuzzüge. Berlin 1880, стр. 6 (Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen, Oncken).

Такъ въ *Histoire littéraire de la France* (XVIII, 704) дается содержаніе одной поэмы о поѣздкѣ Карла на востокъ. Поѣздка его туда и пребываніе въ Константинополѣ описаны подробно, но о возвращеніи говорится очень кратко. Королева здѣсь очерчена такъ, что въ долгое отсутствіе мужа ей могла придти мысль или представиться необходимость выйти замужъ за другого. Хотя этого эпизода нѣтъ въ дошедшихъ до насъ текстахъ поѣздки Карла въ Іерусалимъ, но онъ, по мнѣнію Ляндау, могъ быть въ старѣйшихъ, существованіе которыхъ признается необходимымъ и со стороны такого знатока французской литературы, какъ G. Paris ¹⁾.

Если такое предположеніе и не имѣетъ силы факта, во всякомъ случаѣ оно представляется весьма вѣроятнымъ въ виду того, что изучаемый мотивъ въ первый разъ получаетъ свою типичную обработку во Франціи въ провансальскомъ романѣ и въ хроникѣ *Wace'a*; въ виду того, что съ именемъ Карла онъ связывается какъ въ хроникѣ Эненкеля, такъ и въ итальянскихъ поэмахъ, возникшихъ на почвѣ французскихъ источниковъ; наконецъ, въ виду того, что тема эта пользовалась во Франціи широкой популярностью, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ, между прочимъ, старая пикардійская баллада изъ XIII-го ст., приуроченная къ историческому лицу *Sire de Créqui*, а также самый фактъ распространенія сказанія на востокъ въ Германію, на сѣверо-западъ въ Англію и на югъ, кромѣ Италіи, еще въ Испанію, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Въ силу такихъ соображеній и фактовъ съ достаточнымъ основаніемъ можно предположить, что какъ итальянскія поэмы, такъ и хроника Эненкеля усвоили одинъ и тотъ же французскій рассказъ; но въ какой формѣ онъ попалъ туда, въ

---

¹⁾ G. Paris, *Romania*, IX (1888), 1—50; E. Koschwitz, *Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Konstantinopel, ein altfranzösisches Gedicht des elften Jahrhunderts*. Heilbronn, 1880; *Elio-же*, *Voyage de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople*, 2 Aufl., въ *Foersterns altfranzösische Bibliothek*. Heilbronn 1883.

видѣли пѣсни, или романа, опредѣлить съ точностью невозможно.

Въ ближайшей связи съ подобнымъ французскимъ источникомъ стоитъ поучительный рассказъ Цезарія Гайстербахскаго; къ нему мы теперь и перейдемъ.

7.

Возвращеніе рыцаря Гергарда Голенбахснаго изъ Индіи.

Поэтическій сюжетъ о внезапномъ возвращеніи на родину мужа какъ разъ ко времени, когда жена его готова выйти замужъ за другого, съ начала XI-го столѣтія усвоенъ былъ романомъ, затѣмъ хрониками и нѣсколько позднѣе рыцарскими поэмами, какъ это мы видѣли въ Италіи. Около того же времени онъ входитъ въ составъ сборниковъ нравоучительнаго характера, какъ *Dialogus miraculorum* ¹⁾. Авторъ этого сборника былъ монахъ ордена цистерциновъ, Цезарій Гайстербахскій, названный такъ по имени монастыря, въ которомъ жилъ. Монастырь этотъ лежалъ на среднемъ Рейнѣ, гдѣ происходили оживленныя сношенія съ Франціей. Монахи монастыря пользовались въ первой половинѣ XIII ст. репутаціей строгихъ исполнителей своего устава и ученостью, а потому первые Гогенштауфены прибѣгали къ ихъ услугамъ для дипломатическихъ порученій. Цезарій, названный впослѣдствіи Гайстербахскимъ, родился, повидимому, въ Кельнѣ, городѣ торговомъ, имѣвшемъ связи какъ съ Франціей и Германіей, такъ и съ Англіей, и Италіей. Здѣсь, какъ въ богатомъ, культурномъ центрѣ, должны были раньше, чѣмъ гдѣ либо, сосредоточиваться какъ тѣ новыя произведенія поэзіи, которыя въ большомъ количествѣ вращались во Франціи, такъ и тѣ, которыя вслѣдъ за крестоносцами попадали въ Европу съ востока.

¹⁾ A. Kaufmann, Caesarius von Heisterbach. Cöln, 1862.

Къ тому времени, когда началъ свою литературную дѣятельность Цезарій, въ обществѣ въ значительной степени возбужденъ былъ интересъ къ повѣсти, новеллѣ, нравоучительному разсказу, изъ которыхъ многіе проникаютъ теперь изъ Византіи и съ востока. Такой потребности въ занимательномъ чтеніи въ началѣ XII ст. однимъ изъ первыхъ даетъ удовлетвореніе испанскій еврей, принявшій христіанство, Петръ Альфонсъ. Онъ составляетъ сборникъ арабскихъ повѣстей подъ заглавіемъ „*Disciplina Clericalis*“. Въ XII же столѣтіи Іоаннъ Сольсбери (Salisbury), жившій при дворѣ Генриха II, короля англійскаго, составляетъ свой сборникъ разсказовъ, т. наз. Polycraticus; въ самомъ концѣ этого столѣтія Вальтеръ Мапъ пишетъ свой сборникъ „*De nugis Curialium*“, а въ началѣ XIII-го ст. посвящаетъ императору Оттону IV подобный же свой трудъ канцлеръ его, Гervasій Тильберійскій (Gervasius Tilberiensis), подъ наименованіемъ „*Otia Imperialia*“.

На встрѣчу той же потребности въ занимательномъ и нравоучительномъ чтеніи идетъ и Цезарій Гайстербахскій, пуская въ обращеніе около 1222 года свой сборникъ „*Dialogus miraculorum*“. Онъ, какъ строгій монахъ, придаетъ своимъ разсказамъ извѣстную тенденцію; заимствуя содержаніе ихъ изъ разныхъ источниковъ, онъ въ то же время стремится придать имъ характеръ историческій, достовѣрный, прикрѣпляя ихъ къ опредѣленному мѣсту и лицу. Въ прологѣ къ своей книгѣ онъ говоритъ: „Господь мнѣ свидѣтель, что я ни одной главы въ своей книгѣ не выдумалъ; если же что либо здѣсь описано иначе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, то вина въ этомъ падаетъ на тѣхъ, кто мнѣ такъ разсказывалъ“.

При такомъ своемъ стремленіи къ исторической правдѣ Цезарій придаетъ характеръ дѣйствительности и тому разсказу, съ которымъ мы уже нѣсколько разъ встрѣчались въ разныхъ памятникахъ средневѣковой литературы. Вотъ какой видъ принимаетъ онъ подъ перомъ Цезарія ¹⁾:

---

¹⁾ Caesarius von Geisterbach, Dialogus Miraculorum. Coloniae 1591; ibid. Heberle, 1851: Dist. 8-a, стр. 59.

„Въ городѣ Голенбахѣ жилъ рыцарь по имени Гергардъ; потомки его живутъ тамъ еще до сихъ поръ и врядъ-ли найдется въ этомъ городѣ кто-либо, кому было-бы неизвѣстно о чудѣ, съ нимъ случившемся, о которомъ я поведаю рѣчь. Рыцарь этотъ относился съ особеннымъ благоговѣніемъ къ апостолу Θомѣ; ради него онъ не отказывалъ въ милостынѣ ни одному нищему и въ честь его заказывалъ особыя службы и обѣдни. И вотъ однажды дьяволъ въ одеждѣ пилигрима стучится къ нему въ дверь и во имя св. Θомы просить пріюта. Гергардъ принимаетъ его и даетъ ему прикрыться на ночь своей шубой (*sarram suam furratam bonam satis*). Дьяволъ затѣмъ исчезъ и унесъ съ собою шубу. Жена въ гнѣвѣ упрекаетъ мужа въ суевѣріи, но онъ спокойно отвѣчаетъ: „св. Θома вознаградитъ насъ за это“.

Спустя нѣкоторое время Гергардъ собирается идти на поклоненіе гробу святого Θомы въ Индію. Передъ отправленіемъ въ путь онъ ломаетъ кольцо на двѣ части: одну передаетъ женѣ, другую оставляетъ у себя, прося ждать его въ теченіи пяти лѣтъ; если въ этотъ срокъ онъ не вернется, она можетъ выйти за другого:

„*Circulum aureum in oculis uxoris in duas partes dividens, easque coram illa conjungens, unam illi dedit et alteram sibi reservavit dicens: „Huic signo credere debes. Rogo etiam, ut quinque annis redditum meum expectes; quibus expletis nubas cui volueris“.* Въ городѣ св. Θомы Гергардъ встрѣтилъ радушный пріемъ, время шло для него незамѣтно, часто присутствовалъ онъ тамъ при богослуженіяхъ въ честь святого и вспомнилъ о женѣ лишь за день до истеченія срока, ей назначеннаго. Это его очень опечалило. Тутъ является дьяволъ, одѣтый въ украденную когда-то шубу, и спрашиваетъ: „развѣ ты меня не узнаешь?“ „Тебя нѣтъ, но шубу узнаю“, отвѣчаетъ рыцарь. „Мнѣ приказано, продолжалъ дьяволъ, сегодня еще, прежде чѣмъ пойдутъ спать, доставить тебя домой, такъ какъ твоя жена справляетъ свадьбу съ другимъ“. Взявъ рыцаря, онъ въ нѣсколько часовъ доставилъ его изъ Индіи на Рейнъ и осторожно опустилъ его при наступленіи сумерекъ

возлѣ его дома. Войдя въ домъ въ неузнаваемомъ видѣ (*sicut barbagus*), онъ нашелъ свою жену сидящей за столомъ со своимъ женихомъ; онъ подошелъ къ ней, опустилъ въ ея кубокъ свою половину кольца и удалился. Она тотчасъ достала свою половину кольца, приложила къ той, что была въ кубкѣ, и узнала мужа. Выйдя изъ за стола, она бросилась въ его объятія, а жениху отказала“.

Если припомнить подробности въ передачѣ этого разсказа нормандской хроникой *Wace'a*, то для насъ будетъ ясно, откуда заимствовалъ Цезарій основу для своего поучительнаго повѣствованія, прикрѣпленнаго къ жителю города Голенбаха, рыцарю Гергарду. Я этимъ не хочу, конечно, сказать, что Цезарій читалъ произведеніе *Wace'a*, хотя и это могло быть, но несомнѣнно, что до него дошелъ въ видѣ-ли пѣсни или въ видѣ разсказа этотъ мотивъ въ формѣ, опредѣленной уже во Франціи, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ редакція *Wace'a*.

Въ свою очередь разсказъ въ обработкѣ Цезарія нашелъ дальнѣйшее распространеніе. Имъ пользуются лица духовныя, какъ примѣромъ или какъ сюжетомъ для проповѣди въ видахъ поученія и устрашенія вѣрующихъ. Райна ¹⁾ нашелъ его въ одномъ рукописномъ сборникѣ, такъ наз. „*Alphabetum narrationum*“ *manoscritto ambrosiano*, Т. 45, suppl.), понавшемъ въ Италію, и справедливо предполагаетъ, что это не единственный примѣръ, доказывающій усвоеніе его церковной поучительной литературой.

Съ другой стороны разсказъ Цезарія усваивается представителями рыцарской поэзіи, которые въ свою очередь даютъ дальнѣйшее движеніе изучаемому нами сюжету. Но прежде чѣмъ послѣдовать за отраженіемъ пересказа Цезарія въ средневѣковыхъ нѣмецкихъ поэмахъ, мы сдѣлаемъ отступление въ сторону отелоненія въ разработкѣ нашей темы подъ перомъ такого поэта, какъ Рудольфъ Эмскій, примыкающій, повидимому, къ иному источнику, чѣмъ тотъ, какимъ пользовался Цезарій Гайстербахскій.

---

¹⁾ P. Rajna, Romania, 1877, VI, стр. 359—368.

8.

„Добрый Гергардъ“ Рудольфа Эмессаго.

Одновременно съ Иоанномъ Эненкелемъ и Цезаріемъ Гайстербахскимъ жилъ и писалъ одинъ изъ извѣстныхъ средне-вѣковыхъ нѣмецкихъ поэтовъ, Рудольфъ изъ Эмса (Rudolf von Ems). Онъ былъ служилымъ рыцаремъ графовъ Монфортскихъ; главнымъ мѣстопребываніемъ его былъ замокъ Гогенъ-Эмсъ, расположенный на правомъ берегу Рейна въ австрійскомъ Форальбергѣ, вблизи знаменитаго монастыря св. Галла, бывшаго въ свое время очагомъ духовнаго просвѣщенія, колыбелью искусствъ и наукъ. Многіе изъ владѣтелей замка Гогенъ-Эмса служили въ войскахъ Гогенштауфеновъ, принимали участіе въ итальянскихъ походахъ и отличались любовью къ литературѣ и поэзіи. Въ ихъ кругу развили свою литературную дѣятельность Рудольфъ Эмскій и, быть можетъ, благодаря его участію, образовалось здѣсь богатое собраніе манускриптовъ, среди которыхъ сохранились и были найдены въ прошломъ столѣтіи двѣ лучшихъ рукописи древнѣйшаго памятника нѣмецкой поэзіи, „Пѣсни о Нибелунгахъ“ ¹⁾. Досто-вѣрно извѣстно, что Рудольфъ Эмскій сочинялъ свои поэмы уже въ 1222 году, и умеръ около 1250 года въ Италіи, куда, повидимому, сопровождалъ императора Конрада IV. Для своего времени и положенія онъ обладалъ рѣдкими знаніями, въ своей литературной дѣятельности проявилъ большую производительность, хотя при этомъ не обнаружилъ большого таланта. Многія изъ его произведеній погибли, нѣкоторыя остались неоконченными, другія же дошли до насъ въ полномъ видѣ. Кругъ его литературныхъ интересовъ былъ довольно обширенъ: такъ онъ составляетъ „Міровую хронику“, пишетъ

---

¹⁾ И. Созоновичъ, Очеркъ средне-вѣковой нѣмецкой поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ, 1889, стр. 70.

поэмы о „Троянской войнѣ“, объ „Александрѣ“, „Вильгельмѣ von Orlens“, обрабатываетъ легенды о „святомъ Евстафѣ“, о „Варлаамѣ и Іосафѣ“ и, наконецъ, излагаетъ повѣсть „*Der gute Gerhard*“.

Героемъ этого разсказа является уроженецъ города Кельна, предприимчивый и весьма образованный купецъ, знающій иностранные языки, умѣющій обходиться съ князьями и пре-
латами, нѣкто Гергардъ, получившій прозваніе „добраго“. Если приписываемыя ему авторомъ похождения и заимствованы изъ иного источника, чѣмъ тотъ, къ которому восходитъ раз-
сказъ Цезарія Гайстербахскаго, то прикрѣпленіе ихъ къ имени Гергарда, уроженца города Кельна, до извѣстной степени указываетъ на этапный пунктъ, чрезъ который прошли эти сказы, какъ то, что попало въ руки Цезарія Гайстер-
бахскаго, такъ и то, которымъ воспользовался Рудольфъ Эмскій.

Самъ Рудольфъ передаетъ, что онъ воспользовался для своего разсказа о Гергардѣ записью какого-то Рудольфа изъ Штайнаха, повидимому, по какой-либо латинской книгѣ; за-
пись эту онъ изложилъ въ нѣмецкихъ стихахъ ¹⁾. Одна-
ко нельзя не замѣтить, что какъ у Рудольфа Эмскаго, такъ и у Цезарія Гайстербахскаго, главный герой носитъ одно и то же имя Гергарда и что обѣ обработки окрашены замѣтнымъ церковнымъ колоритомъ, хотя при этомъ Рудольфъ сильно видоизмѣняетъ ту основную схему, благодаря которой его „*der gute Gerhard*“ входитъ въ кругъ изучаемыхъ нами произведеній.

Тему эту Рудольфъ передаетъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Императоръ Оттонъ Великій былъ мудрымъ, справедли-
вымъ и благочестивымъ человекомъ; онъ былъ добръ къ бѣд-
нымъ и щедръ къ церкви и ея представителямъ. Между
прочимъ онъ основалъ архіепископство Магдебургское и бо-
гато одарилъ его. Послѣ этого онъ считалъ себя вполне до-

---

¹⁾ Н. Kurz, Geschichte der deutschen Litteratur. Leipzig 1864, I, стр. 436.

стойнымъ царствіа небснаго и неотступно молилъ Бога открыть ему, какая награда ожидаетъ его на небѣ. Однажды онъ услышалъ голосъ, упрекавшій его въ излишнемъ самолюбіи; если онъ дѣлалъ добро ради земной славы, то и награда его будетъ только на землѣ; чтобы заслужить на награду на небѣ, ему слѣдовало-бы поступать подобно кельнскому кунцу, доброму Гергарду, имя котораго вписано въ книгѣ живота. Послѣ этого императоръ отправляется въ Кельнъ, чтобы увидѣть Гергарда и узнать отъ него, какимъ способомъ достигъ онъ такой милости у Бога. Гергардъ сперва отвѣчаетъ императору уклончиво: люди называютъ его „добрымъ“ просто по привычкѣ давать каждому какое либо прозвище, но онъ самъ не знаетъ за собою никакихъ особыхъ добродѣтелей. Императоръ не удовлетворенъ такимъ отвѣтомъ; онъ заставляетъ Гергарда рассказать ему свою жизнь, тотъ повируется и молить Бога не вѣрить ему этого въ вину. „Въ молодости моей, началъ Гергардъ, заботился я лишь о приобрѣтеніи богатства и съ этой цѣлью много ѣздилъ по чужимъ землямъ. Однажды попалъ я въ языческую страну, властитель которой принялъ меня очень ласково. Въ плѣну у него были англійскіе рыцари и норвежскія дѣвушки; среди нихъ была королевская дочь, невѣста молодого англійскаго короля. По дорогѣ въ Англію буря застигла ихъ корабль, забросила королевну со спутниками въ языческую землю и разлучила съ женихомъ, судьба котораго осталась неизвѣстной. Королевна и ея спутники попали въ руки невѣрныхъ. Повелитель ихъ предложилъ мнѣ своихъ плѣнниковъ въ обмѣнъ за весь грузъ моего корабля, составлявшій все мое, накопленное долгимъ трудомъ богатство. Долго колебался я, не зная, какъ поступить; наконецъ, ангель во снѣ явился мнѣ и напомнилъ мнѣ заповѣдь Божью помогать бѣднымъ и несчастнымъ; послѣ этого я согласился на предложеніе языческаго короля“. Затѣмъ Гергардъ рассказываетъ, что рыцарей онъ отправилъ въ Англію, а королевскую дочь привезъ съ собой въ Кельнъ и много лѣтъ держалъ ее въ своемъ домѣ, ожидал, что за нею явится ея женихъ. Тотъ же, потерпѣвъ кораблекрушеніе, долго пропа-

далъ безъ вѣсти, такъ что его начали считать погибшимъ. Тогда Гергардъ побуждаетъ принцессу избрать себѣ въ мужа его сына. Какъ только устроили свадьбу, является послѣ долгихъ скитаній по свѣту англійскій король, бѣдно одѣтый, исхудалый, въ жалкомъ видѣ. Невѣста узнаетъ его по кольцу, которое она когда-то ему дала, и Гергарду стоило большого труда убѣдить сына отказаться отъ принцессы и возвратить ее первому ея жениху. Затѣмъ на свой счетъ онъ отвозить ихъ въ Англію“.

9.

Разсказъ раввина Ниссима.

Какъ видимъ, Рудольфъ Эмскій такъ своеобразно разработалъ основную тему своего „Добраго Гергарда“, что трудно допустить предположеніе, чтобы онъ слѣдовалъ пересказу Цезарія Гайстербахскаго или же какому либо источнику, близкому къ этому послѣднему. По всей вѣроятности, въ той записи Рудольфа изъ Штайнаха, о которой упоминаетъ самъ Рудольфъ Эмскій, онъ нашелъ свою тему въ какомъ-то иномъ изложеніи, чѣмъ то, съ какимъ мы до сихъ поръ встрѣчались у средневѣковыхъ писателей, излагавшихъ ее. Такое своеобразное изложеніе аналогичной темы могло совершиться или подъ перомъ самого Рудольфа, или попасть въ нѣмецкую поэзію изъ какого либо иного источника, чѣмъ вышеуказанные, какъ объ этомъ до нѣкоторой степени можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что разсказъ Рудольфа Эмскаго поразительно напоминаетъ одну еврейскую легенду, восходящую, по мнѣнію издателя ¹⁾, въ глубокой старинѣ. Если бы это было такъ, то въ про-

---

¹⁾ Ad. Jellinek, Bet ha-Midrash. Sammlung kleiner Midraschim und vermischter Abhandlungen aus ältern jüdischen Literatur. Fünfter Theil. Wien 1873, s. XXXVII и 136—138. Разсказъ этотъ съ

изведеніи Рудольфа Эмссаго, „*der gute Gerhard*“, мы имѣли бы дѣло не съ отраженіемъ распространявшагося теперь по Европѣ романтическаго сюжета о внезапномъ возвращеніи мужа, но съ самостоятельной передѣлкой какаго-то аналогичнаго разсказа въ родѣ того, какой находимъ среди разсказовъ раввина Ниссима. Отсутствіе точной хронологической даты для еврейскаго сказанія не позволяетъ намъ сказать что либо болѣе определенное объ отношеніи обработки Рудольфа къ еврейскому разсказу. Я имѣю въ виду четвертый разсказъ раввина Ниссима такого содержанія:

„Былъ одинъ благочестивый мудрецъ, который просилъ у Бога открыть ему, кто будетъ его товарищемъ въ будущемъ мірѣ. Постился и молился онъ долгое время, пока не сказали ему въ видѣніи ночью: „мясникъ N. будетъ твоимъ товарищемъ“. Проснувшись, печальный, смущенный онъ опять сталъ поститься и умолять Предвѣчнаго; ему опять сказали во снѣ: „вѣдь тебѣ же объявлено, что мясникъ N. будетъ твоимъ товарищемъ въ будущемъ мірѣ“. Услышавъ такой приговоръ Божій, онъ сталъ еще грустнѣе и печальнѣе прежняго и горько заплакалъ. Однажды услышалъ онъ голосъ Божій, который спросилъ его: „почему это извѣстіе такъ огорчаетъ тебя? Хотя ты благочестивъ и добродѣтеленъ, однако видно, что ты смертный. Знай же, что этотъ мясникъ сдѣлалъ такое доброе дѣло, что нѣтъ подобнаго ему, и его вознагражденіе въ будущемъ мірѣ есть самое великое“. На другой день утромъ мудрецъ отправился въ лавочку мясника; поздоровавшись съ нимъ, сказалъ: „мнѣ желательно узнать что-нибудь о добрыхъ дѣлахъ, которыя ты совершилъ въ настоящемъ мірѣ“. Мясникъ сказалъ: „господинъ мой видитъ мое ремесло; изъ того, что я зарабатываю, половину отдаю бѣднымъ, а половину употребляю для содержанія себя и семейства“. Мудрецъ сказалъ ему: „есть на свѣтѣ много людей добродѣтельнѣе тебя. Скажи мнѣ, не

еврейскаго текста переведенъ для меня учителемъ гимназій, Израилемъ Филипповичемъ *Духовнымъ*, которому приношу за это свою искреннюю признательность.

сдѣлалъ ли ты какое-нибудь великое дѣло, которое не въ состояніи былъ бы сдѣлать другой человѣкъ?“ Мясникъ, подумавъ немного, сказалъ: „дѣло вотъ въ чемъ. Я, какъ извѣстно, ежедневно занимаюсь своимъ ремесломъ. Однажды въ нашъ городъ прибылъ караванъ язычниковъ, у которыхъ было много невольниковъ. Между этими невольниками была одна дѣвочка еврейка съ грустнымъ видомъ и заплаканными глазами. Меня ея слезы тронули, я приблизился къ ней и спросилъ: „дочь моя! почему ты такъ плачешь и грустишь?“ Она отвѣчала: „господинъ мой! Я еврейка, боюсь, чтобы эти язычники силой не заставили меня отказаться отъ нашей религіи; я хочу оставаться еврейкой. Сжальтесь надо мною, не найдетъ-ли кто-нибудь между вами, кто пожелалъ бы выкупить меня изъ рукъ язычниковъ?“ При этихъ словахъ мнѣ ужасно жалко стало дѣвочки, и я сказалъ ей: „вѣрнись и не печалься: я постараюсь выкупить тебя“. На другой день я собралъ всѣ деньги свои, отправился къ владѣльцу невольниками и, послѣ многихъ трудовъ и хлопотъ, мнѣ, наконецъ, удалось за большую сумму денегъ выкупить дѣвочку. Я привелъ ее въ свой домъ (ей было тогда 12 лѣтъ), прилично одѣвалъ ее и кормилъ до ея совершеннолѣтія. У меня былъ единственный сынъ двадцати одного года. Однажды позвалъ я сына и сказалъ ему: „сынъ мой! если хочешь послушать моего совѣта и исполнить мое желаніе, то будетъ тебѣ хорошо въ настоящемъ и будущемъ мірѣ“. „Скажи, отецъ мой, я готовъ исполнить твое желаніе“. „Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы ты женился на нашей воспитанницѣ. Я сдѣлаю вамъ дорогія платья и все необходимое къ свадьбѣ“. Сынъ сказалъ: „я согласенъ исполнить твое желаніе“. Обрадованный такимъ отвѣтомъ сына, я поспѣшилъ приготовить все необходимое къ свадьбѣ и сдѣлалъ большой пиръ. Къ вѣнчанію пригласилъ всѣхъ жителей города, богатыхъ и бѣдныхъ, посадилъ послѣднихъ между богатыми, чтобы не обидѣть ихъ, поставилъ передъ ними разныя яства и напитки,—всѣ ѣли, пили и были веселы, за исключеніемъ одного стола, гости котораго почти ничего не ѣли. „Братъя мои сказалъ я имъ; почему вы ничего не кушаете? Можетъ, быть

вамъ что-нибудь не нравится, скажите“. „Напротивъ,—сказали они,—не видѣли мы давно такихъ дорогихъ яствъ, только одинъ бѣдный, котораго посадили къ нашему столу, плачетъ да плачетъ; жалость къ нему такъ пробираетъ насъ, что мы ничего не въ состояніи ѣсть“. Я взялъ этого бѣдняка за руку, вывелъ его на улицу и спросилъ: „скажи мнѣ, братъ мой, почему ты такъ плачешь въ день свадьбы моего сына? Не скрывай отъ меня ничего. Можетъ быть, у тебя есть какой-нибудь долгъ? Я заплачу. Можетъ быть, желаешь взять въ займы, я одолжу“. „Не нужно мнѣ никакого займа, долговъ тоже нѣтъ у меня,—сказалъ бѣднякъ,—я плачу по поводу выхода замужъ этой дѣвушки за сына твоего. Она изъ города N., и я уже нѣсколько лѣтъ помолвленъ съ нею. Она взята была въ неволю. Узнавъ ея мѣстопробываніе, пришелъ я сюда, думая, что, можетъ быть, удастся мнѣ освободить ее, а вотъ нашъ брачный договоръ“. Посмотрѣлъ я въ договоръ и, дѣйствительно, все было такъ, какъ сказалъ бѣднякъ. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, я спросилъ его, не знаетъ ли онъ какой-нибудь примѣты, по которой можно было бы удосто- вѣриться окончательно въ дѣйствительности словъ его. На это онъ заявилъ, что однажды былъ въ домѣ родителей своей невѣсты и случайно замѣтилъ на тѣлѣ ея такой-то знакъ на такомъ-то мѣстѣ. Послѣ всего видѣннаго и слышаннаго мною я сказалъ ему: „не плачь и не горюй, я постараюсь устроить это дѣло надлежащимъ образомъ“. Позвалъ я сына своего и рассказалъ ему, въ чемъ дѣло. Сынъ отвѣтилъ: „я, какъ всегда, такъ и теперь готовъ исполнить все, что ты прикажешь. Какъ посоветуешь, такъ я и сдѣлаю“. „Я желаю, чтобы всѣ вещи, которыя приготовлены были для васъ къ свадьбѣ, были отданы этой дѣвушкѣ и ея прежнему жениху, и чтобы онъ пошелъ съ нею къ вѣнцу вмѣсто тебя. Тебѣ же я дамъ другую невѣсту и приготовлю для васъ вдвое болѣе, чѣмъ теперь приготовилъ“. Сынъ мой сказалъ мнѣ: „дѣлай, отецъ мой, какъ хочешь“. Дружки взяли подъ руку жениха-гостя и невѣсту, повели ихъ къ вѣнцу и обвѣнчали ихъ по закону Моисея и Израиля. Я отдалъ имъ все, что было приготовлено для сы-

на, и долгое время держалъ ихъ у себя. Они были счастливы и довольны. Наконецъ, они пожелали возвратиться въ свой родной городъ. Я одарилъ ихъ многими подарками, снабдилъ ихъ всѣми необходимыми вещами на дорогу, благословилъ ихъ и отправилъ съ миромъ на родину. Потомъ отъ времени до времени я спрашивалъ у проѣзжающихъ о житьѣ-бытьѣ ихъ“. Мудрецъ, выслушавъ это, сказалъ: „да благословить тебя Господь. Я радъ и счастливъ, что буду имѣть такого товарища въ будущемъ мірѣ“.

Какъ видимъ, рассказъ раввина Ниссима весьма близко подходитъ къ повѣсти Рудольфа Эмского „*der gute Gerhard*“. Какъ то, такъ и другое произведеніе передаетъ нашу тему, осложнивъ ее собственно другимъ рассказомъ, вращавшимся издавна въ видѣ самостоятельнаго повѣствованія о томъ, какъ благочестивый человѣкъ желаетъ знать, на ряду съ кѣмъ онъ будетъ помѣщенъ въ царствіи небесномъ. Такихъ рассказовъ Симрокъ ¹⁾ отмѣтилъ нѣсколько, и однимъ изъ нихъ осложняется наша тема въ вышеприведенныхъ произведеніяхъ. Оставляя въ сторонѣ этотъ привнесенный рассказъ объ исповѣніи откровенія на счетъ будущей жизни и рассматривая лишь нашу тему, насколько она отразилась какъ въ рассказѣ раввина Ниссима, такъ и въ повѣсти Рудольфа Эмского, мы не можемъ не замѣтить, что почти всѣ составныя части ея здѣсь сохранились, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ соотвѣтственно духу и цѣли всего произведенія, требовавшего, чтобы вторая его часть служила какъ бы подтвержденіемъ первой, являясь иллюстраціей высокаго нравственнаго подвига въ одномъ случаѣ Гергарда Кельнскаго, въ другомъ безыменнаго еврейскаго мясника.

Получивъ такое примѣненіе, сюжетъ нашъ долженъ былъ потерпѣть существенное измѣненіе соотвѣтственно цѣлямъ всего произведенія, но тѣмъ не менѣе и въ такой осложненной и видоизмѣнной формѣ онъ обнаруживаетъ свои основныя,

---

¹⁾ Simrock, *Der gute Gerhard*. Bonn, 1856, стр. 17—45.

традиціонныя черты. Такъ у Рудольфа Эмскаго англійскій король разлучается со своей невѣстой, съ которой только что былъ обрученъ; женихъ терпитъ кораблекрушеніе, долго пропадаетъ безъ вѣсти, и его считаютъ погибшимъ; зловленія невѣсты, понадобившіяся лишь для того, чтобы доказать добродѣтель Гергарда, оказываются существеннымъ нарушеніемъ въ традиціонномъ ходѣ разказа; но затѣмъ порядокъ въ передачѣ событій восстанавливается тѣмъ, что Гергардъ, заступившій для выкупленной имъ изъ неволи принцессы мѣсто отца, побуждаетъ ее выйти замужъ за другого избранника, такъ какъ первый считался погибшимъ; устраивается свадьба, и какъ разъ на свадебный пиръ является первый женихъ въ жалкомъ видѣ, въ блѣдномъ одѣяніи; невѣста узнаетъ его по кольцу, которое она когда-то ему дала, и свадьба разстраивается.

Тоже самое хотя и въ болѣе блѣдномъ изложеніи находимъ въ еврейскомъ разказѣ, замѣнившемъ лишь роль кольца свадебнымъ контрактомъ и прибавившемъ указаніе женихомъ извѣстныхъ примѣтъ на тѣлѣ невѣсты.

Такимъ образомъ какъ разказъ раввина Ниссима, такъ въ особенности повѣсть Рудольфа Эмскаго „*der gute Gerhard*“ несомнѣнно отражаютъ въ себѣ нашу тему, хотя и безъ удержанія многихъ романтическихъ подробностей, которыми характеризуется обработка нашего сюжета, начиная съ провансальскаго романа о Раймундѣ du Bousquet и кончая разказомъ Цезарія Гайстербахскаго: „Возвращеніе рыцаря Гергарда Голенбахскаго изъ Индіи“.

На ряду съ этими послѣдними къ числу наиболѣе древнихъ и наиболѣе самостоятельныхъ обработокъ нашего сюжета относятся сказанія о Горнѣ, извѣстныя во французской и англійской литературахъ; къ разсмотрѣнію этихъ сказаній мы теперь и перейдемъ.

10.

Сказанія о Горнѣ.

Сказанія о Горнѣ, извѣстныя въ англійской и французской поэзіи, пользовались въ свое время широкимъ популярностью и дошли до нашего времени въ формѣ романа, поэмъ и балладъ. Англійская поэма „*King Horn*“, состоящая изъ 1550 стиховъ, сохранилась въ трехъ рукописяхъ. Старѣйшая и лучшая относится Wriгth'омъ самое позднее къ половинѣ XIII столѣтія; она находится въ Кембриджѣ (Univ. Gg. 4. 27. 2); вторая хранится въ Оксфордѣ (Bibl. Bodl. Mss. Laud. № 108); третья—въ Британскомъ Музеѣ (Harl. Mss. 2256¹). Всѣ три рукописи напечатаны. I. *Ritson* издалъ третью, признаваемую самой поздней (Anc. Engl. Metr. Rom. London 1802. II, 91—155 съ прим. III, 264—281); *Fr. Michel* издалъ первую съ вариантами изъ двухъ другихъ рукописей (Horn et Rimenhild, Recueil de ce qui reste des poèmes relatifs à leurs aventures etc. Paris 1845); *Rawson Lumby* вторично издалъ эту рукопись (King Horn with Fragments of Floris and Blancheflur. London, 1866); *Mätzner* въ третій разъ переиздалъ ее съ примѣчаніями (Altenlg. Sprachproben, I, 1. 206—231); вторая, или Оксфордская рук. издана *Horstmann*'омъ съ введеніемъ и примѣчаніями (Herrigs Archiv 1872, 29—58).

Кромѣ англійской поэмы о королѣ Горнѣ, сохранившейся въ трехъ вышеуказанныхъ рукописяхъ, до насъ дошла еще позднѣйшая англійская поэма „*Horn Child and maiden Rimenild*“, состоящая изъ 1200 стиховъ, и французскій романъ „*Horn et Rimenhild*“ въ 5250 стиховъ. Поэма „*Horn Child*

---

¹) Rudolf Brede, Ueber die Handschriften der Chanson de Horn, (Elwert'sche Verlagsbuchhandlung in Marburg, годъ не обозначенъ). Каждая изъ указанныхъ трехъ поэмъ о Горнѣ, по мнѣнію Бреде, представляется самостоятельной передѣлкой разныхъ посредствующихъ изводовъ ихъ общаго источника.

and maiden Rimnild“ сохранилась въ рукописи Эдинбургской библиотеки адвокатовъ (Auchinleck MS) и издана сперва Ritson'омъ (Anc. Engl. Metr. Rom. III, 282 — 320), а потомъ Michel'емъ (Horn et Rimenhild, стр. 341—389).

Французскій романъ сохранился въ трехъ рукописяхъ, хотя и не полныхъ, въ Оксфордѣ, въ Британскомъ Музеѣ и въ Кембриджѣ. Рукописи эти напечатаны у *Fr. Michel*, (Rapports à M. le Ministre de l'Instruction publique sur les anciens monuments de l'histoire et de la littérature de la France, qui se trouvent dans les bibliothèques de l'Angleterre et de l'Écosse. Paris 1858, 116—124), а затѣмъ точнѣе переизданы *Brede* и *Stengel'*емъ: *Das anglonormannische Lied vom Wackern Ritter Horn*, (Marburg 1883: Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der romanischen Philologie, VIII).

Въ какомъ отношеніи стоитъ англійская поэма о королѣ Горнѣ къ французскому роману-пѣснѣ о Горнѣ и Рименгильдѣ? Вопросъ этотъ рѣшается различно. *Warton* (Hist. of E. P. 1840, 1, 36), *Tyrrith* (Essay on the lang. and versif. of Chaucer, Ann. 55), *Ritson* въ обширномъ и ученомъ предисловіи въ вышеуказанномъ Anc. Engl. Metr. Rom. LXXXVI держатся того мнѣнія, что англійская поэма оказывается сокращеннымъ переводомъ французскаго романа-пѣсни.

Напротивъ того, *Percy*, *Price*, *Wright* и *Modden* (*Warton* I, 41 прим.) считаютъ англійскую поэму первоначальной; *Michel* (Horn et Rimenhild, XII), а также *Mätzner* (Altengl. Sprachpr. I, 1, 208) предполагаютъ, что англійская поэма ведетъ свое начало отъ какой-то болѣе древней англійской пѣсни и что она никоимъ образомъ не является переводомъ французскаго текста, хотя имѣетъ съ нимъ много общаго.

Позднѣ ближайшимъ образомъ вопросъ о взаимномъ отношеніи англійскихъ поэмъ къ французскому роману о Горнѣ разсматривалъ *Виссманъ* ¹⁾. На основаніи изученія языка и метри-

¹⁾ Th. Wissmann, King Horn. Strassburg, 1876 (Quellen und Forschungen, XVI).

ческаго строя англійской поэмы „King Horn“ онъ заключаетъ, что въ своемъ нынѣшнемъ видѣ она могла возникнуть не ранѣе второй четверти XIII-го столѣтія. Въ виду того, что въ ея стихѣ сохранились многочисленные слѣды аллитераціи, онъ допускаетъ существованіе пѣсенъ, предшествовавшихъ помянутой англійской поэмѣ и сложенныхъ по законамъ аллитераціи. Такъ какъ изъ сопоставленія содержанія англійской поэмы „King Horn“ съ содержаніемъ французскаго романа обнаруживается, что она, не смотря на свой меньшій объемъ, сохранила больше старыхъ чертъ, онъ приходитъ къ заключенію, что ее нельзя считать переработкой французскаго романа, а скорѣе наоборотъ, т. е., что французскій романъ пошелъ отъ англійской поэмы.

Въ рецензіи ¹⁾ на изслѣдованіе Виссмана проф. Штиммингъ отмѣчаетъ, что многіе эпизоды англійской поэмы отсутствуютъ во французскомъ романѣ, что иной разъ французскій романъ передаетъ такія подробности, о которыхъ англійскій источникъ вовсе умалчиваетъ. Это врядъ-ли имѣло бы мѣсто, если бы англійская поэма „King Horn“ была источникомъ для французскаго романа „Horn et Rimenhild“.

Что касается позднѣйшей англійской поэмы, „Horn Child and maiden Rimmild“, то она представляетъ еще новыя отклоненія: мѣсто дѣйствія переносится здѣсь съ юго-востока на сѣверъ Англіи; пришлыми завоевателями оказываются здѣсь не сарацины, какъ въ обоихъ вышеупомянутыхъ произведеніяхъ, но датчане, а кромѣ того здѣсь есть черты, которыми эта поэма по временамъ ближе примыкаетъ къ французскому роману, чѣмъ къ англійской поэмѣ „King Horn“.

Такъ какъ сказанія о Горнѣ, какъ это признаетъ и Виссманъ, были издавна весьма популярны въ Англіи, то, по мнѣнію проф. Штимминга, представляется весьма естественнымъ предположить, что уже старыя пѣсни сильно разнились между

¹⁾ A. Stimming, Englische Studien, herausg. v. Kölbing. Heilbronn, 1877, I, 351—362.

собой въ передачѣ отдѣльныхъ моментовъ разсказа. Изъ такихъ пѣсенъ могла выработаться раньше другихъ англійская поэма „King Horn“; позднѣе на основаніи какой-либо разновидности тѣхъ же пѣсенъ французскій поэтъ могъ составить свой романъ о Горнѣ и Рименгильдѣ, въ которомъ уже сильнѣе, чѣмъ въ англійской поэмѣ, выступаетъ личность самого поэта, ярче обнаруживается романтическій характеръ всего произведенія и описываются болѣе сложные и утонченныя требованія общественности въ томъ ея духѣ, какимъ знаменуется періодъ крестовыхъ походовъ.

На основѣ тѣхъ же старыхъ пѣсенъ еще позднѣе могла возникнуть на сѣверѣ Англій позднѣйшая поэма „Horn Child“, внесшая, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, своеобразныя измѣненія въ передачѣ подробностей; къ тѣмъ же пѣснямъ, по его мнѣнію, примыкаютъ и англійскія баллады.

Въ позднѣйшей своей работѣ ¹⁾ по тому же вопросу Виссманъ стоитъ все такъ же за первенство англійской поэмы „King Horn“, но въ видѣ источника для французскаго романа съ одной стороны и для позднѣйшей англійской поэмы „Horn Child“ съ другой допускаетъ какія либо посредствующія переработки, пошедшія не отъ пѣсенъ, какъ полагалъ Штиммингъ, а отъ той же поэмы „King Horn“. При ближайшемъ разсмотрѣніи состава обѣихъ поэмы и романа онъ открываетъ въ нихъ слѣды вліянія со стороны романа о Тристанѣ. Въ поэмѣ „Horn Child“ прямо упоминается про любовь Тристана и Изольды, и весь эпизодъ о пребываніи Горна въ время изгнанія при дворѣ иноземнаго короля и любовныя отношенія его къ дочери послѣдняго (во франц. романѣ—къ Лембургъ) оказываются позднѣйшей вставкой, заимствованной изъ романа о Тристанѣ.

Касаясь самой темы, положенной въ основу вышеупомянутыхъ обработокъ сказаній о Горнѣ, Виссманъ отмѣчаетъ распространенность ея въ германскихъ преданіяхъ и германскихъ литературныхъ памятникахъ. Таковому ея распростра-

¹⁾ Wissmann, Studien zu King Horn. Anglia. Zeitschrift für Englische Philologie, IV (1881), стр. 342—400.

ненію въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ способствовали, по его мнѣнію, главнымъ образомъ шпильманы, находившіеся въ постоянномъ общеніи между собою, не смотря на различія странъ и нарѣчій.

Послѣ Виссмана о французскомъ романѣ „Horn et Rimenhild“ высказалъ своя соображенія еще Söderhjelm¹⁾:

Разсматривая вопросъ объ авторѣ французскаго романа о Горнѣ, онъ отмѣчаетъ то странное смѣшеніе чертъ въ составѣ романа, которымъ онъ съ одной стороны сближается съ французскими *chansons de geste*, съ другой съ германскими эпическими поэмами, а также съ поэзіей бретонскаго цикла. Съ *chansons de geste* онъ сближается общей своею идеей — борьба христіанъ съ невѣрными; съ германскими поэмами — характеромъ героевъ, весьма влюбчивыхъ и, наконецъ, съ романами Круглаго Стола — описаніями придворныхъ нравовъ и рыцарской доблести. Впрочемъ по его мнѣнію, послѣднее вліяніе сказалось здѣсь менѣе всего, тогда какъ германское открывается въ самой темѣ романа, извѣстной въ многочисленныхъ легендахъ англійскихъ, датскихъ и шведскихъ. Въ виду этого, какъ ему кажется, можно сказать, что романъ о Горнѣ представляется отраженіемъ германской эпопеи въ формѣ французской *chanson de geste*.

По своему языку французскій романъ относится къ ряду англонорманнскихъ поэмъ изъ половины или конца XII столѣтія; къ этому періоду приходится приурочить и время возникновенія романа, какъ это предполагаетъ и Визингъ на основаніи изученія стиха²⁾. Въ результатъ своего изслѣдованія Söderhjelmъ приходитъ къ заключенію, что Thomas, авторъ романа о Горнѣ, не можетъ быть отождествляемъ съ Thomas, авторомъ одной изъ обработокъ романа о Тристанѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что французскій романъ „Horn et Rimenhild“ старѣе англійской поэмы „King Horn“,

1) W. Söderhjelm, Sur l'identité du Thomas auteur de Tristan et du Thomas auteur de Horn. Romania, XV, (1886), 475.

2) Vising, Sur la versification anglo-normande, p. 7, note 1.

возникшей, какъ принимаетъ Виссманъ, не ранѣе второй четверти XIII ст., а потому вопросъ о взаимномъ отношеніи французской обработки сказанія о Горнѣ къ англійскимъ поэмамъ того же содержанія представляется еще нерѣшеннымъ и спорнымъ. При этомъ нельзя не указать, что при рѣшеніи этого вопроса изслѣдователи не пользовались сравнительнымъ изученіемъ самой темы, легшей въ основу сказаній о Горнѣ, и указывали лишь на ея отраженія въ германской поэзіи. Между тѣмъ изъ знакомства съ содержаніемъ сказаній о Горнѣ мы убѣдимся, что въ основу ихъ, какъ оказывается, внесена та литературная схема, начало которой мы видѣли въ провансальскомъ романѣ о Раймундѣ du Bousquet и которая, какъ мы знаемъ по разсказу Wace'a, рано локализовалась въ Нормандіи, откуда легко могла перейти и въ Англію. Подойти съ этой стороны къ рѣшенію вопроса во всякомъ случаѣ интересно, ибо нѣкто еще, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не дѣлалъ такой попытки.

Познакомимся теперь съ содержаніемъ обработокъ сказаній о Горнѣ.

1. Англійская поэма „*King Horn*“.

„Горнъ былъ сыномъ короля Мурри и Готгильды. Онъ отличался поразительной красотой. Ему были даны въ товарищи двѣнадцать сверстниковъ, изъ нихъ ближайшимъ другомъ его былъ Атульфъ, а недругомъ Фивенгильдъ. Однажды король Мурри съ двумя рыцарями ѣхалъ по берегу и увидѣлъ 15 сарацинскихъ кораблей съ большимъ войскомъ. Король и его два спутника были убиты, невѣрные разсыпались по всей странѣ, разрушая церкви и убивая всѣхъ, кто не хотѣлъ измѣнять своей вѣрѣ. Королева скрывается въ пещерѣ, а Горна и его 12 товарищей приводятъ къ побѣдителямъ; но красота Горна такъ тронула языческаго короля, что онъ не рѣшился убить его, а велѣлъ посадить Горна съ товарищами въ лодку и пустить ее въ море на произволь вѣтра. Долго носилась лодка по волнамъ, наконецъ, ее прибило къ

берегу, вступая на который Горнъ клянется отомстить за смерть отца и за себя. Мальчики встрѣчаютъ короля Айльмара, который ласково принимаетъ ихъ и поручаетъ своему вельможѣ Ательбрусу воспитаніе Горна. Горнъ заслуживаетъ всеобщую любовь, и дочь короля, Рименгильда, заочно полагаетъ въ нему непреодолимой страстью. Она должна видѣть Горна, для чего притворяется больной и приказываетъ Ательбрусу придти къ ней вмѣстѣ съ Горномъ. Но Ательбрусъ, страшась гнѣва короля, приводитъ къ ней Атульфа. Узнавъ обманъ, царская дочь приходитъ въ ярость, на другой день Ательбрусъ приводитъ къ ней уже Горна. Рименгильда говоритъ ему о своей любви и добивается взаимности, но Горнъ объявляетъ себя недостойнымъ ея руки, пока не сдѣлается рыцаремъ. Рименгильда устраиваетъ посвященіе его въ рыцари, и затѣмъ онъ собирается ѣхать на поиски славы и приключеній, чтобы заслужить ея руку. Рименгильда даетъ ему кольцо чудодѣйственной силы: взглянувъ на это кольцо и вспомнивъ при этомъ о ней, онъ выйдетъ невредимымъ изъ всякой опасности.

Тутъ королю доносятъ о любви молодыхъ людей, и Горнъ принужденъ оставить свою невѣсту. Прощаясь, онъ говоритъ ей, что пробудетъ въ отсутствіи семь лѣтъ и если не вернется по истеченіи этого срока и не дастъ о себѣ никакого извѣстія, то пусть она забудетъ его и выходитъ замужъ за другого. Онъ направляется въ Ирландію, служить тамъ у короля Сёрстона и совершаетъ рядъ рыцарскихъ подвиговъ. Король Сёрстонъ предлагаетъ ему въ жены свою дочь, но Горнъ отказывается. Такъ проходитъ семь лѣтъ, кончается срокъ, назначенный имъ Рименгильдѣ, а онъ не даетъ ей никакихъ вѣстей. Въ это время къ ней сватается могущественный король Модень, и уже назначенъ день свадьбы. Рименгильда посылаетъ гонцовъ во всѣ стороны разыскивать Горна. Случайно онъ встрѣчаетъ одного изъ нихъ и посылаетъ его обратно сообщить Рименгильдѣ, что онъ во время явится къ ней; но гонецъ утонулъ и дѣвушка видитъ лишь его трупъ, битый волнами къ берегу. Между тѣмъ Горнъ спѣшитъ къ

невѣстѣ въ сопровожденіи ирландскихъ рыцарей. Сойдя на берегъ, онъ одинъ идетъ къ замку, по пути встрѣчаетъ пилигрима, возвращающагося со свадебнаго угощенія, и узнаетъ отъ него, что невѣста его выходитъ замужъ, хотя и горько плачетъ объ этомъ, такъ какъ у нея есть другой женихъ, но онъ не возвращается. Горнъ переоодѣвается въ платье пилигрима и спѣшитъ къ королевскому замку; онъ силой врывается въ залъ и садится въ ряды нищихъ. Во время пира, слѣдующаго обычаю, Рименгильда обноситъ роговымъ кубкомъ всѣхъ рыцарей и дворянъ. Горнъ проситъ у нея пить, ему она подаетъ вино въ простомъ сосудѣ, но онъ отказывается пить изъ него, говоря, что онъ не нищій, а рыбакъ, и пришелъ посмотреть, есть ли рыба въ сѣтяхъ, закинутыхъ имъ семь лѣтъ тому назадъ:

„J am come to fish;
Drink to me from thy dish
Drink to Horn from horn“.

Услышавъ имя Горна, Рименгильда пристально всматривается въ мнимаго нищаго, но не узнаетъ Горна; затѣмъ она пьетъ сама изъ кубка и подаетъ его Горну, а тотъ опускаетъ на дно кубка перстень. Найдя кольцо въ кубкѣ, она спрашиваетъ странника, не знаетъ ли онъ чего либо про Горна. Тотъ говоритъ, что Горнъ, умирая, просилъ его передать ей это кольцо. Рименгильда схватываетъ ножъ и хочетъ убить себя, но Горнъ поспѣшно сбрасываетъ свое нищенское одѣяніе и открывается ей. Онъ зоветъ своихъ рыцарей и избиваетъ всѣхъ бывшихъ въ замкѣ, пощадивъ лишь короля и своихъ товарищей, въ томъ числѣ и Фикенгильда. Свадьба его теперь однако не устраивается, онъ идетъ на свою родину бороться съ сарадинами. Этимъ временемъ пользуется вѣроломный Фикенгильдъ, переманиваетъ всѣхъ на свою сторону и женится на Рименгильдѣ. Свадебный пиръ устраиваетъ онъ въ своемъ неприступномъ замкѣ. Горнъ видитъ вѣщій сонъ и спѣшитъ обратно. На берегу встрѣчаетъ его племянникъ друга его, Атульфа, и сообщаетъ ему, что какъ

разъ въ это время измѣнникъ Фикельгильдъ справляетъ брачный пиръ. Теперь надо дѣйствовать хитростью, а потому Горнъ вмѣстѣ съ нѣсколькими рыцарями переодѣвается музыкантомъ и проникаетъ въ замокъ. Тамъ онъ поетъ, отъ его пѣнія Рименгильда нападетъ безъ чувствъ. Тутъ завязывается битва, и Горнъ, глядя на кольцо, данное ему когда-то Рименгильдой, одолеваетъ Фикенгильда, женится потомъ на своей возлюбленной, награждаетъ своихъ друзей, и самого вѣрнаго изъ нихъ, Атульфа, женить на дочери короля Сѣрстона“.

Изъ содержанія англійской поэмы легко замѣтить, что она, какъ это довольно часто наблюдается въ средневѣковой поэзіи, повторяетъ дважды одинъ и тотъ же основной мотивъ, лишь слегка измѣняя его. Такой пріемъ, не свидѣтельствуя, конечно, объ изобрѣтательности автора, понадобился ему для накопленія все новыхъ и новыхъ приключеній, связанныхъ съ именемъ любимаго героя, успокаивающагося лишь въ счастливомъ бракѣ, который такимъ образомъ желательно было отсрочить. Основной мотивъ англійской поэмы, какъ видимъ, намъ извѣстенъ изъ разобранныхъ выше произведеній; здѣсь онъ цѣликомъ повторяется съ сохраненіемъ такихъ подробностей, какъ обѣщаніе героя вернуться черезъ семь лѣтъ, какъ обязательство невѣсты не выходить замужъ раньше положеннаго срока, и то лишь въ томъ случаѣ, если отъ героя не будетъ извѣстій, какъ посылка гонцовъ, которые однако не возвращаются, какъ переодѣваніе героя въ видѣ паломника или музыканта, какъ его насильственное проникновеніе въ залъ, гдѣ невѣста сидитъ за свадебнымъ столомъ, какъ поочередное питье изъ кубка и невѣстой, и переодѣтымъ женихомъ, какъ, наконецъ, признаніе жениха невѣстой при посредствѣ кольца, ошущеннаго въ кубокъ и избіеніе противниковъ, которымъ въ лицѣ Фикенгильда сперва оказана была милость. Всѣ эти черты въ такомъ же самомъ сочетаніи мы видѣли уже на континентѣ въ разныхъ произведеніяхъ, какъ хроника Эненселя, какъ разсказъ Цезарія Гайстербахскаго, какъ поэма „Spragna“ и какъ разсказъ въ нормандской хроникѣ Wace'a, составленный задолго до появленія англійской поэмы „King. Horn“.

2. *Французскій романъ „Horn et Rimenhild“.*

„Сарацинскій король Родмундъ, убивъ короля Аалюфа, и овладѣвъ его царствомъ Суддене, приказываетъ посадить въ старую лодку Горна, младшаго сына Аалюфа, и пятнадцать его товарищей и пустить ее въ море. Вътеръ прибываетъ лодку къ берегамъ Бретани. Здѣсь царствуетъ король Гунлафъ; онъ принимаетъ мальчиковъ и отдаетъ ихъ на воспитаніе своимъ баронамъ. Достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста, они появляются при дворѣ короля, и Горнъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе своей красотой. Дочь короля Гунлафа, Рименгильда или Римель, влюбляется въ него, приглашаетъ его къ себѣ, предлагаетъ ему свою любовь и кольцо, но Горнъ отклоняетъ то и другое; пока онъ не рыцарь, онъ считаетъ себя недостойнымъ ея любви. Въ скоромъ времени ему представился случай отличиться: два африканскихъ короля, братья Родмунда, убившаго отца Горна, Аалюфа, нападаютъ на страну Гунлафа. Горнъ и его товарищи получаютъ посвященіе въ рыцари и готовятся къ битвѣ. Горнъ получаетъ отъ Римель „un repun de cendal de Russie“; съ этимъ шарфомъ онъ идетъ въ бой и прогоняетъ враговъ. Римель вторично предлагаетъ Горну свою любовь, и тотъ не отвергаетъ ее теперь. Но одинъ изъ товарищей Горна, Вивель, изъ зависти доносить королю, будто Горнъ соблазнилъ Римель, не имѣя въ виду жениться на ней. Король предлагаетъ Горну оправдаться клятвой, но онъ находитъ это недостойнымъ рыцари и настаиваетъ на поединкѣ съ клеветникомъ. Не получивъ такого удовлетворенія, онъ собираетъ свое вооруженіе и товарищей и прощается съ королемъ. Когда онъ подходитъ къ прекрасной Римель, та блѣднѣетъ, обѣщаетъ затѣмъ ждать его возвращенія въ теченіе семи лѣтъ и даетъ ему при этомъ кольцо, которое спасетъ его и въ водѣ и въ огнѣ и сдѣлаетъ невредимымъ въ битвѣ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ его цѣнить. Горнъ обѣщаетъ вернуться къ назначенному времени, а пока будетъ искать счастья на службѣ у какого либо ино-

земнаго короля. Онъ направляется въ Вестиръ, въ Ирландію; чтобы не быть узаннымъ, онъ принимаетъ имя Гудмонда и поступаетъ на службу къ сыну короля этой страны. При дворѣ въ Вестирѣ повторяется таже исторія, что и въ Бретани; дочь короля, Лембуркъ, влюбляется въ него, предлагаетъ свою любовь и подарки, но онъ отказывается, говоря, что не достоинъ того. Такъ проходитъ пять лѣтъ. Снова два африканскихъ короля по имени Hydebrant и Herebrant, братья того же Родмунда, появляются на сцену. Горнъ прогоняетъ ихъ; тутъ самъ король предлагаетъ ему половину царства и руку прекрасной Лембуркъ. Помня о Римель, Горнъ опять отказывается. Какъ разъ въ этотъ моментъ при дворѣ появляется какой-то „*paumer pelerin*“, называетъ Горна его настоящимъ именемъ и сообщаетъ ему, что Римель собирается выйти замужъ за Модина, короля „*de Fenoie*“. Въ сопровожденіи большого числа рыцарей изъ Вестира Горнъ направляется въ Бретань, куда прибываетъ черезъ три дня. Оставивъ на берегу своихъ спутниковъ, онъ идетъ одинъ ко двору; на пути встрѣчаетъ нищаго, мѣняется съ нимъ платьемъ и ждетъ у дворца свадебнаго поѣзда. Онъ видитъ, какъ Вивель ѣдетъ вмѣстѣ съ женихомъ Рименгильды, и ругаетъ ихъ, затѣмъ послѣ схватки со стражей, стоявшей у воротъ, проникаетъ во дворецъ и смѣшивается съ толпой обѣдниковъ. Послѣ обѣдни гости сѣли за столъ: ни пѣсни, ни музыка не могутъ развеселить Рименгильду. Когда кончили ѣсть, Рименгильда, какъ это было въ обычаѣ въ той странѣ, должна была сама угощать присутствующихъ виномъ. Она ушла въ свои комнаты, нарядилась и вернулась въ сопровожденіи тридцати дѣвицъ. Взявъ рогъ, она наполнила его виномъ и поднесла своему жениху, потомъ начала обносить имъ гостей; другія дѣвицы дѣлали тоже. Уже четыре раза она сдѣлала кругъ, за пятымъ разомъ Горнъ схватилъ ее за рукавъ. Онъ упрекаетъ ее, что она угощаетъ лишь богатыхъ, между тѣмъ слава ея возрастаетъ, если она услужитъ ему, какъ и прочимъ нищимъ. Она беретъ прекрасный кубокъ и подноситъ его Горну; но онъ не пьетъ изъ него, говоря, что привыкъ къ болѣе цѣннымъ

сосудамъ и просить, чтобы она ради Горна подала ему тотъ рогъ, изъ котораго угощала своего жениха. Она поднесла ему рогъ, полный вина; онъ опустилъ туда свое кольцо, отпилъ половину и предложилъ Рименгильдѣ выпить остальное. Она начала пить, подняла кубокъ и кольцо вмѣстѣ съ виномъ попало ей въ ротъ. Взглянувъ на кольцо, она тотчасъ узнала его, послѣ долгаго разговора узнаетъ и Горна. Но онъ, желая испытать ее, говоритъ, что онъ бѣденъ, что онъ ничего не приобрѣлъ на чужбинѣ и что она не можетъ теперь интересоваться имъ, выходя замужъ за короля. Рименгильда все таки остается ему вѣрной. Тогда Горнъ возвращается къ своимъ товарищамъ, на турнирѣ побѣждаетъ своего соперника, Модина, справляетъ свою свадьбу съ Рименгильдой и прощаетъ измѣнника Викеля.

Послѣ этого Горнъ отправляется въ Суддене, на свою родину, все еще находившуюся во власти сарадинскаго короля Родмунда. Здѣсь онъ находитъ друга по имени Гардре, при его помощи одолеваетъ Родмунда, восстанавливаетъ свою власть въ Судденѣ. Разъ около полуночи онъ видитъ сонъ, будто Рименгильда, оставленная въ Бретани, тонетъ, а Викель отталкиваетъ ее отъ берега. Предчувствуя недоброе, онъ спѣшитъ къ женѣ и находитъ, что Викель захватилъ власть въ свои руки и готовится праздновать свою свадьбу съ Рименгильдой. Горнъ убиваетъ измѣнника, ѣдетъ вмѣстѣ съ королемъ Модиномъ, превратившимся въ его друга и родственника, въ Вестиръ, гдѣ устраиваетъ его свадьбу съ Лембуркъ, а затѣмъ возвращается къ себѣ на родину въ Суддене“.

3. Англійская поэма „Horn Child and maiden Rimnild“.

„Швеецъ хочетъ рассказать о Гальпеофѣ, королѣ Англіи. Онъ царствуетъ къ сѣверу отъ Гумбера. У него былъ сынъ Горнъ, въ товарищи ему отецъ даетъ восемь юношей. Воспитаніе какъ Горна, такъ и его товарищей онъ поручаетъ Арлаунду, знавшему всѣ рыцарскія правила. Вскорѣ вторгаются въ страну датчане, но ихъ прогоняютъ; имъ на смѣну появляются

ся три ирландскихъ короля: они убиваютъ короля Гальцеофа, забираютъ его владѣнія, а Горнъ съ товарищами и воспитателемъ находятъ пріютъ на югѣ Англіи у короля Гоулака. Между сверстниками Горнъ выдѣлялся своимъ умомъ и ловкостью, своимъ ростомъ и статностью. Дочь короля Римнильда влюбилась въ него, она проситъ Арлаунда привести къ ней Горна, но тотъ приводитъ къ ней сперва другого юношу (какъ во франц. романѣ) и лишь потомъ приходитъ къ ней Горнъ. Она даетъ ему коня, а также мечъ работы Миминга и Веланда. Вскорѣ Горнъ и нѣкоторые изъ его товарищей, достигшіе теперь пятнадцатилѣтняго возраста, посвящаются въ рыцари. Одинъ изъ товарищей Горна, Викель, клеветаетъ на него предъ королемъ. Король избиваетъ Римнильду до крови, а Горна прогоняетъ. Римнильда говоритъ своему возлюбленному, что она будетъ ожидать его возвращенія семь зимъ, если бы даже за нее посватался императоръ, или король, или королевичъ. На прощаніе она даетъ ему чудесное кольцо съ драгоценнымъ камнемъ, который потускнѣетъ въ томъ случаѣ, если она по своей волѣ или по принужденію рѣшится выйти замужъ за другого. Тутъ Горнъ мѣняетъ свое имя, выдавая себя за Годабунда.

Въ Ирландіи онъ поступаетъ на службу къ сыну короля Финлафа. Проходитъ семь лѣтъ; королевская дочь Атула влюбляется въ Горна и открывается ему; но онъ говоритъ, что любитъ другую и тутъ замѣчаетъ, что камень на кольцѣ перемѣнилъ свой цвѣтъ. Собравъ сто рыцарей, онъ спѣшитъ въ Англію. Прибывъ туда, онъ оставляетъ свою дружину въ лѣсу, идетъ одинъ и встрѣчаетъ нищаго. Нищій рассказываетъ, что онъ отыскиваетъ Горна и что сегодня королевская дочь Римнильда выходитъ замужъ за короля Могинга. Въ видѣ нищаго оказался товарищъ его дѣтства Вигардъ, давно уже разыскивавшій Горна. Онъ мѣняется платьемъ съ Вигардомъ и въ рубищѣ идетъ ко двору. По дорогѣ встрѣчаетъ жениха, короля Могинга, съ братомъ измѣнника Викеля, тѣ принимаютъ его за дурака и вмѣстѣ направляются къ замку. При входѣ происходитъ драка, Горнъ бьетъ сторожей и проника-

еть въ залѣ. По тогдашнему обычаю въ день свадьбы молодая должна была сама угощать гостей за столомъ. Это дѣлаетъ и Римнильда. Горнъ замѣчаетъ ей, что она должна подумать и о бѣдныхъ людяхъ. Она подаетъ ему кубокъ. Именемъ Горна онъ проситъ ея обождать, пока онъ будетъ пить. Она ждетъ, а онъ опускаетъ кольцо въ кубокъ. Она узнаетъ Горна и падаетъ безъ чувствъ. Устраивается турниръ, Горнъ появляется со своими рыцарями, побѣждаетъ своего соперника, но падаетъ его, а убиваетъ измѣнника Вивеля и его брата⁴.

4. *Баллады о Гиндѣ Горнѣ.*

Кромѣ французскаго романа и двухъ англійскихъ поэмъ есть еще баллады, передающія сказанія о Горнѣ. Такихъ балладъ Чайльд¹⁾ сообщаетъ восемь. Онѣ передаютъ въ сущности всѣ черты основной фабулы о Горнѣ, съ какими мы познакомились изъ романа и поэмы, не упоминая, конечно, о многочисленныхъ похожденияхъ героя, приписанныхъ ему какъ романистомъ, такъ и авторами обѣихъ поэмъ. Это обстоятельство убѣждаетъ насъ въ томъ, что первоначальными, такъ сказать, основными чертами всѣхъ сказаній о Горнѣ надо считать тѣ изъ нихъ, которые сохранились не только въ романѣ и поэмахъ, но также и въ балладахъ. По балладамъ, съ незначительными отступленіями въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, рассказъ передается въ слѣдующемъ видѣ:

„Въ теченіе семи лѣтъ Горнъ служитъ королю и влюбляется въ его дочь. Та даетъ ему кольцо съ драгоценнымъ камнемъ: онъ можетъ быть увѣренъ въ ея любви, пока камень не измѣнитъ своего цвѣта. Король гнѣвается на Горна, и тотъ принужденъ отплыть на корабль. Онъ отсутствуетъ семь лѣтъ, и вотъ видитъ однажды, что камень въ его кольцо потускнѣлъ. Онъ тотчасъ же возвращается назадъ, высаживается на берегъ, встрѣчаетъ нищаго и спрашиваетъ, что слышно новаго.

¹⁾ Child, The english and scottish popular Ballads 1882, I, 201.

„Ничего особеннаго, отвѣчаетъ тотъ, только король выдаетъ замужъ свою дочь; уже девять дней (иной разъ сорокъ дней) идетъ пиръ, но молодая не хочетъ идти на брачное ложе, пока не получитъ вѣсти о Горнѣ. Тогда этотъ послѣдній явняется платьемъ съ нищимъ, приходитъ къ королевскому дворцу и проситъ стаканъ вина во имя Горна. Когда ему подаютъ вино, онъ отказывается принять его, желая чтобы королевна сама вынесла ему вино. Королевская дочь сама подноситъ ему вина, и онъ, напившись, опускаетъ въ кубокъ кольцо. Та спрашиваетъ, отъ кого получилъ онъ это кольцо, и услышавъ отвѣтъ, что онъ получилъ его изъ ея рукъ, она признаетъ Горна, сбрасываетъ свои дорогіе наряды и высказываетъ готовность слѣдовать за нимъ, если бы въ самомъ дѣлѣ онъ былъ нищимъ. Тогда Горнъ снимаетъ свое нищенское одѣяніе и является во всемъ своемъ блескѣ“.

Относительно балладъ Виссманъ держится того мнѣнія, что онѣ произошли отъ позднѣйшей англійской поэмы „Horn Child and maiden Rimnild“ въ виду того, что съ этой поэмой у нихъ нѣсколько больше сходства, чѣмъ съ романомъ и поэмой „King Horn“. Мнѣніе это представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе Штимминга, по которому баллады восходятъ къ тѣмъ старымъ пѣснямъ, слѣды которыхъ въ видѣ аллитераціи отмѣчены Виссманомъ въ старшей англійской поэмѣ „King Horn“ и существованіе которыхъ, по мнѣнію Штимминга, подтверждается еще тѣмъ мѣстомъ французскаго романа о Горнѣ (2783-го стихъ), гдѣ королевская дочь Лембуркъ проситъ своего брата пропѣть ей пѣсню „lai“, въ которой разсказывается про любовь между Горномъ и Рименгильдой.

Однако, если такія пѣсни издавна существовали, то въ какой формѣ и въ какой средѣ вращались онѣ, начиная съ XII-го или XIII-го ст., времени появленія романа и поэмы, до тѣхъ поръ, когда онѣ подверглись переработкѣ въ формѣ балладъ? Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется зависимость ихъ отъ позднѣйшей поэмы, какъ думаетъ Виссманъ, или отъ какаго-либо книжнаго сказанія на подобіе разсказа о Геревардѣ Сак-

сонскомъ, сохранившагося въ нѣкоторыхъ хроникахъ, извѣстныхъ въ Англіи съ XII-го вѣка.

5. „*De gestis Herewardi Saxonis*“.

Неизвѣстный авторъ французскаго романа о Горнѣ въ началѣ своего произведенія упоминаетъ о какомъ то романѣ объ Aaluf'ѣ; романъ этотъ не сохранился и неизвѣстно, что это за Aaluf? Быть можетъ, имя это имѣетъ связь съ именемъ короля Корнубіи Aloh или Alef, упоминаемымъ въ рассказѣ о жизни и приключеніяхъ Гереварда Саксонскаго, представляющемъ нѣкоторое сходство съ приключеніями Горна. Кромѣ прозаической англо-нормандской хроники изъ XII-го столѣтія о Геревардѣ рассказываетъ еще историкъ Петербургскій Ингульфъ; также аббатъ той же мѣстности, Іоаннъ, въ своей хроникѣ; нѣчто въ родѣ его біографіи сохранилось отъ XV ст. въ генеалогіи владѣльцевъ Брунна и Деппинга, принадлежавшихъ роду Геревардовъ; наконецъ, о немъ же упоминается въ англійскомъ рассказѣ отъ XVI-го ст. о взятіи острова Эли.

Рассказъ сохранившійся въ прозаической англо-нормандской хроникѣ изъ XII ст., какъ опредѣляетъ Т. Wright, передаетъ намъ о похожденияхъ Гереварда, являющагося подобно Горну служилымъ человѣкомъ, изгнаннымъ изъ своей родной страны, какъ объ этомъ передается въ другихъ указанныхъ источникахъ о Геревардѣ. Своей внѣшностью, по описанію въ хроникѣ, и своими приключеніями онъ близко напоминаетъ Горна. Подобно Горну и Геревардъ мѣняетъ свое имя, принимая имя Haraldus (Chr. 23), подобно Горну онъ добываетъ невѣсту, правда, не для себя, но для своего господина; во всякомъ случаѣ онъ оказывается дѣйствующимъ лицомъ въ рассказѣ, близкомъ къ основной темѣ сказаній о Горнѣ. Вотъ этотъ рассказъ (Chr. 15—22 ¹⁾).

---

¹⁾ Fr. Michel, Chroniques Anglo-Normandes. Rouen, 1836, II.

„Сынъ короля Гиберніи былъ помолвленъ съ дочерью короля корнубійскаго. Вдругъ онъ получаетъ отъ нея извѣстіе, что ее собираются выдать за другого. Королевичъ посылаетъ въ корнубійскому двору пословъ, а также бывшаго у него на службѣ Гереварда, посѣщавшаго и раньше Корнубію. Отправляясь въ путь, Геревардъ переодѣвается нищимъ и измѣняетъ свою внѣшность—*per unguenta se ipso transfigurato mutataque flavente caesarie in nigredinem et barba juventutis in rubedinem*. Онъ приходитъ въ Корнубію въ день свадьбы королевны. Послы его повелителя заключены въ тюрьму, а его допускаютъ на пиръ, и онъ занимаетъ мѣсто въ самомъ концѣ зала. Королевская дочь узнаетъ Гереварда по взгляду и посылаетъ свою кормилицу разспросить его, *quae instanter viso illo ipsum esse, mutata per colorem caesarie, affirmabat, scilicet tamen melius probare interim admonuit*. *Sponsa namque post prandium regalibus ornata indumentis, sicut mos provinciae est, cum puellis potum convivis et conservis paternis et maternis in extrema die a paterna domo discedens ministratura processit, quodam praecedente cum cithara et unicuique citharizante, cum poculo, quoniam praecipuus illis in locis jocus erat et novus*. Онъ отказывается принять кубокъ, говоря, что онъ и королевичъ гибернійскій покліялись ничего не принимать изъ женскихъ рукъ, прежде чѣмъ они не получаютъ отъ королевской дочери чего-то давно желаннаго. Всѣ надъ нимъ смѣются, но королевская дочь подаетъ ему кубокъ и узнаетъ его по блеску его глазъ. Ему удается затѣмъ увести невѣсту и доставить ее своему господину“.

Этотъ разсказъ о Геревардѣ Саксонскомъ по хроникѣ изъ XII-го ст. лишенъ еще, какъ видимъ, тѣхъ романтическихъ подробностей, которыми наполнены произведенія, рассказывающія о похожденияхъ Горна, но тѣмъ не менѣе въ немъ есть нѣкоторыя изъ тѣхъ особенностей, съ которыми встрѣчаемся какъ въ романѣ, такъ и въ поэмахъ и балладахъ о Горнѣ. Такъ королю Корнубіи Aloh или Alef, какъ онъ названъ въ хроникѣ, повидимому, соотвѣтствуетъ Aaluf французскаго романа; какъ въ хроникѣ Геревардъ, такъ въ

романъ и поэмахъ Горнъ, переходя въ чужую страну, мѣняетъ имя; какъ здѣсь, такъ и тамъ добываніе невесты происходитъ аналогичнымъ образомъ, такъ что, группируя всѣ эти особенности, можно предположить, что внесенное въ англонормандскую хронику повѣствованіе о Геревардѣ опредѣлило своимъ складомъ возникновеніе сказаній о Горнѣ, въ обработку которыхъ были внесены затѣмъ и нѣкоторыя черты изъ распространеннаго уже въ то время сказанія о внезапно возвращающемся мужѣ, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ рассказъ, принятый въ хронику Wace'а.

Если это такъ, то въ основѣ сказаній о Горнѣ лежитъ повѣствованіе англонормандской хроники о Геревардѣ, осложненное тѣми романтическими подробностями, которыя были заимствованы изъ французскихъ обработокъ нашего сюжета, такъ что самыя сказанія о Горнѣ являются частичнымъ отраженіемъ одной изъ тѣхъ переработокъ мотива о возвращеніи мужа, съ которыми мы познакомились въ поэзіи французской, нѣмецкой и итальянской.

6. Скандинавскія баллады.

Существуютъ двѣ скандинавскія баллады, сложившіяся, повидимому, подъ вліяніемъ англійскихъ обработокъ сказаній о Горнѣ. Грундтвигъ ¹⁾ сообщаетъ балладу, — „*Unge Herr Tor og Iomfru Tore*“, которая извѣстна въ двухъ версіяхъ: одна изъ нихъ восходитъ къ XVI-му ст., другая къ XVII-му. По своему содержанію онѣ сходны между собою.

„Торъ спрашиваетъ молодую Сольфюерморгъ, сколько времени согласна она ждать его возвращенія. Та отвѣчаетъ, что будетъ ждать его 9 лѣтъ, если не разсердятся ея друзья. Съ него довольно и восьми лѣтъ терпѣнія. Проходитъ восемь лѣтъ, родныя дѣвушки рѣшаютъ выдать ее за богатаго графа,

¹⁾ Grundtvig, Danemarks gamle volkeviser. Kjöbenhavn, 1853, II, 263, № 72; Child, op. cit. I, стр. 193.

не ожидая больше молодого Тора. Не медля, начинают справлять свадьбу. Молодая выходит на балконъ, смотреть на море, потомъ посылаетъ своего брата на берегъ поджидать ея милаго. Вскорѣ высаживается на берегъ Торъ и спрашиваетъ всадника, какъ поживаетъ дѣвушка на островѣ. Тотъ отвѣчаетъ, что невѣста ждала его восемь лѣтъ, а въ настоящую минуту въ слезахъ сидитъ за брачнымъ пиромъ. Торъ беретъ свою арфу и шахматы, идетъ въ дому, гдѣ шелъ брачный пиръ, и играетъ подъ окнами до тѣхъ поръ, пока невѣста его догадывается, что это онъ. Затѣмъ онъ входитъ въ домъ и спрашиваетъ, кто можетъ сыграть съ нимъ въ шахматы. Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: никто кромѣ Сольфюермордъ; но она, какъ новобрачная, не можетъ встать изъ-за стола. Мать замѣчаетъ на это, что лѣтній день долготъ и дочь успеетъ немного поиграть съ незнакомцемъ. Первую игру выигралъ Торъ, и загадкой — какъ и въ англійскихъ поэмахъ и во французскомъ романѣ о Горнѣ—даетъ понять своей милой, кто онъ такой. Вторую партію выигрываетъ она и отвѣчаетъ ему также загадкой. Тутъ они бѣгутъ на корабль Тора и отплываютъ. Родители ея гнѣваются; мать ея, колдунья, вызываетъ на морѣ страшную бурю, но дѣвушка сама искусно правитъ кораблемъ, они благополучно пристають къ берегамъ Норвегіи, гдѣ вторично справляется свадьба“.

Если только что приведенная скандинавская баллада въ слабой степени напоминаетъ англійскіе источники, то баллада „*Herr Lovmand og Herr Thor*“¹⁾, весьма популярная въ Швеціи, прозрачнѣе выдаетъ свое родство съ англійскими балладами о Горнѣ. Содержаніе второй этой скандинавской баллады таково:

„Ловмандъ высваталъ себѣ Инжелиль и спрашиваетъ, сколько лѣтъ будетъ она его невѣстой. Восемь лѣтъ, если мнѣ удастся, отвѣчаетъ та. Срокъ проходитъ, братья выдаютъ ее за богатаго Тора. Девять дней длится свадьба, а мо-

¹⁾ Child, The english and scottish popular ballads, I, 193—4.

лодая все не согласна идти спать. Наконецъ, на девятый день ее принуждаютъ къ этому, но она желаетъ прежде пойти на верхъ и посмотрѣть въ даль. Отсюда она видитъ много кораблей и между ними узнаетъ парусъ, сработанный ею для своего милаго. Какъ и въ предыдущей балладѣ, молодая посылаетъ своего брата встрѣтить ея жениха. Оказывается, что Ловмандъ семь лѣтъ былъ боленъ. Онъ беретъ у юноши коня, быстрѣе птицы несется къ дому своей милой и поспѣваетъ еще во время. Торъ благоразумно уступаетъ молодую своему сопернику, а самъ женится на его сестрѣ“.

Такимъ образомъ, какъ въ англійскихъ сказаніяхъ о Горнѣ, такъ и въ только что приведенныхъ скандинавскихъ балладахъ, мы имѣемъ отраженіе того поэтического античнаго сюжета, который уже въ XI ст. получилъ извѣстную обработку въ провансальскомъ романѣ о Раймундѣ du Bousquet и который въ послѣдовавшихъ затѣмъ французскихъ передѣлкахъ въ родѣ разсказа Васе'а изъ XII ст. выработался въ типичную средневѣковую эпическую схему. Изъ Франціи сюжетъ этотъ, какъ мы видѣли, съ сохраненіемъ характерныхъ чертъ переданъ былъ въ Германію, Италію и Англію и былъ усвоенъ цѣлымъ рядомъ поэтическихъ произведеній, въ рядъ которыхъ входятъ и англійскія сказанія о Горнѣ съ ихъ отраженіемъ въ скандинавскихъ балладахъ.

Однако вышеуказанными памятниками не исчерпывается усвоеніе нашего сюжета: подъ влияніемъ оживленія, наблюдаемаго въ литературной дѣятельности средневѣковой Европы, вызваннаго періодомъ крестовыхъ походовъ, поэтический мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа пріобрѣтаетъ особую популярность и дѣлается предметомъ разработки во множествѣ новыхъ поэтическихъ произведеній, къ изученію которыхъ мы теперь и обращаемся.

11.

Вліяніє крестовихъ походо́въ на распро́страненіє изучаемаго сюжета въ европейской поэзіи.

Паломничество западныхъ христіанъ въ св. землю начинается довольно рано. Случаи такихъ путешествій на востокъ отмѣчаются, хотя не въ значительномъ количествѣ, уже съ VIII вѣка, но постепенно увеличиваются въ числѣ съ каждымъ столѣтіемъ, а затѣмъ принимаютъ характеръ массоваго движенія съ началомъ крестовыхъ походо́въ. Руководимые высокой идеей христіанской церкви въ борьбѣ съ невѣрными, французскіе рыцари въ числѣ первыхъ подають примѣръ доблести и самоотверженія въ дѣлѣ защиты св. гроба. Въ скоромъ времени этотъ порывъ охватываетъ всѣ европейскія страны, приводитъ въ движеніе и соприкосновеніе всѣ лучшія международныя силы, выдвигаетъ на видное мѣсто дѣли политическія, а также и корыстныя и даетъ богатый и разнообразный матеріалъ для творческой фантазіи. Въ этомъ международномъ движеніи царить Франція ¹⁾ со своимъ рыцарствомъ, съ его вкусами и обычаями, съ его поэзіей и языкомъ. Французскій языкъ въ XII и XIII столѣтіяхъ получаетъ права гражданства на огромномъ пространствѣ европейскихъ земель: на немъ пишутъ и читаютъ не только во Франціи, но въ Англіи и въ Италіи, въ Сициліи и въ Моревѣ. На ряду съ языкомъ французскія литературныя произведенія распространяются далеко за предѣлами Франціи, проникаютъ какъ въ страны романскія, такъ и въ германскія, находятъ отзвукъ и въ дѣломъ рядѣ памятниковъ греческихъ, которые перерабатываются теперь въ духѣ рыцарской поэзіи. Крестonosцы, занявшіе въ самомъ началѣ XIII вѣка Восточную Имперію, переносятъ туда весь строй своей западно европей-

---

¹⁾ H. Schindler, Die Kreuzzüge in der altprovenzalischen u. mittelhochdeutschen Lyrik. 1887; Trebe, Les trouvères et leurs exhortations aux croisades. 1886.

своей жизни, свои моды и литературный вкусъ, свой феодальный строй¹⁾. Бароны, прелаты, рыцари и дворяне возводятъ на своихъ земляхъ въ предѣлахъ Византійской имперіи укрѣпленные замки и дворцы, развлекаются охотами, балами, турнирами, устраиваютъ празднества съ участіемъ труверовъ и мепестрелей, послѣдовавшихъ сюда за владѣтельными особами и передававшихъ побѣжденнымъ грекамъ свои литературные сюжеты. Въ этотъ періодъ литературный греческій языкъ падаетъ; онъ уступаетъ мѣсто новому языку, близкому къ живому народному говору²⁾; подъ вліяніемъ итальянцевъ и французовъ въ этотъ новый литературный языкъ вторгается рядъ иностранныхъ словъ, какъ напр. *καβαλλάριοι*—chevaliers, *τόρνεμεν*—tournois, *ἀβόκατος* *φορπαρλιέρης*—avocat avant-parlier, *πελερίνος*—pélerin, *βελούδα*—velours, *τζαμηλότια*—camelot, *γορζέριον*—gorgerette, *τζάμπρα*—chambre, *τζαμπρελιανός*—chambrelan, *κοβερτούρι*—couverture, *τραϊτούρι*—traitre, *γόνελλα*—gonella (итал.) и т. д.

Но не только отдѣльные слова съ запада переходятъ на востокъ во время крестовыхъ походовъ и особенно со времени завоеванія Восточной имперіи крестоносцами въ 1204 году; вмѣстѣ съ ними передаются туда новыя идеи, новыя литературныя образцы. Такъ изъ Франціи черезъ Италію и Грецію, или чрезъ Испанію при посредствѣ сарациновъ, заносится на востокъ преданіе о Роландѣ. О существованіи его въ Малой Азіи рассказываетъ французскій путешественникъ изъ XVI ст. *Pierre Belon* въ книгѣ „*Observations de plusieurs singularités et choses mémorables trouvées en Grèce et en Asie*“. По его словамъ въ городѣ Брюссѣ на воротахъ городского замка ви-

¹⁾ Gidel, *Etudes sur la littérature grecque moderne*. Paris, 1867, стр. 27 и сл.

²⁾ Jean Psichari, *Essai de grammaire historique néo-grecque*. Paris, 1866, т. I-й, стр. 163 и сл., т. II-й, 1889; G. Hatzidakis, *Zur Geschichte des mittel- und neugrichischen* въ Kuhn's *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1889, Heft I, стр. 124 и сл.

ситъ мечъ Роланда; турки сохраняютъ его какъ вещь священную и считаютъ Роланда туркомъ.

Помимо этого отдѣльнаго преданія можно указать слѣды несомнѣнно литературнаго вліянія запада на византійскую поэзію того времени. Такъ романъ о Вельтандрѣ и Хризанцѣ—*Διήγησις ἐξαιρέτος Βελθάνδρου τοῦ Ῥωμαίου καὶ Χρυσάντζας*—рисуетъ намъ пеструю картину смѣшенія французскихъ рыцарскихъ обычаевъ съ греко-восточными условіями жизни. Хотя въ самой техникѣ романа слышатся отголоски старыхъ греческихъ романистовъ, какъ Ахиллъ Тацій, Геліодоръ, Евстафій Макремволитъ, Никита Евгеніанъ, но воспоминанія эти скользятъ лишь поверху, тогда какъ самый замыселъ и характеръ романа заимствованы изъ иной среды: тутъ описываются нравы рыцарства, на каждомъ шагѣ сказывается вліяніе той культуры, которая перенесена была въ Византію крестоносцами, нѣкоторыя имена героев оказываются передачей западныхъ именъ, какъ *Belthandros*—Бертранъ, *Rodophilos*—Родольфъ.

Съ тѣмъ же смѣшаннымъ характеромъ появляется въ то же время романъ о приключеніяхъ Ливистра и Родамны — *Λοβίστρου τοῦ πολυπαθοῦς καὶ κόρης τῆς Ῥοδάμνης*. Герой романа Ливистръ представляется латинскимъ рыцаремъ, а его соперникъ, царь египетскій, носитъ имя *Βερδέριχος*, соответствующее западному Фридрихъ, Фредерикъ.

Если отрывокъ романа о Старомъ Рыцарѣ — *Ὁ πρέσβυς Ἰππότης* — вводитъ насъ въ область сказаній объ Артурѣ и о Кругломъ Столѣ — *τρογγύλη τράπεζα*, какъ и происхожденія французскаго героя *Lancelot du Lac*,—*Λανσελῶτος ἔκ Λίμνης*, имена которыхъ точно воспроизводятся въ греческихъ редакціяхъ, то романъ — *Ἱστορία τοῦ Ἡμετέρου θαυμαστοῦ υἱοῦ τῶν βασιλέων τῆς Προβέντζας*—самымъ своимъ наименованіемъ переноситъ насъ въ Провансъ, гдѣ уже въ XII ст. извѣстенъ былъ романъ „*Pierre de Provence et de la belle Maguelonne*“, обошедшій затѣмъ почти всю Европу и переведенный на греческій языкъ, повидимому, въ XV ст. Имя героини *Maguelonne* въ духѣ народной этимологіи передано здѣсь „*Μαργαρώνα*“. Точно также возникшій въ Провансѣ въ XII ст. романъ „*Flore et*

Blanchefleur“ нашелъ свое отраженіе въ византійской поэзіи въ видѣ повѣствованія „Διήγησις ἐξαίρετος, ἐρωτικὴ καὶ ξένος Φλωρίου τοῦ πανευτυχοῦς καὶ κόρης Πλατσιαφλώρης“. Источникомъ для византійскаго поэта послужила итальянская переработка французскаго текста „Cantare di Fiorio e Bianciflore“, которымъ воспользовался какъ Боккаччо для своего перваго романа „Filocolo“, такъ и какой-то испанскій поэтъ ¹⁾ для своего произведенія. Наконецъ, въ XVI стол. подъ непосредственнымъ вліяніемъ итальянской романтической поэзіи Винцентъ Корнаросъ пишетъ на греческомъ языкѣ свою обширную поэму „Ερωτόκριτος. Хотя множество именъ заимствовано имъ изъ классической древности, но все произведеніе написано въ духѣ средневѣковой рыцарской романтики. Интересно отмѣтить, что этотъ, хотя и запоздавшій отпрыскъ рыцарской поэзіи, пользовался такимъ успѣхомъ въ Греціи, что извѣстный Кораисъ называетъ Корнароса „Ὁμηρος τῆς χυδαῖκῆς φιλολογίας“, а простой народъ на островѣ Критѣ до сихъ поръ еще поетъ отдѣльные отрывки изъ его поэмы.

Вліяніе французской романтической поэзіи или непосредственно, или черезъ итальянскую среду не ограничивалось лишь византійской письменностью; отчасти оно захватывало и южно-славянскія народности, которыя, какъ хорваты, далматинцы подъ предводительствомъ венеціанскихъ дождей болѣе или менѣе приходили въ соприкосновеніе съ крестоносцами. Конечно, трудно сказать, проявилось-ли въ чемъ либо западное вліяніе на поэзію сербско-хорватскую и далматинскую именно въ этотъ періодъ, или оно сказалось здѣсь позднѣе, что вѣроятно, но во всякомъ случаѣ кое-какіе отголоски западной романтики проникли и сюда, вѣроятно же всего чрезъ посредство итальянской народности, весьма долгое время оказывавшей свое воздѣйствіе на сосѣднія славянскія страны.

Такое вліяніе рыцарской романтики сказывается въ слѣдѣ, стилѣ и содержаніи такихъ славянскихъ повѣстей, какъ

¹⁾ Crescini, Il Cantare di Fiorio e Bianciflore. Bologna 1889, I, 81—467.

сербскія Александрія и Троянскія Дѣянія, какъ сербскіе Тристанъ и Бова, проникшіе и на Русь въ бѣлорусскомъ пересказѣ. По мѣсту своего возникновенія на славянской почвѣ всѣ эти памятники принадлежатъ Босніи и сѣверной Далмаціи, куда легче всего могло проникнуть западное вліяніе, какъ общественное, такъ и литературное ¹⁾. Между прочимъ проф. А. Веселовскій указываетъ, что въ Дубровницкой итальянской хроникѣ изъ XV ст. подъ 783 годомъ встрѣчается рассказъ про Ролаида и Сарадина, и замѣчаетъ, что славянскіе пѣвцы могли встрѣчаться на западной окраинѣ славянскаго міра съ французскими жонглерами, часто посѣщавшими въ XIII и XIV ст. дворы сѣверно-итальянскихъ властителей и заносившими сюда рассказы про Карла и его паладиновъ, уже и раньше пользовавшиеся популярностью въ Италіи. Отразившись здѣсь въ формѣ повѣсти или пѣсни, западное произведеніе легко могло получить дальнѣйшее распространеніе на востокъ, какъ это и подтверждается наблюденіями надъ составомъ произведеній южно-славянскаго и русскаго народнаго творчества.

Въ тотъ же періодъ крестовыхъ походовъ вліяніе Франціи проявляется съ удивительной разносторонностью въ Германіи. Сюда оно проникаетъ по преимуществу чрезъ Лотарингію и Нидерланды, гдѣ двѣ народности, французская и нѣмецкая, приходили въ соприкосновеніе между собою. Хотя основы рыцарскаго строя своимъ началомъ восходятъ къ болѣе раннему періоду европейской жизни ²⁾, но теперь изъ Франціи заимствуется кодексъ рыцарства въ его разработанномъ видѣ, съ его правами и обычаями, съ его опредѣлившимися вкусами и идеальными стремленіями; также и другія стороны французской культуры находятъ теперь свое примѣненіе въ Германіи, какъ фран-

---

¹⁾ А. Веселовскій, Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ, стр. 2—3, СПб. 1888; Его же, Хорватскія пѣсни о Радославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о Гнѣвномъ Радо. Ж. М. Нр. П. ССІ (1879), январь, 89—111; Arch. Ягича V (1881), 468.

²⁾ Ср. Flach, Les origines de l'ancienne France, (1893) стр. 569, 573, 575.

цузскія матеріи, французскія моды, танцы, мелодіи¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣмецкимъ языкомъ усваивается цѣлый потокъ французскихъ словъ и образуется много новыхъ нѣмецкихъ словъ для выраженія новыхъ понятій. Въ 1130 году священникъ Конрадъ переводитъ на нѣмецкій языкъ національную французскую поэму „Chanson de Roland“; его переводъ имѣлъ огромный и продолжительный успѣхъ, обращаясь въ обществѣ около ста семидесяти лѣтъ, когда онъ, слившись съ другими сказаніями, далъ основу для новой поэмы о Карлѣ Великомъ, такъ наз. „Karlmeinet“. Какъ въ этомъ романѣ нашла свое выраженіе и оправданіе та кровавая борьба, какая велась теперь между міромъ христіанскимъ и мусульманскимъ, такъ въ другомъ произведеніи, переведенномъ также съ французскаго языка священникомъ Лампрехтомъ, проводилась идея гуманности и рыцарскаго великодушія къ своему врагу. Произведеніе это — знаменитый романъ объ Александрѣ, составленный въ первые года XII стол. Альберикомъ де-Безансонъ и подвергшійся въ самомъ непродолжительномъ времени многочисленнымъ переработкамъ.

Кромѣ названныхъ переводныхъ романовъ въ это время въ нѣмецкой литературѣ появляется не мало повѣствовательныхъ поэмъ или пѣсенъ, отражающихъ на себѣ вѣянія и идеалы крестовыхъ походовъ; это „König Rother“ (около 1134 г.), „Herzog Ernst“ (послѣ 1172 г.), „Orendel“ (послѣ 1187 г.), „Salomon und Morold“, и нѣкоторые другіи.

Въ построеніи всѣхъ этихъ новыхъ произведеній замѣчаются тѣ особенности, съ которыми мы встрѣчаемся въ романѣ объ Александрѣ, — это обширныя перспективы, открывающіяся въ разсказахъ, далекія странствованія героевъ, достигающихъ не только Константинополя, но проникающихъ и въ Іерусалимъ, Вавилонъ и даже въ Индію, накопленіе всевозможныхъ приключеній и введеніе разныхъ фантастическихъ описаній на общемъ фонѣ рыцарскихъ походовъ.

¹⁾ Prutz, Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Berlin, 1883, стр. 440 и слѣд.

Какъ романъ объ Александрѣ, такъ и пѣснь о Роландѣ, переведенные съ французскаго, являются какъ бы вѣхами по пути того вліянія, подъ которымъ развивалась средневѣковая нѣмецкая поэзія, заимствовавшая отъ своихъ западныхъ сосѣдей не только цѣлыя произведенія, но и много отдѣльных поэтическихъ мотивовъ. Благодаря тому обстоятельству, что какъ разъ теперь учащаются случаи паломничества для поклоненія гробу Господню, одно другимъ смѣняются многочисленные приключенія крестоносцевъ во время походовъ, часто повторяются случаи ихъ плѣна у сарацинъ и освобожденіе изъ плѣна,—въ памяти поэтовъ какъ бы оживаютъ прежнія, иной разъ давно уже сложившіяся по аналогичнымъ случаямъ формулы, которыя и прилагаются ими къ позднѣйшимъ историческимъ лицамъ, или же повторяются въ своемъ прежнемъ видѣ:

Изъ такихъ поэтическихъ мотивовъ, получившихъ особенную популярность во время крестовыхъ походовъ, отмѣтимъ слѣдующіе. Рыцарь попадаетъ въ плѣнъ къ султану, чаще всего Саладину, и получаетъ освобожденіе отъ него за то, что посвящаетъ его въ рыцари. Легенда эта связывается сперва съ именемъ Nonfroi du Torgon, коннетабля іерусалимскаго королевства, бывшаго въ свое время (1160 — 1172) однимъ изъ извѣстныхъ принцевъ, и затѣмъ приписывается другому видному дѣятелю того-же королевства, Hugues du Tabarie, который въ самомъ дѣлѣ былъ взятъ въ 1178 г. въ плѣнъ Саладиномъ, а позднѣе получилъ свободу. Затѣмъ эта легенда распространяется въ нѣкоторыхъ передѣлкахъ: 1) въ небольшой французской поэмѣ XIII ст.; 2) въ прозаическомъ ея пересказѣ; 3) въ поэмѣ Jean d'Avesnes; 4) въ итальянской редакціи, вошедшей въ составъ „Cento novelle antiche“; 5) въ одномъ голландскомъ разсказѣ; 6) въ романѣ „Avventuroso Ciciliano“ Бузоне да-Губбіо (XIV стол.), гдѣ исторія эта приписывается безыменному султану вавилонскому и рыцарю по имени *mes-ser Ulivo da Fontana* ¹⁾.

¹⁾ G. Paris, La légende de Saladin. Journal des savants. 1893, mai, p. 290.

Иной разъ рыцарь получаетъ свободу за то, что когда-то оказалъ услугу султану во время его анонимнаго путешествія по Европѣ. И съ такой мотивировкой рассказъ извѣстенъ во многихъ редакціяхъ итальянскихъ, испанскихъ и французскихъ и между прочимъ встрѣчается у Бузоне да-Губбю и у Боккаччо.

Бъ такого же рода произведеніямъ относятся сказанія о плѣненіи героя сарацинами, объ его страданіяхъ въ плѣну и освобожденіи при помощи дочери властелина, которая, полюбивъ героя, освобождаетъ его, иной разъ сама слѣдуетъ за нимъ, принимаетъ христіанство и становится его женой. Основой для такихъ повѣстей могли послужить, по мнѣнію Пруцда, дѣйствительные факты, какъ плѣненіе Боэмунда Антиохійскаго или плѣненіе короля Балдуина I.

Такой рассказъ въ первый разъ, насколько мнѣ извѣстно, приуроченъ къ имени Жильберта Беккета, отца архіепископа кентерберійскаго Томы Беккета (ум. 1170 г.)¹⁾, послуживъ, повидимому, основаніемъ для многочисленныхъ позднѣйшихъ произведеній, какъ увидимъ ниже.

Но однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ поэтическихъ мотивовъ времени крестовыхъ походовъ былъ рассказъ о внезапномъ возвращеніи мужа къ своей вѣрной женѣ, долго ждавшей его и въ силу той или другой необходимости рѣшившейся выйти замужъ за другого по истеченіи условленнаго срока. Конечно, широкой популярности даннаго рассказа способствовали условія времени, частая повторяемость аналогичныхъ случаевъ въ дѣйствительной жизни. Подобныя приключенія вызывали въ памяти поэта традиціонную эпическую формулу, которая дѣликомъ и переносилась на то или другое историческое лицо, становившееся героемъ нашего сказанія, иной разъ благодаря одному лишь своему участию въ крестовыхъ походахъ. Такіе походы, какъ извѣстно, сопряжены были съ нарушеніемъ семейныхъ и общественныхъ связей: они на дѣлше годы отрывали родителей отъ дѣтей, жениховъ отъ невѣстъ, мужей отъ

¹⁾ A. Thierry, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Paris, 1859, II. Pièces justificatives № 2—3, p. 438—440.

женъ, подвергавшихся всякимъ случайностямъ въ отсутствіе своихъ ближайшихъ защитниковъ, въ то время какъ и эти послѣдніе, ища привлеченій на востокъ, легко могли потерять тамъ жизнь или попасть въ неволю. Для второй половины среднихъ вѣковъ крестовые походы были тѣмъ же, какъ говорить Гастонъ Парисъ¹⁾, чѣмъ была для грековъ Троянская война,—періодомъ по преимуществу героическимъ; подобно возвращенію (υἱστου) на родину завоевателей Иліона возвращеніе съ востока многочисленныхъ крестоносцевъ подало поводъ для сложенія цѣлаго ряда сказаній и для распространенія ихъ во всѣхъ концахъ Европы. Описанія какъ самыхъ походовъ, такъ и возвращенія отдѣльныхъ ихъ участниковъ, смѣшанныя съ разказами о диковинкахъ дотолѣ мало извѣстныхъ восточныхъ странъ, долгое время служили содержаніемъ какъ для эпопей и пѣсни, такъ и для романа въ родѣ „*Baudouin de Sebours*“²⁾, произведенія изъ XIV ст., явившагося воспроизведеніемъ прежнихъ разказовъ о приключеніяхъ крестоносцевъ, соединеннымъ съ новыми прибавленіями и вымыслами.

Въ теченіе XII и XIII столѣтій приключенія крестоносцевъ рассказывались какъ самими участниками походовъ, такъ и многочисленными труверами, жонглерами, шпильманами, придворными и странствующими пѣвцами; отъ нихъ по преемству всѣ такіе разказы, облеченные въ ту или иную поэтическую форму, передавались позднѣйшимъ поколѣніямъ поэтовъ.

Въ XIV стол. во Франціи рыцарская эпика постепенно клонится къ упадку, уступая мѣсто любовной балладѣ и сатирическимъ пѣснямъ, въ которыхъ старые рыцарскіе подвиги передаются въ новомъ освѣщеніи. Въ силу новаго отрицательнаго отношенія къ славнымъ подвигамъ рыцарства, въ рядахъ котораго считались высшіе представители общества и государства, издаются распоряженія, какъ ординансъ отъ 14 сент.

1) G. Paris, La poésie du moyen âge. Paris, 1895, стр. 114.

2) G. Paris, La littérature française au moyen âge. 1890, стр. 50.

1395 года, запрещающія менестрелямъ и разскащикамъ пѣть и разсказывать на площадяхъ и гдѣ-бы то ни было сказанія, поэмы и пѣсни, въ которыхъ упоминается про папу, короля и вельможъ французскихъ. Внося подобныя ограниченія въ репертуаръ пѣвцовъ, представители власти все-таки не могли обойтись безъ удовлетворенія своихъ эстетическихъ потребностей, и въ результатѣ оказывается, что въ числѣ обязанностей вассала по отношенію къ своему сюзерену упоминалось о томъ, что въ случаѣ большихъ торжествъ онъ долженъ позаботиться о приисканіи пѣвцовъ-музыкантовъ, какъ это видно изъ распоряженія владѣтеля лена de Beaumont отъ 11 марта 1377 года. Таковыми пѣвцами-музыкантами являются теперь менестрели, смѣнившіе собой прежнихъ труверовъ и жонглеровъ ¹⁾. Въ XV и XVI ст. не разъ встрѣчаются упоминанія о пѣвцахъ, пѣвшихъ въ деревняхъ и помѣстьяхъ старыя chansons de geste подъ аккомпаниментъ музыкальныхъ инструментовъ. Иной разъ подобныя пѣвцы для облегченія памяти пользовались небольшими свертками пергамента съ записями пѣсень и ихъ напѣвовъ; нѣкоторые изъ такихъ записей сохранились ²⁾, другія на подобіе испанскихъ романсовъ, такъ наз. pliegos sueltos, попали въ печать въ XVI ст. или въ летучихъ листьяхъ, или въ тетрадкахъ, или, наконецъ, въ небольшихъ томикахъ подъ заглавіемъ: „*S'ensuivent plusieurs belles chansons nouvelles*“, или „*la Fleur des chansons*“ и т. д. Большая часть старыхъ записей, конечно, погибла, но изъ того, что сохранилось, можно до известной степени возстановить тотъ путь преемственности, въ какой передавались пѣсни труверовъ и жонглеровъ позднѣйшимъ менестрелямъ и отъ нихъ проходили въ народную среду, гдѣ сохранились въ измѣненномъ видѣ до нашего времени.

Если прибавить къ этому, что множество сказаній вно-

¹⁾ B. Bernhard, Recherches sur l'histoire de la corporation des ménestriers de la ville de Paris. Biblioth. de l'école des chartes, t. 3, 4 и 5, E. Freymond, Jorgleurs und Menestrels. Halle, 1883.

²⁾ Th. Wright, Political songs of England. Введеніе. 1838; Rathéry, Moniteur, 1853, 24 avril.

силось въ видѣ историческихъ разсказовъ, приуроченныхъ къ извѣстному историческому лицу или мѣсту, въ разныхъ хроникахъ, фамилійныя записи или жизнеописанія, изъ которыхъ обратнo попадали въ руки поэтовъ, то мы будемъ имѣть точное представленіе о томъ, какъ иной разъ очень древнія поэтическія фабулы сохранялись къ обиходу европейской поэзіи и дошли до насъ въ устной народной традиціи.

Такимъ именно путемъ и изучаемый нами сюжетъ подъ вліяніемъ воспоминаній о крестовыхъ походахъ получаетъ дальнѣйшее распространеніе въ разныхъ литературахъ и мѣстное приуроченіе въ разныхъ мѣстахъ Европы.

12.

Французскіе варианты.

Въ своемъ мѣстѣ (стр. 268—286) было уже нами указано, что поэтический мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа раньше, чѣмъ гдѣ либо, былъ разработанъ во французской литературѣ, послужилъ основаніемъ для провансальскаго романа о Раймундѣ du Bousquet и для разсказа о приключеніи Ричарда Безстрашнаго въ нормандской хроникѣ Васе'а. Въ традиціонной связи съ этими древнѣйшими обработками нашего сказанія стоятъ позднѣйшія французскія произведенія, усваивающія ту же самую тему въ видѣ эпизода, осложненнаго другими повѣствовательными мотивами, или же передающія ее въ ея первоначальной обособленности.

Въ пѣснѣ о *Jehan de Lanson* изъ XIII ст., входящей въ составъ *chansons de geste*, рассказывающихъ о борьбѣ Карла съ непокорными вассалами, повидимому, также отразился нашъ мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа. Графъ Basin, желая дать знать Карлу объ опасномъ положеніи его двѣнадцати перовъ, натираетъ себѣ лицо какою-то магической травой, въ силу чего принимаетъ видъ стараго отшельника, изнурившаго свою плоть по крайней мѣрѣ лѣтъ семь. По дорогѣ въ импе-

ратору онъ въ одѣяніи пилигрима прибываетъ въ свои владѣнія какъ разъ въ то время, когда жена его по принужденію должна была выйти замужъ за графа Archimbaud. Basin убиваетъ послѣдняго ¹⁾.

Точно также эпизодически тотъ же сюжетъ съ утратой многихъ чертъ свой традиціонной передачи введенъ въ старо-французскую поэму о Bueves d'Hanstone ²⁾, изъ конца XII или половины XIII вѣка, нашедшую широкое распространеніе въ европейскихъ литературахъ, и, наконецъ, въ романъ изъ XV ст., основанный, по всей вѣроятности, какъ думаетъ G. Paris ³⁾, на поэмѣ изъ XIV вѣка. Романъ этотъ „*Gilles de Trasnignes*“ рассказываетъ о приключеніяхъ одного изъ представителей знаменитаго въ свое время рода „*de Trasnignes*“, прекратившагося въ концѣ XIV вѣка. Почти всѣ представители этого рода носили имя Gilles, а потому трудно сказать, съ которымъ именно изъ нихъ хотѣлъ связать свою исторію романистъ. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ въ виду того Жильона де Трасиньи, который извѣстенъ въ исторіи, какъ коннетабль Франціи, упоминаемый у Жуанвиля и въ хроникахъ подъ 1256 годомъ. Онъ, дѣйствительно былъ въ Іерусалимѣ и, быть можетъ, умеръ тамъ. По роману онъ направляется въ св. землю чрезъ Бургундію, Савойю и Ломбардію въ Римъ, затѣмъ изъ Неаполя отплываетъ въ Яффу. На обратномъ пути изъ св. земли онъ попадаетъ въ плѣнъ къ сарацинамъ, но освобождается изъ плѣна дочерью султана, которая слѣдуетъ за нимъ на его родину. Но тутъ онъ застаётъ свою жену Марію, въ моментъ ея свадьбы съ другимъ. Свадьба разстраивается, и супруги вмѣстѣ съ молодой дѣвушкой удаляются въ монастырь.

Тою частью своего содержанія, въ которой рассказываетъ, какъ рыцарь попадаетъ въ плѣнъ къ невѣрнымъ, долгое

¹⁾ L. Gautier, Les Épopées françaises. 1867, II, стр. 256.

²⁾ А. Веселовскій, Изъ исторіи романа и повѣсти. Сборникъ отд. рус. яз. и сл. Импер. Ак. Н. т. 44, стр. 229 и сл.

³⁾ G. Paris, La poésie du moyen âge. 1895, стр. 115.

время томится въ тюрьмѣ, получаетъ свободу, благодаря дочери султана, которая влюбляется въ невольника, слѣдуетъ потомъ за нимъ и, несмотря на то, что онъ былъ уже женатъ, выходитъ или собирается выйти за него замужъ, романъ о Жильонѣ де Трасиньи примыкаетъ къ цѣлой группѣ родственныхъ сказаній, какъ разсказъ о Жильбертѣ Беккетѣ и англійскія баллады о Бейканѣ, какъ итальянскія пѣсни о *Moran d'Inghilterra*, какъ французская пѣсня изъ XII ст. *Eliduc*, принадлежащая перу Маріи Французской, какъ нѣмецкое сказаніе, локализовавшееся въ Тюрингіи и связанное съ именемъ рыцаря Глейхена ¹⁾, или какъ итальянская поэма о „*Buovo d'Antona*“ восходящая къ старо-французской *chanson de geste* о *Bueves d'Hanstone*.

Та же часть романа о Жильонѣ, гдѣ разсказывается про сватовство рыцаря Амори къ его женѣ, Маріи, которую Амори убѣждаетъ въ смерти ея перваго мужа, про ея долготѣльную вѣрность отсутствующему мужу, про внезапное появленіе послѣдняго въ самый моментъ свадьбы жены,—оказывается эпизодомъ, принадлежащимъ къ числу самыхъ любимыхъ и наиболѣе распространенныхъ странствующихъ мотивовъ рыцарской литературы, перенесшей его на цѣлый рядъ болѣе или менѣе историческихъ лицъ, выведенныхъ во множествѣ произведеній, такъ или иначе примыкающихъ къ движенію, вызванному въ европейскомъ обществѣ крестовыми походами. Такъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о крестовыхъ походахъ тема наша получила свое развитіе и приуроченіе въ Нормандіи, связанная съ приключеніемъ одного изъ представителей владѣтельнаго рода *de Baqueville*. Приключеніе его увѣковѣчено двумя картинами на стѣнахъ церкви въ Бакевилѣ. *Amélie de Bosquet* ²⁾ сообщаетъ три варианта соответствующаго разсказа. Содержаніе одного изъ нихъ, наиболѣе характернаго, въ самыхъ краткихъ чертахъ таково:

¹⁾ G. Paris, *Op. cit.*, стр. 107 и сл.

²⁾ *Amélie de Bosquet, La Normandie romanesque*. Paris, 1845, стр. 465—470.

„Рыцарь Guillaume Martel de Baqueville участвует въ крестовомъ походѣ и попадаетъ въ плѣнъ къ сарацинамъ. Послѣ семилѣтняго плѣна, будучи уже приговоренъ къ смерти, онъ вызываетъ о помощи къ св. Юліану и общается въ случаѣ своего возвращенія на родину построить церковь во имя этого святого. Послѣ этого рыцарь засыпаетъ и, проснувшись нѣсколько часовъ спустя, видитъ себя перенесеннымъ къ своему замку, гдѣ, какъ оказывается, готовилась свадьба его жены, которая считала своего мужа уже умершимъ. Онъ открывается женѣ при посредствѣ половинки золотого кольца, которое онъ подѣлилъ съ нею, уѣзжая въ крестовый походъ“. Тоже самое сказаніе, распространенное также въ Нормандіи, переносится и на Gilbert'a de Lomblon, являющагося сподвижникомъ Людовика св. въ первомъ крестовомъ походѣ.

Подобно нормандскому разсказу о рыцарѣ de Baqueville и о рыцарѣ de Lomblon въ связи съ воспоминаніями о крестовыхъ походахъ стоятъ и старый пикардійскій романсъ, прикрѣпленный къ имени ¹⁾:

„*Le Sire de Créqui*“.

„Sire de Créqui отправляется въ крестовый походъ съ королемъ Louis-le-Jeune, рѣшившимся на это опасное предпріятіе въ 1147 году, какъ говорятъ, подъ влияніемъ угрызенія совѣсти, мучившей его за то, что во время борьбы съ Thibaud de Champagne онъ разрушилъ городъ Витри и сжегъ церковь вмѣстѣ съ укрывшимися въ ней 1200 человекъ. Идя въ этотъ далекій и продолжительный походъ, Sire de Créqui оставляетъ своего старика отца и молодую жену. Она удерживаетъ мужа, но старшій баронъ утѣшаетъ ее, говоря:

Outre-mer j'ai été durant mon jeune temps;
Enrôlé on m'avait sans congé de mon père,
Si en fut bien joyeux, n'était dame ma mère.

---

¹⁾ B. Rathery, Des chansons populaires et historiques en France. Le Moniteur universel, 1853, 26 août.

Votre baron verrait pèrégriner son roi
Sans aller aux lieux saints combattre pour la foi!
Il pourrait, jeune et preux, rester oisif en France
A trente ans! il aurait vergogne et méprisance.

Къ времени отправления въ походъ молодая баронесса родила сына и была въ постели. Мужъ, прощаясь съ нею,

La prit entre ses bras et fit cette promesse:
Je te jure, ma mie, amour et féauté;
Si lui prenant la main, son anneau lui a ôté;
Soudain l'ayant rompu et mis en deux parties;
Si lui en bailla une, garda l'autre moitié.
Cette moitié d'anneau pour nos noces béni,
Toujours je garderai comme féal mari.
Si jamais je reviens du saint pèlerinage,
Je vous rapporterai de joi ce eher gage...

Отецъ благословляетъ сына и, вызывая въ небу, говорить:

Seigneur omnipotent,
Bénissez mon cher fils en cette sainte guerre
Et si le ramenez en sa natale terre.

Прошло десять лѣтъ: sire de Créqui видѣлъ, какъ пали въ бояхъ его братья и товарищи; самъ онъ оставленъ былъ на полѣ сраженія, принятый за мертваго, и попалъ затѣмъ въ руки турокъ. Тѣ потребовали отъ него, чтобы онъ отказался отъ христіанской вѣры и, встрѣтивъ рѣшительное сопротивленіе, приговорили его къ смерти.

Le pauvre esclave adonc se voyant condamné,
Qui mourir désirait de bonne volonté,
Se trouva consolé entendant sa sentence
Et que finir allait sa longue pénitence.
Remonté à la tour, à genoux se jeta,
A Dieu, à Notre-Dame son âme commanda,
Au bon saint Nicolas fit aussi sa prière,
Puis lassé s'endormit, couché à plate terre...

Между тѣмъ на родинѣ распространилась вѣсть объ его

смерти. Старый баронъ умеръ отъ горя. Братъ его жены захватилъ его владѣнія, а жена, чтобы найти себѣ покровителя, уступая требованію своего отца, готова была выйти замужъ за сосѣднаго владѣтеля, *sire de Renty*. Все уже было готово для свадьбы и „*la dame allait au moutier pour être épousée*“, какъ вдругъ предъ ней появился нищій, нашедшій пріютъ въ сосѣднемъ лѣсу у дровосѣка. Одежда его была вся въ лохмотьяхъ, черты измѣнены страданіями: Это былъ *sire de Créqui*, чудеснымъ образомъ перенесенный во время сна изъ Сирія въ Артуа.

Sur le pont s'arrêta le pauvre chevalier:
— Je viens, ma noble dame, du pays d'outre-mer
Du sire de Créqui vous annoncer nouvelle,
Lequel depuis dix ans est en prison cruelle.
La dame n'avait mis nul doute du trépas
De son cher sire qu'on croyait mort au combat
Contre les mécréants, mais d'une amour fidèle,
Veuve elle aurait voulu demeurer toujours telle.
Si pourtant répondit: vrai n'est votre rapport,
En menant sa bannière mon baron tomba mort.

— Le sire de Créqui adonc ne fut occis,
Reprit le chevalier, — car Dame, le voici.
Raviser bien, c'est moi; malgré tant de misère,
Connaissez votre époux qui vous avait si chère.
— Jamais je ne croirai qui tu sois mon mari,
Si tu ne me racontes ce qu'il fit la nuit,
De son département, quand, dans mon lit couchée,
J'étais si très-dolente et si déconfortée.
— Votre anneau d'épousalles en deux je le brisai,
Vous prites la moitié, l'autre je la gardai,
O dame! le voici de ma foi ce cher gage,
Que jadis je vous ai baillé en mariage.

Тутъ она узнаетъ мужа и бросается ему на шею“.

Изложенный здѣсь романъ въ своемъ настоящемъ видѣ принадлежитъ, конечно, позднѣйшему времени, но очень можетъ быть, что такое подновленіе, бывшее въ свое время въ модѣ, сдѣлано на основаніи старѣйшаго текста, двѣ копіи котораго, какъ говорить Ратери, долго сохранялись въ семей-

ствѣ де-Креки. Содержаніе самаго романа, являясь какъ бы семейной традиціей, связанной съ именемъ sire de Créqui, извѣстно не только въ Артуа, куда переносится мѣсто дѣйствія, но также въ Эпонѣ (Seine-et-Oise) и Дюгамелѣ (Oise), гдѣ были расположены другія владѣнія, принадлежавшія этому роду. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь наглядное доказательство того факта, какъ старинныя поэтическія формулы, перенесенныя по какой-либо случайной аналогіи на то или другое историческое лицо, видоизмѣняясь соотвѣтственно времени, получаютъ характеръ историческихъ преданій.

Весьма вѣроятно, что романъ о sire de Créqui восходитъ къ обработкѣ этого сюжета со стороны какого-либо французскаго трувера; такъ какъ до сихъ поръ въ народѣ вращаются еще сюжеты, популярныя въ XIII стол., какъ напр., трогательная пѣснь про Пирама и Тисбу, или пѣсня, оканзывающаяся версіей классическаго сказанія о Геро и Ландрѣ, извѣстная не только во Франціи, Италіи и Испаніи, но распространенная также въ Германіи, Голландіи, въ Давіи, наконецъ, въ Швеціи и у западныхъ славянъ¹⁾.

Какъ бы то ни было, восходитъ ли романъ о sire de Créqui своимъ началомъ къ XIII-му ст., какъ думаетъ Ратери, или же онъ опирается на какой-либо позднѣйшій неизвѣстный намъ литературный источникъ, но во всякомъ случаѣ старая схема выдержана здѣсь съ значительной полнотой. Sire de Créqui идетъ въ крестовый походъ, ломаетъ обручальное кольцо на двѣ части, одну даетъ женѣ, другую беретъ себѣ; онъ попадаетъ въ плѣнъ, откуда чудеснымъ образомъ во снѣ переносится на родину, находятъ сперва пріютъ у своего дровосѣка и въ видѣ нищаго появляется предъ женой въ тотъ моментъ, когда та, считая его убитымъ, рѣшается выйти замужъ за другого, къ чему ее понуждали родные. Признаніе происходитъ при посредствѣ кольца. Въ этомъ видѣ разработана романа весьма близко подходитъ какъ къ прован-

---

¹⁾ Nigra, Canti pop. del Piemonte, стр. 68 и сл.

сальскому роману о Раймундѣ du Bousquet и къ разсказу Вассе'а о Ричардѣ Безстрашнымъ, такъ и къ итальянскимъ пересказамъ о приключеніяхъ Карла Великаго.

Отсюда ясно, что чѣмъ старше произведеніе, или чѣмъ ближе стоитъ оно къ письменнымъ литературнымъ источникамъ, тѣмъ выдержаннѣе и дѣльнѣе передаетъ оно первоначальную форму схемы, выработанную въ свое время въ высшихъ общественныхъ кругахъ лицами извѣстнаго литературнаго образованія, будь то придворные поэты, или жонглеры, странствующие пѣвцы или рыцари. Въ выработанной формѣ пѣсенная схема спускается затѣмъ въ народную среду, сохраняется въ видѣ поэтической формулы въ народной памяти до нашихъ дней, находя свое примѣненіе въ аналогичныхъ случаяхъ текущей жизни, вносящей измѣненія въ прежній составъ подробностей. Если прежде говорилось о рыцарѣ, теперь поется про солдата; если прежде рыцарь шелъ въ крестовый походъ, теперь солдатъ идетъ просто на войну; если прежде признаніе происходило при посредствѣ кольца или половины его, то теперь говорится вообще о кольцахъ и брилліантахъ, какъ это придется наблюдать въ пѣсняхъ, записанныхъ въ наше время въ народной французской средѣ.

Народныхъ пѣсенъ соотвѣтствующаго содержанія во Франціи записано значительное количество. Smith, сообщая одну изъ нихъ, извѣстную въ департаментѣ Роны, замѣчаетъ, что пѣсни эти принадлежать къ числу самыхъ интересныхъ въ народной поэзіи. Вотъ его вариантъ, озаглавленный ¹⁾:

„*Le retour du mari*“.

„Monsieur de la Bâtie est un vaillant guerrier.
Trois jour après ses nœces, vient un commandement
D'aller prendre les armes, devant le régiment“.

---

¹⁾ Victor Smith, Chants populaires du Velay et du Forez. **Romania** IX, 1880. Смитъ указываетъ еще на соотвѣтствующія пѣсни въ сборникахъ: Muller, Chansons de mon village — **Journal Mémorial de la Loire** du 19 Septembre 1867; Daynard, Collections de vieilles chansons, 4 fascicule, p. 220 du Bulletin de la Société des études du Lot, 1879.

„Красавица горюетъ, то и дѣло, что плачетъ. Не огорчайтесь; нечего плакать: по окончаніи похода я возвращусь. Война тянулась долго; продолжалась семь лѣтъ“.

„Au bout de la septième, revenant-z-au pays,
Le même jour que j'arrive, ma femme se remarie!“

„Я иду къ ея дочери, прося помѣщенія. Храбрый воинъ, мы не можемъ тебя принять: моя дочь выходить вторично замужъ, мы всё въ хлопотахъ. Братъ ея, стоя у окна, все это слышитъ. Храбрый воинъ, войдите къ намъ, садитесь за столъ, будьте, какъ у себя. За столомъ во время пира онъ (солдатъ проситъ карты: онъ хочетъ играть, чтобы рѣшить, кому достанется на ночь красавица. Изъ угла та смотритъ на него своими прекрасными глазами, поднимается съ мѣста и бросается обнимать его: „вотъ мой бѣдный мужъ, котораго я такъ любила!“ Онъ беретъ ее за бѣлую руку и уводитъ со словами: „кто потерялъ свою жену, пусть идетъ ее отыскивать; я потерялъ было свою, а теперь нашель“.

Тутъ пѣсня должна бы кончиться, но второй мужъ представляетъ отъ себя какъ бы въ поученіе молодымъ людямъ: „не берите вдовъ, а то можете ошибиться“.

Точно такая же пѣсня записана Леграномъ въ Нормандіи въ департаментъ Calvados ¹⁾, Флёри также въ Нормандіи ²⁾ и Пуимэгромъ въ Эльзасѣ ³⁾.

Во всѣхъ послѣднихъ пѣсняхъ нѣсколько подробнѣе описывается сцена признанія. Въ концѣ пира возвратившійся мужъ предлагаетъ поиграть въ карты и въ кости, чтобы узнать, кому достанется красавица. Всѣ гости съ удивленіемъ смо-

---

¹⁾ E. Legrand, Chansons populaires, recueillies en Octobre 1875 à Fontenay-le Marmion, arrondissement du Caen (Calvados). Romania X. 1881.

²⁾ Fleury, Littérature orale de la Basse-Normandie.

³⁾ Cte de Puymaigre, Chants populaires, recueillis dans le pays Messin. 1881², I, 60 — 64; Ch Guillon, Chans. pop. de l'Ain, 41 — 95.

трать на него и говорить, что молодая никакъ не можетъ ему принадлежать. На это онъ отвѣчаетъ, что и безъ игры она будетъ его, и вслѣдъ затѣмъ, обращаясь къ ней, спрашиваетъ: „гдѣ золотые кольца и брилліанты, что я подарилъ тебѣ въ день нашей свадьбы“? „Они у меня“, отвѣчаетъ та, „я ихъ сейчасъ принесу“, или: „ахъ, Боже мой, я считала себя вдовой, а вотъ мой мужъ“. Упоминаемые здѣсь кольца и брилліанты, какъ средство признанія супруговъ, принадлежать, конечно, позднѣйшему времени, замѣнивъ собою кольцо или половину кольца, служащихъ той же цѣли въ старыхъ пересказахъ.

Крайне интересно отмѣтить, что и позднѣйшія французскія пѣсни, рассказывающія о возвращеніи солдата къ женѣ послѣ долгаго отсутствія, нашли свое распространеніе не только во Франціи, но перешли въ Германію и въ Италію. Нагляднымъ доказательствомъ такого позднѣйшаго общенія французской поэзіи съ нѣмецкой и итальянской можетъ служить слѣдующая пѣсня ¹⁾, сообщаемая Пюимэгромъ изъ числа вышеннеложенныхъ, на ряду съ которой для сравненія я ставлю текстъ нѣмецкій ²⁾:

1. Soldat, revenant de la guerre, Coucou, Un pied chaussé et l'autre nu, Coucou, corna, ricoucou.	1. Soldat kam aus dem Kriege, Kuckuk Wol ganz zerrissen und noch viel mehr.
2. „Je reviens de la guerre, Hôteesse, avez vous du vin blanc“? Soldat, avez vous de l'argent?	Mein lieber Soldat, wo kommt er her? Kuckuk...
3. De l'argent je n'en ai guère, J'engagerai mes pistolets, Mon manteau et mon cheval blanc.	2. Ich komm wol aus dem Kriege, Ich hab' gedient sechs ganze Jahr, Das zeigt mein Pass und Abschied dar.
	3. Soldat ging in das Wirtshaus 'nein.

¹⁾ Puymaigre, Chants pop. recueillies dans le pays Messin. 1865, стр. 25; Bujeaud, Chants et chansons pop. des provinces de l'Ouest. 1866, II, стр. 89.

²⁾ R. Köhler, Zur Volkslitteratur. Jahrbuch für roman. und englische Litteratur, VII (1867), стр. 356—359.

4. Soldat se mit à table
 „J'ai mon mari qui est à l'armée,
 Il vous ressemble, je crois que
 l'est vous“.
5. „Quand je suis parti pour la
 guerre,
 Je n'avais laissé qu'un enfant,
 Et t'en voila trois à présent“.
6. „Si je savais où est le père
 Je tuerais le père et la mère

Конецъ пѣсни, сообщаемой
 Пюимэгромъ, очевидно, забытъ;
 онъ дополняется вариантомъ,
 имѣющимся въ собраніи Бюжо,
 по которому жена объясняетъ
 мужу, что

7. „On m'a écrit de ses nouvelles
 (о мужѣ)
 Qu'il était mort et enterré,
 Et je me suis remarié“.

Узнавъ объ этомъ, солдатъ
 со слезами возвращается въ свой
 полкъ, а иной разъ онъ беретъ
 себѣ своихъ дѣтей, а женѣ от-
 даетъ ея, прижитыхъ отъ вто-
 рого мужа.

Какъ видимъ, нѣмецкая пѣсня за исключеніемъ двухъ
 послѣднихъ строфъ настолько совпадаетъ съ французской, что,
 повидимому, является ея переводомъ. И это весьма вѣроятно,
 такъ какъ редакция французской пѣсни, сообщенная какъ Пю-
 имэгромъ, такъ и Бюжо, принадлежитъ восточной Франціи, от-
 куда пѣсня эта легко могла попасть въ нѣмецкую среду, гдѣ
 и получила свое дальнѣйшее распространеніе съ легкимъ ви-
 доизмѣненіемъ ¹⁾. Съ другой стороны тѣже французскія пѣсни

- „Frau Wirtin, hat sie gutes Bier?“
 „Soldat, hat er auch Geld gafür?“
4. Kein baares Geld, das hab ich nicht.
 Ich trag einen grauen Mantel hier,
 Damit bezahl ich euer Bier.
5. Soldat setzt sich zu Tische;
 Er fing zu essen, zu trinken an,
 Frau Wirtin fing zu weinen an.
6. „Frau Wirtin, warum weinet sie?
 Weint sie vielleicht wol um das Bier
 Und meint sie krieget kein Geld da-
 für?“
7. „Wol um das Bier da wein ich nicht;
 Ich hatt' ein 'n Mann, der mich
 verliess,
 Und meint', ihr wär es ganz gewis“.
8. „Wo kommen denn die Kinder her?
 Zwei hab' ich hinterlassen dir,
 Jezt aber, seh ich, hast du vier“.
9. „Das machen die falschen Briefe,
 Die mich so sehr betrogen hab'n;
 Da nahm ich mir einen andern Mann“.
10. Die Kinder die woll'n wir uns
 theilen;
 Den ält'sten Sohn nehm' ich zu mir,
 Die andern drei gehörn dir“.
11. Nun komm, mein ält'stes Söhnelein!
 Zu Hamburg wolln' wir uns schif-
 fen ein;
 Ade, mein Weib und Kindelein“.

¹⁾ Нѣмецкія пѣсни этого рода имѣются въ сборникахъ: Но ff.

проникають въ Пьемонтъ и дѣлаются достояніемъ итальянской поэзіи, какъ въ этомъ убѣдятъ насъ итальянскіе варианты, въ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся нѣсколько ниже.

Такимъ образомъ, распространеніе позднѣйшихъ французскихъ пѣсень о возвращеніи солдата является какъ бы новой поэтической волной, идущей изъ Франціи и захватывающей сосѣднія страны хотя не съ той уже широтой, какая проявилась въ поэтическомъ движеніи, благодаря которому нашъ мотивъ въ его архаическомъ видѣ сдѣлался достояніемъ почти всѣхъ европейскихъ литературъ.

Чтобы покончить съ французскими вариантами, мнѣ остается указать еще на одно своеобразное примѣненіе нашего мотива.

Насколько онъ былъ популяренъ въ средневѣковой поэзіи, можно судить потому, что имъ пользовались даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ въ сущности не подходилъ къ духу самаго разсказа, какъ это наблюдаемъ въ романѣ *du Renard*¹⁾, гдѣ въ общихъ своихъ чертахъ та же тема примѣнена при описаніи похаживаній Ренара, главнѣйшаго представителя западно-европейскаго животнаго эпоса. Примѣненіе это сдѣлано довольно грубо и находится въ 22-ой вѣтви (*Ren. vv. 12509—12986*) сказаній о Ренарѣ, гдѣ передается слѣдующее. „Ренаръ сталъ жонглеромъ; получивъ скрипку, онъ выучивается на ней играть и послѣ долгихъ странствованій приходитъ къ своей женѣ въ неузнаваемомъ видѣ. Послѣдняя между тѣмъ собирается выйти замужъ за молодого барсука *Poncet*, т. е. котъ сообщалъ о томъ, что видѣлъ, какъ Ренара повѣсили. Ренару приходится

---

mann v. Fallersleben, Schlesische Volkslieder, № 228; Simrock, Die deutschen Volkslieder, № 310; Erk, Neue Sammlung deutscher Volkslieder, Band III, Heft 1, № 55; Walter, Sammlung deutscher Volkslieder, стр. 160; Weimarisches Jahrbuch, Bd. III, стр. 291.

¹⁾ А. Колмачевскій, Животный эпосъ на западѣ и у славянъ. Казань, 1882, стр. 233; *Petit de Julleville, Histoire de la langue et de la littérature française. 1896, II, стр. 30.*

узнать, что Poncèt уже давно находился въ связи съ его женой. Ренаръ, приглашенный на свадьбу, рѣшается отомстить своему сопернику. На свадьбу стекается множество звѣрей; между прочимъ является и жена Изенгрина, Ерсанъ (Hersent). Послѣ ужина всѣ расходятся, остаются только Ренаръ, замышляющій планъ мести, и Ерсанъ, принимающаяся стлать постель для жениха. Ренаръ заявляетъ жениху, что если онъ желаетъ, чтобы у него былъ сынъ, то пусть босыми ногами со свѣчкой въ рукахъ отправляется къ могилѣ мученицы — именно курицы, которую нѣкогда зарѣзалъ Ренаръ. Въ дѣйствительности тамъ были разставлены силки и поставлена была западня. Неосторожный женихъ попадаетъ въ западню, а Ренаръ поднимаетъ его на смѣхъ и предоставляет въ жертву собакамъ. Возвратившись къ женѣ, Ренаръ обличаетъ ее въ измѣнѣ, бьетъ ее, бранитъ Ерсанъ и выгоняетъ обѣихъ изъ дома. Изгнанныя „дамы“ вскорѣ затѣваютъ между собою ссору, предметомъ которой является ихъ предосудительное поведеніе, и вступаютъ въ рукопашную. Отшельникъ, идущій мимо, примиряетъ ихъ не только между собой, но и съ мужьями. Ренаръ въ заключеніе рассказываетъ женѣ о своихъ похожденияхъ“.

13.

Итальянскіе варианты.

Выше было уже отмѣчено, что изучаемый нами поэтический сюжетъ вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ эпическихъ произведеній проникъ изъ Франціи въ Италію (стр. 294) и нашелъ мѣсто въ такихъ поэмахъ XIV вѣка, какъ „l'Entrée en Espagne“ Николая Падуанскаго и „la Spagna“ неизвѣстнаго поэта. Въ началѣ того же столѣтія открывается литературная дѣятельность величайшаго художника итальянской повѣсти, Джованни Боккаччо (1313—1375). Ко времени его появленія языкъ итальянской прозы былъ въ значительной степени уже разработанъ такими писателями, какъ историки-хроникеры: Малис-

пини, Вилляни, Дино Кампаньи и др., переводчиками таких сочинений, какъ „Merveilles du monde“ Марка Поло, или трактатъ „Le Trésor“ Брунетто Латини, многочисленными представителями рыцарскихъ романовъ или изъ цикла Круглаго стола—Tavola rotonda, или изъ цикла сказаній о Карлѣ Великомъ—di Carlo Magno la santa gesta, и, наконецъ, представителями повѣсти или новеллы, какъ Busone da Gubbio, какъ неизвѣстный авторъ сборника „Cento Novelle antiche“ и многіе другіе. Но не только языкъ въ извѣстной степени былъ подготовленъ для предстоящей дѣятельности Боккаччо, до него былъ уже въ обращеніи значительный повѣствовательный матеріалъ, какъ восточнаго и западнаго, такъ античнаго и средневѣковаго происхожденія: многое онъ могъ почерпнуть изъ легенды и хроникъ, изъ классиковъ и устныхъ разсказовъ, наконецъ, изъ мѣстныхъ преданій¹⁾. Ему оставалось лишь брать готовые схемы и облекать ихъ въ новыя художественныя формы, отражая на нихъ печать своего огромнаго таланта. И дѣйствительно, современной наукѣ удалось отмѣтить, что по большей части разсказы знаменитаго новеллиста, вошедшіе въ составъ его „Il Decamerone“, заимствованы въ своей основѣ изъ разныхъ источниковъ. Въ ряду мотивовъ, извѣстныхъ уже раньше и послужившихъ затѣмъ темой для новеллъ Боккаччо, находится и нашъ сюжетъ: на его основѣ создана девятая новелла десятаго дня²⁾, героемъ которой является *Messer Torello*. Такое вниманіе великаго мастера слова къ нашему сюжету, несомнѣнно, доказываетъ, что послѣдній по своему складу вполне соответствовалъ духу того времени, когда еще живы были воспоминанія о крестовыхъ походахъ, и обработка его со стороны такого извѣстнаго писателя, какимъ былъ Боккаччо, могла способствовать дальнѣйшей популярности изучаемаго мотива. Вотъ въ какомъ видѣ представляется основа этой новеллы Боккаччо:

¹⁾ А. Н. Веселовскій, Боккаччо, его среда и сверстники. СПб. 1893, стр. 473 и сл.

²⁾ Воссассио, Il Decamerone, г. X, п. 9; г. III, п. 5.

1. Возвращеніе Торелло изъ плѣна у султана Саладина.

„Во времена императора Фридриха I-го христіане готовились къ походу для освобожденія святой земли. Узнавъ объ этомъ, Саладинъ, султанъ Вавилоніи, желая опредѣлить силы своихъ противниковъ, переодѣвается купцомъ и въ сопровожденіи двухъ самыхъ умныхъ своихъ придворныхъ путешествуетъ по Европѣ. Проѣзжая по Ломбардіи, вблизи Павіи онъ встрѣчаетъ мессеръ Торелло д'Истрія, который оказываетъ ему величайшее вниманіе и самое радушное гостепріимство. При разставаніи съ мнимыми купцами жена Торелло даетъ каждому изъ нихъ по двѣ одежды, одну подбитую сукномъ, а другую мѣхомъ (*due paia di robe, l'un foderato di drappo e l'altro di vaio*), а также и бѣлье. Спустя нѣкоторое время Торелло идетъ въ крестовый походъ; садясь на коня и оставляя плачущую жену, онъ проситъ ее ждать его одинъ годъ, одинъ мѣсяцъ и одинъ день, прежде чѣмъ выйти замужъ за другого. Она увѣряетъ его, что никогда не сдѣлается женою другого, но онъ замѣчаетъ, что, если бы это и было такъ съ ея стороны, то ея родные не допустятъ этого. Прощаясь съ мужемъ, она даетъ ему со своего пальца кольцо, говоря: „если я умру, не дождавшись тебя, то посмотри на это кольцо и вспомни обо мнѣ“. Вскорѣ среди крестоносцевъ появились болѣзни, ряды ихъ начали рѣдѣть отъ большой смертности, уцѣлѣвшіе изъ нихъ были взяты въ плѣнъ Саладиномъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Торелло. Онъ отведенъ былъ въ Александрію и посаженъ въ тюрьму. Такъ какъ онъ отличался умѣньемъ дрессировать птицъ для охоты, то Саладинъ сдѣлалъ его своимъ сокольниковымъ, но ни тотъ, ни другой не признали другъ друга. По нѣкоторымъ признакамъ Саладинъ начинаетъ догадываться, что это тотъ ломбардецъ, который когда-то оказалъ ему гостепріимство, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ показываетъ Торелло тѣ одѣянія, что были женой его подарены Саладину. Торелло призналъ ихъ и тѣмъ подтвердилъ догадку Саладина. Послѣ этого султанъ осыпалъ его такими милостями, что онъ на время забылъ про Ломбардію,

будучи увѣренъ, что жена его получила извѣстіе о немъ, такъ какъ онъ послалъ ей письмо чрезъ генуэзскихъ купцовъ. Между тѣмъ письмо его не дошло по назначенію, а такъ какъ среди крестоносцевъ, погибшихъ отъ болѣзней, умеръ какой-то провансалецъ Торелло ди-Диньестъ, то нашлись люди, распустившіе въ Италіи вѣсть, что умеръ Торелло д'Истрія, и будто они видѣли его мертвымъ и присутствовали при его погребеніи.

Въ силу этого братья и родные жены Торелло начали побуждать ее выйти замужъ вторично; уступая имъ, она соглашается, желая лишь выждать назначенный ей мужемъ срокъ.

Въ то же время Торелло случайно узнаетъ, что письмо его не дошло по назначенію; до конца назначеннаго имъ срока остается времени не болѣе недѣли; онъ впадаетъ въ отчаяніе, перестаетъ ѣсть и дѣлается больнымъ. Саладинъ спрашиваетъ о причинѣ его печали; узнавъ ее, онъ беретъ помочь своему другу; онъ приказываетъ своему некроманту, чтобы тотъ нашелъ способъ въ одну ночь перенести Торелло изъ Александріи въ Павію. Тотъ исполняетъ это такъ, что герой нашъ, одѣтый въ роскошныя мусульманскія одѣянія, уснувши отъ какого-то напитка, очутился со своимъ богатымъ ложемъ и драгоценными подарками въ церкви св. Петра въ Павіи. Онъ еще спалъ, когда зазвонили въ заутрени. Ключарь первый увидѣлъ его и страшно испугался; перепугался также и аббаты съ монахами. Въ это время Торелло проснулся. Онъ успокоилъ испуганныхъ служителей алтаря и тутъ узналъ отъ аббата, своего дяди, что жена его какъ разъ сегодня справляетъ свою свадьбу съ другимъ. Онъ проситъ никому не говорить объ его возвращеніи и вмѣстѣ съ аббатомъ идетъ на свадебный пиръ. Аббать выдаетъ его за сарацина, ѣдущаго во Францію въ качествѣ посла отъ султана; его сажаютъ за столъ, но жена не узнаетъ его, такъ какъ онъ былъ переодѣтъ и обросъ бородой. Затѣмъ Торелло говоритъ прислужнику: „скажи отъ меня молодой, что по обычаю нашей страны она должна послать мнѣ свой кубокъ, наполненный виномъ; когда я отопью изъ него, сколько мнѣ захочется, и накрою его, то

остатокъ выпиваетъ она“. Онъ беретъ въ ротъ перстень, который она дала ему передъ походомъ, и, когда ему подали кубокъ, отпивая изъ него, опускаетъ кольцо на дно, накрываетъ кубокъ и передаетъ молодой. Она подноситъ кубокъ ко рту, находитъ перстень, узнаетъ его и съ такою стремительностью бросается къ мужу, что опрокидываетъ столъ. Она кричитъ: „вотъ мой мужъ, это воистину мессеръ Торелло“. Она возвращаетъ новому своему мужу полученныя отъ него вещи и уходитъ съ Торелло, который, чтобы вознаградить своего соперника за понесенные понапрасну расходы, удѣляетъ ему часть привезенныхъ сокровищъ“.

Такова въ существенныхъ чертахъ основа новеллы у Боккаччо. Въ ней оказываются слитыми два рассказа: одинъ — о путешествіи Саладина по Европѣ, извѣстный по старымъ латинскимъ, французскимъ, итальянскимъ и испанскимъ пересказамъ ¹⁾, другой — о неожиданномъ возвращеніи мужа, также давно уже извѣстный въ европейской литературѣ.

Останавливаясь на послѣднемъ, невольно задаешься вопросомъ, откуда Боккаччо заимствовалъ схему для своей новеллы? Источниковъ въ данномъ случаѣ было для него нѣсколько: во первыхъ ему могли быть извѣстны соотвѣтствующія приключенія Карла Великаго, рассказанныя какъ Николаемъ Падуанскимъ, такъ и поэмой „La Spagna“, хотя съ точностью и нельзя опредѣлить, появилась ли послѣдняя раньше или позже Декамерона; во всякомъ случаѣ рассказъ, послужившій основой для автора новеллы былъ извѣстенъ въ то время въ Италіи; во вторыхъ, Боккаччо могъ знать обработку Цезарія Гайстербахскаго, которая къ тому времени могла проникнуть въ Италію, гдѣ, какъ мы видѣли (стр. 309), Райна нашелъ ее въ одной рукописи.

Сопоставляя обработку Боккаччо съ пересказомъ Цезарія, можно замѣтить слѣдующія совпаденія:

---

¹⁾ G. Paris, La légende de Saladin. Journal des Savants, Juillet, 1893, 428; A. Fioravanti, Il Saladino nelle legende francese e italiane del medio evo. Reggio-Calabria, 1891.

Торелло, идя въ походъ, получаетъ кольцо отъ жены; Гергардъ (у Цезарія) дѣлитъ свое на двѣ половины, одну беретъ себѣ, другую даетъ женѣ; первый назначаетъ срокъ для второго брака жены въ одинъ годъ, одинъ мѣсяцъ и одинъ день, второй срокомъ для возможнаго замужества жены полагаетъ пять лѣтъ со времени своего удаленія. Подобно тому какъ Торелло даритъ Саладину и его спутникамъ „*due raia di robe, l'un foderato di drappo e l'altro di vaiò*“, такъ и Гергардъ, если не даритъ, то во всякомъ случаѣ даетъ прикрыться своему гостю „*carpat suam foderatam, bonam satis*“. При второй встрѣчѣ героевъ со своими гостями эти вещи въ обоихъ разказахъ играютъ одну и ту же роль: бывшіе владѣльцы ихъ признаютъ ихъ своими. Въ развязкѣ оба разказа еще болѣе сближаются между собою: въ обоихъ возвратившійся мужъ застаётъ жену за свадебнымъ столомъ и опускаетъ въ кубокъ кольцо; жена немедленно узнаетъ мужа, стремительно поднимается изъ-за стола и бросается въ объятія мужа, восклицая,—у Бок.: „*Questi è il mio signore, questi veramente è messer Torello*“;—у Цез.: „*Virum suum Gerardum illum esse proclamans*“. Наконецъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ разказѣ вернувшійся мужъ съ рѣдкой любезностью относится къ новому избраннику своей жены.

Если, какъ видимъ, повелла Боккаччо сближается нѣкоторыми своими чертами съ обработкой Цезарія Гайстербахскаго, то другими своими подробностями, какъ недодешедшее по назначенію письмо Торелло къ женѣ, или какъ роль некроманта въ его чудесномъ перенесеніи изъ Александріи въ Цавію, она совпадаетъ съ легендой о Карлѣ въ томъ ея видѣ, въ какомъ она излагается въ итальянскихъ версіяхъ поэмы „*Spagna*“. Наконецъ, сцена у Боккаччо, происходящая въ церкви, когда туда перенесенъ былъ чарами некроманта Торелло, настолько совпадаетъ съ описаніемъ у Энневеля подобной же встрѣчи Карла въ Ахенскомъ соборѣ съ церковнослужителями (стр. 290), что врядъ-ли можно допустить случайность, обусловившую такую близость. Однако, такого рода совпаденія подробностей повеллы съ частностями имѣющимися въ итальян-

анскихъ поэмахъ, въ пересказѣ Эненкеля и въ обработкѣ Цезарія съ трудомъ можно объяснить предположеніемъ Ландау, „dass Boccaccio für diese Novelle nicht eine Quelle hatte, sondern aus einer Reihe von Sagen und Legenden einzelne Züge entnahm, die er zu einem prachtvollen Ganzen zusammensetzte“. Не подойдемъ ли мы ближе къ истинѣ, если допустимъ, что Боккаччо для первой части своей легенды взялъ извѣстный въ то время разсказъ о путешествіи Саладина по Европѣ инкогнито, а для второй какую-то недошедшую до насъ переработку также распространеннаго въ то время сказанія о внезапномъ возвращеніи мужа. Такая переработка могла послужить источникомъ не только для него, но и для его предшественниковъ, какъ Эненкель и Цезарій, и для его, повидимому, современника, какъ неизвѣстный авторъ поэмы „Spragna“. При такомъ предположеніи само собою объясняется совпаденіе въ отдѣльныхъ частностяхъ всѣхъ указанныхъ пересказовъ изучаемаго нами сюжета съ новеллой Боккаччо.

Здѣсь будетъ уместнымъ указать, что у Боккаччо есть еще новелла (g. III, n. 5), построенная отчасти на той же самой схемѣ, хотя содержаніе ея совершенно иное. Тедальдо, герой этой новеллы, разсорившись со своею любовницею, уѣзжаетъ изъ Флоренціи; онъ мѣняетъ свое имя, проводитъ въ услуженіи на чужбинѣ семь лѣтъ; однажды слышитъ онъ пѣсню, когда-то имъ сложенную, гдѣ говорилось объ его любви къ дамѣ, и ему захотѣлось вернуться къ ней. Подъ видомъ паломника изъ св. земли возвращается онъ во Флоренцію; его возлюбленная не узнаетъ его; тогда онъ показываетъ ей перстень, подаренный ему ею въ послѣднюю почу, которую онъ провелъ съ нею, и сбрасываетъ свое монашеское одѣяніе, — послѣ чего она съ радостью бросается ему на шею, убѣжденная, что онъ живъ, хотя передъ тѣмъ увѣрена была, что онъ убитъ. Затѣмъ устраивается пиръ, во время котораго Тедальдо открывается своимъ братьямъ, равнымъ образомъ познавшимъ его.

Очевидно повторяется въ своихъ существенныхъ чертахъ та же схема и на ней построена въ

данномъ случаѣ одна изъ самыхъ рѣзкихъ новеллъ Боккаччо, направленныхъ противъ монаховъ.

Поэтическій мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены нашелъ свое примѣненіе въ итальянской поэзіи не только въ поэмѣ „La Spagna“ и въ двухъ новеллахъ Боккаччо, но также еще въ одномъ эпическомъ произведеніи, пользовавшемся широкой извѣстностью въ Италіи, проникшемъ въ славянскія земли и нашедшемъ свое отраженіе въ русской письменности. Я имѣю въ виду поэму о *Buovo d'Antona*.

2. Сказаніе о *Buovo d'Antona*.

Итальянское сказаніе о *Buovo d'Antona*, разработанное въ формѣ поэмы, своимъ источникомъ восходитъ къ французской поэмѣ о *Bueves d'Hanstone*, занесенной въ Италію на ряду со многими другими эпическими произведеніями, среди которыхъ нами отмѣчена уже была поэма „*Spagna*“, основанная также на французскихъ источникахъ. Поэма о *Buovo d'Antona* сохранилась въ нѣсколькихъ рукописяхъ, описанныхъ Райной ¹⁾, пользовалась въ Италіи популярностью уже во время Виллини († 1363 г.) и въ первый разъ была напечатана въ Болоньи въ 1480 году. Сопоставленіе итальянскихъ версій поэмы о *Buovo d'Antona* съ бѣлорусской повѣстью о Бовѣ съ указаніемъ литературной судьбы самаго сказанія сдѣлано проф. А. Веселовскимъ ²⁾. Въ своемъ содержаніи, весьма обильномъ разными приключеніями и подробностями, поэма эта отражаетъ между прочимъ и нашу тему, соединенную съ другой, нашедшей свою разработку, какъ увидимъ ниже, между прочимъ, въ итальянскихъ пѣсняхъ о *Morgan d'Inghil-*

¹⁾ P. Rajna, *I Reali di Francia*. Bologna 1872, I, стр. 114-217; 491; Его же, *Frammenti di redazioni italiane del Buovo d'Antona* въ *Zeitschrift f. rom. Philologie*, B. XI, H. 2, стр. 153 и сл.

²⁾ А. Веселовскій, Изъ исторіи романа и повѣсти. Сбор. отд. рус. яз. и сл. Имп. Ак. Н. т. 44-ый.

тегга и въ англійскихъ балладахъ о Бейканѣ. Исключая всѣ вышнія приключенія, связанныя съ главнымъ героемъ поэмы Вуово, и выдѣляя лишь основу сказанія, мы получаемъ такую нить разсказа: „Вуово, сынъ Гвидона, короля Антонскаго, по смерти отца бѣжитъ изъ родительскаго дома, попадаетъ на судно какихъ-то купцовъ, которые увозятъ его въ Арменію и продаютъ тамошнему королю Арменилу. Король дивится красотѣ юнаго Бово и опредѣляетъ его состоять при конюшнѣ. Прошло четыре года, всѣ говорятъ о красотѣ Бово, видѣть его желаетъ, наконецъ, и королевская дочь Друзіана. Она призываетъ его въ свою комнату, объясняется ему въ любви, по онъ, ссылаясь на свое низкое происхожденіе, обнаруживаетъ холодность, желая раньше прославиться военными подвигами. Друзіана сама посвящаетъ Бово въ рыцари, и онъ совершаетъ первые свои подвиги, прогнавъ сарацинскаго султана di Sardonіa, прибывшаго съ войскомъ свататься за Друзіану. Благодаря коварству своихъ недруговъ, Бово попадаетъ въ руки султана и посаженъ имъ въ глубокое подземелье. Дочь султана, Мальгарія, влюбляется въ него, предлагаетъ ему себя въ жены, приносить ему въ подземелье ѣду и питье, нѣсколько разъ спасаетъ его своимъ заступничествомъ предъ отцомъ отъ висѣлицы, пока, наконецъ, узнику удастся бѣжать. Онъ попадаетъ на купеческій корабль и вѣтеръ относитъ его въ царство Маркобруна, который какъ разъ въ этотъ день собирался праздновать свою свадьбу съ Друзіаной. Эта послѣдняя вышла за него замужъ, но съ условіемъ, что цѣлый годъ онъ не будетъ прикасаться къ ней, и вотъ теперь прошелъ уже годъ, и она должна сдѣлаться его женой. Бово, выдавая себя за музыканта, идетъ на свадебный пиръ; по дорогѣ встрѣчаетъ пилигрима (palmier), беретъ у него нищенское одѣяніе и два корня: одинъ изъ нихъ имѣетъ силу соннаго зелья, другой превращаетъ бѣлый цвѣтъ кожи въ черный. Натершись чернымъ корнемъ и одѣвшись въ платье пилигрима, Бово идетъ въ городъ причемъ мечъ свой прячетъ подъ одѣяніе. Тутъ онъ проситъ милостыни во имя Бовы, но одинъ изъ горожанъ ударилъ его за это, говоря, что у нихъ запрещено

упоминать это имя; все таки онъ посылаетъ Бову во дворецъ, говоря: тамъ справляется свадьба, всѣ званы къ обѣду и всѣ подадутъ пилигриму милостыни. Бова идетъ на кухню, у него происходитъ потасовка съ поварами, изъ коихъ одного онъ убиваетъ; затѣмъ идетъ во дворецъ и здѣсь одинъ изъ придворныхъ направляетъ его въ комнату, гдѣ сидѣла Друзіана со своими дамами за столомъ. Бово проситъ и у нея милостыни во имя Бовы. Услышавъ это имя, она спрашиваетъ пилигрима, не встрѣчалъ ли онъ гдѣ-либо Бову, и рассказываетъ, что вышла замужъ за Маркобруна по волѣ отца, но что помнитъ еще Бову и все ждетъ его возвращенія. Заслышавъ голосъ своего стараго хозяина, конь Бовы, приведенный сюда Друзіаной, заржалъ и едва не порвалъ желѣзныхъ цѣпей. Пилигримъ берется обуздать коня, неподпускавшаго къ себѣ никого изъ людей Маркобруна. Съ этою цѣлью онъ идетъ въ конюшню, конь тотчасъ узнаетъ его; Друзіана удивлена; тутъ Бова называетъ себя и въ доказательство показываетъ ей мечъ Chiagenza, который она дала ему когда-то, и шрамъ на головѣ. Друзіана признаетъ теперь Бову и, усыпивъ соннымъ зельемъ Маркобруна, убѣгаетъ съ нимъ“.

На этомъ мѣстѣ кончается рассказъ, основанный на нашемъ сюжетѣ. Дальнѣйшее повѣствованіе основывается на другой темѣ, рассказывающей о томъ, какъ жена разыскиваетъ своего мужа.

„Добывъ такимъ образомъ Друзіану, Бово дѣлаетъ ее своею женой и она рождаетъ двухъ мальчиковъ. Но прежде чѣмъ они явились на свѣтъ, супруги разлучились и тутъ начинаются ихъ скитанія.

Послѣ ряда приключеній Бово добываетъ себѣ свое родовое владѣніе, гдѣ бывшая его кормилица признаетъ его по родинкѣ на правомъ плечѣ, въ то время какъ онъ беретъ ванну. Между тѣмъ, дочь султана Мальгарія, оказавшая ему услугу во время его пребыванія во власти ея отца, обращается къ нему за помощью; онъ освобождаетъ ее отъ враговъ, креститъ ее и собирается жениться на ней. Какъ разъ къ этому времени приходитъ туда Друзіана; подъ видомъ скомо-

рошпицы — a modo de çublara va cercando le contra' — съ арфой въ рукахъ, натершись чернымъ зельемъ, она обходила царства, разыскивая мужа, пока, наконецъ, нашла его. Когда Бово стоялъ на балконѣ съ Мальгаріей, она играла и пѣла про Бову и Друзіану, а сыновья ея плясали. Услышавъ пѣсню про себя и свою жену, Бово допытывается, кто эта музыкантша; затѣмъ, во время обѣда два сына Друзіаны стали противъ Бово и когда онъ спросилъ ихъ, кто они и откуда, они рассказали ему, что они дѣти Бово и Друзіаны. Услышавъ это, Бово прыгнулъ черезъ столъ къ дѣтямъ, и тутъ слѣдуетъ признаніе супруговъ; онъ беретъ себѣ Друзіану, а Мальгарію выдаетъ за рыцаря Теріс'а, сына своего воспитателя“.

Въ такомъ видѣ развивается наша тема въ поэмѣ о *Luovo d'Antona*. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ воспроизведеніи она сохранила много типичныхъ своихъ чертъ, быть можетъ потому, что итальянскій пересказчикъ французскаго оригинала нашелъ ее въ своемъ источникѣ уже въ ослабленномъ видѣ, потерявшей нѣкоторыя свои типичныя подробности, передававшіяся въ тому же не въ ихъ обычной послѣдовательности. Такое предположеніе до нѣкоторой степени оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что сѣверная *Bevera-saga*, восходящая къ тому-же французскому источнику (А. Веселовскій, *Op. cit.*, стр. 232-240) подобно итальянскому пересказу не сообщаетъ многихъ существенныхъ моментовъ изъ традиціоннаго состава нашего сюжета. Такъ, здѣсь вовсе умалчивается о томъ, что герой оставляя свою невѣсту, обѣщаетъ возвратиться чрезъ опредѣленный періодъ времени; кольцо не играетъ здѣсь никакой роли ни при разлукѣ героя съ героиней, ни при ихъ встрѣчѣ и признаніи; самое признаніе происходитъ не на брачномъ пиру, а при другихъ условіяхъ. Тоже самое оказывается и въ итальянской поэмѣ о Бово, причемъ авторъ ея, повидимому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего разсказа рисуетъ сцены подъ воздѣйствіемъ другихъ итальянскихъ обработокъ нашего мотива. Это особенно бросается въ глаза при описаніи ссоры происходящей между возвратившимся подъ видомъ пилигрима Бово и придворными

поварами, напоминающей точно такую-же сцену из поэмы „Sragna“, повѣствующей о подобномъ же возвращеніи Карла.

Сцена признанія супруговъ, какъ мы видѣли, дублируется въ поэмѣ о Буово: сперва герой возвращается ко времени свадьбы своей невѣсты, а затѣмъ жена появляется въ моментъ свадьбы своего мужа; при описаніи этого послѣдняго случая авторъ рассказываетъ, что Бово, узнавъ въ мальчикахъ, стоявшихъ передъ нимъ, своихъ дѣтей, съ такою стремительностью бросается къ нимъ, что перепрыгиваетъ черезъ столъ. Подробность эта сама по себѣ не важна, но она интересна тѣмъ, что, повидимому, обнаруживаетъ вліяніе на автора Бово вышеизложенной новеллы Боккаччо о возвращеніи Торелло изъ плѣна; по разсказу Боккаччо жена, признавъ въ пилигримѣ своего мужа, съ такою порывистостью бросается къ нему, что опрокидываетъ столъ. Подобная черта, конечно, болѣе умістна въ новеллѣ, гдѣ она приписывается женщинѣ, и если повторяется въ сказаніи о Бово въ примѣненіи къ мужчинѣ, то объяснить это можно лишь желаніемъ автора сохранить извѣстную ему эпическую картину. При этомъ случаѣ будетъ умістнымъ указать, что отмѣченная подробность — прыганіе черезъ столъ — при аналогичныхъ условіяхъ неизмѣнно сохраняется въ пѣсняхъ западныхъ славянъ и въ нѣкоторыхъ русскихъ былинахъ соотвѣтствующаго содержанія. Нельзя думать, чтобы здѣсь играла роль простая случайность, которую къ тому-же безъ натяжки трудно объяснить единствомъ человѣческой психики, удобнѣе всего усматривать въ ней результатъ литературнаго припоминанія, каковое и отмѣчено нами по отношенію къ поэмѣ о Buovo d'Antona.

3. *Итальянскія народныя пѣсни.*

Въ современной итальянской народной поэзіи отмѣчено значительное количество пѣсенъ, передающихъ тему о внезапномъ возвращеніи мужа. Нѣкоторыя изъ такихъ пѣсенъ сохраняютъ почти всѣ существенныя черты старыхъ извѣстныхъ намъ обработокъ традиціоннаго разсказа, другія же удержи-

ваютъ лишь отдѣльныя звенья фабулы. Пѣсни такого рода записаны по преимуществу въ сѣверной Италіи и разбросаны по разнымъ изданіямъ. По разработкѣ содержанія ихъ можно раздѣлить на три группы. Изъ окрестностей Пистойи соотвѣствующая пѣсня сообщена G. Nerucci ¹⁾ подъ заглавіемъ „*Bennardo*“; изъ окрестностей Лукки—G. Giannini ²⁾ подъ заглавіемъ „*Il falso pellegrino*“; изъ Бергамо—F. Corazzini ³⁾ подъ заглавіемъ „*Il pellegrino*“; изъ венеціанской области двѣ пѣсни даетъ G. Bernoni ⁴⁾ подъ заглавіемъ „*Il ritorno dalla guerra*“ и „*Il finto pellegrino*“ и одну Adolf Wolf ⁵⁾ подъ заглавіемъ „*La moglie fedele*“; одна пѣсня монферринская находится у G. Ferraro ⁶⁾ подъ заглавіемъ „*Il falso pellegrino*“, одна изъ Истріи передана у A. Ive ⁷⁾ подъ заглавіемъ „*La moglie fedele*“. По своему содержанію всѣ эти пѣсни составляютъ одну группу, которую мы назовемъ первой; всего ихъ опубликовано восемь варіантовъ. Въ шести изъ нихъ герой называется Bernardo или Bennardo, въ двухъ онъ именуется просто „gentilomo“. Наиболѣе полными оказываются пѣсни венеціанскія, а также пѣсни изъ Истріи. Венеціанская пѣсня, сообщенная Вольфомъ, развивается такъ:

„Умывшись, одѣвшись и обувшись, идетъ Бернардо въ конюшню, выбираетъ лучшаго коня, сѣдлаетъ его и зауздываетъ золотыми удилами. Жена спрашиваетъ его, куда онъ отправляется. Протянувъ бѣлую руку, онъ показываетъ ей свое

---

¹⁾ G. Nerucci, *Storie e cantari*, въ *Archivio per lo studio delle tradizioni popolari* III (1884), стр. 44.

²⁾ Giovanni Giannini, *Saggio di canti popolari*, *Archivio*, VI (1887), стр. 361; *Canti p. della Montagna Lucchese*. Roma 1888, стр. 160.

³⁾ F. Corazzini, *I componimenti minori della letteratura popolare italiana*. 1877, стр. 267.

⁴⁾ G. Bernoni, *Canti pop. veneziani*. 1875, Venezia, Puntata IX, p. 1 и 9.

⁵⁾ Adolf Wolf, *Volkslieder aus Venetien*. *Sitzungsberichte d. K. A. d. W. Phil.-Hist. Classe*, Bnd. XLVI, (1864) Hft. II, s. 316.

⁶⁾ Giuseppe Ferraro, *Canti Monferrini*. 1870, стр. 33.

⁷⁾ A. Ive, *Canti popolari Istriani*. Roma, 1877, стр. 334.

обручальное кольцо и говорить: „со своими солдатами я иду на войну; если черезъ восемь лѣтъ не вернусь, то не жди меня“. Прошло восемь лѣтъ, онъ не возвратился. Жена его идетъ на балконъ и смотритъ на море: видитъ—плыветъ барка и въ ней пилигримъ. Пилигримъ проситъ милостыни; дама предлагаетъ ему хлѣба и вина, но онъ отъ этого отказывается, говоря, что желаетъ спать съ нею почь (Sol una nota dormire con vi). Дама негодуетъ, она готова приказать пропзять пилигрима вилами. „И вы сдѣлали бы мнѣ такое зло, если бы я былъ вашимъ мужемъ“, спрашиваетъ пилигримъ. На ея просьбу доказать чѣмъ либо, что онъ ея мужъ, онъ показываетъ обручальное кольцо и прибавляетъ, что онъ желалъ лишь испытать свою жену“.

Почти дословно совпадаетъ съ только что приведенною пѣснью и та, что сообщена I've изъ Истріи; вся разница въ ихъ содержаніи состоитъ въ томъ, что въ послѣдней мужъ обѣщаетъ вернуться черезъ семь лѣтъ. Срокъ этотъ неизмѣнно повторяется во всѣхъ другихъ итальянскихъ пѣсняхъ, выше указанныхъ; всѣ онѣ, вообще, передаютъ тоже самое содержаніе, что и вышеприведенная пѣсня, излагая его лишь въ болѣе сжатомъ видѣ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вернувшійся въ образѣ пилигрима мужъ открывается жепѣ, не только показавъ ей кольцо, но и сбрасывая свое монашеское одѣяніе.

По своему содержанію пѣсни первой группы сближаются съ испанско-португальскимъ романсомъ „Bella Infanta“, съ которымъ мы познакомимся ниже, и напоминаютъ основу *седьмой* новеллы *третьяго* дня изъ Декамерона Боккаччо. Герой новеллы, Тебальдо, удаляется изъ дому вслѣдствіе размолвки со своею возлюбленной. По прошествіи семи лѣтъ, проведенныхъ на чужбинѣ, онъ возвращается переодѣтый пилигриномъ; возлюбленная не узнаетъ его; онъ открывается ей, показавъ кольцо, которое она когда-то дала ему, и сбросивъ съ себя монашеское одѣяніе. Сходство пѣсенъ съ новеллой въ ихъ основѣ даетъ право сдѣлать заключеніе, что разбираемая пѣсни служатъ частичнымъ отраженіемъ старой темы о возвра-

щеніи мужа, какъ и сама повела, что было указано въ своемъ мѣстѣ.

Въ генетической связи съ пѣснями первой группы стоятъ пѣсни, которыя мнѣ кажутся возможнымъ выдѣлить въ особый отдѣлъ въ виду того, что въ нихъ на первый планъ выдвигается желаніе героя испытать вѣрность жены или невѣсты разсказомъ о томъ, будто ея мужъ умеръ и погребенъ, — это какъ бы существенный моментъ ихъ содержанія. Пѣсни такого содержанія составить вторую группу итальянскихъ вариантовъ на тему о возвращеніи мужа.

Нигра ¹⁾ сообщаетъ четыре варианта такой пѣсни, извѣстной въ Пьемонтѣ, подъ заглавіемъ „*La proca*“; кромѣ того извѣстны многочисленные варианты ея, распространенные въ сѣверной Италиі (Marcoaldi, C. pop., 151; Ricordi-Pullè, C. pop. Lombardi, № 5; Wolf, Volksl. aus Venet., 71; Ferraro, C. pop. Monf., 60; его же, C. pop. di Ferrara, 16, 105; Bernoni, C. pop. Venez. V, 9; Corazzini, Saggio di letter. pop. comparata, 259).

Въ общемъ содержаніе ихъ развивается въ такомъ видѣ: „О! пой, ной, дѣвушка, ты выходишь замужъ. Я не хочу ни пѣть, ни смѣяться, ибо мое сердце принадлежитъ другому. Мой милый ушелъ на войну и вотъ уже семь лѣтъ не возвращается. Если бы знала дорогу, пошла бы его встрѣчать. На половинѣ дороги встрѣчаетъ она молодого человѣка и спрашиваешь, не видѣлъ ли онъ ея милаго. Быть можетъ, видѣлъ его, но я его не знаю; скажи, какъ онъ былъ одѣтъ? Онъ во всемъ красномъ, въ шляпѣ съ оторочкой, съ саблей у пояса и въ вышитомъ шарфѣ. Такъ, такъ, я его видѣлъ, въ сопровожденіи пятидесяти зажженныхъ факеловъ его несли хоронить. Красавица упала на землю отъ горя. Вставай, вставай, дѣвушка, я твоя первая любовь“.

По своему содержанію пѣсни второй группы сближаются съ пѣснями первой, обнаруживая въ тоже время близкое со-

¹⁾ Nigra, Op. cit., стр. 314.

впаденіе съ испанско-португальскими романсами, какъ каталонская пѣсня „*El pellegrino*“, португальскій романсъ „*Bella Infanta*“ и другіе, которые укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, третью группу итальянскихъ пѣсень на тему о возвращеніи мужа составляютъ варианты, опубликованные Нигрой въ количествѣ четырехъ подъ заглавіемъ „*Il ritorno del soldato*“ ¹⁾. Въ нихъ таже старая тема о возвращеніи мужа воспроизводится иначе, чѣмъ въ выше разсмотрѣнныхъ пѣсняхъ, при чемъ мужъ приходитъ домой, по нѣкоторымъ изъ этихъ вариантовъ, какъ разъ ко времени свадьбы жены съ другимъ. Таковы пѣсни у Нигры, обозначенныя №№ 28^a и 28^b. Онѣ такого содержанія:

„Король написалъ письмо; надо идти на войну. Молодой человѣкъ пробылъ въ отсутствіи семь лѣтъ и не возвращался. Бѣдная Маргарита! ее хотить выдать замужъ. По прошествіи семи лѣтъ молодой человѣкъ возвратился. Онъ идетъ къ хозяйкѣ гостинницы и просить помѣщенія; ему отвѣчаютъ, что у нихъ сегодня первый день свадьбы, ожидаютъ много гостей, и для него нѣтъ мѣста. Изъ дому выходитъ отецъ и приглашаетъ драгуна въ домъ раздѣлить ужинъ со всѣми присутствующими. Драгунъ садится за столъ и начинаетъ пѣть. Потомъ онъ проситъ карты, чтобы игрою рѣшить, кому достанется красавица и кто возьметъ ее съ собою на почѣ. Женихъ проситъ драгуна воздержаться отъ неприличныхъ выходокъ, иначе его выведутъ, на что тотъ заявляетъ: „Это моя дама, и ея первый возлюбленный и немедленно возьму ее за себя“. Маргарита бросилась къ нему на шею, говоря, что она идетъ за него“.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ (№ 28 А. В. С. D.) этой группы возвратившійся послѣ семилѣтняго отсутствія солдатъ находитъ свою жену не только замужемъ, но и съ дѣтьми; онъ оставилъ ее съ однимъ ребенкомъ, а теперь ихъ у нея трое. Она объясняетъ, что до нея дошло ложное извѣстіе,

¹⁾ Nigra, Op. cit. стр. 168—176.

будто онъ умеръ, а потому она вышла замужъ. Мужъ прощаетъ ее, беретъ себѣ старшаго сына, а ей отдаетъ двухъ младшихъ.

Пѣсни послѣдней категоріи, хотя и отражаютъ на себѣ отдаленные слѣды вліянія старыхъ романтическихъ произведеній на тему о неожиданномъ возвращеніи мужа, но по своему складу принадлежать позднѣйшему времени, причемъ обнаруживается такое дословное совпаденіе ихъ съ указанными французскими текстами (Puymaigre, Ch. pop. Mess. I, 65; Bujeaud, Ch. pop. da l'Ouest, 89; Guillon, Chaus. pop. de l'Ain, 229), что нельзя сомнѣваться въ ихъ общемъ происхожденіи. Очевидно, итальянскія пѣсни третьей группы восходятъ не къ старымъ переработкамъ нашей темы, извѣстнымъ издавна и въ итальянской поэзіи, но къ позднѣйшимъ французскимъ народнымъ пѣснямъ, проникшимъ въ Пьемонтъ путемъ устной передачи.

Чтобы покончить съ итальянскими пѣснями на тему о внезапномъ возвращеніи мужа, мнѣ остается указать еще, что нѣкоторыми своими чертами онѣ отразились въ легендахъ о св. Алексѣѣ, какъ это легко замѣтить на слѣдующей пѣснѣ „*Sant' Alessio*“ (Nigra, Op. cit. 538):

„По желанію своего отца Алексѣй женится, но вечеромъ въ день свадьбы только и дѣлаетъ, что плачетъ. На вопросъ жены, почему онъ плачетъ, онъ говоритъ, что далъ обѣтъ Пресвятой Дѣвѣ сходить въ Іерусалимъ. Жена одобряетъ это и говоритъ: *Vérigin mi lasserì-ve, vérigin mi trovarè*. На полпути встрѣчаетъ его дьяволъ, говоритъ, что жена его выходитъ замужъ за другого и совѣтуетъ ему возвратиться, но голосъ свыше побуждаетъ идти впередъ. Черезъ семь лѣтъ Алексѣй возвращается домой, проситъ милостыни и ночлега у своихъ; тѣ его не узнаютъ, на ночь помѣщаютъ подъ лѣстницей. Въ полночь зазвонили колокола; должно быть, преставился какой-либо святой, говорятъ родные Алексѣя. Подъ лѣстницей нашли св. Алексѣя, онъ держалъ билетикъ, на которомъ было обозначено, что всѣ его домашніе спасены“.

Пѣснь эта весьма популярна въ Провансѣ и въ Пьемонтѣ

(Arbaud, Ch. pop. de la Provence, II, 30; Ferrago, C. pop. Monf. 126). Основана она, очевидно, на легендѣ; но ни въ легендѣ, переданной Яковомъ Ворагине, ни въ актахъ Болландистовъ нѣтъ подробностей о томъ, какъ дьяволъ дѣлаетъ ложное обвиненіе жены св. человека въ невѣрности. Въ нѣкоторыхъ же итальянскихъ народныхъ легендахъ, какъ говоритъ г. Нигра, подробность эта есть; надо думать, что она попала сюда изъ народныхъ пѣсенъ, привлеченныхъ въ легенду случайной аналогіей съ тѣмъ, что и здѣсь молодой Алексѣй оставляетъ жену сейчасъ-же послѣ свадьбы и уходитъ изъ дому на семь лѣтъ.

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія итальянскихъ пѣсенъ обнаруживается, что старый сюжетъ о внезапномъ возвращеніи мужа, усвоенный въ свое время итальянской поэзіей, какъ поэма „Spagna“, какъ новеллы Боккаччо и какъ поэма о *Buovo d'Antona*, до сихъ поръ еще живетъ въ устной поэзіи, пользуясь широкой популярностью въ пѣсняхъ сѣверной Италіи, сближающихся съ соотвѣтствующими произведеніями французскими и испанско-португальскими. Близость современныхъ итальянскихъ пѣсенъ къ современнымъ французскимъ и испанско-португальскимъ обнаруживаетъ довольно ясно тотъ интересный фактъ, что итальянскія народныя пѣсни о возвращеніи мужа хотя и являются продолженіемъ средневѣковой литературной традиціи, но при этомъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ пѣсни первой и второй группъ, восходятъ, повидимому, къ старымъ обработкамъ нашего сюжета, послужившимъ, быть можетъ, источникомъ и для выше разсмотрѣнныхъ новеллъ Боккаччо, тогда какъ другія, именно пѣсни третьей группы, оказываются отраженіемъ позднѣйшаго поэтического теченія, вышедшаго изъ Франціи и проникшаго въ Италію путемъ устной передачи уже въ чисто народной средѣ, тогда какъ средневѣковое усвоеніе нашего сюжета совершилось въ средѣ литературной.

Путемъ литературнаго усвоенія сюжетъ нашъ занялъ важное мѣсто и въ поэзіи испанско-португальской.

14.

Испанско-португальскіе романсы.

Эпическія пѣсни испанцевъ и португальцевъ извѣстны въ настоящее время подъ общимъ именемъ романсовъ ¹⁾, но собственно народныя эпическія пѣсни первоначально назывались *cantares*, такъ какъ предназначались для пѣнія, а подъ терминомъ романсы (*romanz*, *romances*) разумѣлись въ XIII стол. болѣе или менѣе обширныя, подвергшіяся извѣстной литературной обработкѣ произведенія, писанныя на народномъ, т. е. романскомъ языкѣ и предназначавшіяся по преимуществу для чтенія. Съ начала XV стол. терминъ романсъ пріобрѣтаетъ то значеніе, съ какимъ онъ употребляется и въ наше время, обозначая всякое вообще эпическое произведеніе, какъ литературнаго, такъ и народнаго происхожденія въ противоположность разнымъ родамъ лирическихъ произведеній, какъ *coplas*, *canciones*, *sonetos* и т. д.

Упомянутія объ эпическихъ испанскихъ пѣсняхъ восходятъ къ половинѣ XII стол., а въ половинѣ XIII вѣка король Альфонсъ X въ приписываемой ему *Crónica general* неоднократно ссылается на романсы, называемые здѣсь *cantares de geste* или *cantares de los juglares*, какъ на богатѣйшій источникъ національной исторіи. Произведенія эти въ обработкѣ національныхъ поэтовъ, такъ наз. *juglares*, бывшихъ подражателями и учениками французскихъ жонглеровъ (*jongleurs*), раньше другихъ народныхъ пѣсенъ были записаны, попали въ печать въ разныхъ летучихъ листкахъ или сборникахъ и

---

¹⁾ L. L e m c k e, Handbuch der spanischen Litteratur. Leipzig, 1855, II, 3; F r. W o l f, Studien zur Geschichte der spanisch. u. portug. National-litteratur. Berlin, 1859, 449 и сл.; P u y m a i g r e, Les vieux auteurs castillans. Paris, 1861, II, 235—329; M o r e l - F a t i o въ Romania, 1873, p. 128; V. H a r d u n g, Romanceiro portuguez. Leipzig, 1877, I во введеніи.

дошли до нашего времени, однако, не ранѣе, какъ отъ XV столѣтія.

Многіе изъ сохранившихся памятниковъ этого рода указываютъ, что вліяніе французскаго карловингскаго эпоса на испанскую героическую поэзію было весьма значительно; дѣльный рядъ испанскихъ романсовъ обнаруживаетъ несомнѣнные слѣды такого вліянія или усвоеніемъ именъ французскихъ героевъ, какъ Roland, Renaud, Baudouin, Maugis, Olivier, Durandart, именемъ котораго во французскомъ эпосѣ назывался собственно мечъ Роланда, и Gaifiers, или повтореніемъ отдѣльных эпизодовъ французскаго эпоса, приписываемыхъ новымъ лицамъ, какъ Montesinos, Grimaltos, Claros, Dirlos, причемъ всѣ эти герои вводятся въ кругъ пѣровъ Карла Великаго. Существеннымъ содержаніемъ большинства романсовъ служить повѣствованіе о борьбѣ Карла съ невѣрными, какъ испанскіе мавры или какъ сарацины, обладатели св. земли. Съ внѣшней своей стороны такіе рыцарскіе романы отличаются отъ прежнихъ народныхъ пѣсень своимъ значительнымъ объемомъ, законченностью разсказа и обработкой формы. Въ ихъ числѣ находится одинъ романсъ интересный для насъ въ томъ отношеніи, что по своему содержанію онъ входитъ въ кругъ изучаемыхъ нами сказаній. Это романсъ о „*Conde Dirlos*“ въ 1335 стиховъ.

„*Romance del conde Dirlos* ¹⁾“.

„Графъ Дирлосъ, племянникъ Рольдана, спокойно живетъ въ своемъ имѣніи вдали отъ двора. Вдругъ онъ получаетъ письмо отъ императора Карла, гдѣ сказано, чтобы графъ собралъ своихъ рыцарей, далъ бы имъ вооруженіе и двойное содержаніе и отправился бы въ походъ противъ сарацинскаго

---

¹⁾ Primavera, II, стр. 129—170; G. Depping, *Romancero Castellano ó colleccion de antiguos romances populares de los españoles*. Leipzig 1844, II, стр. 8; Puymaigre, *Vieux auteurs castillans*, II, стр. 315.

короля Алиарда, оскорбившаго Карла и его паладиновъ. Прочитавъ письмо, графъ очень опечалился, не потому чтобы онъ страшился мавровъ или робѣлъ предъ битвами, но потому, что у него была молодая жена, ради которой онъ четыре года несъ службу и съ которой не прожилъ еще и года. Жена его тоже въ отчаяніи; она проклиняетъ свою молодость и красоту, и день, въ который она связала свою судьбу съ графомъ. Утѣшая ее, онъ готовъ передать ей въ полную собственность всѣ свои владѣнія, обѣщаетъ поручить ее покровительству своего дяди, донъ Бельтрана, и своего племянника, Гайфера, а также Оливероса и Рольдана и, наконецъ, самого императора и его двѣнадцати пэровъ. Въ виду того, что царство Алиарда лежитъ далеко отъ Испаніи, вблизи св. гроба, по ту сторону моря, онъ проситъ жену:

„Siete años, la condesa,
todos siete me esperad;
si á los ocho no viniere,
á los nueve vos casad;
seréis de veinte y siete años
que es la mejor edad:
el que con vos casare, señora,
mis tierras tome en ajuar“... т. е.

ожидать его возвращенія полныхъ семь лѣтъ; если на восьмой годъ онъ не вернется, она снова можетъ выйти замужъ; она будетъ тогда въ лучшемъ возрастѣ, ей будетъ всего двадцать семь лѣтъ, и пусть тотъ, за кого она выйдетъ замужъ, владѣетъ его землями. Затѣмъ графъ Дирлосъ, взявъ жену, ѣдетъ въ Парижъ. Тутъ онъ поручаетъ жену охранѣ императора и помянутыхъ рыцарей, повторяетъ въ присутствіи ихъ всѣхъ просьбу ждать его возвращенія семь лѣтъ и принимаетъ подъ свое командованіе десять тысячъ лучшихъ французскихъ рыцарей и много другого войска; всѣмъ имъ императоръ выдалъ жалованье за семь лѣтъ впередъ. Посадивъ войско на корабли, Дирлосъ простился на морскомъ берегу съ женой и отплылъ въ страну маврскаго короля Алиарда. Въ отчаяніи отъ разлуки съ женой онъ произноситъ клятву никогда не возвра-

щаться во Францію и не посылать туда даже писемъ, чтобы тамъ ничего не знали про него. По прошествіи трехъ лѣтъ постоянной борьбы съ невѣрными онъ заставляетъ и всѣхъ военачальниковъ поклясться въ томъ, что никто изъ нихъ не пошлетъ во Францію ни вѣстника, ни письма. Такъ проходитъ пятнадцать лѣтъ. Онъ не даетъ о себѣ вѣсти ни женѣ, ни дядѣ, ни паладинамъ, ни императору; за все это время онъ не стрижетъ ни бороды, ни волосъ, которые выросли у него до пояса; лицо у него огрубѣло отъ воздуха и солнца, вся внѣшность приняла видъ дикій и ужасный. Во Франціи многіе думали, что онъ умеръ или утонулъ.

Въ началѣ шестнадцатаго года своего отсутствія онъ увидѣлъ во снѣ свою жену въ объятіяхъ какого-то принца. Сонъ этотъ привелъ его въ ярость и пробудилъ въ душѣ желаніе вернуться на родину. Онъ созываетъ войско и отдаетъ приказаніе готовиться въ обратный путь. Садясь на суда, онъ проситъ рыцарей и воиновъ не обнаруживать на родинѣ его имени, но говорить, что это посолъ, идущій изъ-за моря къ императору Карлу. Радясь возвращенію на родину, всѣ охотно готовы исполнить его просьбу. Прибывъ во Францію, графъ Дирлосъ направляется не ко двору императора, но въ свои владѣнія; приблизившись къ одному изъ городовъ, онъ увидѣлъ, что на городскихъ воротахъ его родовой гербъ замѣненъ другимъ. Онъ спрашиваетъ у попавшагося ему на встрѣчу старика, чьи это земли, и тотъ рассказываетъ, что онѣ принадлежали сперва графу Дирлосу, а теперь ими владѣетъ Целиносъ. Старикъ объясняетъ далѣе, что Целиносъ, написавъ подложныя письма, будто графъ давно уже убитъ, посватался къ графинѣ, и что та пошла за него не по доброй волѣ: ее принудилъ къ этому Оливеросъ, ее побуждалъ къ этому донъ Рольданъ, ее просилъ объ этомъ самъ императоръ Карлъ Великій. Уступая имъ, она согласилась выйти за Целиноса съ условіемъ, что онъ никогда не приблизится къ ней, что онъ никогда до нея не дотронется и что порукой въ этомъ будетъ Рольданъ. Когда такимъ образомъ рѣшена была свадьба и уже хотѣли идти въ церковь, неожиданно появляется

сокольничій, пришедшій изъ той страны, изъ-за моря, и говорить, что графъ еще живъ и что у него есть тому доказательства. Графиня очень этому обрадовалась и потребовала отложить свадьбу на годъ и послать гонцовъ за море, чтобы точно узнать, живъ или умеръ графъ.

Получивъ эти свѣдѣнія, Дирлосъ изъ своихъ владѣній идетъ въ Парижъ. У города онъ оставляетъ своихъ рыцарей и въ сопровожденіи лишь ста человѣкъ идетъ ко дворцу императора; на своемъ пути онъ встрѣчаетъ торжественную процессію, направлявшуюся отъ дворца; оказалось, что жена его заключила брачный договоръ съ Оливеросомъ и Рольданомъ, какъ представителями молодого Целиноса. Дирлосъ возвращается назадъ изъ города, укрывается до вечера въ чащѣ лѣса, а ночью пробирается снова въ Парижъ во дворецъ своего дяди графа Бельтрана, у котораго находилась и жена его. Она не сразу узнаетъ мужа, а лишь тогда, когда онъ отбросилъ назадъ свои длинные волосы; со слезами бросилась она ему на шею. На слѣдующій день Дирлосъ со своими друзьями идетъ къ Карлу и требуетъ поединка: Оливеросъ и Рольданъ должны съ нимъ драться. Все французское рыцарство раздѣляется на два лагеря, Франціи угрожаетъ страшное бѣдствіе междоусобной войны. Карлъ въ отчаяніи, онъ умоляетъ враждующихъ примириться и плачетъ; дамы и дѣвицы упрашиваютъ своихъ мужей и отцовъ прекратить ссору, о томъ же хлопочетъ архіепископъ Турпинъ; наконецъ, удается уладить ссору тѣмъ, что обѣ партіи приняли такое рѣшеніе: такъ какъ Целиносъ совершилъ обманъ по молодости,—ему было всего пятнадцать лѣтъ,—то до двадцати лѣтъ онъ не будетъ считаться въ числѣ двѣнадцати пэровъ Франціи, не будетъ имѣть права сидѣть за Круглымъ Столомъ и не смѣетъ жить тамъ, гдѣ будутъ находиться графъ и графиня Дирлосъ“.

Таково содержаніе этого обширнаго испанскаго романа. Въ немъ, какъ видимъ, нашли свое мѣсто какъ герои французскаго эпоса, такъ и преданія изъ цикла Круглаго Стола; все это смѣшано на почвѣ событій изъ періода крестовыхъ походовъ и развивается въ рамкахъ схемы, на которой по-

строенъ извѣстный намъ сюжетъ о возвращеніи мужа. Если схема здѣсь не вполне выдержана, особенно въ концѣ, который представляется недоразвитымъ, если признаніе супруговъ происходитъ не за свадебнымъ пиромъ, который въ сущности и не совершался въ виду молодости жениха и особыхъ условий, на которыхъ состоялось свадебное соглашеніе, то этими своими особенностями она приближается къ старому типу сказаній, какъ провансальскій романъ о Раймундѣ du Bousquet и рассказъ въ нормандской хроникѣ Wace'a о Ричардѣ Безстрашномъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь имѣются въ наличности и существенныя черты позднѣйшихъ обработокъ той же темы: мужъ идетъ на войну, прося жену ждать его семь лѣтъ и лишь на восьмой выходить замужъ за другого; проходитъ пятнадцать лѣтъ, онъ о себѣ не даетъ никакихъ извѣстій, но жена все таки остается ему вѣрной; лишь по принужденію она соглашается выйти за другого; подъ вліяніемъ вѣщаго сна мужъ возвращается въ неузнаваемомъ видѣ, обросшій волосами на подобіе дикаго человѣка (*salvaie*); онъ выдаетъ себя за посла отъ заморскаго короля къ Карлу, какъ въ новеллѣ Боккаччо о возвращеніи Торелло; жена признаетъ его не сразу, а лишь тогда, когда онъ отбрасываетъ свои волосы назадъ; вмѣсто жениха мужъ переноситъ свою месть на его замѣстителей, но ссора кончается примиреніемъ, благодаря внимательству короля и другихъ лицъ.

Очевидно, авторъ испанскаго романа самостоятельно и съ значительной свободой разработалъ взятую тему, сохранивъ ея основныя звенья, на которыхъ построилъ свое обширное произведеніе съ содержаніемъ, заимствованнымъ отчасти изъ эпическихъ французскихъ преданій, отчасти изъ воспоминаній о крестовыхъ походахъ. Въ общемъ сочетаніи этихъ разнородныхъ элементовъ авторъ проявляетъ такую самостоятельность, что искать ближайшій источникъ для него не представляется возможнымъ; вѣроятнѣе всего предположить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ воспроизведеніемъ какой либо иноземной обработки нашего сюжета, но съ самостоятельнымъ и оригинальнымъ продуктомъ

испанской эпике, усвоившей существенныя основы известной романтической темы.

Романсъ о графѣ Дирлосѣ въ первый разъ напечатанъ въ 1524 году¹⁾; возникнуть онъ могъ, конечно, нѣсколько раньше, при чемъ автору его былъ известенъ какой-либо рассказъ или пѣсня, построенные на популярной въ свое время темѣ о возвращеніи мужа.

Судя однако по тому, что традиціонная тема эта разработана здѣсь на почвѣ эпическихъ французскихъ матеріаловъ, что дѣйствіе совершается въ Парижѣ, въ кругу Карла и его паладиновъ, можно думать, что она попала въ Испанію изъ Франціи съ приуроченіемъ рассказываемаго приключенія если не къ личности самого Карла, какъ это мы видѣли въ рассказѣ Эненкеля о возвращеніи Карла изъ Венгріи и въ повѣствованіи итальянской поэмы „Spagna“ о такомъ же возвращеніи Карла изъ Испаніи, то во всякомъ случаѣ къ личности одного изъ паладиновъ Карла, племянника Роланда графа Дирлоса. Если романсъ о графѣ Дирлосѣ передаетъ нашу тему съ сохраненіемъ значительнаго числа чертъ ея архаической обработки, то отдѣльныя черты такихъ рассказовъ удержались въ нѣкоторыхъ другихъ романсахъ, дошедшихъ до нашего времени или въ старыхъ записяхъ, или сохранившихся въ устной передачѣ, удержавъ нѣкоторыя особенности архаическаго характера. Одинъ изъ такихъ романсовъ известенъ какъ въ Испаніи, такъ и въ Португаліи, и своимъ построениемъ совпадаетъ съ пѣснями, распространенными и во Франціи, и въ Италіи. Въ Португаліи отмѣчено нѣсколько вариантовъ, записанныхъ изъ устъ народа въ наше столѣтіе: это такъ называемые

„*Romances da Bella-Infanta*“²⁾.

Въ романсѣ „*Bella-Infanta*“ старшей редакціи (Almeida-

---

¹⁾ Milá, De la poesia heroico-popular castellana. Barcelona 1874, стр. 424.

²⁾ V. Hardung, Romanceiro Portuguez. Leipzig 1877, I, стр. 71 — 88.

Garrett, *Romanc.* II, 1—16) дѣйствіе переносится въ св. землю, въ позднѣйшихъ вариантахъ „terra sagrada“ замѣняется Бразиліей или Франціей. Кромѣ старѣйшаго варианта, взятаго Гардунгомъ у Almeida-Garrett'a, онъ сообщаетъ еще четыре: 1) изъ Beira-Baixa, почти тожественнаго содержанія съ редакціей у Almeida-Garrett'a, взять у Th. Braga (*Rom. geral*, p. 1—4); 2) другой вариантъ „Dona Clara“ изъ Minho заимствованъ у Almeida-Garrett'a (*Rom.* II, p. 12—14); 3) третій вариантъ изъ Beira-Baixa взять у Braga (*Rom.* p. 4—7); 4) четвертый изъ Ilha de S. Jorge (Rosaes) взять у Braga (*Cant. pop. do Archip. Açor.*, p. 298—300).

Старѣйшій вариантъ начинается такъ:

,Estava a bella Infanta
No seu jardim assentada,
Com o pente d'oiro fino
Seus cabellos penteava“.

„Прекрасная инфанта сидѣла въ саду, золотымъ гребнемъ расчесывала свои волосы. По морю приближается флотъ, и она спрашиваетъ капитана: „скажи мнѣ, капитанъ, не встрѣчалъ-ли ты моего мужа въ землѣ, которую топиралъ своими ногами Господь?“ Въ этой святой землѣ столько рыцарей... Скажите мнѣ, по какимъ признакамъ узнать его? — У него былъ бѣлый конь, сѣдло изъ серебра съ позолотой, на концѣ его конья былъ крестъ Спасителя. По этимъ примѣтамъ я узнаю его: онъ палъ во время одного приступа, и я отомстилъ за его смерть. Ахъ, какая я несчастная! А что-бы вы дали мнѣ, если-бы я доставилъ вамъ вашего мужа? Я отдала бы все золото и серебро, что у меня есть; я отдала бы всѣ свои три мельницы, а также черепицы съ крыши, сдѣланныя изъ золота и слоновой кости. Нѣтъ, все это не то, говоритъ капитанъ. Я отдала бы вамъ трехъ своихъ дочерей, одна бы васъ обувала, другая одѣвала, а третья спала бы съ вами. Ваши дочери не дамы для меня. Я хочу имѣть васъ. Рыцарь, позволяющій себѣ говорить такія вещи, заслуживаетъ того, чтобы его привязали въ хвосту лошади и пустили вокругъ моего

сада. Она зоветъ на помощь своихъ вассаловъ, но рыцарь говоритъ: вотъ половина того кольца съ семью камнями, которое я раздѣлилъ; гдѣ твоя половина? Тутъ жена признаетъ въ рыцарѣ своего мужа^а.

Португальскимъ романсамъ о „Bella-Infanta“ соответствуютъ *кастильскіе*, помѣщенные у Wolf п. Hofmann'a: ¹⁾ одинъ по рукописи XVI-го ст. подъ № 155: „Caballero si á Francia ides“ (начало), другой по изданію 1605 года подъ № 156: „Caballero de lejas tierras“ (начало).

Двѣ *каталонскія* версіи сообщены у Milá: ²⁾ первая подъ заглавіемъ „La vuelta del marido“, вторая—„Il peregrino“. Первая начинается такъ:

„Estava la Blancaflor soto l'ombra de la menta
Que brodava un camison per la filla de la reyna.“

„Подъ тѣнью дерева Бланкафлора вышивала рубашку для дочери королевы, вышивала шелкомъ по золотой ткани, когда увидѣла на морѣ приближающіяся галеры. Съ ними возвращается изъ Франціи ея мужъ, но она не узнаетъ его, а спрашиваетъ, не видѣлъ-ли онъ тамъ ея мужа. Онъ отвѣчаетъ, что видѣлъ и что тотъ приказалъ ей искать другого милаго, такъ какъ ему дали въ жены дочь короля французскаго. На это она говоритъ: пусть будетъ онъ счастливъ, семь лѣтъ ждала я его, довольная своимъ обрученіемъ съ нимъ, еще семь лѣтъ буду ждать, какъ покинутая имъ; если онъ и черезъ семь лѣтъ не вернется, я сдѣлаюсь монахиней. Тутъ мужъ открывается ей“.

Milá сопоставляетъ семь вариантовъ этой пѣсни, всѣ они одинаковаго содержанія.

Вторая каталонская версія начинается такъ:

„S'estaba linda senyora á l'ombreta d'un pi;
Las ombretas eran altas que il sol li tocava al pit “

¹⁾ Primavera, П, стр. 87—88.

²⁾ Milá, Romancerillo Catalan. Barcelona 1882, стр. 153, № 202 и 203.

„Прекрасная дама спитъ подъ тѣнью сосны; тѣнь поднялась высоко и солнце начало ударять ей въ грудь. Мимо проходитъ рыцарь, онъ не хочетъ будить ее и кладетъ ей букетъ фіалокъ на грудь. Своею свѣжестью фіалки разбудили даму и она спрашиваетъ, кто этотъ рыцарь, нарушившій ея сонъ. Я не рыцарь, я бѣдный паломникъ, отвѣчаетъ тотъ. Что новаго въ той странѣ, откуда ты идешь, спрашиваетъ дама. Онъ рассказываетъ ей, что тамъ умеръ одинъ пилигримъ и описываетъ его такъ, что въ немъ дама узнаетъ своего мужа. Желая поклониться его могилѣ, она собирается идти въ ту страну, гдѣ онъ умеръ, еслибы ей самой это стоило жизни. Паломникъ сперва отговариваетъ ее, а потомъ отрывается ей“.

Если романсъ о графѣ Dirlos свободно передаетъ старое сказаніе о внезапномъ возвращеніи мужа изъ похода въ св. землю противъ невѣрныхъ, обставляя рассказъ чертами, устраняющими всякое сомнѣніе въ литературномъ родствѣ испанскаго произведенія съ соотвѣтствующими памятниками сосѣднихъ народовъ, выше нами разсмотрѣнными, то испанско-португальскіе романсы „Bella-Infanta“, „La vuelta del marido“ и „El peregrino“, развивающіе лишь одинъ моментъ того-же сказанія — именно, желаніе мужа испытать вѣрность жены рассказомъ, будто ея мужъ умеръ и погребенъ, въ свою очередь сближаются съ одной стороны съ итальянскими пѣснями, выдѣленными мною во вторую группу, озаглавленную „La prova“, съ другой отчасти съ французскими пѣснями о Germaine или Germaine, разбираемыми мною ниже при изученіи литературной темы о „злой свекрови“. Подобная близость между всѣми названными произведеніями служить новымъ доказательствомъ того общенія, при которомъ совершилось какъ литературное развитіе средневѣковой поэзіи романскихъ народовъ, такъ и устно-поэтическое творчество ихъ народной среды, представляющее цѣлый рядъ памятниковъ, стоящихъ, какъ видимъ, въ тѣсной генетической зависимости. Имѣя въ виду, что на основѣ изучаемаго мотива создаются родственныя произведенія не только въ поэзіи романскихъ народовъ, но также въ поэзіи англійской и нѣмецкой, представляется весьма

вѣроятнымъ, что Франція въ данномъ случаѣ была центромъ, изъ котораго изучаемый нами поэтический мотивъ въ известной литературной обработкѣ распространился не только по романскимъ странамъ, но проникъ и въ поэзію германскихъ народностей.

15.

Англійскіе варианты.

Выше было уже указано, что изучаемый поэтический сюжетъ о внезапномъ возвращеніи мужа получилъ широкую популярность въ Англіи, послуживъ тамъ основой для цѣлаго ряда сказаній о Горнѣ, дошедшихъ до насъ то въ формѣ поэмъ, то въ видѣ балладъ. При этомъ было отмѣчено, что сказанія эти, измѣнившись въ своемъ построеніи подъ вліяніемъ мѣстныхъ преданій о Геревардѣ Саксонскомъ, въ своей разработкѣ удержали существенныя черты нашей фавулы, развившейся, какъ мы видѣли, въ довольно опредѣленной эпической формулѣ. Помимо сказаній о Горнѣ фавула эта была известна въ Англіи и въ своемъ первоначальномъ видѣ, получивъ приуроченіе къ опредѣленнымъ мѣстамъ въ видѣ историческихъ преданій въ связи съ воспоминаніями о борьбѣ съ сарацинами въ періодъ крестовыхъ походовъ.

Въ такомъ видѣ дошло до насъ

1. Сказаніе о „*Hugh de Hatton*’н“.

Преданіе это сохранилось въ англійскомъ разсказѣ, связанномъ съ аббатствомъ *Wroxhall* и передано намъ въ рукописи изъ времени Эдуарда IV (1461—1483), пересказанной въ книгѣ *Dugdale’s Baronage of England* (London 1675). Аббатство это находится приблизительно въ трехъ англійскихъ миляхъ отъ желѣзно-дорожной станціи *Hatton* западной до-

роги и нѣсколько далѣе отъ Kenilworth и Warwick и основано вскорѣ послѣ времени Вильгельма Завоевателя при слѣдующихъ, какъ рассказываетъ легенда, чудесныхъ обстоятельствахъ: ¹⁾

„Одинъ рыцарь по имени *Hugh de Hatton* въ началѣ XII столѣтія въ Палестинѣ попалъ въ плѣнъ къ сарацинамъ и пробылъ въ такомъ состояніи *семь лѣтъ*; наконецъ, онъ вспомнилъ, что св. Леонардъ былъ патрономъ его приходской церкви, а потому рыцарь теперь обратился къ нему съ молитвой объ освобожденіи изъ плѣна. Послѣ этого, такъ продолжаетъ Dugdale, является рыцарю во снѣ въ монашескомъ одѣяніи св. Леонардъ, приказываетъ ему встать, вернуться домой и основать при своей церкви женскій монастырь. Рыцарь, проснувшись, счелъ это видѣніе за простой сонъ, пока вторично не повторилось тоже самое. Тогда въ великой радости рыцарь далъ обѣтъ исполнить приказаніе св. Леонарда. Тотчасъ-же онъ былъ чудодѣйственно перенесенъ вмѣстѣ съ цѣнями на родину и опущенъ въ лѣсу ведалеко отъ своего дома. Но онъ не зналъ, гдѣ онъ находится, до тѣхъ поръ пока одинъ изъ его пастуховъ, пробираясь черезъ чащу, случайно нашелъ его. Сперва пастухъ чрезвычайно испугался, увидѣвъ челоуѣка, обросшаго волосами (*so overgrown with hair*), но послѣ краткаго разговора онъ узнаетъ въ немъ своего господина. Послѣ этого приходятъ жена и дѣти рыцаря, но первая не хочетъ вѣрить, что это ея мужъ, пока тотъ не показалъ ей половину кольца, которое онъ разломилъ при своемъ отъѣздѣ на войну; теперь сложенные вмѣстѣ половинки сошлись. Всѣ они молятся и просятъ Бога указать имъ мѣсто, гдѣ построить монастырь; на указанномъ мѣстѣ таковой въ послѣдствіи и воздвигается“.

По словамъ Вальтеръ Скотта похожая исторія была изображена на стеклахъ замка Haigh (Puymaigre, 63).

---

¹⁾ F. Liebrecht, Jahrbuch f. romanische u. englische Litteratur, IV, стр. 110 и сл.

Если о возвратившемся из плѣна рыцарѣ Hugh de Natton'ѣ говорится здѣсь, что онъ былъ неузнаваемъ, потому что „*overgrown with hair*“, то слѣдуетъ припомнить, что про возвратившагося на родину при тѣхъ-же условіяхъ и равнымъ образомъ неузнаваемаго герцога Брауншвейгскаго, какъ увидимъ ниже, говорится:

„mit langen haar umbhangen
recht ob er wer ein wilder man“,

и что точно такимъ же обрисовывается въ испанскомъ романсѣ графъ Дирлосъ, неоднократно называемый „дикимъ человѣкомъ“ (*salvaje*). Точно также герой сербскаго эпоса Марко Кралевичъ возвращается домой въ одѣяніи „чернаго болгарина“ съ бородой, отросшей до „шелкового пояса“, и мать не узнаетъ его, какъ не узнаетъ мать и нашего Добрыню, ибо у него волосы „по плечамъ висятъ“.

Что касается св. Леонарда, являющагося виновникомъ чудеснаго перенесенія рыцаря на родину, то въ виду того, что въ *Legenda Aurea* (ed. Graesse, p. 687) о немъ говорится: „*Leonardus dicitur a Leone*“, Либрехтъ высказываетъ предположеніе, будто св. Леонардъ заступаетъ въ этомъ разсказѣ мѣсто льва, играющаго ту же роль въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ версіяхъ соотвѣтствующаго разсказа. Такое предположеніе знаменитаго ученаго вытекаетъ, повидимому, изъ апіорной мысли, что нѣмецкія сказанія первичнѣе англійскихъ, но на самомъ дѣлѣ, слѣди за постепеннымъ распространеніемъ данной легенды, мы приходимъ къ обратному выводу, а сверхъ того мы видимъ, что на ряду со св. Леонардомъ въ томъ же положеніи находятся и другіе святые, какъ св. Юліанъ во французскомъ разсказѣ изъ Нормандіи про рыцаря de Baqueville, или св. Николай въ романсѣ о sire de Créqui, левъ же внесенъ въ нѣмецкія сказанія случайно для объясненія происхожденія или соотвѣтствующаго изображенія въ гербѣ рыцаря или же сооруженія статуи льва, какъ это было въ Брауншвейгѣ, и если иной разъ дьяволъ, принявъ видъ льва, переноситъ героя на родину, то это наблюдается лишь въ позд-

нѣйшихъ изводахъ легенды, потерявшихъ свою первичную опредѣленность въ устной народной передачѣ.

Въ виду этого предположеніе Либрехта не представляется мнѣ достаточно обоснованнымъ, и англійское преданіе, только что изложенное, всѣми своими подробностями совпадаетъ съ тѣми французскими сказаніями, существованіе которыхъ отмѣчено нами уже въ XI и XII столѣтіяхъ, и которыя весьма рано сдѣлались извѣстными въ Англіи, обусловивъ собою возникновеніе цѣлаго ряда сказаній о Горнѣ.

Повидимому нѣсколько позднѣе, уже подъ воздѣйствіемъ сказаній о Горнѣ, появляются въ англійской поэзіи родственныя произведенія, повѣствующія о приключеніи „*Young Beichan'a*“, близко напоминающемъ историческое преданіе о Жильбертѣ Беккетѣ.

Нами было уже отмѣчено, что романтическій сюжетъ, весьма популярный въ періодъ крестовыхъ походовъ о томъ, какъ рыцарь, попавъ въ плѣнъ къ сарацинамъ, долго томится въ заключеніи, какъ дочь султана влюбляется въ него, способствуетъ его освобожденію и затѣмъ становится его женой, рано прикрѣпляется къ имени Жильберта Беккета, отца знаменитаго архіепископа кентерберійскаго Өомы Беккета.

Извѣстность послѣдняго, повидимому, способствовала распространенію особенно въ Англіи мотива, связаннаго съ его родовымъ именемъ. Факты представляются въ такомъ видѣ.

Когда въ рождество 1170 года ¹⁾ Өома Беккетъ, архіепископъ кентерберійскій, былъ убитъ предъ алтаремъ въ соборѣ четырьмя злодѣями, то это кровавое событіе произвело глубокое впечатлѣніе во всей Европѣ. Церковь и народъ провозгласили его мученикомъ; о немъ скоро начали слагаться легенды.

Французскій поэтъ того времени Гарнье изъ Pont-Sainte-Maxence, маленькаго городка въ Ильдефрансѣ, современникъ

---

¹⁾ Petit de Julleville, Histoire de la langue et de la littérature française. 1896, I, стр. 30.

Оомы Беккета, спустя три года послѣ его смерти пишетъ свою поэму „*Vie de saint Thomas Becket*“ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ имъ на мѣстѣ дѣятельности и смерти архіепископа. Въ этой поэмѣ отсутствуютъ тѣ легендарные элементы, съ которыми мы встрѣчаемся въ другихъ біографіяхъ святого, приписывающихъ ему между прочимъ происхожденіе отъ матери-сарацинянки. Такая легенда внесена въ латинскую біографію архіепископа, дошедшую до насъ въ рукописи отъ 1300 г. (Harleian MS. 2277), откуда въ стихотворной формѣ попала въ печать (W. Black для Percy Society въ 1845 г.), гдѣ исторія Жильберта Беккета, отца архіепископа, изложена въ первыхъ 150 стихахъ.

Изъ этой легенды мы узнаемъ, что лондонскій гражданинъ Жильбертъ Беккетъ въ молодости отправился на поклоненіе гробу Господню въ св. землю въ сопровожденіи одного только своего слуги Ричарда. Они были взяты въ плѣнъ сарацинами и вмѣстѣ съ другими христіанами брошены въ тюрьму. Здѣсь они терпѣли горе и униженіе, находясь во власти адмирала египетскаго султана. Однако адмиралъ отличалъ Жильберта изъ числа другихъ узниковъ, заставлялъ его служить у стола и часто спрашивалъ его объ Англіи и христіанахъ. Дочь адмирала влюбляется въ плѣнника, предлагаетъ себя ему въ жены, но тотъ отказывается. Когда же тотъ убѣждалъ изъ плѣна, она послѣдовала за нимъ въ Англію и вышла за него замужъ, послѣ того, какъ объ этомъ было спрощено мнѣніе шести епископовъ.

По легендѣ, включенной Лаврентіемъ Wade около 1500 года ¹⁾ въ жизнеописаніе Оомы Беккета, Жильбертъ въ самый день свадьбы вторично уходитъ въ Іерусалимъ, оставивъ молодую жену свою на попеченіи вѣрнаго слуги Ричарда. Вернувшись домой черезъ три съ половиною года, онъ находитъ сына, прекраснаго мальчика, будущаго архіепископа кентерберійскаго.

---

¹⁾ C. Horstmann, Thomas Beket, Epische Legende von Laurentius Wade (1497). Englische Studien, III (1880), 411 и сл.

Вотъ таковъ романтическій сюжетъ, связанный съ именемъ Беккета; быть можетъ, въ силу извѣстности послѣдняго, онъ приобретаетъ въ Англіи широкую популярность, получивъ обработку въ формѣ балладъ, героемъ которыхъ является „*Young Beichan*“. Эти баллады представляютъ для насъ особенный интересъ въ виду того обстоятельства, что, возникнувъ на основѣ иного сказанія, чѣмъ изучаемый нами поэтический сюжетъ, онъ разрабатывается съ тѣми же самыми эпическими приемами, съ которыми мы имѣли дѣло при изученіи обширнаго цикла сказаній о Горнѣ, сближающихся такимъ образомъ съ балладами о „*Young Beichan*“ съ тою лишь разницей, что дѣйствующія лица въ послѣднихъ мѣняются ролями: мужская роль приписывается женщинѣ, а женская достается на долю героя.

2. Баллады о „*Young Beichan*“.

Чайльдъ ¹⁾ сообщаетъ 14 балладъ о *Beichan*’ѣ. Я приведу въ русской передачѣ лишь три варианта, А, С и Е, какъ наиболѣе характерные; остальные не вносятъ новыхъ подробностей или новыхъ звеньевъ общаго сюжета, а примыкаютъ къ одному изъ трехъ, нами выбранныхъ вариантовъ.

Вариантъ А развиваетъ такое содержаніе:

„Въ Лондонѣ родился *Beichan*, чужія страны стремился онъ узнать и попалъ въ плѣнъ къ дикому сарацину, который очень жестоко обращался съ нимъ, впрягалъ его въ повозку вмѣсто лошади, держалъ его въ крѣпкой темницѣ, гдѣ не видно было свѣта Божьяго, куда не доходилъ человѣческій голосъ. Но была у сарацина единственная дочь, звали ее „*Susan Rue*“; она проникла къ плѣннику и заговорила съ нимъ. „Скажи, есть у тебя въ родной сторонѣ города, помѣстья, есть-ли деньги, чтобы могъ ты выкупиться изъ неволи и содержать свою милую?“ „Городъ Лондонъ—

---

¹⁾ Child, The english and scottish popular ballads, II, 454. и сл.

мое владѣніе и еще два или три города, отвѣчаетъ молодой плѣнникъ, довольно у меня казны, чтобы выкупиться изъ плѣна, хватить и на содержаніе моей милой“.

Susan Pye подкупила стражу золотомъ и серебромъ, достала ключъ отъ темницы и выпустила на волю молодого Beichan'a. Она дала ему хлѣба и испанскаго вина, прося не забыть свою избавительницу. „Иди, садись на корабль, пусть везетъ онъ тебя на родину, но прежде чѣмъ пройдутъ семь лѣтъ, возвращайся, полюби меня и женись на мнѣ“. Далекое было еще до конца срока, не можетъ вынести разлуки Susan Pye, покинула она родину, сѣла на быстрый корабль. Пристала она къ замку молодого Beichan'a и спрашиваетъ, здѣсь ли онъ живетъ. Да, онъ здѣсь, отвѣчаютъ ей, но онъ пируетъ съ прекрасной невѣстой, и много у него гостей. „Какъ видно, забылъ онъ меня, вздыхая сказала дѣвушка; зачѣмъ повинужа я мою родину“? Она дала три гинеи привратнику, прося вызвать къ ней жениха. Тотъ идетъ и рассказываетъ Beichan'у, что у воротъ стоитъ и хочетъ его видѣть молодая женщина; столько лѣтъ онъ уже привратникомъ и никогда ни на комъ не видалъ такого богатаго убранства; на каждомъ пальцѣ у ней блестятъ перстни, на среднемъ цѣлыхъ три и на головѣ столько золота, что можно бы на него купить цѣлое графство.

Услышавъ эти слова, молодой Beichan вскочилъ со своего мѣста и поклялся именемъ Пресвятой Дѣвы: „это Susan Pye, она переплыла черезъ море, чтобы найти меня“. Прыгая черезъ десять ступеней, сбѣжалъ онъ съ лѣстницы, заключилъ свою милую въ объятія и началъ цѣловать ее. „У тебя есть другая невѣста, ты измѣнилъ мнѣ, ты забылъ ту, которой обязанъ жизнью и свободой“. Она отвернулася, чтобы скрыть свои слезы: „прощай, молодой Beichan, я постараюсь тоже забыть тебя“. „Возьмите назадъ свою дочь, сказалъ онъ матери своей невѣсты, я дамъ ей двойное приданое; я женюсь на своей первой вѣрной невѣстѣ, которая такъ много выстрадала изъ-за меня“. Онъ взялъ ее за руку, повелъ къ фонтану, окрестилъ ее и стала она не Susan Pye, а Lady Jane“.

Вариантъ С.

„Молодой Bekie былъ храбрый рыцарь, онъ переплылъ море и вступилъ на службу къ французскому королю. Не прослужилъ онъ еще и двѣнадцати мѣсяцевъ, какъ влюбился въ дочь короля и за это попалъ въ заключеніе. У короля была единственная дочь, звали ее Isabel, она пришла къ темницѣ и слушала жалобы узника. „О еслибы нашлась женщина, которая освободила бы меня; будь она вдова, я былъ бы ей сыномъ, будь она дѣвушка, я женился бы на ней, и была бы она владѣтельница моихъ замковъ“, такъ пѣлъ юноша. Босая крадется Isabel, боясь, чтобы не накрылъ ее отецъ; она достала ключъ отъ темницы и выпустила узника. Она даетъ ему денегъ, быстро воя и вѣрную свою собаку Гектора, затѣмъ оба клянутся, что прежде чѣмъ пройдутъ три года, они поженятся. Но не пробылъ Bekie и года на родинѣ, какъ его принуждаютъ жениться на дочери герцога, въ противномъ случаѣ онъ лишится своихъ владѣній.

„Увы, горе мнѣ, говорить Bekie „не могу я добратся къ Isabel, ни она ко мнѣ“. Въ это время Isabel спитъ, къ ея постели является духъ Belly-Blin и будитъ ее: вставай, вставай скорѣе, Isabel; какъ можешь ты спать спокойно, когда сегодня день свадьбы твоего милаго, и уже идетъ свадебный пиръ. Иди въ покои твоей матери, возьми тамъ двухъ дѣвушекъ, сама надѣнь пунцовое платье, а дѣвушекъ наряди въ сѣрые платья; надѣнь побольше драгоценностей, иди потомъ къ морскому берегу, покличь лодку, сядь въ нее со своими спутницами, и я самъ перевезу васъ черезъ море. Она все исполнила, какъ ей было приказано, и, переплывъ море, очутилась передъ воротами замка молодого Bekie. Она слышитъ музыку и узнаетъ, что здѣсь справляется свадьба Bekie. Она даетъ привратнику три гинеи и проситъ вызвать къ ней жениха. Привратникъ пораженъ красотою молодой дѣвушки и ея богатымъ нарядомъ и докладываетъ о ней королю, королевѣ и молодому Bekie. Тотъ вскакиваетъ со своего мѣста, клянется, что это можетъ быть только Isabel, бѣжитъ внизъ, беретъ ее въ свои объятія и нѣжно ее цѣлуетъ. Она упрекаетъ его:

„такъ-то ты забылъ меня, Bekie, не я ли освободила тебя изъ темницы, не я ли дала тебѣ быстрого коня и мою вѣрную собаку Гектора“. При этихъ словахъ дѣвушка собака узнаетъ ее и начинаетъ къ ней ласкаться. Bekie оставляетъ свою вторую невѣсту и женится на Isabel“.

Вариантъ Е.

„Въ Лондонѣ родился молодой Beichan, онъ отправился въ заморскія страны и тамъ попалъ въ плѣнъ къ дикому сарацину. Онъ не хотѣлъ послѣдовать закону Магомета, а потому на него надѣли ярмо и заставляли возить тяжести, затѣмъ бросили въ ужасную темницу и держали его тамъ семь лѣтъ. У сарацина была дочь по имени Susan Rue, она часто гуляла около темницы и вотъ разъ услышала, какъ узникъ пѣлъ: „мои собаки бѣгаютъ безъ хозяина, мои соколы летаютъ съ дерева на дерево, мой младшій братъ завладѣетъ моимъ имѣніемъ, и я никогда больше не увижу прекрасной Англіи“. Дѣвушку поразило это пѣніе, она похитила у отца ключъ отъ тюрьмы и явилась къ молодому Beichan'у. „Скажи мнѣ, спрашиваетъ она, есть ли у тебя на родинѣ владѣнія, которыя ты могъ бы отдать той, которая освободитъ тебя изъ неволи“. „Возлѣ Лондона есть у меня нѣсколько замковъ, и я ихъ всѣ отдамъ той, которая освободитъ меня изъ неволи“. „Поклянись мнѣ, говоритъ она, что въ теченіе семи лѣтъ ты ни на комъ не женишься кромѣ меня“. Онъ клянется ждать ее семь лѣтъ; послѣ этого она подкупаетъ стражу и освобождаетъ его, снабжаетъ его всѣмъ необходимымъ и на прощанье снимаетъ съ пальца кольцо, ломаетъ его пополамъ и даетъ Beichan'у половинку, прося беречь этотъ залогъ любви его освободительницы. Далеко еще было до назначеннаго срока, но вотъ дѣвушка слышитъ какой-то внутренній голосъ, который твердитъ ей, что Beichan нарушилъ свою клятву. Она переплываетъ море и, вступивъ на англійскій берегъ, встрѣчаетъ пастуха со стадомъ овецъ. „Что новаго слышно?“ спрашиваетъ она у пастуха. „Необыкновенная новость есть у насъ, отвѣчаетъ онъ: вотъ въ этомъ замкѣ идетъ свадьба уже 33 день, и все еще молодой Beichan не хочетъ идти спать со своей

женой изъ-за любви къ дѣвушкѣ, которая живетъ гдѣ то за моремъ“. Она даетъ пастуху денегъ за добрую вѣсть, затѣмъ стучится въ замокъ и посылаетъ съ привратникомъ жениху половинку своего кольца. Привратникъ идетъ, описываетъ красоту и богатство молодой незнакомки, говоря, что она проситъ кусокъ бѣлаго хлѣба и кубокъ вина въ память той, которая избавила Beichan'a изъ тюрьмы. Услышавъ это, женихъ бросается внизъ, перескакивая черезъ 10 ступеней, узнаетъ тотчасъ же свою милую и начинаетъ ее цѣловать. Она упрекаетъ его въ измѣнѣ и говоритъ, что сама тоже постарается забыть его, но онъ клянется, что только она будетъ его женой, отсылаетъ свою вторую невесту, щедро вознаграждаетъ ее, а самъ беретъ Susan за бѣлую руку, ведетъ къ фонтану, креститъ ее, и стала она не Susan Pye, а Lady Jane“.

Не только въ приведенныхъ трехъ, но во всѣхъ вообще балладахъ о Beichan'ѣ имя героя съ нѣкоторыми измѣненіями остается одно и то же: Bekie, Bichan, Brechin, Bateman, Bondwell. О немъ говорится, что онъ родомъ изъ Лондона, или изъ Англіи, ему принадлежитъ Лондонъ, или онъ владѣетъ тамъ дворцомъ. Онъ отправляется за море, чтобы повидать чужія страны, или чтобы заработать тамъ кусокъ хлѣба, или въ св. землю для поклоненія гробу Господню, иной разъ идетъ во Францію или въ какую-то не названную страну.

Обыкновенно онъ попадаетъ въ плѣнъ къ сарацинамъ или туркамъ; тамъ обращаются съ нимъ крайне жестоко, превращаютъ его во вьючное животное, надѣваютъ на него ярмо, заставляютъ тащить плугъ. Все это продѣлываютъ съ нимъ за то, что онъ ревностный христіанинъ и лишь иной разъ бросаютъ въ тюрьму за то, что онъ влюбляется въ дочь короля.

Въ тюрьмѣ Beichanъ вызываетъ ко Пр. Дѣвѣ; на помощь къ нему является единственная дочь сарацина, турка или короля; она уже любитъ Beichan'a или влюбляется въ него, услышавъ его пѣніе. Она добываетъ ключи и освобождаетъ узника, кормитъ его хлѣбомъ и виномъ, даетъ ему денегъ, а также корабль для отплытія въ Англію, иной разъ еще ло-

шадь и собаку. Она просит не забывать ее, ломает пополам кольцо и дает Beichan'у половину, чтобы он лучше помнил ее. Они клянутся друг другу, что через семь лѣтъ состоится ихъ свадьба; въ одномъ вариантѣ—черезъ три года.

По истеченіи семилѣтняго срока героиня, обыкновенно Susan или Isabel или Sophia, томится предчувствіемъ измѣны со стороны своего милаго, или же къ ней является фея или духъ и сообщаетъ ей, что въ этотъ же самый день или черезъ ночь состоится свадьба Bekie. Чудеснымъ образомъ она переносится въ Англію къ моменту свадьбы Bekie, о которомъ нѣкоторые варианты рассказываютъ, что онъ женится по принужденію, ибо въ противномъ случаѣ потеряетъ свои владѣнія; по инымъ вариантамъ онъ не хочетъ идти спать съ молодой женой, хотя свадебный пиръ длится уже 33 дня, такъ какъ онъ любитъ другую дѣвушку, которая далеко за моремъ.

Прибывъ въ Англію, героиня узнаетъ про свадьбу своего милаго или отъ встрѣчнаго пастуха овецъ, или отъ мальчика съ лошадью у водопада, или же отъ привратника у замка. Она или вызываетъ жениха, или посылаетъ ему половинку кольца или просто кольцо. Услыхавъ объ ся приходѣ, Beichan опрокидываетъ столъ съ посудой, или, бросившись къ ней, прыгаетъ внизъ по лѣстницѣ черезъ 10—15 ступеней. После этого Beichan женится на своей первой невѣстѣ, а вторую отдаетъ за своего двоюроднаго брата.

Такимъ образомъ подробностями своей разработки баллады о „Young Beichan'ѣ несомнѣнно обнаруживаютъ, что основная тема ихъ—плѣненіе рыцаря сарацинами и освобожденіе его дочерью султана или вообще повелителя невѣрныхъ—развита въ обстановкѣ тѣхъ эпическихъ приемовъ, какіе издавна закрѣплены были за традиціоннымъ типомъ сказаній о внезапномъ возвращеніи мужа, нашедшихъ свое выраженіе въ англійской поэзіи какъ въ рассказѣ о Ilugh de Hatton'ѣ, такъ въ поэмахъ и балладахъ о Горнѣ. Въ силу такого внесенія одной темы въ рамки, выработанныя для совершенно иной фабулы, герой рассказа, въ данномъ случаѣ Beichan, и

попадаетъ въ то комическое положеніе, когда оказывается, что его принуждаютъ жениться на другой невѣстѣ и измѣнить своей первой любви и что онъ, уступая давленію, хотя и справляетъ свою свадьбу, отказывается однако идти спать съ женой, растягивая свадебный пиръ на цѣлыхъ 33 дня. Ясно, что, если подобное положеніе было повѣстно для женской роли, оно стало неестественнымъ и смѣшнымъ, когда въ него поставленъ былъ герой разсказа, уступившій активную роль женщинѣ.

Весьма вѣроятно, что разобранныя баллады о „Young Beichan's“ возникли на основѣ легенды о Жильбертѣ Беккетѣ. Самое имя героя Beichan или Bekie близко подходитъ къ имени Беккетъ, а приключенія того и другого по балладамъ и по легендѣ почти совпадаютъ, и если чѣмъ разнятся между собою легенда и баллады, то лишь тѣмъ, что на обработку послѣднихъ, какъ болѣе позднихъ произведеній, повліяли своей техникой поэтическія сказанія о Горнѣ.

При всемъ томъ трудно было бы съ опредѣленностью сказать, что баллады произошли отъ легенды и именно потому, что произведенія такого же или сходнаго содержанія были извѣстны и въ поэзіи другихъ народовъ, связываясь съ воспоминаніями о крестовыхъ походахъ, если бы легенда о Беккетѣ и баллады о Бейканѣ не связывались близостью именъ своихъ героевъ. Послѣднее обстоятельство придаетъ значительную вѣроятность предположенію, что баллады примыкаютъ къ книжному источнику о Беккетѣ, тѣмъ болѣе, что врядъ ли онѣ могутъ претендовать на болѣе глубокую древность, чѣмъ XVI и XVII столѣтія, понавъ въ печать во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Сказаніе о томъ, какъ жена идетъ отыскивать мужа, или невѣста жениха, отражается и въ балладѣ „*The Friar of Orders gray*“¹⁾. По словамъ издателя, баллада эта составлена изъ отрывковъ старыхъ балладъ, не дошедшихъ до насъ пол-

---

¹⁾ Percy's Reliques of ancient english Poetry. Herausg. von Schroer, 1893. I стр. 174.

ностью и отразившихся между прочимъ въ драмахъ Шекспира. Содержаніе баллады вкратцѣ слѣдующее: „Монахъ „сѣраго ордена“ идетъ, перебирая свои четки; ему навстрѣчу попадается прекрасная, молодая дама, одѣтая въ одѣяніе пилигримки. Она умоляетъ монаха сказать ей, не видалъ ли онъ у гроба Господня ея возлюбленнаго, при чемъ описываетъ его примѣты; между прочимъ на немъ была шляпа, украшенная раковинами, что считалось въ средніе вѣка отличительной чертой пилигримовъ, шедшихъ за море ко гробу Господню.

Монахъ отвѣчаетъ, что зналъ ея возлюбленнаго, который умеръ и похороненъ за моремъ, и что умеръ онъ отъ несчастной любви. Описывается отчаяніе молодой женщины, которая считаетъ себя виновной въ смерти своего милаго. Она хочетъ идти на его могилу и умереть тамъ. Монахъ ее отговариваетъ, выставляя на видъ всю трудность пути, но она непреклонна; тогда онъ снимаетъ съ себя монашеское одѣяніе, и оказывается именно ея возлюбленнымъ; слѣдуетъ затѣмъ счастливая сцена признанія“.

Весьма близки къ англійскимъ балладамъ о Бейванѣ баллады датскія, шведскія и норвежскія.

3. *Сѣверныя баллады о „Peder“ и „Ellensborg“.*

Баллады соотвѣтствующаго содержанія извѣстны въ Даніи по рукописямъ XVI—XVIII ст. и изъ позднѣйшей передачи, въ Исландіи отъ XVII стол., въ Швеціи, Норвегіи и на Фарерскихъ островахъ изъ позднѣйшихъ записей. Грундвигъ¹⁾ даетъ всего 13 вариантовъ, изъ нихъ 9 датскихъ; различіе между ними весьма незначительно, почти всѣ онѣ называютъ героя „Peder“, а героиню „Ellensborg“.

Содержаніе ихъ таково:

„Педеръ отправляется въ Іерусалимъ замаливать свои грѣхи и спрашиваетъ свою невѣсту Ellensborg, сколько лѣтъ

---

¹⁾ Grundvig, Danemarks gamle volkeviser, IV, 238, 255, 256, 259; Child, The english and scottish popular ballads. 1884, II, 459 и сл.

она согласна ждать его возвращенія. Она согласна ждать его восемь лѣтъ и не выходить замужъ за другого, хотя бы къ ней сватался самъ король. Педеръ говоритъ ей, что если онъ не вернется черезъ восемь лѣтъ, то она вольна выйти замужъ за другого. Проходитъ назначенный срокъ, а Педеръ не возвращается. Ellensborg идетъ на взморье; туда приплываютъ купцы и предлагаютъ ей купить шелковыхъ матерій, но она отказывается и спрашиваетъ ихъ, не знаютъ ли они чего либо объ ея племянникѣ. Они ничего не знаютъ о племянникѣ, но зато могутъ сообщить ей новости о богатомъ господинѣ Педерѣ: онъ обручился съ дѣвушкой язычницей въ Oster-kongens rige и совсѣмъ забылъ свою первую невѣсту“.

По одному варианту свадьба его должна состояться завтра; по другому—маленькая фея сообщаетъ Ellensborg, что ея женихъ находится въ Austriki и пьетъ пиво забвенія. Ellensborg проситъ своего брата отправиться вмѣстѣ съ ней на поиски ея милаго, но тотъ желаетъ ждать до лѣта; тогда она рѣшается отправиться одна. Родные отговариваютъ ей, но приближенная дѣвушка помогаетъ ей собраться въ путь. Ellensborg переодевается въ мужское платье, обрѣзываетъ или подкалываетъ свои косы, садится на корабль; дѣвушки ея гребутъ, а она править рулемъ.

Въ шведскомъ вариантѣ она говоритъ:

„Gud Fader i Himmelens rike,
Skall vara min styresman“,

подобно тому, какъ въ одномъ англійскомъ вариантѣ о lady Essels говорится: „and she's taen God her pilot be“. По нѣкоторымъ вариантамъ плаванье длится два, три мѣсяца. Приставъ къ берегу, Ellensborg узнаетъ отъ мальчика, что сегодня первый день свадьбы Педера; она входитъ съ обнаженнымъ мечемъ въ залу, гдѣ Педеръ пируетъ; тотъ встаетъ съ кубкомъ въ рукѣ и говоритъ: „привѣтствую тебя, сынъ моей сестры; какъ поживаютъ отецъ и мать на родинѣ?“ Иной разъ она говоритъ Педеру: „вотъ ты пируешь съ молодой женой, развѣ это обыкновеніе всѣхъ рыцарей такъ нарушать свое

слово?" Тутъ мать невѣсты, иной разъ она сама, говорить, что это вовсе не мужчина, а переодѣтая женщина, ея волосы золотисты и спрятаны подъ шелковую шапочку. По нѣкоторымъ вариантамъ проходятъ два мѣсяца прежде, чѣмъ Ellensborg удастся заговорить съ Цедеромъ; когда она напоминаетъ ему его клятву, онъ тотчасъ напоминаетъ все бывшее между ними и собирается бѣжать съ Ellensborg. Для этой цѣли онъ проситъ всѣхъ присутствующихъ на пирѣ проводить молодую въ спальню, пока онъ проводитъ къ морскому берегу своего племянника. Когда они оба очутились на кораблѣ, Ellensborg распускаетъ свои волосы и спрашиваетъ своего жениха, зачѣмъ онъ такъ ее обманулъ.

Онъ отвѣчаетъ, что все это произошло противъ его воли, благодаря чарамъ невѣсты. Эта черта отмѣчается почти во всѣхъ вариантахъ скандинавской баллады. Ellensborg кричитъ съ корабля своей соперницѣ: „прощай, чаровница“.

Послѣдняя черта отсутствуетъ въ англійскихъ балладахъ о Beichan'ѣ, являясь уже мѣстнымъ добавленіемъ къ захожему мотиву.

4. *Итальянскія пѣсни о „Moran d'Inghilterra“.*

К. Нигра ¹⁾ указываетъ на возможную связь между англійскими балладами о „Young Beichan'ѣ“ и итальянскими пѣснями о „Moran d'Inghilterra“. Сходство между ними въ самомъ дѣлѣ не ограничивается лишь общими чертами разсказа, но распространяется и на подробности содержанія; къ сожалѣнію недостатокъ въ посредствующихъ звеньяхъ между поэзіей итальянской и англійской не даетъ возможности установить опредѣленный взглядъ на ту связь, какая существуетъ несомнѣнно между упомянутыми балладами и пѣснями; во всякомъ случаѣ наблюденіе это служить подтвержденіемъ того

¹⁾ Nigra, Rivista Contemporanea, 1862, vol. XXXI, p. 1 — 10; Canti pop. del Piemonte, 1888, p. 263.

взаимодѣйствія, при которомъ совершилось развитіе отдѣльныхъ европейскихъ литературъ.

Итальянскія пѣсни соотвѣтствующаго содержанія записаны въ Пьемонтѣ. Пять изъ нихъ сообщены Нигрой и одна находится у Giuseppe Ferrago, Canti p. Monf., 42. Общее содержаніе ихъ таково:

„Моранъ Англіійскій (Mogan, Mogun, Mural, Morando), едва женившись (или обручившись), долженъ уѣхать. Онъ говоритъ женѣ: „если я не вернусь черезъ семь лѣтъ, выходи замужъ“. Прошло семь лѣтъ, Моранъ не возвратился. Жена его садится на лошадь и объѣзжаетъ всю Англію, отыскивая мужа. Она встрѣчаетъ пастуха коровъ (il mandriano di vacche, il mandriano Girolamo, due lavandaje); узнаетъ, что коровы (или земля) принадлежитъ Морану и что онъ въ этотъ самый день собирается жениться. Она торопитъ вою и пріѣзжаетъ въ самый моментъ свадьбы. Ей предлагаютъ пить. Она отказывается пить, пока не будетъ признана госпожей дома. Моранъ обнимаетъ ее и признаетъ госпожей“.

Вариантъ А, напечатанный Нигрой, подробнѣе передаетъ ту-же тему, при чемъ жена Морана называется дочерью султана. Онъ развивается въ слѣдующемъ видѣ:

„Дочь султана была такъ хороша, что не знали, за кого ее отдать. Отдали ее за Морана Англіійскаго. Въ первый день послѣ свадьбы онъ только и дѣлалъ, что цѣловалъ ее; на второй день онъ собирался уже оставить ее; на третій день онъ отправился на войну. Красавица говорила ему: „Моранъ, когда вы вернетесь?“ *„Если не вернусь черезъ семь лѣтъ, вы, красавица, можете выходить замужъ“*, отвѣчалъ тотъ. Красавица ожидала мужа семь лѣтъ, Моранъ не возвращается. Тогда она садится на лошадь и объѣзжаетъ всю Англію. Первый, кого она встрѣтила, былъ пастухъ коровъ. Чьи это коровы, спрашиваетъ она пастуха. Морана Англіійскаго, былъ отвѣтъ. А есть-ли жена у Морана? Какъ разъ онъ сегодня женится; если вы посиѣшите, пріѣдете въ самой свадьбѣ. Ей подносятъ пить въ золотой чашѣ. Пить, я не пью, пока чаша не принадлежитъ мнѣ; пить, я не пью, пока здѣсь другая хозяйкой;

пить, я не пью, пока я не стану госпожей. Моранъ обнимаетъ ее и говоритъ: вы всегда были хозяйкой и будете ею“.

Какъ видимъ, сходство между итальянскими пѣснями и англійскими балладами, несомнѣнно, есть: въ тѣхъ и другихъ сарацинка, дочь султана или просто дочь сарацина, является невѣстой или женой Young Beichan'a или Moran d'Inghilterra; мужъ или женихъ оставляетъ ее, она ждетъ его семь лѣтъ, потомъ отправляется отыскивать и притомъ всегда въ Англію; находить его какъ разъ въ моментъ, когда онъ собирается жениться на другой, и онъ признаетъ ее. При этомъ англійскія баллады полнѣе передаютъ старую книжную легенду о Жильбертѣ Беккетѣ, поэтому, быть можетъ, и правъ Нигра, высказывая предположеніе, что этотъ поэтический мотивъ перешелъ изъ Англіи во Францію и отсюда уже попалъ въ Италію и Испанію. Къ сожалѣнію до настоящаго времени не обнаружено другихъ французскихъ произведеній на эту тему кромѣ романа „Gilles de Trassignies“, о чемъ рѣчь была выше (стр. 350), передающаго ту же тему въ осложненномъ лишь видѣ, въ виду чего идти далѣе предположенія, высказаннаго Нигрой, не представляется возможнымъ.

5. Испанскій романсъ „El conde Sol“.

Итальянскія пѣсни о „Moran d'Inghilterra“ стоятъ въ связи съ романсомъ—El conde Sol ¹⁾, извѣстнымъ въ устной народной передачѣ въ Андалузін, а также съ астурийскимъ, извѣстнымъ подъ народнымъ названіемъ Gerineldo ²⁾, и съ каталонскимъ, напечатаннымъ у Milà въ семи вариантахъ ³⁾ подъ заглавіемъ: „La boda interrompida“. Всѣ эти романсы весьма близки между собою; во всѣхъ нихъ дѣйствіе происхо-

¹⁾ Duran, Romancero general. Madrid, 1854, I, 180; Wolf-Hofmann, Primavera, II, 48.

²⁾ Amador de los Rios, Revista Iberica, 1861, I, p. 51.

³⁾ Milà, Observaciones sobre la poesia popular etc. 112; Romancillo Catalan, Barcelona. 1882, 221, № 244.

дять во время войны между Испаніей и Португаліей; различаются они лишь именами героевъ. Для нашей цѣли достаточно будетъ привести содержаніе одного изъ нихъ, именно романа о графѣ Соль. Вотъ его содержаніе:

„Между Испаніей и Португаліей объявлена война. Кто не вступить въ ряды войска, тому грозитъ смерть. Графъ Соль назначенъ главнокомандующимъ. Онъ откланивается королю и прощается съ женой. Графиня, которая была еще очень молода, плачетъ и спрашиваетъ у мужа, сколько лѣтъ предполагаетъ онъ пробыть въ отсутствіи?

„Si á los seis años no vuelvo,
Condesa, os podeis casar“,

„Если я не вернусь черезъ шесть лѣтъ, вы, графиня, можете выйти замужъ“, отвѣчаетъ тотъ. Прошло шесть лѣтъ, затѣмъ восемь, десять и даже болѣе, а графъ не возвращался и не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій. Не дождавшись мужа, жена отправляется отыскивать его, объѣзжаетъ Италію и Францію, по сушѣ и по морю. Однажды она встрѣчаетъ большое стадо коровъ и спрашиваетъ у пастуха, кому оно принадлежитъ? „Графу Соль“, былъ отвѣтъ. Затѣмъ она спрашиваетъ, чьи это овцы съ ягнятами, чьи посѣвы, сады и прекрасный дворецъ, а также кони, что ржутъ? Все это принадлежитъ графу Соль, у котораго есть и невѣста, на которой онъ собирается жениться. Узнавъ объ этомъ, графиня мѣняется своимъ платьемъ съ пастухомъ и идетъ къ замку просить милостыни. Милостыню выносить ей самъ графъ и спрашиваетъ, „откуда вы, пилигримка?“ „Я изъ Испаніи, говоритъ она, пришла отыскивать своего мужа; найдя его, я узнала, что онъ собирается жениться, забывъ свою жену, которая была ему вѣрна и, разыскивая его, подвергала опасности свое тѣло и свою душу“. Узнавъ жену, графъ велѣлъ осѣдлать коня, взялъ къ себѣ на коня жену и вернулся въ свой родовой замокъ. Невѣста же осталась одна: кто хочетъ одѣться въ платье, принадлежащее другому, часто остается голымъ“, такой сентенціей кончается романъ.

Какъ видимъ, испанскіе романсы еще темнѣе передаютъ ту же тему, на которой построены итальянскія пѣсни о Mogan d'Inghilterra и англійскія баллады о Young Beichan'ъ: въ нихъ вовсе не упоминается ни о плѣненіи рыцаря, ни объ его освобожденіи сарацинкой, которая затѣмъ его отыскиваетъ и находитъ какъ разъ въ моментъ его свадьбы съ другой; въ нихъ сохранилась лишь послѣдняя часть преданія, перенесенная вообще на жену, но разработана она и здѣсь съ тѣми же чертами, какъ и въ пѣсняхъ итальянскихъ и въ балладахъ англійскихъ. Подобное сходство въ разработкѣ аналогичной темы, повидимому, указываетъ на общность источника для всѣхъ помянутыхъ произведеній, хотя таковой и не можетъ быть ближайшимъ образомъ опредѣленъ въ виду недостаточно еще отмѣченныхъ параллелей, быть можетъ, погибшихъ уже навсегда. Тѣмъ не менѣе и при наличномъ числѣ приведенныхъ произведеній можно судить объ ихъ внутренней зависимости, свидѣтельствующей объ единствѣ ихъ литературнаго источника, а такъ какъ всѣ они въ своей обработкѣ усвоили черты сказаній о внезапномъ возвращеніи мужа, какъ это отмѣчено уже выше, то мнѣ и казалось умѣстнымъ сдѣлать отступленіе отъ главной своей темы, чтобы отмѣтить новый рядъ родственныхъ произведеній въ поэзіи французской, англійской, итальянской и испанской, возникшихъ въ первоначальной своей основѣ, какъ можно думать, въ періодъ крестовыхъ походовъ на почвѣ исторической дѣйствительности, перешедшихъ съ теченіемъ времени изъ области книжной легенды въ народную среду и подтверждающихъ общій фактъ глубокаго взаимодѣйствія, при которомъ развивались западная литературы.

16.

Нѣмецкіе варианты.

Переходя къ изученію нѣмецкихъ позднѣйшихъ вариантовъ, припомнимъ, что тема наша въ первый разъ въ пре-

дѣлахъ Германіи встрѣтилась намъ у хроникера Іоанна Эненкея, жившаго, повидимому между 1190 и 1250 годомъ. Около того же самаго времени она послужила содержаніемъ для одного разсказа въ сборникѣ Цезарія Гайстербахскаго „*Dialogus miraculorum*“, появившемся около 1222 года. Къ разсказу Цезарія о приключеніи Гергарда Голенбахскаго, выше нами изложенному (стр. 306), ближайшимъ образомъ примыкаетъ пѣсня о „благородномъ Мёрингерѣ“, сохранившаяся въ рукописи отъ 1359 года. Авторъ ея неизвѣстенъ; по своему языку и тону пѣсня эта, быть можетъ, восходитъ къ XIII столѣтію ¹⁾. Въ свое время она пользовалась большой популярностью; послушать ее, по словамъ Михаила Бегайма ²⁾, сбѣгались старыя женщины и слѣдовали за пѣвцомъ. Пѣснь эта такого содержанія.

1. Пѣсня о „благородномъ Мёрингерѣ.“

Въ Мёрунгенѣ на Дунаѣ жилъ когда-то рыцарь. Однажды ночью онъ обратился къ женѣ съ просьбой отпустить его на поклоненіе гробу св. Тёмы; онъ поручилъ ей оберегать все имущество и велѣлъ ждать его въ теченіе *семи лѣтъ*. Рано утромъ всталъ онъ, одѣлся и привазалъ своему слугѣ охранить жену его въ теченіи семи лѣтъ. Слуга отвѣтилъ: „у женщинъ волосъ дологъ, но вѣрность коротка; въ сущности, мнѣ не придется оберегать вашу жену долѣе семи дней“. Тогда Мёрингеръ отправился къ молодому рыцарю фонъ-Нейфенъ и просилъ его заботиться объ его женѣ въ теченіи семи лѣтъ. Тотъ ему обѣщалъ это. Итакъ, Мёрингеръ отправился въ далекій путь, и годъ проходилъ за годомъ. Однажды въ

¹⁾ Hagen, Heldenbuch, 1856, I, Einleit. 38; Weckerlin, Beiträge zur Geschichte altd deutscher Sprache u. Dichtkunst. Stuttgart, 1811, 74; Böhme, № 6, стр. 32; Schmid, Bragur, III, 402; Gräter's Odina, s. 200—210; Brüder Grimm, Deutsche Sagen. Berlin 1865, II, стр. 226, № 529.

²⁾ Kurz, Op. cit. 658.

концѣ седьмого года лежалъ онъ въ саду и спать. Ему приснился ангелъ, говорившій ему: „Проснись, Мёрингеръ, пора; если ты сегодня не вернешься на родину, то молодой Нейфенъ женится на твоей женѣ“. Мёрингеръ въ отчаяніи рветъ свою бороду и молитъ Бога и св. Оому помочь ему въ бѣдѣ. Проснувшись, онъ не знаетъ, гдѣ онъ; видитъ себя въ Швабіи передъ своей мельницей. Онъ благодаритъ Бога, но съ грустью въ сердцѣ идетъ на мельницу. „Мельникъ, говоритъ онъ, что новаго въ замкѣ? я бѣдный пилигримъ“. „Много новаго, отвѣчаетъ мельникъ: сегодня Нейфенъ женится на женѣ благороднаго Мёрингера; къ несчастію нашъ добрый господинъ умеръ“. Тогда Мёрингеръ идетъ къ воротамъ своего замка и громко стучится; къ нему выходитъ привратникъ. „Пойди и скажи своей госпожѣ, что здѣсь стоитъ пилигримъ, измученный долгимъ путемъ; онъ проситъ милостыни во имя Бога и св. Оомы за упокой души благороднаго Мёрингера“. Когда услышала объ этомъ жена его, она приказала поспѣшно открыть ворота и велѣла кормить пилигрима въ теченіе года. Мёрингеръ вошелъ въ свой замокъ и ему стало грустно, что никто его не встрѣчаетъ; онъ сѣлъ на скамейку и вечеромъ, когда пришло время молодымъ идти спать, говоритъ слугѣ: „при Мёрингерѣ былъ обычай, что ни одинъ пилигримъ не уходилъ спать, не пропѣвши пѣсню“. Услышавъ это, женихъ, молодой Нейфенъ, говоритъ: „пропой намъ пѣсню, гость, я тебя за это богато одарю“. Тогда всталъ Мёрингеръ и запѣлъ пѣсню, которая начиналась: „eins langen Schweigens hatt ich mich bedacht, so muss ich aber singen als eh“ ¹⁾ и пѣлъ далѣе: „dass ihn der junge Mann an der alten Braut rächen, und die mit Sommerlatten (Ruthen) schlagen solle“; „прежде онъ былъ господиномъ, а теперь сталъ слугою и на свадьбѣ ему предложили угощеніе на старомъ блюдѣ“. Когда жена слышала эту пѣсню, глаза ея затуманились, и она подала

---

¹⁾ Въ Samml. von Minnesängern I. 124 указывается пѣсня Вальтера фонъ-деръ-Фогельвайде съ такими же стихами.

пилигриму золотой кубокъ съ прозрачнымъ виномъ. Мёрингеръ же снялъ съ пальца золотое кольцо, бросилъ его въ кубокъ, отдалъ кубокъ виночерпію съ тѣмъ, чтобы тотъ передалъ его женѣ. Передавая кубокъ госпожѣ, виночерпій говорить: „это посылаетъ вамъ пилигримъ, не пренебрегайте его даромъ“. Она допила вино и, увидавъ на днѣ кольцо, воскликнула: „мой господинъ, Мёрингеръ здѣсь“; встала и бросилась къ его ногамъ. „Слава Богу, что ты вернулся; не грусти больше, честь моя спасена, а если бы я тебѣ измѣнила, то ты долженъ былъ бы меня замуравить“. Испугался молодой Нейфенъ, бросился на колѣни: „господинъ мой, я нарушилъ свою клятву, отруби мнѣ голову“. „Этого не будетъ, Нейфенъ; напротивъ, я хочу тебѣ утѣшить, я дамъ тебѣ въ жены мою дочь; бери ее, а мнѣ оставь мою прежнюю жену“.

Какъ видно изъ представленнаго мною содержанія, пѣснь о благородномъ Мёрингерѣ напоминаетъ рассказъ Цезарія о Гергардѣ. Какъ Гергардъ, такъ и Мёрингеръ идетъ на поклоненіе гробу св. Тины, какъ первый, такъ и второй чудеснымъ образомъ переносится на родину къ моменту свадьбы жены съ другимъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ признаніе происходитъ при посредствѣ кольца, опущеннаго въ кубокъ съ виномъ. Но у Цезарія въ этомъ случаѣ говорилось о половинѣ кольца, какъ у Wase'a, здѣсь просто о кольцѣ. Новой подробностью въ пѣснѣ о Мёрингерѣ оказывается роль молодого Нейфена, очевидно, человека близкаго къ Мёрингеру, принявшаго подъ свою защиту жену послѣдняго и нарушившаго затѣмъ клятву. Впрочемъ, такое нарушеніе произошло въ виду слуха, что Мёрингеръ умеръ, а потому этотъ послѣдній не только не мститъ Нейфену, но выдаетъ за него свою дочь.

Отмѣтивъ сходство какъ въ общемъ ходѣ повѣствованія, такъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ пѣсни о Мёрингерѣ съ рассказомъ у Цезарія про Гергарда, мы не можемъ не видѣть въ этомъ памятникѣ средневѣковой нѣмецкой поэзіи нашей темы, съ которой имѣли случай встрѣчаться уже неоднократно

и притомъ задолго до появленія пѣсни про Мёрингера. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ продолженіе старой литературной традиціи, перенесенной на дѣйствительно существовавшія личности, какъ Мёрингеръ, стоящій на границѣ XII и XIII столѣтій, и Нейфенъ, жившій около 1241 года ¹⁾. Такимъ образомъ въ пѣснѣ о Мёрингерѣ намъ снова дается случай наблюдать, какъ происходитъ историзація старой литературной темы приуроченіемъ ея къ опредѣленнымъ лицамъ и мѣстамъ.

Пѣснь о Мёрингерѣ, какъ упомянуто, была весьма популярной въ свое время. Въ XV столѣтіи она не разъ была напечатана подъ заглавіемъ: „Des Edlen Ritters Morgeners walfart in Sant Thomas land“; въ XVI столѣтіи она пошла въ хронику Николая Томанна, капеллана монастыря св. Леонарда въ Вайсенгорнѣ, гдѣ находилась и родовая усыпальница графовъ Нейфеновъ.

Популярность пѣсни о Мёрингерѣ въ XIV стол. подавала, повидимому, поводъ поэту Виссенгере изъ сѣверной или средней Германіи обработать тотъ же сюжетъ, перенеся его на новую личность, на какого-то безыменнаго рыцаря или князя Брауншвейгскаго, въ которомъ нѣмецкіе ученые издавна усматриваютъ Генриха Льва. Составленная мейстерзенгеромъ Виссенгере (Michel Wissenhere), какъ онъ самъ говоритъ, (строфа 62. 74) на основаніи какой-то болѣе старой книги пѣсня сохранилась въ одной штутгартской рукописи конца 15 стол. (1474 г.) и напечатана Массманомъ ²⁾. Если она и основана на томъ-же самомъ сюжетѣ, что и пѣсня о Мёрингерѣ, однако своими подробностями примыкаетъ къ болѣе старымъ источникамъ, чѣмъ пѣснь о Мёрингерѣ. Вотъ содержаніе этого сказанія о рыцарѣ Брауншвейгскомъ.

---

¹⁾ U hland, Schriften, IV, 294—295.

²⁾ Massmann's Denkmäler deutscher Sprache und Literatur. München, 1828, стр. 122; Erlach, Die Volkslieder der Deutschen, 1834, II, 290; U hland, Schriften, I, 503; Wolff's histor. Volkslieder, стр. 22.

2. *Письмъ Виссенере о рыцарь Брауншвейгскомъ.*

„Какому-то благородному рыцарю Брауншвейгскому при-
снилось, что онъ долженъ посѣтить св. гробъ. Жена напрасно
умоляетъ его оставаться дома, гдѣ есть довольно людей, мо-
гущихъ разсказать ему о томъ, что дѣлается въ чужихъ зем-
ляхъ. Видя его непреклонность, она молить Бога сохранить
ей мужа въ далекомъ пути. Свою землю и людей, а также
свою прекрасную жену онъ поручаетъ охранѣ своего лучша-
го друга; передъ отъѣздомъ онъ дѣлитъ свое золотое кольцо
на двѣ части, съ тѣмъ чтобы жена вспоминала объ немъ.
Корабль хорошо былъ снабженъ для пути, какъ это и теперь
еще дѣлается у могущественныхъ князей, когда они отправляют-
ся ко св. гробу. Съ пѣніемъ гимновъ въ честь Господа рыцарь и
его спутники отчалили отъ берега и пустились въ страшное море.
Долгое время они не видѣли земли; страшная буря загнала ихъ
въ такое мѣсто, гдѣ господствовалъ полиѣйшій штиль, такъ
что они не подвигались ни назадъ, ни впередъ; въ такомъ по-
ложеніи они провели зиму и лѣто, всѣ припасы были израс-
ходованы, люди перемерли отъ голода и страданій, остались
въ живыхъ лишь рыцарь, его слуга и конь. Слуга убиваетъ
коня и снимаетъ съ него шкуру. Почувавъ добычу, къ нимъ
спускается грифъ и уноситъ трупъ коня въ гнѣздо для своихъ
птенцовъ. Тогда рыцарь приказываетъ своему слугѣ зашить
его въ шкуру коня, при чемъ беретъ съ собой мечъ; въ та-
комъ видѣ грифъ переноситъ его въ гнѣздо и улетаетъ. Ме-
чомъ рыцарь разрѣзаетъ шкуру, убиваетъ птенцовъ грифа и
скрывается въ лѣсу. Тутъ онъ находитъ однажды льва въ
борьбѣ со змѣею; онъ убиваетъ змѣю и во львѣ получаетъ
вѣрнаго друга и слугу. вмѣстѣ они долго скитаются, пуска-
ются затѣмъ по теченію бурнаго потока, протекавшаго въ го-
рѣ; встрѣчаютъ на пути самосвѣтящуюся гору, попадаютъ въ
городъ людей, снабженныхъ клювами, и, наконецъ, вступаютъ
въ обиталище злыхъ духовъ и дикаго воинства (*das wilde
heer*). Князь Брауншвейгскій заклинаетъ духа сказать ему, какъ

поживаетъ жена его и дѣти. Духъ сообщаетъ ему, что жена его собирается выйти замужъ за другого. Именемъ Бога закликаетъ князь духа перенести какъ его, такъ и льва въ замокъ. Духъ соглашается, но съ условіемъ, что князь будетъ принадлежать ему и его товарищамъ въ томъ случаѣ, если уснетъ въ то время, пока духъ будетъ переносить льва. Духъ перенесъ сперва князя и опустилъ передъ замкомъ; на травѣ князь уснулъ; но тутъ вѣрный левъ, приближавшійся съ дьяволомъ къ этому мѣсту, заревѣлъ, и дьяволъ въ негодованіи швырнулъ льва на землю. Мужчины и женщины сбѣжались смотрѣть на это чудо; князь поднялся съ земли „*mit langem haar umhangen, recht als waer er ein wilder mann*“. Княгиня сообщила, что пришелъ гость, повидимому, священникъ или монахъ. Она вышла изъ замка, пригласила мнимаго монаха со львомъ въ замокъ и не узнала въ пришельцѣ своего мужа. Между тѣмъ съѣхались гости, приглашенные на свадьбу, графы, рыцари и дворяне; каждый занялъ свое мѣсто за столомъ; странникъ же со львомъ остался на дворѣ. Гости во время пира пожелали, чтобы мнимый монахъ разсказалъ имъ что-либо про чужія земли, такъ какъ онъ, повидимому, много странствовалъ. Странника вводятъ въ залъ, камергеръ княгини спрашиваетъ, не слышалъ-ли онъ чего либо про знаменитаго князя, разумѣя при этомъ князя Брауншвейгскаго. „Я все знаю про него, отвѣчаетъ странникъ, но если-бы я разсказалъ всю правду, вы не повѣрили-бы мнѣ. Недавно я видѣлъ его, въ скоромъ времени онъ вернется въ свою землю, онъ поручилъ мнѣ передать его привѣтъ дочери, сыновьямъ и женѣ его“. Тутъ онъ говоритъ присказкой, довольно темной: „женскій волосъ дологъ, пусть это замѣчаетъ тотъ, кто желаетъ“. Княгиня приказываетъ поднести ему стаканъ вина и все пристальнѣе всматривается въ него. Въ стаканъ онъ опускаетъ свою половину кольца, она сверкала, какъ брилліантъ; княгиня, когда ей принесли обратно стаканъ, быстро схватила половину кольца, которая какъ разъ подошла къ ея половинкѣ, и громко закричала: „я снова нашла своего милаго мужа и господина; я провинилась предъ тобою и готова покаяться“.

Мужъ успокаиваетъ ее, говоря, что все-таки ея женская честь спасена; точно также онъ прощаетъ и ея жениху, желая, чтобы онъ попрежнему былъ его вѣрнымъ слугою. Послѣ этого князь Брауншвейгскій прожилъ еще 26 лѣтъ. Когда онъ умеръ, то на его могилѣ окончилъ свою жизнь и левъ, не пожелавшій пережить своего господина. Для воспоминанія объ этомъ событіи въ Брауншвейгскомъ замкѣ была отлита и поставлена статуя льва“.

Какъ уже отмѣчено, Виссенгере не приводитъ имени своего героя; въ заглавіи своего стихотворенія онъ называетъ „*den edeln harn von Bruonczwigk als er über mer fure*“, а затѣмъ именуетъ его то рыцаремъ, то княземъ Брауншвейгскимъ.

Точно также не опредѣляетъ ближайшимъ образомъ имени своего героя стихотвореніе, относящееся къ XV ст. и обращающееся въ Бельгіи въ видѣ народной книги. Оно напечатано у Гагена ¹⁾; въ немъ герой называется просто *hertog* или *hertog van Bronswyk*. Своимъ складомъ разсказъ Бельгійской народной книги напоминаетъ еще болѣе старыя редакціи нашей темы, тѣмъ та, съ какою мы имѣли дѣло въ пѣснѣ Виссенгере.

3. Разсказъ Бельгійской народной книги о герцогѣ Брауншвейгскомъ.

„Собираясь въ далекое морское путешествіе, герцогъ Брауншвейгскій предоставляетъ женѣ право выйти замужъ за другого въ томъ случаѣ, если онъ пробудетъ въ отсутствіи семь лѣтъ. Жена провожаетъ его до корабля, обнимаетъ на прощанье и говоритъ: „возьми половину вотъ этого кольца и вспоминай обо мнѣ“. Въ скоромъ времени буря разбиваетъ корабли, люди гибнутъ, уцѣлѣлъ лишь корабль герцога, носившійся по волнамъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Много при-

---

¹⁾ Von der-Hagen, Germania, VIII, 359 и сл.; Hoffman's Niederländische Volkslieder, p. 6, № 2; Coussemaker, p. 151, № 47.

включеній пришлось пережить герцогу; наконецъ, онъ приказываетъ, какъ и въ пѣснѣ Виссенгере, зашить себя вмѣстѣ съ мечомъ въ шкуру; въ этомъ видѣ грифъ уноситъ его въ свое гнѣздо, гдѣ герцогъ убиваетъ штенцовъ грифа, помогаетъ затѣмъ льву справиться со змѣею и приобретаетъ такимъ образомъ во львѣ помощника и вѣрнаго слугу.

Между тѣмъ княгиня не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ мужа; много знатныхъ особъ осаждаютъ ее своими предложеніями, думая, что герцогъ уже умеръ. Такъ какъ прошло уже семь лѣтъ со дня отплытія герцога, то жена его рѣшается выйти замужъ за одного изъ своихъ жениховъ. Съ грустными мыслями герой находится въ это время въ пустынѣ. Онъ видитъ проходящій мимо по морю корабль, останавливаетъ его и вмѣстѣ со львомъ вступаетъ на него. Корабль этотъ принадлежалъ дьяволу; послѣдній подошелъ къ герцогу и объявилъ ему, что завтра жена его выходитъ замужъ за другого. Герцогъ вступаетъ въ соглашеніе съ дьяволомъ, какъ и у Виссенгере, и тотъ переноситъ его въ Брауншвейгъ, опускаетъ передъ дворцомъ и герцогъ засыпаетъ. Левъ будитъ его своимъ ревомъ и спасаетъ отъ дьявола. На вопросъ герцога всѣ сообщаютъ ему, что герцогиня уже невѣста и завтра утромъ будетъ свадьба. Подъ видомъ нищаго въ сопровожденіи своего льва идетъ онъ ко дворцу; никто его не узнаетъ, никто не обращаетъ на него вниманія; онъ проситъ кого-то сообщить герцогинѣ, чтобы дали ему выннть въ честь герцога Брауншвейгскаго. Жена его охотно исполняетъ эту просьбу и высылаетъ ему наполненную виномъ золотую чашу. Онъ пьетъ и опускаетъ въ чашу половину кольца, отсылаетъ затѣмъ чашу обратно герцогинѣ, та тотчасъ узнаетъ своего мужа, встаетъ изъ-за стола, велитъ впустить своего господина и отказываетъ своему жениху. Вскорѣ послѣ этого герцогъ умеръ; левъ не пожелалъ пережить своего господина, онъ легъ на его могилу, не принималъ ни ѣды, ни питья, такъ и окончилъ свою жизнь. Герцогиня приказала записать всю эту исторію въ хронику, а возлѣ могилы мужа поставила колонну со львомъ на верху“.

Кромѣ пѣсни Виссенгере и Бельгійской народной книги, рассказывающихъ о приключеніи герцога Брауншвейгскаго, есть еще стихотвореніе конца XV-го ст., распространенное въ Германіи въ видѣ народной книги ¹⁾. Здѣсь и еще въ пѣснѣ какого-то мейстерзенгера изъ конца XVI ст., заимствованной Фюллеборномъ и Бюшингомъ изъ пѣсенника Пушмана, герой именуется Генрихомъ Львомъ ²⁾. При этомъ авторъ этого стихотворенія относитъ происшествіе, случившееся съ Генрихомъ, къ 1114 году, т. е. за пятнадцать лѣтъ до рожденія Генриха; противникомъ его выставляется король Конрадъ, боровшійся, какъ извѣстно, не съ Генрихомъ Львомъ, а съ Генрихомъ Гордымъ; такимъ образомъ стремленіе поэта дать историческое обоснованіе своему произведенію оказалось исполнѣ произвольнымъ.

4. *Пѣснь неизвѣстнаго мейстерзенгера о Генрихѣ Львѣ.*

Пѣсня эта начинается такимъ историческимъ и хронологическимъ приуроченіемъ сказанія:

Von Christi Geburt eilfhundert und vierzechen jahr
herzog Heinrich von kunig Konrad vertrieben war,
dass ihm allein belieb Braunschweig die stadte.
Nachdem zug er mit seim adel zum heilling grab,
seim weib zuletzt ein halb güldnes ringlein gab,
das ander halbtheil er behalten hatte.

Придавъ своему произведенію извѣстную достовѣрность, благодаря такому перенесенію сказанія на личность Генриха Льва, авторъ излагаетъ затѣмъ вкратцѣ то же самое содержаніе, съ какимъ мы познакомились и по пѣснѣ Виссенгере,

---

¹⁾ Görres, Volksbücher, s. 90; Brüder Grimm, Deutsche Sagen. Berlin, 1865 II, 216, № 526.

²⁾ Fülleborn, Nebenstunden. Breslau. 1799, I, 28—32; Büsching, Graeter's Idunna und Hermode, 1813, musikbeilage № 3.

и по Бельгійской народной книгѣ, въ которыхъ говорилось просто о герцогѣ Брауншвейгскомъ.

Если имѣть въ виду, что *Botho* въ своей *Chronicon picturatum* (Leibn. 3, 344) изъ второй половины XV стол. говорить, что про *herthoge Hinrik de lauwe* была написана „*grote historia*“, рассказывающая, будто онъ привелъ съ собой льва, который помогалъ ему въ его походахъ, и что онъ поставилъ затѣмъ металлическую статую льва; если имѣть въ виду, что по *notatis sanblasianis* (Leibn. 2, 61), писаннымъ въ началѣ XIV ст., поставилъ *Henricus leo dux super basem leonis effigiem in Brunswik a. d. 1166*, и что согласно съ этимъ *Catalogus episcop. hildesheimensium* отъ конца XIII стол. передаетъ: *in Brunswik erigitur effigies leonis per Henricum leonem 1166* (Leibn. 2, 153) ¹⁾, то для насъ выяснятся тѣ основанія, въ силу которыхъ поэтъ могъ перенести странствующій сюжетъ на определенное историческое лицо, причемъ связующимъ звеномъ въ данномъ случаѣ оказался левъ, повидимому, уже довольно рано попавшій въ Брауншвейгскихъ сказаніяхъ въ нашу тему, благодаря, быть можетъ, именно тому обстоятельству, что въ Брауншвейгѣ, какъ передаютъ источники, было поставлено металлическое изображеніе этого звѣря, подавшее поэту поводъ осложнить нашу тему рассказомъ изъ многочисленныхъ повѣствованій о благодарныхъ животныхъ.

Въ такихъ рассказахъ льву отводится значительная роль, и уже въ классическихъ преданіяхъ о немъ сложилось не мало повѣствованій ²⁾; однако среди нихъ пока не обнаружено соотвѣтствующаго рассказа, но въ провансальскихъ народныхъ сказкахъ, относимыхъ *Béranger-Féraud* къ періоду среднихъ вѣковъ ³⁾, находимъ одну, вполне покрывающую своимъ со-

¹⁾ K. Gödeke, *Reinfrit von Braunschweig*. Archiv des historischen Vereins für Niedersachsen. 1849, 262.

²⁾ A. Marx, *Griechische Märchen von dankbaren Tieren und Verwandtes*. Stuttgart, 1889.

³⁾ *Béranger-Féraud*, *Contes populaires des provençaux de l'antiquité et du moyen âge*. Paris, 1887, стр. 165.

держаніемъ приключеніе Генриха Льва со львомъ, какъ оно рассказывается въ вышеприведенной нѣмецкой пѣснѣ. Провансальская сказка, озаглавленная

„*La prouesse de Geoffroy de la Tour*“,

передаетъ такое содержаніе:

„Среди благородныхъ рыцарей Прованса, отправившихся въ крестовый походъ противъ невѣрныхъ, самымъ храбрымъ и самымъ сильнымъ былъ Geoffroy de la Tour. Однажды, проѣзжая по полю во главѣ многочисленнаго отряда воиновъ, онъ услышалъ страшный ревъ льва. Въ ужасѣ всѣ разбѣжались, но Geoffroy, обнаживъ мечъ, направился къ тому мѣсту, откуда доносился ревъ льва. Приблизившись, онъ увидѣлъ, что огромный змѣй, обвивъ своимъ тѣломъ льва, готовъ былъ задушить его. Ударомъ меча рыцарь отрубилъ голову змѣю и освободилъ льва отъ неизбежной смерти. Съ этого момента левъ подобно вѣрной собакѣ всюду слѣдуетъ за своимъ избавителемъ и принимаетъ участіе въ битвахъ съ невѣрными на ряду со своимъ господиномъ. Когда кончился крестовый походъ и крестоносцы возвращались въ Провансъ, то капитанъ корабля, на который взошелъ Geoffroy, не пожелалъ взять льва на судно. Покинутый на берегу левъ, видя, что господинъ его отплываетъ, бросился въ море и долго слѣдовалъ за кораблемъ, пока, потерявъ силы, не утонулъ въ волнахъ“.

Приключеніе со львомъ, передаваемое приведенной провансальской сказкой, весьма рано дѣлается извѣстнымъ въ литературѣ. Въ видѣ эпизода оно рассказано въ романѣ „*le Chevalier au lion*“, написанномъ около 1170 года Chrétien'омъ de Troyes: рыцарь Ivain спасаетъ отъ смерти льва, боровшагося со змѣею; признательное животное привязывается къ своему спасителю, всюду слѣдуетъ за нимъ и принимаетъ участіе въ битвахъ, помогая своему господину и защищая его.

Въ слѣдъ за тѣмъ около 1202 года нѣмецкій поэтъ Hartmann von Aue передѣлываетъ упомянутый французскій романъ по нѣмецки и пускаетъ его въ оборотъ подъ заглавіемъ „*Iwein*“ или „*Der Ritter mit dem Löwen*“.

Въ романѣ о св. Гралѣ приключеніе со львомъ приписывается рыцарю Парсивалу; (Birch-Hirschfeld, Die Sage vom Graal. Leipzig, 1877, стр. 43); въ старо-англійской поэмѣ „Guy of Warwick“ тотъ-же самый эпизодъ со львомъ связывается съ именемъ Guy, а въ датской народной пѣснѣ переносится на Дитриха (Liebrecht, ZVK., стр. 472); тотъ-же эпизодъ нашелъ свое отраженіе и въ русскихъ сказкахъ о Бормѣ Ярыжѣ (Ждановъ, Рус. былевой эпосъ, 4—18).

Подобнаго рода сказка въ своемъ самостоятельномъ существованіи или же въ видѣ эпизода изъ одного изъ упомянутыхъ романовъ и могла дойти до свѣдѣнія нѣмецкаго поэта, который, осложнивъ ея извѣстную намъ тему о внезапномъ возвращеніи мужа, положилъ начало для брауншвейгскихъ сказаній о приключеніи Генриха Льва или вообще какого-то герцога брауншвейгскаго.

5. Народная нѣмецкая книга о Генрихѣ Львѣ¹⁾.

„Въ Брауншвейгѣ стоитъ бронзовый памятникъ одного героя, у ногъ котораго лежитъ левъ, и тамъ же въ соборѣ виситъ лапа грифа; объ этихъ предметахъ гласитъ преданіе слѣдующее. Нѣкогда отправился герцогъ Генрихъ, благородный Вельфъ, искать приключеній. Когда онъ плылъ на кораблѣ по морю, поднялась сильнѣйшая буря, много дней и ночей носился корабль по волнамъ, не встрѣчая твердой земли. Вскорѣ путники начали чувствовать голодъ и рѣшили по очереди съѣдать того, на кого падалъ жребій. Судьба посто-

---

¹⁾ Описаніе приключеній Генриха Льва въ видѣ народной книги напечатано въ первый разъ въ XVI ст.; перепечатано въ Büsching's Volkssagen, Märchen u. Legenden, стр. 213 и въ новѣйшей передачѣ помѣщено у Симрока въ 1-мъ томѣ его Deutsche Volksbücher. Баллада соответствующаго содержанія, приписываемая одному изъ мейстер-зенгеровъ, дошла до нашего времени въ отрывкахъ отъ XVI ст.; напечатана у Böhmе, № 5, стр. 30; Erck's Wunderhorn IV, стр. 111; Hans Sachs, Historia, 1562 г., въ изданіи его сочиненій 1578 года помѣщена въ IV к. 2-ой части, стр. 57—58.

янно щадила герцога, но вотъ, наконецъ, на всемъ кораблѣ остался онъ одинъ съ однимъ слугой. Этотъ послѣдній, чтобы спасти герцога, зашиваетъ его въ воловью шкуру и кладетъ туда-же его мечъ. Спустя нѣкоторое время прилетаетъ птица грифъ, схватываетъ когтями кожаный мѣшокъ и уноситъ его къ себѣ въ гнѣздо. Когда грифъ улетѣлъ за новой добычей, герцогъ разрѣзалъ мечомъ кожу, вышелъ изъ нея, перебилъ всѣхъ молодыхъ грифовъ, напавшихъ было на него, и отрубилъ у одного изъ нихъ лапу себѣ на память; затѣмъ онъ спустился изъ гнѣзда внизъ на землю и очутился въ дикомъ лѣсу. Здѣсь онъ находитъ льва, борющагося со змѣею, убиваетъ этого послѣдняго, а левъ изъ благодарности становится его преданнымъ другомъ и кормить его добычей своей охоты. Генрихъ стремится на родину; онъ строитъ плотъ и пускается на немъ въ море тайкомъ отъ льва, но тотъ догоняетъ его вплавъ. На морѣ они переживаютъ разныя лишенія и опасности. Однажды ночью является къ герцогу дьяволъ и говорить: „пока ты здѣсь мучаешься, въ Брауншвейгѣ идетъ веселье и готовятся къ свадьбѣ; твоя жена сегодня вечеромъ выходитъ замужъ за чужеземнаго принца, такъ какъ прошли уже условенныя семь лѣтъ со дня твоего отъѣзда“. Сообщивъ объ этомъ, дьяволъ предлагаетъ перенести сегодня-же Генриха на гору Гирсбергъ вблизи Брауншвейга съ условіемъ, что душа герцога будетъ принадлежать дьяволу, если герцогъ уснетъ въ то время, когда дьяволъ отправится за львомъ. Очутившись на горѣ Гирсбергъ, герцогъ дѣйствительно уснулъ, но левъ, увидѣвъ еще издали спящаго Генриха, счелъ его умершимъ и отъ гора поднялъ такой ревъ, что герцогъ проснулся, а дьяволъ съ досады такъ швырнулъ льва, что земля застонала. Послѣ этого Генрихъ въ сопровожденіи льва идетъ въ городъ, тамъ слышитъ онъ пѣніе и ликованіе; онъ хочетъ войти въ свой замокъ, но слуги не пускаютъ его. „Неужели это правда, говоритъ онъ самъ себѣ, что сообщилъ мнѣ дьяволъ?“ „Нѣтъ ли кого-либо чужого въ замкѣ“, спрашиваетъ онъ слугъ. „Чужого никого нѣтъ, отвѣчаютъ ему, а есть женихъ нашей госпожи“. „Въ такомъ случаѣ я прошу у певѣсты глотокъ вина,

такъ какъ я очень усталъ“. Одинъ изъ слугъ побѣждалъ къ герцогинѣ сообщить, что у воротъ стоитъ чужеземецъ со львомъ и просить глотокъ вина. Герцогиня изумлена, сама наливаетъ кубокъ и посылаетъ его пилигриму. „Кто ты такой, что пожелаешь выпить благороднаго вина, которое подается лишь герцогинѣ?“ спрашиваютъ слуги. Пилигримъ выпилъ вино, взялъ свое золотое кольцо, опустилъ его въ кубокъ и проситъ снести невѣстѣ. Увидѣвъ кольцо, на которомъ было вырѣзано имя и гербъ Генриха, герцогиня поблѣднѣла, быстро встала и подошла къ рѣшетѣ, чтобы посмотрѣть на чужеземца. Тутъ она увидѣла человека со львомъ и приказала ввести его въ залу, чтобы спросить, откуда получилъ онъ кольцо и зачѣмъ положилъ его въ кубокъ. „Ни отъ кого не получалъ я его, самъ взялъ я его вотъ уже больше семи лѣтъ тому назадъ и теперь положилъ туда, гдѣ ему слѣдуетъ быть“. Получивъ такой отвѣтъ, герцогиня пристально взглянула на чужеземца, и, узнавъ въ немъ своего милаго супруга, отъ радости упала, затѣмъ привѣтствовала его и подала руку. Тогда во всемъ замкѣ поднялась великая радость, герцогъ Генрихъ сѣлъ за столъ со своей супругой, а молодому жениху дали въ невѣсты прекрасную дѣвицу изъ племени франковъ“.

Какимъ образомъ объяснить, что часто историческія лица попадаютъ въ герои странствующихъ сказаній? Мнѣ думается, что въ такихъ случаяхъ играетъ преимущественную роль извѣстная аналогія между дѣятельностью историческаго лица и легендой, въ силу которой эта послѣдняя и притягивается съ тѣмъ или инымъ нарушеніемъ исторической правды въ видѣ готовой уже иллюстраціи похожденій того или другого выдающагося историческаго дѣятеля. Справившись съ исторіей касательно напр. личности Генриха Льва, герцога Баварскаго и Саксонскаго, мы откроемъ полную аналогію между его приключеніями и легендой, приписанной ему, и если-бы эта послѣдняя въ примѣненіи къ нему не сохранила въ своей разработкѣ издавна выработанныхъ эпическихъ формъ, то безъ колебанія ее можно было-бы принять за выраженіе его дѣйствительныхъ похожденій.

Въ 1171 году герцогъ Генрихъ Левъ стоялъ на высотѣ своего могущества и счастья, приводившаго въ изумленіе его современниковъ. Въ это время онъ начинаетъ готовиться къ походу въ св. землю съ цѣлью поклоненія св. гробу. Вокругъ него собирается значительное число владѣтельныхъ особъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ: епископъ Конрадъ изъ Любека, аббаты Бертольдъ изъ Люнебурга и Генрихъ изъ Брауншвейга, князь бодричей Прибиславъ, графъ Дунцель I Шверинскій, графъ Зигфридъ Бланкенбургскій и др. Генрихъ Левъ, отправляясь изъ Брауншвейга, оставляетъ свою жену беременной; онъ идетъ со своимъ отрядомъ, къ которому по пути примыкаютъ другія владѣтельныя особы, желавшія совершить паломничество въ св. землю, сперва на Вѣну и отсюда на судахъ спускается внизъ по теченію Дуная. Какъ разъ корабль герцога терпитъ крушеніе въ одномъ узкомъ мѣстѣ рѣки, но самъ онъ спасается. Не доходя устья Моравы, онъ оставляетъ Дунай и направляется сухимъ путемъ чрезъ Сербію и Болгарію, преодолевая трудности пути и подвергаясь нападеніямъ со стороны мѣстныхъ жителей; онъ проходитъ такимъ образомъ Софію, Филиппополь, Адрианополь и достигаетъ Константинополя, гдѣ торжественно принятъ императоромъ Мануиломъ I Комненомъ. Получивъ отъ него корабль, Генрихъ Левъ со всѣмъ своимъ отрядомъ ѣдетъ теперь моремъ, переноситъ бурю, посѣщаетъ Іерусалимъ и другія священныя мѣста Палестины; обратный путь избираетъ черезъ Малую Азію, встрѣчается съ сирійскимъ султаномъ Килидшъ Арсланомъ II и той дорогой, какою шли участники перваго крестоваго похода, достигаетъ Константинополя. Императоръ снова принимаетъ его ласково, даритъ ему много священныхъ предметовъ, драгоценныхъ камней и украшеній, и уже отсюда Генрихъ прежней дорогой возвращается въ Брауншвейгъ, пробывъ въ отсутствіи одинъ годъ. Дома онъ нашелъ жену и дочь, родившуюся безъ него. Въ этомъ историческомъ разсказѣ, переданномъ современникомъ Генриха Льва хроникеромъ Арнольдомъ ¹⁾, можно было

¹⁾ Wigger, Pilgerfahrten Meklenburgischer Regenten nach dem

бы усмотрѣть основу той легенды, которая применила къ имени герцога Брауншвейгскаго, если-бы не то обстоятельство, что она уже задолго до его паломничества въ св. землю сформировалась со всѣми своими характерными подробностями и не разъ уже переносилась на то или другое лицо, какъ Раймундъ du Bousquet, Ричардъ Безстрашный, Карлъ Великій и др. Очевидно, лишь въ силу вышеуказанной аналогіи и притомъ гораздо позднѣе, чѣмъ возникла настоящая поэтическая фикція, въ нее попалъ и Генрихъ Левъ подобно тому, какъ и много другихъ лицъ, съ которыми намъ пришлось встрѣтиться при изученіи литературной судьбы нашего сюжета.

6. Поэма о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ.

Единственная рукопись „Рейнфрида Брауншвейгскаго“ находится въ герцогской библіотекѣ въ Готѣ. Объ ней упоминалъ уже Якобъ въ „Beiträge zur altern Litteratur oder Merkwürdigkeit der herzoglichen öffentlichen Bibliothek zu Gotha“ (Leipzig 1835—37), а содержаніе ея и отдѣльные отрывки были даны Гёдеке по списку, находящемуся въ Ганноверѣ ¹⁾. Во всемъ своемъ объемѣ рукопись была напечатана Барчемъ ²⁾.

Подлинная рукопись представляетъ изъ себя пергаменный списокъ XIV столѣтія in quarto въ 163 листа, писанный различными почерками. На 163 листѣ рукопись обрывается на полусловѣ. По мнѣнію Гёдеке авторъ не окончилъ своей поэмы, по мнѣнію Барча она была закончена, по послѣдняя часть ея потеряна. Дошедшая до насъ рукопись является, повидимому, копіей болѣе стараго списка; на это между прочимъ указываетъ то обстоятельство, что нѣкоторые листы въ ней

Orient im Zeitalter der Kreuzzüge. Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. 1875, 40 Jahrgang, 3—87.

¹⁾ Gōdeke, Op. cit., стр. 179—281.

²⁾ K. Bartsch Reinfried von Braunschweig, 1871.

перепутаны, и сдѣлано это не переплетчикомъ, какъ думаетъ Гёдеке, но писцомъ, какъ утверждаетъ Барчъ.

Имя автора не извѣстно, но про свои личные обстоятельства онъ не разъ упоминаетъ въ своихъ стихахъ. Изъ такихъ упоминаній видно, что онъ былъ скромнаго происхожденія: „Ich bin ohne Geburt und weiss nichts von Ritter-schaft, die mir versagt ist, ebenso wie ich von Minne rede, die ich gleichfalls nie in ihrer Süsse kennen gelernt habe, wie viele Menschen erzählen von Rom, und dort nie gewesen sind“ (v. 12820).

Онъ бѣденъ и молодъ и „Рейнфридъ“ его первое крупное произведение; въ немъ онъ часто отступаетъ отъ своего сюжета и раздражается горькими жалобами на несправедливость, жадность и скупость великихъ міра сего. Достается и женщинамъ за ихъ безстыдство, причемъ авторъ ссылается на Якова Абта, котораго онъ былъ, очевидно, современникомъ и землякомъ. Время дѣйствія поэмы приурочивается ко времени завоеванія Аккона (Asker's) въ 1291 году; такимъ образомъ поэму „Рейнфридъ“ можно считать написанной около 1300 г., какъ это принимаетъ Барчъ.

Нѣкоторыя особенности языка, по мнѣнію Барча, указываютъ, что авторъ былъ швейцарецъ. Въ своей поэмѣ онъ обнаруживаетъ большую начитанность: онъ не только знакомъ со сказаніями древности и среднихъ вѣковъ, но говоритъ о философіи и естествознаніи. Онъ хорошо знаетъ библію, исторію Александра Великаго, знаетъ мифологію, исторію Рима, средневѣковыя сказанія про Виргилія, упоминаетъ о Карлѣ Великомъ, о Роландѣ, Тристанѣ и Изольдѣ, о поэмахъ Вольфрама фонъ Эшенбаха. Знакомъ онъ и съ нѣмецкимъ эпосомъ и всего болѣе почерпаетъ изъ сказанія о герцогѣ Эрнстѣ, которое, можно сказать, послужило ему образцомъ.¹⁾

Слѣдуя этому образцу, авторъ „Рейнфрида“ перерабатываетъ, какъ думаетъ Барчъ, въ сущности сказаніе о Генрихѣ

---

¹⁾ Bartsch, Herzog Ernst, Wien, 1869, 130.

Львѣ, давая намъ старѣйшую, хотя и не самую первую стихотворную редакцію этого сказанія. Но такъ какъ героемъ у него оказывается не Генрихъ Левъ, а герцогъ Брауншвейгскій по имени Рейнфридъ, то я предпочелъ бы выразиться такъ, что въ своемъ разсказѣ онъ повторяетъ вообще Брауншвейгское сказаніе о львѣ, причемъ совпаденіе было бы полнымъ, если бы поэма дошла до насъ въ цѣломъ видѣ. Теперь же мы знаемъ содержаніе 1-й части, гдѣ разсказывается о добываніи прекрасной Ирканы, и 2-ой, гдѣ повѣствуется о походѣ въ св. землю и о чудесахъ востока. Что касается 3-ей части, то содержаніе ея можно возстановить лишь приблизительно по тѣмъ намекамъ, которые сдѣланы авторомъ въ сохранившихся частяхъ поэмы.

Такъ поэтъ увѣряетъ, что графъ Арнольдъ, защитѣ котораго герцогъ поручаетъ свою жену, оставался вѣренъ своей клятвѣ, *bis der fürst wart ze lande wieder hein gesant* (115^b); при описаніи вооруженія Рейнфрида и при описаніи льва, изображеннаго на щитѣ герцога, онъ обѣщаетъ разсказать, какимъ образомъ произошло, что въ послѣдствіи Рейнфридъ и его потомки имѣли въ гербѣ своемъ двухъ львовъ; затѣмъ онъ упоминаетъ о томъ, что Иркана при разставаніи съ мужемъ даетъ ему свое наслѣдственное кольцо, привезенное ею изъ Индіи, и что Рейнфридъ въ послѣднюю ночь передъ разлукой дѣлитъ свое кольцо на двѣ части, одну оставляетъ у жены, другую беретъ съ собой, говоря:

es si denn süeze frouwe daz (14783 стихъ)
 ich dir ûz dem ellende
daz ander stiiske sende
daz an daz dine hoeret
 so wizzest, hât zerstöret
 der tût mîn ellendes leben.

Только такому извѣстію о смерти Рейнфрида должна повѣрить Иркана, которое будетъ подтверждено присылкой половины кольца, и только убѣдясь вполне въ его смерти, можетъ она выйти вторично замужъ, съ тѣмъ чтобы доставить

странѣ защитника и совѣтника. Далѣе авторъ сообщаетъ, что Иркана посылаетъ мужу письмо, въ которомъ она сравниваетъ себя съ Пенелопой, а мужа съ Улиссомъ, умоляетъ его вернуться, такъ какъ и она, и страна страдаютъ въ отсутствіе защитника. Рейнфридъ рѣшается вернуться на родину, но приключенія накаплиются безъ конца; онъ направляется все таки домой, на морѣ терпитъ разныя бѣдствія, пристаётъ къ незнакомому острову и тутъ засыпаетъ; на этомъ мѣстѣ разсказъ поэмы обрывается.

Въ какомъ видѣ развивался конецъ разсказа, сказать, конечно, нельзя; но имѣя въ виду, что авторъ собирался объяснить, какимъ образомъ въ гербѣ герцоговъ Брауншвейгскихъ вмѣсто одного льва появились изображенія двухъ, можно думать, что въ концѣ своей поэмы онъ излагалъ брауншвейгское сказаніе о лѣвѣ „die löwensage“, применившее въ нѣкоторыхъ своихъ переработкахъ къ имени герцога Брауншвейгскаго, Генриха Льва.

Нѣмецкія сказанія о Генрихѣ, герцогѣ Брауншвейгскомъ, пользовавшіяся, какъ мы видѣли, значительной популярностью въ нѣмецкой поэзіи, нашли свое отраженіе и въ поэзіи шведской и датской. Приписываемыя Генриху приключенія передаются въ одной шведской народной балладѣ, помѣщенной по записи конца прошлаго столѣтія въ сборникѣ Арвидсона ¹⁾.

7. *Шведская баллада „Hertig Henrik“.*

„Герцогъ Генрихъ говоритъ своей женѣ, что уходитъ на семь лѣтъ, (не упоминая собственно куда, но очевидно на востокъ); при этомъ онъ ставитъ условіемъ, что если не возвратится по прошествіи восьми или девяти лѣтъ, то она вольна выйти замужъ вторично. При разставаніи онъ разламываетъ свое кольцо пополамъ, одну половину даетъ женѣ, а другую

---

¹⁾ Arvidsson, Svenska Fornsänger, № 168, II, стр. 422; Grundtvig во введеніи къ „Henrik af Brunsvig“ № 114, II, стр. 608; Child, I, 194.

увозить съ собой. Вскорѣ Генрихъ попадаетъ въ плѣнъ къ невѣрнымъ и служить у нихъ въ теченіе семи лѣтъ. Освободившись (какимъ образомъ, не извѣстно) изъ плѣна, онъ идетъ странствовать и однажды ему удалось убить слона, боровшагося со львомъ; въ благодарность за эту услугу левъ переноситъ герцога во время сна на его родину. Проснувшись, герцогъ проситъ пищи у встрѣчнаго пастуха, а тотъ направляетъ его въ брауншвейгскій замокъ, гдѣ справлялся свадебный пиръ жены герцога Генриха. Подъ видомъ пилигрима герцогъ приходитъ къ своему замку, у воротъ встрѣчаетъ свою дочь и проситъ у нея пить. Видъ льва, сопровождавшаго странника, пугаетъ дѣвушку, но она все-таки приноситъ кубокъ съ напиткомъ, изъ котораго пьетъ затѣмъ герцогиня и на днѣ его находитъ половинку кольца. Она вынимаетъ изъ кармана свою половинку, бросаетъ обѣ на столъ, и онѣ соединяются въ одно кольцо“.

Тоже самое содержаніе передаетъ намъ и датская баллада, дошедшая до насъ въ рукописи XVII столѣтія. ¹⁾

8. *Датская баллада о герцогѣ Генрихѣ.*

„Герцогъ Генрихъ видитъ сонъ, въ силу котораго рѣшается оставить жену, прося ее ждать его возвращенія до восьмого года; по истеченіи этого срока она можетъ снова выйти замужъ. Герцогъ попадаетъ затѣмъ въ рабство къ невѣрнымъ и его на подобіе животнаго впрягаютъ въ плугъ. Наконецъ, госпожа его даетъ ему свободу, онъ проходитъ чрезъ рядъ приключеній и между прочимъ спасаетъ отъ дракона льва, который, какъ вѣрный песъ слѣдуетъ теперь за своимъ избавителемъ. Отъ одного отшельника герцогъ узнаетъ, что на-завтра назначена свадьба его жены; онъ засыпаетъ и ангеломъ переносится въ Германію къ своему замку, гдѣ пастухъ подтверждаетъ слова отшельника. Подъ видомъ пилигрима герцогъ

---

¹⁾ Grundtvig Danmarks gamle Folkeviser, II, 608—633, № 114; Child, I, 195.

приходить въ своему замку и черезъ привратника вызываетъ жениха своей жены, въ которомъ узнаеть одного изъ своихъ товарищей по плѣну, ранѣ герцога получившаго свободу и распустившаго слухъ о смерти герцога⁴. Въ этомъ мѣстѣ баллады пропускъ, пополняемый второй датской пѣснью, гдѣ говорится, что жена герцога находитъ въ опорожненномъ имъ кубкѣ половину кольца (хотя объ немъ ранѣ и не упоминалось), по которой и узнаеть о возвращеніи своего мужа.

Судя по общему ходу разсказа, можно думать, что какъ шведская такъ и датская баллада являются точнымъ, хотя и сокращеннымъ воспроизведеніемъ нѣмецкихъ сказаній про Генриха Брауншвейгскаго.

9. *Поэма о королѣ Ротеръ.*

Поэма о королѣ Ротерѣ ¹⁾ извѣстна въ одной болѣе или менѣе полной рукописи XII столѣтія и въ четырехъ отрывкахъ. Въ этой поэмѣ второй основной темой является обратное добываніе похищенной жены.

„Въ отсутствіе короля Ротера, жена его дочь царя Константина, похищена жонглеромъ и отвезена въ домъ ея отца, который торопится выдать ее вторично замужъ, но невѣста очень груститъ по своему первому мужу. Между тѣмъ король Ротеръ переодѣвается пилигримомъ и отправляется добывать свою жену. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ рыцаря, который разсказываетъ ему, что въ этотъ самый день во дворцѣ должна быть свадьба его жены. Ротеръ проникаетъ во дворецъ и залѣзаетъ подъ столъ, за которымъ сидитъ печальная невѣста. Онъ подаетъ ей кольцо со своимъ именемъ и тотчасъ узнаетъ ея; но враги требуютъ его смерти и ведутъ его вѣшать въ лѣсъ. Въ этомъ лѣсу спрятано войско Ротера, которое является на помощь своему королю. Много враговъ перебито, другіе спасаются бѣгствомъ. Ротеръ великодушно прощаетъ Константину его козни и со своей женой отплываетъ въ Бари“.

---

¹⁾ Кириичниковъ, Поэмы ломбардскаго цителя. Москва, 1872, стр. 12.

10. *Позднѣйшія нѣмецкія сказанія и сказки.*

Въ позднѣйшее время въ Германіи было записано значительное количество вариантовъ того сказанія, съ какимъ мы имѣли дѣло при разсмотрѣніи вышеприведенныхъ памятниковъ нѣмецкой средневѣковой поэзіи. Изучая живущія еще до сихъ поръ въ устахъ народа сказки, легко замѣтить, что онѣ непосредственно примыкаетъ къ тому или другому литературному воспроизведенію нашей темы, обнаруживая такимъ образомъ тотъ общій фактъ, что устная народная поэзія въ громадномъ большинствѣ случаевъ восходитъ къ произведеніямъ письменности, возникшимъ въ высшихъ, болѣе образованныхъ общественныхъ кругахъ, передавшихъ въ послѣдствіи свои художественныя пріобрѣтенія въ народную среду.

Вотъ одна изъ такихъ сказокъ, записанная въ Пруссіи и напечатанная Шмитцомъ подѣ заглавіемъ ¹⁾:

„Der getheilte Trauring“

„Графъ фонъ-Оберкайль, отправляясь на востокъ съ крестоносцами противъ невѣрныхъ, беретъ у своей жены кольцо, ломаетъ его пополамъ, одну часть его отдаетъ женѣ, а другую зашиваетъ въ рукавъ своего одѣянія. Графъ попадаетъ въ плѣнъ къ туркамъ, и такъ какъ о немъ долгое время не было никакихъ извѣстій, то какой-то рыцарь, желавшій жениться на графинѣ, распускаетъ слухъ, будто графъ умеръ въ плѣну. Рыцарь этотъ получаетъ, наконецъ, слово графини, и день свадьбы ихъ уже назначенъ.

Между тѣмъ графъ фонъ-Оберкайль, находясь въ плѣну, даетъ обѣтъ, въ случаѣ своего возвращенія на родину, построить церковь, и вотъ однажды, просыпаясь утромъ, онъ видитъ себя въ лѣсу, но не знаетъ, гдѣ онъ. Пастухъ, котораго онъ встрѣ-

---

¹⁾ J. H. Schmitz, Sitten und Sagen... des Eifler Volkes. Trier 1858, II, стр. 82.

часть тутъ, объясняетъ ему, что онъ находится вблизи замка Оберкайль и что тамъ какъ разъ сегодня графиня выходитъ замужъ за рыцаря. Графъ посылаетъ пастуха въ замокъ сказать графинѣ, что какой-то незнакомецъ желаетъ видѣть ее прежде, чѣмъ она пойдетъ въ церковь; графиня приказываетъ ввести незнакомца; онъ проситъ у нея половину кольца, оставленную ей мужемъ, беретъ свою половину, складываетъ ихъ вмѣстѣ и, подавая цѣлое кольцо графинѣ, говоритъ: „теперь мы снова связаны такъ, какъ были до того момента, когда я сломалъ кольцо и простился съ тобою“. Женихъ и многочисленные гости поспѣшили уѣхать изъ замка, а графъ исполнилъ свой обѣтъ, построилъ церковь, которая стоитъ и до сихъ поръ“.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что сказка эта своимъ содержаніемъ примыкаетъ не къ сказаніямъ о герцогѣ Брауншвейгскомъ, осложненнымъ разсказомъ о приключеніи со львомъ, но восходитъ къ болѣе старымъ и простымъ сказаніямъ разбитаго круга въ родѣ разсказа Эненкеля о приключеніи Карла Великаго или въ родѣ англійскаго сказанія о Hugh de Hattou¹⁾.

Силезское сказаніе въ видѣ баллады сообщено Керномъ подъ заглавіемъ ¹⁾:

„*Die Hahnkrähe bei Breslau*“.

„Жилъ-былъ рыцарь со своей молодой женой, оба они были прекрасны. Владѣтельный герцогъ любитъ жену рыцаря и удаляетъ ее мужа на войну, гдѣ его вѣроломно сажаютъ въ тюрьму. Прощаясь съ женой, рыцарь взялъ себѣ ея кольцо, говоря, что лишь вѣстникъ его смерти передастъ ей это кольцо, она же благословляетъ мужа св. крестомъ. Въ тюрьмѣ у рыцаря отнимаютъ его кольцо, и онъ видитъ тяжелый сонъ, будто герцогъ передаетъ его кольцо женѣ и желаетъ на ней жениться. Въ отчаяніи рыцарь вызываетъ къ сатанѣ, и вотъ появляется иѣ-

¹⁾ Kern, Schlesische Sagenchronik. Breslau, 1840, стр. 151.

тухъ, который на своихъ крыльяхъ переноситъ рыцаря къ Бреславию. Сатана гонится за рыцаремъ, но въ это время поетъ пѣтухъ; духъ злобы исчезаетъ, рыцарь-же на прекрасномъ конѣ вѣзжается въ свой замокъ и радостно принять женой“.

Баллада кончается такъ же, какъ и пѣсни о герцогѣ Генрихѣ, описаніемъ памятника, воздвигнутаго передъ замкомъ въ память спасенія рыцаря изъ когтей сатаны. На памятникѣ изображены: рыцарь, вѣреть и пѣтухъ.

Эта баллада передаетъ всѣ отдѣльныя черты сказанія о мужѣ, уѣзжающемъ на войну: его прощанье съ женой, сцену съ кольцомъ, вѣщій сонъ рыцаря, его возвращеніе на родину чудеснымъ образомъ, при помощи сатаны. Но въ этой балладѣ видна искусственность композиціи позднѣйшаго времени, весьма неудачно замѣняющая простоту старыхъ разсказовъ.

Тоже самое сказаніе записано также въ Силезіи въ видѣ сказки ¹⁾ удержавшей другія архаическія подробности. „Въ Силезіи жилъ нѣкогда рыцарь; по приказанію герцога онъ отправляется на войну, оставляя дома прекрасную и добродѣтельную жену. Пріятель герцога, сильный вельможа Леутко, склоняетъ ее къ любви, причѣмъ распространяетъ ложное извѣстіе, будто мужъ ея убитъ. Между тѣмъ рыцарь сперва былъ долго боленъ, а потомъ три года былъ въ плѣну. Однажды онъ увидѣлъ во снѣ, что жена его съ Леуткой идетъ въ церковь вѣнчаться. Въ отчаяніи онъ обѣщаетъ отдать душу тому, кто доставитъ его домой во время. Дьяволъ подъ видомъ пѣтуха переноситъ его на родину“. Если въ этой сказкѣ не говорится о переодѣваніи героя и не упоминается про кольцо, то здѣсь находимъ такую архаическую черту, какъ распространеніе ложнаго извѣстія о смерти мужа, съ тѣмъ чтобы побудить жену его къ замужеству съ другимъ; здѣсь же упоминается о плѣненіи героя и говорится о вѣщемъ сновидѣніи.

---

¹⁾ Vernalecken, Mythen u. Bräuche des Volkes in Oesterrreich. 1859, 371—373.

Сказка изъ Шварцвальда сообщена Готшалкомъ подъ заглавіемъ ¹⁾:

„Der Ring ehelicher Treue“.

Сказка эта въ общихъ чертахъ передаетъ слѣдующее: авторъ забрелъ въ горахъ Шварцвальда въ тихую деревеньку, надъ которой высятся развалины гордаго замка. Въ церкви онъ видитъ рыцарскую могилу,—это могила Куно фонъ Фалькенштейна, умершаго въ 1320 году.

Кистеръ рассказываетъ автору приключенія этого рыцаря. „Куно и жена его Jutte нѣжно любили другъ друга, но у нихъ не было дѣтей, и это ихъ очень огорчало. Неоднократно сатана прельщала рыцаря, обѣщая ему большое потомство, если онъ продастъ дьяволу свою душу, но каждый разъ Куно съ негодованіемъ отвергалъ эти предложенія. Куно отправляется въ крестовый походъ; слѣдуетъ трогательное прощаніе его съ женой и эпизодъ съ кольцомъ. Куно въ плѣну у султана томится въ тюрьмѣ, и снова дьяволъ тщетно соблазняетъ его. Спустя два года султанъ отпускаетъ Куно на свободу, и тутъ начинается рядъ приключеній рыцаря, вызванный кознями дьявола. Однажды въ лѣсу Куно засыпаетъ и видитъ свою жену передъ брачнымъ алтаремъ, рядомъ съ ней стоитъ неизвѣстный рыцарь. Проснувшись, Куно заключаетъ договоръ съ сатаной: послѣдній доставитъ рыцаря домой въ одинъ день, возьметъ же въ награду его душу; но если Куно удастся не заснуть во время дороги, то и душа его свободна. Дьяволъ превращается въ льва и по воздуху несетъ Куно на родину; рыцарь борется со сномъ, взываетъ къ Богу о помощи, и вотъ надъ нимъ начинаютъ виться два орла,—это посланники Бога; они не даютъ Куно заснуть, и онъ благополучно достигаетъ родного замка; левъ исчезаетъ, оставляя запахъ сѣры. Куно поспѣваетъ къ брачному пиру своей жены; неузнанный ею онъ

---

¹⁾ Fr. Gottschalk, Deutsche Volksmärchen. Leipzig, 1846, Bd. II, стр. 135; Jacobi's Iris, 1805.

пѣть изъ общаго кубка и опускаетъ въ него свое кольцо: слѣдуетъ признаніе супруговъ, женихъ со стыдомъ удалится, а Куно и frau Jutte живутъ еще долго и счастливо“.

Сказка эта является позднѣйшей переработкой пѣсень о Гильдебрандѣ, о герцогѣ Генрихѣ и о Мёрингерѣ, при чемъ многія подробности переименованы: левъ, бывшій въ пѣсняхъ спасителемъ рыцаря, въ сказкѣ является его врагомъ; приключенія рыцаря представлены въ видѣ искушеній, устраиваемыхъ ему дьяволомъ на его пути изъ сарадинскаго плѣна. Но основная мысль разсказа тождественна съ разсмотрѣнными пѣснями, и всѣ звенья сказанія о вѣрной женѣ на лицо; имя жены рыцаря Куно—„Jutte“ совпадаетъ съ именемъ жены Гильдебранда — „frau Ute“.

Древнѣйшій памятникъ нѣмецкой эпической поэзіи, „пѣснь о Гильдебрандѣ“, въ позднѣйшихъ своихъ редакціяхъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя черты нашего сказанія. Въ дошедшемъ до насъ отъ VIII ст. отрывкѣ ея говорится лишь о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ; въ позднѣйшихъ передѣлкахъ, восходящихъ къ XIV ст., какъ это точно обозначено въ рукописи ¹⁾, принадлежащей проф. Везенмейеру изъ Ульма, къ основному мотиву — борьба отца съ сыномъ — присоединяется второй — признаніе мужа женой по кольцу. Были-ли эти два мотива соединены въ первоначальной редакціи пѣсни, или же такое сліяніе ихъ произошло въ позднѣйшихъ воспроизведеніяхъ ея, сказать съ точностью нельзя. Судя по ходу распространенія нашего мотива, можно думать, что второе предположеніе вѣрнѣе. Въ самомъ сжатомъ видѣ пѣсня

„Das Hildebrandslied“

такого содержанія:

„Гильдебрандъ уѣзжаетъ искать приключеній, оставляя дома жену „frau Ute“ и малолѣтняго сына. 32 года нѣтъ

¹⁾ Böhme, Altdeutsches Liederbuch. 1877, стр. 1, № 1; Uhland, Schriften, I, 55 и 405.

о немъ ни слуху, ни духу. Между тѣмъ сынъ его Алебрантъ тоже ѣдетъ искать счастья, встрѣчаетъ своего отца, не узнаетъ его, вступаетъ въ единоборство съ нимъ и побѣждаетъ его. Тутъ они узнаютъ другъ друга и ѣдутъ въ родной замокъ.

Здѣсь сынъ всячески ухаживаетъ за своимъ мнимымъ плѣнникомъ, мать же его „*frau Ute*“ удивлена такимъ почетомъ, оказываемымъ неизвѣстному старику, но сынъ велитъ ей подать собственноручно кубокъ вина незнакомцу; тотъ же, взявъ вино, опускаетъ изо рта на дно кубка золотое кольцо, по которому жена узнаетъ въ незнакомцѣ своего мужа“.

Въ „нѣмецкихъ сказанiяхъ“ братьевъ Гриммовъ ¹⁾ приведена старая легенда (*Crusius, Annales suevici. Francof. 1559. dodecas II, p. 264*), отразившая на себѣ нѣкоторыя черты нашего разсказа. Легенда эта дается подѣ заглавiемъ:

„Graf Hubert von Calw“.

„Въ давнiя времена жилъ въ Calw'ѣ графъ въ довольствѣ и богатствѣ, пока, наконецъ, въ немъ заговорила совѣсть, и онъ обратился къ женѣ со словами: „*nun ist von Nöthen, dass ich auch lerne, was Armuth heisst, wo ich nicht ganz will zu Grunde gehen*“. Послѣ этого онъ простился съ женой, облекся въ платье бѣднаго пилигрима и направился въ Швейцарiю. Въ деревнѣ Дрейслингенъ онъ сдѣлался пастухомъ и съ великимъ усердiемъ пасъ порученное ему стадо на ближайшей горѣ. Хотя скотъ подѣ его попеченiемъ былъ сытъ и жиренъ, но крестьянамъ было досадно, что онъ пасетъ его все на одной и той же горѣ, и вотъ они отказали ему въ мѣстѣ. Тогда онъ направился домой въ Кальвъ и попросилъ милостыни предѣ дверью своей жены, которая какъ разъ въ это время справляла свою свадьбу съ другимъ человекомъ. Когда ему вынесли кусокъ хлѣба, онъ медлил принять его, и случилось такъ, что ему налила вина въ кубокъ сама гра-

---

¹⁾ Brüder Grimm, Deutsche Sagen. Berlin 1865, II, стр. 228. № 530.

финя. Выпивъ вино, онъ опустилъ въ кубокъ свое вѣнчальное золотое кольцо и, молча, возвратился въ деревню, гдѣ пасъ скотъ. Крестьяне, у которыхъ теперь былъ плохой пастухъ, были рады его возвращенію и вернули графу его прежнее положеніе. И такъ онъ пасъ здѣсь скотъ до самой своей смерти; почувствовавъ ея приближеніе, онъ открылъ крестьянамъ, кто онъ и откуда, и распорядился, чтобы трупъ его везли на быкахъ и похоронили тамъ, гдѣ быки сами остановятся, и чтобы на этомъ мѣстѣ построена была капелла. Воля его была въ точности исполнена, и надъ его могилой была построена церковь, названная по его имени Гибертъ или Оберъ „zu Sanct Huprecht“. Множество людей приходило сюда на поклоненіе и служили молебны; каждый житель города Кальва, проходя мимо, имѣлъ право постучать въ дверь церкви“.

Швабское сказаніе о возвращеніи Бодмана, записанное по устнымъ рассказамъ, сообщается Мейеромъ подъ заглавіемъ ¹⁾:

„Das Nebelmännle“.

„Бодманъ фонъ-Ueberlingersee отправляется въ странствованіе къ самому концу земли. Пускаясь въ путь, онъ проситъ жену ждать его возвращенія въ теченіе семи лѣтъ. Онъ достигаетъ среди пустыни мѣста, огороженного высокой стѣной, и заставляетъ своего слугу взобраться на стѣну и посмотреть, что находится по ту сторону ея. Но тотъ, взобравшись на стѣну, дѣлаетъ своему господину лишь знакъ рукой и исчезаетъ; то же продѣлываетъ и кучеръ. За стѣной находился рай ²⁾. Оставшись одинъ, Бодманъ приходитъ къ маленькому домику, въ которомъ живетъ людоѣдъ, называемый Nebelmännle, оказывающійся собственно духомъ Боденскаго

¹⁾ E. Meier, Volksmärchen aus Schwaben. Stuttgart, 1852, № 61.

²⁾ Взлѣзаніе на райскую стѣну или на райскую гору встрѣчается въ цѣломъ рядѣ другихъ памятниковъ. Соотвѣтствующая литература указана А. Н. Веселовскимъ: Russische Revue, 1875, IV, Jahrg., стр. 559; Разысканія въ области рус. дух. стиха, XIX.

озера. Онъ сообщаетъ Бодману, что жена его въ это самое время собирается выходить замужъ за другого, но что онъ готовъ помочь ему и въ одну ночь перенести его по воздуху въ его замокъ, если Бодманъ обѣщаетъ не звонить болѣе въ колоколъ надъ озеромъ (*die Nebelglocke*) и даже потопить самый колоколъ въ озерѣ ¹⁾. Бодманъ охотно даетъ требуемое обѣщаніе, и вотъ людоедъ сажаетъ его къ себѣ на спину и летитъ съ нимъ по воздуху быстрѣе вѣтра, а на утро опускаетъ его у воротъ его замка. Никто не узнаетъ Бодмана, даже жена не признаетъ его. Она подаетъ ему воды для умыванія; онъ моется, снимаетъ съ пальца обручальное кольцо и опускаетъ его въ рукомойникъ, а послѣ этого слѣдуетъ признаніе супруговъ⁴.

Въ пересказѣ Рейха ²⁾ слуги Бодмана не перескакиваютъ черезъ стѣну въ рай, а безвозвратно исчезаютъ въ хижинѣ людоеда; самого же Бодмана прячетъ отъ мужа жена людоеда, но тотъ обнаруживаетъ его присутствіе и ласково привѣтствуетъ его по имени. Затѣмъ все слѣдуетъ какъ и въ приведенномъ пересказѣ, причемъ полнѣе передаются лишь нѣкоторыя подробности. Такъ, къ свадебному пиру Бодманъ является въ видѣ пилигрима; его сажаютъ на почетное мѣсто; жена подноситъ ему вино, онъ опускаетъ кольцо въ кубокъ, по кольцу жена узнаетъ его, и все кончается общей радостью.

Въ пересказѣ той же самой легенды, записанномъ Бирлингеромъ, дѣйствіе переносится на графа фонъ-Стадіонъ. Съ цѣлію отыскать рай онъ ѣздитъ семь лѣтъ, встрѣчается съ лѣшимъ, обѣщаетъ ему потопить въ озерѣ колоколъ, непріятный для духа и тотъ на облакѣ переноситъ графа на родину какъ разъ ко времени свадьбы его жены съ другимъ. По желѣзному кольцу жена признаетъ мужа ³⁾.

¹⁾ Опытъ изученія легендъ о колоколѣ представленъ въ статьѣ: P. Sartori, Glockensagen u. Glockenbergglaube. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1897, стр. 113. Веселовскій, Филологич. Записки, в. III, 1—7 (1875—76).

²⁾ Reich, Die Insel Meinau... Karlsruhe, 1856, стр. 228.

³⁾ Uhland, Schriften, VIII, стр. 428.

Гораздо обстоятельнѣе передается то же швабское сказаніе по записи XVII ст., найденной въ фамильномъ архивѣ Бодмановъ ¹⁾: оно переносится здѣсь на Ганса Бодмана, какъ лицо, несомнѣнно историческое, получившее прозваніе „путешественника“.

„Желая объѣздить весь свѣтъ, Гансъ Бодманъ прощается съ женой. Онъ снимаетъ съ пальца золотое кольцо, разламываетъ его на двѣ части, одну даетъ женѣ, другую беретъ съ собой съ тѣмъ, чтобы это послужило средствомъ ихъ признанія послѣ долгой разлуки. Онъ отсутствуетъ долгіе годы, терпитъ крушеніе на морѣ, попадастъ на какой-то островъ; здѣсь къ нему является духъ (*wildes mündle*), рассказываетъ, что жена его обручена съ другимъ, и назавтра назначена свадьба. Какъ и въ предыдущихъ сказаніяхъ, Бодманъ общается исполнить желаніе духа и запретить колокольный звонъ вечеромъ; духъ переноситъ его на родину какъ разъ къ свадебному пиру. Бодманъ является на свадьбу жены въ видѣ бѣлняка, проситъ выпить вина, отпиваетъ изъ кубка одинъ глотокъ, бросаетъ туда половину кольца и посылаетъ кубокъ женѣ. Когда та нашла половину кольца въ кубкѣ, то приказываетъ принести свою половину, складываетъ ихъ вмѣстѣ и догадывается, что это, должно быть, вернулся ея мужъ. Она велитъ привести странника въ залъ, и къ общей радости супруги узнаютъ другъ друга“.

Въ нѣмецкой поэзіи можно указать еще нѣсколько соотвѣствующихъ произведеній, не привносящихъ впрочемъ чего-либо новаго къ тому, что уже извѣстно намъ изъ выше разобранныхъ произведеній. Для полноты однако отмѣчу швейцарское сказаніе о *Wernhard'н von Strätlingen* ²⁾: здѣсь св. Михаилъ играетъ ту роль, какаѣ приписывалась св. Оомъ въ разсказѣ Цезарія Гайстербахскаго и въ пѣснѣ о „благородномъ

¹⁾ Uhland, Schriften, VIII, 424, 433.

²⁾ Kohlrusch, Schweizerisches Sagenbuch. Leipzig, 1844—46, стр. 56.

Мёрингеръ“, и сатанѣ или духу въ только-что приведенныхъ нами сказаніяхъ. Въ сказаніи, сообщаемомъ *Herrlein'омъ* ¹⁾, Конрадъ фонъ-Биккенбахъ при помощи архангела ночью, во время сна переносится на родину изъ Іерусалима при аналогичныхъ условіяхъ. Родственное сказаніе о „*Zollern'n von der Hallburg*“ передаетъ Бехштейнъ ²⁾. Не привнося какихъ-либо новыхъ чертъ въ передачу традиціонной темы, всѣ эти сказанія, на ряду съ вышеизложенными, служатъ лишь подтвержденіемъ необычайной популярности поэтическаго мотива о внезапномъ и сверхъ-естественномъ возвращеніи мужа, причемъ сплосъ и краду совершалось закрѣпленіе самаго разсказа за опредѣленнымъ, историческимъ лицомъ, извѣстнымъ въ той или другой мѣстности.

Если имѣть въ виду, что герой швабскихъ сказаній Бодманъ лицо историческое, принадлежащее къ знаменитому роду владѣтельныхъ графовъ, ведшихъ свою родословную отъ Карла Великаго, что владѣнія ихъ лежали вблизи Боденскаго озера и вблизи Санъ-Галленскаго монастыря, игравшаго видную роль въ распространеніи средневѣковыхъ сказаній, что родъ Бодмановъ рано попалъ въ мѣстные историческіе акты и оставилъ свой фамиліный архивъ, въ которомъ между прочимъ сохранился только что изложенный пересказъ нашей темы, то мы будемъ имѣть новое доказательство обычнаго явленія въ средневѣковой письменности, какъ завѣдомо сказочные или странствующие сюжеты переносились на историческихъ дѣятелей, попадали въ хроники и историческія сочиненія, спускались затѣмъ въ народную среду и, какъ достояніе послѣдней, даже въ наше время считались продуктомъ національнаго творчества.

Если изъ швабскихъ сказаній о Бодманѣ выбросить элементъ мѣстный, какъ роль колокола, мѣшавшаго духу Боден-

---

¹⁾ Harrlein, Die Sagen des Spessarts. Aschaffenburg, 1861, стр. 256.

²⁾ Bechstein, Deutsches Sagenbuch. Leipzig, 1853, 669.

скаго озера, или книжный элементъ, какъ стремленіе отыскать земной рай, то все остальное содержаніе со всѣми подробностями разсказа буквально совпадаетъ съ французскими редакціями сказанія, какъ повѣствованіе Wace'a или легенды нормандскія или легенды англійскія. Очевидно, всѣ эти произведенія одного и того же происхожденія, всѣ они обязаны своимъ возникновеніемъ или собственно распространеніемъ средѣ культурной, представителямъ церкви съ одной стороны и странствующимъ поэтамъ съ другой.

Обобщая наблюденія, сдѣланныя нами при разсмотрѣніи позднѣйшихъ обработокъ нашей темы, мы видимъ, что воспоминанія о крестовыхъ походахъ играютъ преимущественную роль при распространеніи въ европейскихъ литературахъ изучаемаго сказанія.

Такъ, въ крестовыхъ походахъ участвуютъ по сказаніямъ, извѣстнымъ въ Нормандіи, рыцарь de Baqueville и рыцарь de Lombon, а также герой пикардійскаго романа sire de Créqui; графъ Дирлосъ воюетъ на востокѣ съ невѣрными, какъ и герой испанско-португальскихъ романсовъ о „Bella Infanta“; Hugh de Hatton, герой англійскаго сказанія, попадаетъ въ плѣнъ къ сарацинамъ въ Палестинѣ, какъ Жильбертъ Беккетъ въ Египтѣ и какъ герой англійскихъ балладъ Бейканъ. Если про героя итальянскихъ пѣсень Morgan d'Ingilterra разсказывается, что онъ женится на сарадинянкѣ, то въ новеллѣ Боккаччо герой Торелло принимаетъ непосредственное участіе въ крестовомъ походѣ. Часто сказаніе наше развивается въ связи съ паломничествомъ героя ко св. мѣстамъ: такъ Мёрингеръ идетъ въ Индію на поклоненіе гробу св. Ѳомы; герцога Брауншвейгскій съ тою же цѣлью отправляется въ Іерусалимъ или вообще пускается въ далекое морское путешествіе; герцогъ Генрихъ Левъ предпринимаетъ паломничество ко св. гробу или же идетъ вообще искать приключеній; Рейнфридъ Брауншвейгскій предпринимаетъ походъ въ св. землю; графъ фонъ-Оберкайль участвуетъ въ крестовомъ походѣ, какъ и Куно фонъ-Фалькенштейнъ. Очень часто, особенно въ позднѣйшихъ народныхъ пѣсняхъ, герой отправляется вообще на войну или, какъ въ разсказахъ о приключеніи

ченіи Бодмана, пускается въ путешествіе по свѣту съ цѣлью отыскать конецъ земли.

Вытекая, такимъ образомъ, по преимуществу изъ обстоятельствъ паломничества или похода въ св. землю, разсмотрѣнные памятники западно-европейской поэзіи представляютъ внутреннее доказательство своей взаимной связи, отмѣченной уже нами на основаніи подробностей ихъ содержанія. Очевидно, всѣ эти произведенія явились отраженіемъ того общенія и воодушевленія, въ какомъ находилось европейское общество въ періодъ крестовыхъ походовъ, долгое время сохранявшихся отдѣльными своими эпизодами въ памяти позднѣйшихъ поколѣній.

Однако разсмотрѣнными произведеніями не исчерпывается еще усвоеніе въ европейскихъ литературахъ изучаемаго поэтического сюжета. Благодаря тому воздѣйствію со стороны европейскихъ литературъ, при которомъ развивалась поэзія славянскихъ народовъ, мы встрѣчаемъ изучаемый мотивъ какъ въ поэзіи южныхъ и западныхъ славянъ, такъ и въ поэзіи русскаго народа. Разсмотрѣнію дальнѣйшаго движенія на востокъ нашего сюжета и будутъ посвящены слѣдующія главы настоящей работы.

17.

Западно-славянскіе варианты.

Западно-европейское литературное вліяніе довольно рано проявляется въ поэзіи западныхъ славянъ, по своему положенію приходившихъ въ непосредственное и постоянное столкновеніе съ западомъ. Такъ на основаніи извѣстной хроники пизъ конца XIII или начала XIV в., приписываемой Далимилу, можно думать, что уже въ то время среди чеховъ были распространены, конечно, въ высшихъ классахъ общества, сказанія о Карлѣ Великомъ и Роландѣ (Dalimil, гл. 50). Точно также

рано сдѣлался извѣстнымъ въ Чехіи и герой Артуровскаго цикла сказаній, рыцарь Ivain или „рыцарь со львомъ“, сказаніе о которомъ получило мѣстное пріуроченіе, превратившись частью своего содержанія въ гербовную родовую повѣсть шляхетскаго рода изъ Пардубиць (Sedláček, Hradý a zámky, I, díl 32)¹⁾.

Такой переходъ французскихъ произведеній въ чешскую среду не представляется чѣмъ либо неожиданнымъ, ибо какъ разъ упомянутые памятники французской рыцарской поэзіи раньше другихъ появились въ нѣмецкихъ переводахъ, а отъ нѣмцевъ, ближайшихъ сосѣдей чеховъ, они легко могли быть переданы этимъ послѣднимъ.

Но если французскія сказанія рано сдѣлались извѣстными въ Чехіи, то тѣмъ легче могли проникнуть туда памятники нѣмецкаго поэтическаго творчества, и въ самомъ дѣлѣ тотъ-же Далимилъ (гл. 93) обнаруживаетъ знакомство съ повѣствованіемъ про Дитриха Бернсаго, одного изъ популярнѣйшихъ героев нѣмецкихъ сказаній.

Къ числу такихъ же, заимствованныхъ съ запада чешскихъ произведеній, относится между прочимъ весьма популярное чешское сказаніе о похожденияхъ чешскаго короля Брунцвика. Произведеніе это представляетъ для насъ особый интересъ въ виду того, что оно по своему складу входитъ въ кругъ фактовъ изъ литературной исторіи западно-европейской и славяно-русской, составляющихъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

1. Чешское сказаніе о королѣ Брунцвикѣ.

Сказаніе о королѣ Брунцвикѣ сохранилось до нашего времени въ трехъ рукописяхъ: въ рукописи Пражской университетской бібліотеки²⁾; въ рукописи, принадлежащей гра-

¹⁾ Ferd. Menčík, Kronika o Štířfridovi a Bruncvíkovi. Krok, 1889, III, стр. 197.

²⁾ Издана эта рукопись Ганкой: Stará pověst o Stojmířovi a Bruncvíkovi. V Praze 1827, стр. 25—53 въ подновленномъ видѣ; съ

Баворовскому ¹⁾ во Львовѣ и въ рукописи Чешскаго Музея ²⁾. Первые двѣ рукописи относятся къ XV ст., третья считается позднѣйшей.

Помимо помянутыхъ рукописей оно распространено было въ цѣломъ рядѣ изданій, изъ коихъ первое, повидимому, относится къ 1565 г. и исполнено было въ Оломуцѣ; потомъ изъстъень экземпляръ пражскаго изданія отъ 1691 года подъ заглавиемъ: *Kronyky dvě. I. O Stylřřydovi statečném rytíři, knížeti a pánu českém. II. O Bruncvikovi synu jeho, též knížeti a pánu českém*, а также изданія отъ 1716, 1738 и 1779 (?).

Наконецъ, тоже чешское сказаніе о Брунцвикѣ извѣстно въ русскомъ переводѣ, сохранившемся въ рукописяхъ отъ XVII, XVIII и начала XIX столѣтія, изъ которыхъ пятнадцать описаны г. Поливкой ³⁾. Содержаніе этого памятника чешскою повѣствовательной литературы таково:

Послѣ смерти отца своего Штильфрида Брунцвикъ, желая захватить гербовнаго орла львомъ и добыть славы, трогательномъ прощается съ женой своею Неоменией, беретъ у нея ея перстень и говоритъ, чтобы она никому не вѣрила (очевидно она извѣстна объ его смерти) но если въ теченіе семи лѣтъ она не увидитъ перстня, значить, его нѣтъ въ живыхъ. Оставляя жену, онъ поручаетъ ее охранѣ ея отца. Взявъ съ собой 30 товарищей, онъ пускается въ странствованія. Три мѣсяца блуждаетъ онъ по морю, пока буря пригоняетъ корабль его къ скалистой горѣ (k horě Aksstegnové). Гора притянула въ себя корабль, онъ разбился, но люди спаслись на пустынномъ берегу, гдѣ были лишь сгнившіе корабли и груды костей.

Сказаніемъ старыхъ формъ языка издана въ *Výbor'ě z literatury české* IV, 55—74.

¹⁾ Издана г. Поливкой: *Kronika o Bruncvikovi v ruské literatuře*. V Praze, 1892, стр. 134—143.

²⁾ Хотя ее приводитъ Юнгманъ (*Hist. lit. III, 96*), но теперь она, убогая, потеряна; Prusik, *Kronika o Bruncvikovi. Krok*, 1890, IV, 91.

³⁾ Polivka, *Op. cit.* стр. 3—4.

Вскорѣ Брунцвикъ и его люди почувствовали недостатокъ въ пищѣ; сперва съѣли своихъ коней, а потомъ начали ѣсть друга друга, такъ что въ концѣ остался въ живыхъ лишь Брунцвикъ съ однимъ старымъ рыцаремъ, по имени Баладомъ. Этотъ послѣдній зашиваетъ своего господина въ конскую шкуру и даетъ ему туда мечъ. Въ этомъ видѣ птица ногъ уноситъ Брунцвика въ гнѣздо своихъ птенцовъ, которые съ жадностью бросились на добычу. Брунцвикъ перебилъ всѣхъ ихъ, долго блуждалъ въ горахъ, въ одной долинѣ слышалъ сильный шумъ и увидѣлъ льва, боровшагося съ дракономъ. Онъ помогаетъ льву одолѣть дракона и съ тѣхъ поръ левъ слѣдуетъ за своимъ избавителемъ, приносить ему пищу и цѣлебные коренья. Послѣ долгихъ блужданій Брунцвикъ увидѣлъ однажды замокъ въ морѣ; желая переплыть туда, онъ сдѣлалъ себѣ плотъ и въ отсутствіе льва отплылъ отъ берега, думая оставить льва; но вѣрный левъ, увидѣвъ это, бросился въ море, догналъ плотъ и, держась за него, долго плылъ за Брунцвикомъ, пока тотъ не взялъ его къ себѣ на плотъ. Тутъ имъ пришлось плыть между горъ въ полной темнотѣ, затѣмъ они приблизились къ сіяющей горѣ, Карбункулусъ, и Брунцвикъ мечомъ отбилъ отъ нея кусокъ съ человѣческую голову. Послѣ долгаго плаванія онъ попадаетъ въ замокъ людей-чудовищъ. Царь ихъ Олибриусъ называетъ Брунцвика по имени, хотя никогда не видѣлъ его раньше, удерживаетъ его у себя и даетъ ему порученіе освободить дочь его Африку изъ власти дракона Василиска. При помощи льва Брунцвикъ исполняетъ это трудное порученіе, но принужденъ жениться на освобожденной имъ дѣвицѣ Африкѣ. Однажды въ подвалѣ онъ находитъ мечъ-самосѣкъ; ему онъ приказываетъ отрубить головы у Олибриуса, Африки и людей ихъ, а самъ утплываетъ со львомъ, чтобы вернуться на родину. По дорогѣ онъ попадаетъ въ городъ чертей-асмодеевъ, затѣмъ въ городъ невидимокъ-астріоловъ; всюду ему помогаетъ справиться съ врагами мечъ-самосѣкъ, устрашающій царя Астріола до того, что онъ обѣщаетъ чудеснымъ образомъ доставить Брунцвика на родину со всѣмъ его богатствомъ и со львомъ. И дѣйствительно въ четвертокъ на разсвѣтѣ онъ высади

Брунцвика на границѣ его земли. Увидѣвъ себя передъ Прагою, Брунцвикъ одѣлся въ платье пустынника и пошелъ въ городъ со львомъ. Въ то время шла свадьба жены его, выходявшей замужъ по желанію своего отца за князя Клеофаша, такъ какъ минуло уже семь лѣтъ, какъ Брунцвикъ ушелъ и не возвращался. Когда послѣ стола принесли напитки въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, то Брунцвику поднесли кубокъ, изъ котораго пили Клеофашъ и Неоменія. Брунцвикъ снялъ съ руки перстень, вложилъ его въ сосудъ, вышелъ изъ замка, написавъ на воротахъ, что въ замкѣ былъ тотъ, кто семь лѣтъ находился въ отлучкѣ. Неоменія нашла въ сосудѣ перстень и догадалась, что возвратился ея милый Брунцвикъ. Князь Клеофашъ съ тридцатью всадниками погнался за Брунцвикомъ, желая убить его, но самъ погибъ со своими людьми отъ мечасамосѣка. Брунцвикъ же удалился въ одинъ замокъ, созвалъ туда земскихъ господъ, отправился съ ними въ Прагу, гдѣ съ радостью былъ принятъ народомъ и королевой Неоменіей. Послѣ этого онъ приказалъ изобразить льва на городскихъ воротахъ и на земской хоругви, жилъ еще много лѣтъ и когда умеръ, то левъ не захотѣлъ пережить его, но жалобно заревѣлъ и испустилъ духъ⁴.

По вопросу о литературномъ происхожденіи изложеннаго чешскаго сказанія или „хроники“, какъ принято именовать его въ печатныхъ чешскихъ изданіяхъ, высказано было нѣсколько мнѣній. Такъ г. А. Пыпинъ¹⁾, встрѣтивъ въ русскихъ рукописныхъ сборникахъ конца XVII и XVIII вѣковъ „повѣсть о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли“, замѣтилъ, что чешскій ея оригиналъ не является самобытнымъ и національнымъ произведеніемъ чешской литературы, но примыкаетъ по своему содержанію къ германскимъ и романскимъ поэмамъ и рыцарскимъ исторіямъ. Чешскій сочинитель, по его предположенію, безъ сомнѣнія зналъ и передѣлывалъ или французскій романъ о Huon de Bordeaux, или какуюнибудь изъ нѣмецкихъ поэмъ, стоящихъ въ связи съ этимъ романомъ.

¹⁾ А. Пыпинъ, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1857, стр. 223—228.

Иной взгляд на источники чешскаго Брунцвика высказал г. Малохъ ¹⁾. По его мнѣнію повѣсть о Брунцвикѣ явилась результатомъ сліянія различныхъ элементовъ, заимствованныхъ какъ изъ чешскихъ народныхъ сказаній, такъ и иноземныхъ. Но главнымъ источникомъ для первой половины Брунцвика могла быть нѣмецкая поэма „Herzog Ernst“ (XII ст.), другая же половина—эпизодъ со львомъ, по его мнѣнію, вельтскаго происхожденія. Самое имя Брунцвика имѣетъ отношеніе къ Генриху Льву, герцогу Брауншвейгскому, извѣстному по своимъ похожденіямъ среди чеховъ уже въ XII столѣтіи: названіе его резиденціи Brunnvícko чехи перенесли на своего героя.

Располагая значительно бѣльшимъ сравнительнымъ матеріаломъ изъ области нѣмецкихъ и скандинавскихъ сказаній, близкихъ по своему содержанію къ чешской повѣсти о Брунцвикѣ, по тому же вопросу высказалъ свои соображенія извѣстный Файфаликъ ²⁾.

Такъ какъ повѣсть или хроника о Брунцвикѣ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и, повидимому, во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ соединена съ другой повѣстью-хроникой о Штильфридѣ, оказывающемся по сказанію отцомъ Брунцвика, то Файфаликъ рассматриваетъ ихъ какъ произведеніе, принадлежащее перу одного и того-же автора, рассказывающаго въ первой половинѣ своего повѣствованія о томъ, какъ Штильфридъ, ища рыцарской славы, добываетъ себѣ новый гербъ, замѣняя изображеніе котла въ прежнемъ гербѣ изображеніемъ орла въ новомъ, а во второй—какъ Брунцвикъ въ свою очередь стремится не только къ славѣ, но и желаетъ замѣнить гербовое изображеніе орла изображеніемъ льва. Подыскивая въ нѣмецкой поэзіи первоисточникъ для названныхъ чешскихъ сказаній о Штильфридѣ

¹⁾ Slovník naučný, t. I, 924—925.

²⁾ J. Feifalik, Zwei böhmische Volksbücher zur Sage von Reinfrid von Braunschweig. Sitzungsab. d. K. Ak. d. W. zu Wien. Ph. H. Cl. XXIX (1859), стр. 83—97 и затѣмъ, Nachtrag zu der Abhandlung über zwei böhmische Volksbücher zur Sage von Reinfrid von Braunschweig, ibid. XXXII Band, Heft (1859), стр. 322—331.

и Брунцвикѣ, Файфаликѣ принимаетъ, что таковымъ была недошедшая до насъ нѣмецкая поэма, разработанная въ стихотворной формѣ, близкая по своему складу къ извѣстной нѣмецкой поэмѣ о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ. Предполагаемый этотъ первоисточникъ могъ повѣствовать о приключеніяхъ Штильфрида Брауншвейгскаго, изъ личности-котораго чешскій писатель въ своей передѣлкѣ сдѣлалъ двухъ героев, Штильфрида и Брунцвика, подѣливъ между ними и содержаніе самой предполагаемой поэмы.

Такое предположеніе Файфалика отличалось скорѣе остроуміемъ, чѣмъ основательностью, вытекавшею изъ фактовъ. Дѣло въ томъ, что между сказаніемъ о Штильфридѣ и сказаніемъ о Брунцвикѣ въ сущности ничего нѣтъ общаго, кромѣ стремленія писателя, а быть можетъ и позднѣйшаго переписчика, сдѣлать изъ двухъ разныхъ сказаній нѣчто въ родѣ цикла сказаній, связавъ ихъ при посредствѣ родственныхъ узъ героевъ. Такое заключеніе вытекаетъ не только изъ различія, наблюдаемаго въ содержаніи и обработкѣ данныхъ произведеній, но также и изъ того обстоятельства, что сказаніе о Брунцвикѣ не всегда является соединеннымъ со сказаніемъ о Штильфридѣ. Такъ рукопись, принадлежащая г-фу Баворовскому во Львовѣ содержитъ лишь сказаніе о Брунцвикѣ, и проф. Брюкнеръ замѣчаетъ ¹⁾, что рукопись эта всегда такъ и начиналась, т. е. не содержала въ себѣ разсказа о Штильфридѣ, какъ не содержала его и та рукопись, съ которой сдѣланъ былъ переводъ Брунцвика на русскій языкъ. Последнее обстоятельство придаетъ значительную вѣроятность предположенію, что сказаніе о Брунцвикѣ было извѣстно въ Чехіи какъ самостоятельное произведеніе, а на ряду съ нимъ и притомъ тоже въ видѣ самостоятельнаго разсказа могло вращаться сказаніе о Штильфридѣ, настолько отличное по своему содержанію и по своей обработкѣ отъ перваго, что г. Мурко ²⁾ въ

¹⁾ Archiv für Slav. Ph. XI (1888), стр. 85.

²⁾ Archiv für Slav. Phil. XIII (1897), стр. 305.

противность мнѣнію Файфалика скорѣе готовъ смотрѣть на нихъ, какъ на произведенія двухъ различныхъ авторовъ, чѣмъ считать ихъ результатомъ работы одного лица.

Съ мнѣніемъ г. Мурко, хотя оно и не обставлено доказательствами, какъ мнѣ кажется, можно согласиться. Въ его пользу говорить то обстоятельство, такъ сказать внѣшняго характера, что, какъ упомянуто выше, сказаніе о Штильфридѣ не всегда являлось соединеннымъ въ рукописяхъ со сказаніемъ о Брунцвикѣ, которое одно между прочимъ переведено на русскій языкъ. Если въ другихъ рукописяхъ и въ слѣдовавшихъ имъ печатныхъ изданіяхъ и произошло соединеніе данныхъ сказаній, то такая связь носитъ черты простого механическаго сближенія двухъ повѣстей съ тою цѣлю, чтобы дать поэтическое обоснованіе той преемственной смѣнѣ національнаго герба, о которой повѣствуетъ Далимилъ (гл. 42, 48, 61), рассказывающій, что первымъ чешскимъ гербомъ былъ котелъ въ огненномъ полѣ, замѣненный въ послѣдствіи орлицей, уступившей въ свою очередь мѣсто льву. Если имѣть въ виду, что въ XIV ст. въ Чехіи было въ модѣ составлять гербовныя повѣсти и что таковыя составлялись ¹⁾ въ видѣ хроникъ объ отдѣльныхъ выдающихся родахъ въ значительномъ количествѣ и часто присоединялись къ Далимиловой хроникѣ, то очень можетъ быть, что въ числѣ другихъ гербовныхъ повѣстей составлены были каждая въ отдѣльности и гербовныя повѣсти о Штильфридѣ и о Брунцвикѣ, сведенныя лишь въ послѣдствіи какимъ-либо редакторомъ въ одно цѣлое съ повѣствованіемъ о приключеніяхъ отца и сына, что придавало повѣстямъ характеръ цикла и давало поэтическое обоснованіе, хотя и не совсѣмъ точное, послѣдовательной смѣнѣ изображеній на національномъ чешскомъ гербѣ въ томъ порядкѣ, о какомъ рассказываетъ Далимилъ.

Но соединеніе въ одинъ циклъ повѣстей о Штильфридѣ и о Брунцвикѣ могло произойти и иначе. Очень возможно,

---

¹⁾ F. Menčík, Op. cit. Krok, III (1889), стр. 237.

что сперва появилась въ обращеніи среди чеховъ одна изъ этихъ повѣстей, и что лишь позднѣе къ ней была присочинена другая. Въ какой послѣдовательности возникли эти повѣсти, сказать трудно, и я не знаю, на сколько основательно утверждение г. Петровскаго, будто Брунцвикъ появился уже послѣ Штильфрида. ¹⁾

Если такимъ образомъ принять, что сказанія эти возникли на чешской почвѣ разновременно и независимо другъ отъ друга, то подыскивать для нихъ, какъ это дѣлалъ Файфаликъ, такой первоисточникъ, содержаніе котораго дало бы основу для нихъ обоимъ, не только не представляется необходимымъ, но и оказывается невозможнымъ, ибо самое соединеніе чешскихъ сказаній произошло совершенно случайно, безъ особыхъ внутреннихъ къ тому мотивовъ, лежащихъ въ ихъ содержаніи, но обусловлено лишь желаніемъ позднѣйшаго редактора получить, благодаря сведенію ихъ въ одно цѣлое, послѣдовательное повѣствованіе о смѣнѣ національныхъ гербовъ.

Просмотрѣвъ это обстоятельство, Файфаликъ въ сущности съ значительной долей произвола сблизилъ первую половину нѣмецкой поэмы о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ съ чешскимъ сказаніемъ о Штильфридѣ. Въ ихъ содержаніи нѣтъ ровно ничего общаго: въ первой половинѣ Рейнфрида излагается типичная средневѣковая тема о добываніи героемъ невѣсты для себя, въ Штильфридѣ передается исторія приобрѣтенія новаго герба, оказывающагося наградой герою за побѣду его надъ двѣнадцатю противниками. Про добываніе невѣсты здѣсь пѣть и рѣчи, и всѣ вообще похождения Штильфрида нисколько не напоминаютъ ни въ общемъ, ни въ частностяхъ приключеній Рейнфрида, передаваемыхъ въ первой половинѣ нѣмецкой поэмы.

Если король неаполитанскій Астрономъ, наградившій Штильфрида новымъ гербомъ, и выдаетъ свою дочь за Брун-

---

¹⁾ М. Петровскій, Исторія о славномъ Королѣ Брунцвикѣ. Памятники древней письменности. LXXV (1888), стр. 10.

цвика, то происходит это не потому, что дѣвицу эту добывалъ Штильфридъ для сына, а просто самъ король Астрономъ, увидѣвъ въ Чехіи Брунцвика, предложилъ ему въ жены свою дочь, которая затѣмъ и прибыла въ Чехію. Такимъ образомъ содержаніе Штильфрида вовсе не затрагиваетъ темы, весьма популярной въ средневѣковой поэзіи и принятой въ основу такихъ произведеній, какъ „Король Ротеръ“, или какъ „Орендель“, или какъ первая половина „Рейнфрида Брауншвейгскаго“, повѣствующая намъ о добываніи героемъ невесты для себя, а потому чешскій Штильфридъ, являясь гербовной повѣстью, не имѣетъ ничего общаго съ нѣмецкой поэмой о Рейнфридѣ.

Что касается второй части Рейнфрида, недошедшей до насъ, то насколько можно возстановить содержаніе ея по намекамъ, имѣющимся въ первой половинѣ, она дѣйствительно напоминаетъ въ общихъ чертахъ чешское сказаніе о Брунцвикѣ. Но для того чтобы составить Брунцвика, автору не для чего было прибѣгать къ огромной нѣмецкой поэмѣ въ нѣсколько десятковъ тысячъ стиховъ, въ широкой извѣстности которой позволительно въ тому-же сомнѣваться, такъ какъ она дошла до насъ лишь въ одной и то не полной рукописи, и выдѣлять изъ нея часть содержанія для своего произведенія, когда у него подъ руками могло быть тоже самое сказаніе въ законченной формѣ, разработанное въ нѣмецкой поэзіи и въ стихахъ, и въ прозѣ, извѣстное тамъ въ цѣломъ рядѣ пересказовъ, оправдывавшихъ подобно чешскому Брунцвику изображеніе льва, если и не въ государственномъ гербѣ, то на щитѣ рыцаря или на площади въ видѣ статуи, поставленной въ Брауншвейгѣ.

Къ такимъ обработкамъ той же самой темы во всемъ объемѣ ея содержанія, принятаго и чешскимъ Брунцвикомъ, относится пѣсня Виссенгере изъ XIV ст., называющая своего героя „den edeln hern von Bruonczwigk“ и бельгійская народная книга, именующая его просто hertog или hertog van Bronswyk; оба произведенія приписываютъ наше сказаніе безыменному герцогу Брауншвейгскому. Подобная редакція, по-

павъ въ руки чешскаго писателя, естественнымъ образомъ могла подать ему поводъ не только назвать своего героя „Брунцвикомъ“, но и воспользоваться связаннымъ съ его именемъ сказаніемъ для составленія хроники, долженствовавшей объяснить происхожденіе льва въ національномъ чешскомъ гербѣ, подобно тому, какъ поминутыя пѣмедкія обработки похожденіемъ des edeln hern von Braunschwigk объясняли, по какому поводу въ Брауншвейгѣ была воздвигнута статуя съ изображеніемъ льва.

То-же самое сказаніе, применившее къ имени Генриха Льва, рассчитано не только на то, чтобы разъяснить, почему у него герой, въ честь котораго въ Брауншвейгѣ поставленъ памятникъ, поконитъ левъ, но также и на то, чтобы указать, почему въ мѣстномъ скверѣ повѣшена лапа грифа.

Сказаніе это ~~появилось~~ въ Германіи широкой популярностью: поминутыхъ произведеній, на немъ основанныхъ, оно отразилось въ скандинавскихъ и датскихъ балладахъ и ~~еще въ XVI ст.~~ представлялось настолько интереснымъ, что ~~онъ~~ ^{оно} ~~содержитъ~~ ^{содержитъ} извѣстный Гансъ Савсъ (кн. IV, ч. 2, томъ 32), ссылаясь на какую-то Саксонскую хронику, ~~считавшую~~ ^{считавшимъ} ~~за~~ ^{за} ~~его~~ ^{его} источникомъ.

Очевидно, не всѣ пѣмедкія обработки даннаго сказанія нашего времени, но и сохранившихся достаточно, чтобы убѣдиться въ тѣсной генетической зависимости чешскаго Брунцвика не отъ поэмы о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ, но именно отъ одной изъ тѣхъ редакцій брауншвейгскаго сказанія о львѣ, которая ближайшимъ образомъ послужила источникомъ для пѣсни Виссенгере и для Бельгийской книги о hertog van Bronswyk; очень можетъ быть, что тою же редакціей пользовался и неизвѣстный авторъ Рейнфрида Брауншвейгскаго для второй части своей поэмы, и несомнѣнно, что она же со всѣми подробностями своего содержанія перенесена была на историческую личность Генриха Льва для проведенія тенденціи, родственной той, какая проводится въ чешскомъ сказаніи о королѣ Брунцвикѣ. Усвоивъ данную редакцію чешскій писатель превратилъ ее въ національное чешское сказаніе, при чемъ для него не предста-

вляло труда сдѣлать незначительныя вставки въ него изъ книгъ баснословнаго содержанія, какъ это вполне основательно отмѣчено г. Петровскимъ (Op. cit. 17).

2. Пѣсни западныхъ славянъ.

Такимъ образомъ, какъ выяснилось, чешская хроника о Брунцвикѣ какъ именемъ своего героя, такъ и своимъ содержаніемъ входитъ въ кругъ тѣхъ нѣмецкихъ сказаній, которыя образовались благодаря сліянію, происшедшему на нѣмецкой почвѣ, двухъ нѣкогда самостоятельно существовавшихъ разсказовъ—о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены съ другимъ и о приключеніи героя со львомъ, какъ объ этомъ передаетъ вышеприведенная провансальская сказка. Въ нѣмецкой поэзіи, однако, помимо сказаній этого осложненнаго типа, какъ мы видѣли, (Стр. 288—294; 408 и сл.) издавна вращались обработки сказанія о внезапномъ возвращеніи мужа въ своей первоначальной обособленности и съ сохраненіемъ тѣхъ чертъ, какія были приданы этому сказанію въ первыхъ французскихъ редакціяхъ. Точно также въ нѣмецкой народной поэзіи были отмѣчены слѣды французскихъ пѣсенъ на ту же тему, хотя и потерявшихъ уже въ устной передачѣ свою первоначальную опредѣленность и типичность, но тѣмъ не менѣе обнаруживающихъ свое родство со старыми сказаніями книжнаго происхожденія.

Перешли-ли въ Чехію изъ Германіи эти старыя сказанія о внезапномъ возвращеніи мужа въ своемъ неосложненномъ видѣ и вращались ли они тамъ на ряду съ Брунцвикомъ, намъ не извѣстно, но въ народной чешской поэзіи мы находимъ одну пѣсню, напоминающую отчасти соотвѣтственныя пѣсни романскихъ народовъ, (Стр. 356—360; 372—377) но еще ближе подходящую съ одной стороны къ южно-славянскимъ пѣснямъ, воспроизводящимъ разсказъ о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены, съ другой къ польскимъ пѣснямъ и въ болѣе отдаленной степени къ русскимъ былинамъ.

А. Моравскан пѣсня „První milejší.

Пѣсня эта записана въ Моравіи и напечатана Сушиломъ ¹⁾. Она такого содержанія:

„Женился Вихторынекъ, взялъ себѣ красивую и молодую жену, дочь бѣдной матери. Онъ послалъ съ ней лишь одну ночь, какъ король велѣлъ ему идти на войну. Оставляя жену, онъ поручаетъ ее матери, говоря, чтобы та берегла ее шесть лѣтъ (или семь лѣтъ), по прошествіи этого времени она можетъ выдать ее, за кого захочетъ. Оканчивался уже седьмой годъ, а Вихторынекъ съ войны не возвращался. Тогда жена его рѣшилась выйти за Янка, сына войта. Тутъ возвращается съ войны Вихторынекъ; онъ ведетъ съ собой четверку вольныхъ коней, а пятого нагруженного деньгами. Въ полѣ онъ встрѣчаетъ пастушку и на вопросъ: „жива-ли моя жена“, получаетъ отвѣтъ, что она какъ разъ теперь справляетъ свою свадьбу“. Въ этомъ мѣстѣ пѣсня умалчиваетъ, что онъ идетъ на свадебный пиръ, но непосредственно передаетъ слѣдующее: „Онъ садится въ концѣ стола съ мыслью, „узнаетъ-ли меня моя жена?“ Та немедленно узнаетъ его, перескакиваетъ черезъ четыре стола, бросается къ мужу, который ее и уводитъ“.

Въ другомъ вариантѣ пропускъ первой пѣсни восполняется тѣмъ, что здѣсь Вихторынекъ идетъ къ своей матери, беретъ свой музыкальный инструментъ и отправляется играть на свадебномъ пиру, причемъ жена немедленно узнаетъ его и тоже бросается къ нему, перескакивая черезъ четыре стола:

„Štyry stoly přskočila
Na pátém sa vytočila“.

Ознакомившись съ содержаніемъ изложенной моравской пѣсни, нельзя не замѣтить, что въ ней воспроизводится извѣстная тема о неожиданномъ возвращеніи мужа, застающего свою жену за свадебнымъ пиромъ, устроеннымъ по случаю ея

¹⁾ Fr. Sušil, Moravské národní písně. 1860, 131.

вторичнаго замужества. Тема эта разработана здѣсь такъ, какъ и въ романскихъ народныхъ пѣсняхъ того же содержанія, съ пропускомъ такихъ подробностей, какъ узнаваніе по вольцу и съ сохраненіемъ такихъ, какъ уходъ молодого мужа на войну немедленно послѣ свадьбы, какъ возвращеніе его черезъ семь лѣтъ, какъ игра на свадебномъ пиру съ тою однако разницей, что здѣсь онъ играетъ на музыкальномъ инструментѣ, а во французскихъ и итальянскихъ пѣсняхъ онъ поетъ и играетъ въ карты. Такія совпаденія въ общемъ ходѣ разсказа и въ частностяхъ содержанія моравской пѣсни съ пѣснями романскими указываютъ несомнѣнно на единство ихъ первоисточника или же на непрерывность устной передачи; но таковая не можетъ быть восстановлена чрезъ нѣмецкую среду, по отсутствію нѣмецкихъ пѣсенныхъ вариантовъ, которые могли-бы связать вышеприведенную моравскую пѣсню съ романскими изводами, на подобіе того, какъ это можетъ быть сдѣлано по отношенію къ другой чешской пѣснѣ, хотя и отражающей въ себѣ нашу тему, но удѣляющей преимущественное вниманіе душевному состоянію дѣвушки, поджидавшей возвращенія своего милаго, который по истеченіи извѣстнаго срока возвращается и испытываетъ ее ложнымъ сообщеніемъ, будто ея возлюбленный женился.

Пѣсня эта также записана въ Моравіи и напечатана у Сушила ¹⁾ подъ заглавіемъ „*Narrátilec*“. Она такого содержанія:

„*Syneček do wojny jede
a své milé přikazuje: “*

„Черезъ семь лѣтъ я возвращусь и привезу тебѣ твой золотой перстень“, говоритъ молодой человѣкъ своей милой. Семь лѣтъ дѣвушка поджидала его и не выходила замужъ, по истеченіи этого срока она пошла въ поле гулять, и встрѣтила воина, который спросилъ ее: „собираешься-ли ты замужъ по-

---

¹⁾ Sušil, 114; Bartoň, *Národní písně moravské*. 1889, XXIV; Wenzig, *Westlawischer Märchenschatz*. 1857, стр. 248.

добно другимъ дѣвицамъ“. „Нѣтъ, я не пойду замужъ, буду ждать своего милаго“. „Твой милый уже женился, я былъ на его свадьбѣ; что ты желаешь ему за это?“ „Я желаю ему столько здоровья, сколько въ этомъ лѣсу травы, столько счастья, сколько въ лѣсу листьевъ, столько поцѣлуевъ, сколько на небѣ звѣздочекъ, столько дѣтокъ, сколько въ лѣсу цвѣтовъ“. Тутъ онъ показываетъ ей перстень, что она дала ему на дорогу, она узнаетъ своего милаго и дѣло кончается свадьбой“.

Пѣсня эта, конечно, можетъ считаться лишь отдаленнымъ и, очевидно, позднѣйшимъ отзвукомъ нашей темы, и для нея можно указать нѣмецкія обработки, дословно совпадающія съ нею, какъ пѣсня „*Liebesprobe*“ (Bartos, *ibid.*) и какъ соответствующія послѣдней голландскія пѣсни (Hogae belgicae II, 174).

Но если въ настоящее время мы лишены возможности указать нѣмецкія пѣсни болѣе стараго типа, чѣмъ „*Liebesprobe*“, которыя могли бы считаться источникомъ для моравской пѣсни „*První milejsi*“, то это, быть можетъ, вытекаетъ изъ того обстоятельства, что ихъ и не было въ обращеніи среди нѣмцевъ, что заставляетъ насъ искать для моравской пѣсни иной путь, которымъ она прошла отъ романскихъ изводовъ, именно путь чрезъ южно-славянскую среду, гдѣ мы находимъ рядъ произведеній, близкихъ по своему складу къ моравской пѣснѣ, какъ это увидимъ ниже.

Какимъ бы путемъ ни возникла данная моравская пѣсня, пройдя чрезъ южно-славянскую среду или чрезъ нѣмецкую, но несомнѣнно одно, что она передаетъ наше сказаніе въ той его обработкѣ, въ какой оно встрѣчается въ многочисленныхъ романскихъ вариантахъ, причемъ моравская пѣсня сохраняетъ между многими другими и такую подробность, какъ прыганіе молодой черезъ столы, что близко напоминаетъ опрокидываніе при такихъ-же условіяхъ стола со стороны новобрачной въ новеллѣ Боккаччо, повѣствующей о приключеніи Торелло, или опрокидываніе стола молодымъ при аналогичныхъ условіяхъ, какъ объ этомъ повѣствуется въ англійскихъ балладахъ о Бейканѣ (стр. 399) и пересказываніе черезъ столъ въ сказаніи о *Buovo d'Antona* (стр. 371).

Б. Польскія пѣсни.

Вышеприведенная моравская пѣсня „První milejší“ самымъ тѣснымъ и, очевидно, непосредственнымъ образомъ примыкаетъ къ соотвѣтствующимъ польскимъ пѣснямъ, извѣстнымъ намъ въ значительномъ количествѣ варіантовъ.

Такъ г. Козловскій ¹⁾ сообщаетъ слѣдующую пѣсню изъ Мазовіи:

„Въ четырехъ миляхъ отъ Кракова женился панъ Думброва; онъ не успѣлъ еще и ночи поспать со своей женой Касей, какъ долженъ былъ отправиться на войну. Поручая жену свою ея матери, онъ говоритъ, чтобы та берегла ее семь лѣтъ, а по прошествіи семи лѣтъ она можетъ сдѣлать съ нею, что хочетъ. Кончается седьмой годъ, Кася собралась замужъ. Тутъ возвращается ея мужъ и спрашиваетъ у тещи, „гдѣ-же твоя дочь?“ „Я отдала ее за другого, за придворнаго писаря“, отвѣчаетъ та. Тогда мужъ проситъ подать ему его скрипку и собирается идти играть на свадьбѣ, но теща его удерживаетъ, боясь, что тамъ поднимется ссора и свадьба разстроится. „Я стану у двери (иной разъ мужъ въ видѣ музыканта помѣщается сперва у печки, потомъ подходитъ къ столу) и буду играть“, замѣчаетъ онъ. Какъ только Кася увидѣла его,

„Śtyry stoły przeskoczyła,
Piąty półką uderzyła“

со словами: „какъ твое здоровье, мой мужъ, а ты, другой, ищи себѣ иную жену“.

Пѣсня эта, по словамъ г. Козловскаго, поется какъ въ Мазовіи, такъ и въ Галиціи, какъ въ окрестностяхъ Кракова, такъ и Гнізно; та-же пѣсня отмѣчена многими собирателями ²⁾,

---

¹⁾ K. Kozłowski, Lud. Pieśni, Pódania... z Mazowsza Czerckiego. Warszawa, 1887, стр. 35, V.

²⁾ A. Cinciała, Pieśni ludu śląskiego z okolic Cieszyńska Zbiór

записавшими ее въ разныхъ мѣстахъ среди польскаго народа, начиная отъ Горной Силезіи до губерній Царства польскаго включительно.

Пѣсня, записанная г. Федеровскимъ ¹⁾, еще ближе, чѣмъ вышеприведенная, примыкаетъ къ моравской пѣснѣ „První milejší“. Она такого содержанія:

„Женился Дельвестинець, взялъ себѣ Касю, дочь знатной матери. Онъ и ночи не спалъ еще съ женой, какъ панъ послалъ его на войну. Онъ поручаетъ жену ея матери, просить, чтобы та берегла ее шесть лѣтъ, а на седьмой можетъ отдать, кому хочетъ. Наступилъ седьмой годъ, Каса идетъ замужъ, но тутъ возвращается съ войны Дельвестинець и везетъ съ собою много серебра и золота. Онъ проситъ у матери свою скрипку, идетъ играть на свадьбѣ своей Каси и садится у конца стола, думая, „узнаетъ-ли меня моя Каса?“ Какъ только та увидѣла его, перескочила черезъ четыре стола и бросилась къ мужу, говоря новому своему мужу:

„A ty, chłopie z cudzej strony,
Idź se sukaj inzej zony“.

Войцицкій ²⁾ сообщаетъ свадебную пѣсню, которую считаетъ исторической. По его мнѣнію она воспѣваетъ какой-то случай, имѣвшій мѣсто среди польской шляхты, неизвѣстно

---

wiadom. do antrop. t. IX, 183 n° 33; A. Petrow, Lud ziemi Dobrzyńskieј. Zbiór. wiad. do antrop. t. II, 75 n° 85; Wisła II, 140 n° 9; ibid. III, 572 n° 9 — пѣсня прусскихъ мазуровъ; Kolberg, Krakowskie II, 166 n° 332, 167 n° 333; Pauli, Pieśni ludu pols. w Galicji 137 n° 13; Kolberg, Lubelskie I, 271 n° 438—440; Chelchowski, Powieści I, 34 и сл., 138 и сл.; Konopka, Pieśni ludu Krakowskiego. 1840, стр. 121, n° 20; Lipiński, Piosnki ludu wielkopolskiego. 1844, стр. 159; Roger, Pieśni ludu polskiego, w Gornym Szląsku. 1863, n° 25, 26; Kolberg, Pieśni ludu polskiego. Warszawa, 1857, стр. 224 отмѣчаетъ 16 версій; Gloger, Starodawnie pieśni i dумы, стр. 19.

¹⁾ M. Federowski, Lud okolic Żarek, Siewierza i Pilicy. Warszawa, 1888, I, стр. 180, № 109.

²⁾ Wojcicki, Pieśni ludu Biało Chrobotów... 1836, I, 52, 287 и II, 311.

лишь, въ какую эпоху. Между тѣмъ она цѣликомъ примыкаетъ къ вышеприведеннымъ польскимъ пѣснямъ и къ пѣснѣ моравской, лишь незначительно отклоняясь отъ нихъ своимъ началомъ и концомъ. Начинается она такъ:

„Służył Jasio u pana,
Za starszego dworzana;
Wysłużył Kasienkę,
W siódmym roku dziewenkę.
Król na wojnę rozkazuje “

„Ясь собирается въ путь и поручаетъ свою юную невѣсту ея матери. Все остальное содержаніе развивается здѣсь, какъ и въ приведенныхъ пѣсняхъ съ тою лишь разницей, что второй ея женихъ, староста Мельжинскій не хочетъ уступить свою невѣсту возвратившемуся черезъ семь лѣтъ Ясю и дѣло доходить до сабель, но Кася не допускаетъ до кровавой расправы и отказываетъ старостѣ“.

Въ одномъ изъ вариантовъ той же свадебной пѣсни Ясь увозитъ свою невѣсту на конѣ.

Чтобы показать, какъ мало разнятся между собою отдѣльные польскіе варианты, разбросанные на большомъ пространствѣ земель, приведу еще пѣсню, записанную въ Галиціи ¹⁾; развивается она такъ: „Ударили въ четыре бубна, позвали на войну. Какъ-же мнѣ идти на войну, когда у меня красавица Кася? Оставь ее у матери на семь лѣтъ. Прошло семь лѣтъ Ясь; возвращается, становится у печи и играетъ, а затѣмъ приближается къ столу. Кася тотчасъ узнаетъ его, пересказываетъ черезъ четыре стола и бросается къ мужу“.

Не только послѣдняя, но всѣ вообще польскія пѣсни даннаго круга, передаютъ-ли онѣ нашу тему съ большей или меньшей подробностью, восходятъ, повидимому, къ одной пер-

---

¹⁾ S. Udela, Lud polski w powiecie Ropczyckim w Galicyi. Zbiór wiad. do antrop. t. XIV, стр. 232 № 44-45. За указаніе нѣкоторыхъ польскихъ вариантовъ приношу признательность г. Карловичу, уважаемому издателю журнала „Wisła“.

воначальной редакціи, отъ которой почти вовсе не отклоняются. Между тѣмъ въ одной сказкѣ, записанной среди карпатскихъ горцевъ ¹⁾, чувствуется, какъ мнѣ кажется, иной первоисточникъ.

Сказка въ фантастической обстановкѣ развиваетъ извѣстную тему о преслѣдуемой въ отсутствіе мужа женѣ. Одна подробность въ ней, входящая въ изучаемое нами сказаніе, напоминаетъ повѣствованіе о Бовѣ: оставивъ первую жену, у которой родились два мальчика, мужъ собирается жениться на второй. На свадьбу приходятъ мальчики, взбираются на печь и прекрасно играютъ на скрипкахъ; затѣмъ они называютъ себя, отецъ признаетъ ихъ и возвращаетъ свою первую жену.

Если въ только что приведенной сказкѣ можно усматривать отдаленное отраженіе книжныхъ романскихъ сказаній о Бовѣ, то въ одной польской повѣсти гербовнаго характера сказывается воздѣйствіе старыхъ обработокъ нашего сказанія съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ подробностей, встрѣтившихся намъ въ разсказѣ Wace'a изъ XII ст. и въ разсказѣ Цезарія Гайстербахскаго изъ XIII вѣка. Подобно тому какъ въ Чехіи сюжетъ нашъ въ позднѣйшей формѣ Брауншвейгскаго сказанія о львѣ былъ примѣненъ для объясненія происхожденія національнаго герба въ хроникѣ о Брундивѣ, такъ въ Польшѣ онъ же въ болѣе примитивной формѣ старыхъ сказаній нашелъ приуроченіе при объясненіи одного шляхетскаго герба, именно герба „Ogończyk“ ²⁾. Гербъ „Ogończyk“, какъ его описываютъ Несѣдкій, Папроцкій, Окольскій и Бѣльскій, имѣлъ въ себѣ изображеніе половины бѣлой стрѣлы, обращенной желѣзомъ кверху, и половины перстня въ красномъ полѣ; на шлемѣ были изображены двѣ женскія руки, протянутыя кверху. По мнѣнію названныхъ писателей гербъ этотъ своимъ

¹⁾ W. Kosiński, *Materyjały do etnografii Górali Bieskidowych*. Zbiór wiad. do antrop. t V, стр. 235—6, № 4.

²⁾ J. Kraszewski, *O poezyi szlacheckiej i legendach herbowych*. *Gazeta Warszawska* 1854 № 332—336; O. Kolberg, *Mazowsze II*, стр. 227.

происхожденіемъ обязанъ моравскому роду Одровонжей (Odro-wążów). Въ 1252 году куманы или половцы (у Нарушевича) сдѣлали набѣгъ на Чехію и Моравію; разоривъ эти страны, они возвращались къ себѣ съ богатой добычей и съ большимъ числомъ невольниковъ. Одинъ изъ предводителей орды увозилъ въ качествѣ плѣнницы единственную дочь шляхетскаго дома Одровонжей. Какой-то Петръ изъ Радикова, сжалившись надъ горемъ молодой дѣвушки, убиваетъ предводителя орды, сажаетъ дѣвушку на коня и благополучно доставляетъ ее въ родительскій домъ. Въ благодарность за свое освобожденіе *дѣвушка ломаетъ свое кольцо на двѣ части* и одну изъ нихъ даетъ Петру изъ Радикова въ знакъ того, что она лишь за него выйдетъ замужъ. Послѣ этого Петръ возвращается къ себѣ и занятый военными и семейными дѣлами долгое время не видитъ своей нареченной. Между тѣмъ руки дѣвушки домогается богатый и знатный рыцарь. Дѣвушка, не получая извѣстій о своемъ женихѣ и уступая настоянію своихъ родителей, наконецъ, согласилась на предложеніе рыцаря. День свадьбы былъ назначенъ и все уже было приготовлено для свадебнаго торжества, какъ вдругъ пріѣзжаетъ Петръ изъ Радикова. Онъ показываетъ половину кольца, данную ему дѣвушкой, и настаиваетъ на исполненіи ся обѣщанія. Дѣвушка съ радостью отдаетъ ему свою руку, найдетъ сочувствіе и со стороны родителей, одѣлавшихъ великодушный поступокъ Петра изъ Радикова. На память объ этомъ событіи былъ составленъ вышеописанный гербъ „Ogończyk“, названный такъ по имени перваго сына „Ogona“ (Egona), родившагося отъ поманутаго брака.

Конечно, поводомъ для составленія изложенной гербовной повѣсти могло послужить какое-либо историческое событіе, но воспроизводится оно, очевидно, въ духѣ старыхъ разсказовъ о внезапномъ возвращеніи мужа, замѣненнаго въ данномъ случаѣ женихомъ, при чемъ многія эпическія подробности опущены, удержались же такія, какъ ломаніе кольца на двѣ части, какъ возвращеніе нареченнаго ко времени свадьбы невесты, выходившей замужъ по принужденію. Соотвѣтствен-

нал обстановка польской повѣсти могла быть придана подѣ вліяніемъ какого-либо изъ нѣмецкихъ сказаній, въ родѣ напр. разсказа Цезарія о Гергардѣ Голенбахскомъ.

Что же касается изучаемыхъ польскихъ пѣсенъ, то историческаго основанія для нихъ, какъ думалъ Войцицкій, отыскивать, конечно, не приходится, такъ какъ онѣ цѣликомъ повторяютъ содержаніе какъ пѣсни моравской, такъ и пѣсенъ романскихъ; но очень можетъ быть, что онѣ не случайно привязались къ имени пана Домбровы, повторяющемуся въ огромномъ большинствѣ вариантовъ (Kolberg, Poznańskie IV, 114, № 220 (pan Dąbrowa); Lipiński, Piosnki ludu wielkopolskiego, 159; Kozłowski, Lud czerski, 36; Kolberg, Mazowsze II, 109, № 251; *ibid.* III, 280, № 398. 399; Kolberg, Kujawy II, 23, № 146 („mój z Dąbrowy“); Kolberg, Poznańskie IV, 117, № 223; *ibid.* № 221. 222. 224; Roger, Pieśni ludu polsk. w Szląsku, № 25. 26). Устойчивость, съ какою удерживается въ польскихъ вариантахъ это имя, даетъ право предполагать, что первоначальная редакція польской обработки нашего сказанія по какому-либо поводу соединялась исключительно съ этимъ именемъ; такимъ поводомъ могла послужить извѣстность въ западныхъ областяхъ польской народности рода „Dąbrowa“, изъ котораго многіе приобрѣли въ исторической жизни польскаго народа славу военными подвигами ¹⁾). Пѣвецъ или авторъ польской обработки сказанія могъ перенести загожій мотивъ на одного изъ представителей рода „Dąbrowa“, воспользовавшись его извѣстностью; съ такимъ приуроченіемъ обработка эта вошла затѣмъ въ народно-пѣсенный репертуаръ.

Во всѣхъ приведенныхъ польскихъ пѣсняхъ, какъ мы видѣли, признаніе супруговъ происходитъ безъ посредства кольца; объ немъ умалчиваютъ какъ моравскій, такъ и польскіе варианты, хотя упоминаніе объ немъ обыкновенно является

---

¹⁾ Niesieckiego Herbarz polski. 1839, III подѣ гербомъ „Dąbrowa“.

одной изъ характерныхъ и при томъ древнѣйшихъ чертъ нашего сказанія. Однако есть и польскія пѣсни, родственныя приведеннымъ, въ которыхъ признаніе происходитъ при посредствѣ кольца. Кольбергъ ¹⁾ приводитъ нѣсколько такихъ пѣсень, рассказывающихъ о возвращеніи солдата ко вдовѣ:

„A moja kochana
a moja wdowuniu,
a przyjmijże mnie żołnierza
na posckę do domu“.

„Милая моя вдова, говоритъ солдатъ, прими меня на ночь въ домъ. Не могу принять тебя, солдатъ, не могу принять тебя, рыцарь, ибо я вдова, живу семь лѣтъ безъ мужа: вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ воюетъ, и я не знаю, живъ онъ, или умеръ. Съѣлъ солдатъ на концѣ стола и пустилъ по столу свой золотой перстень; вдова тотчасъ узнала перстень своего Яся и обрадовалась возвратившемуся мужу“.

Послѣдняго ряда пѣсни хотя и удерживаютъ воспоминаіе о кольцѣ, какъ средствѣ признанія супруговъ, но всѣмъ своимъ складомъ свидѣтельствуютъ о забвеніи первоначальнаго сказанія въ традиціонной его разработкѣ, не сохранившей-ся во всей своей цѣлостности въ памяти народной.

Въ этомъ случаѣ изъ всѣхъ польскихъ вариантовъ оказываются самыми полными и представляютъ интересный матеріалъ для сравненія пѣсни про Домброву. Своимъ складомъ и нѣкоторыми своими подробностями онѣ невольно вызываютъ въ памяти разсмотрѣнныя уже выше романскія пѣсни (стр. 356, 372), начинавшіяся подобно моравской и польскимъ характерной чертой, — мужъ оставляетъ жену немедленно послѣ свадьбы.

Но развиваясь въ духѣ романскихъ пѣсень, варианты западно-славянскіе въ то же время отклоняются въ сторону обработокъ той же самой темы, имѣющихся въ поэзіи южно-славянской и русской. Такъ, обобщая существенные моменты

---

¹⁾ Kolberg, Pieśni, 236, № 24 (семь вариантовъ); Kolberg, Poznańskie IV, 114, № 219; Radomskie II, 61, № 123.

разказа, отмѣченные въ пѣсняхъ моравской и польскихъ, получаемъ такую схему:

- а) Немедленно послѣ свадьбы мужъ идетъ на войну;
- б) свою малолѣтнюю или молодую жену онъ оставляетъ заботамъ матери на семь лѣтъ;
- в) по прошествіи этого срока онъ возвращается прямо въ домъ матери, отъ которой узнаетъ, что жена его справляетъ свою свадьбу съ другимъ мужемъ;
- г) онъ беретъ свою скрипку и идетъ играть на свадьбѣ; при этомъ онъ помѣщается сперва у печки, а потомъ приближается къ свадебному столу;
- д) тутъ жена узнаетъ возвратившагося своего мужа и прыгаетъ къ нему черезъ три-четыре стола;
- е) возвратившійся мужъ беретъ себѣ свою жену, иной разъ увозитъ ее, а его соперникъ остается пристыженнымъ.

Изъ характерныхъ элементовъ романскихъ пѣсенъ здѣсь находимъ такіе, какъ срокъ отсутствія мужа, опредѣляемый въ семь лѣтъ, какъ немедленный уходъ его на войну послѣ свадьбы, какъ малолѣтство оставляемой имъ жены, какъ игра на свадьбѣ; другими же своими подробностями, какъ возвращеніе отсутствовавшего мужа прямо въ домъ матери — безъ точнаго иной разъ опредѣленія, его-ли это мать или мать жены, — отъ которой онъ и узнаетъ о совершившейся свадьбѣ жены, какъ игра его на свадьбѣ сперва у печки, а затѣмъ приближеніе его къ свадебному столу, какъ прыганіе молодой черезъ столы, польскія пѣсни вмѣстѣ съ моравской сливаются съ русскими былинами соотвѣтствующаго содержанія. Всею же совокупностью своихъ подробностей пѣсни западныхъ славянъ совпадаютъ съ пѣснями южно-славянскими, въ которыхъ нашли свое выраженіе съ нѣкоторымъ лишь измѣненіемъ, — замѣна семилѣтнаго срока отсутствія мужа девятилѣтнимъ, какъ элементы, присущіе романскимъ пѣснямъ, такъ и черты, свойственныя русскимъ былинамъ, за исключеніемъ лишь

такой подробности, отсутствующей въ южно-славянскихъ пѣсняхъ, какъ прыганіе новобрачной черезъ столы. Такимъ образомъ, наблюдая въ нѣкоторыхъ польскихъ вариантахъ незначительныя отклоненія отъ текста вышеприведенной моравской пѣсни, мы въ тоже время видимъ, что другіе изъ нихъ почти дословно передаютъ ея содержаніе, что служить несомнѣннымъ доказательствомъ единства ихъ происхожденія. Общимъ же своимъ содержаніемъ и подробностями его разработки, какъ моравская пѣсня, такъ и польскія примыкаютъ къ тѣмъ романскимъ народнымъ пѣснямъ, въ которыхъ въ ослабленномъ видѣ передавалась старая книжная тема о внезапномъ возвращеніи мужа послѣ семилѣтняго отсутствія какъ разъ ко времени, когда жена его или невѣста, оставленная на попеченіе матери въ силу именно ея малолѣтства, продавъ условленный срокъ, собиралась выйти замужъ за другого. Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ, хотя и далекихъ другъ отъ друга по своему географическому распространенію, мы наблюдаемъ не только единство основной темы, но и полное совпаденіе въ подробностяхъ разсказа, а потому нельзя не видѣть въ нихъ отпрысковъ' единого основного корня, именно романскаго, хотя и нельзя, какъ упомянуто выше, установить преемственность передачи романскаго произведенія въ видѣ народной пѣсни въ среду чешскую и польскую вслѣдствіе недостающихъ нѣмецкихъ звеньевъ въ длинной цѣпи вариантовъ романскихъ и западно-славянскихъ. Но если не представляется возможнымъ связать пѣсни западныхъ славянъ съ ихъ романскимъ источникомъ чрезъ нѣмецкую среду, то связъ эта, быть можетъ, выяснится предъ нами при ближайшемъ разсмотрѣніи соотвѣствующихъ произведеній въ поэзіи южно-славянской. Къ ней теперь и обратимся.

18.

Южно-славянскіе варианты.

Если въ пѣсняхъ западныхъ славянъ, какъ мы только что видѣли, разрабатывается наша тема въ упрощенномъ видѣ, въ духѣ народныхъ романскихъ пѣсенъ того же содержанія, то пѣсни съ той же основой, распространенныя среди южныхъ славянъ, воспроизводятъ ту же самую тему въ ея нѣсколько болѣе архаическомъ видѣ съ удержаніемъ многихъ подробностей, сохранившихся въ средневѣковыхъ литературныхъ обработкахъ изучаемаго сюжета.

А. Сербскія пѣсни соотвѣтствующаго круга въ послѣднее время были рассмотрѣны проф. М. Халанскимъ ¹⁾. Онъ сгруппировалъ пять сербскихъ пѣсенъ (Лаз. Николић, Мар. Краљ. у 8 нар. п. Нов. Сад. № 1; Рукописн. сборн. Иванишева. Библиот. Ю.-слав. Ак. въ Загребѣ I, а, 110; Влад. Красић, Срп. нар. п. № 5; Vienac, стр. 126—127; Срп. нар. п. у Срему Б. М. № 2). Уважу еще на пѣсни того же содержанія изъ сборника Караджича (Срп. пјесме, 1846, III, стр. 168, № 25) и на двѣ пѣсни хорватскія изъ Промонтуръ въ сборникѣ: *Hrvatske nar. pjesme što se pjevaju po Istri i Kvarnerskih otocih*. Изъ „*Naše Sloge*“. (1879, № 1, стр. 1, № 14, стр. 37). Всѣ отмѣченныя пѣсни весьма близки между собой, но каждая изъ нихъ въ отдѣльности передаетъ черты средневѣковой западно-европейской обработки нашего сказанія не во всей ихъ совокупности, а въ разбивку, какъ бы дополняя одна другую.

Такъ пѣсня изъ рукописнаго сборника Иванишева развиваетъ содержаніе упрощеннаго типа, близко напоминая складъ вышеприведенныхъ пѣсенъ западныхъ славянъ.

---

¹⁾ М. Халанскій, Южно-слав. сказанія о Кралевицѣ Маркѣ. Варшава, 1895, III, стр. 636.

„Марко, высватавъ себѣ дѣвицу, долженъ былъ идти на службу. Прослуживъ девять лѣтъ, на десятый онъ отпросился домой, гдѣ и застаётъ свадебный пиръ. Онъ проситъ позволенія принять участіе въ веселіи и поиграть на тамбурѣ. Играя, онъ поетъ, намекая на свое возвращеніе. Дѣвушка узнаетъ своего прежняго жениха и отказываетъ новому“.

Долгое отсутствіе мужа, оставившаго жену вскорѣ послѣ свадьбы, объясняется въ пѣснѣ изъ сборника Караджича плѣненіемъ его. Пѣсня эта „*Ропство Јанковића Стојана*“ передаетъ слѣдующее содержаніе:

„Когда турки овладѣли Которомъ, они взяли въ плѣнъ Илью Смилянича и Стояна Јанковича. У Ильи осталась жена, съ которой онъ прожилъ пятнадцать дней, Стоянъ прожилъ со своей женой всего одну недѣлю. Плѣнники пробыли у турокъ девять лѣтъ и семь мѣсяцевъ на десятый. Въ одинъ турецкій праздникъ они, награвивъ несмѣтныя сокровища, бѣгутъ домой въ Которъ: Илья идетъ къ своему бѣлому двору, Стоянъ къ винограднику. Тутъ находитъ онъ свою старую мать: она рѣжетъ свою косу, подвязываетъ ею виноградныя лозы и поливаетъ ихъ слезами, вспоминая Стояна. Отъ матери онъ узнаетъ, что жена его ждала девять лѣтъ и семь мѣсяцевъ возвращенія мужа, а теперь выходитъ замужъ. Онъ спѣшитъ домой, тамъ застаётъ нарядныхъ сватовъ; его сажаютъ за столъ, выпивъ вина, онъ поетъ:

„Вила гвиздо тица ластавица,
Вила га је за девет година,
А јутрос га паче да развија;
Долети јој сив зељен соколе
Од столице цара честитога,
Па јој не да гвиздо да развија“.

Сваты не поняли смысла пѣсни; жена же его догадалась, бѣжить наверхъ къ сестрѣ Стояновой, говоря, что это должно быть вернулся Стоянъ. Сестра трижды всматривается въ лицо брата и признаетъ его. Стоянъ остается со своей женой, а сваты получаютъ взаменъ ея его сестру. Узнавъ о возвращеніи сына, старая мать Стояна падаетъ мертвою на землю“.

Еще новыя подробности сохраняетъ пѣсня изъ сборника Николича, передавая такое содержаніе:

„Вечеромъ Марко женился, а утромъ пришло отъ царя приказаніе идти въ войско. Собираясь въ путь, онъ учитъ жену, какъ угождать матери, и говорить ей, чтобы она ждала его девять лѣтъ и четыре мѣсяца, по прошествіи этого времени она можетъ выйти замужъ. Урочный срокъ прошелъ; жена Марка собирается выходить замужъ; находясь въ царскомъ войскѣ на Косовомъ полѣ, Марко видитъ вѣщій сонъ и подъ его вліяніемъ отпрашивается у царя домой. Въ домѣ онъ застаётъ свадебный пиръ. Сперва встрѣчаетъ онъ плачущую мать, но та не узнаетъ сына. Подъ видомъ нищаго Марко проситъ позволенія войти въ домъ, гдѣ его сажаютъ рядомъ съ женихомъ и кумомъ. Жена его подноситъ вино новому гостю; онъ проситъ позволеніе сперва сдѣлать подарокъ молодой, а потомъ уже выпить. Получивъ такое разрѣшеніе, онъ подаетъ женѣ свое обручальное кольцо, по которому та узнаетъ его и сѣбѣ сообщаетъ объ этомъ свекрови. Между тѣмъ Марко поетъ, намекая на свое возвращеніе, а потомъ и открывается сватамъ, которые уходятъ ни съ чѣмъ“.

Въ этой пѣснѣ отмѣтимъ такую новую подробность, какъ вѣщій сонъ Марка, побуждающій его сѣбѣ домой.

Въ пѣснѣ изъ Срема (Срп. нар. п. у Срему Б. М. № 2) указывается, что жена Вуи послѣ девятилѣтняго отсутствія мужа рѣшилась на вторичное замужество, уступая настояніямъ сестеръ, братьевъ и, наконецъ, стараго родителя. Хотя такимъ образомъ пѣсня и отмѣняетъ вѣрность жены первому мужу, но тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній по нѣкоторымъ вариантамъ той же пѣсни убиваетъ не только своего противника, но и жену. Такая развязка свидѣтельствуетъ о томъ, что основной элементъ самой фабулы забыть здѣсь, не смотря на указаніе, что второе замужество жены мотивируется принужденіемъ.

Хорватская пѣсня про Тодора Салачанина (Viencas, 126) удержала и такую подробность, какъ признаніе женой мужа по кольцу, опущенному мужемъ, явившимся на свадебный пиръ подъ видомъ монаха, въ кубокъ съ виномъ, поданный затѣмъ женѣ.

Наконецъ, пѣсня изъ сборника Красича передаетъ еще новую подробность о томъ, что Марко по истеченіи девятилѣтнаго срока разрѣшаетъ женѣ выйти замужъ за кого угодно, даже за Пилипа сердаря, который уже раньше сватался за нее, но получилъ отказъ, и являлся такимъ образомъ соперникомъ Марка, напоминая отчасти Алешу Поповича русскихъ былинь въ роли соперника Добрыни Никитича изъ-за обладанія женой послѣдняго.

Подойдя къ своему дому въ одѣяніи „чернаго болгарина“, съ бородой отросшей до „шелковаго пояса“, Марко въ виноградникѣ застаётъ свою мать, которая

„Косе реже, а виноград веже,
Сузе рони, виноград залева“,

горюя о томъ, что жена Марка выходитъ замужъ за Пилипа.

Мать не узнаетъ сына и спрашиваетъ, откуда у него конь Кралевича Марка. Тотъ отвѣчаетъ, что Марко умеръ, что онъ отпѣлъ и похоронилъ его, за что получилъ его коя и саблю.

Послѣдняя подробность заимствуется данной редакціей изъ круга пѣсень о похищеніи жены героя, тѣсно связанныхъ со сказаніями о внезапномъ возвращеніи мужа какъ въ романской, такъ и южно-славянской поэзіи.

Такимъ образомъ, если сгруппировать отдѣльныя черты разсказа, удержавшіяся въ сербскихъ пѣсняхъ, то получимъ слѣдующую основу сказанія:

- а) герой долгое время не возвращается домой въ силу того, что попадаетъ въ плѣнъ или же занятъ войной;
- б) прождавъ мужа условленное время, жена его собирается вторично выйти замужъ въ силу принужденія;
- в) отсутствующій мужъ получаетъ предупрежденіе объ этомъ, благодаря вѣщему сновидѣнію;
- г) онъ возвращается какъ разъ къ моменту свадебнаго пира, встрѣчая на пути или у дома обыкновенно мать, которая не узнаетъ сына;

- д) подѣ видомъ нищаго или монаха онѣ получаютъ доступъ на пиръ, гдѣ жена его подноситъ ему чашу съ виномъ, буда онѣ и опускаетъ свое обручальное кольцо; иной разѣ онѣ играетъ и поетъ, пѣснью намекая на свое возвращеніе;
- е) происходитъ признаніе супруговъ и мужъ иной разѣ въ замѣнъ своей жены отдаетъ своему сопернику въ жены свою сестру.

Всѣ эти основные моменты разсказа, разбившіеся по разнымъ версіямъ сербскихъ пѣсень, не разѣ встрѣчались намъ во всей своей совокупности во многихъ западно-европейскихъ обработкахъ нашей темы.

Сверхъ того, сербскія пѣсни, излагая существенные элементы этой темы, передаютъ ее иной разѣ въ отдѣльных моментахъ дѣйствія съ подробностями, заимствованными изъ другихъ эпическихъ темъ, какъ „Похищеніе жены Кралевича Марка“, или какъ „Жена Марка въ его отсутствіе теритъ притѣсненія отъ своей свекрови“, совпадающихъ въ своей основѣ, подробностяхъ и въ формальной разработкѣ съ подобными же европейскими произведеніями, что будетъ нами указано ниже.

Конечно, такое совпаденіе основы подробностей и формальной разработки сербскихъ пѣсень съ западными сказаніями нельзя объяснить случайностью, и ниже я буду имѣть случай указать, что не только изучаемыя сербскія произведенія, но и цѣлая группа другихъ попали къ сербамъ съ запада, а пока обратимся къ разсмотрѣнію болгарскихъ пѣсень, передающихъ то же содержаніе.

В. Болгарскія пѣсни съ той же повѣствовательной основой, съ тѣми же подробностями дѣйствія, передаваемого съ тѣми же эпическими приѣмами, что и въ сербской поэзіи, известны намъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ.

Такъ пѣсня „*Воиник Стоіан и Кралица*“ ¹⁾ развивается въ слѣдующемъ видѣ:

¹⁾ Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. I (1889), 39; пѣсня „Гюрица Кралица“ (ibid. II, 90) приведена г. Халанскимъ, Op. cit. 640.

„Зажени се млад Стоіан
Фсѣбота срету недѣля,
Фсѣбота булка доведе,
Ф недѣля свадьба заправи.
Кога іе било понделник,
Кралица писмо допрати,
Да иде Стоіан, да иде,
Да иде младо воініче
На това тешко воіанство,
Напред барѣака да носи. “

Стоянъ собирается въ путь; отецъ сѣдлаетъ ему коня, мать мѣситъ для него бѣлый хлѣбъ, жена же связываетъ для него букетъ цвѣтовъ. Подавая мужу цвѣты, она говоритъ: днемъ носи ихъ у пояса, на ночь ставь ихъ въ воду; пока цвѣты свѣжи, значить, я жду тебя; когда они завянутъ, знай, что я выхожу за другого. Стоянъ долгое время остается на войнѣ:

„Нешто се малко минало,
Тѣжко ми девет години,
Настѣпи годин' десета,

и тутъ Стоянъ замѣчаетъ, что цвѣты у него завяли и обсыпались. Никто не догадывается о томъ, что это значить, догадывается лишь королева. Она призываетъ его къ себѣ, говорить, что сегодня свадьба его жены (невѣсты), и отпускаетъ его домой.

Ударилъ Стоянъ своего добраго коня, промчался черезъ девять горъ, встрѣчаетъ сперва своего отца: тотъ рѣжетъ въ воскресенье виноградныя лозы, чтобы онѣ засохли отъ горя по Стояну, жена котораго, прождавъ мужа девять лѣтъ, выходитъ теперь замужъ за другого.

Стоянъ ничего не сказалъ отцу, погналъ своего коня прямо къ селу. Тамъ находитъ свою мать, она въ воскресенье ткетъ пологно себѣ на покровъ отъ горя по Стояну. И матери ничего не сказалъ Стоянъ, а поѣхалъ на свадьбу. Тутъ онъ говоритъ деверьямъ, чтобы они вывели къ нему невѣсту,

для которой онъ привезъ подарки. Та вышла и, цѣлуя руку у Стояна, признала его по кольцу, которымъ онъ помѣнялся съ ней при вѣнчаніи“.

По пѣснѣ „Симонъ и неюва невеста“¹⁾, герой узнаетъ о предстоящей свадьбѣ своей жены отъ коня.

„Когда добрый юнакъ Симонъ возмужалъ, его женили; три дня и три ночи пировали. Когда ушли молодые спать въ бѣлую горницу, являются три капиджіи, чтобы забрать Симона по приказанію царя въ войско. Они стучать въ ворота, Симонъ спитъ, не слышитъ; слышитъ только молодая жена его, но ей стыдно разбудить мужа. Она плачетъ, слезы ея падаютъ на лицо Симона и жгутъ ему лицо, онъ просыпается. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ идетъ въ конюшню; одинъ изъ коней говорить къ нему: „триста моихъ ранъ уже зажили, возьми меня съ собой въ войско“. Симонъ сѣдлаетъ этого коня и принимаетъ отъ жены букетъ; когда цвѣты завянутъ, она вторично выйдетъ замужъ. Симонъ воюетъ девять лѣтъ; тутъ онъ по указанію коня замѣчаетъ, что цвѣты его завяли. Онъ просится у царя домой, но тотъ не отпускаетъ его. По совѣту коня онъ обращается съ той же просьбой къ царицѣ и получаетъ разрѣшеніе ѣхать домой. Онъ завязываетъ глаза коню, о чемъ тотъ самъ просить:

„Того велить коня, бжрза коня:

„Престегни ми мой цхрни очи,

Защо не гля вѣде ке си ода,

Ако сакашъ не’ста да ѣтасаме“.

И му вжрза негой цхрни очи;

И си летна коня по небеси,

И си стигна по край негоѣ село“.

Тамъ онъ находитъ своего старика-отца; тотъ копаеъ лозы и роняетъ слезы. „Что это у тебя за горе такое, спрашиваетъ всадникъ старика, что ты на пасху перекапываешь лозы?“ „Поѣзжай, поѣзжай, незнакомый богатырь, не надры-

---

¹⁾ Миладиновци, Бжгарски народни пѣсни. 1861, стр. 87, № 65; русскій переводъ пѣсни въ слав. Обозрѣніи, 1892, апрѣль.

вай мнѣ сердца, отвѣчаетъ старикъ; жена моего сына, прождавъ мужа девять лѣтъ, выходитъ теперь замужъ“. Симонъ беретъ старика къ себѣ на коня и они ѣдутъ домой; тамъ старикъ готовить ему поѣсть (турска манджа); отдохнувъ, они ѣдутъ туда, гдѣ справлялась свадьба. Жена, увидѣвъ Симона, тотчасъ узнаетъ своего мужа, сажаетъ его во главу стола, подаетъ ему чашу съ виномъ и садится ему на колѣни. Тутъ Симонъ открывается передъ гостями и вмѣсто своей жены выдаетъ за жениха свою сестру“.

Въ пѣснѣ подъ № 66 (ibid.)

мужъ, возвращаясь домой, встрѣчаетъ свою жену со сватами въ горахъ. Она узнаетъ мужа по кольцу на рукѣ (*пжрстенвалъ; бурма златена*).

Пѣсня подъ № 111-мъ (ibid.) рассказываетъ, что

Стоянь, спѣша домой, въ полдня совершаетъ путь, на который обыкновенно требовалась недѣля. Онъ тоже встрѣчаетъ отца въ виноградникѣ.

Конца пѣсни нѣтъ. Очевидно, здѣсь сохранилось еще воспоминаніе о необыкновенномъ, или чудесномъ перенесеніи героя на родину, какъ это не разъ наблюдали мы въ западныхъ пересказахъ той же темы.

Въ свадебной пѣснѣ подъ № 572 (ibid.) „*Кога зет—отъ съ облеквити*“ тоже вставлено одно изъ звеньевъ нашей пѣсни:

„Младо, да ме чекашъ до деветъ години,
До деветъ години, до десетъ пролети,
Ако я не дойдаъ до десетъ пролети,
Юнакъ да си барашъ, юнакъ спроти мене,
Юнакъ спроти мене юнакъ зараде мене“.

Въ пѣснѣ, записанной Качановскимъ (№ 112) ¹⁾, нашъ сюжетъ связанъ съ историческимъ преданіемъ о завоеваніи Моглена турками. Королева Могленская видитъ зловѣщій сонъ; турки убиваютъ затѣмъ ея мужа, а она женить своего сына

¹⁾ Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества. 1882, стр. 222.

Павла—юнака. Не успѣли сваты привести невѣсту въ домъ жениха, какъ ему пришло предписаніе идти усмирять окраины. Отправляясь въ походъ, онъ даетъ своей невѣстѣ перстенъ и говоритъ, чтобы она ожидала его девять лѣтъ. Черезъ девять лѣтъ является къ молодой женщинѣ юнакъ Бошко, сообщаетъ ей, что мужъ ея ей невѣренъ и предлагаетъ ей угостить его ужиномъ. Тутъ появляется Павелъ, Бошко струсилъ, спрятался; но Павелъ прощаетъ ему его ложь.

Пѣсни подъ №№ 68 и 73 (ibid.)—собственно обрывки, не представляющіе интереса.

Наконецъ, въ сборникѣ Верковича ¹⁾ имѣется слѣдующая пѣсня:

„Молодой Займче въ четвергъ женился, а въ пятницу пришло извѣстіе, что царь требуетъ его въ войско и посылаетъ за нимъ трехъ татаръ. Заплакалъ Займче и говоритъ жепѣ: зажги двѣ свѣчи и посвѣти, пока я буду сѣдлать коня; та свѣтитъ, роняетъ слезы и дѣлаетъ букетъ. Она подаетъ букетъ мужу съ тѣмъ, чтобы онъ держалъ его за пазухой; когда цвѣты завянутъ, значить, она выходитъ замужъ за другого. Черезъ три года жена Займче собирается замужъ, устраивается свадьба; старая мать Займче наряжается въ траурное одѣяніе и гонитъ гусей пасти на дорогу. Тутъ она встрѣчаетъ Займче и сообщаетъ ему о томъ, что дѣлается дома. Онъ припориваетъ коня, въѣзжаетъ во дворъ, сваты уѣзжаютъ безъ невѣсты, которая остается при первомъ мужѣ“.

Болгарскія пѣсни, какъ видимъ, почти дословно повторяютъ содержаніе сербскихъ пѣсенъ того же содержанія. Изъ нѣкоторыхъ особенностей отмѣтимъ, напримѣръ, такую черту, какъ воспоминаніе о сверхъестественномъ возвращеніи героя на родину, благодаря необыкновенному коню, который не только переноситъ героя, но и предупреждаетъ его о предстоящемъ замужествѣ жены, или какъ роль юнака Бошко, склоняющаго жену героя къ измѣнѣ ложнымъ сообщеніемъ,

---

¹⁾ Верковичъ, Народне песме Македонски бугара. 1860, I, стр. 329, № 301.

будто тотъ оказался ей невѣрнымъ. Какъ сердарь Пилипъ сербской пѣсни, такъ Бошко болгарской до нѣкоторой степени соответвуютъ положенію былиннаго Алеши по отношенію къ Добрынѣ.

Болгарскій вариантъ ¹⁾ „*Войникъ Огненъ и неговата жена*“ довольно своеобразно передаетъ то же сказаніе, заставляя жену отыскивать мужа. Жена воина Огнена узнаетъ, что мужъ ея въ Адрианополь женился на другой женщинѣ. Отецъ Огнена изъ сожалѣнія къ невѣсткѣ переодѣвается съ ней въ платье нищихъ; въ такомъ видѣ идутъ они въ Адрианополь и садятся у колодца. Сюда приходятъ слуги Огнена за водой; жена Огнена бросаетъ въ кувшинъ кольцо съ надписью, по которому мужъ и признаетъ ее.

Съ подобной замѣной ролей между геросомъ и героиней мы встрѣчались въ англійскихъ балладахъ о Бейканѣ, въ испанскихъ романахъ „*El conde Sol*“ и „*Gerineldo*“, въ итальянскихъ пѣсняхъ о „*Moran d'Inghilterra*“, а также въ сказаніи о „*Buovo d'Antona*“; во всѣхъ названныхъ произведеніяхъ техника нашего сюжета примѣняется къ повѣствованію о томъ, какъ жена или невѣста отправляется на поиски за мужемъ или женихомъ. Въ болгарской указанной пѣснѣ подробности нашей темы уже забыты, но, по всей вѣроятности, онѣ имѣлись въ виду и здѣсь, какъ въ отмѣченныхъ произведеніяхъ западно-европейскихъ и какъ имѣются еще въ наличности въ цыганской сказкѣ, записанной въ Буковинѣ ²⁾. Цыганская сказка у Миклошича передаетъ нашу тему въ связи съ легендой о чловѣкѣ, обреченномъ еще до своего рожденія демону и въ своемъ развитіи сохраняетъ весьма старыя черты сказанія, какъ дѣленіе кольца на двѣ половинки. По этой сказкѣ наша тема излагается такъ:

„Дѣвушка, разставаясь со своимъ милымъ, разламываетъ

¹⁾ Периодическое Списание. 1876, XII, стр. 158—163.

²⁾ F. Miklosich, Ueber die Mundarten u. die Wanderungen der Zigeuner Europas. IV. Märchen u. Lieder der Zigeuner der Bukowina. Denkschriften d. k. Ak. d. W. Ph.-H. Classe. 1874, Bd. XXIII, стр. 324.

кольцо, одну половину дастъ ему, другую оставляетъ у себя. Въ разлукѣ женихъ забываетъ ее и собирается жениться на другой. Дѣвушка приходитъ къ нему на свадьбу, нигѣмъ неузнанная, пьетъ чару вина, опускаетъ туда половину кольца и подаетъ чару обратно жениху. Послѣдній находитъ половину кольца, примѣриваетъ ее къ своей половинѣ, узнаетъ свою прежнюю невѣсту и женится на ней“.

Сербскія и болгарскія пѣсни о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены, какъ видимъ, воспроизводятъ ту же тему, какаѣ разрабатывалась въ цѣломъ рядѣ западно-европейскихъ поэтическихъ памятниковъ, а также во множествѣ романскихъ пѣсенъ, до сихъ поръ живущихъ въ устахъ народа. Въ южно-славянскихъ пѣсняхъ удерживается при этомъ не только основа романскихъ произведеній, но сохраняются, какъ указано выше, подробности разработки самаго разсказа и послѣдовательность въ передачѣ отдѣльныхъ чертъ, издавна связанныхъ съ формальной обработкой нашего сказанія. Это послѣднее какъ въ поэзіи романскихъ народовъ, такъ и въ поэзіи южно-славянской, нѣкоторыми своими эпическими подробностями сливается съ другими родственными произведеніями, наличность которыхъ въ южно-славянской поэзіи служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что вся группа данныхъ памятниковъ усвоена южными славянами отъ ближайшихъ сосѣдей ихъ, романскихъ народовъ. Къ числу такихъ произведеній относятся пѣсни и романсы, воспроизводящія двѣ темы: α) о похищеніи жены героя и объ освобожденіи ея послѣднимъ; β) о преслѣдуемой въ отсутствіе мужа невѣстѣ. Обѣ названныя темы связываются въ южно-славянской поэзіи съ именемъ Кралевица Марка; его имя мы и удержимъ при группировкѣ произведеній, входящихъ въ кругъ отмѣченныхъ поэтическихъ сюжетовъ.

а) *Позищеніе жены Кралевича Марка.*

Пѣсенъ этого содержанія въ южно-славянской поэзіи отмѣчено достаточно. Богишичъ сообщаетъ три сербскихъ варіанта, Караджичъ, Филиповичъ, Милутиновичъ — по одному; извѣстенъ одинъ варіантъ изъ Герцеговины и нѣсколько хорватскихъ: Neven, 1856, 201; у Марьяновича одинъ; Vienas, 141—3; Herd̃vigov, 89; а также нѣсколько варіантовъ болгарскихъ: Качановскій, 131, 147, 158, 159; Миладиновы, 122; Изв. И. А. Н. III, 295—8.

Всего отмѣчено 18 пѣсенъ, по содержанію весьма близкихъ другъ къ другу. Если отбросить случайныя вставки или заполнить недочеты, встрѣчающіеся въ отдѣльныхъ варіантахъ, то всѣ эти пѣсни развиваютъ одинъ и тотъ же разсказъ. Такъ пѣсня „Марко Краљевић и Миња Костуранин“ (Богишић, № 7) повѣствуетъ о слѣдующемъ:

„Въ отсутствіе Марка Миња нападаетъ на его дворы, сжигаетъ ихъ, а мать и жену его уводитъ въ плѣнъ. Марко получаетъ объ этомъ извѣстіе (иной разъ видитъ сонъ) въ „арапской землѣ“, гдѣ онъ воевалъ вмѣстѣ съ турками. Марко идетъ на св. гору, одѣвается чернымъ калугеромъ, подъ монашескимъ одѣяніемъ подвязываетъ острую саблю и въ такомъ видѣ ѣдетъ ко двору Мины, мадьярскаго воеводы. У воротъ переодѣтаго Марка встрѣчаетъ жена (иной разъ мать, когда онъ сперва идетъ къ себѣ домой) и не узнаетъ его. Онъ проситъ позволенія переночевать въ домѣ Мины, тотъ позволяетъ и приглашаетъ гостя за столъ выпить вина. Маркова жена подаетъ вино и признаетъ на калугерѣ „тај Маркови б'јели кожух“ — тутъ пѣсня забываетъ, что Маркъ переодѣлся „чернымъ калугеромъ“; — она спрашиваетъ, откуда у него Маркова одежда и Марковъ конь? Маркъ разсказываетъ, что къ нимъ въ монастырь зашелъ больной Маркъ, умеръ тамъ, а ему оставилъ коня и одежду. При этихъ словахъ Маркова жена проливаетъ слезы; это не пріятно Минѣ, и онъ бьетъ ее по лицу (иной разъ — выбиваетъ два зуба).

Въ негодованіи Маркъ выхватываетъ изъ подъ монашескаго одѣянія саблю, убиваетъ Мину, а жену увозитъ, захвативъ кстати и богатство похитителя“.

Чтобы дополнить нѣкоторыя подробности, имѣвшіяся, по-видимому, въ первоначальныхъ пѣсняхъ и забытыя въ позднѣйшихъ, приведу содержаніе другого варіанта — хорватской пѣсни „*Краљевић Марко и три нѣмчића*“ (Herdvigo, 89):

„На другой день послѣ свадьбы Маркъ долженъ былъ идти въ войско. Разставаясь съ женой, Маркъ завѣщаетъ ей ждать его девять лѣтъ, а потомъ выходить замужъ. Въ его отсутствіе три нѣмчића увозятъ его жену. Возвратившись домой, Маркъ узнаетъ объ этомъ отъ матери, идетъ въ нѣмецкую землю, встрѣчаетъ жену въ хороводѣ, сажаетъ ее къ себѣ на коня и увозитъ; нѣмчићи не рѣшаются гнаться за ними“.

Въ такихъ вотъ существенныхъ чертахъ развивается содержаніе во всѣхъ южно-славянскихъ пѣсняхъ о похищеніи жены Кралевича Марка.

Разлагая это содержаніе на отдѣльныя звенья разсказа, получимъ такую схему:

- а) тотчасъ послѣ свадьбы мужъ оставляетъ жену и идетъ на войну;
- б) въ его отсутствіе жену похищаетъ какой либо врагъ;
- в) узнавъ объ этомъ, мужъ идетъ ее отыскивать;
- г) для этого онъ переодѣвается монахомъ (въ 16 варіантахъ);
- д) въ такомъ видѣ онъ входитъ въ домъ похитителя;
- е) происходитъ признаніе супруговъ;
- ж) мужъ увозитъ жену на конѣ, захвативъ иной разъ и богатство похитителя.

Г. Халанскій, изучавшій ближайшимъ образомъ настоящій кругъ пѣсенъ о Маркѣ, указываетъ три иноземныя параллели въ этимъ пѣснямъ: одну ново-греческую пѣсню о Дигенисѣ-Акритѣ, эпизодъ изъ французскаго романа о Гуго Капетѣ и эпизодъ изъ нѣмецкой поэмы о Вольфѣ Дитрихѣ. Нельзя

сказать, чтобы отмѣченныя почтеннымъ изслѣдователемъ параллели были особенно характерны и близки къ южно-славянскимъ пѣснямъ, — хотя, несомнѣнно, эпизодъ изъ Вольфъ Дитриха находится въ отдаленномъ родствѣ съ ихъ источникомъ, — тѣмъ не менѣе онъ считаетъ возможнымъ въ заключительномъ обобщеніи назвать этотъ пѣсенный сюжетъ „традиціоннымъ“, „варьирующимъ на разные лады средневѣковыми пѣвцами“, „пріуроченнымъ въ южно-славянскомъ эпосѣ къ историческимъ отношеніямъ краля Марка къ Касторіи, изъ-за обладанія которой онъ долго воевалъ съ Бальшей II, господаремъ Зетскимъ“ (Иречекъ, Исторія болгаръ, пер. Яковлева, стр. 313).

Хотя такое обобщеніе и сдѣлано почти а priori, спорить противъ него не приходится; можно лишь пожелать, чтобы полнѣе была доказана „традиціонность“ этого сюжета въ средневѣковой поэзіи и указанъ былъ путь, по которому онъ попалъ въ южно-славянскую поэзію.

То и другое, повидимому, сдѣлать возможно.

Чтобы придти къ этому, я обращусь прежде всего къ поэзіи того народа, который раньше прочихъ развилъ богатую и разнообразную литературную дѣятельность, оказавшую глубокое и несомнѣнное воздѣйствіе на поэтическое творчество всѣхъ европейскихъ народовъ. Я имѣю въ виду поэзію французскую, гдѣ на самомъ дѣлѣ мы найдемъ цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ пѣсенъ, сопоставленныхъ и подробно разсмотрѣнныхъ извѣстнымъ знатокомъ поэзіи романскихъ народовъ, *Константиномъ Нигрой* ¹⁾.

Французскія пѣсни соотвѣтствующаго круга записаны въ количествѣ 8 вариантовъ разными собирателями въ Гасконіи, Лангедокѣ, Провансѣ и вообще въ южной Франціи. Онѣ обобщаются Нигрой подъ заглавіемъ „Il Mogo Saracino“. Позднѣе было записано еще 12 вариантовъ ²⁾. Содержаніе ихъ за незначительными отклоненіями таково:

¹⁾ C. Nigra, *Canti popolari del Piemonte*. Torino. 1888, стр. 213.

²⁾ Bladé, *Poésies pop. de la Gascogne*. Paris, 1882, II, 44 —

„Молодая Фіоренца (имена вообще различны) выходитъ замужъ такой молодой, что не умѣетъ еще одѣться. Въ понедѣльникъ она выходитъ замужъ, во вторникъ мужъ ея идетъ на войну. Черезъ семь лѣтъ онъ возвращается, стучитъ въ дверь, мать открываетъ ему и сообщаетъ, что жена его похищена маврами сарацинами. „Я пойду отыскивать ее“, говоритъ онъ, „если-бы даже мнѣ пришлось умереть“. Онъ дѣлаетъ барку изъ золота и серебра, разыскиваетъ жену семь лѣтъ, прибываетъ въ страну короля Мавра-Сарадина, встрѣчаетъ женщинъ (прачекъ или прачку), узнаетъ отъ нихъ, что жена его здѣсь. По ихъ совѣту онъ переодѣвается пилигримомъ, идетъ въ замокъ просить милостыни. Жена узнаетъ мужа, подавая милостыню (или за столомъ, или, когда онъ пьетъ). Они забираютъ золото и бѣгутъ на коняхъ. Тутъ появляется Мавръ-Сарадинъ (или мавры), видитъ убѣгающихъ и сѣтуетъ, что напрасно кормилъ, одѣвалъ и берегъ Фіоренцу цѣлыхъ семь лѣтъ, не дотронувшись до нея“.

Кромѣ французскихъ пѣсенъ вышеприведеннаго содержания извѣстны еще *испанскія*, записанныя въ Каталоніи въ количествѣ 16 вариантовъ ¹⁾ и развивающія то же содержаніе въ слѣдующемъ видѣ:

„Молодая дѣвушка (имена весьма разнообразны) выходитъ замужъ такой юной, что не умѣетъ ни одѣться, ни обуться. Мужъ ея идетъ на войну, возвращается черезъ семь лѣтъ, стучитъ въ дверь; мать со слезами сообщаетъ ему, что жена его похищена Мавромъ-Сарадиномъ. „Я пойду ее отыскивать, если-бы даже пришлось мнѣ умереть“, говоритъ онъ. Онъ переодѣвается пилигримомъ, идетъ просить милостыни въ стра-

---

Cribeto; Roque-Ferrier, *L'Escriveta*, Montpellier, 1882; Atger, *Revue des langues romanes*, VI (1874), 254 — *L'Escrivoto*; Arband, *Chants pop. de la Provence*, Aix, 1864, II, 73; Jolibois, *Revue du département du Tarn*, 1877, 6; Guichard, *Revue des langues romanes*, 1885, août; Rolland, *Romania*, XV (1886), 111.

¹⁾ Milá, *Romancerillo catalan*, 1882², 158 — *La esposa rescatada*; Briz, *Cançons de la terra*, 1871, III, 61 — *L'escrivaná*.

ну мавровъ; по дорогѣ распрашиваетъ всѣхъ *bladeras*, мывшихъ бѣлье; тѣ указываютъ ему замокъ Мавра; тамъ онъ находитъ свою жену. По приказанію Мавра она подаетъ мужу милостыню (хлѣбъ и вино, или приготовляетъ столъ) и узнаетъ его тутъ по темному цвѣту лица (или по палкѣ, по лезвію сабли, по кольцу, упавшему у него съ пальца). Во время сна Мавра они убѣгаютъ на лошади, набравъ золота, серебра и дорогихъ одѣяній. Мавръ просыпается, видитъ бѣглецовъ, преслѣдуетъ ихъ, наконецъ, жалуется, что у него отняли дѣвushку“.

Кромѣ только что указанныхъ испанскихъ пѣсенъ въ поэзіи испанско-португальской извѣстны еще романсы о *Gaiferr* и романсы о *Morian*, представляющіе значительное сходство съ приведенными пѣснями. О Гайферѣ имѣются *четыре* кастильскихъ романа, сохранившіеся въ рукописныхъ сборникахъ отъ XVI-го столѣтія ¹⁾:

Romances de Gaiferos.

Въ I-мъ романсѣ мать Гайфера рассказываетъ сыну, еще младенцу, о томъ, какъ его отецъ былъ измѣннически убитъ и какъ она была принуждена выйти замужъ за другого. Гайферъ клянется отомстить за смерть отца. Это слышитъ его отчимъ Гальванъ и приказываетъ убить мальчика. Но исполнители этого приказанія отрѣзаютъ у него лишь палецъ и вмѣстѣ съ сердцемъ, вынутымъ у собаки, несутъ къ Гальвану въ доказательство смерти мальчика. Онъ же идетъ къ своему дядѣ Рольдану, съ которымъ и собирается мстить Гальвану.

Во II-мъ романсѣ передается слѣдующій рассказъ:

„Рольданъ и Гайферъ, желая отомстить Гальвану, переодеваются пилигримами, подъ платьемъ скрываютъ мечи и идутъ въ Парижъ. У дворца они просятъ милостыни. Графиня извиняется, что ничего не можетъ дать имъ, такъ какъ это запрещено ей Гальваномъ. Пилигримы настаиваютъ и говорятъ: „подай милостыню, какъ еслибы ты это сдѣлала для Гайфера

¹⁾ Wolf u. Hofmann, Primavera, II, 222—250.

въ его землѣ“. Слыша имя Гайфера, графиня вздыхаетъ и приказываетъ подать имъ хлѣба и вина. Тутъ подходитъ Гальванъ, бранить графиню и бьетъ ее кулакомъ такъ, что ломаетъ ей зубы. Гайферъ въ негодованіи выхватываетъ изъ подъ платья саблю и отрубаетъ голову Гальвану. Послѣ этого мать узнаетъ сына по недостающему пальцу на рукѣ“.

Второй испанскій романсъ, какъ видимъ, разрабатываетъ ту же тему, что и вышеприведенныя пѣсни, измѣнивъ лишь, соотвѣтственно требованію свода, какимъ представляется группа романсовъ о Гайферѣ, соотношеніе между дѣйствующими лицами: героиней является не жена, но мать Гайфера, и это понятно, ибо въ третьемъ романсѣ въ той же роли придется фигурировать женѣ.

Этотъ III-ій романсъ такого содержанія:

„Гайферъ играетъ въ кости въ королевскомъ дворцѣ. Входитъ Карлъ и упрекаетъ его. Онъ далъ ему въ жены свою дочь, та плѣнена маврами, а мужъ развлекается игрою; всякій другой давно бы вырвалъ ее изъ плѣна. Гайферъ поднимается, проситъ у Рольдана его оружіе и коня и отправляется въ землю мавровъ. У города Сансуэньи онъ спрашиваетъ одного раба-христіанина про свою жену Мелизенду и узнаетъ, что она у короля Альманзора, который обращается съ ней, какъ съ дочерью. Въ окнѣ дворца онъ видитъ Мелизенду, та не узнаетъ его, но, видя бѣлое вооруженіе, вспоминаетъ о двѣнадцати пѣрахъ Франціи, о дворцѣ своего отца и о турнирахъ, совершавшихся въ ея честь. Она проситъ рыцаря, если онъ вернется во Францію, сказать Гайферу, что уже время придти ему освободить свою жену, въ противномъ случаѣ ее сдѣлаютъ мавританкой, выдадутъ замужъ за короля-мавра, а короля по ту сторону моря; семь другихъ королей хотѣли сдѣлать ее королевой, но она не можетъ забыть Гайфера. Гайферъ открывается ей, она выходитъ изъ дворца и садится на лошадь къ мужу; конь мчитъ ихъ, перескакиваетъ черезъ городскую стѣну. Мавры преслѣдуютъ бѣглецовъ, но Гайферъ перебивъ многихъ, благополучно возвращается въ Парижъ“.

Четвертый романсъ о Гайферѣ рассказываетъ о дѣлѣ

шей судьбѣ нашего героя, объ его плѣнѣ и бѣгствѣ. Такимъ образомъ основнымъ въ этомъ сводѣ представляется *третій* романсъ, второй оказывается его дублетомъ, первый введеніемъ, а четвертый заключеніемъ.

Третій романсъ о Гайферѣ извѣстенъ и въ Португаліи, гдѣ записаны три его варіанта ¹⁾; они ведутъ свое происхождение, какъ почти всѣ вообще португальскіе романсы, отъ испанскихъ образцовъ, но при этомъ они цѣльнѣе и выдержаннѣе современныхъ испанскихъ романсовъ.

Этотъ же третій романсъ о Гайферѣ отмѣченъ еще въ Каталоніи; онъ опубликованъ у Milá ²⁾. Онъ короче прочихъ испанско-португальскихъ романсовъ и своими особенностями еще ближе, чѣмъ третій кастильскій, подходитъ къ пѣснямъ о Маврѣ-Сарацинѣ.

Какъ на особенность въ содержаніи всѣхъ романсовъ о Гайферѣ, распространенныхъ въ Испаніи и Португаліи, слѣдуетъ указать на то, что дѣйствіе въ нихъ переносится въ Парижъ, ко двору Карла Великаго, въ среду его паладиновъ, изъ коихъ Роландъ принимаетъ участіе въ событіяхъ, а самъ герой Гайферъ представляется зятемъ Карла и племянникомъ Роланда. Такая тѣсная внутренняя связь романсовъ съ эпическими героями французской поэзіи должна, повидимому, послужить ключемъ къ разъясненію вопроса о первоначальномъ источникѣ для испанско-португальскихъ романсовъ. Имѣя въ виду не этотъ единичный случай, а вообще то обстоятельство, что по большей части испанскіе романсы, примыкающіе къ циклу Карла Великаго, непосредственно основаны на французскихъ оригиналахъ, мы будемъ имѣть достаточное основаніе для предположенія, что и романсы о Гайферѣ восходятъ

---

¹⁾ Одинъ у Almeida-Garret, Romanceiro III, 94, 97; два у Braga, Manual da historia da literatura portugueza, 78 и Cancioneiro o romanceiro III, 21; Milá, De la poesia her. popular (1874), стр. 345.

²⁾ Milá, Romancerillo Catalan, 1882², 228.

къ какой-либо французской *chanson de geste*, не сохранившейся до нашего времени.

Но романсами о Гайферѣ еще не исчерпывается литературная судьба нашего сюжета въ предѣлахъ испанскаго языка. Аналогичнаго содержанія тамъ извѣстны еще три романа о „*Moriana*“ и одинъ объ „*Julianesa*“ ¹⁾. Романсъ о Юліанесѣ представляется отрывкомъ, сходнымъ по содержанію съ однимъ изъ романсовъ о Моріанѣ; три же романа о Моріанѣ имѣютъ характеръ свода на подобіе того, какой мы имѣли въ романсахъ о Гайферѣ. *Romances de Moriana y el Moro Galvan* перешли въ печать изъ рукописныхъ сборниковъ XVI стол. и развиваютъ такое содержаніе:

„Въ замкѣ Моріана играетъ въ шашки съ королемъ Мавромъ-Гальваномъ. Если проигрываетъ Мавръ, онъ отдаетъ ей городъ; если проигрываетъ Моріана, она позволяетъ ему цѣловать свою руку. Мавръ засыпаетъ. Въ это время на горахъ появляется рыцарь, ноги у него въ крови отъ далекаго пути. Моріана узнаетъ его издали. Она плачетъ, и слезы ея падаютъ на лице Мавра; тотъ просыпается и спрашиваетъ ее о причинѣ слезъ. Она отвѣчаетъ, что увидѣла на горахъ рыцаря, похожаго на ея мужа, котораго она любитъ. Мавръ даетъ ей пощечину, такъ что изъ зубовъ у нея идетъ кровь, и приказываетъ отрубить ей голову“.

Во второмъ романсѣ описывается приготовленіе къ казни Моріаны и появленіе ея мужа. Онъ избиваетъ мавровъ, беретъ къ себѣ на коня жену, конь перескакиваетъ черезъ семь стѣнъ и уноситъ ѣздоковъ изъ города.

Въ третьемъ романсѣ Мавръ-Гальванъ ѣдетъ отыскивать Моріану, клянется предъ ней въ своей любви, но отвергнутый ею, погибаетъ отъ меча христіанъ.

Очевидно, эти романы о Моріанѣ являются ничѣмъ инымъ, какъ своеобразной переработкой романсовъ о Гайферѣ.

Кромѣ французскихъ и испанскихъ пѣсенъ о Маврѣ-

¹⁾ Primavera, II, 25—31.

Сарацинѣ, а также испанско-португальскихъ романсовъ о Гайферѣ и Моріанѣ, построенныхъ на изучаемомъ поэтическомъ сюжетѣ, мы имѣемъ еще рядъ *итальянскихъ* народныхъ пѣсенъ того же содержанія. Пѣсни эти записаны въ сѣверной Италіи и напечатаны въ количествѣ *восьми* вариантовъ Нигрой ¹⁾. Всѣ эти пѣсни весьма близки одна къ другой и передаютъ такое содержаніе:

„Молодой человекъ женится на такой юной дѣвицѣ, что она не умѣетъ еще одѣваться. Въ воскресенье онъ женится, въ понедѣльникъ идетъ на войну. Черезъ семь лѣтъ онъ возвращается домой, стучитъ въ дверь и спрашиваетъ про свою жену. Мать отвѣчаетъ, что та взята маврами-сарацинами. Мужъ идетъ ее отыскивать. Переодѣвшись пилигримомъ, онъ проситъ милостыни у замка похитителя. Жена узнаетъ мужа и убѣгаетъ съ нимъ на лошади. Мавръ огорченъ: онъ держалъ ее семь лѣтъ и не тронулъ ее“.

Въ испанскомъ сборникѣ новеллъ и разсказовъ, принадлежащемъ перу Донъ Хуана Мануэля (1273—1348), известномъ подъ именемъ „*Conde Lucanor*“, можно видѣть (примѣръ 25-ый) старый литературный слѣдъ того эпического приёма, что мужъ оставляетъ свою „непознанную жену и немедленно послѣ брака отправляется въ походъ или за приключеніями, въ данномъ случаѣ съ цѣлью освободить своего тестя изъ плѣна у султана вавилонскаго, Саладина, занимающаго такое видное мѣсто въ средневѣковой поэзіи.

Какъ видимъ, итальянскія пѣсни тождественны съ южно-французскими. Всѣ эти пѣсни, французскія, испанскія и итальянскія, а также романсы испанско-португальскіе, развиваются по такой же схемѣ, какъ и выше отмѣченные пѣсни южно-славянскія:

- а) немедленно послѣ свадьбы мужъ уходитъ на войну (въ романахъ этого не видно);
- б) въ отсутствіе мужа жену похищаютъ мавры (или Мавръ);

¹⁾ Nigra, Op. с. 213.

- в) мужъ идетъ ее отыскивать;
- г) для удобства онъ переодѣвается пилигримомъ;
- д) онъ проситъ милостыни у дома похитителя;
- е) происходитъ признаніе;
- ж) супруги убѣждаютъ на конѣ, захватываютъ иной разъ и богатства похитителя.

Что касается пѣсенъ итальянскихъ, испанскихъ и французскихъ, то сходство ихъ такъ велико, что устраняется всякое сомнѣніе въ ихъ генетическомъ родствѣ; всѣ онѣ, несомнѣнно, ведутъ свое происхожденіе отъ пѣсни или пѣсенъ южно-французскихъ, сложившихся въ Лангедокѣ или Провансѣ, гдѣ особенно упорно велась борьба съ маврами и гдѣ довольно рано, и во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, поэтическое искусство достигло высокой степени совершенства, оказавъ затѣмъ безспорное вліяніе на поэзію, какъ сѣверно-французскую, такъ и сѣверно-итальянскую и испанско-португальскую, какъ своей формой, такъ и содержаніемъ. Такимъ образомъ пѣснь эта изъ южной Франціи перешла въ Испанію и сѣверную Италію, что подтверждается не только тождествомъ содержанія, но и сходствомъ внѣшней формы вышеуказанныхъ пѣсенъ. Этому послѣднему обстоятельству способствовала, конечно, близость смѣжныхъ романскихъ діалектовъ: съ одного діалекта на другой пѣснь передавалась безъ существеннаго нарушенія первоначальнаго формальнаго построенія.

Однако, если родство между пѣснями представляется намъ въ ясныхъ и несомнѣнныхъ очертаніяхъ, то гораздо труднѣе выяснить, въ какой генетической зависимости, восходящей или нисходящей, стоятъ романсы по отношенію къ пѣснямъ. Во всякомъ случаѣ нельзя допустить случайности, въ силу которой могли бы возникнуть такіа аналогичныя съ пѣснями произведенія, какъ романсы о Гайферѣ, сходныя съ пѣснями не только своей схемой, но изрѣдка и отдѣльными выраженіями. Разрѣшить это затрудненіе, надо полагать, возможно, благодаря тому обстоятельству, что герои ихъ романсовъ — Гайферъ и Роландъ — входятъ въ кругъ героев карловингскаго

эпоса, перенесеннаго на испанскую почву французскими жонглерами. Эти странствующие представители поэтического творчества передаютъ въ Испанію содержаніе рыцарскаго эпоса какъ разъ въ то время, когда тамъ рыцарское сословіе начинаетъ выдѣляться изъ народной среды, формируясь по типу французскаго рыцарства. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ совершается въ Испаніи усвоеніе новыхъ формъ общественности, распространяются тамъ и новыя литературныя формы и сюжеты, идущія также изъ Франціи; они смѣшиваются со старой народной поэзіей, передѣлываются, усваиваются испанской средой и образуютъ цѣлый классъ романсовъ, такъ наз. *cantares de los juglares* ¹⁾. Въ этихъ романахъ, какъ и во французскихъ *chansons de geste*, главную роль играетъ Карлъ Великій и его паладины, содержаніемъ ихъ служитъ борьба съ невѣрными, дѣйствіе совершается въ Испаніи и Африкѣ, а иногда переносится въ Константинополь и Вавилонъ.

Такія легенды про Карла Великаго и его паладиновъ попали, какъ я сказалъ, въ Испанію главнымъ образомъ чрезъ посредство французскихъ странствующихъ поэтовъ, они сдѣлали этотъ поэтический матеріалъ достояніемъ испанскаго народа, который поетъ еще до сихъ поръ про Карла, тогда какъ среди простаго французскаго народа онъ совершенно забытъ. Хотя привнесенныя въ Испанію французскія традиціи и сильно видоизмѣнились на мѣстѣ своего новаго распространенія, тѣмъ не менѣе для многихъ изъ нихъ можно указать ихъ французскую основу. Исключеніе составляетъ лишь изучаемый романсъ „*Gaiferos*“. Но въ виду того, что какъ разъ въ южной Франціи уцѣлѣли пѣсни о Маврѣ-Сарадинѣ, близкія по своему содержанію къ романсамъ о Гайферѣ, откуда онѣ перешли къ другимъ романскимъ народамъ; въ виду того, что для другихъ испанскихъ романсовъ изъ цикла Карла Великаго подыскиваются французскіе первоисточники, какъ это между

---

¹⁾ Fr. Wolf, Studien zur Geschichte der Span. und Portug. Nationalliter. 1859, 499; Puymaigre, Les vieux auteurs castillans (1862), II, 294 и сл.

прочимъ мы видѣли выше (стр. 380—385) по отношенію къ романсу „*Conte Dirlos*“, мы съ достаточнымъ основаніемъ можемъ предположить, что и романсъ о Гайферѣ восходитъ къ такой-либо ведошедшей до нашего времени французской *chanson de geste*, съ которой генетически должны быть связаны и французскія пѣсни о Маврѣ-Сарадинѣ, рассказывающія намъ о жизни по эпизодамъ изъ продолжительной борьбы французскаго рыцарства съ маврами.

Если такимъ образомъ представляется доказаннымъ единство происхожденія пѣсень о Маврѣ-Сарадинѣ, распространенныхъ въ большомъ числѣ среди романскихъ народовъ ¹⁾, если представляется весьма вѣроятнымъ генетическая связь ихъ, какъ и романсовъ о Гайферѣ, съ французской поэзіей *chansons de geste*, бывшей выразительницей вкуса, понятій, нравовъ, вѣданій и приключеній средневѣковаго французскаго рыцарства, то не будетъ натяжкой, если мы возведемъ, конечно не непосредственно, а путемъ косвенной передачи, къ тому же первоисточнику и тѣ родственныя произведенія, съ которыми встрѣчаемся за предѣлами романскихъ народностей.

Такия произведенія, какъ мы видѣли, довольно популярны среди южныхъ славянъ, при чемъ они такъ близки по своему содержанію къ произведеніямъ романскихъ народовъ, что не представляется надобности выдѣлять и сопоставлять каждую сходную черту въ тѣхъ и другихъ памятникахъ въ отдѣльности. Очевидно, поэтическое произведеніе перенесено съ романской почвы на славянскую безъ существеннаго нарушенія выработаннаго тамъ типа пѣсни съ сохраненіемъ всѣхъ звеньевъ разсказа и самыхъ подробностей изложенія. Такая передача весьма естественнымъ образомъ могла совершиться тамъ, гдѣ славянская среда соприкасается съ романской, — это побережье Адриатическаго моря. Здѣсь, какъ извѣстно, имѣетъ непосредственнымъ вліяніемъ романскихъ культуръ рас-

¹⁾ Это признаетъ и G. Paris, въ рецензіи, ограничивающей нѣкоторые положенія Нигры: *Journal des Savants*, 1889, septembre—novembre.

цвѣла литература и поэзія Дубровника, здѣсь создавалась богатая лирика въ духѣ провансальско-итальянскомъ, здѣсь разработана была драма и эпосъ по итальянскимъ образцамъ и здѣсь же въ прибрежныхъ пунктахъ Адріатики совершались самыя оживленныя сношенія романскаго запада со славянскимъ югомъ въ средѣ, для которой итальянскій языкъ былъ такъ же доступенъ, какъ и свой сербско-хорватскій ¹⁾).

Послѣ всего вышеизложеннаго мы можемъ вполне согласиться съ выводомъ г. Халанскаго, что въ южно-славянскихъ пѣсняхъ о „*Похищеніи жены Кралевица Марка*“ мы имѣемъ дѣло съ „традиціоннымъ“ сюжетомъ средневѣковой западноевропейской поэзіи, разработаннымъ въ духѣ рыцарской эпикѣ въ предѣлахъ южной Франціи, откуда онъ былъ переданъ чрезъ посредство сѣверной Италіи въ южно-славянскую народность на ряду со многими другими поэтическими памятниками.

β) *Жена Марка въ его отсутствіе терпитъ притѣсненіи отъ своей свекрови.*

Перейдемъ теперь ко второй группѣ южно-славянскихъ пѣсень, выдѣленныхъ г. Халанскимъ въ особый отдѣлъ подъ общимъ опредѣленіемъ „*Жена Марка въ его отсутствіе терпитъ притѣсненія отъ своей свекрови*“.

Пѣсень этого рода въ южно-славянской поэзіи отмѣчено не такъ много, какъ предыдущихъ. Г. Халанскій приводитъ всего три пѣсни (Даница 1870, 367; Босанска вила 1885, 365; Николић, Срп. нар. п. I, № 38).

Содержаніе этихъ пѣсень, за исключеніемъ тѣхъ или иныхъ случайныхъ вставокъ, въ общемъ таково:

„Тотчасъ послѣ свадьбы Марко долженъ ѣхать на войну. Оставляя свою непознанную жену, онъ наставляетъ ее, какъ

¹⁾ А. Пыпинъ, Исторія славянскихъ литературъ, I, 187 и сл.; С. Jireček, Der ragusanische Dichter Šiško Menčetić въ Archiv f. Slav. Phil. 1896, 22 и сл.

угодить свекрови, и приказываетъ ей ждать его возвращенія девять лѣтъ, на десятый годъ она можетъ выйти замужъ за другого. Когда уѣхалъ Марко, свекровь обула невѣстку въ желѣзную обувь, одѣла въ монашеское платье и послала пасти овецъ, приказавъ ей не возвращаться домой, если стадо не увеличится приплодомъ. Невѣстка пасла стадо цѣлыхъ девять лѣтъ. На десятый годъ возвращается Марко, встрѣчаетъ пастушку и, не узнавъ ее въ черномъ монашескомъ одѣянїи, спрашиваетъ, чье стадо пасетъ она? Та рассказываетъ все, какъ съ ней обращается свекровь. Марко, не открываясь женѣ, идетъ домой, спрашиваетъ у матери про жену, а та говорить, что жена его умерла и что она справила по ней поминки. Тогда Марко приводитъ домой жену, а мать убиваетъ (иной разъ прощаетъ)“.

Г. Халанскій указываетъ одну ново-греческую пѣсню соотвѣтствующаго содержанія (Passow № 458—Kind, Anth. 130) и приводитъ по Гримму (Altdänische Heldenlieder № VI) одну стародатскую пѣсню лишь отдаленнаго сходства, а по Либрехту (Zug Volkskunde, 187) китайскій рассказъ равнымъ образомъ далекій отъ нашей темы. Въ книжной словесности онъ находитъ этотъ мотивъ—весьма мало, впрочемъ, разработанный—въ повѣсти объ Акирѣ премудромъ (Памятники, Кушел. Безб. I-II, 368), причемъ замѣчаетъ, что „едва-ли сербскія пѣсни могутъ быть непосредственно выведены изъ этой послѣдней“.

Если кругъ южно-славянскихъ пѣсень о „*Похищеніи жены Кралевица Марка*“, какъ мы видѣли, представилось возможнымъ чрезъ посредство итальянской поэзіи возвести къ южно-французской поэзіи *chanson de geste*, то и второй кругъ пѣсень о томъ, какъ „*Жена Марка въ его отсутствіи терпитъ притѣсненія отъ своей свекрови*“, найдетъ свой первоисточникъ въ той же французской поэзіи.

Съ этой цѣлью обратимся къ этой послѣдней, гдѣ отыщется не мало соотвѣтствующихъ произведеній.

Въ разныхъ мѣстахъ Франціи пѣсень подобнаго содержанія записано нѣсколько: одна изъ Ile-de-France напечатана

заглавіємъ „*Germine*“ ¹⁾, одна изъ Эльзаса напечатана
заглавіємъ „*Germaine*“ ²⁾, одна изъ Poitou ³⁾, три пѣс-
ни Forez (нынѣшній департаментъ Ліона) подъ заглаві-
емъ „*Germine*“ и „*Percheronne*“ ⁴⁾, одна изъ Calvados (Нор-
мандія) ⁵⁾, одна изъ Velay (департаментъ верхней Луары) ⁶⁾,
одна изъ Loiret ⁷⁾ и одна изъ Bresse (департаментъ Ain) ⁸⁾.
Кроме того опубликованы еще двѣ провансальскія пѣсни
заглавіємъ „*La Pourcheireto*“ ⁹⁾ „*La belo pourcairouno*“ ¹⁰⁾.
Изъ этого отмѣчено французскихъ пѣсенъ двѣнадцать, но не
всѣ одинаковаго достоинства: нѣкоторые изъ нихъ удер-
жанчивую долю чертъ архаическихъ, другія напро-
тивъ подверглись замѣтнымъ новѣйшимъ видоизмѣнені-
ямъ. Изъ числа старѣйшихъ вариантовъ принадлежитъ, повиди-
мому, пѣсня, сообщаемая изъ Forez Смитомъ (Romania I,
подъ заглавіємъ „*La Percheronne*“). Своимъ началомъ она
начинается съ пѣснями французскими, испанскими и итальян-
скими. Мавръ-Сарадинъ, приведенными въ отдѣлѣ пѣсенъ о
женитиі жены Кралевица Марка“. Содержаніе ея таково:
Бсаувоіге женится на такой юной дѣвицѣ, что она не
можетъ еще одѣться. Послѣ свадьбы мужъ отправляется на
работу, а жену поручаетъ матери, прося ее не заставлять мо-
женщину работать: пусть она лишь ѣстъ и пьетъ, да
покой ходитъ. Какъ только мужъ уѣхалъ, свекровь отни-
маетъ у невестки всѣ ея дорогія вещи и посылаетъ ее пасти
овцы. Проходятъ семь лѣтъ, мужъ возвращается, встрѣчаетъ
свою жену-пастушку, которая не узнаетъ его. Онъ

¹⁾ Champfleury, Chans. pop. des prov., 195.

²⁾ Puymaigre, Chants p. Mess. I, 47.

³⁾ Bujaud, Ch. p. de l'Ouest, 215.

⁴⁾ Smith, Romania, I, 354.

⁵⁾ Legrand, Romania X, 369.

⁶⁾ Smith, Romania X, 584.

⁷⁾ Poquet, Mélusine II, 46.

⁸⁾ Guillon, Chans. p. de l'Ouest, 94.

⁹⁾ Arbaud, Ch. p. de la Provence, I, 91.

¹⁰⁾ Atger, Poésie pop. en langue d'oc, 47.

идеть къ матери, та тоже не узнаетъ сына, но дастъ ему пріютъ въ домѣ, приготовляетъ ужинъ, а на ночь предлагаетъ ему свою пастушку. Та съ негодованіемъ отвергаетъ это предложеніе и плачетъ, затѣмъ узнаетъ своего мужа. Утромъ мать по обыкновенію посылаетъ свою невѣстку на работу, но мужъ отвѣчаетъ: „теперь ты, матушка, иди, она уже довольно поработала. Если бы ты не была моею матерью, то я убилъ бы тебя, удавилъ бы пряжей, которую она прала и сжегъ бы на дровахъ, которыя она собирала“. Онъ прощаетъ мать, но беретъ у нея ключи отъ замка“.

Въ той же формѣ и съ тѣмъ же содержаніемъ пѣснь эта записана еще въ Провансѣ, а въ пѣскольбо измѣненномъ видѣ извѣстна во всей Франціи, главнымъ образомъ подъ заглавіемъ „Germaine“ или „Germine“. Въ послѣдняго рода пѣсняхъ отсутствуетъ подробность, что молодую женщину посылаютъ пасти свиней, все же остальное содержаніе остается безъ измѣненія. Можно думать, что въ такой сокращенной формѣ пѣснь принадлежитъ позднѣйшему времени, когда формы жизни приняли болѣе утонченный характеръ подъ вліяніемъ развившейся городской общественности, утратившей самое представленіе о необходимости пасти свиней, прастъ пражу и собирать дрова.

Въ этомъ послѣднемъ видѣ пѣснь развивается слѣдующимъ образомъ (Puymaigre, Chants p. r. d. le Pays Messin, I, 1881², стр. 47):

C'est la belle Germaine
Qui si a mariée
A e'âge de quinze ans.
Son mari l'a quittée,
A l'âge de vingt ans,
Pour aller guerroyer.
Et au bout de sept ans,
Le voilà revenu,
L'a revenu tout droit,
Tout droit dans son logis.

Но Germaine не узнаетъ мужа и отправляетъ его на ноч-

легъ въ замокъ; тамъ его принимаютъ и предлагаютъ все къ его услугамъ, „puccelles“ и „demoiselles“; но онъ желаетъ имѣть Germaine. За ней идетъ его мать, но та съ негодова-ніемъ отвергаетъ такое предложеніе, говоря:

— Si vous n'étiez pas mère,
Mère de mon baron,
Je vous ferais étrangler
Par mes deux chiens lions,
Je vous ferais jeter
Dans l'eau dessous le pont.

Такимъ образомъ Germaine доказала свою вѣрность мужу. Тотъ въ восторгѣ идетъ къ ней и отърывается, но она не вѣ-рять и спрашиваетъ, въ какой день она вышла замужъ. По-лучивъ вѣрный отвѣтъ, она желаетъ знать, не было ли съ ней еще чего либо особеннаго. Мужъ отвѣчаетъ:

— C'est arrivé, Germaine,
Que votre anneau rompit;
— En voilà la moitié
Montrez la vôtre aussi.
Ouvrez, ouvrez, Germaine,
Ouvrez à votre ami.

Лишь послѣ этого она признаетъ мужа.

За предѣлами Франціи тѣ же пѣсни распространены въ значительномъ количествѣ, при томъ съ сохраненіемъ такихъ типичныхъ особенностей, которыя устраняютъ всякое сомнѣніе въ единствѣ ихъ источника.

Такъ въ Каталоніи записано одиннадцать варіантовъ подъ заглавіемъ „*La noble porquera*“¹⁾, одинъ совершенно тожест-веннаго съ ними содержанія подъ заглавіемъ „*Don Guillermo*“²⁾ и одинъ подъ заглавіемъ „*La porqueyrola*“³⁾. Всѣ эти

¹⁾ Milá y Fontanals, Romancerillo Catalan. 1882, 200, № 234.

²⁾ Ibid. 119, № 21 = Fr. Wolf, Proben portugiesischer und cata-lanischer Volksromanzen. Sitzungsberichte d. k. Ak. d. W. zu Wien. Phil.-hist. Classe. XX. 1856, стр. 145.

³⁾ Briz, Canç. de la terra, I, 173.

испанскіе романсы развиваютъ одно и тоже содержаніе безъ существенныхъ отклоненій. Романсъ „*La noble porquera*“, начинающійся стихами:

El rey n'ha fet fé una crida, una crida n'ha fet fé,
Que condes y caballeros á la guerra hajíu d'ané....

передаетъ нашу тему въ слѣдующемъ видѣ:

„Король приказываетъ графамъ и рыцарямъ всей страны отправляться на войну. Въ томъ числѣ долженъ идти и Донъ Гиллермо. Свою молодую жену онъ поручаетъ матери, прося ее не заставлятъ молодую женщину работать; пусть она лишь гладить, вышиваетъ, шьетъ и вяжетъ чулки и то, если ей этого захочется. Но уже на слѣдующій день утромъ по уходѣ мужа ее заставляютъ пасти свиней (превращаютъ ее въ *porquera*), нарядать по семи веретенъ льну и приносить по связкѣ дровъ. Наконецъ, возвращается Донъ Гиллермо, встрѣчаетъ пастушку, узнаетъ въ ней свою жену. Онъ зоветъ ее домой, но та заявляетъ, что еще не окончила пряжи и не собрала дровъ. Своимъ мечемъ онъ нарубаешь для нея дровъ. Онъ спрашиваетъ у нея, гдѣ бы тутъ онъ могъ отдохнуть, и она указываетъ на домъ своего свекра. Тамъ его принимаютъ и угощаютъ. На его вопросъ, кто съ нимъ будетъ ужинать, кто ему будетъ свѣтить и кто проведетъ съ нимъ ночь, свекровь предлагаетъ ему пастушку. Та плачетъ и говоритъ, что уже семь лѣтъ, какъ она не сидѣла за столомъ, что уже семь лѣтъ, какъ она не спала въ постели и что скорѣе выбросится за окно, чѣмъ пойдетъ спать съ незнакомцемъ. На порогѣ спальни онъ показалъ ей кольцо, и они заперли дверь.

На слѣдующее утро свекровь по обыкновенію посылаетъ невестку пасти свиней, пряхъ ленъ и собирать дрова, но Донъ Гиллермо говоритъ: „пусть это дѣлаютъ твои дочери, своей женѣ я этого не позволю. Если бы ты не была моей матерью, то я велѣлъ бы тебя сжечь, а пеньюлъ пустилъ бы по вѣтру“.

Точно такія же пѣсни извѣстны и въ *Италіи*. Нигра ¹⁾ сообщаетъ три пьемонтскихъ варіанта подъ заглавіемъ „*La sposa Porcaja*“ и указываетъ на двѣ ихъ разновидности, а раньше Нигры были напечатаны двѣ пѣсни такого же содержанія въ сборникѣ Ферраро подъ заглавіемъ „*La sposa del crociato*“ и „*La moglie*“ ²⁾).

Содержаніе этихъ итальянскихъ пѣсень таково:

„Молодой человѣкъ женится и сейчасъ же долженъ идти на войну. Жену свою онъ поручаетъ матери и проситъ, чтобы ее не заставляли ни стирать, ни мыть бѣлье, но предоставили бы ей пить и вышивать въ своей комнатѣ. Какъ только ушелъ мужъ, свекровь посылаетъ неvěстку пасти свиней, прастъ пряжу и собирать дрова. Семь лѣтъ красавица не смѣется и не поетъ. Въ первый день, что она запѣла, возвращается ея мужъ. „Здравствуй, прекрасная пастушка; чьи это свиньи?“ говоритъ онъ.—„Моей свекрови, чтобы Богъ послалъ ей смерть“, отвѣчаетъ та. „Пойдемъ, прекрасная пастушка, домой завтракать“. „У меня не собраны еще дрова и не окончена пряжа; свекровь заставитъ меня вернуться въ поле“. „Здравствуй, хозяйка; я хочу обѣдать съ твоей неvěсткой“. „Моя неvěстка на холмахъ на пастбищѣ; я дамъ вамъ дѣвушку, которая будетъ вамъ пріятна“, отвѣчаетъ мать. „О матушка, дорогая матушка, ты расквѣшься въ томъ, что сдѣлала. Она (невѣстка) будетъ госпожей, а ты будешь у нея слугой“ (или: „Если бы ты не была моей матерью, я отрубилъ бы тебѣ голову“).

Какъ видимъ, пѣсни о неvěсткѣ, принуждаемой къ грубой работѣ свекровью въ отсутствіе мужа, распространенны въ Верхней Италіи, Франціи, Провансѣ и Каталоніи не только схожи между собой въ общемъ ходѣ и въ подробностяхъ разсказа, но часто совпадаютъ въ отдѣльныхъ фразахъ и словахъ. Очевидно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что у всѣхъ у нихъ одинъ и тотъ же источникъ. Искать его, повидимому,

¹⁾ Nigra, Op. c. 314.

²⁾ G. Ferraro, Canti pop. Monferrini, 1870.

надо, во Франціи, въ первоначальной колыбели какъ рыцарства, такъ и рыцарской поэзіи, въ составъ которой, несомнѣнно, входятъ разбираемые пѣсни. Отсюда данная пѣсня могла проникнуть въ Каталонію черезъ область *langue d'oc'a*, въ Пьемонтъ изъ Прованса или Бургундіи и такимъ образомъ дать намъ еще одинъ изъ весьма многихъ примѣровъ тождественности какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ большого числа произведеній народной поэзіи Сѣверной Италіи, Франціи, Прованса и Каталоніи.

Но предѣлами романскихъ народностей распространеніе этого сюжета не ограничивается: онъ съ большими или меньшими измѣненіями проходитъ и въ другія страны Европы.

Непосредственно изъ французской среды онъ попадаетъ въ Бретань, въ новую среду, въ данномъ случаѣ кельтскую, подвергаясь въ силу этого болѣе существеннымъ перемѣнамъ, чѣмъ при переходѣ къ родственнымъ романскимъ народностямъ. Кромѣ формальныхъ измѣненій первоначальная французская пѣсня подверглась въ Бретани перемѣнѣ и въ составѣ дѣйствующихъ лицъ: свекровь замѣняется здѣсь или зятемъ, или братомъ, какъ это видно изъ варіантовъ, опубликованныхъ *Villemarqué* подъ заглавіемъ „*L'épouse du croisé*“ ¹⁾ и *Luzel* емъ подъ заглавіемъ „*Les deux frères*“ ²⁾.

Содержаніе варіанта „*L'épouse du croisé*“ въ общихъ чертахъ таково:

„Отправляясь на войну, рыцарь поручаетъ свою жену брату ея, который обѣщаетъ обращаться съ нею, какъ со своею дочерью. Но едва успѣли скрыться изъ виду крестоносцы, какъ молодую женщину заставили снять красное платье, надѣть бѣлое и идти пасти овецъ. Въ теченіе семи лѣтъ она постоянно плачетъ; по прошествіи семи лѣтъ она запѣла. И вотъ мужъ ея возвращается съ войны; онъ услышалъ ея пѣ-

¹⁾ Villemarqué, Barzaz-Breiz, I, 248.

²⁾ Luzel, Chants pop. de la Basse-Bretagne, I, 196. Beaurepaire въ своей книгѣ, *Étude sur la poésie populaire en Normandie* (Paris, 1856, стр. 76) указываетъ на такую же пѣсню.

ніе и узналъ ее по голосу. Онъ здороваѣтся съ нею и спрашиваетъ, можетъ ли онъ переночевать въ замкѣ? „Отчего-же нѣтъ“, отвѣчаетъ она, „и я спала тамъ на прекрасной постели, пока мужъ мой не ушелъ на войну“. Тутъ она узнаетъ его по бѣловурымъ волосамъ, и они вмѣстѣ идутъ въ замокъ, откуда онъ изгоняетъ коварнаго брата своей жены (иной разъ: „Если бы я не уважалъ родительскаго дома, то немедленно обагрилъ бы свою саблю твоею кровью“, говоритъ возвратившійся мужъ своему брату“).

Кромѣ Бретани за предѣлами романской среды тотъ же поэтическій сюжетъ, разработанный въ соотвѣтствующей формѣ, находимъ у албанцевъ ¹⁾ и ново-грековъ, ближайшихъ соседей южныхъ славянъ.

Албанская пѣсня начинается приуроченіемъ дѣйствія ко времени Скандербегъ слѣдующими словами:

„Venne una lettera al giovin forte,
Che raggiungesse Skanderbegh
Nella guerra in Turchia“.

Молодой человѣкъ проситъ свою мать оберегать его красавицу; та общается, но едва сынъ скрылся въ горахъ, какъ она обрѣзала косы у невестки, заставила ее одѣться въ мужское платье, обуться въ сандалии, и отправила ее въ деревню, чтобы тамъ съ крестьянами она пасла коровъ и потеряла, такимъ образомъ, нѣжный цвѣтъ лица, изъ-за котораго она такъ нравилась своему мужу: домой она можетъ возвратиться не равнѣе, какъ черезъ девять лѣтъ. Прошло пятьдесятъ недѣль и Скандербегъ далъ своимъ солдатамъ двухмѣсячный отдыхъ. Съ войны молодой человѣкъ возвращается домой, стучитъ въ дверь, прося мать открыть ему. Войдя въ домъ, онъ спрашиваетъ: „гдѣ моя жена?“ „Едва ты скрылся въ горахъ, отвѣчаетъ на это мать, какъ она умерла“. При этихъ словахъ молодая женщина стучится въ дверь, бросается мужу на шею и рассказы-

---

¹⁾ G. de Rada, *Rapsodie d'un poema albanese*. Firenze, 1866, 81, Canto XII.

ваетъ, какъ поступила съ нею свекровь по его уходѣ. „Ты мнѣ не мать теперь“, говоритъ молодой человѣкъ матери и изгоняетъ ее изъ дому“.

Ново-греческихъ пѣсенъ съ такимъ содержаніемъ записано нѣсколько ¹⁾ подъ заглавіемъ „Τὰ κατὰ πενθέρικα“; наша тема въ нихъ развивается слѣдующимъ образомъ:

„Молодой Константинъ въ маѣ посадилъ виноградную лозу, въ маѣ женился и въ маѣ получилъ приказъ идти на войну. „На кого ты оставляешь меня“, спрашиваетъ его жена. „Поручаю тебя во первыхъ Богу, во вторыхъ всѣмъ Святымъ, въ третьихъ моей матери и двумъ моимъ сестрамъ“, отвѣчаетъ онъ. Но едва онъ ушелъ изъ дому, не прошелъ еще одной или двухъ миль, какъ тѣ начали издѣваться надъ молодой женщиной, обрѣзали ей бѣлокурыя косы и послали ее на горы пасти овецъ и козъ, приказавъ ей, если овцы не умножатся, а козы не удвоятся въ числѣ, не спускаться въ долину къ рѣкѣ. Прошли недѣли, мѣсяцы и цѣлые годы. Богъ послалъ ей счастье,—каждая овца припесла по пяти агнятъ, каждая коза по одному козленку,—и она спустилась къ рѣкѣ. Тутъ возвращается Константинъ, онъ принимаетъ свою жену за пастуха и спрашиваетъ: „чьи это овцы и козы и чей это прекрасный пастухъ съ соловьинымъ голосомъ?“ „Я не пастухъ, я жена Косты“, отвѣчаетъ та. Онъ мчится домой и спрашиваетъ у матери, гдѣ жена? Мать заявляетъ, что жена его умерла много лѣтъ тому назадъ, что могила ея заросла травой, колючимъ кустарникомъ и крапивой, такъ что никто не можетъ найти ее. „А что мнѣ дѣлать съ тобою, матушка, если жена моя еще жива“, спрашиваетъ онъ. „Ты мнѣ можешь отрубить тогда голову“, отвѣчаетъ мать. „Твой приговоръ справедливъ“, замѣчаетъ сынъ, „и пусть Господь исполнитъ его“. Послѣ этого онъ ѣдетъ за женой и привозитъ ее домой“.

¹⁾ Passow, *Popularia carmina Graeciae recentioris*, стр. 338 = Kind, *Anthologie*, 130; *Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα*, I, 83, № 17; *Ζαμπέλιος*, *Ἀισματα δημοτικὰ τῆς Ἑλλάδος* (1882), 755, 42.

Какъ видимъ, албанская и ново-греческія пѣсни съ удивительнымъ консерватизмомъ сохраняютъ всѣ основные звенья романскихъ пѣсенъ о свекрови, заставляющей невѣстку въ отсутствіе мужа пасти стадо, и здѣсь мужъ отправляется на войну сейчасъ послѣ свадьбы, встрѣчаетъ жену и не узнаетъ ее; говорить про соловьиный голосъ пастуха—пастушки,—значить, она пѣла, какъ говорится въ итальянскихъ вариантахъ, о чемъ умалчивается въ ново-греческихъ; и здѣсь мужъ ѣдетъ домой къ матери спросить про жену, и по обыкновенію получаетъ ложныя свѣдѣнія. Но если ново-греческія пѣсни и удерживаютъ всѣ основы своего романскаго первоисточника, то въ своей обработкѣ сближаются со славянскими настолько, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что сходство въ подробностяхъ, отсутствующихъ въ романскихъ версияхъ, зависитъ отъ единства ихъ мѣстнаго источника: романскій оригиналъ, какъ надо думать, подвергся видоизмѣненію гдѣ-либо на мѣстѣ своего новаго усвоенія, и въ этомъ своемъ новомъ видѣ распространился среди хорватовъ, сербовъ, албанцевъ и новогрековъ.

Такое поразительно близкое сходство между пѣснями южно-славянскими и ново-греческими съ одной стороны, и такое несомнѣнное тожество обѣихъ этихъ группъ съ произведеніями романскихъ народовъ съ другой, даетъ полное основаніе предполагать, что въ этихъ пѣсняхъ мы имѣемъ отраженіе той поэтической волны, какая шла широкой полосой изъ южной Франціи, начиная съ періода крестовыхъ походовъ, захватывая почти всѣ европейскія страны, въ томъ числѣ Грецію и Балканскій полуостровъ.

Тѣ же самыя пѣсни въ сильно уже измѣненномъ видѣ, съ значительно ослабленными основными чертами, пошли еще далѣе на востокъ, извѣстны у западныхъ славянъ, распространены въ Малой, Бѣлой и Великой Россіи и отразились на составѣ эпическихъ пѣсенъ про князя Михаила, какъ это изложено въ изслѣдованіи г. Жданова ¹⁾.

¹⁾ Ждановъ, Ор. с. 524 и сл. Кстати укажу еще нѣкоторые варианты ослабленнаго типа: Ново-греческая пѣсни изъ Эпира.—Н х а х ѣ

Такимъ образомъ, не только поэтической мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа разработанъ въ южно-славянскоѣ поэзіи по плану соотвѣствующихъ романскихъ пѣсенъ, но также и темы: α) о похищеніи жены героя и объ освобожденіи ея послѣднимъ; β) о преслѣдуемой въ отсутствіе мужа невѣстѣ. Вся группа южно-славянскихъ произведеній, основанная на трехъ указанныхъ поэтическихъ мотивахъ, содержаніемъ, планомъ, подробностями и даже отдѣльными выраженіями до очевидности обнаруживаетъ свой романскій первоисточникъ, причемъ и въ этомъ случаѣ, какъ и при разсмотрѣніи пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ (стр. 257), повидимому, первенство среди пѣсенъ Балканскихъ народовъ приходится приписать версіямъ сербскимъ, какъ наиболее рельефно передающимъ характерныя особенности романскихъ произведеній.

Итакъ, въ южно-славянскоѣ поэзіи отыскаются почти всѣ элементы, изъ которыхъ могли образоваться вышерассмотрѣнныя пѣсни западныхъ славянъ; онѣ могли возникнуть на основаніи какого-либо южно-славянскаго варіанта, передававшего нашу тему въ ея упрощенномъ видѣ съ удержаніемъ подробности извѣстной въ южно-славянскихъ пѣсняхъ о томъ, какъ мужъ оставляетъ свою „непознанную еще жену“ и отправляется на войну; при этомъ пѣсни западныхъ славянъ передаютъ составные элементы сказанія въ той самой послѣдовательности, въ какой связаны они въ пѣсняхъ южно-славянскихъ. Но если почти всѣ, какъ я сказалъ, элементы составляющіе основу моравско-польскихъ пѣсенъ въ ихъ традиціонной послѣдовательности изъ пѣсенъ южно-славянскихъ могли попасть въ поэзію западныхъ славянъ, то остается еще одна характерная черта, неизвѣстная южно-славянскимъ пѣснямъ, но неизмѣнно сохраняющаяся въ пѣсняхъ западныхъ славянъ

πεθερά—'Αραβαντίου, Συλλογὴ δημόδων ᾠσμάτων τῆς 'Ηπείρου. 1880, 273; хорватская пѣсня—*Zla svedrva*—Hrvatske narodne pjesme... iz „Naše Sloge“, 1879, стр. 22; румынская пѣсня—*Böse Schwiegermutter*—Schuller, Romänische Volkslieder. 1859, стр. 5; литовская пѣсни у Nesselmann'a „Dainos“, стр. 106.

и въ русскихъ былинахъ,—это прыганіе новобрачной черезъ столы. Последней чертой пѣсни польскія связываются съ русскими былинами, и эта въ сущности незначительная подробность на ряду съ другими соображеніями можетъ служить однимъ изъ доводовъ для предположенія, что русскія былины даннаго круга возникли въ тѣхъ областяхъ, гдѣ русскій элементъ встрѣчался съ польскимъ, т. е. въ предѣлахъ юго-западной Россіи.

При этомъ литературнымъ источникомъ для такой черты какъ прыганіе молодой черезъ столы, могла послужить, или новелла Боккаччо о Торелло, или сказаніе о Бовѣ. При какихъ однако условіяхъ эта нижняя черта могла попасть въ эпическія пѣсни западныхъ славянъ и въ то же время въ русскія былины, сказать что-либо опредѣленное не представляется возможнымъ. Но не только въ пѣсняхъ западныхъ славянъ открываются слѣды вліянія поэзіи южно-славянской; оно проявляется и въ поэтическомъ творествѣ ближайшихъ сосѣдей южныхъ славянъ, какъ албанцы, греки и румыны, произведенія которыхъ, основанныя на интересующемъ насъ поэтическомъ мотивѣ, и подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

19.

Пѣсни албанскія, ново-греческія и румынскія.

А. Албанскія пѣсни нашего круга записаны среди албанскихъ поселенцевъ въ Калабріи ¹⁾, въ Сициліи ²⁾ и въ

---

¹⁾ Camarda, Appendice al Saggio di Grammatologia comparata sulla lingua albanese. Prato, 1866, стр. 90.

²⁾ L. Vigo, Raccolta amplicissima di canti popolari siciliani. Catania, 1870—74², стр. 695; подобная же пѣсня въ сборникѣ: Doria,

Неаполитанской области ¹⁾. Онъ извѣстны въ трехъ редакціяхъ, вполне совпадающихъ другъ съ другомъ, такъ что достаточно привести одну, чтобы имѣть представленіе, какъ развивается наша тема въ албанской поэзіи. Пѣсня, помѣщенная у Камарды, озаглавлена „*Constantino il piccolo*“. Содержаніе ея таково:

„Молодой Константинъ былъ женатъ всего три дня, когда пришло письмо отъ царя (*del signor grande*) съ требованіемъ идти на войну. Константинъ прощается съ отцомъ и съ матерью, проситъ у нихъ благословенія, а затѣмъ идетъ къ своей милой, снимаетъ съ пальца кольцо и, передавъ его ей, говоритъ: „по приказанію царя я иду въ войско, буду воевать девять лѣтъ и девять дней (или девять лѣтъ, девять мѣсяцевъ и девять дней); если не вернусь по истеченіи этого времени, то ты можешь выходить замужъ“. Молодые бояре постоянно сватались къ молодой женщинѣ, такъ что по прошествіи условленнаго срока старый тестъ ея сказалъ ей, наконецъ: „выходи замужъ“, и вотъ устраивается свадьба. Въ это время во дворцѣ царя приснился Константину страшный сонъ; пораженный имъ, онъ такъ вздохнулъ, что царь услышалъ этотъ вздохъ. Наутро царь спрашиваетъ о причинѣ вздоха, и Константинъ говоритъ, что жена его собирается выйти замужъ. Царь даетъ ему изъ своей конюшни коня, быстро, какъ соколъ, онъ мчится на немъ домой, по дорогѣ встрѣчаетъ своего отца, сообщающаго ему, что сегодня свадьба его жены, и что онъ старикъ съ горя хочетъ лишить себя жизни. Константинъ утѣшаетъ старика-отца, говоря, что его сынъ скоро вернется, и торопитъ коня, чтобы не опоздать къ вѣнцу. Во время богослуженія онъ былъ у церкви; когда подошла невеста съ женихомъ, онъ слѣзъ съ коня и водрузилъ свое зна-

---

Poesia popolare. Sugli albanesi ricerche e pensieri. Napoli, 1847. Во французскомъ переводѣ таже пѣсня помѣщена въ статьѣ: *Doga d'Istria, La nationalité albanaise d'après les chants populaires. Revue des Deux Mondes*. 1866, т. 63, стр. 386.

¹⁾ Girolamo de Rada, *Rapsodi d'un poema albanese, raccolta nelle colonie del Napoletano*. 1866, стр. 61—54.

мя. Онъ просить бояръ принять его въ число друзей молодой, и вотъ когда насталъ моментъ мѣнять кольца жениху и невѣстѣ, онъ надѣваетъ на палецъ невѣстѣ свое кольцо. При видѣ кольца у нея какъ бы открываются глаза; она внимательно осматриваетъ пріѣзжаго, узнаетъ въ немъ своего мужа и заливается слезами радости“.

Б. Ново-греческихъ пѣсень на тему о внезапномъ возвращеніи мужа записано значительное количество, но онѣ еще болѣе албанскихъ уклоняются отъ типичной формы въ той ея разработкѣ, какую намъ пришлось наблюдать въ пѣсняхъ южно-славянскихъ.

Наиболѣе характерной и полной изъ греческихъ пѣсень оказывается эпирская пѣсня изъ сборника Хасіотиса ¹⁾ подъ заглавіемъ: „Ἀναγνώρισμός“. Въ ней передается слѣдующее:

„Молодой человѣкъ двѣнадцать лѣтъ томится въ неволѣ, куда онъ попадаетъ послѣ трехдневнаго супружества. Вотъ однажды видитъ онъ во снѣ, что оставшаяся дома жена его выходитъ замужъ. Въ отчаяніи онъ жалобно поетъ въ подземельи и царь, услышавъ пѣсню, тронуть ею и приказываетъ освободить узника. Чтобы дать ему возможность вернуться на родину, царь позволяетъ ему выбрать самаго быстрого коня. Невольникъ спрашиваетъ у коней, кто изъ нихъ быстрѣе другихъ донесетъ его домой. Самымъ быстрымъ оказывается старый израненный конь, онъ берется доставить всадника во время и приказываетъ ему покрыть себѣ голову платками и привязать себя къ сѣдлу:

„γὰρ δέσσε τὸ κεφάλι σου μὲ δὺὸ τρία μαντήλια,
καὶ ζώσε καὶ τῇ μέσῃ σου μαζῇ μὲ τῇ δικῇ μου“.

По дорогѣ всадникъ встрѣчаетъ своего отца, пасшаго овецъ, и отъ него узнаетъ, что жена его дѣйствительно выходитъ замужъ. Онъ мчится далѣе, пріѣзжаетъ къ церкви во времени

---

¹⁾ Χασιότης, Συλλογὴ τῶν κατὰ τὴν Ἰππειρον δημοτικῶν ᾠσμάτων. 1866, стр. 88, № 27.

вѣнчанія своей жены и, обращаясь къ поѣзжанамъ молодой, говорить: у васъ плохой обычай (ζαχόνι отъ слав. слова законъ), загорцы, что вы не позволяете иноземцамъ подносить вино невѣстѣ“, — напротивъ, отвѣчаютъ тѣ: „у насъ хорошій обычай, мы позволяемъ иноземцамъ подносить вино молодой“:

„καὶ ζαχόνι ἔχετε ἐσεῖς οἱ Ζαγορίσιοι·
 δὲ βγάζετε τῇ νόφῃ σας νὰ τὴν κερνοῦν οἱ ξένοι;
 — καλὸ ζαχόνι ἔχομε, ἐμεῖς οἱ Ζαγορίσιοι,
 ποὺ βγάζομε τῇ νόφῃ μας καὶ τὴν κερνοῦν οἱ ξένοι“.

Вотъ тутъ возвратившійся изъ неволи мужъ, подавая невѣстѣ чашу съ краснымъ виномъ, успѣваетъ показать ей свое кольцо, на которомъ она читаетъ имя своего мужа, узнаетъ его и разстраиваетъ свою свадьбу съ другимъ“.

Слѣдующее затѣмъ мѣсто по полнотѣ занимаетъ кипрская пѣсня изъ сборника Сакелларіоса ¹⁾, озаглавленная „Ἀίσμα Γιαυαχοῦ“. Въ ней передается такое содержаніе:

„Невольникъ Яннакосъ на палубѣ корабля вздыхаетъ такъ, что корабль останавливается (или даетъ трещину), и капитанъ (Μπέης) спрашиваетъ, кто это вздыхаетъ и по какой причинѣ. Невольникъ рассказываетъ, что три дня послѣ своей свадьбы онъ попалъ въ неволю, двѣнадцать лѣтъ состоитъ рабомъ, и вотъ теперь жена его Елена собирается выйти замужъ за другого. Капитанъ обѣщаетъ освободить его, если онъ пропоетъ пѣсню; тотъ замѣчаетъ, что неоднократно уже пѣлъ и все-таки свободы не получилъ; тѣмъ не менѣе онъ и на этотъ разъ поетъ, своей пѣснью трогаетъ сердца всѣхъ слушателей и получаетъ отъ капитана не только свободу, но и прекраснаго коня. Яннакосъ мчится домой, возлѣ одного сада встрѣчаетъ своего отца подъ видомъ монаха, ко-

¹⁾ Σακελλάριος, Τὰ Κυπριακά. 1868, III, стр. 37, № 13; Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 167; Passow, Popularia carmina, № 448; точно такая же свадебная пѣсня у Jeannarakі, Ἀίσματα Κρητικά. 1876, № 265, стр. 203; E. Legrand, Recueil de chansons pop. grecques. 1873, № 145, стр. 326.

торый подтверждаетъ, что жена его выходитъ замужъ, но что онъ можетъ еще поспѣть къ вѣнчанію или же къ свадебному пиру. Яннакосъ торопитъ коня, встрѣчаетъ далѣе мать свою подъ видомъ монахини; она сообщаетъ ему тоже самое, что слышалъ онъ уже отъ отца. Всадникъ несется впередъ; конь его, достигнувъ дома, гдѣ совершалась свадьба, заржалъ; невѣста прерываетъ вѣнчаніе крикомъ, „мой мужъ возвратился“. Супруги бросаются другъ къ другу въ объятія и падаютъ мертвыми на землю. На ихъ могилахъ выросли кипарисъ и лимонное дерево, какъ бы въ поцѣлуѣ переплетшіяся своими вѣтвями“.

Нѣсколько иначе развивается „Ἄσμα Γ'αύνου Μορό-γ'αυνου“, помѣщенная въ томъ же сборникѣ (№ 5, стр. 14):

„На третій день своей свадьбы Яннисъ пускается въ путь, думая пробить въ отсутствіи тридцать дней, но возвращается лишь спустя тридцать лѣтъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что никто не пускаетъ его въ домъ. Между тѣмъ жену его, оставшуюся дома, собирались выдать замужъ вторично:

„ἡ κάλη τοῦ ἐν' ποῦ μένει καὶ τώρα τὴν ἀρμάζουν“.

Въ день свадьбы отецъ Янниса идетъ въ виноградникъ и молить Господа, чтобы сынъ вернулся. Тотъ дѣйствительно является и узнаетъ отъ отца, что, если поспѣшить, то можетъ прибыть къ свадебному пиру. Яннисъ торопитъ коня, на половинѣ дороги конь заржалъ и невѣста говоритъ, что это должно быть ржетъ конь, принадлежащій ихъ дому. Когда всадникъ появился предъ воротами, она снова заявляетъ, что если это чужой, пусть проѣзжаетъ мимо, а если это кто-либо изъ ея братьевъ, пусть вѣзжаетъ во дворъ. Пріѣзжій называетъ себя хозяиномъ этого дома и требуетъ, чтобы черноокая красавица открыла ему ворота. Она согласна это сдѣлать лишь тогда, когда онъ назоветъ нѣкоторые признаки какъ дома, такъ и хозяйки. Онъ указываетъ на золотую яблоню, растущую на дворѣ и на длинныя косы хозяйки“. На этомъ обрывается пѣсня, концомъ своимъ примыкающая къ обширному

кругу нѣсколько иныхъ пѣсень, весьма распространенныхъ въ европейской поэзіи, въ которыхъ тоже повѣствуется о возвращеніи мужа, признаваемого женой лишь въ томъ случаѣ, когда онъ называетъ разные предметы въ домѣ и указываетъ извѣстные примѣты на тѣлѣ жены ¹⁾).

Въ пѣснѣ „Ἡ Αἰχμαλωσία“ въ сборникѣ Пассова ²⁾ нѣкоторые моменты дѣйствія передаются точнѣе и ближе къ содержанию славянскихъ пѣсень. Такъ о предстоящей свадьбѣ своей жены мужъ узнаетъ изъ полученныхъ имъ писемъ; возвращаясь домой, онъ встрѣчаетъ своего отца въ саду за работою; подавая вино прибывшему, жена всматривается въ него и лишь тогда узнаетъ въ немъ своего мужа.

Въ вышеизложенной эпирской пѣснѣ изъ сборника Хасіотиса (№ 27) отсутствующій мужъ находится въ плѣну у какого-то царя, который естественнѣе, чѣмъ капитанъ корабля, являющійся по другимъ греческимъ вариантамъ обладателемъ невольника, могъ предоставить плѣннику кося для возвращенія на родину; встрѣтившіеся супруги, по этой пѣснѣ, остаются въ живыхъ, какъ обыкновенно и рассказывается въ соотвѣтствующихъ пѣсняхъ западно-европейскихъ и южно-славянскихъ, а потому такая редакція греческихъ пѣсень, какую находимъ у Хасіотиса, представляется намъ болѣе первичной, чѣмъ тѣ, въ которыхъ дѣйствіе переносится на корабль и оканчивается трагическимъ исходомъ.

Пѣсня „Ἡ ἀναγνώρισις“ изъ сборника Кинда ³⁾ передаетъ ту же тему, но съ удержаніемъ въ своей разработкѣ такихъ чертъ, съ какими мы встрѣчаемся какъ въ славянскихъ пѣсняхъ о похищеніи жены героя, такъ и въ романскихъ пѣс-

¹⁾ Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 212. Соотвѣтствующая пѣсня греческая изъ Эпира въ сборникѣ Хасіотиса, № 28, стр. 89.

²⁾ Passow, Popularia carmina, № 449, стр. 329; Tommaseo, Canti popolari venetiani, IV, 152; Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα. 1870—72, I, 86, № 20; 85, № 19.

³⁾ Kind, Anthologie neugriechischer Volkslieder. 1861, стр. 126, V.

няхъ, какъ напр. романсы о „Bella Infanta“. Всѣ такія отдѣльныя черты въ содержаніи греческихъ пѣсней служатъ неопровержимымъ доказательствомъ ихъ родства съ одной стороны со славянскими, съ другой съ романскими произведеніями.

Указанная пѣсня изъ сборника Кинда развивается въ слѣдующемъ видѣ:

„Я выѣхалъ верхомъ и съ собаками, встрѣтилъ дѣвушку, она мыла бѣлье и на мой привѣтъ ничего не отвѣтила. Я попросилъ у нея напиться и напоить моихъ собакъ и коня. Когда она поила ихъ, я замѣтилъ, что она плачетъ“. Оказывается, что мужъ ея ушелъ на чужбину вотъ уже *девять лѣтъ*; три года будетъ она ждать его, еще пять лѣтъ поджидать, а потомъ сдѣлается монахиней и постройтъ въ горахъ монастырь. „Мужъ твой умеръ, говоритъ всадникъ; я самъ заплатилъ священникамъ за похороны, устроилъ поминальную трапезу и далъ ему прощальный поцѣлуй. Возвратишь-ли ты мнѣ все это? Расходы она согласна возратить вдвойнѣ, въ поцѣлуй отказывается. Тогда мужъ открывается ей, но она требуетъ отъ него указанія признаковъ ихъ дома. Когда онъ опредѣляетъ таковыя, она говоритъ, что быть можетъ злой сосѣдъ сообщилъ ему объ нихъ, а потому она вновь требуетъ, чтобы онъ опредѣлилъ примѣты на ея тѣлѣ. Когда онъ указалъ, что на груди и на шеѣ у нея есть родинки и что на груди она носитъ портретъ своего мужа, она признаетъ его“.

Пѣсни тождественнаго содержанія довольно обычны въ греческой поэзіи и распространенность ихъ среди грековъ какъ на европейскомъ материкѣ и островахъ, такъ и въ Малой Азіи подтверждается тѣмъ, что онѣ встрѣчаются во многихъ сборникахъ ново-греческихъ пѣсней: Passow, № 441—447; Marcellus, Chants pop. de la Grèce, стр. 155—163; Fauriel, II, 422; Χαρίτων, № 28, стр. 89; P. de Lagarde, Neugriechisches aus Klein-Asien, № 31, 35.

Пѣсня „Н'Αρπαγή“ изъ сборника Форіэля ¹⁾ подобно то-

¹⁾ Fauriel, Chants pop. de la Grèce moderne. 1825, II, стр.

му, какъ это наблюдали мы и въ сербской поэзіи, въ пѣсняхъ о похищеніи жены Краевича Марка, о чемъ рѣчь была выше, приносить въ нашу тему подробности изъ разработки другого мотива, повѣствующаго о похищеніи жены героя въ его отсутствіе и о слѣдующей затѣмъ встрѣчѣ супруговъ. Пѣсня эта такого содержанія:

„Когда я сидѣлъ и закусывалъ за мраморнымъ столомъ, мой вороной конь заржалъ и сабля затрещала; я догадался, что мою милую выдаютъ за другого, Поднявшись, я пошелъ къ своимъ лошадямъ и сказалъ, кто изъ васъ съ быстротою молніи можетъ перенести меня? Старый израненный конь изъ любви къ своей госпожѣ, которая его холила, берется перенести героя. „Обвяжи свою голову покрѣпче платкомъ въ девять локтей и берегись пускать въ ходъ шпоры, а то разлетится твой мозгъ по полямъ“, говоритъ конь своему господину, и несетъ его съ быстротою молніи. Въ своемъ виноградникѣ герой находитъ своего отца, рѣжущаго лозы; въ саду встрѣчаетъ мать, поливающую растенія; оба они подтверждаютъ его догадку, и совѣтуютъ ему спѣшить. Приближаясь къ дому, гдѣ была свадьба, конь заржалъ и жена узнала своего мужа. Она выноситъ ему кубокъ вина, садится къ нему на коня, который уноситъ ихъ, какъ вихрь. Турки напрасно пытались преслѣдовать ихъ“.

Пѣсня изъ Малой Азіи въ сборникѣ Лагарда ¹⁾, озаглавленная „Ο σκλάβος“, служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа въ своей традиціонной передачѣ, усвоенной поэзіей южно-славянской, албанской и ново-греческой, въ греческой редакціи, хотя неполной и, очевидно, запутанной, занесенъ далеко на востокъ. Пѣсня эта такова:

140; Passow, *Popularia carmina*, № 439; Ζαμπέλιος, Ἰστορικὰ δημοτικὰ τῆς Ἑλλάδος. 1852, 724, 9.

¹⁾ P. de Lagarde, *Neugriechisches aus Klein-Asien*. 1886, стр. 33, № 33.

„Невольникъ застоналъ, и остановился фрегатъ. Невольника спрашиваютъ о причинѣ его горя и, повидимому, какъ въ випрской редакціи, для полученія свободы ему предлагаютъ пропѣть пѣсню, ибо онъ замѣчаетъ: „много разъ пѣлъ я, а свободы все-таки не получилъ“. Затѣмъ его спрашиваютъ, не желаетъ-ли онъ пить или ѣсть, или не нуждается-ли онъ въ платьѣ. Ничего этого ему не нужно, но онъ вспомнилъ про свою жену, которую оставилъ на второй день свадьбы; самъ онъ вотъ уже двѣнадцать лѣтъ въ неволѣ, а жену его собираются выдать замужъ за другого. Тогда ему даютъ коня, онъ мчится домой, по дорогѣ встрѣчаетъ отца, съ горя по сынѣ вырубавшаго виноградникъ; отецъ подтверждаетъ, что на самомъ дѣлѣ жена его выходитъ замужъ. Далѣе онъ встрѣчаетъ мать, мывшую бѣлье, и, наконецъ, прибываетъ во времени свадьбы жены. Женихъ хочетъ самъ подать вина пріѣзжему, но тотъ желаетъ пить лишь изъ руки невѣсты. Когда та поднесла ему кубокъ съ виномъ, онъ опустилъ въ кубокъ свое кольцо, и жена признала его“.

Ознакомившись съ содержаніемъ ново-греческихъ пѣсень изучаемаго круга, мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя обобщенія. Греческія пѣсни, какъ видимъ, довольно смутно сохранили воспоминаніе о традиціонной формѣ, въ какую отлилось въ средневѣковой европейской поэзіи содержаніе темы о внезапномъ возвращеніи мужа. Тѣмъ не менѣе и въ нихъ мы находимъ кромѣ самой основы нашей темы нѣкоторыя черты въ ея обработкѣ, благодаря которымъ греческія пѣсни обнаруживаютъ свое родство съ одной стороны со славянскими, съ другой съ западно-европейскими версіями того-же сказанія. Такъ, въ нихъ отбѣняется, что мужъ оставляетъ жену вскорѣ послѣ свадьбы, обыкновенно на третій день; его долгое отсутствіе объясняется тѣмъ, что онъ попадаетъ въ плѣнъ; жена ждетъ его возвращенія десять, двѣнадцать и даже тридцать лѣтъ; о предстоящемъ замужествѣ жены мужъ узнаетъ по одной версіи чрезъ письма; возвращается онъ хотя и на конѣ, но необычайно быстро; по дорогѣ встрѣчаетъ то отца и мать, то одного отца, которые и подтверждаютъ, что свадьба жены его устраивается и что ему надо спѣшить; онъ успѣваетъ при-

быть къ свадебному пиру, но тутъ лишь въ двухъ вариантахъ упоминается, что жена подноситъ ему чашу съ виномъ, и лишь въ двухъ кольцо служить средствомъ признанія, во всѣхъ же остальныхъ признаніе происходитъ не такъ, какъ это разсказывается въ пѣсняхъ нашего круга, но такъ, какъ объ этомъ повѣствуютъ пѣсни нѣсколько иной категоріи, требующія отъ мужа указанія разныхъ примѣтъ дома и жены. Хотя, такимъ образомъ, и не всѣ черты традиціонной передачи нашей темы удержались въ греческихъ пѣсняхъ, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ нихъ отпрыска тѣхъ средневѣковыхъ европейскихъ сказаній, съ которыми мы познакомились выше. Но тутъ возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи греческія пѣсни стоятъ къ европейскимъ обработкамъ той же темы? Ведутъ ли они свое происхожденіе непосредственно отъ европейскаго оригинала или же онѣ явились отраженіемъ его чрезъ посредство иной какой-либо среды?

Прежде чѣмъ отвѣтить на первый вопросъ, припомнимъ, что греческія редакціи, какъ и редакція албанская, сливаются съ пѣснями южно-славянскими не только чертами, которыя могли бы перейти въ нихъ изъ общаго первоисточника, но и такими подробностями слага, которыя присущи лишь пѣснямъ балканскихъ народовъ и которыя отсутствуютъ въ извѣстныхъ намъ европейскихъ пересказахъ той же темы.

Изъ такихъ подробностей, присущихъ пѣснямъ южно-славянскимъ, албанскимъ и греческимъ, отмѣтимъ слѣдующія:

- а) отсутствіе мужа мотивируется въ греческихъ пѣсняхъ исключительно плѣномъ героя; въ болгарскихъ и сербскихъ пѣсняхъ наряду съ плѣномъ играетъ ту же роль царская служба; въ албанскихъ говорится только о царской службѣ;
- б) во всѣхъ этихъ пѣсняхъ мужъ отсутствуетъ обыкновенно девять лѣтъ, въ западныхъ сказаніяхъ обыкновенно семь лѣтъ;
- в) о предстоящемъ замужествѣ жены герой догадывается обыкновенно вслѣдствіе дурного сновидѣнія или же по увядшимъ цвѣтамъ, одинъ разъ

береговъ Дуная. На дорогѣ я встрѣтилъ своего отца, и спрашиваю: „что обозначаютъ звуки барабана, раздающіеся въ деревнѣ?“ „Ахъ, отвѣчаетъ старикъ, у меня былъ сынъ, какъ ты, и вотъ сегодня его невѣста выходитъ замужъ“. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ свою мать и свою сестру и отъ нихъ получаетъ тотъ же отвѣтъ. Онъ спѣшитъ въ домъ, гдѣ была свадьба, его приглашаютъ занять мѣсто, онъ отказывается, говоря, что пришелъ не для того, чтобы сидѣть, но чтобы дарить невѣсту подарками и просить вывести ее изъ дому. Онъ подаетъ ей обручальное кольцо, та узнаетъ его, вскакиваетъ къ нему на коня и уѣзжаетъ съ нимъ“.

Въ другой пѣснѣ упоминается о томъ, что молодой человѣкъ былъ въ отсутствіи 12 лѣтъ; въ дальнѣйшемъ развитіи пѣсни нѣтъ отелоненій отъ первой, лишь въ концѣ невѣста, узнавъ своего жениха, проситъ гостей оставить ея домъ.

Приведенные румынскіе варианты не даютъ какихъ-либо новыхъ данныхъ, могущихъ измѣнить высказанный уже мною взглядъ на тѣсную зависимость ихъ отъ пѣсенъ болгарскихъ либо греческихъ; другіе румынскіе источники мнѣ не извѣстны.

20.

Велинорусскія былины.

Поэтическій мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены нашелъ свое выраженіе и въ русскихъ былинахъ ¹⁾, соединяющихъ его обыкновенно съ име-

---

¹⁾ Кирша Даниловъ, Древнія російскія стихотворенія, М. 1818, 12; въ изд. Суворина—Дешевая бібліотека—, стр. 1. Кирѣевскій, Пѣсни, II, 30. Рыбниковъ, Пѣсни, I, 129—172; II, 14—33; III, 17. Гильфердингъ, Онежскія былины: 24 варианта подъ заглавіемъ „Добрыня и Алеша“, одинъ вар. подъ заглавіемъ „Добры-

немъ Добрыни Никитича и иногда съ именемъ Соловья Будиміровича. Разсматривая всѣ записанные варианты соотвѣствующихъ былинъ, нельзя не замѣтить, что онѣ являются передачей собственно одной основной редакціи, которую отдѣльные пѣвцы удерживаютъ съ большей или меньшей точностью и полнотою, иной разъ слегка видоизмѣняя и дополняя по преимуществу въ запѣвѣ. Вчитываясь въ былины, легко усмотрѣть, что тѣ изъ нихъ, которыя связаны съ именемъ Добрыни, сохранили больше архаическихъ чертъ нашего сказанія, чѣмъ былины про Соловья Будиміровича и Запаву Путятичу (Кирша Даниловъ, 12), хотя этой послѣдней и принадлежить первенство по времени записанія.

Изъ всѣхъ былинъ про Добрыню, передающихъ нашъ мотивъ, наиболѣе полными представляются №№ 149 и 215 у Гильфердинга и у Рыбникова I, № 25 и 27; II, № 7. Оставляя въ сторонѣ случайные запѣвы, не имѣющіе существеннаго значенія для дальнѣйшаго развитія дѣйствія, мы можемъ выдѣлить основу сказанія, передавая содержаніе былинъ слѣдующими характерными чертами.

„Собираясь въ далекій путь по приказу-ли князя Владиміра или по другимъ, ближайшимъ образомъ неопредѣляемымъ причинамъ, сѣдлаетъ Добрыня своего добраго коня, беретъ запасной одежды на двѣнадцать лѣтъ (Рыб. I, 151), прощается со своею матерью Амельфой Тимоѣевной и женою Настасьею Мивуличной. Послѣдняя спрашиваетъ мужа, когда ей ждать его возвращенія? Онъ приказываетъ женѣ ждать его девять лѣтъ или три года и еще три года, всего шесть годовъ (12 лѣтъ — Кир. II, 7; три года — *ibid.* II, 11; девять лѣтъ — Лѣтоп. Тихонр.: Костомаровъ, IV, отд. II, 8), а затѣмъ говорить (Гильф. 1018):

„Пройдетъ девять лѣтъ Добрыни во чистомъ во полѣ,
А не будутъ къ тебѣ письма и грамоты.
Какъ не будутъ ерлыки скорописчаты“.

ня и Василій Казиміровичъ“. Ровинскій, Русскія картинки, IV, 85—90; Лѣтописи Тихонравова: Костомаровъ, IV (1862), отд. II.

Или: „Когда прибѣжитъ мой богатырскій конь на вашъ вдовій дворъ и когда прилетитъ голубь со голубкою въ мой зеленый садъ и станутъ „погуривать“, что Добрыня убить лежитъ въ чистомъ полѣ (Рыбн. I, 152—3), тогда вольна ты выйти замужъ, за кого захочешь, только не за Алешу Поповича“.

Стала ждать Настасья Добрыню. Между тѣмъ онъ стоитъ три года подъ Царемъ-градомъ, три года стоитъ подъ Іерусалимомъ, двѣнадцать лѣтъ находится въ разѣздахъ, проходитъ и восемнадцать лѣтъ послѣ его отъѣзда (Гильф. 1018). Износилось на Добрынь „цвѣтно платице“ и надѣлъ онъ платье звѣриное и шапочку звѣриную, „отрослись волосы жолтые чрезъ двѣнадцать годовиковъ длинныхъ“ (Рыбн. II, стр. 29). Тутъ Алешенька догадливъ былъ, осѣдлалъ своего коня, обѣхалъ по задворкамъ и вернулся назадъ къ Владимиру съ вѣстью, будто видѣлъ онъ въ чистомъ полѣ убитаго Добрыню; иной разъ Алеша сообщаетъ, что нашелъ и золотой перстень Добрыни (Рыб. II, 18); иной разъ такое сообщеніе дѣлаетъ самъ Владиміръ (Гильф. 352), посылающій письмо съ такою вѣстью къ матери Добрыни (Гильф. 607). Алеша проситъ Владимира помочь ему высватать Настасью Микуличну и „тутъ на силушку Владиміръ приневолилъ ей идти“ за Алешеньку. Когда сталъ Владиміръ Настасью Микуличну посватывать, отвѣчала она ему: „я исполнила заповѣдь мужнюю, — я ждала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ, а теперь исполню заповѣдь свою женскую и прожду Добрыню другіе шесть годовъ“ (Рыбн. I, 132).

Добрыня все таки не возвратился. Уступая настоянію князя Владимира, Настасья рѣшается выйти замужъ за Алешу Поповича: въ пятницу у нихъ было сватовство, въ субботу рукобитье, въ воскресенье будетъ свадьба. Выѣзжаетъ въ чистое поле Илья Муромецъ и встрѣчаетъ Добрыню. Добрыня спрашиваетъ, все-ли у насъ въ Кіевѣ по старому, все-ли у насъ въ Кіевѣ по прежнему? Илья сообщаетъ ему, что какъ разъ сегодня жена его будетъ справлять свою свадьбу съ Алешей и что ее принудилъ къ этому князь Владиміръ (Гильферд. 1019). Иной разъ Добрыня оказывается въ этотъ моментъ

у Царя-града (Рыбн. I, 132), подъ нимъ конь спотыкается и провѣщаетъ человѣческимъ голосомъ: Настасья Микулична идетъ замужъ за Алешу, пиръ у нихъ идетъ уже третій день, сегодня имъ идти въ церковь Божью принимать по злату вѣнцу. Ту же вѣсть иной разъ рассказываетъ голубъ своей голубкѣ и Добрыня подслушиваетъ ихъ (Рыбн. III, 87); иной разъ вѣсть эту приноситъ Добрыни воронъ (Кир. III, 123) или служаночка его, которая прилетаетъ къ нему, обратившись въ волпиду (Гильф. 177); иной разъ мать Добрыни посылаетъ въ заморское царство голубя со голубушкой сообщить сыну, что жену его увели ко св. вѣнцу съ Алешей Поповичемъ (Рыб. II, 18); иной разъ Добрыня узнаетъ объ этомъ отъ калики перехожаго (Гильф. 146).

Добрыни не досугъ мѣшкать; онъ бьетъ своего коня, конь мчится, перескакивая съ горы на гору, съ холма на холмы, пуская про между ногъ рѣки, озера и широкія раздолья. Иной разъ при этомъ случаѣ Добрыня говоритъ своему коню: ты несъ меня сюда (въ Литву поганую — Гильф. 607) три года, перенеси теперь меня домой въ столичный Кіевъ градъ въ три дня. Конь несется прямо къ городу Кіеву, вѣзжается не воротами, но перескакиваетъ черезъ городскую стѣну (Гильф. 754); Добрыня подѣзжаетъ прямо къ палатамъ своей матери. Онъ не спрашиваетъ приворотниковъ и придверниковъ, всѣхъ ихъ взашей прочь отталкиваетъ и смѣло проходитъ въ палаты. Придверники и приворотники жалуются на Добрыню его матери Мамелѣ Тимоѣевнѣ и та, не узнавъ сына, сѣтуетъ, говоря, что если бы живъ былъ ея сынъ, молодой Добрыня Никитичъ, не далъ бы онъ теперь ее въ обиду. Добрыня не открывается матери, но выдаетъ себя за побратима Добрыни и рассказываетъ, будто онъ вчера видѣлъ Добрыню и будто послѣдній поѣхалъ къ Царь-граду, а ему поручилъ провѣдать про его семью милую. Иной разъ Добрыня открывается матери, показывая ей знаменку (родинку) на правой ногѣ (Кир. II, 16); подъ правой пазухой (Рыбн. II, 29); бороздинку на лицѣ (Гильф. 1305); три знамени на правой щекѣ (Гильф. 1020) или рубецъ на головѣ (Гильф. 249); тутъ мать при-

знает сына и подтверждает, что Настасья, дѣйствительно, выходитъ замужъ за Алешу и что въ этотъ часъ они играютъ свадьбу. Добрыня переодѣвается скоморохомъ, беретъ гусли и подорожную шалыгу и идетъ на свадебный пиръ (подъ видомъ калики — Кир. II, 13; накрутился каликой — Рыб. I, 12). Иной разъ Добрыня, узнавъ отъ встрѣтившагося съ нимъ въ пути калики о свадьбѣ жены, беретъ у него его „каличье платье черное“ и его „клюку желѣзную“ и въ такомъ видѣ идетъ въ домъ матери (Гильф. 146). Бездокладно идетъ онъ въ княженицкія палаты, не спрашивая приворотниковъ и придверниковъ, но всѣхъ ихъ взаимей отталкивая. Тѣ жалуются князю Владиміру; не давая князю объясненій по этому поводу, скоморохъ проситъ указать ему мѣсто „скоморошеское“, и ему указываютъ таковое на печкѣ на муравленой, на запечкѣ. Помѣстившись тамъ, Добрыня играетъ; иной разъ онъ наигрываетъ пѣсню: „лежали де гусельки краду шесть лѣтъ, да еще три года, да еще годъ, а на десятомъ играть стали“, — и еще другую пѣсню: „гдѣ это видано да слыхано, отъ жива мужа замужъ идти“ (Кир. II, 7); слушая его, всѣ удивлены, и князь приглашаетъ его за дубовый столъ сѣсть, гдѣ онъ самъ захочетъ. Добрыня садится на свамеечѣхъ супротивъ княжны обрученной, супротивъ жены своей. Тутъ онъ говоритъ князю Владиміру: „пустъ-ко Алешина молодая жена поднесетъ мнѣ чару зелена вина“ (Гильф. 1096). Выпивъ поднесенную ему Настасьей чару, онъ въ свою очередь наливаетъ другую для молодой. Иной разъ онъ прямо проситъ позволенія у князя Владиміра налить чару зелена вина и поднести ее, кому пожелаетъ; въ чару онъ опускаетъ свой „золоченъ перстень“, подноситъ чару Настасьѣ Милуличнѣ: „выпей, говоритъ онъ, чару до дна, а не выпьешь до дна, не увидишь добра“. Выпила Настасья чару до дна, видитъ на днѣ ея перстень, которымъ обручалась она съ Добрыней; говоритъ она Владиміру: „не тотъ мнѣ мужъ, который подлѣ меня, а тотъ, что супротивъ меня“. Вставала тутъ Настасья на рѣзвыя ноги, „скочила черезъ ты столы да дубовые“ (Рыб. II, 32), пала на грудь молодому Добрынь Никитичу. Иной

разъ она кричитъ: „прямо скочу, обезчещу столы“ (Кир. II, 14). Добрыня выводитъ изъ-за убранныхъ столовъ Настасью и говоритъ: „не дивлюсь я женщинѣ, ибо у женщины волосъ дологъ да умъ коротокъ, а дивлюсь князю Владимиру, что онъ силой выдаетъ чужихъ женъ, и названому брату Алешѣ Поповичу: вчера прошла круглая недѣля, какъ мы видѣлись съ нимъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ назвался моимъ меньшимъ братомъ, а теперь увелъ у меня жену; если бы не былъ Алеша мой крестовый братъ, столько бы онъ и живъ бывалъ“. Добрыня простилъ бы Алешѣ, что онъ посидѣлъ возлѣ Настасьи, но не можетъ простить ему, что привезъ онъ ложное извѣстіе объ его смерти и тѣмъ причинилъ горе государынѣ родной матушкѣ. Схватилъ тутъ Добрыня Алешу за желтые еудри, выдернулъ его черезъ дубовый столъ, бросилъ на кирпичный полъ и началъ его шалыгой охаживать. Взялъ Добрыня свою молодую Настасью Миклушну и пошелъ къ родной матушкѣ, гдѣ счастливо жилъ со своей женой. Пристыженный же Алеша ушелъ въ чужую дальнюю сторону (Рыб. II, 33); иной разъ онъ поступаетъ въ монастырь (Гильф. 1097).

Въ роли Добрыни, внезапно возвращающагося ко времени свадьбы своей жены, иной разъ оказывается Соловей Будиміровичъ (Кирша Даниловъ, М. 1818, 12), хотя въ большинствѣ случаевъ былины про этого героя повѣствуютъ о романической встрѣчѣ его съ племянницей Владимира, о сватовствѣ и о женидбѣ его на ней. Основанныя на совершенно иномъ повѣствовательномъ мотивѣ ¹⁾, былины про Соловья Будиміровича однимъ изъ своихъ вариантовъ совершенно случайно притянули къ себѣ сказаніе, неизмѣнно связываемое съ именемъ Добрыни Никитича. Постоянство, съ какимъ это послѣднее передается въ значительномъ числѣ былинныхъ пересказовъ, можетъ служить доводомъ въ пользу того предположенія, что на русской почвѣ тема наша изначально соединялась съ именемъ Добрыни Никитича и Алеши Поповича, а не Соловья

---

¹⁾ Халанскій, Ор. cit., II, стр. 327; Вс. Миллеръ, Очерки рус. народной словесности. М. 1897, стр. 201—220.

Будиміровича, какъ это принимаетъ г. Ровинскій ¹⁾ и проф. Сумцовъ ²⁾. Помимо устойчивости имени Добрыни въ пользу первичности былинъ съ его именемъ говоритъ также и то обстоятельство, что въ этихъ послѣднихъ удержалось наибольшее число архаическихъ чертъ, которыми русскія обработки нашего сказанія роднятся съ соотвѣтствующими воспроизведеніями нашей темы въ поэзій западно-европейской и въ поэзій славянскихъ народовъ. Между тѣмъ былина про Соловья Будиміровича, пританувшая къ себѣ наше сказаніе, такія черты забываетъ почти цѣликомъ. По этой былинѣ наша тема передается въ такомъ видѣ:

Пріѣхавъ на корабляхъ въ Кіевъ, Соловей Будиміровичъ строитъ себѣ чудный теремъ, куда и приходитъ къ нему сама Завава Путатична, племянница князя Владиміра; она предлагаетъ себя въ жены заѣзжему гостю; онъ соблазняетъ красавицу и они мѣняются кольцами. Но мать Соловья не довольна этимъ; она посылаетъ сына за море поторговать и поразжиться. Между тѣмъ голый Щапъ Давидъ *Поповъ* сообщаетъ Владиміру, будто онъ слышалъ и видѣлъ, что Соловей Будиміровичъ попалъ въ тюрьму у заморскаго царя и что всѣ его корабли отобраны. Тогда Владиміръ рѣшаетъ отдать Зававу за Давида *Попова*. Уже сыграли свадьбу, идетъ пиръ, какъ вдругъ является Соловей. „Вотъ мой прежній обрученный женихъ, кричитъ Завава, пустите меня къ нему, не то:

„Прямо, сударь, скачу — обезчещу столы!“

Если въ изложенной былинѣ мѣсто Добрыни занялъ Соловей Будиміровичъ, то его соперникомъ оказывается голый Щапъ Давидъ *Поповъ*, несомнѣнно указывающій однимъ изъ своихъ прозвищъ на Алешу Поповича, которому обыкновенно приписывается соотвѣтствующая роль. Отсюда ясно, что нѣвецъ былинны о Соловѣ Будиміровичѣ привлекъ къ своей по-

---

¹⁾ Русскія картинки, IV, стр. 89.

²⁾ Этнограф. обзор. 1893, № 4, стр. 21.

вѣствовательной темѣ рассказъ, заимствованный имъ изъ сказанія про Добрыню и Алешу Поповича.

Но если наша тема въ русскихъ ея воспроизведеніяхъ постоянно соединяется съ именемъ Добрыни, то не вытекаетъ ли это изъ того обстоятельства, что польскіе варианты того же сказанія, какъ мы видѣли выше, съ замѣтнымъ постоянствомъ приписываютъ соответствующее приключеніе пану Домбровѣ? Близость именъ—Домброва и Добрыня невольно бросается въ глаза и на нее обратилъ уже вниманіе проф. Сумцовъ ¹⁾. Но не только близостью именъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ польскіе варианты совпадаютъ съ русскими былинами; въ нихъ можно отмѣтить еще такія черты сходства: а) возвратившійся мужъ подъ видомъ музыканта помѣщается на свадебномъ пирѣ сперва у печки, и затѣмъ лишь приближается къ столу; б) жена узнаетъ мужа и прыгаетъ къ нему черезъ столъ или черезъ столы. Подробности эти встрѣчаются лишь въ пѣсняхъ западныхъ славянъ, какъ моравская и польскія, и въ тоже время въ русскихъ былинахъ, и это обстоятельство въ связи съ близостью именъ Домбровы и Добрыни придаетъ нѣкоторую вѣроятность предположенію, что русскія былины про Добрыню и Алешу сложились не безъ извѣстнаго вліянія польскихъ¹ версій даннаго сказанія. Очень можетъ быть, что, благодаря такому вліянію, русскій обработчикъ нашей темы приервнилъ ее къ имени Добрыни, съ которымъ она и передается до нашихъ дней въ устно-поэтической традиціи.

Придавая извѣстную долю вѣроятности высказанному предположенію, мы должны придти къ заключенію, что былины про Добрыню и Алешу возникли первоначально въ юго-западной Руси, въ Кіевской области, гдѣ, какъ извѣстно, польское

---

¹⁾ Этнограф. Обоз. 1893, № 4, стр. 14. Въ этомъ случаѣ проф. Сумцовъ говоритъ: „Въ польскихъ вариантахъ мужъ носитъ названіе Яся, въ одномъ вариантѣ „pan Dumbrova“ (Kozłowski, Lud, 36), что похоже на перегласовку Добрыни.“ Если я правильно понимаю сказанное, то проф. Сумцовъ, повидимому, желалъ сказать, что герой польскихъ пѣсенъ названъ Думбровой подъ воздѣйствіемъ имени Добрыни.

культурное вліаніе встрѣчалось съ древне-русскими просвѣдательными началами, благодаря которымъ возможно было созданіе такого ранняго и въ то же время ерупнаго литературнаго произведенія, какъ слово о полку Игоревѣ и которые гораздо позднѣе въ XVI и XVII вѣкахъ при замѣтномъ участіи западныхъ просвѣдательныхъ теченій проявились въ литературѣ и поэзіи юго-западной Руси.

Участіе уроженцевъ юго-западной Руси въ созданіи по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ былинъ, сохранившихся до нашихъ дней на сѣверѣ Россіи, можетъ быть подтверждено тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣйствіе въ такихъ былинахъ приурочивается къ мѣстамъ юго-западной Россіи, какъ земля Подольская, Волинская, какъ область Киевская и Черниговская, или какъ Литва, а также и тѣмъ, что дѣйствіе въ нихъ переносится иной разъ въ Польшу и въ Краковъ ¹⁾).

Помимо географическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о связи нѣкоторыхъ былинъ съ югомъ Россіи, имена нѣкоторыхъ былинныхъ героевъ также указываютъ на южное ихъ происхождение, гдѣ возможно было польское вліаніе, отражающееся въ нихъ. Такъ сподвижникъ Добрыни Василій Казимировичъ (Гильф. 480) носить отчество не русскаго, но польскаго происхожденія; другой его товарищъ по приключеніямъ Иванъ Дубровичъ (Ibid.) прямо совпадаетъ своимъ именемъ съ помянутымъ героемъ польскихъ пѣсенъ Домбровой или Думбровой, или Домбровскимъ, именуемымъ въ тѣхъ же пѣсняхъ Ясемъ (Kolberg, Piesni, стр. 229, № 22 g, 22 в.); третій герой, иной разъ упоминаемый въ тѣхъ же былинахъ про Добрыню, Чурило Пленковичъ, повидимому, носить имя, сложившееся подъ польскимъ вліаніемъ и во всякомъ случаѣ принадлежащее извѣстному южно-русскому боярскому и въ то же время польскому шляхетскому роду.

Къ тому, что написано ²⁾ о происхожденіи этого героя,

¹⁾ Вс. Миллеръ, Очерки рус. нар. словесности. М. 1897, 97—142; Ждановъ, Ор. cit. стр. 425.

²⁾ Вс. Миллеръ, Ор. cit. стр. 120, 187; здѣсь указана литература вопроса.

прибавлю еще слѣдующее, относящееся къ польско-шляхетскому роду „Czuryło“. Родъ этотъ ведетъ начало, какъ говорить Несѣцкій ¹⁾, отъ Андрея Кирилла—Jędrzej Curył—, котораго простой народъ переименовалъ на русскій ладъ Чурило отъ латинско-польской формы Curył. Въ XVI столѣтїи пользовался извѣстностью Андрей Чурило, бывший сперва подкоморнымъ, а затѣмъ въ 1518 г. каштеляномъ Перемышльскимъ. Около 1570 года особенно прославился своими подвигами въ битвахъ съ турками и волохами Мартинъ Чурило, женатый на дочери Язловецкаго, гетмана и воеводы русскаго.

Весьма вѣроятно, что одинъ изъ представителей этого историческаго рода привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе своей дружиной, богатствомъ и разгуломъ, какъ это отмѣчено самостоятельной былинной про Чурилу (Гильф. 1097), которая могла или сложиться по поводу его походовъ или же могла быть перенесена на него въ готовой уже формѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что въ Кіевѣ пользовались популярностью или рассказы о дѣйствительныхъ походахъ какого-то Чурилы, или же былины о немъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ сатира Рея, польскаго писателя XVI столѣтія ²⁾, о Чурилахъ. Самъ Рей былъ родомъ изъ Подольской земли и ему, конечно, хорошо были извѣстны событія изъ жизни тогдашняго Кіева, а потому свидѣтельство его о Чурилахъ представляетъ для насъ несомнѣнный интересъ. Въ своей сатирѣ „Czuryłowie“ онъ выражается такъ:

„Czuryło jakiś gamrat był sławny w Kijowie,
Lecz zda mi się, nie jego to dziś potomkowie;
Rychlejby je wyciągnął do czego inszego,
Ale, panie Wenusku, ty nie masz nic z tego“....

т. е. былъ извѣстенъ въ Кіевѣ какой-то разгульный Чурило

---

¹⁾ Niesieckiego Herbarz polski, 1839, III, стр. 275.

²⁾ М. Reja Zwierzyniec. 1562 г. Въ изд. Краковской Акад. наукъ 1895, стр. 137, LXIX.

(gamrat—кутило, волокита, гуляка), но мнѣ кажется, что нынѣшніе Чурилы не его потомки; этихъ можно бы направить на что-либо иное, отъ чего ты, амуръ, не будешь въ выйгрышѣ. Оттѣняя такими словами черты разгула въ характерѣ какого-то извѣстнаго въ Кіевѣ Чурилы и въ тоже время какъ бы выдѣляя его изъ ряда другихъ Чурилъ польско-шляхетскаго рода, Рей, какъ мнѣ кажется, невольно подтверждаетъ фактъ существованія въ Кіевѣ въ половинѣ XVI вѣка или самихъ былинь или, по крайней мѣрѣ, наличность тѣхъ данныхъ, которые могли послужить основой для подобныхъ пѣсенъ, такъ какъ былинный Чурило вполне отвѣчаетъ характеристикѣ Чурилы въ сатирѣ Рея.

Отмѣтивъ черты польскаго вліянія на нѣкоторыя частности въ русскихъ былинахъ, указавъ на вытекающую отсюда необходимость признать за нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, былинами ихъ южно-русское происхожденіе и допустивъ возможность перенесенія мотива о внезапномъ возвращеніи мужа во времени свадьбы жены на эпическую личность Добрыни подъ вліяніемъ соотвѣствующихъ польскихъ пѣсенъ про Домброву, я не могу однако считать польскія пѣсни первотипомъ русскихъ былинь про Добрыню и Алешу. Такому предположенію, если бы оно было высказано, противорѣчитъ тотъ фактъ, что названныя русскія былины передаютъ традиціонный сюжетъ съ удержаніемъ гораздо большаго числа архаическихъ подробностей, чѣмъ сколько ихъ сохранилось въ польскихъ пѣсняхъ, которыя въ рядъ-ли потеряли бы ихъ, если бы онѣ когда-либо были имъ присущи. Въ виду этого мнѣ представляется возможнымъ допустить лишь нѣкоторое чисто внѣшнее воздѣйствіе польскихъ редакцій на русскія былины, сказавшееся въ томъ, что а) данное сказаніе въ русскомъ воспроизведеніи связалось съ именемъ Добрыни, б) что возвратившійся мужъ подъ видомъ музыканта помѣщается на свадебномъ пиру сперва у печки, или на печкѣ и лишь потомъ приближается къ столу, в) что узнавшая его жена, бросившись къ нему, перескакиваетъ черезъ столъ.

Если только что указанные подробности могли попасть въ

русскія былины изъ польскихъ пѣсенъ, то общимъ своимъ построениемъ и большинствомъ вышеотмѣченныхъ частныхъ русскія былины, какъ мнѣ кажется, обязаны южно-славянскимъ вариантамъ, въ родствѣ съ которыми стоятъ и польскія пѣсни, совпадающія общимъ своимъ планомъ и нѣкоторыми частностями съ русскими былинами, во уступающія имъ въ полнотѣ содержанія.

Однако, еслибы разница между польскими пѣснями и русскими былинами ограничивалась лишь полнотою разработки содержанія, то было бы допустимо усматривать какъ въ польскихъ пѣсняхъ, такъ и въ моравской отраженіе русскихъ былинъ; но дѣло въ томъ, что въ пѣсняхъ польскихъ, а также и въ моравской есть слѣдующія существенныя звенья разсказа, отсутствующія въ русскихъ былинахъ: а) немедленно послѣ свадьбы мужъ идетъ на войну, б) онъ оставляетъ свою малолѣтнюю жену заботамъ матери на семь лѣтъ, оставляетъ ее, повидимому, именно въ силу ея малолѣтства, какъ объ этомъ выразительно говорится въ многочисленныхъ романскихъ пѣсняхъ, съ замѣчательнымъ постоянствомъ сохраняющихъ самый срокъ разлуки супруговъ, опредѣляемый въ семь лѣтъ.

Присутствіе такихъ основныхъ звеньевъ разсказа въ польскихъ пѣсняхъ при отсутствіи ихъ въ русскихъ былинахъ устраняетъ всякую возможность говорить о вліяніи былинъ на поэзію западно-славянскую. Устраняя такимъ образомъ возможность возникновенія русскихъ былинъ на почвѣ польскихъ пѣсенъ, и наоборотъ—польско-моравскихъ пѣсенъ на основѣ былинъ, мы не можемъ объяснить бросающагося въ глаза сходства въ ихъ содержаніи и въ планѣ ихъ построенія иначе, какъ допустивъ, что тѣ и другія восходятъ къ общему первоисточнику, въ которомъ давалось не только соотвѣтствующее содержаніе, но и самый планъ изложенія его. Такимъ общимъ первоисточникомъ какъ для былинъ, такъ и для пѣсенъ западныхъ славянъ могутъ быть или пѣсни южно-славянскія, или варианты романскіе, послужившія, какъ мы видѣли, (стр. 474 и сл.) основой для южно-славянскихъ. Выставляя подобную дилемму, я имѣю въ виду то обстоятельство, что пѣсни

западныхъ славянъ, воспроизводя нашу тему въ ея упрощенномъ видѣ, близкомъ къ романскимъ версіямъ, съ удержаніемъ даже семилѣтнаго срока разлуки мужа съ женой, тогда какъ въ южно-славянской поэзіи по преимуществу говорится о девятилѣтнемъ отсутствіи мужа, съ одинаковой степенью вѣроятности могли пойти какъ отъ романскихъ пѣсенъ даннаго круга, такъ и отъ южно-славянскихъ, если не придавать особеннаго значенія такой подробности, какъ семилѣтній срокъ отсутствія мужа, не всегда, но лишь преимущественно замѣняемый девятилѣтнимъ въ южно-славянской поэзіи.

Но если польскія пѣсни съ равной степенью вѣроятности могли пойти какъ отъ романскихъ, такъ и отъ южно-славянскихъ пѣсенъ, то для русскихъ былинъ оказывается возможнымъ лишь послѣднее, ибо въ противномъ случаѣ было бы трудно объяснить, какимъ образомъ произошло то, что въ русскихъ былинахъ и въ пѣсняхъ южно-славянскихъ мы находимъ цѣлый рядъ подробностей архаическаго характера, отсутствующихъ какъ въ романскихъ пѣсняхъ, такъ и въ пѣсняхъ западныхъ славянъ. Конечно, всѣ подобнаго рода архаическія подробности могли попасть какъ въ сербскія пѣсни, такъ и въ русскія былины вполне самостоятельно изъ книжныхъ обработокъ нашего сказанія, напр., изъ новеллы Боккаччо о Торелло, или изъ Бовы, или же изъ какихъ либо нѣмецкихъ сказаній, выше нами разсмотрѣнныхъ, но при этомъ нѣкимъ образомъ не могло бы произойти того совпаденія въ планѣ, которымъ характеризуется вся группа славяно-русскихъ повѣствованій о внезапномъ возвращеніи мужа: изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ европейскихъ сказаній на данную тему лишь пѣсни романскія развиваются по аналогичному плану и эти пѣсни, какъ мы видѣли, опредѣляли собою возникновеніе южно-славянскихъ произведеній. Если поэтому въ русскихъ былинахъ мы находимъ не только планъ, принятый въ романскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ, но также и подробности, разсѣянные въ романскихъ вариантахъ, воспроизводящихъ темы о внезапномъ возвращеніи мужа (стр. 372) и о похищеніи жены героя (стр. 475), и лишь въ нѣсколько большей степени сконцентрирован-

ныя въ южно-славянскихъ пѣсняхъ на первую тему, то оказывается вполне естественнымъ придти къ заключенію, что русскія былины обязаны своимъ возникновеніемъ южно-славянскимъ пѣснямъ, откуда взять не только планъ повѣствованія, но и большинство подробностей разсказа. Воспроизводя такимъ образомъ южно-славянскую версію нашей темы, русскій обработчикъ ея, конечно, могъ внести въ ея составъ и нѣкоторые подробности изъ извѣстныхъ ему родственныхъ произведеній, въ данномъ случаѣ польскихъ, подъ влияніемъ которыхъ по аналогіи съ именемъ Домбровы самое сказаніе получило въ русской его переработкѣ прикрѣпленіе къ имени чисто русскаго эпическаго героя, Добрыни Никитича.

Придавая особенное значеніе плану, по которому разрабатываютъ свое содержаніе былины про Добрыню и Алешу, такъ какъ его построеніе важно при опредѣленіи генетическаго отношенія былинь къ другимъ извѣстнымъ намъ европейскимъ обработкамъ того же сказанія, я считаю нужнымъ нѣсколько остановиться на разсмотрѣніи этого плана сравнительно съ раньше уже отмѣченными основными звеньями южно-славянскихъ пѣсень и западно-европейскихъ сказаній.

Въ большинствѣ записанныхъ былинь про Добрыню сказаніе начинается жалобой героя на свою несчастную судьбу (Гильф. 143. 176. 579. 751. 845); жалоба въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не мотивируется, и становится понятной лишь въ нѣкоторыхъ былинахъ, изъ которыхъ узнаемъ, что тоска богатыря объясняется полученнымъ имъ отъ князя Владиміра приказаніемъ везти дани за двѣнадцать лѣтъ въ какое-то далекое царство (Гильф. 965), или же идти оберегать границы государства (Гильф. 1017), или же выступать противъ того или другого насильника (Гильф. 1258). Казалось бы, въ такого рода порученіи для богатыря не могло быть причины для огорченія или тоски его, и если она все таки выставляется почти во всѣхъ былинахъ, то, очевидно, составитель былины имѣлъ въ виду не порученіе, которымъ герой въ сущности могъ лишь гордиться, а то обстоятельство, что ему приходилось при исполненіи княжескаго порученія оставить свою

молодую жену, и вотъ поэтому онъ огорчается, проваливаетъ свою судьбу, напоминая этимъ героя одной болгарской пѣсни, Заимче, который при подобныхъ условіяхъ плачетъ (стр. 472), такъ какъ въ четвергъ только онъ женился, а въ пятницу царь потребовалъ его на войну.

Точно также и сербская пѣсня (стр. 466) начинается такимъ заявленіемъ: „Вечеромъ Марко женился, а утромъ пришло отъ царя приказаніе идти въ войско“. Черта эта сохраняется въ болгарскихъ, албанскихъ, ново-греческихъ и западно-славянскихъ пѣсняхъ; она несомнѣнно имѣлась въ виду и авторомъ русской первоначальной былины, заставившимъ богатыря роптать на судьбу при полученіи отъ князя того или иного приказанія, влекшаго за собой необходимость разстаться съ молодой женой.

Возстановляя эту подробность по сохранившимся лишь слѣдамъ ея въ былинахъ, мы въ дальнѣйшемъ ходѣ былиннаго разсказа найдемъ всѣ тѣ основныя звенья повѣствованія, какія были опредѣлены нами для сербскихъ пѣсень (стр. 467) и вообще для южно-славянскихъ:

1) Добрыня, оставляя жену, приказываетъ ей ждать его возвращенія опредѣленное время; затѣмъ она можетъ выйти замужъ, за кого захочетъ, но только не за Алешу Поповича и не за Чурилу Пленковича. Тоже самое говоритъ Марко своей женѣ, разрѣшая ей черезъ девять лѣтъ выйти замужъ за кого угодно, даже за сердаря Пилипа, который сватался къ ней уже раньше. Роль Пилипа сердаря сербской пѣсни съ нѣкоторымъ измѣненіемъ могла подать поводъ ввести въ дѣйствіе Алешу Поповича или Чурилу Пленковича.

2) Добрыня долгое время не возвращается домой, такъ какъ, исполняя княжеское порученіе, находится въ разнѣздахъ, стоитъ подъ Царемъ-градомъ и Іерусалимомъ; герои южно-славянскихъ пѣсень или воюютъ, или же попадаютъ въ плѣнъ. Послѣдняя черта вовсе отсутствуетъ въ русскихъ былинахъ, какъ и въ пѣсняхъ западныхъ славянъ.

3) Продавъ мужа условленное время, Настасья Микулична собирается выйти замужъ въ силу принужденія со сто-

роны князя Владиміра, получивъ при этомъ ложное извѣщеніе о смерти Добрыни. Тоже самое находимъ въ пѣсняхъ южныхъ славянъ, гдѣ впрочемъ послѣдняя подробность—ложное сообщеніе о смерти мужа — почти совсѣмъ забыта, отразившись лишь въ одной болгарской пѣснѣ (стр. 472), гдѣ юнакъ Бошко, возвратившись черезъ девять лѣтъ, рассказываетъ женѣ героя, что мужъ ея ей не вѣренъ, и просить ее угостить его ужиномъ. Роль Бошко даетъ намъ нѣкоторое основаніе предполагать, что ложное оповѣщеніе жены о смерти ея мужа было извѣстно и южно-славянскимъ версіямъ нашего сказанія, ибо подробность эта почти неизмѣнно сохраняется во всѣхъ западно-европейскихъ обработкахъ нашей темы, начиная съ провансальскаго романа о Раймундѣ du Bousquet, и разсказа Вассе'а о Ричардѣ Безстрашномъ, повторяясь въ такихъ произведеніяхъ, какъ новелла Боккаччо о Торелло, какъ испанскій романсъ о графѣ Дирлосѣ, гдѣ соперникъ героя Целиносъ посылаетъ женѣ Дирлоса подложныя письма, будто мужъ ея убитъ, подобно тому какъ въ одной былинѣ съ такимъ же сообщеніемъ посылаетъ письмо Настасьѣ Микуличнѣ самъ князь Владиміръ (Гильф., стр. 607), какъ пѣсня о благородномъ Мѣрингерѣ, какъ силезское сказаніе про Леутко (стр. 431). Черта эта ясно выражена въ русскихъ былинахъ, но въ пѣсняхъ западныхъ славянъ она отсутствуетъ.

Отмѣчу при этомъ случаѣ еще одну частность: когда сталъ Владиміръ сватать Настасью Микуличну за Алешу, отвѣчала она ему: „я исполнила заповѣдь мужнюю, — я ждала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ, а теперь исполню заповѣдь свою женскую и прожду Добрыню другіе шесть годовъ“. Почти тѣми же словами отвѣчаетъ въ одной испанской пѣснѣ (стр. 387) Бланкафлора своему возвратившемуся, но не узнавшему ею мужу: „семь лѣтъ ждала я его (мужа) довольная своимъ обрученіемъ съ нимъ, еще семь лѣтъ буду ждать, какъ повинутая имъ“.

4) Отсутствующій Добрыня получаетъ предупрежденіе о готовящейся свадьбѣ жены или отъ Ильи Муромца, ѣхавшаго изъ Кіева, или отъ калики перехожаго, или отъ своего коня, заговорившаго по человѣчески, или отъ голубя

съ голубкой, или отъ ворона, причемъ птицу съ такой вѣстью посылаетъ къ сыну мать. Въ пѣсняхъ южно-славянскихъ при подобныхъ обстоятельствахъ герой обыкновенно видитъ вѣщій сонъ, въ одной болгарской пѣснѣ героя предупреждаетъ объ этомъ богатырскій конь; во многихъ европейскихъ обработкахъ герой или видитъ сонъ, какъ въ провансальскомъ романѣ о Раймундѣ du Bousquet и въ испанскомъ романсѣ о графѣ Дирлосѣ, какъ въ нѣмецкой пѣснѣ о Мёрингерѣ, въ силезскомъ сказаніи о Леутко и въ сказкѣ изъ Шварцвальда о рыцарѣ Куно фонъ-Фалькенштейнѣ, или же узнаетъ отъ ангела какъ Карлъ у Эненкеля, или отъ дьявола въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ сказаній; яной разъ невѣста напоминаетъ своему жениху о наступившемъ срокѣ его возвращенія, посылая гонца къ нему, какъ въ англійскихъ сказаніяхъ о Горнѣ (стр. 325); гонецъ замѣняется пилигримомъ во французскомъ романѣ о Горнѣ (стр. 329), тогда какъ въ англійской поэмѣ о Горнѣ (стр. 331) и въ англійскихъ балладахъ о немъ же герой узнаетъ объ этомъ по потускнѣвшему камню въ кольцѣ.

Такимъ образомъ почти всегда предупрежденіе героя о предстоящемъ замужествѣ его жены или невѣсты совершается какимъ-либо необычайнымъ путемъ, причемъ русскія былины и въ этомъ случаѣ скорѣе всего примыкаютъ къ южно-славянскимъ пѣснямъ, въ которыхъ, подобно тому какъ и въ былинахъ, соотвѣтствующая роль приписывается коню (стр. 470). Что касается употребленія птицъ въ качествѣ вѣстниковъ для предупрежденія Добрыни о предстоящей свадьбѣ его жены, то по этому поводу можно замѣтить, что въ славянской поэзіи довольно обычнымъ приемомъ оказывается обращеніе къ птицамъ или съ цѣлію узнать о томъ, что происходитъ въ далекой странѣ, или при желаніи послать вѣсточку роднымъ. Такъ въ пѣснѣ у Головацкаго (ч. III, отд. II, стр. 22) находимъ такое обращеніе къ орлу:

„Ой сивый орле, высоко лѣта'шь,
Высоко лѣта'шь, далеко вида'шь,
Ци выдавъ ты, орле, корабель на морѣ?“

Въ другой пѣснѣ (Голов. I, 96) мать спрашиваетъ ворона:

„Скажи мнѣ, воронъ милый,
Чи мой сынокъ еще бѣлый?
Чи его очі ясеньки,
Та чи уста румяненко?„

Иной разъ смертельно раненый козаць (Голов. I, 100) обращается къ орлу съ словами:

„Ой, орлоньку, соколоньку!
Лети жь въ мою стороньку,
Дай же знати родинонцѣ,
И рѣднои мативонцѣ!
Но не кажи, що я вбитый,
Але кажи, що я взятий“ ...

Между прочимъ есть пѣсни, въ которыхъ обыкновенно жениха извѣщаетъ птичка о предстоящей свадьбѣ его невесты. Пѣсенка такого содержания весьма популярна въ польской поэзіи ¹⁾. Общій типъ ея таковъ:

„O ty ptaszku kregulaszku,
Wysoko latasz,
Powiedzze mi nowineczkę,
Jaka tam slychasz.
Slychalem tam nowineczkę
Nie bardzo dobra,
Już to twoją kochaneczkę
Do ślubu wiodą“.

При разсмотрѣніи пѣсень о братѣ-мертвецѣ (стр. 206, 217, 222, 225, 231) мы неоднократно наблюдали, какъ народ-

---

¹⁾ Ź. Pauli, P. l. p. w Galic. 148; Wójcicki, Pieśni I, 219, 228; II, 371; Roger, № 127 = Zbiór wiadom. do antropol. II, 48, № 27; IV, 213, № 18; IX, 174, № 2; Kolberg, Poznańskie, II, 275; IV, 64—68; Kujawy I 295, № 65; Mazowsze III, 242; IV, 268; Kieleckie I, 144, № 247—251; Lubelskie I, 264, № 424; Kozłowski, 72—74; Fedorowski, 82, № 30; Wisła VI, 862, № 22; VIII, 296, scena 12; 696, № 48; см. также: Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, 481.

ный пѣвецъ вводитъ въ дѣйствіе птичекъ, заставляя ихъ предупредить сестру о томъ, что она ѣдетъ съ мертвецомъ.

Наличность подобнаго приѣма въ общеславянской поэзіи можетъ объяснить намъ, почему и пѣвецъ былины воспользовался птичкой въ качествѣ вѣстника, извѣщающаго Добрыню о томъ, что жена его собирается выйти замужъ, тогда какъ въ западныхъ книжныхъ обработкахъ нашего сказанія ту же роль исполняетъ ангелъ, или дьяволъ, или какой-либо духъ.

5) Добрыня возвращается какъ разъ ко времени свадебнаго пира и прежде всего является въ домъ къ своей матери, которая не узнаетъ сына. Самое возвращеніе Добрыни совершается чудеснымъ образомъ: въ чужую сторону онъ ѣхалъ три года, а назадъ тотъ же путь совершаетъ въ три дня (Гильф. 248); онъ ѣхалъ въ Литву поганую три года, вернулся оттуда въ три дня (Гильф. 607); конь несъ его, перескакивая съ горы на гору, черезъ рѣки и озера, широкія раздолья между ногъ пускалъ, а въ самый Кіевъ въѣхалъ не воротами, а перескочивъ черезъ башню наугольную (Гильф. 754). Точно также въ разсказѣ Эненкеля въ три дня совершаетъ свой переѣздъ Карлъ изъ Венгріи въ Ахенъ на чудесномъ жеребенкѣ, хотя обыкновенно путь этотъ требовалъ сорокъ перегоновъ и еще пятнадцать въ придачу. Ричардъ Безстрашный въ одну ночь переносится въ св. землю и обратно во Францію въ сверхъестественной свитѣ Карла V; благодаря чарамъ некроманта Торелло во снѣ переносится въ Павію изъ Египта, а Карлъ въ поэмѣ Spagna на дьяволѣ, принявшемъ видъ коня, въ одну ночь совершаетъ путь изъ Испаніи въ Парижъ. Участіе дьявола въ перенесеніи героя на родину довольно часто примѣняется въ западныхъ версіяхъ нашего сказанія, а иной разъ событіе это обуславливается вмѣшательствомъ въ судьбу героя разныхъ святыхъ, какъ св. Оома, св. Николай, св. Леонардъ и др. Вообще элементъ чудеснаго въ данномъ случаѣ является неизмѣнной чертой всѣхъ обработокъ нашего сказанія, сохраняясь и въ былинахъ.

Подобно тому какъ Добрыня въѣзжаетъ въ Кіевъ, прямо перескакивая на конѣ черезъ наугольную башню, такъ въ ис-

панскомъ романсѣ о Гайферѣ, герой увозитъ свою похищенную маврами жену, перескакивая на конѣ черезъ городскую стѣну (стр. 480).

Возвращеніе Добрыни прямо въ домъ матери оказывается весьма характернымъ не только для былины, но и для всей группы славянскихъ версій изучаемаго мотива. Во всемъ разнообразіи европейскихъ обработокъ его мать героя нигдѣ не играетъ активной роли; исключеніемъ являются романскія пѣсни и возникшія на ихъ основѣ южно-славянскія. Въ этихъ послѣднихъ возвращающійся герой обыкновенно у дома встрѣчаетъ мать или отца, или обоихъ поочередно; они не узнаютъ сына и подтверждаютъ лишь, что жена его выходитъ замужъ. Хотя этимъ и кончается роль матери или вообще родителей въ пѣсняхъ южно-славянскихъ, но тѣмъ не менѣе мы видимъ, что здѣсь мать замѣтнѣе, чѣмъ въ романскихъ пѣсняхъ, выступаетъ на сцену дѣйствія. Въ южно-славянскихъ пѣсняхъ какъ бы дается планъ, получающій болѣе обстоятельное развитіе въ польскихъ пѣсняхъ про Домброву и въ русскихъ былинахъ про Добрыню. Въ обѣихъ послѣднихъ группахъ сказаній, въ пѣсняхъ польскихъ и въ былинахъ русскихъ, герой идетъ сперва въ домъ матери, узнаетъ отъ нея или получаетъ отъ нея лишь подтвержденіе извѣстія про замужество своей жены, беретъ свою скрипку или гусли и отправляется играть на свадьбѣ жены. Такая разработка данной подробности, сближая былины съ польскими пѣснями, обнаруживаетъ въ то же время общность ихъ плана съ построеніемъ южно-славянскихъ пѣсень, роднящихся въ свою очередь съ романскими пѣснями, и даетъ намъ право при наличности другихъ данныхъ придти къ заключенію, что русскія былины никонимъ образомъ не могли произойти ни отъ англійскихъ и ни отъ скандинавскихъ версій нашего мотива, согласно предположенію проф. Сумцова ¹⁾, ибо въ этихъ послѣднихъ, какъ мы видѣли (стр. 319, 336, 389, 426) нѣтъ даже намековъ на тотъ планъ, по которому

¹⁾ Этнограф. Обзор. 1893, № 4, стр. 21.

построены русскія былины; по той же причинѣ не могли онѣ выработаться и на основѣ нѣмецкихъ сказаній.

Подобно тому какъ это воспроизводилось въ южно-славянскихъ пѣсняхъ, мать и по былинамъ сперва не узнаетъ возвратившагося сына. Въ силу этого сцена признанія двоятся, происходя сперва между сыномъ и матерью, затѣмъ между мужемъ и женою. Соотвѣтственно такому раздѣленію сцены признанія распадаются на двѣ группы и признаки, по которымъ восстанавливается дѣйствительная личность героя. И вотъ тутъ оказывается, что при опознаніи сына матерью въ былинахъ сохранились черты, извѣстныя намъ по средневѣковымъ европейскимъ обработкамъ нашего сказанія. Входя въ домъ матери, Добрыня вразѣй отталкиваетъ придверниковъ и приворотниковъ, напоминая такую же сцену, рассказываемую про возвращеніе Карла въ поэмѣ *Spagna* (стр. 301), — про возвращеніе Горна въ англійской поэмѣ (стр. 326) и во французскомъ романѣ (стр. 329), — про возвращеніе Бовы въ сказаніи о *Buovo d'Antona* (стр. 370). Повидимому, изъ послѣдняго сказанія подробность эта попала и въ русскія былины, повторяясь при входѣ Добрыни въ домъ матери, а также и при его вступленіи въ домъ, гдѣ справлялась свадьба его жены. Собственно она была умѣстна въ послѣднемъ случаѣ и происхождение ея изъ сказанія о *Buovo d'Antona* подтверждается одной былинной (Гильф. 972), ясно выражающей, что стража была поставлена Владиміромъ именно на случай возвращенія Добрыни, съ тѣмъ чтобы не пустить его на свадебный пиръ, что невольно напоминаетъ запрещеніе, сдѣланное соперникомъ Бовы при аналогичныхъ условіяхъ, упоминать даже имя Бовы (стр. 369), которому, какъ и Добрынѣ, приходится перенести потасовку если не съ придверниками, то съ поварами при вступленіи во дворецъ.

Мать не узнаетъ Добрыню, такъ какъ у ея сына были „платица все цвѣтныя“, а у него теперь „платица лосинныя, платяя все звѣринныя“ (Гильф. 249), а также и потому, что у ея сына „были кудри желтыя“, „очи ясныя“, а у припѣльда волосы „по плечамъ висять“, „зарудилося личико“, „по-

мутились очи ясныя“ (Рыбы. II, стр. 29). По той же причинѣ былъ не узнаваемъ и герой англійскаго сказанія (стр. 390), Hugh de Hatton, про котораго говорится, что онъ возвратился „overgrown with hair“, какъ и герцогъ Брауншвейгскій, описываемый такъ (стр. 413):

„mit langen haar umbhangen
recht ob er wer ein wilder man“.

Герой испанскаго романа, графъ Дирлосъ, неоднократно называется по своему вѣншнему виду „дивимъ челоуѣкомъ“ (salvaje). Рыцарь Гергардъ въ разсказѣ у Цезарія Гайстербахскаго возвращается домой въ неузнаваемомъ видѣ, *sicut barbarus* (стр. 309).

Въ соотвѣтствіи съ такимъ естественнымъ видоизмѣненіемъ вѣшняго вида упомянутыхъ героевъ находится измѣненіе цвѣта лица Бовы, совершающееся подъ вліяніемъ чудеснаго корня, которымъ натирается Бова (стр. 369).

Отмѣчая данную подробность въ европейскихъ обработкахъ нашего сказанія, я думаю, что въ былины она вошла какъ составная часть пѣсни, заимствованной изъ южно-славянской поэзіи, ибо и про героя сербскаго эпоса, Марко Кралевича, говорится, что онъ возвращается домой въ одѣяніи „чернаго болгарина“ съ бородой, отросшей до „шелковаго пояса“, и мать не узнаетъ его (стр. 468), какъ не узнаетъ мать и нашего Добрыню, ибо у него волосы „по плечамъ висятъ“ и „платьца у него звѣрины“.

Иной разъ мать не узнаетъ Добрыню потому, что на возвратномъ пути домой онъ беретъ у встрѣчнаго калики его „каличье платье черное“ и его „кляку жолѣзную“ (Гильф. 146). Такая подробность довольно часто повторяется въ сербскихъ пѣсняхъ о похищеніи жены Марка Кралевича (стр. 475), откуда она, конечно, могла попасть въ былины; но въ то же время въ нихъ она могла перейти изъ сказанія о Бовѣ вмѣстѣ съ такими частностями, какъ признаніе Добрыни матерью по „знадебкѣ на правой ногѣ“, „подъ правой пазухой“, по „бороздинѣ на лицѣ“, по „тремъ знаменьямъ на

правой щекѣ“ или по „рубцу на головѣ“. Въ то время какъ всѣ послѣднія частности не извѣстны южно-славянскимъ пѣснямъ, въ сказаніи о Бовѣ говорится на ряду съ переодѣваніемъ Бовы въ платье пилигрима, также о признаваніи его кормилицей по родинкѣ на правомъ плечѣ (стр. 370) и невѣстой по шраму на головѣ (ibid.).

Въ виду подобныхъ наблюденій мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ, что обогащеніе русскихъ былинъ нѣкоторыми эпическими подробностями, отсутствующими какъ въ польскихъ пѣсняхъ про Домброву, такъ и въ пѣсняхъ южно-славянскихъ, произошло независимымъ отъ нихъ путемъ подъ воздействиемъ въ данномъ случаѣ сказанія о Бовѣ, извѣстнаго въ русской письменности уже въ концѣ XVI ст., къ которому относится бѣлорусскій переводъ Бовы, сохранившійся въ Познанской рукописи ¹⁾.

Однако есть былины, въ которыхъ сцена признаванія Добрыни матерью отсутствуетъ (Гильферд. 755, 808, 849, 911, 949), благодаря чему такія былины строже выдерживаютъ южно-славянскій типъ подобныхъ пѣсень; въ такихъ былинныхъ пересказахъ возвратившійся Добрыня сообщаетъ матери, что сынъ ея живъ и приказалъ ему взять его гусли и скоморошье платье. Въ одной былинѣ (Гильф. 849) Добрыня напротивъ того заявляетъ матери, будто сынъ ея умеръ и при смерти завѣщалъ ему гусли, скоморошье платье и скоморошью дубинку. Подобное заявленіе Добрыни вполне соответствуетъ положенію Марка въ сербской пѣснѣ (стр. 467), въ которой Марко говоритъ матери, что сынъ ея умеръ, что онъ отпѣлъ и похоронилъ его, за что получилъ его коня и саблю.

Открывшись матери, или скрывъ отъ нея свою личность, беретъ Добрыня гусли, одѣвается въ скоморошье платье и въ такомъ видѣ отправляется на свадебный пиръ.

6) Подъ видомъ скомороха и рѣже калики переходяго идетъ Добрыня на свадьбу жены; тутъ иной разъ описываетъ

---

¹⁾ А. Веселовскій, Изъ исторіи романа и повѣсти. Сборникъ рус. яз. и слов. 44 (1888), стр. 127.

ся схватка его съ придверниками и приворотниками, — подробность, нами уже рассмотрѣнная. Войдя въ домъ онъ обыкновенно занимаетъ мѣсто на печкѣ или у печки (Гильферд. 671, 757, 809, 850, 950, 971, 1021, 1058), какъ объ этомъ говорится и въ польскихъ пѣсняхъ, затѣмъ играетъ и поетъ; пѣснью онъ намекаетъ на свое возвращеніе, подобно тому какъ и въ пѣсняхъ сербскихъ (стр. 461), тогда какъ пѣсни другихъ балканскихъ народовъ не сохраняютъ этой подробности, а польскія знаютъ лишь игру на скрипкѣ.

Возвращеніе героя на родину послѣ долговременнаго отсутствія въ неузнаваемомъ видѣ вслѣдствіе, между прочимъ, переодѣванія въ платье пилигрима, встрѣчается уже въ древнѣйшей обработкѣ нашего сказанія, какою имѣемъ въ провансальскомъ романѣ о Раймундѣ du Bousquet: герой возвращается домой подѣ видомъ пилигрима и его узнаетъ бывшая его возлюбленная по нѣкоторымъ знакамъ на тѣлѣ (стр. 271). Подѣ видомъ нищаго возвращается изъ Венгріи Удалярхъ, и жена узнаетъ его по рубцу на рукѣ (стр. 293); въ одѣянніи пилигрима появляется передъ женой Карлъ, и та узнаетъ его по кресту на правомъ плечѣ (стр. 302), и такой приемъ переодѣванія остается неизмѣнной чертой всѣхъ переработокъ нашего сказанія. Онъ вообще довольно часто встрѣчается въ произведеніяхъ средневѣковой литературы и къ нему обыкновенно обращаются при отправленіи на поиски кого-либо. Помимо изучаемыхъ памятниковъ приемъ такой встрѣчается въ романѣ о Соломонѣ и Морольфѣ, въ Триставѣ, въ Ротерѣ (Wissmann, Anglia, IV, 389). На радѣ съ переодѣваніемъ въ платье пилигрима или нищаго (калики) практиковалось также въ средневѣковой литературѣ появленіе героя подѣ видомъ музыканта или шпильмана, что вытекало изъ условій дѣйствительности, такъ какъ пѣвцы-музыканты оазывались носителями всякихъ новостей и знаній, а потому всюду находили ласковый приемъ (Grimm, Heldens.² 383; Rassmann, Heldensage, II, 278). Въ англійскихъ сказаніяхъ не рѣдко предводитель въ видѣ музыканта проникаетъ во вражескій лагерь, чтобы осмотрѣть его (Bugge, Studien, стр. 121), а въ англійской поэмѣ

„King Horn“ (стр. 327) Горнъ и его товарищи подъ видомъ шпильмановъ проникають въ замокъ Фикенгильда, гдѣ Горнъ поетъ и тѣмъ даетъ о себѣ знать Рименгильдѣ. Пѣніе, какъ средство обнаруженія своего присутствія, встрѣчается также въ романѣ о Ротерѣ и въ сказаніи о Ричардѣ Львиное Сердце,

Такимъ образомъ, какъ переодѣваніе въ видѣ пилигрима, нищаго или музыканта, такъ и пѣніе съ цѣлю обнаружить свое присутствіе оказываются популярнымъ приемомъ средне-вѣковой повѣствовательной литературы, передавшей его и народнымъ пѣснямъ, воспроизводящимъ изучаемое нами сказаніе.

Удививъ всѣхъ своей игрой, Добрыня получаетъ приглашеніе отъ князя Владиміра оставить свое скоморошье мѣсто у печки и занять почетное мѣсто за свадебнымъ столомъ. Помѣстившись напротивъ новобрачной, Добрыня опускаетъ въ ея кубокъ свое кольцо, по которому жена тотчасъ узнаетъ его и бросается къ нему, перепрыгивая черезъ столъ. Если кольцо, какъ средство признанія, оказывается традиціонной чертой всѣхъ обработокъ нашего сказанія, примѣненной уже въ рассказѣ Wasse'a о Ричардѣ Безстрашномъ, то прыганіе новобрачной черезъ столъ встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ былинныхъ пересказахъ (Рыбн. I, 170; II, 32), да еще въ польскихъ пѣсняхъ. Очевидно, такая подробность можетъ считаться въ нашемъ сказаніи случайной, но все таки характерной, такъ какъ, благодаря ей, сближаются русскія былины съ польскими пѣснями. Трудно допустить, чтобы она независимо попала и въ польскія пѣсни, и въ русскія былины, а потому мнѣ казалось возможнымъ, какъ я уже выше замѣтилъ, усматривать въ этой подробности внѣшнее воздѣйствіе польскихъ пѣсенъ на русскія былины. Общимъ же литературнымъ источникомъ для этой черты мнѣ представляется сказаніе о Бовѣ, что вполне согласно съ вышеуказаннымъ уже вліяніемъ этого произведенія на складъ былинъ про Добрыню и Алешу.

7) Призванный женою Добрыня довольно благодушно относится къ своему сопернику. Онъ бы простилъ ему, что тотъ посидѣлъ возлѣ его жены, но не можетъ забыть, что ложнымъ

сообщеніемъ объ его смерти Алеша огорчилъ его мать, и за это только Добрыня бьетъ его. Такая снисходительность героя къ своему сопернику служить отличительной чертой почти всѣхъ извѣстныхъ намъ обработокъ нашего сказанія, и она простирается иной разъ такъ далеко, что вернувшійся мужъ выдаетъ за своего соперника свою сестру или дочь. Подробность эта отсутствуетъ въ былинахъ, но она имѣется въ южно-славянскихъ пѣсняхъ и въ такихъ западныхъ сказаніяхъ, какъ пѣснь о благородномъ Мёрингерѣ, какъ нѣмецкая народная книга о Генрихѣ Львѣ; въ повеллѣ Боккаччо о Торелло вернувшійся мужъ вознаграждаетъ своего соперника частью привезенныхъ сокровищъ; иногда же, какъ въ сказаніи о Бовѣ и въ англійской поэмѣ о Горнѣ, герой женить не своего соперника, но друга на дѣвицѣ, на которой самъ едва не женился, находясь въ разлукѣ съ женой или невѣстой. Примиреніе возвратившагося къ женѣ героя, какъ я сказалъ, наблюдается почти во всѣхъ воспроизведеніяхъ нашей темы; исключеніе составляютъ наиболѣе старыя обработки его, какъ провансальскій романъ о Раймундѣ du Bousquet и какъ итальянская поэма Spagna, ближе другихъ отражающіе на себѣ вліяніе классическаго сказанія о возвращеніи Одиссея къ Итаку, гдѣ его ждала вѣрная Пенелопа, осаждаемая предложеніями жениховъ.

Такимъ образомъ и послѣднимъ основнымъ звеномъ своей фабулы русскія былины примыкаютъ къ западно-европейскимъ обработкамъ даннаго сказанія чрезъ посредство собственно сербскихъ пѣсень, выразительно отъняющихъ примиреніе героя съ своимъ соперникомъ. Въ пѣсняхъ западныхъ славянъ подробность эта отсутствуетъ.

Настаивая въ виду всего сказаннаго на непосредственной генетической зависимости русскихъ былинь о Добрынѣ и Алешѣ отъ пѣсень южно-славянскихъ, ближайшимъ образомъ отъ сербско-хорватскихъ, отвергая возможность ихъ происхожденія отъ нѣмецкихъ и англо-скандинавскихъ версій, признавая нѣкоторую связь былинь съ польскими пѣснями про Домброву и допуская въ нихъ нѣкоторое заимствованіе изъ

сказанія о Бовѣ, я полагаю, что первоначально былина о внезапномъ возвращеніи мужа къ женѣ, собиравшейся выйти замужъ, возникла непременно гдѣ-либо въ предѣлахъ юго-западной Руси, привязавшись въ имени Добрыни, о которомъ могли уже существовать какія-либо пѣсни или сказанія и который во всякомъ случаѣ въ кругахъ, причастныхъ къ книжному просвѣщенію, былъ извѣстенъ по лѣтописнымъ преданіямъ. Какимъ образомъ сербско-хорватское воспроизведеніе данной темы попало въ юго-западную Русь, останется, конечно, навсегда тайной, но судя по распространенію изучаемаго поэтического мотива въ литературахъ западной Европы, можно съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что переходъ его въ русскую поэзію совершился не ранѣе XV—XVI столѣтій, такъ какъ, сдѣлавшись популярнымъ въ итальянской литературѣ XIV ст., онъ при общей вялости тогдашнихъ международныхъ сношеній не могъ въ короткій промежутокъ времени получить усвоеніе въ поэзіи южно-славянской и оттуда быть переданнымъ въ поэзію южно-русскую. Съ большею точностью опредѣлить время возникновенія данныхъ русскихъ былинъ въ рядъ-ли удастся, но ихъ содержаніе, разработка и подробности ихъ построенія даютъ намъ полное право усматривать въ нихъ отдаленный отзвукъ одного изъ популярнѣйшихъ средневѣковыхъ сказаній, обошедшаго всѣ литературы Запада. Возникнувъ, какъ мы видѣли, на основѣ классическаго разсказа о возвращеніи Одиссея къ Пенелопѣ, сказаніе это подвергалось неоднократнымъ воспроизведеніямъ, переходя изъ одной литературы въ другую, всюду получая свою мѣстную обработку, облекаясь всякій разъ въ формы національнаго литературнаго творчества данной народности, получая прикрѣпленіе къ цѣлому ряду или дѣйствительно историческихъ лицъ или таковыхъ, о которыхъ имѣлись уже болѣе древнія сказанія или упоминанія въ письменныхъ источникахъ. Въ силу такого обстоятельства героями нашего сказанія оказываются такія личности, какъ неизвѣстный намъ Раймундъ du Bousquet, какъ дѣйствительно историческія лица, о которыхъ повѣствовало въ хроникахъ, Ричардъ Безстраш-

ный, Карлъ Великій, Генрихъ Левъ, Гергардъ Голенбахскій, герцогъ Брауншвейгскій и произведённый отъ него чешскій Брундвикъ, какъ неизвѣстный Торелло, какъ графъ Дирлосъ и Бова, какъ южно-славянскій эпическій герой Марко Краевичъ, какъ панъ Домброва, какъ нашъ полуисторическій герой Добрыня и множество другихъ лицъ, носящихъ менѣе громкія имена.

Выяснивъ такимъ образомъ возникновеніе самаго сказанія, указавъ пути перехода его изъ одной литературы въ другую, опредѣливъ его международный характеръ, мы видѣли, что на его основѣ возникъ цѣлый рядъ произведеній, составляющихъ національное достояніе отдѣльныхъ литературъ; въ числѣ такихъ произведеній по полнотѣ развитія нашей темы, по выразительности чертъ національной обработки одно изъ первыхъ мѣстъ въ довольно длинномъ ряду родственныхъ по основѣ и происхожденію памятниковъ принадлежитъ русскимъ былинамъ про Добрыню и Алешу, воспроизводящимъ одну изъ популярныхъ темъ средневѣковой западно-европейской эпикѣи.

21.

Восточныя параллели.

Въ свое время г. Стасовъ (Вѣст. Евр. 1868, февр., 678) въ героѣ одного монгольскаго сказанія, Гэсэръ-ханѣ, усматривалъ прототипъ нашего былиннаго богатыря Потока; гораздо позднѣе другой изслѣдователь г. Потанинъ (Вѣстн. Евр. 1890, сент., 122) нашелъ, что сходство Потока съ Гэсэромъ гораздо блѣднѣе, чѣмъ сходство Добрыни съ тѣмъ же монгольскимъ богатыремъ. Въ подтвержденіе такого своего мнѣнія онъ сравниваетъ, между прочимъ, вышеизложенное содержаніе русскихъ былинъ про Добрыню съ тою частью сказанія о Гэсэръ-ханѣ, въ которой повѣствуется объ аналогичномъ похож-

денія монгольскаго героя. Сказаніе это по передачѣ г. Потанина гласитъ слѣдующее:

„Гэсэръ оставляетъ свою жену Рогмо-гоа (а въ тибетской версіи Нчжугму) подъ надзоромъ своего дяди Чотона, самъ же отправляется въ трудную поѣздку. Убивъ чудовище, и освободивъ женщину, находившуюся у него въ плѣну, онъ возвращается домой, но на пути, выпивъ напитка, поднесеннаго ему новой подругой, забываетъ первую свою жену Рогмо-гоа, останавливается въ полѣ, охотится за звѣрями и не думаетъ о домѣ. Между тѣмъ три хорскихъ царя (въ монгольскомъ вариантѣ: ширайгольскихъ) наѣхали на вотчину Гэсэра съ цѣлю увести Гэсэрову жену. Чотонъ уговариваетъ Рогмо-гоа отдаться хорскимъ царямъ, увѣряетъ ее, что Гэсэръ погибъ, но женщина придумываетъ разные уловки оттянуть время. Наконецъ она принуждена уступить; ее увозятъ. Передъ отъѣздомъ она успѣваетъ послать къ Гэсэру двухъ вѣстниковъ о себѣ. Сначала она отправляетъ съ письмомъ къ Гэсэру сороку: Гэсэръ напромышлялъ звѣрей и сушить въ полѣ звѣриное мясо; Гэсэръ осердился на сороку, убилъ ее и не замѣтилъ упавшее на землю письмо. Тогда Рогмо-гоа посылаетъ лисицу, вложивъ ей въ зубы браслетъ: только-что Гэсэръ хотѣлъ стрѣлять по лисицѣ, какъ она бросила браслетъ и убѣжала. Гэсэръ поднялъ браслетъ и прочелъ на немъ письмо своей жены, которая извѣщала его, что ее увозятъ хорскіе цари.

Онъ вспомнилъ тогда о своемъ домѣ и о своей женѣ, возвращается домой и находитъ своихъ родителей угнетенными отъ Чотона и въ бѣдности; они не узнаютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не показываетъ имъ родимаго пятна сзади на шеѣ. Гэсэръ идетъ далѣе. Подойдя къ городу хорскихъ царей, въ которомъ находится въ плѣну его жена, онъ принимаетъ видъ странника, собирающаго милостыню“.

До сихъ поръ монгольско-тибетское сказаніе, по мнѣнію г. Потанина, представляло сходство съ русскими былинами, но оканчивается оно иначе, хотя „смутныя параллели все-таки продолжаютъ“. Сбивчивость, по его мнѣнію, произошла от-

того, что въ концѣ тибетскаго сказанія вмѣсто одной являются двѣ женщины: Рогмо-гоа, которая тутъ представлена коварной измѣнницей Гэсэру, и дочь одного изъ ширайгольскихъ царей, которая покровительствуетъ Гэсэру. Вмѣсто кольца, которое видитъ Настасья Микулична на днѣ чары съ виномъ, здѣсь дочь ширайгольского царя видитъ на днѣ ручья отраженіе серьги въ ухѣ Гэсэра.

Сопоставляя черты сходства тибетскаго разсказа съ русскими былинами, г. Потанинъ находитъ въ обоихъ разсказахъ однѣ и тѣ же темы: „замедленіе въ богатырской поѣздкѣ, забытая жена, принужденіе выйти замужъ, извѣщеніе богатыря при помощи птицы, признаніе переодѣтаго богатыря по «родной знаменкѣ» и т. д.“ Совпаденія, разумѣмая г. Потанинымъ подъ словами „и т. д.“, принадлежать, очевидно, къ числу тѣхъ, которыя имъ же самимъ, какъ мы видѣли, признаны „смутными“; что же касается опредѣленно отмѣченныхъ чертъ сходства между тибетскимъ разсказомъ и русскими былинами, то отвергать его нельзя, хотя въ то же самое время не возможно придавать такому сходству того значенія, какое приписываетъ ему г. Потанинъ. Такая подробность, какъ извѣщеніе мужа женой письмомъ, посланнымъ при посредствѣ сороки, носить черты случайнаго совпаденія съ приемомъ, извѣстнымъ намъ по нѣкоторымъ пересказамъ русскихъ былинъ, состоящимъ въ томъ, что мать извѣщаетъ Добрыню, посылая къ нему ворона или голубей. Подробность эта не является существенной въ традиціонной обработкѣ нашего мотива и попала въ русскія быliny, какъ указано выше, по аналогіи съ обычнымъ въ славянской поэзіи пользованіемъ птицами въ качествѣ вѣстниковъ. Не придавая такимъ образомъ значенія указанной подробности сходства между монгольско-тибетскимъ сказаніемъ и русскими былинами, мы должны отмѣтить, что существенныя основы европейскихъ обработокъ данной фабулы, — какъ уходъ мужа на опредѣленный срокъ, какъ разрѣшеніе женѣ выходить замужъ по истеченіи означеннаго времени, какъ возвращеніе мужа какъ разъ во времени свадьбы, какъ характерная сцена на свадебномъ пирѣ, — имѣю-

щіяся и въ русскихъ былинахъ, отсутствуютъ въ монгольско-тибетскомъ разсказѣ, а потому считать послѣдній источникомъ для первыхъ, какъ, повидимому, склоненъ думать г. Потанинъ, рѣшительно не возможно.

Подобно монгольско-тибетскому сказанію далеко стоитъ отъ европейскихъ обработокъ нашей темы второй азіатскій вариантъ, записанный на ново-сирійскомъ діалектѣ ¹⁾. Содержаніе его таково:

„У одного человѣка былъ сынъ; его очень обижала мачеха, и юноша изъ за нея принужденъ былъ покинуть отцовскій домъ. Встрѣтивъ въ пути какого-то купца, онъ ночью укралъ у него лошадь и ускакалъ на ней. Тутъ начинаются приключенія юноши. Онъ попадаетъ въ нѣкій замокъ, гдѣ семь братьевъ выдаютъ за него замужъ свою сестру, а онъ ѣдетъ затѣмъ искать женъ для нихъ. Вернувшись къ замку съ семью дѣвушками, онъ находитъ замокъ разграбленнымъ, а жену свою похищенной какимъ-то княземъ. Юноша посылаетъ къ своей женѣ старуху; чтобы дать ей знать о себѣ, онъ велитъ старухѣ положить его обручальное кольцо въ кружку съ молокомъ. Когда старуха зачерпнула ложкой кольцо изъ кружки, то царица, жена юноши, сейчасъ же послѣдовала за ней къ своему мужу, и онъ увелъ и ее и семь дѣвушекъ на свою родину и взялъ ихъ всѣхъ себѣ въ жены. Однажды у колодца великанъ похитилъ жену юноши. Этотъ послѣдній отправляется на поиски. На пятый день онъ встрѣчаетъ пастуха, который на его распросы указываетъ ему пещеру, гдѣ живетъ великанъ. Юноша входитъ туда, убиваетъ великана, освобождаетъ свою жену и еще одну прекрасную дѣвушку, беретъ и ее себѣ въ жены, становится княземъ и и живетъ счастливо съ своими девятью женами“.

Приведенный сирійскій разсказъ до нѣкоторой степени сближается съ монгольско-тибетскимъ; въ то же время въ немъ

---

¹⁾ E. Prym und A. Socin, Der neu-aramäische Dialekt des Tur 'Abdin. Göttingen, 1881, II, стр. 71, № XX.

обнаруживается одна черта, присущая и европейскимъ сказаніямъ, именно употребленіе кольца, какъ средства признанія. Однако, подобно монгольско-тибетскому разсказу, общимъ своимъ складомъ онъ такъ тѣсно связанъ съ условіями жизни азіатскихъ народовъ, что сходство его основы съ европейскими сказаніями представляется въ весьма смутныхъ очертаніяхъ, не дающихъ возможности дѣлать какія бы то ни было заключенія о сродствѣ восточныхъ параллелей съ западными произведеніями, въ томъ числѣ и съ русскими былинами.

Гораздо ближе подходитъ къ европейскимъ обработкамъ нашей темы тотъ восточный варіантъ, который былъ принятъ проф. В. Миллеромъ ¹⁾ за первотипъ для русскихъ былинъ. Такой восточной параллелью къ былинамъ оказывается сказка объ Ашикъ-Керибѣ, слышанная Лермонтовымъ на Кавказѣ и имъ же воспроизведенная въ 1841 году. Передавая турецкую сказку, Лермонтовъ, конечно, преслѣдовалъ не научныя цѣли, а художественно-литературныя, а потому въ его изложеніи мы въ правѣ ожидать отступленій отъ слышанной турецкой редакціи, или дополненій къ ней, если таковыя казались ему необходимыми для достиженія полноты и законченности разсказа. Въ передачѣ Лермонтова сказка объ Ашикъ-Керибѣ развивается слѣдующимъ образомъ:

„Когда-то жилъ въ Тифлисѣ богатый турокъ; у него была единственная дочь, красавица Магуль-Мегери. Былъ также въ Тифлисѣ бѣднякъ Ашикъ-Керибъ, пѣвецъ-музыкантъ, ходившій по свадьбамъ увеселять богатыхъ своей игрой и пѣніемъ. Увидѣвъ Магуль-Мегери, онъ влюбился въ нее; полюбила его и красавица и сказала ему, чтобы онъ просилъ у ея отца руки ея. Но Ашикъ-Керибъ рѣшается странствовать по свѣту въ теченіе семи лѣтъ, собрать себѣ богатство и тогда лишь жениться на Магуль-Мегери. Она согласилась на это, но прибавила, что если въ назначенный день онъ не вернет-

---

¹⁾ В. Миллеръ, Эскурсы въ область рус. нар. эпоса. М. 1892, 53; 24 (приложеніе).

ся, то она выйдетъ за Куршудъ-бека, который давно уже за нее сватается.

Въ пути Ашикъ-Кериба догоняетъ Куршудъ-бекъ, и они вмѣстѣ идутъ далѣе. При переправѣ черезъ рѣку, захвативъ верхнее платье своего спутника, Куршудъ-бекъ мчится назадъ въ Тифлисъ и распускаетъ слухъ, будто Ашикъ-Керибъ погибъ. Однако Магуль-Мегери не вѣритъ и заявляетъ, что прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ ея мужемъ. Между тѣмъ Ашикъ-Керибъ, переходя изъ города въ городъ, прибылъ въ Халафъ. Какой-то паша, большой охотникъ до пѣсенниковъ, взялъ къ себѣ Ашикъ-Кериба, осыпалъ его милостями и подарками и держалъ его въ своемъ домѣ, наслаждаясь его пѣснями. Ашикъ-Керибъ скоро сдѣлался богатымъ человѣкомъ и не замѣтилъ, что положенный срокъ уже приближался къ концу. Не видя возвращенія своего милаго, Магуль-Мегери начала отчаяваться. Желая напомнить ему объ истеченіи срока, она даетъ какому-то купцу, ѣхавшему торговать въ чужія страны, золотое блюдо, прося его, чтобы онъ всюду выставлялъ это блюдо на показъ. Въ Халафѣ, куда наконецъ прибылъ купецъ, Ашикъ-Керибъ призналъ это блюдо своимъ и узналъ отъ купца, что Магуль-Мегери выйдетъ за другого, если онъ не вернется во время. До истеченія срока оставалось только три дня. Ашикъ-Керибъ взялъ съ собой мѣшокъ съ золотомъ, сѣлъ на коня и поскакалъ. Конь его скоро палъ, между тѣмъ до Тифлиса оставалось два мѣсяца ѣзды, а сроку только два дня. Въ отчаяніи Ашикъ-Керибъ хочетъ броситься со скалы, какъ вдругъ на конѣ появляется св. Георгій. Онъ беретъ къ себѣ на коня Ашикъ-Кериба, приказываетъ ему закрыть глаза и въ мигъ доставляетъ его въ Эрзерумъ, потомъ въ Карсъ, наконецъ въ Тифлисъ. Тутъ Ашикъ-Керибъ идетъ въ домъ своей матери, стучится въ дверь, прося именемъ ея странствующаго сына впустить его. Мать не желаетъ, сестра же его открываетъ ему дверь. Въ домѣ онъ называетъ себя, но мать, ослѣпшая отъ слезъ, не узнаетъ сына. Онъ беретъ свой саазъ (балалайку), висѣвшій на стѣнѣ семь лѣтъ безъ употребленія, играетъ на немъ и поетъ, намекая на свое чу-

десное возвращеніе и прося мать признать его. Мать узнаетъ голосъ сына и спрашиваетъ, когда возвратится ея сынъ? Взявъ свой саазъ Ашикъ-Керибъ идетъ на свадебный пиръ и проситъ пирующихъ принять его въ компанію, общаясь спѣть имъ за это пѣсню. Въ пѣснѣ онъ снова намекаетъ на свой чудесный переѣздъ. Магуль-Мегери узнаетъ его голосъ, смотритъ на него чрезъ дыру въ занавѣскѣ, узнаетъ его, бросается къ нему на шею, и оба они падаютъ безъ чувствъ на землю. Придя въ себя, Ашикъ-Керибъ рассказываетъ исторію своего чудеснаго возвращенія, испѣляетъ мать отъ слѣпоты; Куршудъ-бекъ уступаетъ ему Магуль-Мегери, а въ замѣнъ ея получаетъ сестру Ашикъ-Кериба“.

Въ такомъ видѣ представляется содержаніе турецкой сказки по воспроизведенію ея подѣ перомъ Лермонтова. Къ сожалѣнію намъ не извѣстны другія турецкія версіи того же сказанія, такъ что мы лишены возможности судить, съ какою точностью воспроизведенъ слышанный Лермонтовымъ на Кавказѣ турецкій разсказъ. Точно также не можетъ выручить насъ въ этомъ затрудненіи свидѣтельство Вамбери (*Čagataische Sprachstudien* von H. Vambéry, 1867, стр. 35) о томъ, что сказаніе про Ашикъ-Кериба пользуется популярностью среди турокъ и распѣвается пѣвцами (ашиками) въ кофейняхъ Румелии и Анатолии. Не давая намъ матеріала для сравненія такихъ пѣсенъ со сказкой Лермонтова, свидѣтельство Вамбери однако весьма важно въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ изъ него мы узнаемъ, что сказаніе это извѣстно среди турокъ въ формѣ пѣсенъ, во вторыхъ, что пѣсни такого содержанія поются въ Румелии и Анатолии. Благодаря таковой локализациі турецкихъ пѣсенъ, онѣ какъ разъ въ указанныхъ мѣстахъ по необходимости должны встрѣтиться съ подобными же пѣснями болгарскими и ново-греческими, изъ которыхъ послѣднія, какъ мы видѣли выше (стр. 506), проникли даже въ Каппадокію. Это послѣднее обстоятельство въ связи съ содержаніемъ изложенной турецкой сказки даетъ намъ полное право предполагать, что она является отраженіемъ европейскихъ сказаній на ту же тему, причемъ посредниками въ передачѣ ея туркамъ

могли служить греки. И дѣйствительно, въ турецкомъ эпосѣ о Сирати-Сейидъ-Батталѣ, усвоившемъ пѣсню соотвѣтствующаго содержанія, сообщается, что Батталъ поетъ эту пѣсню въ городѣ Лаодикии именно по гречески, а не по турецки, какъ бы слѣдовало ожидать. Поетъ онъ пѣсню въ честь шествовавшихъ по улицѣ новобрачныхъ, изъ коихъ невѣстою была его собственная жена, полоненная въ отсутствіе Баттала греческимъ императоромъ и выдаваемая теперь замужъ за сына визиря его Бѣгмѣна. Жена узнаетъ по голосу своего мужа. Батталъ убиваетъ затѣмъ опьянѣвшаго молодого и съ женою убѣгаетъ къ себѣ домой (Смирновъ, Очеркъ исторіи турецкой литературы во „Всеобщей исторіи литературы“ В. Корша, вып. XXV, стр. 45).

Помимо такого косвеннаго подтвержденія возможности греческаго вліянія на усвоеніе турками даннаго поэтическаго мотива, самое содержаніе сказки объ Ашикъ-Керибѣ служить неопровержимымъ доказательствомъ ея вообще европейскаго происхожденія и въ частности ближайшаго сродства ея съ группою пѣсенъ балканскихъ народовъ. Конечно, сходство ея съ послѣдними произведеніями было бы нагляднѣе, если бы она записана была какимъ либо этнографомъ, а не такимъ писателемъ-художникомъ, какъ Лермонтовъ. Все таки и по его воспроизведенію попытаемся указать на тѣ признаки въ сказкѣ, которые могутъ до нѣкоторой степени опредѣлить ея родство съ пѣснями балканскихъ народовъ, тогда какъ принадлежность ея къ обще европейскимъ сказаніямъ до такой степени очевидна, что не нуждается въ доказательствахъ.

а) Отпуская Ашикъ-Кериба въ семилѣтнее странствованіе, невѣста его Магуль-Мегери говоритъ, что если онъ не возвратится къ назначенному сроку, то она выйдетъ за Куршудъ-бека, который уже раньше сватался къ ней. Въ сербской пѣснѣ Марко Краевичъ въ подобномъ же случаѣ разрѣшаетъ женѣ выйти замужъ, за кого она захочетъ, даже за Пилина сердаря, который уже раньше сватался къ ней, но получилъ отказъ.

б) Ашикъ-Керибъ долго остается на чужбинѣ, живя у

какого-то паши, котораго онъ развлекаетъ своимъ пѣніемъ. Герои ново-греческихъ пѣсенъ, находясь въ плѣну своимъ пѣніемъ разстрогиваютъ сердца своихъ повелителей и благодаря пѣнію получаютъ свободу и коня для возвращенія домой.

в) Магуль-Мегери напоминаетъ Ашикъ-Керибу объ истеченіи назначеннаго срока посылкой золотого блюда; герой ново-греческой пѣсни узнаетъ о предстоящей свадьбѣ своей жены изъ полученныхъ имъ писемъ (стр. 504).

г) Ашикъ-Керибъ возвращается домой на конѣ св. Георгія; герои пѣсенъ балканскихъ народовъ совершаютъ тоже самое, благодаря своимъ необычнымъ конямъ. Принимая къ себѣ на коня Ашикъ-Кериба, св. Георгій приказываетъ ему завязать себѣ глаза, тоже самое совѣтуетъ своему господину въ одной греческой пѣснѣ конь (стр. 501).

д) По возвращеніи въ Тифлисъ Ашикъ-Керибъ идетъ сперва въ домъ своей матери и та не узнаетъ его, потому что ослѣпла отъ слезъ. Герои всей группы славянскихъ пѣсенъ, а также и греческихъ обыкновенно или на пути встрѣчаютъ мать или отца, которые не узнаютъ своего сына не въ силу потери зрѣнія, а въ силу вообще измѣненнаго вида героя, что служить признакомъ большей архаичности пѣсенъ славяно-греческой группы по сравненію съ турецкой сказкой. Сцена, происходящая между Ашикъ-Керибомъ и его матерью напоминаетъ сцену между Добрыней и матерью по былинамъ, а также соотвѣтственное объясненіе героевъ западно-славянскихъ пѣсенъ со своей матерью; во всѣхъ этихъ произведеніяхъ возвратившійся въ домъ матери герой беретъ свой музыкальный инструментъ и идетъ на свадебный пиръ играть и пѣть.

Тѣсная связь былинъ и западно-славянскихъ пѣсенъ съ южно-славянской поэзіей позволяетъ предполагать, что соотвѣтствующая сцена имѣлась въ виду и въ поэзіи балканскихъ народовъ, забывшихъ въ настоящее время ея подробности и отбѣняющихъ лишь игру и пѣніе возвратившагося героя, намекающаго подобно Ашикъ-Керибу въ пѣснѣ о своемъ возвращеніи.

е) Подобно тому какъ въ сербскихъ пѣсняхъ въ признаніи возвратившагося мужа на ряду съ женой принимаетъ участіе сестра его, такъ и Ашикъ-Кериба признаетъ сперва сестра его. Невѣста Ашикъ-Кериба, узнавъ его, бросается къ нему на шею и оба они падаютъ безъ чувствъ; въ греческой пѣснѣ (стр. 502) въ данномъ положеніи супруги падаютъ мертвыми на землю. Подобно тому какъ въ сербскихъ пѣсняхъ сопернику своему возвратившійся герой въ замѣнъ жены своей даетъ сестру, такъ Ашикъ-Керибъ выдаетъ за Куршудбека свою сестру.

Такимъ образомъ и въ литературномъ воспроизведеніи турецкой сказки, принадлежащемъ перу Лермонтова, какъ видимъ, сохранилось достаточно характерныхъ чертъ, чтобы можно было усмотрѣть въ ней во первыхъ принадлежность ея къ европейскимъ воспроизведеніямъ нашей темы, во вторыхъ установить ближайшую связь ея съ соотвѣтственной группой произведеній балканскихъ народовъ. Подобная зависимость турецкой сказки объ Ашикъ-Керибѣ отъ славяно-греческихъ произведеній на ту же тему не можетъ показаться чѣмъ либо неожиданнымъ, такъ какъ славяно-греческій элементъ издавна игралъ выдающуюся культурную роль въ предѣлахъ Оттоманской имперіи.

Въ виду всего вышесказаннаго не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что какъ русскія былины про Добрыню и Алешу, такъ и ихъ предполагаемый источникъ въ видѣ турецкой сказки объ Ашикъ-Керибѣ оказываются отраженіемъ западно-европейскаго романтическаго теченія, вышедшаго изъ Франціи и захватившаго своимъ вліяніемъ не только всѣ литературы запада, но проникшаго также въ поэзію славянскихъ народовъ, ново-грековъ и турокъ.

П р и л о ж е н і е.

РУССКІЕ ВАРИАНТЫ

СКАЗКИ

„О ЖЕНИХЪ-МЕРТВЕЦЪ“.

Изъ прилагаемыхъ русскихъ вариантовъ сказки о женихъ-мертвецѣ девять записаны отъ солдатъ, стоящихъ въ Варшавѣ, но уроженцевъ разныхъ губерній; два записаны въ Варшавской губ. отъ бывшихъ прусскихъ старообрядцевъ; одинъ на мѣстѣ въ Сѣдлецкой губ. и одинъ отъ дѣвушки, пріѣхавшей изъ Пріамурской области ¹⁾. Такимъ образомъ добыты варианты изъ губерній: *Исковской, Смоленской, Гродненской, Волынской, Полтавской, Кіевской, Варшавской, Курской, Оренбургской, Сѣдлецкой и Пріамурской Области*. Языкъ этихъ сказокъ не выдержанъ, ибо разсказчики-солдаты, передавая ихъ, старались, очевидно, измѣнять свой мѣстный говоръ въ духъ великорусской разговорной рѣчи. Содержание ихъ таково:

I.

Полюбилъ парень дѣвку и потомъ немного пожилъ; потребовали ево на службу. Изъ службы ёна ево не дождалась

---

¹⁾ Сказки эти первоначально были напечатаны мною въ Рус. Фил. Вѣст. 1890, IV и 1892, IV; записаны онѣ по моей просьбѣ г. В. А. Мошковымъ, которому и приношу за это мою сердечную признательность.

и даже во снѣ ей постоянно про ево снилось. Онъ въ ей постоянно приѣзжалъ ночью. Вотъ разъ, это было зимой, приѣхалъ онъ къ ей ночью и говорить: „поѣзжай со мной изъ дому со всѣмъ бѣльемъ“ (съ сундуками, значить). Поѣхали они, крадучись. Онъ, знаешь, и рассказываетъ:

„Мѣсяцъ свѣтитъ,
Мертвецъ ѣдетъ.
Боишься-ли ты меня?“

А она отвѣчаетъ: „чево мнѣ бояться тебя, когда ты мой милой“. Потомъ, знаешь, приѣхали это они на кладбище. Онъ и рассказываетъ ей: „снимай юбку съ себя“. Тотчасъ, тую минуту, она прыгнула черезъ яму и кинула туда свою юбку, а онъ полагалъ, что сама она скочила. Потомъ дѣвка побѣжала къ священнику (она знала, гдѣ священникъ живетъ). Скочила это она, знаешь, къ священнику въ коидоръ, а тамъ мертвецъ тоже само стоитъ. Покойникъ, который ейный любовникъ, приѣхалъ сразу за ей въ коидоръ.

Тогда она испугалась: „ахъ, говорить, теперь я пропала, безвинная душа“. А другой-то покойникъ, коидорный, встаетъ и говорить: „не бойся, я вступу дамъ за тебя“.

Схватились два покойника драться и сталъ этотъ покойникъ, ейной любовникъ, одолять коидорнаго. Коидорный и сказалъ дѣвкѣ: „помоги мнѣ, душа, мнѣ не осилить его“. Тотчасъ она и рассказываетъ: „ахъ, какъ бы пѣтухъ запѣлъ“.

И тотчасъ, знаешь, пѣтухъ запѣлъ.

Запѣлъ пѣтухъ: они (покойники-то) и развалились. Тотъ, который въ коидорѣ лежалъ, успѣлъ, значить, до своего гроба дойти и легъ въ гробъ, а другой остался на мѣстѣ лежать. А дѣвка лежала до свѣту и жива осталась.

Записана отъ рядового Григорьева изъ Псковской губ. Островскаго уѣзда, Терешовской волости, деревни Петрово.

II.

У одного господина было четыре сыны. Изъ нихъ мѣнь-

шій сынъ уродился ужасно красивый, такъ что во всемъ свѣтѣ красивѣе его не было. Отецъ и мать не думали, что онъ при такой красотѣ съ ними жить будетъ. Они свали съ него половину красоты и спрятали въ шкатуночку, а половину оставили. Думаютъ: онъ тогда будетъ съ нами жить. Когда бѣльшій сынъ выросъ, то они стали его женить, а прочіе три сына не пожелали жениться. Когда бѣльшій сынъ женился, его сдали на службу. Въ теченіе службы его убили на войнѣ. Жена и мать очень скучали и ждали его.

Однажды жена спитъ на кровати одна; приходитъ къ ней какой-то человѣкъ. Смотритъ, а это мужъ ея. Она обрадовалась, смотритъ, а половина головы у него почернѣла. Спрашиваетъ, почему у него голова почернѣла?

— „Отъ дыму говорить, и дождю, который шелъ съ правой стороны“.

Потомъ говоритъ на жену: „пойдемъ со мной“.

Она тѣмъ болѣе рада была, что нѣсколько лѣтъ его не видала и согласилась съ нимъ ѣхать. Онъ посадилъ ее на лошаадь и привезъ на кладбище. Въ тоѣ время открылася могила. Онъ говоритъ: „здѣсь мой домъ“. Она въ это время спугалась.

— „Полѣзай, говоритъ онъ, въ яму“. Она не могла ничего отвѣтить съ испугу, потомъ говоритъ: „ты влѣзь въ яму и возьми меня за руку“. Когда онъ влѣзь въ яму, она сняла съ себя одѣжду и подала ему рукава, а онъ думалъ, что это руки. И стала ждать пѣтуховъ. А онъ говоритъ: „почему такъ нескоро идешь ко мнѣ?“—„Здѣсь не хорошо влѣзать, очень тѣсно“.

Въ это время запѣлъ пѣтухъ. Тогда сейчасъ могила затворилась. Половина одѣжи осталась въ могилѣ, половина снаружи.

Одумалась она, пришла домой, рассказала отцу, матери и тремъ деверямъ. Тогда они ей вѣры не поняли, сказали, что врешь. Она ихъ довела на кладбище. Приходятъ и смотрятъ: половина одѣжи изъ могилы видна. Привели священника, открыли могилу и посмотрѣли на мертвеца: онъ лежалъ лицомъ внизъ. Священникъ прослужилъ клятву; срубили дре-

во-осиновый колъ и пробили коломъ въ самую грудь до земли. Въ то время мертвецъ засмѣлся. Невѣстка сказала: „это сынъ вашъ, а мой мужъ“. Въ то время мать, старушка, упала на землю замертво.

Записана отъ рядового Игнатѣва изъ Смоленской губ. Красненскаго уѣзда, Ново-Михайловской волости, дер. Дуравки.

Сказка эта, по словамъ Игнатѣва, смѣшивается въ его деревнѣ съ нѣсколькими другими и между прочимъ съ извѣстной сказкой про „*Ивана-царевича и съраю волка*“, причемъ въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа пускается въ ходъ и та половина красоты, которую съ младшаго сына сняли родители и спрятали въ шкатулкѣ.

III.

Булъ одинъ молодецъ и одна дивчина, и воны любылся. Вонъ ушолъ на службу, а вона очень убывалась и плакала за имъ. А вонъ, отходячи, говѣрьтъ: „Якъ я черезъ два года не прииду, можешь соби шувать другого“. Черезъ килька время приіздытъ вонъ на биломъ кони ночью. А вона ходыла день и ночь, убывалась за имъ.

Вонъ ее устритилъ въ саду и говѣрьтъ: „садыся, дивко, зо мной, поидемо“.

Вона кое-что собирала, бѣля разного, всего понабирала, сила зъ имъ на коня, тай поихала. Мать не знала, якъ вона поихала.

Дорогой, якъ воны ихали, вонъ говѣрьтъ:

„Мисяцъ свѣтитъ,
Звѣзды блящуть,
Боишься ты мене?“

Вона говѣрьтъ: „не боюся“. Приихалы воны на кладбище. Могила открыта, откуда вонъ вышелъ. И говѣрьтъ: „полѣзай туда“. А вона не хотить прежде лѣзть: „полѣзайте вы прежде“.

Потомъ вонъ влѣзъ въ могилу, а вона свои вещи подавала по одной. Послѣднюю якъ подала, тогда сама утѣкла и прибѣгла въ хату на кладбище. А тамъ огонь горѣть и мертвецъ лежить, забытъ въ трунѣ. Вона якъ вбѣгла, такъ шкафлѣры (когдась носили на шеѣ вмѣсто креста) сняла и положила на труну. А тотъ мертвецъ прибѣгъ за нею, а вона дверь заперла. А вонъ говорить:

„Братъ, братъ му,
Смерть, смертъ му,
Проше одемкнуть”.

Тотъ мертвецъ, который въ трунѣ лежить, началъ отвѣчать:

„Братъ, братъ му.
Смерть, смертъ му,
Не могу:
Тяжкимъ камнемъ положенъ”.

Тотъ выломалъ двери, а этотъ шкафлѣры сбросилъ съ труны, и начали вони драться. Дрались, дрались, покамѣстъ пѣвни заплѣли, и оба попадали. А вона померла черезъ нѣсколько времени съ великаго страху.

Записана отъ рядового Толовняника изъ *Гродненской* губ. Пружанскаго уѣзда, Рудницкой волости, дер. Козловъ.

IV.

Бувъ одинъ хлопецъ и любивъ винъ дивку. Поиравъ винъ на войну и говорить: „дожыдай мене зъ войны“. Вона ждала, ждала и приравъ винъ зъ войны на биломъ кони, тай важе: „сядай, дивко, зо мною, поидемо въ чисте поле гуляты“. Выбралась вона одъ матери совсимъ, забрала зъ собою холста разнаго, ўсего. Вона думала жыть зъ имъ. Йидуть вони, йидуть, ничъ выдная, а винъ важе:

„Мисяць свитить,
Зори пляшуть,
Не боишься ты, дивко,
Зъ мертвецомъ ихать?”

А вона каже: „ни, не боюсь, бо то не мертвець, а мій мильй другъ“. Приизжають вони до кладбища въ могилы. Винъ каже: „лизъ туды и я зъ конемъ туды спущусь“. Вона стала холстомъ могилу мирять, чы глыбока та могила? Миряе вона, тай миряе, а винъ каже: „скоро миряй, сейчасъ намъ ложыться спать“. Вона вишла въ могилу, а могила була не глыбока, и заразыъ вона встала въ домовыну въ ёго и гукъае ёго: „чого-жъ, мильй, мене спустывъ? Хочешъ мене сказныть? Подай мени руку сюды, выймы мене на той свить, бо тутъ мени дуже тяжко“.

А винъ каже: „радъ бы взять тебе, мыла, назадъ, да мои браття не велятъ. Уже мои браття на кони посилы и на свое мисто поихалы“.

А ихъ, такихъ домовыеовъ, було три, тилько вони не показывалысь два, а тилько полюбовниъ показувался ий. А вона, значить, ихъ не выдала. Вони въ могилы обыдва и осталысь.

Яеъ пивни заспывали, такъ вони, домовыеи, полетили, а вона осталась въ могилы и померла.

Записана отъ рядового Заглядова изъ *Волын-ской губ.*, Новоградъ-Волынского уѣзда, Нововоробьевской волости, дер. Рудянки.

По словамъ рассказчика, въ его мѣстахъ домовыеами называются мертвецы, выходящіе изъ могилы. „Ими бувають тилько видьмаки, котори знаютъ. Недалеко отъ насъ було лита четьре тому, въ Недошбахъ, такъ бувъ такий чоловікъ, фамилія его Осапать. Винъ дуже зналъ до пчолъ, до худобы, до всѣго. Такъ винъ, яеъ померъ, такъ ходывъ цилый годъ, ляеас (пугая) людей, хлибъ воруетъ и на дерево наверхъ выносывъ. Его три разы закльналы, а третій разъ отеопалы могилу, такъ его и нема тамъ: уже ему не можно було войты въ могилу. Ходывъ винъ нимый, ничего не говорывъ, тильки чорный и въ той одежи, въ котри положонъ. Сродственники его сами просылы священныковъ закльнать, такъ священныи ходылы на могилу закльнать и трехъ коровъ бралы“.

V.

Парень съ дивкою любввся. Потомъ винъ померъ. Вона цильный годъ плакала за имъ. Вона приходитъ ночью до витру, а винъ ии требуе крезъ ворота къ соби.

Вона испугалась, ушла въ комнату и стала матеѣ говорить, що тотъ пріихавъ до мене.

Маты ии казала: „теперь не выходи до витру“.

Вона ишла на дѣсвители цизно и несла шитки (шитье) пидъ рукою; дывыться: иде насупротивъ ии гробъ. Це винъ ихавъ на гроби. До ней доиздыть и говорить: „пойдемъ во мною; у мене еще чище дѣсвители, яеъ тутъ“. Вона сила на гробъ и зъ имъ поихала. И пріизжають вони къ кладбищу. Когда пріихали на кладбище, у могилы велика яма. Винъ и говорить ий: „оце мои дѣсвители, полизай ты впередъ“.

Вона отвичае: „я тутъ не знаю дороги, полизайте вы впередъ, а я за вами“.

Винъ полизъ, а вона вернулась назадъ и стала втикать. Дывыться: огонекъ горыть. Добигае вона, ажъ стоитъ хата, а въ тій хати лежить мертвецъ на столи. Вона оглянулась, ажъ сзаду винъ нагоняе. Вона вскочила въ комнату. Надъ цимъ мертвецомъ сидили стари бабы. Винъ подскакуе пидъ викно и говорить: „ахъ, братъ, ловы ии“. Вона испугалась и вылила на пичку. Оци бабы схоронились въ коридоръ. Вдругъ мертвецъ подводитъ (поднимается), ставъ за нею лизти на пичку. Тилько що винъ ставъ ии рукою браты, вона закрычала дуже и руки прижала къ соби, а у ней шитки булы пидъ рукою. Изъ цихъ шитокъ выскочывъ пивень и заспивавъ. Мертвецъ заразы и померъ Вона пожила три дни и тоже померла.

Записана отъ рядового Беркута изъ *Полтавской* губ., Роменскаго уѣзда, Маловской волости, дер. Куриленковой.

Примѣчаніе. По словамъ Беркута, встають изъ могилы химорѣдки, вовкулаки и видьмачи. Таинми они бывають отъ рожденія или же выучиваються. „У насъ одинъ таковой родився,

такъ у него былъ маленькій хвостъ, шло изъ цидежъ молоко и два зуба было маленькихъ въ самомъ бутеу“. Ученые химородки не такъ сильны, какъ природныя: природный можетъ напр. завязать узелъ на полѣ и развязать его, а ученый завязать можетъ, но развязать не въ состояніи.

VI.

Жили себѣ старикъ и старуха и у нихъ была дочь, очень красивая. А въ этомъ городѣ былъ одинъ купецъ. Въ ёго былъ сынъ и этотъ сынъ, когда, значить, возросъ, такъ вонъ сильно влюбился въ яё. Онъ хотѣлъ на ей жениться, но родные ей не позволяли, что она была бѣдная, а онъ очень богатый.

Когда ему нужно было идти въ солдаты, такъ она сказала: „ты пойдешь, и я пойду“ (она очень любила его). Онъ не пошелъ въ солдаты и сильно запечалился. Съ этой печали онъ пошелъ въ лѣсъ, неизвестно куда. Потомъ она уже вздумала: гдѣ онъ? ей очень хотѣлось его видѣть и она начала пѣть одну пѣсню. И постоянно, бывало, съ вечера, часовъ съ двѣнадцати пѣла пѣсню, чтобы родители не знали, про кого она поетъ, потому что она боялась своихъ родныхъ и они запрещали. Она начинала пѣть:

„Я птичкой быть бы желала,
Вездѣ бы могла летать“.

„Хотѣла бы слетать во всѣ арміи и сколько гдѣ есть войсковъ, и русскихъ и турецкихъ. Може онъ живой или нѣтъ, може онъ воюетъ. Если онъ умерши, то я собрала бы его всѣ косточки и слезами облила. Сдѣлала бы гробъ, собрала бы туда косточки, вырыла бы яму и закопала бы гробъ“.

Каждую ночь она, бывало, поетъ. Вдругъ въ одну ночь ей приснился сонъ:

— „Зачѣмъ ты меня такъ просишь къ себѣ? Ты думаешь, я умеръ; я не умеръ, я живъ и скоро къ тебѣ буду“.

И въ ихъ былъ садъ. Она вышла, смотреть: онъ во дворѣ въѣзжаетъ на бѣлой лошади. Такъ какъ была ночь, то она

сначала спугалась. Но онъ ей сказалъ: „не пугайся, ты думала, что я умеръ. Ты все за мной плакала, тревожила меня. А сейчасъ, говорить, поѣдемъ со мною на ту сторону, гдѣ я живу“.

Она ему говоритъ: „а если узнаетъ мать, тогда що будетъ?“ „Не бойся, говорить, она насъ не увидитъ“.

И какъ это было лѣтомъ, такъ она набросила на себя плахту. „Ну, говорить онъ, теперь поѣдемъ“. А ночь была такая ясная, мѣсяцъ очень свѣтилъ и звѣздъ было много на небѣ. Они ѣдутъ. Онъ ей и говоритъ:

„Свите мисяцъ и зъ зорю,
Йиде мертвый и зъ живою,
Не боишься ты мене?“

Она говоритъ: „чего я тебя буду бояться, если я тебя знаю“.

И онъ ей такъ може разовъ съ двѣнадцать сказалъ, пока прїѣхали на кладбище. Когда прїѣхали на кладбище, тогда она говоритъ: „что же это такое?“

„Это, говорить, могили. Это здѣсь моя хата. Ты, говорить, лѣзь, я здѣсь постою“.

Она говоритъ: „нѣтъ, ты лѣзь, а я постою“. Съ тѣмъ согласились. Она говоритъ: „ты лѣзь, а я тебѣ руку подамъ“. Когда онъ влѣзъ, то говоритъ: „бери мнѣ за руку“. Она бросила съ себя плахту ему рукавомъ въ яму: „тани“, каже, а сама и побигла. Бѣжитъ она, сильно перепугалась, смотритъ, — избушка, огонь чуть блеститъ. Она заскакиваетъ въ эту избушку, а тамъ на столѣ два гроба. Она просто сбросилась на печь, скочила. А онъ скочилъ за ней сейчасъ въ комнату, и эти два вскочили изъ гробовъ. Одинъ, который вскочилъ въ хату, вричитъ: „отдай мое мясо“; а они говорятъ: „не то мясо, що ты гонишься за нимъ, а то мясо, що само пришло“. И бились они долго, такъ что пообцарапали и покусали одинъ другого, пальцы пообкусали одинъ другому. Когда запѣли пѣтухи, тогда эти два упали въ середину хаты,

а одинъ черезъ порогъ перевалился. Она тогда выскочила и перескочила черезъ того, что на порогѣ лежалъ и побѣжала просто домой. Когда прибѣжала, мать и пытается: „дочка, гдѣ-же ты была цѣлую ночь, что у тебя на платьѣ роса и растрепаны волосы“. Она сперва боялась рассказывать, какъ это было, а потомъ ужъ рассказала. Мать съ отцомъ пошли въ священнику. Какъ это въ старину много вѣдьмаковъ было, такъ священникъ и повѣрилъ, велѣлъ выстрогать осиновый колъ. И пришли священникъ, сотскій, десятскій, вси поприходили, смотрятъ: они ницъ лежатъ. Пробили ихъ тогда всѣхъ троицъ осиновыми колами и схоронили въ прежнія ямы.

А она тогда поболѣла, можетъ, съ мѣсяцъ, бросила объ емъ думать и вышла замужъ за другого лавочника и стала жить съ нимъ благополучно, а на могилу плакать ужъ больше не ходила.

Записана отъ мѣщанина города Кіева, Маковерскаго.

VII.

Жили три снохи. У нихъ мужья отправились на войну и долго не возвращались. Разъ вечеромъ онѣ сидятъ и говорятъ между собою. Одна говоритъ: „если бы мой мужъ сейчасъ пріѣхалъ, я бы сейчасъ же съ нимъ въ клѣтъ спать пошла“. Другая говоритъ: „нѣтъ, я — такъ угостила бы мужа, а потомъ съ нимъ спать пошла“. А третья говоритъ: „я сначала бы ребенка зачала, потомъ угостила бы мужа, а потомъ ужъ спать пошла“. Только онѣ успѣли это проговорить, приходятъ всѣ три мужа.

Та, которая прямо въ клѣтъ хотѣла съ мужемъ идти, пошла съ нимъ, и онъ, придя въ клѣтъ, сказалъ ей: „поѣдешь ты со мною, куда я захочу?“ „Поѣду, говоритъ, хоть за край свѣта“. Они поѣхали на лошади и пріѣхали на могилу.... Далѣе рассказъ идетъ такъ, какъ и въ другихъ сказкахъ этого рода.

Вторая сноха угостила мужа и, когда пошла съ нимъ въ вѣтъ, онъ ее удавилъ.

А третья укачивала ребенка и, когда ребенокъ засыпалъ, она щипала его, а потомъ долго возилась съ закускою, чтобы протянуть время до пѣтуховъ. Когда пѣтухи запѣли, мужъ ея палъ на землю. Всѣ три мужа были мертвецы.

Записана отъ женщины въ дер. Благодарное (Бискупницы), Гроецкаго уѣзда, Варшавской губерніи.

VIII.

Парень съ дѣвушкой спознались и были влюблены другъ въ друга. Они водились три года или четыре. Парень хотѣлъ жениться, а отецъ невѣсты не позволялъ. Онъ умеръ съ печали, а она сидѣла по ночамъ подъ окнами въ свѣтлицѣ одна и плакала, хотѣла его увидѣть, хоть мертваго. Онъ и приходитъ въ двѣнадцать часовъ и стучитъ въ дверь. Она увидѣла его и обрадовалась. Онъ и говоритъ: „слушай, моя любезная, пойдемъ теперь со мною“. Она собирается съ нимъ ѣхать, выходитъ на крыльцо, стоитъ передъ нимъ сивая лошадь. Онъ садится на лошадь и говоритъ: „поѣдемъ“. Она тоже садится, и они ѣдутъ ночью темнотою. Мѣсяцъ свѣтитъ. Въ тое время онъ говоритъ: „дѣвушка, не бойся. Мѣсяцъ свѣтитъ, мертвецъ ѣдетъ, не страшно ли тебѣ, дѣвушка?“ Она говоритъ: „не страшно“. Такъ онъ спросилъ ее три раза. Онъ былъ блѣденъ и унылъ. Она пытается: „отчего ты такой блѣдный и унылый и ничего не говоришь?“ Онъ говоритъ: „вижу гробъ своей могилы, за то я блѣденъ и унылъ“, и опять начинаетъ: „мѣсяцъ свѣтитъ, мертвецъ ѣдетъ“ и т. д. Приѣхали на могилы. Онъ слѣзаетъ съ коня, а ее беретъ за руку. Лошадь превратилась въ бѣлую березу. Онъ дѣвицу заставляеть лѣзть въ могилу. Она говоритъ: „лѣзь впередъ ты, а я за тобою“. Онъ опускается въ могилу, и берется рукою за ея передникъ. Тогда ее страхъ взялъ, не знаетъ, что и дѣ-

латъ, беретъ ножъ въ руку и рѣжетъ передникъ пополамъ. Царень упалъ въ могилу, а она убѣгаетъ въ поле. Она бѣжала ночью темнотою и видитъ, сверкаетъ огонекъ. Приходить въ избушку. Въ избѣ нѣтъ никого, только въ углу Спаситель и свѣча передъ нимъ горитъ. На другой сторонѣ столъ, на столѣ новый гробъ стоитъ. Она съ этого страху стала передъ образомъ Богу молиться и слышитъ, что-то трещитъ. Смотритъ на гробъ, крышка подымается. Какъ крышка подилась, тогда она беретъ свой крестъ, съ груди снимаетъ и на крышку кладетъ. Тогда идетъ къ двери, двери молитвою ограждаетъ, хранителя-ангела зоветъ. Слышитъ потомъ въ окно стучитъ ейный милый и громкимъ голосомъ зоветъ: „отвори, мой милый братъ, выпусти дѣвушку ко мнѣ“. „Не могу, братъ, встать, потому что огромный камень на мнѣ лежитъ“. Дѣвушка съ этого испугу ударила въ ладоши, закукурикала по пѣтушину. Все исчезло, стало тихо. Дѣвушка спасена на весь вѣкъ.

Записана отъ крестьянина Ивана Желтоноса изъ деревни Благодатное, Гроецкаго уѣзда, Варшавской губерніи.

Примѣчаніе. Въ дер. Благодатное живутъ теперь бывшіе старообрядцы, переселившіеся болѣе 20 лѣтъ тому назадъ изъ Пруссіи. Въ Пруссію перешли они въ началѣ нынѣшняго столѣтія по большей части изъ Сувальской губерніи, но въ числѣ ихъ были выходцы и изъ другихъ частей Россіи. Первоначальное же ихъ мѣсто жительства была Великороссія. Теперь они присоединились къ православію.

IX.

Былъ у одной дѣвушки женихъ и умеръ. Она смотрѣла въ окошко по направленію въ его могилкѣ и говорила: „если бы мой женихъ теперь пришелъ ко мнѣ сейчасъ хоть мертвый, я поѣхала-бы съ нимъ хоть на край свѣта“. Едва она успѣла это проговорить, какъ входитъ ея женихъ и говоритъ:

„ну что-же, поѣдемъ со мною“. Она поѣхала. Дорогой онъ говорить:

„Мѣсяцъ свѣтитъ,
Мертвецъ ѣдетъ,
Красну дѣвицу везетъ.
Боишься-ли ты меня?“

„Нѣтъ, говорить, не боюсь“. Привезъ онъ ее на кладбище къ открытой могилѣ и говорить: „полѣзай въ могилу“. Она не полѣзла, его первого послала. Онъ полѣзъ, а она бросила ему что-то изъ своей одежды въ яму, а сама надѣла башмаки впередъ пятками и побѣжала. Дорогой она натоленулась на овинъ, встрѣтила тамъ *огарка* (овиннаго хозяина) и переломила его пополамъ, а сама заперла дверь. Сидитъ и ждетъ. Прибѣгаетъ за ней женихъ-мертвецъ, стучится въ дверь и кричить: „опѣнышъ-огарышъ, отвори“. Дѣвушка за огарка отвѣчаетъ: „я еще не всталъ“. Мертвецъ опять кричить: „опѣнышъ-огарышъ, встань“.

„Я еще не слѣзъ съ печки“.

„Опѣнышъ-огарышъ, слѣзай?“

„Я еще не обулся“.

„Опѣнышъ-огарышъ, обуйся“. — „Я одну ногу обулъ“.

„Обуй другую“. „Я еще не слѣзъ“.

„Слѣзай“. — „Я иду“.

Весь этотъ разговоръ дѣвушка вела за опѣныша-огарыша, чтобы оттянуть время до пѣтуховъ. Когда запѣлъ пѣтухъ, она уже отворяла дверь. Мертвецъ упалъ и она упала замертво.

Записана въ дер. Благодатное отъ дочери священника, недавно пріѣхавшаго изъ Примурской Области, гдѣ онъ служилъ миссіонеромъ въ теченіе 20 лѣтъ. Дѣвушка родилась тамъ и тамъ слышала эту сказку, въ селѣ Никольскомъ, Томской волости.

Х.

Съ парнемъ дѣвка любила, потомъ парень померъ. Дѣвка стала за нимъ плавать крѣпко при журбѣ. Она не мало за нимъ, года два, пропечалилась, не могла замужъ выйти.

Потомъ вышла она въ лѣтнее время на улицу, за ворота. Приѣзжае къ ней на тройкѣ лошадей человекъ и спрашиваетъ: „по чемъ ты такъ, коханка моя, при печали живешь?“

Она ему рассказала все, а винъ ей отвѣчаетъ: „я твой любитель, который съ тобою любился. Штожь, ты желаешь за меня замужъ идти?“

„Желаю“, говоритъ, „какъ любила тебя“.

Посадилъ ее на лошадей, поѣзжае съ нею. Зачалъ спрашивать:

„Почему ты, красная дѣвка, свое лице уронила; неужели ты, говоритъ, не могла найти ни краше, ни лучше? Ну штожь, говоритъ, дѣвка, што ни буду спрашивать, то нужно отвѣчать, што ни буду заставлять, то нужно слушать“.

Тогда винъ приѣзжае съ ней на кладбище, посылаетъ ю уперѣдъ: „ступай, красна дѣвка, уперѣдъ, скидай свое мѹщество (убраніе) и полѣзай“.

Она отвѣчаетъ: „эхъ, добрый молодецъ, полѣзай ты уперѣдъ; я не знаю, говоритъ, куда лѣзть“.

Винъ послушалъ, полѣзъ уперѣдъ.

А она бачи, што ей приходится скрутно, зачала уходить. Винъ оглянулся, бачи, што ей нѣту, зачалъ за ней у погоню гнаться. Она види, што время мало, што нельзя отъ него уйтись, бросаетъ платокъ. Винъ добѣгитъ и порветъ. Такъ она всю свою мелопшную убору посекидала, а винъ рвалъ.

У лиску стояла избушка. Она тогда подъ печку схоронилась. Тамъ лежало два мертвеца, а то были не мертвецы, а еретники прежніе. Тые еретники стали биться съ нимъ. Не мало времени пробились, покамѣстъ вочетѣ прокричали. Тогда тѣ еретники положились на свое мѣсто, а винъ тамъ

и объёмъ опять. Потомъ она воротилась домой, немного времени прожила и сама померла.

Курской губ. Бѣлгородскаго уѣзда Безсоновской волости, села Кобелѣвки.

XI.

Парень въ дѣву влюбился. Взяли его на службу, и она его нѣсколько годовъ ожидала. Вотъ вышла она вечеромъ за ворота гулять и увидѣла его на бѣлой лошади, онъ ѣдетъ. И говорять она ему:

„ахъ, какъ я уже за тобой скучила“.

— „Ну, говорять, какъ ты за мной скучила, такъ вотъ поѣдемъ со мною“.

Забрала она всѣ свои вещи, и поѣхали. Дорогой онъ говоритъ:

„Мѣсяць свѣтитъ,
Мертвецъ ѣдетъ,
Съ собой дѣвушку везетъ“.

Она его и спрашиваетъ: „что ты все говоришь?“

„Это я все про свое разговариваю“.

Приѣхали къ мѣсту. Онъ посылаетъ ее въ яму. Она говорить: „лѣзь ты туда, а тебѣ вещи перекидаю всѣ, потомъ и я полѣзу“. Онъ влѣзъ въ яму. Она всѣ свои вещи одну къ другой посвязывала и за крестъ однимъ концомъ привязала, а другой конецъ туда подала ему. А сама ушла оттуда и лѣсомъ бѣжала. Въ лѣсу стояла хата, она скочила къ ту хату и прямо на печь слѣзла. Въ той хатѣ мертвецъ лежалъ на лавѣ.

А онъ за нею, тотъ самый, съ которымъ она ѣхала, гнался и скочилъ за нею у хату. Другой мертвецъ всталъ, и вони завелся биться. И все они бьются, да все поближе къ печкѣ; одинъ говорять, — „эта дѣвушка моя“, а другой, что на лавкѣ былъ, — „это, говорять, моя: вона сама до мене пришла“. И до тѣхъ поръ оны добились, что вже добрались

совсимъ до печи. А на печкѣ возлѣ той дѣвушки былъ пѣтухъ и вона того пѣтуха взяла собі въ руки.

Мертвецы стали лѣзти на печу, пѣтухъ запѣлъ, и вони пали назадъ.

На утро всѣ люди посходились, дивляться увъ окошко и смотреть, два мертвеца возлѣ печи лежать. А дѣвушка говорыть: „войдите въ хату, возьмите меня, бо я совсѣмъ перепугалась, не могу устать“.

Потомъ тѣхъ мертвецовъ похоронили безъ священника и не запечатаы.

Полтавской губ. Хорольскаго уѣзда, вол.
Покровской-Босочанской, села Хвильковки.

XII.

Хлопецъ з дивчиною любилися и потум розлучилися; вуйн пошовъ на войву и там ёго вбылы и вона барзо ёго шеодовала и плакала. Такъ вуйн потум став до ей що ночь ходыты и став ей казаты: „ходимо на гуляню“. И завив ей на могилы. Якъ приихалы на могилы, такъ вуйн ей признав-ся, що вже он вмер. Каже: „тут моя хата, иды суды въ тую яскиню, тутъ будемо жыты“. Вона не схотила, каже: „иды ты вперш“. Топиро вуйн полизъ въ ямку, а вона стала втива-ты. А вуйн з ямки за ею. Вона топиро побигла не дорогою, а в лис, щобъ де сховатыся, и там в лиси зобачыла хату и в хати горивъ огонь. Вона до той хаты забигла, а там лежав на покути вмерлы. Топиро вона зобачыла, що вуйн бижыть, сховалася пуд пич. Топиро вуйн, той вмерлы, прыбигае до теи хаты, а той из покути встае до ёго. И топиро стали одѣн з другимъ бытыся. А вона сидыла пуд пичью, боялася выдты, жебы ей не зобачылы. Топиро вони былысь, пивиль пивень не заспывав. Якъ пивень заспывав, то вони разлилыся смолою.

Сѣдлецкой губ., Бѣльскаго уѣзда, деревни
Дубровице.

ХІІІ.

Эту исторію я слышалъ отъ отца. Это не сказка, а былъ. Въ старину было такое время, что много людей вѣшали, а висѣли они по дорогамъ.

И былъ приказъ по станицамъ не шевелить удушениковъ.

Говорили про одного удушеника, что онъ гоняется за людьми. Выискался одинъ казакъ: „я, говорить, ничего не боюсь“. И досталось ему ѣхать съ бумагами мимо висѣлицы. Проѣхалъ, отвезъ бумаги въ другой поселокъ и ѣдетъ, самъ себѣ думаетъ: „дай, я обрублю веревку, на которой виситъ висѣльникъ“. Обрубилъ и поскакалъ. Висѣльникъ за нимъ и все время за хвостомъ лошади бѣжалъ.

Вѣзжаетъ въ деревню и видитъ: въ одной избѣ огонекъ. Бросилъ лошадь и вбѣгаетъ въ избенку. Тамъ былъ мертвецъ. Въ избѣ этой жили старикъ да старуха. Старикъ померъ, старуха побоялась и ушла къ сосѣдямъ ночевать, а его оставила.

Когда казакъ вбѣжалъ въ избу, испугался и бросился прямо въ передній уголъ подъ лавку и легъ. Когда этотъ мертвецъ, висѣльникъ, вбѣгаетъ, то старикъ встаетъ и не пускаетъ его въ избу. И такъ бились они до самыхъ пѣтуховъ. Когда пѣтухъ запѣлъ, то они оба упали на порогъ.

Старуха приходитъ утромъ, испугалась, увидавъ двухъ мертвецовъ. Собрался народъ, нѣкоторые вошли въ избу и увидали казака. Онъ былъ живъ, только отъ испугу ничего не говорилъ. Тогда узнали, что это были не простые мертвцы, а колдѣвники. Ихъ приказали схоронить рядомъ и вбили имъ въ ноги осиновые колы, чтобы они не ходили.

Записана отъ Оренбургскаго казака, вахмистра Овчинникова, станицы Богуславской.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 258. G. Weigand (Die Aromunen, Leipzig, 1894, стр. 158) сообщает румынскую пѣсню „Ballade von der Pest“, входящую въ кругъ разобранныхъ пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ. Содержаніе ея таково:

„У матери было восемь сыновей и восемь внуковъ, и лишь одна дочь по имени Джанфи́кье. Однажды лѣтомъ въ праздникъ пришли сваты сватать дѣвушку за молодого человека изъ хорошаго рода. Братья хотѣли ее отдать, но младшій изъ нихъ Константинъ сказалъ матери: я безъ васъ уже просваталъ сестру въ далекую страну еще за Софію, въ большой городъ, лежащій на берегу моря. Въ скоромъ времени пріѣхали сваты на коняхъ, наполнили деревню и дворъ, взяли съ собой Джанфи́кье и оставили въ деревнѣ чуму. По отъѣздѣ Джанфи́кьи чума погубила всѣхъ ея братьевъ, ихъ жонъ и сыновей, а также всѣхъ работниковъ и родителей ея; домъ совершенно опустѣлъ. Спустя нѣкоторое время Джанфи́кье почувствовала тоску по родинѣ; она пошла въ свою деревню, но братьевъ не встрѣтила. Младшій изъ нихъ Константинъ всталъ изъ могилы, вышелъ на дорогу и встрѣтилъ сестру: „Джанфи́кье, сестра моя, стой, дай поцѣловать тебя въ лобъ“. Джанфи́кье очень удивилась, почувствовавъ, что лицо брата пахнетъ землею, и спросила: „гдѣ родители и братья, гдѣ племянники и невѣстки, а также работники? Отвѣчай мнѣ, Константинъ, но не приближайся ко мнѣ, такъ какъ отъ тебя несетъ гнилью и землею. Скажи мнѣ мертвъ ты или живъ? Кто живъ еще здѣсь и кто умеръ въ мое отсутствіе?“ „Наши братья

и родители всѣ живутъ, но въ гробахъ. Лишь я одинъ всталъ изъ могилы и бродилъ здѣсь, желая встрѣтить тебя“. Братъ съ сестрой поцѣловались и больше нѣкто никогда ихъ не видѣлъ“.

Стр. 440. Къ нѣмецкимъ сказаніямъ на тему о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены приближается литовская сказка „Сынъ рыбака, унесенный дьяволомъ“ (Leskien u. Brugmann, Litauische Volkslieder u. Märchen, 1882, 437):

„Сынъ рыбака послѣ разнообразныхъ приключеній женится на принцессѣ и становится королемъ. Спустя нѣкоторое время ему захотѣлось побывать на своей родинѣ, и жена даетъ ему чудесное кольцо, при помощи котораго можно во мгновение ока перенестись куда угодно и вызвать къ себѣ кого угодно издалека.

Молодой мужъ вызываетъ такимъ способомъ къ себѣ свою жену, но она не хочетъ оставаться на его родинѣ; во время его сна отбираетъ у него кольцо и когда онъ просыпается, то она говоритъ ему: „я уйду къ себѣ домой, буду ждать тебя семь лѣтъ, а послѣ этого срока выйду замужъ за другого“.

Вотъ уже истекаетъ седьмой годъ, а молодой мужъ все еще не можетъ добраться до царства своей жены. Однажды онъ попадаетъ на ночь къ отшельнику, и спрашиваетъ далеко ли ему до женинаго царства.

„Еще сорокъ миль, отвѣчаетъ пустынникъ, а твоя жена завтра вѣнчается съ другимъ“. Молодой человѣкъ видитъ у старика сапоги скороходы, шапку и плащъ, невидимки. Ночью во время сна отшельника онъ беретъ себѣ эти вещи, и поспѣваетъ во время къ церкви, гдѣ все уже готово было къ вѣнцу. Невидимкой становится онъ у входа и подставляетъ жениху ногу, такъ что тотъ три раза падаетъ на землю. Невѣста при этомъ случаѣ плачетъ и говоритъ: „семь лѣтъ ждала я своего мужа и буду ждать его еще семь лѣтъ, и не выйду замужъ за другого“. Тогда молодой человѣкъ откидываетъ свой плащъ, всѣ узнаютъ его, радуются и устраивается веселый пиръ“.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
288	1150 годомъ	1250
302	бы	мы
367	д. III, п. 5	д. III, п. 7
